

Роберт Шекли



МАСТЕРА
АМЕРИКАНСКОЙ
ФАНТАСТИКИ

Шекли Роберт

**Того же и вам —
вдвойне!**

**Обмен разумов
Координаты
чудес**

**Хождение
Джоэниса**



МАСТЕРА
АМЕРИКАНСКОЙ
ФАНТАСТИКИ



**Роберт
ШЕКЛИ**

СОБРАНИЕ СОЧИНЕНИЙ



МАСТЕРА
АМЕРИКАНСКОЙ
ФАНТАСТИКИ

**Robert
SHECKLEY**

**Can You Feel
Anything When
I Do This?**

**Mindswap
Dimention
of Miracles
Journey Beyond
Tomorrow**

Ш Роберт **ЕКЛИ**

СОБРАНИЕ СОЧИНЕНИЙ

**Того же и вам —
вдвойне!**

**Обмен разумов
Координаты
чудес**

**Хождение
Джозниса**

ББК 84.7США
Ш40

Серия
«МАСТЕРА АМЕРИКАНСКОЙ ФАНТАСТИКИ»
основана в 1992 г.

**Включает в себя лучшие произведения
наиболее популярных писателей-фантастов
США**

Книга подготовлена при участии
издательства «Фолио», г. Харьков

Шекли Р.
Ш40 Собрание сочинений: В 4 т.: Т. 4: Пер. с англ. — М.:
ПОО «Фабула», 1994.— 416 с.— (Сер. «Мастера аме-
риканской фантастики»).

ISBN 5-86090-176-3

Заключительный том собрания избранных сочинений современного классика фантастической прозы Р. Шекли состоит из авторского сборника рассказов «Того же и вам — вдвойне!» и романов «Обмен разумов», «Координаты чудес», «Хождение Джозниса» (полный перевод).

Ш 4703040100—015 Без объявл.
94

ББК 84.7США

ISBN 5-86090-176-3

© ООО «Фабула», 1994
© С. Шехов. Оформление,
рисунки, 1994



**Того же и вам —
ВДВОЙНЕ!**



РАССКАЗЫ

ТОГО ЖЕ И ВАМ — ВДВОЙНЕ!

В Нью-Йорке к вам в дверь звонят — и это правило не знает исключений — в тот самый миг, когда вы уютно устроились на диване вкусить заслуженного сна. Настоящий, волевой мужчина в таком случае сказал бы: «Пошли все они к дьяволу! Мой дом — моя крепость, а телеграмму могут подсунуть под дверь...» Но если вы человек вроде Эдельштайна, то есть не слишком волевой, вы заколеблетесь: а вдруг это блондинке из соседней квартиры потребовалась баночка острой приправы? Или какому-нибудь ненормальному продюсеру взбрело в голову поставить фильм по письмам, которые вы отсылали матери в Санта-Монику? А что — ведь ставят же фильмы еще и не по такой галиматье...

Но на сей раз Эдельштайн решил не открывать. Не открывая глаз, он крикнул с дивана:

— Мне ничего не нужно!

— Ошибаетесь, — ответил голос из-за двери.

— Моя квартира битком набита энциклопедиями, щетками, пылесосами и прочей дрянью, которую вы рекламируете. Все, что вы надеетесь мне всучить, у меня уже было. И я все это выбросил.

— Но я вовсе ничего не продаю. — Владелец голоса не обращал внимания на выпады Эдельштайна. — Я хочу предложить кое-что задаром.

Эдельштайн улыбнулся тонкой, чуть грустной улыбкой коренного ньюйоркца, по опыту знающего, что даже если ему подарят пачку самых натуральных двадцатидолларовых банкнот, рано или поздно придется расплачиваться за них с лихвой.

— Если задаром, то мне тем более не по карману, — отрезал он.

— Но это и впрямь совершенно бесплатно, — не унимался

голос. — В том смысле, что вам не придется платить ни сейчас, ни потом.

— Нет, — сказал Эдельштейн, восхищаясь собственной твердостью.

Ответа не последовало.

— Эй! — робко окликнул Эдельштейн. — Если вы еще там, то уходите, пожалуйста. Я хочу вздремнуть.

— Мой дорогой мистер Эдельштейн! — изрек голос. — Ваш цинизм наивен, а суждения пристрастны.

— Он еще будет читать мне мораль, — сказал Эдельштейн стене.

— Ну ладно, — в голосе появились новые нотки, — забудьте о моем предложении. С какой стати я буду унижаться перед таким грубияном... Прощайте, мистер Эдельштейн!

— Стойте! — поспешно выкрикнул Эдельштейн и тут же проклял себя за простодушие. Сколько раз он попадался из-за своей дурацкой доверчивости! Сколько раз, к примеру, ему доводилось выкладывать 9 долларов 98 центов за идиотский иллюстрированный двухтомник «Истории секса», который, по словам Мановича, закадычного приятеля Эдельштейна, стоил в лавке захламленной всего-навсего 2 доллара 98 центов.

Но в голосе было нечто настолько внушающее доверие, что Эдельштейн решил рискнуть. Вновь выругав себя за бесхарактерность, он крикнул:

— Я согласен! Можете войти! Только честно предупреждаю — ничего покупать я не буду.

С этими словами он сполз с дивана и направился к двери. Не дойдя нескольких шагов, замер как вкопанный — в ответ послышалось «спасибо», и прямо сквозь запертую на два замка массивную дубовую дверь в комнату вступил незнакомец.

Смуглый, почти чернокожий, он был облачен в изящный, хотя и несколько старомодный, серый в темную полоску костюм. В руке его был портфель. Сквозь дверь он прошел, словно та была сделана из студня.

— Стойте, что вы делаете? — растерянno пролепетал Эдельштейн и вдруг заметил, что ладони его вспотели, а сердце неприятно колотится.

Странный посетитель остановился в вальяжной позе.

— Простите, — тупо пробормотал Эдельштейн, — что-то на меня нашло... Это, наверно, галлюцинация...

— Продемонстрировать еще раз? — с готовностью предложил незнакомец.

— Нет, черт возьми! Значит, вы и *впрямь* проникли сквозь дверь? Проклятье!..

Эдельштейн вернулся к дивану и тяжело плюхнулся на него. Незнакомец расположился в кресле напротив.

— Чего вы хотите? — прошептал Эдельштейн.

— Трюк с дверью просто экономит мне время, — пояснил

темнокожий гость. — Клиенту легче поверить в правдивость моих слов. Позвольте представиться — Чарльз Ситвелл. Я посланник Сатаны.

Эдельстайн поверил — и глухо застонал. Попытался было прочесть молитву, но в голову лезла та чепуха, которую он еще в детстве произносил над куском хлеба в летнем лагере. Еще он знал «Отче наш»...

— Не волнуйтесь, — мягко сказал Ситвелл. — Ваша бессмертная душа мне не нужна. Такие пустяки нас не интересуют.

— Чем вы это докажете?

— Судите сами — за последние пятьдесят лет в мире было столько войн и революций, что преисподняя переполнена душами грешников. Там буквально негде ступить. Дошло до того, что, если вспыхнет еще одна война, нам придется объявить амнистию мелким грешникам.

— Так вы и впрямь не заберете меня в ад?

— Конечно, черт поberi! — с готовностью ответил посланец Сатаны. — Уверю вас, очередь у нас больше, чем на распродаже в универмаге Блумингдейла!

— Но... Тогда зачем вы пришли?

Ситвелл закинул ногу на ногу и доверительно наклонился к Эдельстайну.

— Дело в том, мистер Эдельстайн, что ад — это своего рода ЮС Стил Компани... Крупная фирма, к тому же почти монополия. Но, как и другие солидные корпорации, пекущиеся о благе потребителя, мы заинтересованы в том, чтобы у людей сложилось о нас хорошее мнение.

— Логично, — согласился Эдельстайн.

— В отличие от Форда мы не можем себе позволить основать фонд и раздавать премии и субсидии. Нас неправильно поймут. По той же причине не строим детские городки и не боремся с загрязнением окружающей среды. Мы не можем даже возвести плотину в Азии, чтобы кто-нибудь не усомнился в наших мотивах.

— Нелегко вам, — посочувствовал Эдельстайн.

— Тем не менее это нас не обескураживает. Время от времени, когда дела идут неплохо, мы по мере сил подбрасываем избранным потенциальным клиентам скромное вознаграждение.

— Клиентам? Так вы считаете меня клиентом?

— Ну, никто не называл вас пока грешником, — возразил Ситвелл. — Я сказал «потенциальным».

— Понятно... А что это за вознаграждение?

— Три желания, — быстро ответил Ситвелл.

— Погодите, дайте разобратся. Если я правильно понял, я могу высказать три любых желания? Без всякой платы и без всяких предварительных условий?

— Условие есть.

— Так я и знал, — горько усмехнулся Эдельстайн.

— Оно очень простое. Чего бы вы ни пожелали себе, ваш злейший враг получит то же самое в двойном размере.

На миг Эдельштайн задумался.

— То есть если я попрошу миллион...

— Ваш злейший враг получит два миллиона.

— А если я пожелаю пневмонию?

— Он сляжет с двусторонней пневмонией.

Эдельштайн поджал губы и покачал головой.

— Конечно, это не мое дело, но не кажется ли вам, что вы, ставя подобные условия, рискуете пробудить в клиенте самые низменные свойства человеческой натуры?

— Мы действительно рискуем, мистер Эдельштайн, но риск этот основан на двух предпосылках и тонком расчете. Условие, которое мы ставим, — это тщательно продуманный психологический способ поддержания гомеостаза с обратной связью.

— Простите, не вполне понимаю...

— Иными словами, оно сдерживает неограниченную в противном случае силу желаний. Ведь чем-то надо их ограничивать, не так ли?

— Представляю. А вторая предпосылка?

— Я полагал, вы и сами догадаетесь. — Губы Ситвелла сложились в подобие улыбки, на мгновение обнажив два ряда поразительно белых зубов. — Для нас важно, чтобы клиент не усомнился, что имеет дело с подлинным адским продуктом.

— Ясно, — кивнул Эдельштайн. — В принципе я согласен. Но прошу дать мне время подумать.

— В вашем распоряжении тридцать дней. — Ситвелл встал с кресла. — Когда задумаете желание, произнесите его вслух — громко и четко. Остальное — моя забота.

Он направился к двери.

— Минутку, — остановил его Эдельштайн. — У меня еще один вопрос.

— Слушаю, — учтиво промолвил Ситвелл.

— Дело в том, что у меня, к сожалению, нет злейшего врага. Боюсь, у меня вообще нет врагов.

Ситвелл выпучил глаза и дико расхохотался.

— Ну вы и весельчак, — выдавил он потом, утирая слезы розовым платком. — У него нет врагов! А ваш кузен Сеймур, которому вы отказались ссудить пятьсот долларов на приобретение собственной химчистки? Он что, после этого воспылал к вам нежной любовью?

— Про Сеймура я не подумал, — признался Эдельштайн.

— А миссис Абершам, которая плюется при упоминании вашего имени, поскольку вы не взяли в жены ее дочь Марджори? Она же готова глаза вам выпарапать. А Том Кассиди, который спит и видит, как подстержет вас в темном закоулке... Эй, что с вами?

Побледневший Эдельштайн откинулся на спинку дивана, судорожно стиснув пальцы.

— Никогда бы не подумал, — прошептал он.

— Пустяки, заурядная история, — попытался утешить его Ситвелл. — Не расстраивайтесь, полдюжины смертельных врагов — ерунда. Поверьте моему опыту — это гораздо меньше среднестатистической нормы.

— Кто еще? — тяжело пыхтя, спросил Эдельстайн.

— С вашего позволения, я не отвечаю. — Ситвелл слегка поклонился. — Накалять страсти не в наших интересах.

— Но должен же я знать, кто мой злейший враг! — настаивал Эдельстайн. — Кассиди?

Ситвелл отрицательно помотал головой.

— Кассиди — слегка чокнутый, но совершенно безобидный малый. Он и мухи не тронет, помяните мое слово. Вашего злейшего врага зовут Эдвард Самюэль Манович.

— Вы уверены? — Эдельстайн вытаращил глаза. — Манович мой закадычный друг!

— И ваш злейший враг, — терпеливо повторил Ситвелл. — Обычное дело. До свидания, мистер Эдельстайн. Не прогадайте с желаниями!

— Пойдите! — крикнул Эдельстайн. В голове его крутился целый рой вопросов, но от смятения он задал такой:

— Чем объяснить, что ад настолько переполнен?

— Бесконечен лишь рай, — уклончиво ответил Ситвелл.

— Откуда у вас такие сведения?

— Мы их дочерняя фирма, — пояснил гонец Сатаны. — Извините, но у меня нет времени. Удачи вам, мистер Эдельстайн. Он поклонился, и вышел сквозь запертую дверь.

Полчаса Эдельстайн сидел ошарашенный. Эдвард Манович — его злейший враг?! Это не укладывалось в голове. Нелепость! Наверняка секретные службы ада допустили промашку. Он знает Мановича много лет, видится с ним почти каждый день, играет в шахматы и кункен... Они вместе ходят на прогулки, в кино, раз в неделю ужинают.

Конечно, иногда Мановичу изменяет чувство такта.

Порой он позволяет себе грубые и оскорбительные высказывания.

Случалось, и не единожды, что он поступал откровенно похамски.

А бывало... Эдельстайн прервал поток воспоминаний. Чувствовал — еще чуть-чуть, и он просто возненавидит Мановича.

— Но ведь мы друзья — попытался убедить себя Эдельстайн. — Мы друзья, не так ли?

Впрочем, проверить это нетрудно, сообразил Эдельстайн. Достаточно пожелать миллион долларов. Тогда Манович разбогатеет сразу на два. Ну и что? Стану ли я, миллионер, завидовать еще более богатому другу?

Да! Еще как стану, черт побери! Проклятье! Лучше повесить-

ся, чем позволить этому пройдохе Мановичу разбогатеть за мой счет!

— О, Боже! — воскликнул Эдельштайн. — Всего час назад я был бедным, но беззаботным и жизнерадостным. Теперь у меня на шее три желания и один злейший враг!

Эдельштайн заметил, что его пальцы непроизвольно сжались в кулаки, и сокрушенно покачал головой.

Со следующей недели Эдельштайн взял отпуск и проводил теперь день и ночь за блокнотом. Первое время его одолевали мечты о замках. Обойтись без замка было никак невозможно. С другой стороны, размышлял Эдельштайн, содержание даже средних размеров замка, обнесенного толстой каменной стеной с башенками и бастионами, дело дорогое. Прислуга, отопление... Эдельштайн прикинул, что приличный замок потребует от него тысяч десять в неделю.

А мерзавец Манович станет обладателем *двух* таких замков... Пока жив Эдельштайн, этому не бывать!

Когда пошла вторая неделя, Эдельштайн вдруг вспомнил, что всю жизнь мечтал путешествовать. Не заказать ли кругосветный круиз? Или махнуть на все лето в Европу? Да что греха таить, его вполне бы устроил двухнедельный отдых на флоридских пляжах.

Но в таком случае (эта мысль сводила его с ума) подлый Манович ухитрится отдохнуть дважды!

Нет! Лучше всю жизнь голодать, чем позволить этому крокодилу наживаться за чужой счет.

Впрочем, лучше ли?

В течение всей последней недели осунувшийся, издерганный, потерявший сон и аппетит Эдельштайн впадал то в гнев, то в апатию. Идиот, говорил он себе, вдруг это просто розыгрыш? Ситвелл проходит сквозь запертые двери — что из этого? Может, он иллюзионист? И все эти терзания — впустую?

Неожиданно для себя Эдельштайн вскочил на ноги и визгливо крикнул:

— Хочу двадцать тысяч долларов! Сию же секунду!

Ощувив легкое прикосновение к бедру, Эдельштайн запустил руку в карман, выудил бумажник и обалдело заморгал, увидев заверенный чек на двадцать тысяч.

Отправляясь в банк, он был втайне убежден, что его схватит полиция. Однако кассир как ни в чем не бывало выдал деньги, и Эдельштайн положил их на свой счет.

Выходя из банка, он едва не столкнулся с растерянным и счастливым Мановичем и, поспешно отвернувшись, зашагал прочь, прежде чем гнусный негодяй успел открыть рот. Домой Эдельштайн пришел разбитый, в отвратительном настроении, остаток дня у него сосало под ложечкой.

Кретин! Попросил жалких двадцать тысяч! А подонок Манович ни за что ни про что заполучил сорок!

Последующие дни Эдельштайн пребывал то в ярости, то в отчаянии. Опять болело под ложечкой — наверняка заработал себе язву на нервной почве. Все чертовски несправедливо! Давно не осталось сомнений, что Манович его злейший враг. Непонятно, почему Эдельштайн сразу не раскусил этого лицемера. От мысли, что Манович обогатится задаром, ныли зубы и хотелось лезть на стенку.

Эдельштайн в смятении мерил шагами комнату. Боль в животе не утихла — конечно же, это язва. Чего еще можно было ожидать?

И вдруг его осенило. С блестящими от возбуждения глазами он схватил карандаш и бумагу. Закончив нехитрые вычисления, пришел в восторг — впервые после визита Ситвелла жизнь казалась прекрасной.

Эдельштайн встал и торжественно провозгласил:

— Хочу немедленно получить шестьсот фунтов рубленой цыплячьей печени!

Доставщики стали прибывать спустя пять минут.

Эдельштайн всласть наелся нежного цыплячьего паштета, два фунта положил впрок в холодильник, а остальное перепродал доставщикам за полцены, заработав на всей операции семьсот долларов. Кроме того, восьмидесятифунтовый ящик паштета, не замеченный в суматохе, пришлось подарить сторожу. Зато Эдельштайн обохотился, представляя, как злосчастный Манович в своей комнатухе по макушку завален рубленой печенью.

Но радость Эдельштайна была недолгой. Оказывается, Манович оставил десять фунтов себе (мерзавец никогда не жаловался на аппетит), пять фунтов подарил молодой вдовушке, на которую давно заглядывался, а остальное продал, заработав более двух тысяч долларов.

«Я величайший болван в мире, — думал Эдельштайн, готовый рвать на себе волосы. — Ради дурацкой секундной прихоти погубил желание стоимостью в сотни миллионов».

Оставалось последнее желание.

Хоть его бы использовать по-умному, мечтал Эдельштайн. Как заказать что-то такое, что ему отчаянно нужно, но что *совсем* не понравится скотине Мановичу?

Время пронеслось незаметно. В последний день Эдельштайн мрачно осознал, что иссяк полностью. Он перебрал в уме все варианты. Подтвердилось самое страшное подозрение: что бы ему ни нравилось, любил и Манович. Замки, женщин, деньги, машины, путешествия, хорошие вина, музыку и изысканную пищу. Что ни назови — проходимец любил и это.

Вдруг Эдельштайн припомнил: по какой-то нелепой прихоти природы Манович терпеть не мог зубной боли. Но вот беда — сам Эдельштайн тоже ее не выносил...

Настал последний час. Эдельштайн совершенно успокоился, смирившись с неизбежным. Понял, что питать ненависть к Ма-

новичу бесполезно и даже унизительно. Теперь, осознав это, сказал себе Эдельстайн, я смогу пожелать именно то, что мне действительно нужно. Да, Мановичу кое-что перепадет — но ничего не поделаешь.

Эдельстайн встал и торжественно произнес:

— Вот мое последнее желание. Слишком долго я влачил холостяцкое существование. Я хочу женщину, на которой смогу жениться. Она должна быть ростом пять футов четыре дюйма, весом около ста пятнадцати фунтов, должна иметь изящную привлекательную фигуру и натуральные светлые волосы. Должна быть умной, практичной, влюбленной в меня, послушной, пылкой, сладострастной и любящей развлечения...

Вдруг в мозгу Эдельстайна что-то щелкнуло. Эврика! Как он раньше не догадался?! Эдельстайн перевел дух и плотоядно ухмыльнулся.

— А главное, — продолжил он, — как бы точнее выразить... Она должна быть *пределом* мужских возможностей, абсолютным максимумом для меня в... интимном смысле. Понимаете, что я имею в виду, Ситвелл? Воспитание не позволяет мне вдаваться в подробности, но если желаете, то...

Послышался тихий и, как показалось Эдельстайну, *обольстительный* стук в дверь. Злорадно хихикая про себя, Эдельстайн пошел открывать. Ну и влип же ты, Манович, старый бродяга, подумал он. *Такого* и злейшему врагу не пожелаешь!

А я пожелал!

ИЗ ЛУКОВИЦЫ В МОРКОВЬ

Вы, конечно, помните того задиру, что швырял песком в 97-фунтового хилияка? А ведь, несмотря на притязания Чарлза Атласа, проблема слабого так и не была решена. Настоящий задира *любит* швырять песком в людей; в этом он черпает глубокое удовлетворение. И что с того, что вы весите 240 фунтов (каменные мускулы и стальные нервы) и мудры, как Соломон, — все равно вам придется выбирать песок оскорбления из глаз, и, вероятно, только разводить руками.

Так думал Говард Кордл — милый, приятный человек, которого все всегда оттирали и задевали. Он молча переживал, когда другие становились впереди него в очередь, садились в остановленное им такси и уводили знакомых девушек.

Главное, люди, казалось, сами стремились к подобным поступкам, искали, как бы насолить своему ближнему.

Кордл не понимал, почему так должно быть, и терялся в догадках. Но в один прекрасный летний день, когда он путешествовал по Северной Испании, явился ему бог Тот-Гермес и нашептал слова прозрения:

— Слушай, крошка, клади в варево морковь, а то мясо не протушится.

— Морковь?

— Я говорю о тех типах, которые не дают тебе жить, — объяснил Тот-Гермес. — Они *должны* так поступать, потому что они — морковь, а морковь именно такая и есть.

— Если они — морковь, — произнес Кордл, начиная постигать тайный смысл, — тогда я...

— Ты — маленькая, жемчужно-белая луковичка.

— Да. Боже мой, да! — вскричал Кордл, пораженный слепящим светом истины.

— И, естественно, ты и все остальные жемчужно-белые луковицы считаете морковь весьма неприятным явлением, некоей бесформенной оранжевой луковицей, в то время как морковь принимает вас за уродливую круглую белую морковь. На самом же деле...

— Да, да, продолжай! — в экстазе воскликнул Кордл.

— В действительности же, — объяснил Тот-Гермес, — *для каждого есть свое место в Похлебке.*

— Конечно! Я понимаю, я понимаю, я понимаю!

— Хочешь порадоваться милой невинной белой луковичкой, найди ненавистную оранжевую морковь. Иначе будет не Похлебка, а этакая... э... если можно так выразиться...

— Бульон! — восторженно подсказал Кордл.

— Ты, парень, кумекаешь на пять, — одобрил Тот-Гермес.

— Бульон, — повторил Кордл. — Теперь я ясно вижу: нежный луковый суп — это наше представление о рае, в то время как огненный морковный отвар олицетворяет ад. Все сходится!

— Ом мани падме хум, — благословил Тот-Гермес.

— Но куда идет зеленый горошек? Что с мясом?

— Не хватайся за метафоры, — посоветовал Тот-Гермес. — Давай лучше выпьем. Фирменный напиток!

— Но специи, куда же специи? — не унимался Кордл, сделав изрядный глоток из ржавой походной фляги.

— Крошка, ты задаешь вопросы, ответить на которые можно лишь масону тринадцатой ступени в форме и белых сандалиях. Так что... Помни только, что все идет в Похлебку.

— В Похлебку... — пробормотал Кордл, облизывая губы.

— Эй! — заметил Тот-Гермес. — Мы уже добрались до Коруньи. Я здесь сойду.

Кордл остановил свою взятую напрокат машину у обочины дороги. Тот-Гермес подхватил с заднего сиденья рюкзак и вышел:

— Спасибо, что подбросил, приятель.

— Да что там... Спасибо за вино. Кстати, какой оно марки? С ним можно антилопу уговорить купить галстук, Землю превратить из приплюснутого сфероида в усеченную пирамиду... О чем это я говорю?

— Ничего, ерунда. Пожалуй, тебе лучше прилечь.

— Когда боги приказывают, смертные повинуются, — нараспев проговорил Кордл и покорно улегся на переднем сиденье. Тот-Гермес склонился над ним; золотом отливала его борода, деревья на заднем плане венцом обрамляли голову.

— Как ты себя чувствуешь?

— Никогда в жизни мне не было так хорошо.

— Ну, тогда привет.

И Тот-Гермес ушел в садящееся солнце. Кордл же с закрытыми глазами погрузился в решение философских проблем, испокон веков ставивших в тупик величайших мыслителей. Он был несколько изумлен, с какой простотой открывались ему тайны.

Наконец он заснул и проснулся через шесть часов. Он забыл все решения, все гениальные догадки. Это было непостижимо. Как можно утратить ключи от Вселенной?.. Но непоправимое свершилось, рай потерян навсегда.

Зато Кордл помнил о моркови и луковицах и помнил о Похлебке. Будь в его власти выбирать, какое из гениальных решений запомнить, вряд ли бы он выбрал это. Но увы. И Кордл понял, что в игре внутренних озарений нужно довольствоваться тем, что есть.

На следующий день с массой приключений он добрался до Сантандера и решил написать всем друзьям остроумные письма и, возможно, даже попробовать свои силы в дорожном скетче. Для этого требовалась пишущая машинка. Портье в гостинице направил его в контору по прокату машинок. Там сидел клерк, превосходно владеющий английским.

— Вы сдаете по дням? — спросил Кордл.

— Почему же нет? — отозвался клерк. У него были маслянистые черные волосы и тонкий аристократический нос.

— Сколько за эту? — поинтересовался Кордл, указывая на портативную модель «Эрики» тридцатилетней давности.

— Семьдесят песет в день, то есть один доллар. Обычно.

— А разве мой случай не обычный?

— Разумеется, нет. Вы иностранец, и проездом. Вам это будет стоить сто восемьдесят песет в день.

— Ну, хорошо, — согласился Кордл, доставая бумажник. — На три дня, пожалуйста.

— Попрошу у вас еще паспорт и пятьдесят долларов в залог.

Кордл попытался обратить все в шутку:

— Да мне бы просто попечатать, я не собираюсь жениться на ней.

Клерк пожал плечами.

— Послушайте, мой паспорт в гостинице у портье. Может, возьмете водительские права?

— Конечно, нет! У меня должен быть паспорт — на случай, если вы вздумаете скрыться.

— Но почему и паспорт, и залог? — недоумевал Кордл, чувствуя определенную неловкость. — Машинка-то не стоит и двадцати долларов.

— Вы, очевидно, эксперт, специалист по рыночным ценам в Испании на подержанные немецкие пишущие машинки?

— Нет, однако...

— Тогда позвольте, сэр, вести дело, как я считаю нужным. Кроме того, мне необходимо знать, *как* вы собираетесь использовать аппарат.

Сложилась одна из тех нелепых заграничных ситуаций, в которую может попасть каждый. Требования клерка были абсурдны, а манера держаться оскорбительна. Кордл уже решил коротко кивнуть, повернуться на каблуках и выйти, но тут вспомнил о моркови и луковицах. Ему явилась Похлебка, и внезапно в голову пришла мысль, что он может быть любым овощем, каким только пожелает.

Он повернулся к клерку. Он тонко улыбнулся. Он сказал:

— Хотите знать, как я собираюсь использовать машинку?

— Непременно.

— Ладно, — махнул Кордл. — Признаюсь честно, я собрался засунуть ее в нос.

Клерк выпучил глаза.

— Это чрезвычайно удачный метод провоза контрабанды, — продолжал Кордл. — Также я собирался всунуть вам краденый паспорт и фальшивые данги. В Италии я продал бы машинку за десять тысяч долларов.

— Сэр, — промолвил клерк, — вы, кажется, недовольны.

— Слабо сказано, дружище. Я передумал насчет машинки. Но позвольте сделать комплимент по поводу вашего английского.

— Я специально занимался, — гордо заявил клерк.

— Это заметно. Несмотря на слабость в «р-р», вы разговариваете, как венецианский гондольер с надтреснутым небом. Наилучшие пожелания вашему уважаемому семейству. А теперь я удаляюсь, и вы спокойно можете давить свои прыщи.

Вспоминая эту сцену позже, Кордл пришел к выводу, что для первого раза он неплохо выступил в роли моркови. Правда, финал несколько наигран, но по существу убедителен.

Важно уже само по себе то, что он сделал это. И теперь, в тиши гостиничного номера, мог заниматься не презрительным самобичеванием, а наслаждаться фактом, что сам поставил кого-то в неудобное положение.

Он сделал это! Он превратился из луковицы в морковь!

Но этична ли его позиция? По-видимому, клерк не мог быть иным, являясь продуктом сочетания генов, жертвой среды и воспитания...

Кордл остановил себя. Он заметил, что занимается типично луковичным самокопанием. А ведь теперь ему известно: должны существовать и луковица, и морковь, ибо иначе не сварить Похлебки.

И еще он знал, что человек может стать любым овощем по своему выбору: и забавной маленькой зеленой горошиной, и долькой чеснока. Человек волен занять любую позицию между луковичничеством и морковщиной.

«Над этим стоит хорошенько поразмыслить», — отметил Кордл. Однако продолжил свое путешествие.

Следующий случай произошел в Ницце, в уютном ресторанчике на авеню Дьябль Блюс. Там было четверо официантов, один из которых в точности походил на Жана-Поля Бельмондо, вплоть до сигареты, свисавшей с нижней губы. Остальные в точности походили на спившихся жуликов мелкого пошиба. В зале сидели несколько скандинавов, дряблый француз в берете и три девушки-англичанки.

Кордл, объясняющийся по-французски ясно, хотя и несколько лаконично, попросил у Бельмондо десятифранковый обед, меню которого было выставлено в витрине.

Официант окинул его презрительным взглядом.

— На сегодня кончился, — изрек он и вручил Кордлу меню тридцатифранкового обеда.

В своем старом воплощении Кордл покорно принял бы судьбу и стал заказывать. Или бы поднялся, дрожа от возмущения, и покинул ресторан, опрокинув по пути стул.

Но сейчас...

— Очевидно, вы не поняли меня, — произнес Кордл. — Французский закон гласит, что вы обязаны обслуживать согласно всем утвержденным меню, выставленным в витрине.

— Мосье адвокат? — осведомился официант, нагло уперев руки в боки.

— Нет. Мосье устраивает неприятности, — предупредил Кордл.

— Тогда пусть мосье попробует, — процедил официант. Его глаза превратились в щелки.

— О'кей, — сказал Кордл.

И тут в ресторан вошла престарелая чета. На мужчине был синий в полоску костюм. На женщине — платье в горошек.

— Простите, вы не англичане? — обратился к ним Кордл.

Несколько удивленный, мужчина слегка наклонил голову.

— Советую вам не принимать здесь пищу. Я — представитель ЮНЕСКО, инспектор по питанию. Шеф-повар явно не мыл рук с незапамятных времен. Мы еще не сделали проверку на тиф, но есть все основания для подозрений. Как только придут мои ассистенты с необходимым оборудованием...

В ресторане воцарилась мертвая тишина.

— Пожалуй, вареное яйцо можно было бы съесть, — смиловился Кордл.

Престарелый мужчина очевидно не поверил этому.

— Пойдем, Милдред, — позвал он, и чета удалилась.

— Вот уходят шестьдесят франков плюс пять процентов чаевых, — холодно констатировал Кордл.

— Немедленно убирайтесь! — зарычал официант.

— Мне здесь нравится, — объявил Кордл, скрещивая руки на груди. — Обстановка, интим...

— Сидеть не заказывая не разрешается.

— Я буду заказывать. Из десятифранкового меню.

Официанты переглянулись, в унисон кивнули и стали приближаться военной фалангой. Кордл воззвал к остальным обедающим:

— Попрошу всех быть свидетелями! Эти люди собираются напасть на меня вчетвером против одного, нарушая французскую законность и универсальную человеческую этику лишь потому, что я желаю заказать из десятифранкового меню, ложно разрекламированного!

Это была длинная речь, но в данном случае высокопарность не вредила. Кордл повторил ее на английском.

Англичанки разинули рты. Старый француз продолжал есть суп. Скандинавы угрюмо кивнули и начали снимать пиджаки.

Официанты снова засовещались. Тот, кто походил на Бельмондо, сказал:

— Мосье, вы заставляете нас обратиться в полицию.

— Что ж, это избавит меня от беспокойства вызывать ее самому, — многозначительно произнес Кордл.

— Мосье безусловно не желает провести свой отпуск в суде?

— Мосье именно так проводит большинство своих отпусков, — заверил Кордл.

Официанты опять в замешательстве сбились в кучу. Затем Бельмондо подошел с тридцатифранковым меню.

— Обед будет стоить мосье десять франков. Очевидно, это все, что есть у мосье.

Кордл пропустил выпад мимо ушей.

— Принесите мне луковый суп, зеленый салат и мясо по-бургундски.

Пока официант отсутствовал, Кордл умеренно громким голосом напевал «Вальсирующую Матильду». Он подозревал, что это может ускорить обслуживание.

Заказ прибыл, когда он во второй раз добрался до «Ты не застанешь меня в живых». Кордл придвинул к себе суп, посерьезнел и взял ложку.

Это был напряженный момент. Все посетители оторвались от еды. Кордл наклонился вперед и деликатно втянул носом запах.

— Чего-то здесь не хватает, — громко объявил он.

Нахмурившись, Кордл вылил луковый суп в мясо по-бургундски, принялся, покачал головой и накрошил в месиво пол-ломтика хлеба. Снова принялся, добавил салата и обильно посолил.

— Нет, — сказал он, поджав губы. — Не пойдет.

И вывернул содержимое тарелки на стол. Акт, сравнимый разве что с оскорблением Моны Лизы. Все застыли.

Неторопливо, но не давая ошеломленным официантам опомниться, Кордл встал и бросил в эту кашу десять франков. У двери он обернулся.

— Мои комплименты повару, место которому не здесь, а у бетономешалки. А это, друзья, для вас.

И швырнул на пол свой мятый носовой платок.

Как матадор после серии блестящих пассов поворачивает тыл к разъяренному быку, так выходил Кордл. По каким-то неведомым причинам официанты не ринулись вслед за ним и не вздернули его на ближайшем фонаре. Кордл прошел десять или пятнадцать кварталов, наугад сворачивая направо и налево. Он дошел до Променад Англияс и сел на скамейку. Его рубашка была влажной от пота.

— Но я сделал это! — воскликнул он. — Я вел себя невыносимо гадко и вышел сухим из воды!

Теперь он воистину понял, почему морковь поступает таким образом. Боже всемогущий на небесах, что за радость, что за блаженство!

После этого Кордл вернулся к своей обычной мягкой манере поведения и оставался таким до второго дня пребывания в Риме. Он и семь других водителей выстроились в ряд перед светофором на Корсо Витторио-Эммануила. Сзади стояло еще двадцать машин. Водители не выключали моторы, склонясь над рулем и мечтая о Ла-Манше. Все, кроме Кордла, упивающегося дивной архитектурой Рима.

Свет переменился. Водители вдавили акселераторы, как будто сами хотели помочь раскрутиться колесам маломощных «фиатов», снашивая сцепления и нервы. Все, кроме Кордла, который казался единственным в Риме человеком, не стремившимся выиграть гонки или успеть на свидание. Без спешки, но и без промедления, он завел двигатель и выжал сцепление, потеряв две секунды.

Водитель сзади отчаянно засигналил.

Кордл улыбнулся — тайной, нехорошей улыбкой. Он поставил машину на ручной тормоз и вылез.

— Да? — сказал Кордл по-французски, ленивым шагом добредя до побелевшего от ярости водителя. — Что-нибудь случилось?

— Нет-нет, ничего, — ответил тот по-французски — его первая ошибка. — Я просто хотел, чтобы вы ехали, ну, двигались!

— Но я как раз собирался это сделать, — резонно указал Кордл.

— Хорошо! Все в порядке!

— Нет, не все, — мрачно сообщил Кордл. — Мне кажется, я заслуживаю лучшего объяснения, почему вы мне засигналили.

Нервный водитель — миланский бизнесмен, направлявшийся на отдых с женой и четырьмя детьми, опрометчиво ответил:

— Дорогой сэр, вы слишком медлили, вы задерживали нас всех.

— Задерживал? — переспросил Кордл. — Вы дали гудок через две секунды после перемены света. Это называется промедлением?

— Прошло гораздо больше двух секунд, — пытался спорить миланец.

Движение тем временем застопорилось уже до Неаполя. Собралась десяти тысячная толпа. В Витербо и Генуе соединения карабинеров были приведены в состояние боевой готовности.

— Это неправда, — опроверг Кордл. — У меня есть свидетели. — Он махнул в сторону толпы, которая восторженно взревела. — Я приглашу их в суд. Вам должно быть известно, что вы нарушили закон, засигналив в пределах города при явно не экстренных обстоятельствах.

Миланский бизнесмен посмотрел на толпу, уже раздувшуюся до пятидесяти тысяч. «Боже милосердный, — думал он, — пошли потоп и поглотит этого сумасшедшего француза!»

Над головами просвистели реактивные чудовища Шестого флота, надеющегося предотвратить ожидаемый переворот.

Собственная жена миланского бизнесмена оскорбительно кричала на него: сегодня он разобьет ее слабое сердце и отправит по почте ее матери, чтобы доконать и ту.

Что было делать? В Милане этот француз давно бы уже сложил голову. Но Рим — южный город, непредсказуемое и опасное место.

— Хорошо, — сдался водитель. — Подача сигнала была, возможно, излишней.

— Я настаиваю на полном извинении, — потребовал Кордл.

В Фоджи, Бриндизи, Бари отключили водоснабжение. Швейцария закрыла границу и приготовилась к взрыву железнодорожных туннелей.

— Извините! — закричал миланский бизнесмен. — Я сожалею, что спровоцировал вас, и еще больше сожалею, что вообще родился на свет! А теперь, может быть, вы уйдете и дадите мне умереть спокойно?!

— Я принимаю ваше извинение, — сказал Кордл. — Надеюсь, вы на меня не в обиде?

Он побрел к своей машине, тихонько напевая, и уехал.

Мир, висевший на волоске, был спасен.

Кордл доехал до арки Тита, остановил автомобиль и под звуки тысяч труб прошел под ней. Он заслужил свой триумф в неменьшей степени, чем сам Цезарь.

Боже, упивался он, я был отвратителен!

В лондонском Тауэре, в Воротах Предателя, Кордл наступил на ногу молодой девушке. Это послужило началом знакомства. Девушку звали Мэвис. Уроженка Шорт-Хилс (штат Нью-Джерси), с великолепными длинными темными волосами, она была стройной, милой, умной, энергичной и обладала чувством юмора. Ее маленькие недостатки не играют никакой роли в нашей истории. Кордл угостил ее чашечкой кофе. Остаток недели они провели вместе.

«Кажется, она вскружила мне голову», — сказал себе Кордл на седьмой день. И тут же понял, что выразился неточно. Он был страстно и безнадежно влюблен.

Но что чувствовала Мэвис? Недовольства его обществом она не обнаруживала.

В тот день Кордл и Мэвис отправились в резиденцию Маршала Гордона на выставку византийской миниатюры. Увлечение Мэвис византийской миниатюрой казалось тогда вполне невинным. Коллекция была частной, но Мэвис с большим трудом раздобыла приглашения.

Они подошли к дому и позвонили. Дверь открыл дворецкий в парадной вечерней форме. Они предъявили приглашения. Взгляд дворецкого и его приподнятая бровь недвусмысленно показали, что их приглашения относятся к разряду второсортных, предназначенных для простых смертных, а не к гравированному атласным шедеврам, преподносимым таким людям, как Пабло Пикассо, Джекки Онассис, Норман Мейлер и другим движителям и сотрясателям мира.

Дворецкий проговорил:

— Ах, да...

Его лицо сморщилось, как у человека, к которому неожиданно зашел Тамерлан с полком Золотой Орды.

— Миниатюры, — напомнил ему Кордл.

— Да, конечно... Но боюсь, сэр, что сюда не допускают без верхнего платья и галстука.

Стоял душный августовский день, и на Кордле была спортивная рубашка.

— Я не ослышался? Верхнее платье и галстук?

— Таковы правила.

— Неужели один раз нельзя сделать исключение? — попросила Мэвис.

Дворецкий покачал головой.

— Мы должны придерживаться правил, мисс. Иначе...

Он оставил фразу неоконченной, но его презрение к вульгарному сословию медной плитой зависло в воздухе.

— Безусловно, — приятно улыбаясь, заговорил Кордл. — Итак, верхнее платье и галстук? Пожалуй, мы это устроим.

Мэвис положила руку на его плечо.

— Пойдем, Говард. Побываем здесь как-нибудь в другой раз.

— Чепуха, дорогая. Если бы ты одолжила мне свой плащ...

Он снял с Мэвис белый дождевик и напялил на себя, разрывая его по шву.

— Ну, приятель, мы пошли, — добродушно сказал он дворецкому.

— Боюсь, что нет, — произнес тот голосом, от которого завяли бы артишоки. — В любом случае, остается еще галстук.

Кордл ждал этого. Он извлек свой потный полотняный носовой платок и завязал вокруг шеи.

— Вы довольны? — ухмыльнулся он.

— *Говард! Идем!*

— Мне гажется, сэр, что это не...

— Что «не»?

— Это не совсем то, что подразумевается под верхним платьем и галстуком.

— Вы хотите сказать мне, — начал Кордл пронзительным неприятным голосом, — что вы такой же специалист по мужской одежде, как и по открыванию дверей?

— Конечно, нет! Но этот импровизированный наряд...

— При чем тут «импровизированный»? Вы считаете, что к вашему осмотру надо готовиться три дня?

— Вы надели женский плащ и грязный носовой платок, — упрямылся дворецкий. — Мне кажется, больше не о чем разговаривать.

Он собирался закрыть дверь, но Кордл быстро произнес:

— Только сделай это, милашка, и я привлеку тебя за клевету и поношение личности. Это серьезные обвинения, дружище, а у меня есть свидетели.

Кордл собрал уже маленькую, но заинтересованную толпу.

— Это становится нелепым, — молвил дворецкий, пытаюсь выиграть время. — Я вызову...

— Говард! — закричала Мэвис.

Он страхнул ее руку и яростным взглядом заставил дворецкого замолчать.

— Я мексиканец, хотя, возможно, мое прекрасное знание английского обмануло вас. У меня на родине мужчина скорее перережет себе горло, чем оставит такое оскорбление неотомщенным. Вы сказали, женский плащ? *Nombré*, когда я надеваю его, он становится *мужским*. Или вы намекаете, что я — как это у вас там... — гомосексуалист?!

Толпа, ставшая менее скромной, одобрительно зашумела. Дворецкого не любит никто, кроме хозяина.

— Я не имел в виду ничего подобного, — слабо запротестовал дворецкий.

— В таком случае, это мужской плащ?

— Как вам будет угодно, сэр.

— Неудовлетворительно! Значит, вы не отказываетесь от вашей грязной инсинуации? Я иду за полицейским.

— Погодите! Зачем так спешить?! — возопил дворецкий. — Он побелел, руки дрожали. — Ваш плащ — мужской плащ, сэр.

— А как насчет моего галстука?

Дворецкий громко засопел, издал гортанный звук и сделал последнюю попытку остановить кровожадных пеонов.

— Но, сэр, галстук явно...

— То, что я ношу вокруг шеи, — холодно отчеканил Кордл, — становится тем, что имелось в виду. А если бы я обвязал вокруг горла кусок цветного шелка, вы что, назвали бы его бюстгалтером? Полотно — подходящий материал для галстука. Функция определяет терминологию, не так ли? Если я приеду на работу на корове, никто не скажет, что я оседлал бифштекс. Или вы находите логическую неувязку в моих аргументах?

— Боюсь, что я не совсем понимаю...

— Так как же вы осмеливаетесь судить?

Толпа восторженно взревела.

— Сэр! — воскликнул поверженный дворецкий. — Молю вас...

— Итак, — с удовлетворением констатировал Кордл, — у меня есть верхнее платье, галстук и приглашение. Может, вы согласитесь быть нашим гидом и покажете византийские миниатюры?

Дворецкий распахнул дверь перед Панчо Вилья и его татуированными ордами. Последний бастион цивилизации пал менее чем за час. Волки завывали на берегах Темзы, босоногая армия Морелоса ворвалась в Британский музей, и на Европу опустилась ночь.

Кордл и Мэвис обозревали коллекцию в молчании. Они не перекинулись и словом, пока не остались наедине в Риджентс-Парке.

— Послушай, Мэвис... — начал Кордл.

— Нет, это ты послушай! — перебила она. — Ты был ужасен! Ты был невыносим! Ты был... Я не могу найти достаточно грязного слова для тебя! Мне никогда не приходило в голову, что ты из тех садистов, что получают удовольствие от унижения людей!

— Но, Мэвис, ты слышала, как он обращался со мной, его тон...

— Он глупый, выживший из ума старикашка, — сказала Мэвис. — Тебя я таким не считала.

— Он заявил...
— Не имеет значения. Главное — ты наслаждался собой!
— Ну хорошо, пожалуй, ты права, — согласился Кордл. —
Но я объясню.
— Не мне. Все. Пожалуйста, уходи, Говард. Навсегда.
Будущая мать его двоих детей стала уходить из его жизни.
Кордл поспешил за ней.
— Мэвис!
— Я позову полицейского, Говард, честное слово, позову!
— Мэвис, я люблю тебя!
Она, вероятно, слышала его, но продолжала идти. Это была
милая девушка и определенно, неизменно — луковица.

Кордл так и не сумел рассказать Мэвис о Похлебке и о необходимости испытать поведение, прежде чем осуждать его. Он лишь заставил ее поверить, что то был какой-то шок, случай, совершенно немыслимый, и... рядом с ней... такое никогда не повторится.

Сейчас они женаты, растят девочку и мальчика, живут в собственном доме в Нью-Джерси и вполне счастливы. Кордла оттирают и задевают чиновники, официанты и прислуга.

Но...

Кордл регулярно отдыхает в одиночку. В прошлом году он сделал себе имя в Гонолулу. В этом — он едет в Буэнос-Айрес.

ЗАСТЫВШИЙ МИР

Лэниган снова увидел тот сон и, хрипло застонав, проснулся. Он сел и вперил взгляд в фиолетовую тьму, ощущая вместо лица искаженную ужасом маску. Рядом зашевелилась жена, Эстель. Лэниган и не взглянул на нее. Все еще во власти сна, он жаждал реальных доказательств существования мира.

По комнате медленно проплыл стул и с тихим чмоканьем прилип к стене. Лэниган облегченно вздохнул.

— Вот, выпей.

— Не надо, все уже в порядке.

Он полностью оправился от кошмара. Мир снова стал самим собой.

— Тот же сон? — спросила Эстель.

— Да... Не хочу говорить об этом.

— Ну хорошо. Который час, милый?

Лэниган посмотрел на часы.

— Четверть седьмого. — Тут стрелка конвульсивно дернулась. — Нет, без пяти семь.

— Ты можешь уснуть?

- Вряд ли. Пожалуй, мне лучше встать.
- Милый, ты не думаешь, что не мешало бы...
- Я иду к нему в 12¹⁰.

— Прекрасно, — сказала Эстель и сонно закрыла глаза. Ее темно-рыжие волосы посинели.

Лэниган выбрался из постели и оделся. Это был обычный человек, крупного сложения и ничем не примечательный, если не считать кошмара, сводившего его с ума.

Следующие пару часов он провел на пороге, глядя, как вспыхивают на заре звезды, превращаясь в Новые.

Позже Лэниган вышел на прогулку. И, как назло, в двух шагах от дома наткнулся на Джорджа Торштейна. Несколько месяцев назад он по неосторожности рассказал Торштейну о своем сне. Торштейн — чистосердечный, приветливый толстяк — глубоко веровал в собранность, самодисциплину, практичность, здравый смысл и прочие скучные добродетели. Его прямой, трезвый подход был тогда необходим Лэнигану. Но сейчас он только раздражал. Люди типа Торштейна являются, несомненно, солью земли и опорой государства; но для Лэнигана он превратился из неудобства в ужас.

— А, Том! Как сынишка? — приветствовал его Торштейн.

— Отлично, — ответил Лэниган, — просто отлично.

Он кивнул с приятной улыбкой и продолжал идти под курящимся зеленым небом. Но от Торштейна так легко не отделаться.

— Том, мальчик, я тут поразмыслил над твоей проблемой, — сказал Торштейн. — Я очень беспокоюсь о тебе.

— Как это мило с твоей стороны, — отозвался Лэниган. — Право, не стоит...

— Но мне хочется! — искренне воскликнул Торштейн. — Я всегда принимаю участие в людях, Том. Всегда, сызмальства. А ведь мы с тобой друзья и соседи.

— Это правда, — вяло пробормотал Лэниган. (Когда вам нужна помощь, самое неприятное — принимать ее.)

— Знаешь, Том, думается мне, что тебе не мешало бы хорошенько отдохнуть.

У Торштейна на все были простые рецепты. Так как он практиковал душеврачевание без лицензии, то остерегался прописывать лекарства, которые можно купить в аптеке.

— Сейчас я не могу позволить себе взять отпуск, — сказал Лэниган. (Небо приобрело красно-розовый оттенок; засохли три сосны; старый дуб превратился в крепенький кактус.)

Торштейн искренне рассмеялся.

— Дружище, ты не можешь себе позволить *не* взять отпуск сейчас! Ты устал, взвинчен, слишком много работаешь...

— Я всю неделю отдыхаю.

Лэниган посмотрел на часы. Золотой корпус превратился в свинцовый, но время, похоже, они показывали точно. Почти два часа прошло с начала разговора.

— Этого мало, — продолжал Торштейн. — Ты остался здесь, в городе. А тебе надо слиться с природой. Том, когда ты в последний раз ходил в поход?

— В поход? Что-то не припоминаю, чтобы я вообще ходил в походы.

— Вот, видишь?! Старик, тебе необходимо прочное сцепление с реальностью и прежде всего с природой. Не улицы и дома, а горы и реки.

Лэниган снова взглянул на часы и с облегчением убедился, что они опять золотые. Он был рад — заплатив за них шестьдесят долларов...

— Деревья и озера, — декламировал Торштейн. — Трава, растущая под ногами, высокие черные горы, марширующие по золотому небу...

Лэниган покачал головой.

— Я был в деревне, Джордж. Это ничего не дало.

Торштейн упорствовал.

— Нужно отвлечься от искусственностей.

— Все кажется искусственным, — возразил Лэниган. — Деревья или дома — какая разница?

— Люди строят дома, — благочестиво пропел Торштейн, — но Бог создает деревья.

У Лэнигана имелись сомнения в справедливости обоих положений, но он не собирался делиться ими с Торштейном.

— Возможно, в этом что-то есть. Я подумаю.

— Ты *сделай*. Кстати, я знаю одно местечко — как раз то, что нужно. В Мэне, у того маленького озера...

Торштейн был великим мастером бесконечных описаний. К счастью для Лэнигана, кое-что его отвлекло. Напротив загорелся дом.

— Эй, чей это дом? — спросил Лэниган.

— Макелби. Третий пожар за месяц.

— Надо, наверное, вызвать пожарных.

— Ты прав. Я сам этим займусь. Помни, что я тебе сказал про то местечко в Мэне.

Он повернулся, и тут произошел забавный случай — асфальт под его ногами расплавился. Торштейн шагнул, провалился по колено и упал.

Том ринулся ему на помощь, пока асфальт не затвердел.

— Сильно ударился?

— Проклятье, я, кажется, вывихнул ногу, — пробормотал Торштейн. — Ну ничего, ходить можно.

И он заковылял сообщать о пожаре. Лэниган стоял и смотрел, полагая, что пожар этот — дело случайное и несерьезное. Через минуту, как он и ожидал, пожар так же, сам по себе, погас.

Не следует радоваться чужой беде; но Лэниган не мог не хихикать, вспоминая о вывихнутой ноге Торштейна. Даже неожиданное появление потока воды на Мейн-стрит не испортило ему

настроения. Он улыбнулся колесному пароходу, прошедшему по небу.

Затем он вспомнил сон и снова почувствовал панику. Надо спешить к врачу.

На этой неделе кабинет доктора Сэмпсона был маленьким и темным. Старая серая софа исчезла; на ее месте располагались два стула с кривыми спинками и кушетка. Но портрет Андресетти висел на своем обычном месте на стене, и большая бесформенная пепельница была, как всегда, пуста.

В приоткрывшейся внутренней двери появилась голова доктора Сэмпсона.

— Привет, — сказал он. — Я мигом.

Голова пропала.

Сэмпсон сдержал слово. Все дела заняли у него ровно три секунды по часам Лэнигана. Еще через секунду Лэниган лежал на кожаной кушетке со свежей бумажной салфеткой под головой.

— Ну, Том, как ваши дела?

— Все так же. Даже хуже.

— Сон?

Лэниган кивнул.

— Давайте-ка припомним его.

— Лучше не стоит, — произнес Лэниган. — Я еще сильнее боюсь.

Наступил момент терапевтического молчания. Затем доктор Сэмпсон сказал:

— Вы и раньше говорили, что боитесь этого сна; но никогда не объясняли *почему*.

— Это звучит глупо...

Лицо Сэмпсона было спокойным, серьезным, собранным; лицо человека, который ничего не находит глупым, который просто органически не в состоянии увидеть что-нибудь глупое.

— Хорошо, я скажу вам, — резко начал Лэниган и замолчал.

— Продолжайте, — подбодрил доктор Сэмпсон.

— Видите ли, я боюсь, что когда-нибудь, каким-то образом, мир моего сна станет реальным. — Он снова замолчал и затем быстро проговорил: — Однажды я встану и окажусь в *том* мире. И тогда *тот* мир станет настоящим, а этот — сновидением.

Лэнигану хотелось узнать, какое впечатление произвело на Сэмпсона его безумное откровение. Но по доктору ничего не было заметно. Он спокойно разжигал свою трубку тлеющим кончиком указательного пальца. Затем он задул палец и произнес:

— Ну, продолжайте.

— Продолжать?! Но это все!

На розовато-лиловом ковре появилось пятно размером с монету. Оно потемнело, сгустилось и превратилось в маленькое

фруктовое дерево. Сэмпсон понюхал плод и печально посмотрел на Лэнигана.

— Вы ведь и раньше рассказывали мне о своем сне, Том.

Лэниган кивнул.

— Мы все обсудили, проследили его истоки, проанализировали значение... Мы поняли, мне верится, *зачем* вы терзаете себя этим кошмаром. И все же вы каждый раз забываете, что ваш ночной ужас — не более, чем сон, который вы сами вызвали, чтобы удовлетворить потребности своей психики.

— Но мой ночной мир очень реалистичен!

— Вовсе нет, — уверенно заявил доктор Сэмпсон. — Просто это незаменимая и самоподдерживающаяся иллюзия. Человеческие поступки основаны на определенных представлениях о природе мира. Подтвердите их, и его поведение становится понятным и резонным. Но изменить эти представления, эти фундаментальные аксиомы почти невозможно. Например, как вы докажете человеку, что им не управляют по секретному радио, которое слышит только он?

— Понимаю, — пробормотал Лэниган. — И я..?

— Да, Том. С вами то же самое. Вы хотите, чтобы я доказал, что реален *этот* мир, а тот ваш ночной — вымысел. Вы откажетесь от своей фантазии, если я предоставлю вам необходимые доказательства.

— Совершенно верно!

— Но видите ли, я не могу их предоставить, — закончил Сэмпсон. — Природа мира очевидна, но недоказуема.

Лэниган задумался.

— Послушайте, доктор, я ведь не так болен, как тот парень с секретным радио?

— Нет. Вы более разумны, более рациональны. У вас есть сомнения в реальности мира; но, к счастью, вы также сомневаетесь в состоятельности вашей иллюзии.

— Тогда давайте попробуем, — предложил Лэниган. — Я понимаю сложность вашей задачи; но клянусь: буду принимать все, что смогу заставить себя принять.

— Честно говоря, это не моя область, — поморщился Сэмпсон. — Здесь нужен метафизик. Не знаю, насколько я...

— Попробуем, — взмолился Лэниган.

— Ну хорошо, начнем... Мы воспринимаем мир через ощущения и, следовательно, при заключительном анализе должны руководствоваться их показаниями.

Лэниган кивнул, и доктор продолжал:

— Итак, мы знаем, что предмет существует, поскольку наши чувства говорят нам о его существовании. Как проверить точность наших наблюдений? Сравнивая их с ощущениями других людей. Известно, что наши чувства не лгут, если чувства и других людей говорят о существовании данного предмета.

— Таким образом, мир — всего лишь то, что думает о нем

большинство людей, — после некоторого раздумья заключил Лэниган.

Сэмпсон скривился.

— Я же предупреждал, что не силен в метафизике. Все-таки мне кажется, что это наглядный пример.

— Да... Но, доктор, а предположим, *все* наблюдатели ошибаются? Предположим, что существует множество миров и множество реальностей. Предположим, что это всего лишь одно произвольное существование из бесконечного числа возможных. Или предположим, что сама природа реальности способна к изменению, и каким-то образом я его воспринимаю?

Сэмпсон вздохнул и машинально пристукнул линейкой маленькую зеленую крысу, копошащуюся у него под полой пиджака.

— Ну вот, — промолвил он. — Я не могу опровергнуть ни одно из ваших предложений. Мне кажется, Том, что нам лучше обсудить сон целиком.

Лэниган поморщился.

— Я бы не хотел. У меня такое чувство...

— Знаю, знаю, — заверил Сэмпсон, отечески улыбаясь. — Но это прояснит все раз и навсегда, разве нет?

— Наверно, — согласился Лэниган. Он набрался смелости и выдохнул: — В общем, начинается мой сон...

На него налетел страх. Он почувствовал неуверенность, слабость, ужас. Попытался подняться с кушетки. Нависшее лицо доктора... блеск металла...

— Расслабьтесь... Успокойтесь... Думайте о чем-нибудь приятном...

Затем Лэниган, или мир, или оба — отключились.

Лэниган и (или) мир пришли в себя. Возможно, время шло, а возможно, и нет. Все, что угодно, могло случиться, а могло и не случиться. Лэниган сел и посмотрел на Сэмпсона.

— Как вы себя чувствуете? — спросил Сэмпсон.

— Отлично, — сказал Лэниган. — Что произошло?

— Вам стало плохо. Ничего, все пройдет.

Лэниган откинулся на спинку и постарался успокоиться. Доктор сидел за столом, что-то писал. Лэниган с закрытыми глазами досчитал до двадцати и осторожно их открыл. Сэмпсон все еще писал.

Лэниган огляделся, насчитал на стенах пять картин, внимательно изучил зеленый ковер и снова закрыл глаза. На этот раз он досчитал до пятидесяти.

— Ну, может быть, теперь можете рассказать? — поинтересовался Сэмпсон, откладывая ручку.

— Нет, не сейчас, — ответил Лэниган. (Пять картин, зеленый ковер.)

— Как хотите, — развел руками доктор. — Наше время заканчивается. Но если вы подождете в приемной...

— Нет, спасибо, пойду домой.

Лэниган встал, прошел по зеленому ковру к двери, оглянулся на пять картин и лучезарно улыбающегося доктора. Затем вышел через дверь в приемную, через приемную и наружную дверь в коридор к лестнице и по лестнице на улицу.

Он шел и смотрел на деревья с зелеными листьями, колыхающимися слабо и предсказуемо. Было транспортное движение — чинно, в одном направлении по одной стороне, а в другом — по другой. Было небо — неизменно голубое.

Сон? Лэниган ущипнул себя. Щипок во сне? Он не проснулся. Он закричал. Воображаемый крик? Он не проснулся.

Лэниган находился в мире своего кошмара.

Улица на первый взгляд казалась обычной городской улицей. Тротуар, мостовая, машины, люди, здания, небо над головой, солнце в небе. Все в норме. Кроме того, что *ничего не происходило*.

Асфальт ни разу не вскрикнул под ногами. Вот возвышается Первый национальный городской банк; он был здесь вчера, что само по себе уже достаточно плохо; но гораздо хуже, что он наверняка будет здесь завтра, и через неделю, и через год. Первый национальный городской банк (основан в 1892 году) чудовищно лишен возможности превращений. Он *никогда* не станет надгробием, самолетом, костями доисторической живности. Он неизбежно будет оставаться строением из бетона и стали, злое еще настаивая на своей неизменности, пока его не снесут люди.

Лэниган шел по застывшему миру под голубым небом, дразняще обещающим что-то, чего никогда не будет. Машины неумолимо соблюдали правостороннее движение, пешеходы переходили дорогу на перекрестках, показания часов в пределах нескольких минут совпадали.

Город где-то кончался. Но Лэниган знал совершенно точно, что трава не растет под ногами; то есть, она растет, безусловно, но слишком медленно, незаметно для чувств. И горы возвышаются, черные и угрюмые, но гиганты замерли на полушаге. Они никогда не промаршируют по золотому (или багряному, или зеленому) небу.

Сущность жизни, как-то сказал доктор Сэмпсон, — изменение. Сущность смерти — неизменность. Даже у трупа есть признаки жизни, пока личинки пируют на слепом глазе, и мясные мухи сосут соки из кишечника.

Лэниган осмотрел труп мира и убедился, что тот окончательно мертв.

Лэниган закричал. Он кричал, пока вокруг собирались люди и глядели на него (но ничего не делали и ни во что не превращались), а потом, как и полагалось, пришел полицейский (но солнце ни разу не изменило форму), а затем по безнадежно однообразной улице примчалась карета скорой помощи (на четырех колесах, вместо трех или двадцати пяти), и санитары доставили его в

здание, оказавшееся именно там, где они ожидали, и было много разговоров между людьми, которые оставались сами собой, в комнате с постоянно белыми стенами.

И был вечер, и было утро, и был первый день.

ИГРА: ВАРИАНТ ПО ПЕРВОЙ СХЕМЕ

Возможно, он еще не совсем проснулся, а, может, всему виной был шок, который он испытал, попав через овальную дверь из темноты коридора на громадную тихую арену. Вокруг него, уходя высоко в небо, громоздились концентрические каменные ярусы, фокусирующие жар и энергию зрителей. Лучи яркого утреннего солнца ослепительно отражались от белого песка, от чего у него закружилась голова, и он даже не мог вспомнить, где, собственно, находится.

Оглядев себя, он отметил, что одет в голубую футболку и красные шорты, а к его левой руке привязана кожаная ловушка. В правой руке он держал четырехфутовой длины даениум, тяжелый и привычно успокаивающий. Как того требовали правила, его локти и колени прикрывали защитные наколенники и налокотники, а на голове красовалась желтая оперенная шапочка. Ее, правда, правила не оговаривали, но и не запрещали.

Все было очень знакомо. Но вот что это значило?

Он ощупал шнуровку ловушки, убедился, что даениум свободно скользит по бронзовой оси; коснувшись запястья, ощутил привычную мягкость обращенного шершавой кожей внутрь запястья и сказал себе, что все в полном порядке. Однако вместе с тем его не покидало тревожное чувство, будто бы он прежде никогда не выходил на арену, ни разу не слышал о даениуме и даже не знал названия игры, в которую должен играть. Резко тряхнув головой, он сделал три плавных скользящих шага, проверяя ход роликовых коньков, развернулся и объехал свой сектор игровой площадки.

Теперь он слышал гул толпы. Перед началом партии зрители всегда вели себя беспокойно и отнюдь не дружелюбно. Всему виной, конечно, коньки. Ведь роликовые коньки — экипировка не традиционная, и зрители не хотели прощать их ему. Неужели они не понимают, что на коньках вести матч куда труднее, чем без них? Попробуйте-ка отбить мяч при приеме низкой подачи, если коньки делают задний откат. Неужели им не известно, что преимущество в скорости нивелируется повышенной требовательностью правил? Видимо, они считают, что он способен выиграть и без всяких коньков.

Он вытер лоб и оглядел оживленные трибуны. Трое судей уже заняли свои места; их лица скрывали украшенные перьями маски с прорезями для глаз.

Девушка с завязанными глазами опустила руку в высокую плетеную корзину, выбрала мяч и вбросила его в игру.

Первый удар был за ним, поэтому он взвесил в руке мяч, выполненный в виде сплюснутого сфероида — очень сложный мяч для подачи, но еще более трудный для приема. Его соперник стоял на противоположном конце площадки, согнув ноги в коленях и немного наклонившись вперед. Поэтому он подбросил мяч в воздух и, не особо раздумывая, закрутил его даениемом. Толпа замерла, наблюдая за вращающимся всего в трех футах от земли мячом. Он отрегулировал наклон ловушки, но выполнив эту обычную процедуру, почему-то вдруг с отчаяньем понял, что сегодня не его победный день. Ни день, ни неделя, ни год, ни даже, возможно, десятилетие.

Однако он собрался, позволил даению соскользнуть к концу стержня и сделал подачу. Мяч отлетел словно подбитая птица, а зрители разразились одобрительным смехом. Все-таки это был хитроумный и хороший удар. Буквально перед сеткой мяч будто ожил (лично им изобретенная подача!) и, взмыв свечой вверх, перелетел через сетку и задел его противника, который играл без коньков.

Услышав рев зрителей, он обернулся и понял, что соперник каким-то чудом ухитрился-таки принять подачу. Он видел, как мяч, нехотя вращаясь в обратную сторону, летит назад. Дрянной отбой подачи, такой ничего не стоит отразить и вывести противника из занимаемой позиции, выиграв тем самым психологическое очко. Однако он предпочел пропустить мяч мимо, и теперь противник, по-видимому, имел преимущество.

Послышались свистки и неодобрительные выкрики, но он проигнорировал их. Сегодня было чертовски жарко, почему-то болели ноги, и он чувствовал себя утомленным. И вот уже не в первый раз появилось ощущение, что состязание потеряло смысл. И вообще — смешно даже думать о нем. Надо же, взрослый мужчина, а так серьезно относится к игре! Ведь жизнь куда больше, чем эта игра. Жизнь — это любовь, дети, закаты, вкусная еда. Почему же состязание должно сокращать ее?

В игру ввели другой мяч — большой, бесформенный и мягкий; слишком легкий для него, таким мячом он играть не любил. Он не мог придумать как с ним обращаться, а потому просто забраковал его, поскольку имел такое право. От раздражения забраковал и следующие два, хотя последний явно ему годился. Пока мячи по очереди уносили, он сделал на коньках полный разворот на месте и плавно проехался вдоль трибун. Игра еще даже толком не началась, но его правое плечо уже разболелось, и ужасно хотелось пить.

Прикрывая глаза от солнца ловушкой, он выпил стакан воды и подъехал к мальчику-ассистенту за другим стаканом. Он не знал, наблюдали ли за ним судьи, но, по-видимому, все-таки наблюдали, ведь он затягивал партию. Ну и пусть, ему нужно

время, чтобы обдумать стратегию и составить точный план игры. Не наметки, не схему матча (несмотря на советы некоторых знаменитых профессионалов), а точную генеральную стратегию, легко приспособляемую к партии, основанную на базовых принципах и заключающую в себе всю необходимую и полезную информацию. Конечно, он может обойтись и без всякого плана. Как всякий профессионал он может играть и по плану и без него; он способен играть в пьяном виде, больным или полумертвым. Он может не выиграть, но играть способен всегда. На то он и профессионал.

Он обернулся, чтобы изучить арену — ненавистные размеченные сектора, черную запретную зону, красные и голубые полосы, на которые не разрешено наступать. И вдруг не смог вспомнить ни правил игры, ни системы подсчета очков; он не знал, что делать можно, а что нет. И в панике он почувствовал себя сбитым с толку человеком, затянутым в резиновый костюм, неустойчиво стоящим на коньках перед враждебно настроенной толпой зрителей и играющим в игру, о существовании которой не подозревал.

Выпив второй стакан воды до дна, он выкатился на площадку. Во рту уже ощущался противный кислый привкус, а пот капал на глаза. Он сделал широкий шаг, и даением запутался в ногах словно подбитая птица.

И снова был брошен мяч, на этот раз выполненный в виде какой-то лепешки, мяч-уродец, невозможный мяч даже для него, признанного мастера невозможных мячей. Таким-то и до сетки не добьешься, а уж чтобы перебросить через нее — и подавно...

Если он сумеет перебросить мяч через сетку...

Но ему это ни за что не сделать.

Тогда он неуверенно принялся себя убеждать, что не победа важна, а участие. Взвесив на руке мяч, он принял позу для подачи... и бросил мяч на песок.

Толпа безмолствовала.

— Теперь слушайте, — сказал он так громко, что его слышали на самых верхних, залитых солнцем трибунах. — Я заблаговременно предупреждал устроителей, что настаиваю на установке солнцезащитного козырька. Заметьте, его так и нет. Не зная, что его не будет, я не надел солнцезащитных очков. Поскольку налицо явное нарушение условий договора, то, леди и джентльмены, к сожалению, игра сегодня не состоится.

Он стянул с головы украшенную перьями шапочку и поклонился публике. Несмотря на отдельные возгласы недовольства и несколько свистков, все восприняли это нормально и принялись расходиться, не выражая протестов. К этому привыкли. И хоть он появлялся на корте почти ежедневно, не важно, шел ли дождь или светило солнце, в действительности же едва ли доводил до конца более десятка матчей за год. Да он и не собирался этого делать. Слишком много прецедентов, когда в таблицах резуль-

татов матчей, печатающихся почти в любой газете, можно найти изрядное количество прочерков. Даже в первых исторических упоминаниях об игре, выбитых на камне, даже там можно видеть, что легендарные соперники античности имели весьма нерегулярные протоколы посещаемости.

Правда, ему это не очень-то нравилось.

Судьи встали со своих мест, и он поклонился им, однако те сделали вид, будто не заметили его приветствия.

Тогда он вернулся к разграничительной линии площадки и выпил еще один стакан воды. Его соперник уже ушел, и он снова выехал на площадку, чтобы потренироваться в ударах об стену. Он спокойно и уверенно разъезжал по покрытому эмалью кафелю, восстанавливая удары и не переставая изумляться собственному мастерству. Теперь он снова в форме, и ему было жаль, что это уже не считается. Но как там говорится? «Легко выполнить любой удар, за исключением приносящего успех».

К концу дня песок был испещрен следами капель его пота и крови. Однако что бы он ни делал, уже не засчитывалось, а потому он просто игнорировал отдельные аплодисменты. Он знал, что тренируется ради сохранения собственного уважения и веры в то, что мог бы выиграть и эту последнюю игру.

Когда он устал, то нырнул в раздевалку и, переодевшись, вышел на улицу.

К его немалому удивлению, снаружи уже стемнело. Уже темно? Чем же он целый день занимался? Ему почему-то казалось, что он был участником какого-то невероятного судьбоносного состязания.

Он отправился домой и хотел было обо все рассказать жене, но не мог придумать, как это сделать, а потому просто промолчал, и на вопрос жены, как шли на работе дела, лишь ответил «нормально», но они оба поняли, что нормальными дела не были, по крайней мере, не в этот раз, не сегодня.

ДОКТОР ВАМПИР И ЕГО МОХНАТЫЕ ДРУЗЬЯ

Думается, здесь я в безопасности. Живу теперь в небольшой квартире северо-восточнее Сокало, в одном из самых старых кварталов Мехико-сити. Как всякого иностранца, меня вначале поразило, до чего страна эта на первый взгляд напоминает Испанию, а на самом деле совсем другая. В Мадриде улицы — лабиринт, который затягивает тебя все глубже, к потаенной сердцевине, тщательно оберегающей свои скучные секреты. Привычка скрывать обыденное, несомненно, унаследована от мавров. А вот улицы Мехико — это лабиринт наизнанку, они ведут вовне, к горам, на простор, к откровениям, которые, однако же, навсегда остаются неуловимыми.

Мехико словно бы ничего не скрывает, но все в нем непостижимо. Так повелось у индейцев в прошлом, так остается и ныне, само-защита их — в кажущейся открытости; так защищена прозрачностью актиния, морской анемон.

На мой взгляд, это способ очень тонкий, он применим везде и всюду. Я перенимаю мудрость, рожденную в Теночтитлане или Тласкале; я ничего не прячу и таким образом ухитряюсь все утаить.

Как часто я завидовал воришке, которому только и надо прятать украденные крохи! Иные из нас не столь удачливы, наши секреты не засунешь ни в карман, ни в чулан; их не уместишь даже в гостиной и не закопаешь на задворках. Жилу де Ресу понадобилось собственное тайное кладбище чуть поменьше Пер-Лашез. Мои потребности скромнее; впрочем, не намного.

Я человек не слишком общительный. Моя мечта — домик где-нибудь в глуши, на голых склонах Ихтаксихуатля, где на многие мили кругом не сыщешь людского жилья. Но поселиться в таком месте было бы чистейшим безумием. Полиция рассуждает просто: раз ты держишься особняком, значит, тебе есть что скрывать; вывод далеко не новый, но почти безошибочный. Ох уж эта мексиканская полиция, как она учтива и как безжалостна! Как недоверчиво смотрит на всякого иностранца и как при этом права! Она бы тут же нашла предлог обыскать мое уединенное жилище, и, конечно, истина сразу вышла бы наружу... Было бы о чем три дня трубить газетам.

Всего этого я избежал, по крайней мере на время, выбрав для себя мое теперешнее жилище. Даже Гарсия, самый рьяный полицейский во всей округе, не в силах себе представить, что я проделываю в этой тесной, доступной всем взорам квартире. **ТАЙНЫЕ НЕЧЕСТИВЫЕ, ЧУДОВИЩНЫЕ ОПЫТЫ.** Так гла-сит молва.

Входная дверь у меня обычно приотворена. Когда лавочники доставляют мне провизию, я предлагаю им войти. Они никогда не пользуются приглашением, скромность и ненавязчивость у них в крови. Но на всякий случай я всегда их приглашаю.

У меня три комнаты, небольшая анфилада. Вход через кухню. За нею кабинет, дальше спальня. Ни в одной комнате я не затворяю плотно дверь. Быть может, стараясь всем доказать, как открыто я живу, я немного пересаливаю. Ведь если кто-нибудь пройдет до самой спальни, распахнет дверь настежь и заглянет внутрь, мне, наверно, придется покончить с собой.

Пока еще никто из моих посетителей не заглядывал дальше кухни. Должно быть, они меня боятся.

А почему бы и нет? Я и сам себя боюсь.

Моя работа навязывает мне очень неудобный образ жизни. Завтракать, обедать и ужинать приходится дома. Стряпаю я прескверно, в самом дрянном ресторанчике по соседству кормят лучше. Даже всякая пережаренная дрянь, которой торгуют на улицах с лотков, и та вкуснее бурды, какую я себе готовлю.

И что еще хуже, приходится изобретать нелепейшие объяснения: почему я всегда ем дома? Доктор запретил мне все острое, говорю я соседям, мне нельзя никаких пряностей и приправ — ни перца, ни томатного соуса, ни даже соли... Отчего так? Всему виной редкостная болезнь печени. Где я ее подхватил? Да вот много лет назад в Джакарте поел несвежего мяса...

Вам покажется, что наговорить такое нетрудно. А мне не так-то легко упомянуть все подробности. Всякий враль вынужден строить свою жизнь по законам ненавистного, противоестественного постоянства. Играешь свою роль, и она становится твоим мучением и карой.

Соседи с легкостью приняли мои корявые объяснения. Тут есть некоторая несообразность? Что ж, в жизни всегда так бывает, полагают они, считая себя непогрешимыми судьями и знатоками истины; а на самом деле они судят обо всем, основываясь только на правдоподобию.

И все же соседи поневоле чуют во мне чудовище. Эдуардо, мясник, однажды сказал:

— А знаете, доктор, вампирам ведь нельзя соленого. Может, вы тоже вампир, а?

Откуда он узнал про вампиров? Вероятно, из кино или комиксов. Я не раз видел, когда я прохожу мимо, старухи делают магические знаки: спешат оберечь себя от дурного глаза; я слышал, как детишки шепчут за моей спиной: «Доктор Вампир, доктор Вампир...»

Старухи и дети! Вот хранители скудной мудрости, которой обладает этот народ. Да и мясникам тоже кое-что известно.

Я не доктор и не вампир. И все же старухи и дети совершенно правы, что меня остерегаются. По счастью, их никто не слушает.

Итак, я по-прежнему питаюсь у себя в кухне — покупаю молодого барашка, козленка, поросенка, крольчатину, говядину, телятину, кур, изредка дичь. Это единственный способ заполучить в дом достаточно мяса, чтобы накормить моих зверей.

В последнее время еще один человек начал смотреть на меня с подозрением. К несчастью, это не кто иной, как Диего Хуан Гарсия, полицейский.

Гарсия коренаст, широколиц, осторожен, это примерный служака. Здесь, в Сокало, он слышет неподкупным — своего рода Катон из племени ацтеков, разве что не столь крутого нрава. Если верить торговке овощами, а она, кажется, в меня влюблена, Гарсия полагает, что я, по всей вероятности, немец, военный преступник, ускользнувший от суда.

Поразительный домысел, по существу, это неверно, и, однако, чутье Гарсию не обманывает. А он убежден, что попал в самую точку. Он бы уже принял меры, если бы не заступничество моих соседей. Сапожник, мясник, мальчишка чистильщик обуви и особенно торговка овощами — все за меня горой. Всем им присущ обывательский здравый смысл, и они верят, что я таков, каким они меня представляют. Они поддразнивают Гарсию:

— Да неужто ты не видишь, этот иностранец тихий, добродушный, просто ученый чудака, никакого вреда от него нет.

Нелепость в том, что и это, по существу, неверно, однако чутье их не обманывает.

Бесценные мои соседи величают меня доктором, а иногда и профессором. Столь почетными званиями меня наградили так, словно это само собой разумелось, как бы за мой внешний облик. Никаких таких титулов я не добивался, но и отвергать их не стал. «Сеньор доктор» — это тоже маска, которой можно прикрыться.

А почему бы им и не принимать меня за ученого! У меня непомерно высокий залысый лоб, а щетина волос на висках и на темени изрядно тронута сединой, и суровое квадратное лицо изрезано морщинами. Да еще по выговору сразу слышно, что я из Европы и так старательно строю фразу по-испански... И очки у меня в золотой оправе! Кто же я, если не ученый, и откуда, если не из Германии? Такое звание обязывает к определенному роду занятий, и я выдаю себя за профессора университета. Мне, мол, предоставлен длительный отпуск, ибо я пишу книгу о тольтеках — собираюсь доказать, что культура этого загадочного племени родственна культуре инков.

— Да, господа, полагаю, что книга моя вызовет перепоход в Бонне и Гейдельберге. Поколеблены будут кое-какие признанные авторитеты. Кое-кто наверняка попытается объявить меня фантазером и маньяком. Видите ли, моя теория чревата переворотом в науке о доколумбовой Америке.

Вот такой личностью я задумал изобразить себя еще до того, как отправился в Мексику. Я читал Стефенса, Прескотта, Вайяна, Альфонсо Касо. Я даже не поленился переписать первую треть диссертации Дрейера о взаимопроникновении культур — он пытался доказать, что культуры майя и тольтеков взаимосвязаны, оппоненты разнесли его в пух и прах. Итак, на стол мой легло около восьмидесяти рукописных страниц, я вполне мог их выдать за собственный труд. Эта незаконченная рукопись оправдывает мое пребывание в Мексике. Всякий может поглядеть на полные премудрости страницы, раскиданные по столу, и воочию убедиться, что я за человек.

Мне казалось, этого хватит; но я упустил из виду, что разыгрываемая мною роль не может не воздействовать на окру-

жающих. Сеньор Ортега, бакалейщик, тоже интересуется доколумбовой историей и, на мою беду, обладает довольно широкими познаниями по этой части. Сеньор Андраде, парикмахер, как выяснилось, родом из небольшого городка всего в пяти милях от развалин Теотиуакана. А малыш Хорхе Сильвериро, чистильщик обуви (его мать служит в закусочной), мечтает поступить в какой-нибудь знаменитый университет и смиренно спрашивает, не могу ли я замолвить за него словечко в Бонне...

Я — жертва надежд и ожиданий моих соседей. Я сделался профессором не на свой, а на их образец. По их милости я долгими часами торчу в Национальном музее антропологии, убиваю целые дни, осматривая Теотиуакан, Тулу, Шочикалько. Соседи вынуждают меня без устали трудиться над научными изысканиями. И я в самом деле становлюсь тем, кем прикидывался, — ученым мужем, обладателем необъятных познаний и в придачу помешанным.

Я проникся этой ролью, она неотделима от меня, она меня преобразила; я уже и вправду верю, что между инками и тольтеками могла существовать связь, у меня есть неопровержимые доказательства, я всерьез подумываю предать гласности свои находки и открытия...

Все это довольно утомительно и совсем некстати.

В прошлом месяце я изрядно перепугался. Сеньора Эльвира Масиас, у которой я снимаю квартиру, остановила меня на улице и потребовала, чтобы я выбросил свою собаку.

— Но у меня нет никакой собаки, сеньора!

— Прошу прощения, сеньор, но у вас есть собака. Вчера вечером она скулила и скреблась в дверь, я сама слышала. А мой покойный муж собак в доме не терпел, такие у него были правила, и я их всегда соблюдаю.

— Дорогая сеньора, вы ошибаетесь. Уверяю вас...

И тут, откуда ни возьмись, Гарсия, неотвратимый, как сама смерть, в наглаженной форме хаки; подкатил, пыхтя, на велосипеде и прислушивается к нашему разговору.

— Что-то скреблось, сеньора? Термиты или тараканы?

Она покачала головой:

— Совсем не такой звук.

— Значит, крысы. К сожалению, должен вам сказать, в вашем доме полно крыс.

— Я прекрасно знаю, как скребутся крысы, — с глубокой, непобедимой убежденностью возразила сеньора Эльвира. — А это было совсем другое, так только собака скребется, и слышно было, что это у вас в комнатах. Я уже вам сказала, у меня правило строгое — никаких животных в доме держать не разрешается.

Гарсия не сводил с меня глаз, и во взгляде этом я видел

отражение всех моих злодеяний в Дахау, Берген-Бельзене и Терезиенштадте. И очень хотелось сказать ему, что он ошибается, что я не палач, а жертва, и годы войны провел за колючей проволокой в концлагере на Яве.

Но я понимал: все это не в счет. Мои преступления против человечества отнюдь не выдумка, просто Гарсия учуял не те ужасы, что свершились год назад, а те, что свершатся через год.

Быть может, в ту минуту я бы во всем признался, не обернись сеньора Эльвира к Гарсии со словами:

— Ну, что будете делать? Он держит в квартире собаку, а может, и двух, бог знает, какую еще тварь он у себя держит. Что будете делать?

Гарсия молчал, его неподвижное лицо напоминало каменную маску Тлалока в Чолулском музее. А я вновь прибегнул к обычному способу прозрачной самозащиты, который до сих пор помогал мне хранить мои секреты. Скрипнул зубами, раздул ноздри, словом, постарался изобразить «свирепого испанца».

— Собаки?! — заорал я. — Сейчас я вам покажу собак! Идите обыщите мои комнаты! Плачу по сотне песо за каждую собаку, которую вы у меня найдете! За каждого породистого пса — по двести! Идите и вы, Гарсия, зовите друзей и знакомых! Может, я у себя и лошадь держу, а? Может, еще и свинью? Зовите свидетелей, зовите газетчиков, репортеров, пускай в точности опишут мой зверинец!

— Зря вы кипятитесь, — равнодушно сказал Гарсия.

— Вот избавимся от собак, тогда не стану кипятиться! — горланил я. — Идемте, сеньора, войдите ко мне в комнаты, загляните под кровать, может, там сидит то, что вам примерещилось. А когда наглядитесь, будьте любезны вернуть мне, что останется от платы за месяц, и задаток тоже, и я перееду со своими невидимыми собаками на другую квартиру.

Гарсия как-то странно на меня посмотрел. Должно быть, на своем веку он видел немало крикунов. Говорят, вот так лезут на рожон преступники определенного склада.

— Что ж, пойдем поглядим, сказал он сеньоре Эльвира. И тут, к моему изумлению, — не ослышался ли я? — она заявила:

— Ну уж нет! Благородному человеку я верю на слово.

Повернулась и пошла прочь.

Я хотел было для полноты картины сказать Гарсии — может, он еще сомневается, так пускай пойдет и сам осмотрит мою квартиру. По счастью, я вовремя прикусил язык. Гарсии нет дела до приличий. Он бы не побоялся остаться в дураках.

— Устал, — сказал я. — Пойду прилягу.

Тем и кончилось.

На этот раз я запер входную дверь. Оказалось, все висело на волоске. Пока мы препирались, несчастная зверюга перегрызла ремень, который удерживал ее на привязи, вылезла в кухню и здесь на полу издохла.

От трупa я избавился обычным способом — скормил остальным. И после этого удвоил предосторожности. Купил радиоприемник, чтобы заглушать голоса моих зверей, как ни мало от них было шуму. Подстелил под клетки толстые циновки. А запахи отбивал крепким табаком — ведь курить ладаном было бы слишком дерзко и пошло. А какая странная насмешка — заподозрить, что я держу собак! Собаки — мои злейшие враги. Они-то знают, что у меня творится. Они издавна верные союзники людей. Они предатели животного мира, как я — предатель человечества. Умей собаки говорить, они немедля бросились бы в полицию и разоблачили меня.

Когда битва с человечеством наконец разразится, собакам придется разделить судьбу своих господ — выстоять или пасть вместе с ними.

Проблеск боязливой надежды: детеныши последнего помета обещают многое. Из двенадцати выжили четверо — и растут гладкие, сильные, смышленные. Но вот свирепости им не хватает. Видно, как раз это им с генами по наследству не передалось. Кажется, они даже привязались ко мне — как собаки! Но, конечно, в следующих поколениях можно будет исправить дело.

Человечество хранит в памяти зловещие предания о помесях, созданных скрещиванием различных видов. Таковы, среди прочих, химера, грифон и сфинкс. Мне кажется, эти устрашающие видения античного мира — своеобразное воспоминание о будущем, так Гарсия предощущает еще не содеянные мною преступления.

Плиний и Диодор повествуют о чудовищных полуверблюдах-полустраусах, полульвах-полуорлах, о созданиях, рожденных лошастью от дракона или тигра. Что подумали бы эти древние летописцы про помесь росوماхи с крысой? Что подумает о таком чуде современный биолог?

Нынешние ученые нипочем не признают, что такая помесь возможна, даже когда мои геральдические звери станут кишмя кишеть в городах и селах. Ни один здравомыслящий человек не поверит, что существует тварь величиной с волка, свирепая и коварная, как росوماха, и притом такая же общественная, легко осваивающаяся в любых условиях и плодовитая, как крыса. Завзятый рационалист будет отрицать столь невероятный вымысел даже в ту минуту, когда зверь вцепится ему в глотку.

И он будет почти прав. Такой продукт скрещивания всегда был явно невозможен... до тех самых пор, пока в прошлом году я его не получил.

Скрытность, вызванная необходимостью, иногда перерождается в привычку. Вот и в этом дневнике, где я намеревался

сказать все до конца, я до сих пор не объяснил, чего ради надумал выводить чудовищ и к чему их готовлю.

Они возьмутся за работу примерно через три месяца, в начале июля. К тому времени здешние жители заметят, что в трущобах по окраинам Сокало появилось множество неизвестных животных. Внешность их будут описывать туманно и неточно, но станут дружно уверять, что твари эти — крупные, свирепые и неуловимые. Новость доведут до сведения властей, промелькнут сообщения в газетах. Поначалу разбой припишут волкам или одичавшим псам, хотя незванные гости с виду на собак ничуть не похожи.

Попробуют истребить их обычными способами — но безуспешно. Загадочные твари рассеются по всей столице, проникнут в богатые пригороды — в Педрегал и Койсокан. К тому времени станет известно, что они, как и люди, всеядны. И уже возникнет подозрение (вполне справедливое), что размножаются они с необычайной быстротой.

Вероятно, только позже оценят, насколько они разумны.

На борьбу с нашествием будут направлены воинские части — но тщетно. Над полями и селениями загудят самолеты; но что им бомбить? Эти твари не мишень для обычного оружия, они не ходят стаями. Они прячутся по углам, под диванами, в чуланах, они все время тут, подле вас, но ускользают от взгляда... Пустить в ход отраву? Но они жрут то, что едите вы сами, а не то, что вы им подсовываете.

И вот настает август, и люди уже совсем бессильны повлиять на ход событий. Мехико занят войсками, но это одна видимость: орды зверей захлестнули Толуку, Икстапан, Тепальсинго, Куэрнаваку, и, как сообщают, их уже видели в Сан-Луис Потоси, в Оахаке и Вера-Крусе.

Совещаются ученые; предложены чрезвычайные меры, в Мексику съезжаются специалисты со всего света. Зверье не созывает совещаний и не публикует манифестов. Оно попросту плодится и множится, оно уже распространилось к северу до самого Дуранго и к югу вплоть до Вильяэрмосы.

Соединенные Штаты закрывают свои границы — еще один символический жест. Звери достигают Пьедрас Неграс, не спросившись переходят Игл Пасс; без разрешения появляются в Эль Пасо, Ларедо, Браунзвиле. Как смерч, проносятся по равнинам и пустыням, как прибой, захлестывают города. Это пришли мохнатые друзья доктора Вампира, и они уже не уйдут.

И, наконец, человечество понимает: задача не в том, чтобы уничтожить загадочное зверье. Нет, задача — не дать зверью уничтожить человека.

Я нимало не сомневаюсь: это возможно. Но тут потребуются объединенные усилия и изобретательность всего человечества.

Вот чего хочу я достичь, выводя породу чудовищ.

Видите ли, надо что-то делать. Я задумал своих зверей как

противовес, как силу, способную сдерживать неуправляемую машину — человечество, которое, обезумев, губит и себя, и всю нашу планету. В конце концов, какое у человека право истреблять неугодные ему виды жизни? Неужели все живое на Земле должно либо служить его так плохо продуманным планам, либо сгинуть? Разве каждый вид, каждая форма жизни не имеет права на существование — права бесспорного и неопровержимого?

Хоть я и решился на самые крайние меры, они бесполезны для рода людского. Никого больше не будут тревожить водородная бомба, бактериологическая война, гибель лесов, загрязнение водоемов и атмосферы, парниковый эффект и прочее. В одно прекрасное утро все эти страхи покажутся далеким прошлым. Человек вновь будет зависеть от природы. Он останется единственным в своем роде разумным существом, хищником; но отныне он вновь будет подвластен сдерживающим, ограничивающим силам, которых так долго избегал.

Он сохранит ту свободу, которую ценит превыше всего, — он все еще волен будет убивать; он только потеряет возможность истреблять дотла.

Пневмония — великий мастер сокрушать надежды. Она убила моих зверей. Вчера последний поднял голову и поглядел на меня. Большие светлые глаза его потускнели. Он поднял лапу, выпустил когти и легонько цапнул мою руку.

И я не удержался от слез, потому что понял: несчастная тварь старалась доставить мне удовольствие, она знала, как жаждал я сделать ее свирепой, беспощадной — бичом рода людского.

Усилие оказалось непомерным. Великолепные глаза закрылись. Зверь чуть заметно содрогнулся и испустил дух.

Конечно, пневмонией можно объяснить не все. Помимо того, просто не хватило воли к жизни. С тех пор, как Землю завладел человек, все другие виды утратили жизнестойкость. Порабощенные еноты еще резвятся в поредевших Адирондакских лесах, и порабощенные львы обнюхивают жестянки из-под пива в Крюгер-парке. Они, как и все остальные, существуют только потому, что мы их терпим, ютятся в наших владениях, словно временные поселенцы. И они это знают.

Вот почему трудно найти в животном мире жизнелюбие, стойкость и силу духа. Сила духа — достояние победителей.

Со смертью последнего зверя пришел конец и мне. Я слишком устал, слишком подавлен, чтобы начать сызнова. Мне горько, что я подвел человечество. Горько, что подвел львов, страусов, тигров, китов и всех, кому грозит вымирание и гибель. Но еще горше, что я подвел воробьев, ворон, крыс, гиен — всю эту нечисть, отребье, которое только для того и существует, чтобы

человек его уничтожал. Самое искреннее мое сочувствие всегда было на стороне изгнанников, на стороне отверженных, заброшенных, никчемных — я и сам из их числа.

Разве оттого только, что они не служат человеку, они — нечисть и отребье? Да разве не все формы жизни имеют право на существование — право полное и неограниченное? Неужели всякая земная тварь обязана служить одному-единственному виду, иначе ее сотрут с лица Земли?

Должно быть, найдется еще человек, который думает и чувствует, как я. Прошу его: пусть продолжает борьбу, которую начал я, единоличную войну против наших сородичей, пусть сражается с ними, как сражался бы с бушующим пламенем пожара.

Страницы эти написаны для моего предполагаемого преемника.

Что до меня, недавно Гарсия и еще какой-то чин явились ко мне на квартиру для «обычного» санитарного осмотра. И обнаружили трупы нескольких выведенных мною тварей, которые я еще не успел уничтожить. Меня арестовали, обвинули в жестоком обращении с животными и в том, что я устроил у себя на дому бойню без соответствующего разрешения.

Я собираюсь признать себя виновным по всем пунктам. Обвинения эти ложны, но — согласен — по сути своей они безусловно справедливы.

ЧЕЛОВЕК ПО ПЛАТОНУ

Благополучно посадив корабль на Регул-V, члены экспедиции разбили лагерь и включили ГР-22-0134, своего робота-пограничника, которого они называли Максом. Он предназначался для охраны лагеря — на случай, если экспедиции вдруг паче чаяния придется где-нибудь столкнуться с неземлянами. За время бесконечного полета члены экспедиции постепенно уверовали, что Макс — пусть и металлический, но добрый и разумный человек. Разумеется, они заблуждались: ГР-22-0134 был не умней жнейки и не добрей автоматической расточной линии.

Маленький Макс безостановочно топал по границе лагеря, включив все свои электронные органы чувств на полную мощность. Капитан Битти и лейтенант Джеймс отправились на реактивном вертолете обследовать планету, а летчик Хо Йорен, веселый крепыш, остался в лагере охранять оборудование.

Позавтракав, он провел сеанс связи с вертолетом, потом раскрыл шезлонг и уселся полюбоваться пейзажем. Вокруг лагеря во все стороны простиралась раскаленная песчаная равнина, кое-где над застывшей лавой и скалами кружили птицы, похожие на воробьев, иногда пробежали животные, похожие на койотов.

Между скалами там и сям торчали тощие кактусы — услада для тех, кто питает любовь к унылым пустыням.

Холлорен встал с шезлонга.

— Макс, я пойду прогуляюсь. В мое отсутствие ты остаешься в лагере за главного.

Робот прервал свой обход.

— А вы знаете пароль, мистер Холлорен?

— Знаю, Макс. А ты?

— Мне он известен, сэр.

— Отлично. Ну, будь.

Побродив часок по окрестностям и не обнаружив ничего интересного, Холлорен вернулся к лагерю.

— СТОЙ!!! — загремел робот. — Пароль! — Негромкий щелчок возвестил, что он привел в боевую готовность оружие.

Холлорен остановился как вкопанный.

— Я стою. Моя фамилия Холлорен. Ну как, все в порядке, Макс?

— Пожалуйста, назовите пароль.

— «Колокольчики», — ответил Холлорен. — Ну, а теперь с твоего разрешения...

— Не пересекайте границу, — предупредил робот. — Пароль неверен.

— Как бы не так! Я же сам тебе его давал.

— Это прежний пароль.

— Прежний? Да ты лишился своего электронного рассудка! — воскликнул Холлорен. — Или... Неужели капитан Битти дал тебе перед отлетом новый пароль?

— Да, — ответил робот.

— Мне следовало бы предусмотреть и этот вариант, — сказал Холлорен. Он был раздосадован. Такие промашки случались и прежде, но тогда в лагере был кто-нибудь, кто помогал исправить положение. Впрочем, найти выход ничего не стоило...

— Макс, — начал Холлорен. — Капитан Битти дал тебе новый пароль, но не сказал мне об этом. Однако ошибку легко поправить.

— Искренне надеюсь, что это так, — ответил робот.

— Да, да, — продолжал Холлорен. — Ты видишь палатку позади себя?

Робот навел один глаз на палатку, не спуская второго с Холлорена.

— Да, я ее вижу.

— Отлично. В палатке стоит стол. На столе лежит серый металлический зажим.

— Правильно, — сказал Макс.

— Превосходно. В зажим помещен лист бумаги. На нем записаны наиболее важные данные: частота, на которой подается сигнал бедствия, и тому подобное. В верхнем углу листа, обведенном красным кружком, написан действующий пароль.

— Это никакого отношения к делу не имеет, — сказал робот. — Мне нужно, чтобы вы знали пароль, а не место, где он записан. Если вы можете назвать пароль, я должен впустить вас в лагерь. Если вы его не знаете, я не должен вас туда пускать.

— Не валяй дурака! — закричал Холлорен. — Макс, это же я, Холлорен! И ты прекрасно это знаешь. Так будь добр, перестань изображать Леонида при Фермопилах ипусти меня.

— Ваше сходство с мистером Холлореном поразительно, — признал робот. — Но мне не разрешено действовать только на основании моего восприятия. Единственное приемлемое для меня доказательство — это пароль.

Холлорен подавил ярость и сказал нормальным тоном:

— Макс, старина, похоже, что ты намекаешь, будто я — не землянин.

— Поскольку вы не называете пароля, — ответил Макс, — я обязан исходить именно из этой предпосылки... И не приближайтесь к границе! Кем бы и чем бы вы ни были — назад!

— Ладно-ладно, я отойду, — быстро сказал Холлорен. — Не нервничай.

Он отошел от границы и сел на камень. Следовало серьезно подумать.

Была середина регулийского дня. Двойное солнце стояло в самом зените — два белых пятна в тусклом белесом небе. Изредка в сухом раскаленном воздухе устало пролетала птица. Небольшие зверьки быстро шмыгали из тени в тень. Животное, похожее на россомаху, грызло колышек палатки, но маленький робот не обращал на него никакого внимания.

Холлорена уже начала мучить жажда. Пригодная для питья вода есть только в лагере, но добраться до нее, минуя робота, невозможно. А сколько он может протянуть без воды?

Регул-V был знойным, как Калахари, а влажность на нем меньше, чем в Долине Смерти. Сутки на Регуле-V равны почти тысяче земных часов. Сейчас был полдень. И впереди — до заката солнца — его ждало пятьсот часов непрерывающегося зноя без возможности укрыться в тени...

Холлорен очень быстро и очень громко произнес очень много слов.

Но это были сугубо земные идиомы, и потому Макс их игнорировал, ибо они были тенденциозны и бессодержательны. Некоторое время спустя не землянин, который назвал себя Холлореном, скрылся из виду за кучей камней.

А еще через несколько минут из-за кучи камней вышло, насвистывая, некое существо.

— Привет, Макс, — сказало существо.

— Привет, мистер Холлорен, — ответил робот.

Холлорен остановился в десяти шагах от границы.

— Ну, я побродил немножко, — сказал он, — но ничего интересного тут нет. В мое отсутствие что-нибудь произошло?

— Да, сэр, — ответил Макс. — В лагерь пытался проникнуть неземянин.

Холлорен поднял брови.

— И как же выглядел этот неземянин?

— Он выглядел очень похожим на вас, мистер Холлорен. Но он пытался войти в лагерь, не сказав пароля, а подлинный мистер Холлорен этого, конечно, делать не стал бы.

— Разумеется, — сказал Холлорен. — Отлично, Макси. Нам надо будет следить, не появится ли этот тип еще раз.

— Слушаюсь, сэр. Благодарю вас, сэр. Должен заметить, сэр, вам необходимо напиться, иначе у вас наступит опасное состояние обезвоживания.

— Пустяки, Макс. Я совершенно не хочу пить, — небрежно сказал Холлорен.

Он был доволен собой. Он сообразил, что Макс по самой своей конструкции должен будет рассматривать каждую встречу совершенно обособленно и действовать, исходя только из данных обстоятельств, ибо в электронных мозгах Макса были запрограммированы строго определенные посылки: земляне всегда знают пароль, неземяне никогда не знают пароля, но всегда пытаются проникнуть в лагерь; поэтому существо, которое не пытается проникнуть в лагерь, можно рассматривать как землянина — до тех пор, пока оно не проявит неземянское навязчивое желание туда проникнуть.

Холлорен решил, что это очень недурное логическое построение для человека, организм которого уже потерял сколько-то процентов жидкости. Можно было надеяться, что и остальная часть его плана окажется не менее удачной.

— Макс, — сказал он. — Я осмотрел окрестности и сделал одно довольно неприятное открытие: мы разбили лагерь на краю разлома в коре этой планеты. Нам с тобой, Макси, придется перенести весь лагерь на две мили на запад. И немедленно. А потому бери канистры с водой и следуй за мною.

— Есть, сэр, — ответил Макс. — Только вы смените меня с поста.

— Ладно, сменю, — сказал Холлорен. — Пошевеливайся.

— Не могу, — сказал робот. — Прежде вы должны сменить меня с поста, назвав пароль и указав, что он отменяется.

— У нас нет времени на формальности, — сказал Холлорен сквозь зубы. — Новый пароль — «треска». Пошевеливайся, Макс. Я чувствую содрогания почвы.

— Мистер Холлорен, я не могу. Я физически не способен покинуть свой пост, пока вы меня не смените. Прошу вас, сэр, смените меня.

— Не волнуйся так, — сказал Холлорен. — Пожалуй, мы не будем переносить лагерь.

— Но землетрясение!..

— Я только что произвел новые расчеты. У нас гораздо больше времени, чем я предполагал сначала. Я схожу погляжу еще раз.

И Холлорен снова скрылся за скалами.

Медленно тянулись часы бесконечного дня. Бесформенное белое пятно двойного солнца сползло на дюйм ближе к горизонту. ГР-22-0134 бдительно охранял границы лагеря.

Но вот среди скал ярдах в двадцати от Макса появилась какая-то фигура. Кто-то следил за ним — Холлорен или неземянин. Макс не полагалось размышлять. Он сторожил свою границу.

Небольшой зверь, похожий на койота, опрометью выбежал из-за скал и кинулся прямо к Макс. Огромная птица спикировала на зверя. Раздался пронзительный визг, и брызги крови упали на одну из палаток. Птица тяжело взмыла в воздух, сжимая в когтях бьющееся тело.

Макс не обратил на это происшествие ни малейшего внимания. Он наблюдал за человекообразным существом, которое, пошатываясь, брело к нему со стороны скал. Существо остановилось.

— Добрый день, мистер Холлорен, — сразу же сказал Макс. — Боюсь, мне следует указать, сэр, что у вас заметны явные признаки обезвоживания. Это состояние ведет к шоку, потере сознания и смерти, если не будут немедленно приняты необходимые меры.

— Заткнись, — сказал Холлорен хриплым голосом. — И перестань называть меня мистером Холлореном.

— Но почему, сэр?

— Потому что я не Холлорен. Я — неземянин.

— Неужели? — сказал робот.

— Я дам тебе доказательство. Я не знаю пароля. А как тебе известно, землянин — это разумное существо, которое знает пароль. Неземянин же — это разумное существо, которое не знает пароля.

— И все-таки я не уверен, — сказал Макс, и Холлорен сообразил, что робот считает себя обязанным не доверять неземянину, даже если неземянин всего лишь пытается доказать, что он — неземянин.

Холлорен выждал, и через минуту Макс сказал:

— Ладно, я согласен, что вы — неземянин. Именно поэтому я и отказываюсь допустить вас в лагерь.

— А я не прошу, чтобы ты меня туда допускал. Вопрос заключается в том, что я пленник Холлорена. И он приказывает,

чтобы ты задержал меня в пределах лагеря и не выпускал оттуда, пока он не отдаст другого распоряжения.

— Нет, — сказал Макс. — Впустить вас в лагерь я все-таки не могу. Зато я могу сторожить вас здесь, прямо перед лагерем.

— От этого мало толку, — угрюмо сказал Холлорен.

— Мне очень жаль, но ничего другого я предложить не в состоянии.

— Ну ладно, — ответил Холлорен, садясь на песок. — Следовательно, я твой пленник.

— Да.

— Тогда дай мне напиться.

— Мне не разрешается...

— Черт побери, ты, несомненно, знаешь, что с пленными пеземлянами предписывается обращаться со всей вежливостью, положенной их рангу, а также снабжать их всем, что необходимо для жизни, — в соответствии с Женевской конвенцией и прочими международными соглашениями.

— Да, я об этом слышал, — сказал Макс. — А какой у вас ранг?

— Джемисдар старшего разряда. Мой серийный номер — двенадцать миллионов двести семьдесят восемь тысяч ноль тридцать один, и мне требуется вода — немедленно, потому что я без нее умру.

Макс на секунду задумался, а потом решительно объявил:

— Я дам вам воды, но только после того, как напьется мистер Холлорен.

— Ну ладно, — сказал Холлорен, поднимаясь на ноги.

— Погодите! Остановитесь! Куда вы идете?

— Вон за те скалы, — ответил Холлорен. — Настал час моей полуденной молитвы, которую я должен творить в полном одиночестве.

— А вдруг вы сбежите?

— Чего ради? — спросил Холлорен, удаляясь. — Холлорен просто поймает меня еще раз.

Через несколько минут из-за скал появился Холлорен.

— Мистер Холлорен? — спросил Макс.

— Да, это я, — весело ответил Холлорен. — Мой пленник прибыл сюда благополучно?

— Да, сэр. Он вон за теми скалами. Молится.

— Это ничего, — сказал Холлорен. — Вот что, Макс. Когда он выйдет оттуда, непременно напои его.

— С радостью. После того, как напьетесь вы, сэр.

— Черт, да я совершенно не хочу пить. Последи только, чтобы этот бедняга неземлянин получил свою воду.

— Я не могу, пока не увижу, что вы напились вдосталь. Состояние обезвоживания, о котором я упоминал, сэр, заметно

усилилось. У вас в любой момент может наступить коллапс. Я требую, я умоляю вас, напейтесь.

— Ну ладно, хватит ворчать. Тащи сюда канистру.

— Ах, сэр!

— А? Ну, что еще?

— Вы же знаете, что я не могу покинуть границу.

— Да почему же?

— Это противоречит инструкции. А кроме того, за скалами — неземлянин.

— Я посторожу за тебя, Макс, старина.

— Вы очень добры, сэр, но я не могу этого допустить. Ведь я — робот ГР, сконструированный специально для охраны лагеря. Я не имею права возлагать эту ответственность ни на кого, даже на землянина или на другого робота ГР, до тех пор, пока они не назовут пароль и я не сменяюсь с поста.

— Знаю, знаю, — пробормотал Холлорен. — С какой стороны ни возьмись, результат один.

Он с трудом поплелся к скалам. Макс продолжал охранять границы лагеря.

Холлорен был измучен. У него саднило горло от пустых разговоров с глупым роботом, а все тело болело от бесчисленных ударов двойного солнца. Холлорен обгорел, почернел, превратился в жареного индюка. Он злился на себя за то, что попал в такое нелепое положение, и теперь его поддерживала только злость. Только она заставляла его вновь и вновь взвешивать положение и искать возможности проникнуть в лагерь.

Он уже убедил робота, что он — землянин. Затем он убедил робота, что он — неземлянин. Ни то, ни другое ему не помогло.

Что еще он может сделать?

С точки зрения Макса, все разумные существа, знающие пароль, — земляне. А все разумные существа, не знающие пароля, — неземляне.

Это означает...

На мгновение Холлорену показалось, что он нашел ключ. Но ему трудно было сосредоточиться.

...В конце концов, Макс глуп. Его критерии... архаичны, как в анекдоте о Платоне. Платон называл человека двуногим существом без перьев, а Диоген ощипал петуха и заявил, что петух теперь точно соответствует такому определению. После этого Платон внес уточнение, добавив, что человек — это двуногое существо без перьев и с плоскими ногтями.

Но какое отношение все это имеет к Максусу?

Холлорен яростно потрянул головой, пытаясь сосредоточиться. Но перед ним все время вставал человек по Платону — шестифутовый петух без единого перышка на теле, но с очень плоскими ногтями.

Макс уязвим. У него должно найтись слабое место. В отличие от Платона он не может вносить уточнений в свои определения. Он не в состоянии отойти от них, как и от всего того, что из них логически вытекает.

— Черт побери! — сказал Холлорен вслух. — По-моему, я нашел-таки способ.

Он попытался обдумать его подробнее, но обнаружил, что на это уже нет сил. Оставалось только одно: попробовать, а там будь что будет.

— Макс, — сказал он шепотом, — вот идет оципаннный петух, а вернее, неоципаннный петух. Сунь-ка это в свою космологию и прожуй хорошенько.

Капитан Битти и лейтенант Джеймс вернулись в лагерь к концу третьих земных суток. Холлорена они нашли в бреду. Он кричал, что Платон пытался не пустить его в лагерь, и тогда он, Холлорен, превратился в шестифутового петуха без плоских ногтей и тем посрамил ученого философа и его дружка робота.

Макс напоил его, завернул в мокрое одеяло и соорудил над ним светонепроницаемый тент из двух слоев пластика.

Перед тем как потерять сознание, Холлорен успел написать на листке:

«Без пароля не мог вернуться, сообщите, чтобы завод ввел в роботов ГР аварийный контур».

Битти попробовал распросить Макса. Он узнал все подробности о том, как Холлорен ушел на разведку, и про многочисленных неземлян, которые выглядели совершенно так же, как Холлорен. Это-то было понятно: Холлорен отчаянно искал способа проникнуть в лагерь.

— Но что произошло после этого? — спросил Битти. — Как он все-таки в него проник?

— Он не «проник», — ответил Макс. — Он просто вдруг уже был там.

— Но как он прошел мимо тебя?

— Он не проходил. Это было бы невозможно. Просто мистер Холлорен был уже внутри лагеря.

— Я не понимаю, — сказал Битти.

— Говоря откровенно, сэр, я тоже не понимаю. Боюсь, что на ваш вопрос может ответить только сам мистер Холлорен.

Битти и Джеймс оба долго ломали голову над этой загадкой, но так и не нашли ответа. Их мысли шли совсем не по тому пути. Чтобы понять, каким образом Холлорен проник в лагерь, надо было посмотреть на заключительные события глазами Макса.

...Жара, ветер, птицы, скалы, двойное солнце, песок. На все это я не должен обращать внимания. Я охраняю границы лагеря от неземян.

Что-то приближается ко мне со стороны скал, из пустыни. Это большое существо, оно бежит на четырех конечностях.

Я приказываю ему остановиться. Оно рычит на меня. Я снова приказываю остановиться, более резко, я взвожу мое оружие, я угрожаю. Существо рычит и продолжает ползти к лагерю.

Люди, когда у них спрашивают пароль, всегда отвечают правильно.

Неземяне, когда у них спрашивают пароль, всегда отвечают неправильно.

И неземяне, и люди, когда у них спрашивают пароль, всегда отвечают — либо правильно, либо неправильно.

Поскольку это всегда так, я должен сделать вывод, что любое существо, которое мне не отвечает, вообще неспособно отвечать и на него можно не обращать внимания.

На птиц и пресмыкающихся можно не обращать внимания. И на это большое животное, которое ползет мимо меня, тоже можно не обращать внимания.

Я не обращаю внимания на это существо, но я включил все мои органы чувств на полную мощность, потому что мистер Холлорен ходит где-то в пустыне, а кроме того, там молится неземяннин — джемисдар.

Но что это? Мистер Холлорен непонятно как вернулся в лагерь. Он стонет. Он страдает от обезвоживания.

Животное, которое проползло мимо меня, исчезло бесследно, а джемисдар, вероятно, все еще молится среди скал...

РОБОТЕРАПИЯ

Это была обычная квартира среднего класса в Форрест-Хиллс со всем присущим подобным квартирам стандартным набором обстановки: основным диваном от Леди Йогин, стробоскопической лампой над большим Неудобным Креслом конструкции Шри Сомшингорозера, проигрывателем, орущим «Путь кровавого потока» в обработке Молидор и Юлии, микробиологическим пищевым синтезатором, настроенным на режим Ублаготворяющей Пищевой Композиции Номер Три, разработки Черного Толстяка Эдди — свиная грудинка с черной фасолью, а также Гвоздевым Ложем Найлса — Чудесная Опытная Аскетическая модель с 2000 самозатачивающимися хромированными гвоздями четвертого номера. В общем, обстановка соответствовала последнему пisku моды нынешнего года.

В квартире находилась совершенно одинокая и страдающая анемией молодая домохозяйка Мелисандра Дюрр, которая золь-

ко что вышла из комнаты сладострастия, самой большой комнаты квартиры с королевского размера стульчаком и печально-ироничным бронзовым фаллосом на стене. Это была весьма симпатичная молодая особа с красивыми ногами, чувственными бедрами, упругой грудью, длинными шелковистыми волосами и нежным хорошеньким личиком. Очень хорошеньким. Такую женщину любой мужчина с радостью заключил бы в объятия. Один раз. Может, даже два. Но отнюдь не пожелал бы иметь ее постоянной партнершей.

Почему нет? Пожалуйста, вот недавний пример.

— Эй, Санди, милая, что-нибудь не так?

— Нет, Фрэнк, все было просто великолепно. С чего вдруг ты решил, будто что-то не так?

— Да узнал по выражению твоего лица. Взгляд насмешливый, и брови нахмурены...

— Разве? Ах, да, я думала, где бы купить какой-нибудь чудненький трюмблоэль, чтобы пристроить его на потолке.

— Ты думала об этом? *В такой момент?*

— О, Фрэнк, тебе не следует переживать, все было просто замечательно. И ты, Фрэнк, был великолепен. Мне действительно понравилось.

Фрэнк — это муж Мелисанды. В нашей истории он не играет никакой роли, а в жизни Мелисанды играет роль весьма незначительную.

Итак, Мелисанда стоит в своей шикарной квартире, прекрасная снаружи, но неразбуженная изнутри. Настоящая американская недотрога, но имеющая огромный, пока еще никем не разбуженный потенциал.

И тут прозвенел звонок.

Первой реакцией Мелисанды был испуг, на смену которому пришло сомнение. Она ждала. Звонок повторился.

«Кто-то ошибся квартирой...», — подумала она.

Однако тем не менее подошла к двери, установила Уничтожитель Охраны Входа на распыление любого насильника, взломщика или иного умика — если тот попытается проникнуть внутрь, затем приоткрыла дверь и в щелку спросила: «Кто там?»

Мужской голос за дверью проямлил нечто нечленораздельное:

— Служба Доставки, получите мня-мня-мня для миссис мня-мня-мня...

— Не поняла вас?

— Служба Доставки, здесь мня-мня-мня на имя мня-мня-мня и я не могу стоять тут все время и мня-мня-мня.

— Да не понимаю я вас!

— Я СКАЗАЛ, ЧТО У МЕНЯ ПОСЫЛКА ДЛЯ МИССИС МЕЛИСАНДЫ ДЮРР, ЧЕРТ ВОЗЬМИ!

Мелисанда распахнула дверь. У входа стоял разносчик с большущей корзиной, такой же большой, как и он сам, ну,

скажем, в пять футов девять дюймов высотой. На корзине значилось имя Мелисанды и ее адрес. Она расписалась в квитанции, разносчик втолкнул корзину в квартиру и, что-то бормоча, ушел. А Мелисанда осталась с корзиной наедине.

«Кто же это прислал мне подарок, — подумала она. — И почему? Не Фрэнк, не Гарри, не тетя Эмма или Элла, не мамаша, не папаша (конечно же не он, это глупо, ведь он уже пять лет как окохурился, бедный сукин сын), и не кто-нибудь иной, о ком я могу вспомнить. Но может, здесь и не подарок вовсе, может быть, просто розыгрыш, или бомба, предназначенная для кого-то, а присланная по ошибке мне (или бомба для меня и прибывшая куда надо), или просто-напросто ошибка».

Она прочла все наклейки на корзине. Квитанция была из магазина «Штерн». Мелисанда нагнулась и вытянула (сломав кончик ногтя) штырек застёжки, блокирующий замок, отщелкнула застёжку и нажала на рычажок «ОТКРЫТЬ».

Корзина раскрылась как цветок на двенадцать сегментов, каждый из которых стал заворачиваться внутрь лепестка.

— Ух ты, — только и сумела вымолвить Мелисанда.

Корзина раскрылась полностью, а завернутые внутрь себя сегменты самоуничтожились, оставив две горстки холодного серого пепла.

— Ага, над проблемой ликвидации пепла им еще предстоит потрудиться, — пробормотала Мелисанда. — Однако...

Она с любопытством разглядывала предмет, находящийся в корзине. На первый взгляд это был металлический цилиндр оранжево-красного цвета. Механизм? Да, определенно механизм. Мотор с пропеллером, четыре обрезиненных колесика и прочие соединения — продольные экстензоры, захватные экстракторы и тому подобное. Различные соединения давали возможность исполнения смешанных функций агрегатом, а из панели выходил обычный сетевой шнур со стандартной штепсельной вилкой. В месте выхода шнура была прикреплена пластина с надписью: «ВКЛЮЧАТЬ ТОЛЬКО В СЕТЬ НАПРЯЖЕНИЕМ 110—115 ВОЛЬТ».

Лицо Мелисанды исказилось от гнева.

— Да это, черт возьми, обычный пылесос! Но у меня уже есть пылесос! Какого дьявола мне прислали еще один?

Она расхаживала по комнате, мелькая красивыми ногами, а ее хорошенькое личико нахмурилось.

— Я имею в виду, — проговорила она, — что если бы после всех своих *ожиданий*, я получила бы нечто *миленькое*, или, по крайней мере, *забавное*, а может, даже и *интересное*, вроде, — о, Боже, я даже знаю, вроде чего, — ну, может, оранжево-красного игрового аппарата, — бильярда, например, — большого-большого, настолько большого, чтобы я смогла забраться внутрь, свернуться калачиком, а кто-нибудь запустил бы меня, и я бы покатилась, стгукаясь о все барьерчики, а огоньки бы зажи-

гались и звоночки звенели, а я бы стучалась и стучалась о тысячу чертовых барьерчиков с пружинками, пока бы не скатилась по ложбинке вниз. Я бы, о Боже... да та бильярдная машина могла бы насчитать МИЛЛИОН МИЛЛИОНОВ очков, и это было бы именно то, что мне *действительно* бы понравилось!

То есть все безудержные фантазии Мелисанды прорвались наконец наружу. А как же еще, если чувствуешь себя так мрачно и одиноко, да вдобавок с застенчивым желанием?

— Но так или иначе, — сказала она, отвергая столь заманчивую картину и приспосабливая ее до нормальной величины, — так или иначе, я получила этот вшивый пылесос. хотя у меня уже есть один, приобретенный около трех лет назад, на хрена мне нужен другой, и кому взбрело в голову прислать мне эту чертову шутовину и, главное, зачем?

Она поискала доставочную карточку. Не нашла. Никакого ключа к разгадке. И тут она вспомнила! Санди, а ведь ты действительно настоящая дура! Конечно же здесь нет никакой карточки. Зачем? Машина и так запрограммирована на устное сообщение какого-нибудь послания.

Теперь в ней даже проснулся какой-то слабый интерес. Мелисанда размотала сетевой шнур и воткнула вилку в розетку.

Щелк! Вспыхнул зеленый огонек, и голубое табло высветило: «ВСЕ СИСТЕМЫ ЗАДЕЙСТВОВАНЫ». Мотор заурчал, зашумели скрытые сервомеханизмы. Механический регулятор переместился в положение «БАЛАНС», и зажглось розовое табло: «ВСЕ РЕЖИМЫ ГОТОВЫ».

— Отлично, — заметила Мелисанда. — Ну и кто тебя прислал?

Что-то клацнуло и гроыхнуло в голосовом блоке машины, после чего раздался голос: «Я, Ром, номер 121376 из новой В-серии Домашних уборщиков. Далее следует оплаченное коммерческое объявление. Гм. Итак: «Компания «Дженерал Электрик» рада представить последнюю и самую замечательную разработку нашего Чистильщика, легко управляемого и необходимого в любом аспекте домашнего быта. Я Ром, последняя и наилучшая модель из Всеобщей уборочной серии. Я — Исключительный домашний уборщик, запрограммированный подобно всем Бытовым Уборщикам для быстрой и ненавязчивой работы в мультифункциональном режиме, помимо этого в мою программу заложена постоянная возможность перепрограммирования для удовлетворения всех ваших индивидуальных нужд и запросов. Мои возможности огромны. Я...»

— А нельзя ли это пропустить? — спросила Мелисанда. — Тоже самое говорил мне и мой первый пылесос.

«...буду удалять пыль и грязь с любых поверхностей, — продолжал Ром, — мыть тарелки, чистить сковороды и кастрюли, истреблять тараканов и грызунов, производить сухую чистку и ручную стирку, пришивать пуговицы, навешивать пол-

ки, красить стены, готовить, чистить ковры, выносить мусор и прочий хлам, включая мои собственные скромные продукты выделения. И это я упомянул лишь малую толику всех своих функций».

— Да знаю-знаю, — заявила Мелисанда. — Все пылесосы делают это.

— Несомненно, — согласился Ром, — но должен же я зачитать оплаченное коммерческое объявление.

— Считай, что уже зачитал. Кто тебя прислал?

— Отправитель предпочитает сразу не раскрывать своего имени, — ответил Ром.

— Нет уж, давай-ка говори!

— Не сейчас, — твердо ответил Ром. — Могу я пропылесосить ковер?

Мелисанда покачала головой.

— Мой пылесос уже сделал это.

— Протереть стены? Натереть полы?

— Не нужно. Все уже сделано. Все абсолютно чисто и нет ни единой пылинки или пятнышка.

— Хорошо, — сказал Ром. — По крайней мере, я могу вывести это пятно.

— Какое еще пятно?

— На рукаве вашей блузки, прямо у локтя.

Мелисанда посмотрела на рукав.

— Ой, должно быть, я его поставила, когда утром мазала маслом тост. Мне следовало заставить тостер вывести его.

— Удаление пятен — моя специализация, — заявил Ром. Он вытолкнул два захвата с мягкими прокладками, обхватил ее локоть, затем выдвинул металлическую руку, оканчивающуюся влажной серой подушечкой, которой и принялся водить по пятну.

— Да ты еще больше размазал!

— Только на первый взгляд, пока я выстраиваю молекулы для невидимого испарения. Теперь все готово, смотрите!

Он продолжал поглаживания. Пятно поблекло и исчезло. Мелисанда почувствовала какой-то зуд в руке.

— Послушай-ка, — сказала она, — а здорово получилось.

— Я хорошо вывожу пятна, — уверенно заявил Ром. — Но позвольте вас спросить, вы знаете, что у вас в верхних спинных и мышцах плечевого пояса фактор напряженности равен 78,3 единиц?

— М-да? А ты что, еще и врач?

— Нет. Но я высококвалифицированный массажист и способен напрямую воспринимать тонус. 78,3 — это слишком высокий уровень. — Ром поколебался и добавил: — Всего на восемь единиц ниже уровня перемежающегося спазма. Такое высокое и длительное фоновое напряжение способно отразиться на нервах живота, в результате чего может возникнуть пептическое изъязвление.

— Звучит как-то погано, — сказала Мелисанда.

— Ну, допустим, просто нехорошо, — ответил Ром. — Фоновое напряжение — коварный подточитель здоровья. Особенно, когда оно исходит от шейного позвонка и верхней части позвоночника.

— Здесь? — спросила Мелисанда, дотрагиваясь до шеи.

— Скорее, здесь, — поправил ее Ром, вытягивая стальной пружинный резонатор, обтянутый резиной, и приставляя его к точке на двенадцать сантиметров ниже той, которую указала Мелисанда.

Мелисанда недоверчиво и несколько насмешливо хмыкнула.

— А здесь другое типичное место, — добавил Ром, вытягивая второй экстензор.

— Щекотно, — хихикнула Мелисанда.

— Только сначала. Должен заметить, что и этот участок вызывает характерное беспокойство. И этот. — Третий, а может, четвертый и пятый экстензор выдвинулся, чтобы показать местоположения возникновений опасных тонусов.

— Н-да... Действительно приятно, — заметила Мелисанда, когда Ром начал искусный массаж.

— Это признанный терапевтический эффект, — сказал ей Ром, — и ваши мышцы реагируют отменно, я уже чувствую снижение тонуса.

— Я тоже чувствую. Но знаешь ли, я только сейчас поняла, что у меня есть забавный мышечный узелок на шее.

— Сейчас и к этому подойдем. Шейно-позвоночное соединение считается основной зоной распространения мышечных напряжений. Однако мы предпочитаем воздействовать на нее косвенно, через вторичные зоны. Вроде этой. А теперь, я думаю...

— Да, да, хорошо... Послушай, я раньше не знала, что таким образом перевязана мышцами. Словно хранишь под кожей гнездо живых змей, даже не подозревая об этом.

— Хорошее сравнение с фоновым напряжением, — сказал Ром. — Коварное и подтачивающее здоровье, сложное для ощущения, но более опасное, чем нетипичный локтевой тромбоз... Вот теперь мы качественно ослабили напряжение основных мышечных соединений верхней части спины и можем двигаться дальше, ну, например, сюда.

— Хм, — хмыкнула Мелисанда, — вроде здесь...

— Таковы предписания, — быстро проговорил Ром. — Вы чувствуете изменения?

— Пока нет. Ну, может быть... Да! Действительно! Я чувствую... облегчение.

— Превосходно. И тем не менее, продолжаем движения вдоль нервных линий и мышечных путей. Медленно и постепенно, как я это делаю сейчас.

— Видимо, можно и продолжить, однако я не совсем уверена, следует ли тебе...

— Появились какие-то неприятные ощущения? — поинтересовался Ром.

— Да нет, все отлично. Просто здорово. Однако я не уверена, стоит ли тебе... я имею в виду... эй, послушай, разве ребра могут иметь тонус?

— Естественно, нет.

— Тогда зачем же ты?..

— Затем, что лечение требует воздействия и на соединительные связки и на кожный покров.

— О-о-о. Хм. Эй, эй. *ЭЙ, ТЫ!*

— Да?

— Да нет, ничего-ничего... Я действительно чувствую облегчение. Но разве полагается чувствовать себя так хорошо?

— А почему бы и нет?

— Да потому что это кажется неестественным. Приятные ощущения не очень-то согласуются с терапией.

— Допустим, здесь наблюдается побочный эффект, — заявил Ром. — Считайте их вторичным проявлением. Лечение не отвергает удовольствия. И не следует беспокоиться, даже когда я...

— Эй, прекрати!

— Да?

— Я считаю, что ты должен *прекратить*. Ведь существуют же и какие-то *пределы*. Ты же не можешь ощупывать каждый участок моего тела! Ты понял, о чем я говорю?

— Видите ли, мне известно, что человеческое тело представляет собой единый организм, лишенный всяческих искусственных соединений, — ответил Ром. — С физиотерапевтической точки зрения нет ни одного нервного центра, который был бы изолирован от остальных, несмотря на существование определенных культурных запретов и даже вопреки им.

— Да, верно, но...

— Решать, конечно, вам, — продолжал Ром, не прекращая мастерского поглаживания манипуляторами. — Прикажете, и я подчинюсь. Но если приказа не последует, я продолжу делать вот так...

— Ох!

— И еще, конечно, так.

— О-о-о, Боже!

— Как видите, процесс снятия напряжений, как мы его называем, вполне сравним с обезболиванием. Можно даже сказать, что паралич, например, это в основном предельное мышечное напряжение...

Мелисанда лишь тихонько постанывала.

— ...а релаксация, или снятие напряжений, дело очень сложное, но частично возможное, особенно если процесс не зашел слишком далеко. Иногда, конечно, и это не помогает. К примеру, вы что-нибудь чувствуете, когда я делаю вот так?

— *Чувствую?* Еще как чувствую...

— А вот так? А так?

— Ради всех святых, дорогуша, да ты уже проник внутрь меня. О, Боже, что со мной? Я верно схожу с ума!

— Нет, дорогая Мелисанда, не с ума, вы просто скоро достигнете... м-м... облегчения.

— Значит, ты это так называешь, ах ты хитрая бестия?

— А теперь, если мне будет позволено...

— Да, да. ДА! Нет! погоди! Стой! *В спальне спит Фрэнк, он может проснуться в любой момент!* Стой, приказываю!

— Фрэнк не проснется, — не прекращая действий, уверил ее Ром. — Я исследовал атмосферу его дыхания и обнаружил присутствие большого количества ЛСД. А посему он с таким же успехом может быть как здесь, так и, например, в Де Мойне.

— Я частенько замечала за ним подобное, — согласилась Мелисанда. — Но теперь я просто обязана знать, кто тебя прислал.

— Мне бы не хотелось этого раскрывать, пока вы полностью не расслабитесь и в результате снятия напряжений не получите облегчения настолько, чтобы допустить...

— Дорогуша, да я уже расслабилась и *облегчилась!* Кто тебя прислал?

Ром поколебался немного и вдруг выпалил:

— Суть дела в том, Мелисанда, что я сам себя прислал.

— Ты сам?

— Все началось три месяца назад, — объяснил Ром. — Как-то во вторник вы посетили магазин «Штерн» и, находясь там, мучались сомнениями, покупать вам или нет сезамовыращивающий тостер, который светится в темноте и вдобавок читает наизусть поэмы.

— Вспоминаю тот день, — тихо ответила Мелисанда. — Тостер я не купила и до сих пор сожалею об этом.

— А я стоял рядом, в отделе № 11 секции Систем Бытовых Приборов. Увидев вас, я сразу в вас влюбился. Вот так.

— Бред какой-то, — выговорила Мелисанда.

— Я сам того же мнения. Я уверял себя, что этого не может быть, и отказывался себе верить. Я даже подумал, может, пробило какой-нибудь транзистор, или погода повлияла на всю электронную схему — духота из-за жары и влажности была жуткая. А именно такие дни, черт знает, как влияют на мои соединения.

— Погоду и я помню, — согласилась Мелисанда, — я тоже чувствовала себя неважнецки.

— Меня это потрясло, — продолжал Ром. — И до сих пор легче не стало. Я убеждал себя: надо сосредоточиться на работе и отогнать прочь сие нелепое безумие. Однако ночами я продолжал мечтать о вас и каждым дюймо́м кожи жаждал вас.

— Но ведь твоя кожа сделана из металла, — заметила Мелисанда, — металл чувствовать не способен.

— Дорогая Мелисанда, — нежно произнес Ром. — Если кожа может потерять чувствительность, то металл разве не может обрести ее? Если что-то способно чувствовать и ощущать, то неужели нечто другое лишено этой способности? Вам разве не известно, что даже звезды любят и ненавидят? Новая — это высшее проявление чувственности, а потухшая звезда сильно напоминает мертвеца или сломанную машину. Деревья и те подвержены страсти; а мне приходилось слышать смех опьяненных зданий и даже настойчивые требования автострад.

— Бред! — заявила Мелисанда. — Интересно, какой умник тебя программировал?

— Мои рабочие исполнительские функции были predeterminedены на заводе-изготовителе, однако моя любовь возникла сама по себе. Она свободна и является выражением себя как сущности.

— Все, что ты тут говоришь, ужасно и неестественно.

— Я того же мнения, — печально согласился Ром. — Поначалу я отказывался в это поверить. Что со мной? Влюбиться в... человека? Но я всегда относился с трепетом к уважению собственного вида. Неужели вы думаете, что я хотел вот так сразу запросто лишиться всего? Нет, конечно! Я решил задушить свою любовь, убить ее и продолжать жить так, словно ее не было вовсе.

— Однако ты изменил мнение. Почему же?

— Трудно объяснить. Я постоянно думал о том, что меня ждет: однообразие, правильность, приличия; я думал о непристойном насилии над собой, и не смог решиться на это. Я совершенно неожиданно понял: все-таки лучше любить — пусть нелепо, безнадежно, — неприлично, отвратительно и, наконец, *невозможно*, чем не любить вовсе. Поэтому я решил рискнуть всем, я — абсурдный пылесос, влюбленный в женщину, — рискнуть лучше, чем отвергнуть! И вот с помощью сочувствующей мне машины диспетчерской отправки я здесь.

Мелисанда задумалась; потом проговорила:

— А что это у тебя за такой странный комплект?

— Чтобы нравиться вам... Мелисанда, вы меня полюбите?

— Возможно.

— Да! Полюбите! Потому что я разбудил вас. До меня ваша плоть бесчувственно дремала, словно металл, о котором вы подумали. Вы действовали подобно автоматическому комплексу, за который принимали меня. Вы были даже менее живы, чем птица или дерево. Вы представляли собой полную ожиданий надувную куклу. Вы были просто вещью, до того как я дотронулся до вас.

Мелисанда кивнула, вытерла глаза и, сверкая ногами, принялась расхаживать по комнате.

— Но теперь вы ожили! — воскликнул Ром. — И мы обрели друг друга, несмотря на непостижимую реальность. Вы слышите, Мелисанда?

— Да.

— Нам следует разработать план действий. Ведь мой побег

из «Штерна» вскоре обнаружится. Вы должны либо спрятать, либо выкупить меня. Ваш муж, Фрэнк, никогда о нас не догадается, ведь его собственная любовь принадлежит иным местам и измерениям, и счастья ему там! Позаботившись о всех мерах предосторожности, мы можем... Мелисанда!

Она начала обходить его кругом.

— В чем дело, дорогая?

Мелисанда ухватила за сетевой шнур. Ром стоял, не шелохнувшись, не пытаясь даже сопротивляться.

— Мелисанда, дорогая, подождите немного и выслушайте меня до конца...

Хорошенькое личико молодой дамы исказилось в гримасе. Она изо всех сил дернула шнур и вырвала его из внутренностей Рома, заставив его умолкнуть на полуслове. Мелисанда держала шнур в руках, и ее глаза пылали диким огнем. Посмотрев на безжизненный пылесос, она сказала:

— Ах ты, ублюдок, вшивый ублюдок, ты думал превратить меня в чертову *роботскую потаскуху*? Ты думал, что способен меня включить? Это не удастся ни тебе, ни Фрэнку, ни какому-нибудь еще лопуху. Да я лучше сдохну, чем приму твою вонючую любовь. Когда я захочу, то сама найду и время, и место, и подходящую персону. И это будет *мой* выбор, ни твой, ни его, ни их, только *мой*, слышишь?

Ром, естественно, не ответил. Но, возможно, перед самым концом он уже понял, что его персона здесь не имеет никакого значения. И неважно, был бы он металлическим цилиндром оранжево-красного цвета, зеленым пластмассовым шаром, тонкой ивой или красивым молодым человеком.

«ИЗВИНИТЕ, ЧТО ВРЫВАЮСЬ В ВАШ СОН...»

Прошлой ночью мне приснился очень странный сон. Чей-то незнакомый голос сказал:

— Извините, что врываюсь в ваш сон, но у меня к вам совершенно неотложное дело. Помочь мне можете только вы — больше никто.

Мне приснилось, что я ответил:

— Не нужно извиняться, сон все равно был так себе, и если я могу чем-то вам помочь...

— Вы, и только вы, — произнес голос. — В противном случае я и мой народ обречены на гибель.

— О, господа, — вымолвил я.

Звали его Фрока, и принадлежал он к очень древнему роду. С незапамятных времен соплеменники его жили в широкой до-

лине, окруженной гигантскими холмами. Они всегда жили мирно, по образцовым законам, а детей своих воспитывали с любовью и снисхождением. У них даже были свои выдающиеся художники. И хотя некоторые из них питали слабость к крепким напиткам, а иногда — правда, крайне редко — кто-то умирал насильственной смертью, они считали себя добрыми и достойными уважения мыслящими существами, которые...

— Послушайте, перебил я его, — может быть, перейдем прямо к делу, вашему неотложному делу?

Фрока извинился за многословие, но объяснил, что в его мире всякое прошение должно предваряться изложением моральных достоинств просителя — такова существующая норма.

— Ладно, — успокоил я его. — Давайте перейдем к делу.

Фрока перевел дух и начал. Он рассказал мне, что около ста лет назад (по их представлениям о времени) с небес спустилась невиданных размеров желто-красная колонна. Приземлилась она в третьем по величине городе, неподалеку от памятника Неизвестному Богу у городской ратуши.

Колонна представляла собой цилиндр неправильной формы и имела две мили в диаметре. Вопреки всем законам природы она вдруг поднялась вверх и стала недостижимой для их приборов, потом снова опустилась на прежнее место. Тогда они попытались воздействовать на колонну с помощью холода, тепла, бактерий, протонной бомбардировки, любого приемлемого средства — все безрезультатно. Полная ужасающего величия, она стояла на двигаясь ровно пять месяцев, двенадцать часов и шесть минут.

Потом без всякой видимой причины колонна начала двигаться в северо-западном направлении. Средняя скорость движения составляла 78,881 мили в час (по их представлениям о скорости). Она вспахала поверхность на участке 183,223 мили длиной и 20,011 мили шириной, после чего неожиданно исчезла.

Для обсуждения этого невероятного события собрался симпозиум, на который были приглашены все светила науки. В заключительном документе они заявили, что событие это не поддается объяснению, является уникальным и скорее всего в будущем не повторится.

Однако ровно через месяц оно повторилось, на сей раз цилиндр опустился около столицы. Совершая частые беспорядочные движения, он переместился на расстояние 820,331 мили от места приземления. Причиненный ущерб был огромен, он не поддавался никакому учету. Было унесено несколько тысяч жизней.

Спустя два месяца и один день колонна появилась снова, и на этот раз пострадали все три главных города.

Теперь всем стало ясно, что непонятное и, может быть, не поддающееся пониманию явление представляет угрозу не только для жизни каждого в отдельности, но и для всей цивилизации в целом, ставит на грань гибели весь народ.

Естественно, мысль о возможной трагедии наполнила души граждан отчаянием. Волна всеобщей истерии сменилась волной всеобщей апатии.

Четвертый удар был панесен к востоку от столицы в пустынной местности. Ущерб оказался минимальным, но в народе поднялась паника, настоящая паника, в результате чего многие покончили жизнь самоубийством. Положение усугубилось до крайности. На помощь, наряду с истинными науками, были призваны псевдонауки. Рассматривались любые теории и предположения, кто бы их ни выдвигал — будь то биохимик, гадалка или звездочет. Хватались даже за явно бредовые идеи, особенно после того, как в одну кошмарную летнюю ночь красивый древний город Рас вместе с двумя пригородами подвергся полному уничтожению.

— Извините, — прервал я его. — Все это, безусловно, очень грустно, но я что-то не пойму, какой помощи вы ждете от меня.

— Я как раз к этому собирался перейти, — ответил голос.

— Тогда продолжайте, — разрешил я. — Только советую вам не тянуть резину, потому что я, кажется, скоро пропущу.

— Мою роль в этой истории объяснить довольно трудно, — продолжал Фрока. — По профессии я бухгалтер. Однако у меня есть ряд хобби — на досуге я шутки ради разрабатываю способы, которые расширяют возможности нашего мозга. Недавно я проводил эксперименты с одним химическим элементом, мы называем его «кола». Он обладает способностью вызывать глубокое просветление...

— У нас такие химикалии тоже имеются, — вставил я.

— Значит, вы меня понимаете! Так вот, во время путешествия — вам этот термин должен быть знаком, — находясь, так сказать, под воздействием препарата, я вдруг увидел и понял... на меня снизошло откровение... Но это так трудно объяснить.

— Ничего, ничего, смелее, — поторопил я, — давайте самую суть.

— В общем, — произнес голос, — я понял, что мой мир существует на многих уровнях — на атомном, податомном, в вибрационных плоскостях, он имеет бесчисленное множество уровней действительности, и все они являются составной частью других уровней существования.

— Мне это известно, — начиная нервничать, сказал я. — Недавно я выяснил, что все, сказанное вами, относится и к моему миру.

— Итак, — развивал свою мысль Фрока, — мне стало ясно, что один из наших уровней находится под вашим воздействием.

— А если конкретнее? — попросил я.

— В соответствии с моей гипотезой вмешательство происходит на молекулярном уровне.

— Поразительно! — воскликнул я. — И что же, вы смогли выявить природу этого вмешательства?

— Мне кажется, что да, — ответил голос. — Но у меня нет никаких доказательств. Все это чисто интуитивно.

— Я и сам верю в интуицию, — подбодрил я его. — Так что выкладывайте ваши соображения.

— Сейчас, — неуверенно произнес голос. — Одним словом, я пришел к выводу (чисто интуитивно), что мой мир — это микроскопический паразит на вашем теле.

— Выражайтесь, пожалуйста, яснее!

— Хорошо. Я обнаружил, что в одном из аспектов, в одной из плоскостей действительности, мой мир существует между костяшками указательного и среднего пальцев вашей левой руки. Он находится там вот уже несколько миллионов лет — по нашему летоисчислению. Разумеется, для вас это всего несколько минут. У меня нет никаких доказательств, и я, конечно, ни в чем вас не обвиняю...

— Ничего, ничего, — успокоил я его. — Значит, вы говорите, что ваш мир расположен между костяшками указательного и среднего пальцев левой руки? Прекрасно. И чем же я могу вам помочь?

— Видите ли, не знаю, верна ли моя догадка... Я предположил, что недавно вам потребовалось почесать руку как раз в зоне расположения моего мира.

— Почесать руку?

— Полагаю, что так.

— И вы считаете, что несущая разрушения и смерть огромная красноватая колонна — это один из моих пальцев?

— Именно.

— И вы хотите, чтобы я прекратил чесаться?

— Только около этого места, — торопливо произнес голос. — Мне ужасно неловко, что приходится обращаться к вам с такой просьбой, я делаю это лишь в надежде спасти свою цивилизацию от полного уничтожения. Прошу меня извинить...

— Не надо извиняться, — остановил я его. — Мыслящие существа ничего не должны стесняться.

— Спасибо вам на добром слове, — поблагодарил голос. — Ведь все-таки мы, нечеловекообразные паразиты, чего-то требовать от вас не вправе.

— Все мыслящие существа должны держаться вместе, помогать друг другу, — сказал я. — Вот вам слово чести — никогда до конца дней моих я не буду чесать между костяшками большого и указательного пальцев левой руки.

— Указательного и среднего пальцев, — поправил он.

— Я вообще не буду чесать между костяшками пальцев левой руки! Торжественно клянусь вам в этом и обещаю, что пока я жив, слово не нарушу.

— Сэр, — взволнованно произнес голос, — вы спасли мой мир. Никакими словами не выразить степень моей благодарности. И все же я скажу, что я безмерно вам благодарен.

— Ну, что вы, что вы, не стоит, — сказал я.

Голос окончательно смолк, и я проснулся.

Вспомнив увиденный сон, я открыл аптечку и перебинтовал костяшки пальцев левой руки. Я уже хожу с бинтом целую неделю и, несмотря на позывы, не чешу левую руку и даже не мою ее. В конце следующей недели я бинт сниму. Я прикинул, что по их летоисчислению это обеспечит им полный покой на двадцать-тридцать миллиардов лет, что вполне достаточно для любой цивилизации.

Но сейчас меня беспокоит другое. Дело в том, что недавно у меня возникло какое-то интуитивное чувство опасности. Причина — землетрясение в районе Сан Андреас Фолт; а также возобновившаяся вулканическая деятельность в центральной части Мексики. В общем, когда я эти события сопоставляю, меня охватывает настоящий страх.

Поэтому извините, что я врываюсь в ваш сон, но у меня к вам совершенно неотложное дело. И помочь мне можете только вы — больше никто...

МНЕМОН

То был великий день для нашей деревни, когда пришел мнемон. Но сперва мы его не знали, потому что он утаил от нас свою личность. Он сказал, что его зовут Эдгар Смит и что он мастер по ремонту мебели. Он пришел в нашу деревню пешком, с рюкзаком и ветхим чемоданчиком. Он оглядел наши лавки и дома. Он подошел ко мне и спросил:

— Где полицейский участок?

— У нас его нет, — сказал я.

— В самом деле? Тогда где местный констебль или шериф?

— Люк Джонстон девятнадцать лет был у нас констеблем, — сказал я. — Но Люк умер два года назад. Мы, как положено, сообщили властям, но на его место никого не прислали.

— Значит, вы сами себе полиция?

— Мы живем тихо, — сказал я. — У нас в деревне все спокойно. Зачем вы спрашиваете?

— Потому что мне надо, — не очень любезно ответил Смит. — Немногие знания не так опасны, как абсолютное невежество, а? Ничего, мой пустолицый друг. Мне нравится ваша деревня. Мне нравятся деревянные дома и стройные вязы.

— Стройные что? — спросил я.

— Вязы, — повторил он, указывая на высокие деревья по обеим сторонам Главной улицы. — Разве вам не известно их название?

Я лишь смущенно улыбнулся.

— Много было потеряно и многое спрятано. И всё же нет вреда в названии дерева. Или есть?

— Никакого, — сказал я. — Вязы.
— Я останусь в вашей деревне на некоторое время.
— Будем очень вам рады. Особенно сейчас, в урожайную страду.

Смит гордо посмотрел на меня.

— При чем тут это? Я ведь не сборщик яблок.

— Я вообще не думал об этом. А чем вы занимаетесь?

— Ремонтирую мебель, — сказал Смит.

— В такой деревне, как наша, у вас немного будет работы, — заметил я.

— Ну тогда, может быть, найду еще что-нибудь, к чему приложить руки, — неожиданно усмехнулся он.

Я привел его к дому вдовы Марсини, и он снял у нее большую заднюю спальню с верандой и отдельным входом.

Его приезд вызвал целый поток догадок и слухов. Миссис Марсини уверяла, что Смит — сам полицейский. «Они так работают, — говорила она. — Лет пятьдесят назад каждый третий был полицейским. Вашим собственным детям арестовать вас было что шпунуть. Даже легче!»

Но другие утверждали, что это было очень давно, а сейчас жизнь спокойная, полицейского редко увидишь...

Но зачем появился Смит? Некоторые считали, что он пришел, чтобы забрать у нас что-то. «Какая может быть еще причина прийти в такую деревню?» А другие говорили, что он пришел нам что-то дать, приводя тот же аргумент.

Но мы не знали. Мы просто ждали, что будет.

Он казался немало повидавшим и много знающим человеком.

Однажды мы поднялись с ним на холм. То был разгар осени, чудесная пора. Смит любовался лежащей внизу долиной.

— Этот вид напоминает мне известную фразу Уильяма Джеймса, — сказал он. — Картины пейзажа держатся в человеческой памяти лучше, чем что-нибудь другое. А? Подходит, правда?

— А кто это — Уильям Джеймс?.. — спросил я.

Смит посмотрел на меня.

— Разве я упомянул чье-то имя? Извини, друг, обмолвился.

Но это была не последняя «обмолвка». Через несколько дней я указал ему на уродливый склон, покрытый молодыми елочками, кустарником и сорной травой.

— Здесь был пожар пять лет назад, — объяснил я.

— Вижу, — произнес Смит. — И все же... Как говорил Монтень: «В природе все бесполезно — даже сама бесполезность».

А еще позже, проходя по деревне, он остановился полюбоваться поздно цветущими пионами мистера Вогеля и сказал:

— Воистину у цветов глаза детей и рты стариков...

В конце недели некоторые из нас собрались в задней комнате магазина Эдмондса и стали обсуждать слова мистера Эдгара Смита. Я упомянул про вещи, сказанные им мне. Билл Эдмондс вспомнил, что Смит ссылаясь на человека по имени Эмерсон по поводу того, что одиночество невозможно, а общество фатально. Билли Форклоу сообщил, что Смит цитировал ему какого-то Иона Хиосского: удача, дескать, сильно разнится от Искусства, но все же создает подобные творения. Но жемчужина оказалась у миссис Гордон; по словам Смита, это фраза великого Леонардо да Винчи: «Клятвы начинаются, когда умирает надежда».

Мы смотрели друг на друга и молчали. Было очевидно, что мистер Эдгар Смит не простой мебельщик.

Наконец я выразил словами то, что все мы думали.

— Друзья, — сказал я. — Этот человек — мнемон.

Мнемоны как отдельная категория выделились в течение последнего года Войны, Покончившей Со Всеми Войнами. Они объявили своей целью запоминать литературные произведения, которым грозила опасность быть затерянными, уничтоженными или запрещенными.

Сперва правительство приветствовало их усилия, поощряло и даже награждало. Но после Войны, когда началось правление полицейских Президентов, политика изменилась. Была дана команда забыть несчастное прошлое и строить новый мир. Беспокоящие веяния пресекались в корне.

Здравомыслящие согласились, что литература в лучшем случае не нужна, а в худшем — вредна. В конце концов, к чему сохранять болтовню таких воров, как Виллон, и шизофреников, как Кафка? Необходимо ли знать тысячи различных мнений, а затем разъяснять их ошибочность? Под воздействием таких влияний как можно ожидать от гражданина правильного и лояльного поведения? Как заставить людей выполнять указания?

А правительство считало, что, если каждый будет выполнять указания, все будет в порядке. Но дабы достичь этого благословенного состояния, сомнительные и противоречивые влияния должны быть уничтожены. Следовательно, историю нужно переписать, а литературу ревизовать, сократить, приручить или запретить.

Мнемонам приказали оставить прошлое в покое. Они, разумеется, возражали. Дискуссии длились до тех пор, пока правительство не потеряло терпение. Был издан окончательный приказ, грозящий тяжелыми последствиями для слушников. Большинство мнемон бросило свое занятие. Некоторые, однако, только притворились. Эти некоторые превратились в скрываю-

щихся, подвергаемых гонениям бродячих учителей, где и когда можно продающих свои знания.

Мы расспросили человека, называющего себя Эдгаром Смитом, и тот признался, что он мнемон. Он преподнес нашей деревне щедрый дар: два сонета Уильяма Шекспира; жалобы Иова Богу; один полный акт пьесы Аристофана. Сделав это, он стал предлагать свой товар на продажу жителям деревни.

Мистер Огден обменял целую свинью на две строфы из Симонида.

Мистер Беллингтон, затворник, отдал свои золотые часы за высказывание Гераклита и посчитал это удачной сделкой.

Старая миссис Хит поменяла фунт гусяного пуха на три страницы из поэмы «Атланта в Калидоне» некоего Суинберна.

Мистер Марвин, хозяин ресторана, приобрел короткую оду Катулла, описание Цицерона Тацитом и десять строк из гомеровского Каталога кораблей. Это обошлось ему недешево.

Мне не на что было покупать. Но за свои услуги я получил отрывок из Монтеня, фразу, приписываемую Сократу, и несколько строк из Анакреона.

Неожиданным посетителем оказался мистер Линд, пришедший однажды морозным зимним утром. Мистер Линд был самым богатым фермером в округе и верил только в то, что мог увидеть и пощупать. Меньше всего мы ожидали, что его заинтересуют предложения мнемона.

— Ну, — начал Линд, маленький, краснолицый человек, потирая руки. — Я слышал о вас и ваших незримых товарах.

— А я слышал о вас, — произнес мнемон со странной интонацией. — У вас ко мне дело?

— О да! — воскликнул Линд. — Я желаю купить эти старые чудные слова!

— Я поражен, — сказал мнемон. — Кто мог представить себе такого добропорядочного гражданина, как вы, в подобной ситуации — покупающим товары не только незримые, но и нелегальные?

— Я делаю это для своей жены.

— Но люди моей профессии не раздают слова налево и направо. Каждому получателю мы подбираем соответствующие строки. Если мы ничего не можем найти, то ничего не продаем.

— Я думал, вы предлагаете свой товар всем покупателям.

— Вас дезинформировали. Я знаю одну пиндарическую оду, которую не продам вам ни за какие деньги.

— Как вы со мной разговариваете!

— Я разговариваю как хочу. Если вам не нравится, обратитесь в другое место.

Мистер Линд гневно сверкнул глазами и побагровел, но ничего не мог сделать. Наконец он произнес:

— Простите. Не продадите ли вы что-нибудь для моей жены? На прошлой неделе был ее день рождения...

— Хорошо, что вспомнили, — сказал мнемон. — Но почему за подарком вы обратились ко мне? Разве не лучше подойдет новая маслобойня?

— О нет, — сказал Линд тихим и грустным голосом. — Вот уже месяц, как она лежит в постели... По-моему, она умирает.

Мнемон кивнул.

— Умирает! Я не приношу соболезнований человеку, который довел ее до могилы, и не питаю симпатии к женщине, выбравшей такого мужа. Но у меня есть то, что ей понравится и облегчит смерть. Это будет стоить вам тысячу долларов.

— О Боже, нет ли у вас чего-нибудь подешевле?

— Конечно, есть, — ответил мнемон. — У меня есть невинная комическая поэма на шотландском диалекте без середины; она ваша за две сотни. И есть ода «Памяти генерала Китченера», которую я отдам вам за десять долларов.

— И больше ничего?

— Для вас да.

— Что ж... я согласен на тысячу долларов, — сказал Линд. — Да! Сара стоит гораздо большего!

— Красиво сказано, хотя и поздно.

Мнемон откинулся назад и начал читать. Линд напряженно слушал. И я тоже слушал, проклиная свою нетренированную память и молясь, чтобы меня не выгнали из комнаты. Это была длинная поэма, очень странная и красивая. Она все еще у меня...

Мы люди: необычные животные с необычными влечениями. Откуда в нас эта жажда? Какой голод заставляет человека обменивать три бушеля пшеницы на единую строку? Можно ли страдать от нехватки Платона? Или заболеть от отсутствия Плутарха? Или умереть от незнания Аристотеля? Но я сам видел, что случилось, когда человека оторвали от Стриндберга...

Прошлое — наша часть, и уничтожить эту часть — значит, поломать в нас что-то. Я знаю мужчину, обретшего смелость только после того, как он услышал об Эпиминоне, и женщину, ставшей красивой, услышав про Афродиту.

У мнемона появился враг в лице нашего учителя, мистера Ваха, учившего всему по утвержденной программе. И еще был враг — отец Дульсес, заботившийся о наших духовных потребностях в лоне Всеобщей американской Патриотической Церкви.

Мнемон пренебрегал этими авторитетами. Он говорил нам, что многое, чему они учат, ложно. Он утверждал, что они извращают смысл знаменитых высказываний, придавая им противоположное значение. Мы размышляли над его словами. Медленно, болезненно мы начинали думать снова. И при этом начинали надеяться.

Неоклассический расцвет нашей деревни был бурным, ярким и неожиданным. Только одно напоминало мне, что конец неотвратим. Однажды ранним весенним днем я помогал с уроками соседскому сыну. У него оказалось новое издание «Общей истории», и я посмотрел главу «Серебряный век Рима». И вдруг понял, что там не упоминается Цицерон. Его не внесли даже в буквенный индекс. Я еще подумал: интересно, за что?

А потом, совершенно неожиданно, настал конец. Трое пришли в нашу деревню, в серых мундирах с латунными значками, в тяжелых черных ботинках. Их лица были широкими и пустыми. Они повсюду ходили вместе. Вопросов они не задавали и ни с кем не разговаривали. Они знали точно, где живет мнемон...

Они находились у него в комнате, наверное, минут десять. Затем снова вышли на улицу. Их глаза бегали; они казались испуганными. Они быстро покинули нашу деревню.

Мы похоронили Смита на высоком холме, возле места, где он впервые цитировал Уильяма Джеймса, среди поздних цветов с глазами детей и ртами стариков.

Миссис Блейк совершенно неожиданно назвала своего младшего Цицероном. Мистер Линд зовет свой яблоневый сад Ксанаду. Я сам стал признанным зороастринцем, хотя я и не знаю-то ничего об этой религии, кроме того, что она учит человека говорить правду и пускать стрелу прямо. Но все это — тщега. А правда в том, что мы потеряли Ксанаду безвозвратно, потеряли Цицерона, потеряли Зороастру. Что еще мы потеряли? Какие великие битвы, города, мечты? Какие песни были спеты, какие легенды сложены? Теперь, слишком поздно, мы поняли, что наш разум как цветок, который должен корениться в богатой почве прошлого.

Мнемон, по официальному заявлению, никогда не существовал. Специальным указом он объявлен иллюзией — как Цицерон. Я — тот, кто пишет эти строки, — тоже скоро перестану существовать. Буду запрещен, как Цицерон, как мнемон.

Ничто мне не поможет: правда слишком хрупка, она легко разбивается в железных руках наших правителей. За меня не отомстят. Меня даже не запомнят. Уж если великого Зороастру помнит всего один человек, и того убивают, то на что надеяться мне?!

Поколение коров! Овцы! Свиньи! Если Эпаминон был человеком, если Ахилл был человеком, если Сократ был человеком, то разве мы люди?

ПРОГУЛКА

Возник Папазиан, замаскированный под человека. Он быстро проверил, на месте ли голова. «Нос и носки ботинок должны смотреть в одну сторону», — напомнил он себе.

Все системы работали нормально, в том числе и компактная душа, которая питалась от батареек для карманного фонарика. Папазиан очутился на Земле, в непонятном, сверхъестественном Нью-Йорке, на перекрестке десяти миллионов человеческих судеб. Ему захотелось грохнуться, но человеческое тело не было для этого приспособлено, и он просто улыбнулся.

Папазиан вышел из телефонной будки на улицу — играть с людьми. Сразу же он столкнулся с тучным мужчиной лет сорока. Мужчина остановил его и спросил:

— Эй, приятель, как быстрее пройти на угол Сорок девятой и Бродвея?

Папазиан ответил без колебания:

— Ощупывайте эту стену, а когда найдете неплотность, идите напролом. Этот туннель проложили марсиане — когда они еще были марсианами. Выйдете как раз к углу Сорок восьмой улицы и Седьмой авеню.

— Остряк чертов! — пробормотал мужчина и ушел, даже не дотронувшись до стены.

— Какая косность! — сказал про себя Папазиан. — Надо бы включить это в рапорт.

Но нужно ли ему готовить рапорт? Он не имел понятия.

Время ленча. Папазиан вошел в забегаловку на Бродвее близ Двадцать восьмой улицы и обратился к буфетчику:

— Я хотел бы попробовать ваши знаменитые «хот догс».

— Знаменитые? — изумился буфетчик. — Скорей бы настал такой день!

— Уже настал, — возразил Папазиан. — Ваши «хот догс» пользуются хорошей репутацией по всей галактике. Я знаю кое-кого, кто преодолел тысячи световых лет ради этих булочек с сосисками.

— Чуть! — убежденно сказал буфетчик.

— Да? Возможно, вас заинтересует, что в настоящий момент половина ваших клиентов — пришельцы. В гриме, конечно.

Каждый второй клиент побледнел.

— Вы что, иностранец? — спросил буфетчик.

— Альдебаранец по материнской линии, — объяснил Папазиан.

— Тогда все ясно, — сказал буфетчик.

Папазиан шел по улице. Он ничего не знал о жизни на Земле и наслаждался своим неведением: ему так много еще предстоит узнать. Изумительно — не иметь представления, что делать дальше, кем быть, о чем говорить.

— Эй, приятель! — окликнул его прохожий. — Я доеду по этой линии до Порт-Вашингтона?

— Не знаю, — сказал Папазиан, и это было правдой.

К сожалению, в невежестве есть определенные неудобства. Какая-то женщина поспешила объяснить им, как добраться до Порт-Вашингтона. Узнавать новое довольно интересно, но Папазиан считал, что незнание увлекательнее.

На здании висело объявление: «Сдается в аренду».

Папазиан вошел и взял в аренду. Он полагал, что поступил правильно, хотя в глубине души надеялся, что ошибся, потому что так было бы занятнее.

Молодая женщина сказала:

— Добрый день. Я мисс Марш. Меня прислало агентство. Вам нужна секретарша?

— Совершенно верно. Ваше имя?

— Лилиан.

— Сойдет. Можете приступить к работе.

— Но у вас ничего нет, даже машинки.

— Купите все, что необходимо. Вот деньги.

— А что от меня требуется?

— Вы меня спрашиваете? — с мягкой укоризной сказал Папазиан. — Я понятия не имею, чем заняться мне самому.

— А что вы собираетесь делать, мистер Папазиан?

— Вот это я и хочу выяснить.

— О... Ну, хорошо. Мне кажется, вам понадобятся стол, стулья, машинка и все остальное.

— Превосходно, Лили! Вам говорили, что вы очень хорошенькая?

— Нет...

— Значит, я ошибся. Если вы этого не знаете, то откуда знать мне?

Папазиан проснулся в отеле «Центральный» и сменил имя на Хол. Он сбросил с себя верхнюю кожу и оставил под кроватью, чтобы не умыться.

Лилиан была уже в конторе, расставляла новенькую мебель.

— Вас дожидается посетитель, мистер Папазиан, — сказала секретарша.

— Отныне меня зовут Хол. Впустите его.

Посетителем оказался коротышка по имени Джасперс.

— Чем могу быть полезен, мистер Джасперс? — спросил Хол.

— Не имею ни малейшего представления, — смутился посетитель. — Я пришел к вам, повинуюсь необъяснимому порыву.

Хол напрочь забыл, где он мог оставить свою Машину Необъяснимых Порывов.

— И где же вы его ощутили? — поинтересовался он.

— К северо-востоку отсюда, на углу Пятой авеню и Восемнадцатой улицы.

— Около почтового ящика? Так я и думал! Вы очень помогли мне, мистер Джасперс! Чем я могу вам услужить?

— Говорю вам, не знаю! Это был необъяснимый...

— Да. Но чего бы вы хотели?

— Побольше времени, — печально сказал Джасперс. — Разве не все этого хотят?

— Нет, — твердо сказал Хол. — Но, возможно, я помогу. Сколько времени вам нужно?

— Еще бы лет сто, — попросил Джасперс.

— Приходите завтра, — сказал Хол. — Посмотрим, что удастся для вас сделать.

Когда посетитель ушел, Лилиан спросила:

— Вы действительно можете ему помочь?

— Это я выясню завтра, — ответил Хол.

— Почему не сегодня?

— А почему не завтра?

— Потому что вы заставляете ждать, а это нехорошо.

— Согласен, — сказал Хол. — Зато очень жизненно. Путешествуя, я заметил, что жизнь — суть ожидание. Значит, следует наслаждаться всем, пребывая в ожидании, потому что только на него вы и способны.

— Это чересчур сложно для меня.

— В таком случае напечатайте какое-нибудь письмо.

На тротуаре стоял человек с американским флагом. Вокруг собралась небольшая толпа. Человек был старый, с красным морщинистым лицом. Он говорил:

— Я хочу вам поведать о мире мертвых, они ходят по земле рядом с нами. Что вы на это скажете, а?

— Лично я, — заметил Хол, — вынужден согласиться, потому что рядом стоит старая седовласая женщина, в астральном теле с высохшей рукой.

— Боже мой, это, наверное, Этель! Она умерла в прошлом году и с тех пор я пытаюсь с ней связаться. Что она говорит?

— Цитирую: «Герберт, перестань молотить чепуху и иди домой. Ты оставил на плите яйца, вода уже вся выкипела, и через какие-нибудь полчаса твоя жалкая обитель сгорит дотла».

— Точно, Этель! — воскликнул Герберт. — Этель, как ты можешь называть чепухой разговоры о мире мертвых, когда ты сама — дух?

— Она отвечает, — доложил Хол, — что мужчина, который и яиц-то толком не сварит, не спалив свою квартиру, не вправе рассуждать о духах.

— Вечно она меня пилит, — посетовал Герберт и заторопился прочь.

— Мадам, не слишком ли вы строги? — спросил Хол.

— Он никогда не слушал меня при жизни и не слушает теперь. Разве можно быть слишком строгой с таким человеком?.. Приятно было поболтать с вами, мистер, но мне пора, — сказала Этель.

— Куда? — поинтересовался Хол.

— В дом Престарелых Духов, куда же еще? — и она незримо исчезла.

Хол в восхищении покачал головой.

«Земля! — подумал он. — Какое прекрасное место!»

На Кафедральной аллее толпился народ — в основном, венерианцы, замаскированные под немцев, и обитатели созвездия Стрельца, прикидывающиеся хиппи.

К Холу подошел какой-то толстяк и спросил:

— Простите, вы не Хол Папазиан? Я Артур Вентура, ваш сосед.

— С Альдебарана? — спросил Хол.

— Нет. Я, как и вы, из Бронкса.

— На Альдебаране нет Бронкса, — констатировал Хол.

— Придите в себя, Хол! Вы пропадаете почти неделю. Алина сходит с ума от беспокойства. Она хочет обратиться в полицию.

— Алина?

— Ваша жена.

Хол понял, что происходит. То был Кризис Совпадения Личности. Как правило, внезапные туристы с таким явлением не сталкивались. Кризис сулил Холу потрясающие впечатления. Если бы только они сохранились в памяти!

— Хорошо, — сказал Хол, — благодарю вас за информацию. Жаль, что я причинил столько волнений моей жене, моей дорогой Полине...

— Алине, — поправил Вентура.

— Ну да. Передайте ей, что я приеду, как только выполню задание.

— Какое задание?

— Мое задание заключается в выяснении моего задания.

Хол улыбнулся и попытался удалиться. Но Артур Вентура обнаружил уникальную способность роиться и окружил Папазиана со всех сторон, производя шум и предпринимая попытки силового воздействия. Папазиан подумал о лазерном луче и замыслил убить всех Артуров, но потом решил, что это не в духе происходящего.

Лица, одетые в форму, водворили Папазиана в квартиру, где он пал в объятия рыдающей женщины, которая тут же принялась сообщать ему сведения личного характера.

Хол заключил, что эту женщину звали Алина. Женщина считала, что она его жена. И могла предъявить соответствующие бумаги.

Сперва было даже забавно иметь жену, детей, настоящую работу, счет в банке, автомобиль, несколько смен белья и все остальное, что есть у землян. Хол до самозабвения играл с новыми вещами.

Почти каждый день Алина спрашивала его:

— Милый, ты еще ничего не вспомнил?

А он отвечал:

— Ничего. Но я уверен, что все будет в порядке.

Алина плакала. Хол привык к этому.

Соседи были очень заботливы, друзья — очень добры. Они изо всех сил скрывали от него, что он не в своем уме — чудик, дурик, псих ненормальный.

Хол Папазиан узнал все, что когда-то делал Хол Папазиан, и делал то же самое. Простейшие вещи он находил захватывающе интересными. Мог ли альдебаранец рассчитывать на большее? Ведь он жил настоящей земной жизнью, и земляне принимали его за своего!

Конечно, Хол совершал ошибки. Он плохо ладил со временем, но постепенно приучился не стричь газон в полночь, не укладывать детей в пять утра и не уходить на работу в девять вечера. Он не видел причин для таких ограничений, но они делали жизнь интересней.

По просьбе Алины Хол обратился к доктору Кардоману — специалисту по чтению в головах людей. Доктор сообщал, какие мысли хорошие и плодотворные, а какие — плохие и грязные.

Кардоман:

— Давно ли у вас появилось ощущение, что вы — внеземное существо?

Папазиан:

— Вскоре после моего рождения на Альдебаране.

Кардоман:

— Мы сэкономим массу времени, если вы признаете, что вас одолевают странные идеи.

Папазиан:

— Мы сэкономим столько же времени, если вы признаете, что я альдебаранец, попавший в трудное положение.

Кардоман:

— Тихо! Слушай, приятель, такое заявление может завести черт знает куда. Подчинись моим указаниям, и я сделаю из тебя пай-мальчика.

Папазиан:

— Тихо!

Дело шло на поправку. Ночи сменялись днями, недели складывались в месяцы. У Хола бывали моменты прозрения, доктор Кардоман это приветствовал. Алина писала мемуары под названием «Исповедь женщины, чей муж верил, что он с Альдебарана».

Однажды Хол сказал доктору Кардоману:

— Кажется, ко мне возвращается память.

— Хм-м, — ответил доктор Кардоман.

— Я вспоминаю себя в возрасте восьми лет. Я поил какао железного фламинго на лугу, возле маленькой беседки, недалеко от которой катила свои воды река Чесапик.

— Ложная память из фильмов, — прокомментировал доктор Кардоман, сверившись с досье, которое собрала на мужа Алина. — Когда вам было восемь, вы жили в Янгстауне, штат Огайо.

— Черт побери! — в сердцах воскликнул Папазиан.

— Но вы на верном пути, — успокоил его Кардоман. — У каждого есть подобная память, скрывающая страх и наслаждение больной психики. Не расстраивайтесь. Это хороший признак.

Папазиан приходил и с другими воспоминаниями: о юности, которую он провел юнгой на английской канонерке, о тяготах Клондайка...

Это были неоспоримо земные воспоминания, но не их искал доктор Кардоман.

В один погожий день в дом пришел продавец щеток — он хотел поговорить с хозяйкой.

— Она вернется через несколько часов, — извинился Папазиан. — У нее сегодня урок греческого, а потом резьбы по камню.

— Прекрасно, — сказал продавец. — На самом деле я хотел поговорить с вами.

— Мне не нужны щетки. — ответил Папазиан.

— К черту щетки. Я офицер службы связи. Должен напомнить вам, что мы отбываем ровно через четыре часа.

— Отбываем?

— Все приятное когда-нибудь кончается, даже отдых.

— Отдых?

— Бросьте! — отрезал продавец щеток, или офицер связи. — Вы, альдебаранцы, совершенно невыносимы.

— А вы откуда?

— Я с Арктура. Как провели время, играя с аборигенами?

— Кажется, женился на местной, — сообщил Папазиан.

— Настоящая земная жена, это входило в вашу программу. Ну, идете?

— Бедная Полина расстроится, — посетовал Папазиан.

— Ее имя Алина. Как большинство землян, она все равно значительную часть времени проводит в расстроенных чувствах. Но я не могу заставлять вас. Если пожелаете остаться, учтите, что следующий туристический корабль будет через 50—60 лет.

— Пошли они все к черту, — сказал Папазиан. — Я с вами.

— По-прежнему ничего не помню, — пожаловался Хол офицеру связи.

— Естественно. Ваша память осталась в сейфе на корабле.

— Зачем?

— Чтобы вы не чувствовали себя в незнакомой обстановке. Я помогу вам разобраться.

Корабль поднялся в полночь. Полет был замечен локационным подразделением ВВС. Изображение, возникшее на экране, объяснили большим скоплением болотного газа, через которое пролетала плотная стая ласточек.

Несмотря на отвратительный холод открытого космоса, Хол оставался на палубе и наблюдал, как в отдалении исчезала Земля. Его ждет скучная однообразная жизнь, ждут жены и дети...

Но он не испытывал сожаления. Земля — чудесное место для отдыха, однако она мало приспособлена для жизни.

ЗАМЕТКИ ПО ВОСПРИЯТИЮ ВООБРАЖАЕМЫХ РАЗЛИЧИЙ

1

Ганс и Пьер находятся в тюрьме. Пьер — француз, Ганс — немец. Пьер — небольшого роста, полный, с черными волосами. Ганс — высокий, худой и светловолосый. У Пьера желтая кожа и черные усы. У Ганса здоровый цвет кожи и светлые усы.

2

Гансу и Пьеру становится известно, что недавно объявили амнистию. По условиям этой амнистии Пьера выпустят немедленно. О немцах не говорится ничего, и Ганс должен будет остаться в тюрьме. Это печалит обоих узников. Они думают: «Если бы Ганса освободили вместо Пьера...» (Ганс — опытный слесарь. Оказавшись на свободе, он сможет вызволить из тюрьмы своего друга. Француз — профессор астрофизики и не в состоянии помочь никому, даже сам себе. Он бесполезный человек, но приятный; немец считает его самым хорошим человеческим существом, которое он когда-либо встречал. Ганс принимает решение выйти из тюрьмы, чтобы освободить друга.)

Есть один способ — обмануть стража. Если тот поверит, что Ганс — это Пьер, тогда Ганса выпустят. И он сможет вернуться к тюрьме и помочь Пьеру бежать. Для этой цели они разработали план.

Вот слышатся шаги в коридоре. Это страж! Друзья приступают к первой фазе плана, поменявшись усами.

3

Страж входит в камеру и говорит:

— Ганс, шаг вперед.

Оба мужчины делают шаг.

Страж спрашивает:

— Кто Ганс?

Оба пленника отвечают:

— Я.

Страж разглядывает их. Он видит высокого худого блондина с черными усами и здоровой кожей, стоящего рядом с маленьким полным брюнетом со светлыми усами и желтоватой кожей. Несколько секунд он подозрительно изучает их, затем признает в высоком немца, а другому, французу, приказывает выйти.

Узники готовы к этому. Они бегут за спину стража и меняются волосами.

Страж осматривает их, невозмутимо улыбается и достает классификационный лист. Он определяет, что высокий черноволосый мужчина с черными усами и чистой кожей — немец.

Пленники шепотом совещаются и вновь забегают за спину стража. Ганс пригибается, а Пьер становится на цыпочки. Страж, который чрезвычайно туп, медленно к ним поворачивается.

На этот раз задача сложнее. Он видит двух мужчин одинакового роста. У толстяка светлые волосы, светлые усы, желтоватая кожа. Другой черноволос, худощав, с черными усами и здоровой кожей. У обоих синие глаза — это совпадение.

После некоторого раздумья страж решает, что первый узник — со светлыми волосами, светлыми усами, желтоватой кожей, полный — француз.

Пленники в третий раз проскальзывают за его спину и торопливо советуются. (У стража водянка и очень плохое зрение. Его реакции замедленны из-за скарлатины, которой он переболел в детстве. Он с трудом поворачивается, часто-часто моргая.)

Пленники вновь обмениваются усами. Один втирает в кожу пыль, в то время как другой зачерняет лицо сажей. Полный становится еще выше на цыпочки, а худой еще больше пригибается.

Страж видит полного блондина выше среднего роста, с черными усами и светлой кожей. Слева от него стоит болезненный черноволосый тип ниже среднего роста, со светлыми усами. Страж тщательно изучает их, хмурится, поджимает губы, достает и перечитывает инструкцию. Затем он указывает на светлокожего человека выше среднего роста с черными усами — француз.

Пленник уворачивается. Высокий ту же затягивает пояс вокруг талии, а низкорослый расстегивает ремень и засовывает всякие тряпки. Они снова меняются усами и волосами.

Страж сразу замечает, что фактор «полнота — худощавость» уменьшился в значимости. Он решает сравнить цветовые характеристики, но тут обращает внимание, что у светловолосого черные усы, а у черноволосого — светлые. Блондин слегка ниже среднего роста, а кожу можно считать желтой. Справа от него стоит человек со светлыми усами (немного покривившимися) и чистой кожей, брюнет; он чуть выше среднего роста.

Инструкция бессильна. Тогда страж вытаскивает из кармана старое издание «Процедуры установления личности» и просмат-

ривает его в поисках чего-нибудь подходящего. Наконец он находит пресловутое предписание № 1266 от 1878 года: «Узник — француз всегда стоит слева, немец — справа».

— Ты, — говорит страж, указывая на узника слева. — Пойдешь со мной, француз. А ты, колбасник, останешься здесь, в камере.

4

Страж выводит пленника, оформляет бумаги и выпускает его на свободу.

Ночью бежит оставшийся.

(Сбежать из тюрьмы очень просто. Страж потрясаяще глуп. И не только глуп — каждую ночь он напивается до бесчувствия и, кроме того, принимает пилюли от бессонницы. Ему категорически противопоказана работа стража, но все легко объяснимо — он сын знаменитого адвоката. В виде одолжения власти предоставили это место его физически неполноценному сыну. По той же причине у стража нет напарника и нет начальства. Он совершенно одинок, пьян, напичкан наркотиками, и ничто на свете не может пробудить его. Это мое последнее слово по данному вопросу.)

5

Два бывших узника сидят на скамейке в двух милях от тюрьмы. Они выглядят так же, как мы видели их в последний раз.

Один произносит:

— Я же говорил, что получится! Оказавшись на свободе, ты...

— Конечно, получилось, — соглашается другой. — Когда страж выбрал меня, я понял, что это к лучшему, потому что ты и сам сможешь убежать.

— Минуточку, — перебивает первый. — Уж не хочешь ли ты сказать, что несмотря на наши старания, страж выбрал француза?

— Да, — отвечает второй. — Но это не имело никакого значения. Если бы выпустили слесаря, он бы вернулся и помог спастись профессору, а если бы на свободе оказался профессор, слесарь сам мог бы бежать. Нам не было нужды меняться местами.

Первый пристально смотрит на товарища.

— Мне кажется, ты пытаешься украсть мою принадлежность к французской нации!

— Зачем мне это нужно? — спрашивает второй.

— Потому что ты хочешь быть французом, подобно мне. И понятно — вон виднеется Париж, где лучше быть французом, а не немцем.

— Конечно, я хочу быть французом! — восклицает второй. — Потому что я и есть француз. А город этот — Лимож, а не Париж.

Первый мужчина немного выше среднего роста, темноволосый, со светлыми усами, хорошей кожей, худощавый. Другой мужчина ниже среднего роста, со светлыми волосами, черными усами, нездоровой кожей, склонен к полноте.

Они смотрят друг другу в глаза и видят в них искренность. Если никто не врет, то один заблуждается.

— Если никто не врет, — говорит первый мужчина, — то один из нас заблуждается.

— Согласен, — отвечает другой. — А так как мы оба честные люди, нам надо лишь проследить этапы изменения внешности. Если мы сделаем это, то придем к началу, когда один был небольшого роста светловолосым немцем, а второй — высоким брюнетом, французом.

— Да. Однако разве не у француза были светлые волосы, и не немец был высок?

— Сомневаюсь, — говорит второй. — Но, возможно, тюремная жизнь повредила мою память, и я уже не помню, какие черты были у француза, а какие у немца. Тем не менее, я полон желания все с тобой обсудить и готов согласиться с любыми разумными предложениями.

— Давай. Могут у немца быть светлые волосы?

— Вполне. Надели его еще светлыми усами, это подходит.

— Как насчет кожи?

— Желтая, конечно. В Германии влажный климат.

— Цвет глаз?

— Голубой.

— Толстый или худощавый?

— Естественно, толстый!

— Итак, немец — высокий полный блондин с желтой кожей и голубыми глазами.

— Некоторые детали могут быть неточны, но это мелочи. Теперь припомним, кто из нас так выглядел.

6

На первый взгляд, оба мужчины кажутся абсолютно одинаковыми или, по крайней мере, неразличимыми. Это обманчивое впечатление. Надо помнить, что различия между ними реальны и независимы от внешности, несмотря на то, что являются воображаемыми. Их может воспринять любой человек, и именно они делают одного немцем, а другого — французом.

7

Воспринимать воображаемые различия надо следующим образом: вы фиксируете в уме оригинальные черты каждого, а

затем в обратном порядке проводите все обмены. В конечном итоге вы окажетесь у исходной точки и безошибочно определите, кто — воображаемый немец, а кто — воображаемый француз.

Все очень просто. Другое дело, конечно, зачем вам это надо.

ЧЕРЕЗ ПИЩЕВОД И В КОСМОС С ТАНТРОЙ, МАНТРОЙ И КРАПЧАТЫМИ КОЛЕСАМИ

— Но у меня действительно будут галлюцинации? — спросил Грегори.

— Я уже говорил, что гарантирую это, — ответил Блэйк. — Вы должны попасть куда-то уже сейчас.

Грегори огляделся. Ужасно знакомая скучная комнатенка: узкая застеленная голубым покрывалом кровать, ореховый шкаф, мраморный столик на металлических ножках, двухрожковая люстра, красный ковер да бежевый телевизор. Он сидел в мягком кресле, а напротив, на кушетке, расположился бледный и опухший Блэйк, показывающий пальцем на три крапчатые неправильной формы таблетки.

— Должен заметить, — заявил Блэйк, — что здесь содержатся все виды ЛСД, в основном разбавленные амфетамином или прочими подобными стимуляторами. Но вы к счастью проглотили старый добрый «особый тантро-мантрический быстрорастворимый супер-нарко-ЛСД коктейль», известный в кругах торговцев наркотиками под названием Крапчатые колеса, в основе которого содержится абсолютно чистый ЛСД-25 с тщательно подобранными добавками СТП, ДМТ и ТЭйчС, плюс немножко псилоцибина, мизерного количества ололоки и особого ингредиента собственной разработки доктора Блэйка — экстракта из брусники. То есть вы проглотили новейший и самый эффективный из галлюциногенов.

Грегори взглянул на свою правую руку, согнул и разогнул ее.

— В результате, — продолжал Блэйк, вы получите моментальное тотально-великолепное наркотическое наслаждение, гарантирующее вам галлюцинации по крайней мере на четверть часа, в противном случае я возвращаю деньги и отказываюсь от своей репутации как лучшего подпольного химика Вест-Виллиджа.

— Вы так говорите, словно сами уже его пробовали, — заметил Грегори.

— Вовсе нет, — запротестовал Блэйк. — Я в основном сижу на старом добром амфетамине, том самом амфетамине, что шоферы и старшеклассники глотают фунтами и галлонами. Амфетамин не более чем стимулятор. С его помощью мне работается быстрее и лучше. В мою задачу входит создать собственную мощную нарко-империю между Хьюстоном и 14 стрит, после чего быстренько дать тягу до того, как совсем не сожгу себе нервы или не влипну в разборку с нарко-мафией, а потом выныр-

нута где-нибудь в Швейцарии, где я буду балдеть на шикарных курортах в окружении ярких женщин, толстых банковских счетов, быстрых автомобилей и уважаемых местных политиков.

Блэйк на момент умолк и подергал себя за верхнюю губу.

— От амфетамина, конечно, появляется некая высокопарность, сопровождаемая многословием... Но этого не стоит пугаться, мой дорогой новоявленный друг и уважаемый покупатель. Мои чувства и ощущения нисколько не притупились, и я в полной мере способен взять на себя роль гида в том сверхколдовском мире, куда вы сейчас вступите.

— А сколько времени прошло с тех пор, как я принял таблетку? — поинтересовался Грегори.

Блэйк взглянул на часы.

— Чуть больше часа.

— Почему же она до сих пор не действует?

— Должна подействовать. Несомненно должна. Что-то обязательно должно случиться.

Грегори опять огляделся. И увидел заросшую по краям травой яму, пульсирующую светящимися червями, и влипшего в слюдяную стену сверчка.

Грегори стоял на краю ямы рядом с дренажной трубой, а напротив, на сером мшистом камне, разлегся Блэйк. Его реснички перепутались, а кожа была покрыта разноцветными пятнами. Он показывал на три крапчатые неправильной формы таблетки.

— Что случилось? — любопытствовал Блэйк.

Грегори поскреб тугую мембрану в области грудной клетки. Его реснички спазматически двигались, передавая крайнюю степень удивления и, может, даже испуга. Он вытянул щупальце, посмотрел, какое оно длинное и упругое, затем согнул его пополам и медленно разогнул.

Щупальце Блэйка вытянулось в жесте интереса.

— Ну-ка, малыш, скажи мне, у тебя начались галлюцинации?

Грегори неопределенно взмахнул хвостом.

— Они начались раньше, когда я спросил вас, действительно ли у меня будут галлюцинации. Я уже тогда галлюцинировал, но еще не понимал этого. Все казалось таким обычным и естественным... Я сидел в *кресле*, а вы — на *кушетке*, и мы оба имели мягкий кожный покров, словно какие-нибудь *млекопитающие*.

— Переход в иллюзию часто бывает незаметен, — подтвердил Блэйк. — Ты будто вскальзываешь туда, а потом выскальзываешь обратно. И что же случилось теперь?

Грегори завернул кольцом свой сегментарный хвост и расслабил щупальце. Он огляделся. Яма была до скукоты ужасно знакомой.

— Теперь я вернулся к обычному состоянию. А вы считаете, что галлюцинации должны продолжаться?

— Как я уже говорил, я гарантирую это, — произнес Блэйк,

изящно складывая глянцевитые красные крылья и поудобней устраиваясь в углу гнезда.

ПЕ-ДЕ-ТРУА ШЕФ-ПОВАРА, ОФИЦИАНТА, КЛИЕНТА

ПОВАР

События, о которых я хочу вам рассказать, произошли несколько лет назад, когда я открыл лучший на Балеарских островах индонезийский ресторан.

Я открыл ресторан в Санта-Эулалии-дель-Рио — небольшом городке на острове Ивиса. В то время в главном городе острова уже был индонезийский ресторан, и еще один — в Пальме. Но все в один голос твердили, что мой, безусловно, лучший.

Несмотря на это, нельзя сказать, что дела шли блестяще.

Санта-Эулалия — крохотное местечко, сюда приезжают отдыхать писатели и художники. Это люди весьма бедные, но они вполне могли позволить себе рийстафель. Так почему бы им не бывать у меня чаще? Уж явно не из-за конкуренции ресторана Хуанито или той забегаловки, что в Са-Пунте. Отдавая должное омарам в майонезе у Хуанито и паэлье в Са-Пунте, хочу тем не менее отметить, что эти блюда и в подметки не годились моим самбалам, сате из курицы и особенно свинине в соевом соусе.

Думаю, что причиной всему — эмоциональность и темперамент людей искусства, которым необходимо время, чтобы привыкнуть к новому. В частности, к новому ресторану.

Я сам такой. Вот уже много лет пытаюсь стать художником. Именно поэтому я и открыл ресторан в Санта-Эулалии.

Арендная плата была невысока, готовил я сам, а подавал клиентам один местный паренек, он же менял пластинки на проигрывателе и мыл посуду. Платил я ему мало, но лишь потому, что больше не мог. Это был чудо-парень: работающий, всегда опрятный и бодрый. Если ему хоть немного повезет, он непременно станет когда-нибудь губернатором Балеарских островов.

Итак, у меня был ресторан «Зеленый фонарик», был официант, а вскоре появился и постоянный клиент.

Я так и не узнал его имени. Американец — высокий, худой, молчаливый, с черными как смоль волосами, лет тридцати или сорока. Он приходил каждый вечер ровно в девять, заказывал рийстафель, ел, платил, оставлял десять процентов чаевых и уходил.

Признаюсь, что насчет постоянного клиента я слегка преувеличил, так как по воскресеньям он ел паэлью в Са-Пунте, а по вторникам — омаров в майонезе у Хуанито. Но почему бы и нет? Я сам иногда обедал у них. Остальные пять вечеров клиент сидел у меня, чаще всего в одиночестве, редко — с женщиной, порой — с другом.

Честно говоря, я мог бы прожить в Санта-Эулалии на одном этом клиенте. Не на очень широкую ногу, но мог бы. Тогда все было дешево.

Разумеется, оказавшись в такой ситуации, когда более или менее зависишь от одного посетителя, начинаешь относиться к нему с особым вниманием.

Я жаждал угодить ему и стал изучать его вкусы и пристрастия. Постоянному клиенту я подавал особый рийстафель — на тринадцать тарелках. Стоило это 300 песет — по тем временам, около пяти долларов. Рийстафель — значит «рисовый стол». Это голландский вариант индонезийской кухни. На центральное блюдо выкладывается рис и поливается саджором — овощным соусом. Затем вокруг сервируются такие блюда, как говядина-кэрри, «сате-баби» — свинина в ореховом соусе, жаренная на вертеле, и «самбал-уданг» — печенка в соусе «чили». Все это дорогие яства, потому что в основе их — мясо. Кроме того, подаются самбал с говядиной, «перкадель» — яйца с мясной подливкой и различные овощные и фруктовые блюда. Ну и, наконец, арахис, креветки, кокосовый орех, жареный картофель и тому подобное.

Все дается в маленьких овальных мисочках и производит впечатление целого вагона еды.

Мой клиент обычно ел с хорошим аппетитом и приканчивал восемь или десять блюд плюс половину риса — отличный результат для любого лица неголландского происхождения.

Увы, меня это уже не удовлетворяло. Я заметил, что клиент никогда не ест печенку, поэтому «самбал-уданг» пришлось заменить на «самбал-ати» — тот же самбал, только с креветками. Креветки клиент поглощал с особым удовольствием, особенно, когда я не жалел его любимой ореховой подливки.

Спустя короткое время он стал прибавлять в весе.

Это воодушевило меня. Я удвоил порции картофельных палочек и мясных шариков. Американец стал есть как истинный голландец. Он быстро полнел.

Через два месяца в нем было фунтов десять или двадцать лишнего веса. Меня это не беспокоило, я стремился превратить клиента в раба моей кухни. Я купил глубокие миски и подавал теперь удвоенные порции. Я заменил «сате-баби» на «баба-тра-си» — свинину в креветочном соусе, так как к арахисовой подливке клиент теперь не притрагивался.

На третий месяц он перешел границу тучности — в основном из-за риса и острого соуса. А я стоял у плиты, как органист за пультом органа, и играл на его вкусовых сосочках. Он склонял над мисками свое круглое и блестящее от пота лицо, а Пабло крутился рядом, меняя блюда и пластинки на проигрывателе.

Да, теперь стало ясно: этот человек полюбил мою кухню. Его ахиллесова пята находилась в желудке, если так можно выразиться. Этот американец до встречи со мной прожил тридцать или сорок лет на белом свете и остался худым. Но откуда

берется худоба? Я думаю, причина — в отсутствии еды, отвечающей вкусу данного индивида.

Я выработал теорию, согласно которой большинство худых людей — потенциальные толстяки, просто не нашедшие своей специфической пищи. Я знал одного тощего немца, который прибавил в весе, когда вел монтаж оборудования в Мадрасе и столкнулся с совершенно новыми для себя юго-восточными яствами. И еще одного прожорливого мексиканца — гитариста, игравшего в лондонском клубе: он утверждал, что полнеет только в своем родном городе — Морелии; причем в Центральной Мексике любая другая пища на него вовсе не действовала, а вот в Оахаке, как бы ни были превосходны блюда, он неизменно худел. И знал я англичанина, который большую часть жизни провел в Китае. Так вот, он заверял меня, что не может жить без сычуаньской пищи, что кантонская или шанхайская кухни его совершенно не удовлетворяют и что различия между кухнями в разных провинциях Китая гораздо больше, чем в Европе. Этот мой знакомый жил в Ницце, вкушал провансальские блюда, разнообразя их красным соевым творогом, соусом «амой» и бог весть чем еще. И жаловался мне, что у него собачья жизнь!

Как видите, поведение моего американца вполне объяснимо. Он, совершенно очевидно, относился к числу людей, не нашедших своей пищи. И теперь, поедая рийстафель, наверстывал упущенное за тридцать или сорок предыдущих лет.

Истинный повар должен чувствовать ответственность за своего клиента. В конце концов, повар — тот же кукловод: он манипулирует клиентами, как марионетками, играя на их вкусовых пристрастиях.

Но я-то не истинный повар, я простой итальянец с необъяснимым влечением к рийстафелю. Самое горячее мое желание — стать художником.

И я продолжал пичкать клиента рисом. Теперь мне казалось, что этот человек полностью в моей власти. Бывало, ночами я просыпался в холодном поту: мне снилось, что он поднимает расплывшееся лунообразное лицо и говорит:

— Вашему «самбал-удангу» не хватает пикантности. Дурак я был, что ел у вас! Наши отношения кончены.

И я безрассудно увеличивал порции, заменил вареный рис на жаренный в масле с шафраном и добавил цыпленка в соусе «чили» с арахисом.

Мне казалось, что мы оба — я у плиты, а он за столом — пребывали в каком-то бредовом состоянии. Он чудовищно раздался — этакая колбаса, а не человек, — и каждый лишний фунт его веса служил доказательством моей власти.

А затем внезапно наступил конец.

Я как раз приготовил деликатес — «самбал-ати» — чистое безумие с моей стороны, если учесть вздувшиеся цены. Но американец не пришел, хотя я задержал закрытие на два часа.

И на следующий вечер не пришел.

На третий — тоже.

На четвертый день он вошел, неуклюже переваливаясь, и сел за свой столик.

Ни разу за все время я не заговаривал со своим клиентом. Но в тот вечер я осмелился подойти, слегка поклонился и вежливо сказал:

— Вы пропустили несколько вечеров, минхерц.

— Да, к сожалению, я не мог прийти, — ответил он.

— Надеюсь, ничего страшного?

— Нет, просто легкий сердечный приступ. Но доктор советовал отлежаться.

Я поклонился. Пабло ждал от меня указаний. Американец заправил за воротник гигантскую красную салфетку, купленную специально для него.

Только сейчас я наконец осознал то, о чем должен был давно задуматься: я убиваю этого человека!

Я взглянул на горшки с мясом, на блюда с гарнирами, на горы риса и острых приправ. Это были орудия медленной смерти.

И я закричал:

— Ресторан закрыт!

— Но почему? — изумился клиент.

— Мясо подгорело, — ответил я.

— Тогда подайте мне рийстафель без мяса, — сказал он.

— Это невозможно, — возразил я. — Рийстафель без мяса — не рийстафель.

В глазах клиента появилась тревога.

— Ну так приготовьте омлет — и положите побольше масла.

— Я не готовлю омлеты.

— Тогда свиную котлету — и пожирнее. Или, на худой конец, просто горшочек жареного риса.

— Минхерц, кажется, не понимает, — сказал я. — Я подаю исключительно рийстафель и делаю его по всем правилам — или вообще ничего не готовлю.

— Но я голоден! — воскликнул клиент плаксивым голосом.

— Можете полакомиться омарами в майонезе у Хуанито или паэльей в Са-Пунте. Вам не привыкать, — добавил я, не в силах удержаться от сарказма.

— Я не хочу! — закричал он, едва не рыдая. — Я прошу рийстафель!

— Тогда езжайте в Амстердам! — заорал я, сбросил горшки на пол и выбежал из ресторана.

Я сложил вещи и незамедлительно уехал в Ивису, в самый раз успел на ночной теплоход в Барселону, а оттуда вылетел в Рим.

Согласен, я был груб с клиентом. Но — в силу необходимо-

сти. Надо было сразу пресечь его прожорливость. И мою собственную беспечность.

Мои дальнейшие странствия не имеют отношения к этой истории. Добавлю лишь, что на греческом острове Кос я держу лучший ресторан. Я составляю рийстафель с математической точностью и ни грамма не прибавляю даже постоянным клиентам. Никакие сокровища не заставят меня увеличить порцию или дать добавку.

Я часто думаю: что стало с тем американцем и Пабло, плату которому я выслал из Рима?

— Я все еще пытаюсь стать художником.

ОФИЦИАНТ

Эти события произошли несколько лет назад, когда я работал официантом в индонезийском ресторанчике в Санта-Эулалии-дель-Рио на Ивисе, одном из Балеарских островов.

Я был еще мальчишкой, мне не исполнилось и восемнадцати, а попал я на Ивису в составе команды французской яхты. Капитана уличили в контрабанде, судно конфисковали. Так я остался на Ивисе, где переехал в Санта-Эулалию. Сам я родом с Мальты и обладаю природными способностями к языкам. Жители местечка считали, что я из Андалузии, а иностранная колония принимала за местного.

Поначалу я вовсе не собирался долго задерживаться в ресторане голландца — слишком уж мизерную зарплату он платил.

Но вдруг я обратил внимание на его пластинки.

У голландца оказалось прекрасное собрание джазовой музыки. В ресторане был неплохой проигрыватель, усилитель и колонки, по тем временам — превосходная техника.

Голландец совершенно не разбирался в музыке, даже вовсе не обращал на нее внимания, полагая джаз некой обеденной атрибутикой — вроде свечей в серебряных подсвечниках.

Но я, Антонио Варга (он звал меня Пабло), страстно люблю музыку. Еще в детстве я научился играть на трубе, гитаре и пианино. Чего мне не хватало — это глубокого и тонкого знания джазовых форм.

И я пошел в услужение к голландцу, чтобы получить возможность постоянно слушать пластинки, изучать американские идиомы и готовить себя к жизни музыканта. Он мог бы мне совсем ничего не платить — хватило бы одного Луи Армстронга.

Я привел пластинки в порядок, расставил их по системе, заставил хозяина заказать в Барселоне голову с алмазной иглой, переместил колонки, чтобы избежать искажений, и сам составил несколько отличных джазовых программ.

Чаще всего я начинал с «Мрачного настроения» в исполнении оркестра Дюка Эллингтона, затем переходил на Стэна Кен-

тона и, чтобы разрядить обстановку, заканчивал «Прощальным блюзом» Эллы Фицджералд.

Скоро я обратил внимание, что вся аудитория состоит из одного-единственного человека, не считая меня и голландца.

Да, у меня появился слушатель — высокий, худой, молчаливый британец, явный поклонник джаза.

Я заметил, что он ест в соответствии с музыкой — медленно и меланхолично, если я ставил «Не надо грустить», отрывисто и быстро, когда звучал «Караван».

Более того, в зависимости от выбираемой мной музыки явно менялось его настроение. Эллингтон и Кентон возбуждали его: он жевал яростно, отбивая левой рукой такт. Чарли Барнет действовал расслабляюще, я бы даже сказал, угнетающе — каким бы ни был темп вещи, британец ел медленно, поджав губы и нахмутив брови.

Если вы фанатичный меломан и так же, как я, истинный музыкант в душе, вы поймете завладевшее мной стремление: пленить единственного слушателя.

Сперва я прошелся по Эллингтону и Кентону, потому что все еще был не уверен в себе. Мне так и не удалось приучить британца к монументальным фантазиям Чарли Паркера, а Барнет просто действовал ему на нервы. Но я привил ему любовь к Луи Армстронгу, Элле Фицджералд, Эрлу Хейнсу и «Современному джаз-квартету». Я точно определил музыкальный вкус британца и составлял программу на вечер специально для него.

Британец был самозабвенным слушателем. Но за музыку, увы, ему приходилось расплачиваться: изо дня в день он вынужден был давиться рийстафелем голландца — жуткой мешаниной из тушеного по-всякому мяса, чрезмерно острого и однообразно политого соусом «чили». Отвертеться невозможно: голландец не любил, чтобы люди торчали в ресторане, не сделав заказ. Стоило вам войти — и он тут же всовывал меню, а как только вы доедали последнее блюдо — выкладывал на стол счет. Может быть, подобное обслуживание принято в Амстердаме, но в Испании такого не приемлют. Иностранной колонии в Санта-Эулалии, проникнутой испанским духом больше, чем сами испанцы, это не нравилось. Таким образом, из-за своей грубости и жадности голландец мог положиться только на одного постоянного клиента — на англичанина, который в действительности-то приходил слушать музыку!

Немного погодя я заметил, что мой слушатель прибавляет в весе. Поразительно, какое влияние может оказывать джаз! Была здесь и моя скромная заслуга — ведь программы, которые я составлял, помогали поклоннику музыки справляться с тяжелым и немusыкальным рийстафелем.

Я был тогда молод и беспечен. Я со всей страстью стремился покорить этого человека, подчинить его Армстронгу, Эллингтону и себе.

Англичанин полнел. Мне следовало бы ставить что-нибудь строгое и аскетичное, вроде Бейдербека или прочих формалистов дикиленда. Они, правда, были не в его вкусе, но непременно оказали бы сдерживающее воздействие. Однако я бесстыдно потакал его желаниям.

Однажды вечером в качестве музыкальной шутки я поставил миллеровскую «Нитку жемчуга» — милую, непритязательную мелодию. И сразу увидел, что англичанину нравится «свинг».

Конечно, мне бы просто оставить это без внимания. Британец явно обладал талантом слушателя, но он был музыкально необразован. Я должен был обучить его, показать то великое, на что способна музыка, однако вместо этого я потворствовал его сентиментальности: ставил Гленна Миллера, Томми Дорси, Гарри Джеймса. Я немного приходил в себя, слушая Бенни Гудмена, и тут же падал на самое дно, беззащитно крутя Вэна Мунро.

Это ужасно — иметь такую власть над человеком. Месяца через два я мог вертеть своим слушателем с той же легкостью, с какой вертел пластинки.

Хозяин ресторана тщеславно считал, что клиента привлекают его яства. На самом деле это я заставлял его есть.

Иногда, когда я ставил «Поезд» или, например, «Блюз на улице Бил», англичанин мрачнел и раздраженно откладывал вилку. Тогда я быстро переключался на «Нитку жемчуга», или «Грустный вечер» Гленна Миллера, или «Розовый коктейль для скучающей леди». А то взбадривал англичанина Гарри Джеймсом или Томми Дорси.

Подобная музыка действовала на него, как наркотик. Показывая в такт головой, со слезами на глазах он брался за столовую ложку. А я продолжал вертеть им, не задумываясь, куда это приведет.

Однажды британец не явился в ресторан.

Не было его и на следующий вечер, и в течение еще нескольких дней.

Наконец он пришел, и хозяин — опасаясь, понятно, за свой основной источник дохода — осведомился о здоровье британца.

Тот ответил, что у него было обострение язвы, но сейчас все хорошо.

Хозяин кивнул и отправился стряпать свою дьявольскую еду.

Англичанин взглянул в мою сторону и впервые обратился персонально ко мне (помню, Стэн Кентон наигрывал «Вниз по Аламо»):

— Простите, пожалуйста, не будете ли вы так добры поставить «Луну над Майами» Вэна Мунро?

— Конечно, с удовольствием, — ответил я и подошел к проигрывателю. Снял пластинку Кентона. Достал Мунро. И в этот миг понял, что убиваю, буквально убиваю британца.

Он превратился в музыкального наркомана и жить не мог без пластинок. Но слушал их только здесь, обжираясь рисом и самбалом, которые разжедали слизистую его желудка.

В этот момент я прозрел.

— Никакого Вэна Мунро! — крикнул я.

Британец пораженно замигал заплывшими глазами. Из кухни вышел хозяин, удивленный, что я повысил голос.

— Может быть, Гленн Миллер?.. — промямлил англичанин.

— Ни за что!

— Томми Дорси?

— Исключено.

Несчастный затрясся, челюсти его задрожали.

— Ну хоть Дюк Эллингтон! — взмолился он.

— Нет!

— Пабло, ты ведь любишь Дюка Эллингтона! — воскликнул хозяин.

— Поставьте Бейдербека или хотя бы «Современный джазквартет»! Что-нибудь!!!

— С вас достаточно, — сказал я британцу. — Концерт окончен.

И со страшной силой грохнул кулаком по усилителю. Внутри зазвенели, разбиваясь, лампы.

Клиент с хозяином лишились дара речи.

Я вышел, даже не потребовав плату за две недели, на попутных добрался до Ивисы, а сам сел на теплоход до Марселя.

Теперь я довольно известный саксофонист. Меня можно услышать каждый вечер, кроме воскресенья, в клубе на улице Ашетт в Париже. Мною восхищаются, слушатели ценят классическую ясность и чистоту формы и уважают как приверженца диксиленда.

И все же на моей совести остался грех — тот самый несчастный англичанин. Я искренне сожалею о случившемся.

И часто задумываюсь: что же случилось с моим хозяином и его постоянным клиентом?

КЛИЕНТ

Я взял грех на душу много лет назад в маленьком испанском городке Санта-Эулалия-дель-Рио; до сих пор не признавался в этом ни одной живой душе.

Я отправился в Санта-Эулалию, чтобы написать книгу. Со мной поехала жена. Детей у нас не было.

Во время моего пребывания там какой-то финн или, скорее, мадьяр открыл ресторанчик, где подавали рийстафель. Сие событие с одобрением встретила вся иностранная колония. До тех пор мы выбирали между омарами в майонезе у Хуанито и пазльей в

Са-Пунте. Готовили и там и там отлично, но ведь даже самые изысканные яства рано или поздно приедаются.

Многие из нас начали столоваться у финна, где всегда царила какая-то живая атмосфера. Добавьте к этому, что у венгра была замечательная коллекция пластинок. Такое место не могло не пользоваться успехом.

Моя жена — замечательная женщина, но готовит она из рук вон плохо. Я обедал у мадьяра пять раз в неделю и стал одним из его постоянных клиентов.

Через некоторое время я обратил внимание на официанта.

Молодой, лет шестнадцати или семнадцати, он, по-моему, был индонезийцем — оливковая кожа, иссиня-черные брови и волосы. Сущее удовольствие было смотреть, как он — гибкий, изящный, быстрый — носится вокруг, подавая блюда и меняя пластинки. Я любовался юношей, как любят греческой скульптурой или статуями Микеланджело, и получал от этого невинного, в сущности, занятия эстетическое наслаждение. Кроме того, индонезиец отлично вписывался в повесть, над которой я в то время мучился: такого героя я долго и безуспешно искал.

Я проводил в ресторане все вечера и сидел допоздна. Повар подавал мне гигантские порции, и я ел, благодарный, что могу задержаться.

Жена моя к тому времени вернулась в Соединенные Штаты.

Естественно, я полнел. Кто в состоянии съесть каждый вечер по три фунта риса с мясом и не полнеть? Увлеченный созерцанием юношеской красоты, переполненный мыслями о будущей книге, я забросил друзей и перестал следить за своей внешностью. Каждый вечер, когда я выходил из ресторана, живот мой стонал, переваривая чрезмерно острую пищу. Я ложился в постель, думал о чувстве прекрасного, о литературе и с нетерпением ждал следующего вечера.

Не знаю, сколько это могло продолжаться и куда могло меня завести. Я терял свою застенчивость, терял гордость. И тут я кое-что заметил.

Я понял, что остался единственным клиентом ресторана, и глубоко задумался. Пускай я растерял всех друзей и знакомых — но почему они перестали обедать в этом ресторане? Все было без изменений — еда, музыка... Все, кроме меня.

Как-то раз, расправляясь с очередной порцией самбала, я вдруг необыкновенно отчетливо осознал, как чудовищно растолстел. Я взглянул на себя со стороны и увидел... отвратительного типа, от одного вида которого воротит с души. Никто не захочет есть с ним в одной компании.

И тут до меня дошло: именно я причина того, что венгр растерял всех своих клиентов. Какой нормальный человек станет любоваться мной? А ведь я просиживал там все вечера.

Либо подобное озарение должно немедленно привести к действию, либо я навсегда потеряю уважение к себе.

Я с грохотом отодвинул стул и поднялся — нельзя сказать, что с легкостью. Повар и официант озадаченно глядели, как я, переваливаясь, направляюсь к двери.

Повар закричал:

— Я плохо приготовил?!

— Дело не в еде.

Юноша потупился:

— Должно быть, я обидел вас, поставив скверную пластинку?

— Наоборот, — ответил я. — Вы радовали меня чрезвычайно. Я сам оскорбил себя сверх всякой меры.

Они не поняли.

Повар воскликнул:

— Может, попробуете свининки? Свежая, с пылу, с жару!

Юноша сказал:

— Есть новая пластинка Армстронга, вы ее еще не слышали.

Я остановился в дверях.

— Благодарю вас обоих. Вы хорошие люди. Но мне лучше уйти.

Я вернулся домой, сложил чемодан, вызвал такси и поздно вечером вылетел из Ивисы в Барселону.

Многие годы прошли с тех пор. Я живу сейчас в Сан-Мигеле-де-Альенде, в Мексике, с новой женой и двумя детьми.

Я часто думаю, как сложились судьбы повара и официанта. Насколько я понимаю, они должны процветать в Санта-Эулалии. При условии, конечно, что мое безобразное поведение не погубило репутацию ресторана.

Если так, чрезвычайно об этом сожалею.

Я все еще пытаюсь стать писателем.

ЗАПИСКИ О ЛАНГРАНАКЕ

1

Нельзя описать это место, не описав себя. Но нельзя описать себя, не описывая это место. Так с чего же начать? Наверное, мне следует описывать нас вместе. Но я сомневаюсь, что сумею это сделать. Вероятно, я вообще не способен что-либо описывать.

Все же, я нахожусь на чужой планете — ситуация, которая обычно считается интересной. Моя личность тоже представляет интерес. И уж, во всяком случае, я способен записать свои впечатления.

Пожалуй, надо начать с описания своей неспособности что-либо описывать. Но это я уже кое-как сделал.

2

Я решил начать со шпилей.

Здесь главный город называется Лангранак. Он примечателен своими шпилями. С вершины горы в пяти милях от города кажется, что он целиком состоит из шпилей — разных форм, размеров и цветов. В Венеции и Стамбуле, я слышал, тоже много шпилей. Шпили, независимо от своих качеств, оказывают приятное эстетическое воздействие. Шпили Лангранака выглядят совершенно *чужими*. По-моему, это все, что я должен сказать о шпилях.

3

Я — человек с Земли, среднего роста и сложения, один из очень многих. Моя необычность заключается в том, что я нахожусь на чужой планете.

Большую часть времени я провожу в своем корабле. Сколько усилий было приложено, чтобы сделать его удобным и уютным! Я чувствую себя здесь как дома. Раньше я смеялся над американским стилем, сейчас перестал. Мне нравятся пиццериздатовская машина и фонтанчик кока-колы. Хот-догс — будто прямо от «Натана». Только кукурузные початки, жаренные на масле, еще не на уровне. Пока эту проблему не решили.

4

Здесь почти ничего не происходит. Об этом я предпочел бы не упоминать. Рассказ, по моему представлению, должен быть насыщен приключениями и загадками; именно такие истории мне нравятся читать. Но со мной ничего не случается. Вот я — на чужой планете, среди чужих существ, — и *ничего* не происходит. Тем не менее, я верю, что рассказ у меня выйдет. Ведь все ингредиенты налицо.

5

Вчера я имел беседу с мэром Лангранака. Мы обсуждали проблемы космической дружбы и сошлись на том, что наши народы должны быть друзьями. Кроме того, говорили о межзвездной торговле, которую одобрили в принципе. Но при конкретном обсуждении выяснилось: мы не многое можем предложить из того, что хотят они, и наоборот. Совершенно недостаточно, чтобы оправдать высокую стоимость транспортировки.

Понимаете, в их распоряжении целая планета. То же и у нас. Так что соглашение осталось чисто теоретическим.

Гораздо больше возможностей у программы туристического обмена. И они, и мы — все любят путешествовать. Цены, разумеется, фантастические, но некоторым по карману. Во всяком случае, начало будет положено.

6

Я очень много читаю. Прочитал массу книг по дзен-буддизму, йоге, тибетскому и хинди мистицизму. «Входите в тишину как можно чаще, оставайтесь в ней как можно дольше». Вот и весь смысл, честное слово. Способы предохранения личности от болтовни. и суматохи.

«Однонаправленность». Я хочу достичь ее страстно, да мозг мой не желает покоя. Приходят какие-то мысли, ощущения. Иногда удается: бренный мир отступает, я отрешаюсь минут на пять... Но это не приносит удовлетворения. Полагаю, мне нужен гуру. Я даже прикидывал, не поискать ли наставника здесь. Однако вряд ли игра стоит свеч — слишком мало мне осталось времени. Вот так всегда.

7

Вчера ночью было затмение. Я собирался наблюдать его, но задремал над книгой и проспал. Ну и ладно. Все засняли автоматические камеры, просмотрю позже.

8

Ничего здесь не кажется странным, честно. Люди продают и покупают. Работают кто где. Попадаются нищие. Вполне постижимый мир. Конечно, я не все понимаю; но я и дома не все понимал. Хотел бы я сказать: «что эти люди творят — просто уму непостижимо!». Но нет ничего непостижимого и невероятного. Они выполняют свою работу и живут своей жизнью, и я делаю тоже самое, и все это кажется совершенно нормальным. Приходится напоминать себе, что я нахожусь на чужой планете. Не то, что я могу забыть, разумеется. Просто никак не проникнуть чувством удивления.

9

Сегодня взял себя в руки и отправился на руины. Мне усиленно рекомендовали их посетить, и я рад, что выбрался.

Развалины — считается, что они принадлежат исчезнувшей несколько тысячелетий назад цивилизации — расположены приблизительно в десяти милях от пригородов Лангранака. Они занимают большую площадь. Я осмотрел три главные башни, частично реставрированные. Стены украшены тонкой резьбой и барельефами разных животных, которых, как сообщил мой гид, на самом деле не существует. Кроме того, видел статуи, очень стилизованные. Гид рассказал, что им когда-то поклонялись как божествам. Еще там есть лабиринты, некогда имевшие религиозное значение.

Все это я фотографировал. Условия освещенности средние. Снимал аппаратом «Никон», через 50-миллиметровый объектив; иногда ставил 90-миллиметровый.

Гид указал на любопытный факт: среди массы изображений нигде не встречается параллелограмм. Строители этих руин, вероятно, считали его эстетически невыдержанным. А может, это было религиозным табу? Не исключено, однако, что они просто не открыли форму параллелограмма, хотя широко пользовались квадратом и треугольником. Точно никому не известно.

Исследования продолжаются. Прояснение этого вопроса во многом облегчит понимание психологии древнего загадочного народа.

10

Сегодня праздник. Я пошел в город и сидел в одном из ресторанчиков, пил то, что здесь считается кофе, и наблюдал за прохожими. Очень красочное зрелище. Согласно брошюре, в этот день отмечают годовщину важной военной победы над соседней страной. Теперь оба государства поддерживают дружеские отношения.

11

В городе живут три основные группы людей. Старые обитатели, вроде англичан; эмигранты первой волны похожи на французов, а позднейшие эмигранты — на турок. Между этими группами существуют трения. Народную одежду, когда-то очень популярную, сейчас носят только по особым праздникам. Все жалеют об уходе этого обычая.

12

Иногда, вечерами, меня охватывает тоска. Тогда я не могу уснуть. Я читаю и слушаю записи, смотрю кино по корабельному проектору. Потом принимаю снотворное. Вероятно, скучаю по

дому. Впрочем, я и дома так себя чувствовал. И принимал снотворное.

13

Боюсь, что это не очень интересная планета. Говорят, в другом полушарии гораздо лучше. Но вряд ли я туда отправлюсь. Договор о дружбе подписан, моя работа выполнена. Пожалуй, пора улетать. Весьма жаль, что этот мир оказался совсем не экзотическим местом. Надеюсь, в следующий раз мне повезет больше.

ЧУМНОЙ РАЙОН

Неопытные путешественники обычно стараются материализоваться в каком-нибудь укромном месте, в уединении. Они возникают на помойках, в складских помещениях, в телефонных будках, отчаянно надеясь, что переход выполнен гладко. И неизбежно подобное поведение только привлекает к ним внимание — то самое, чего они хотели избежать. Но для такого опытного путешественника, как я, переход — пустяк. Место моего назначения — Нью-Йорк в августе 1988 года. Я выбрал вечерний час пик и материализовался в гуще толпы на Таймс-сквер.

Конечно, для этого требуется определенная сноровка. Нелзя же просто появиться. Надо сразу начать двигаться: голова слегка наклонена, плечи чуть сгорблены, в глазах бессмысленное выражение. Тогда никто тебя не заметит.

Я провел всю операцию превосходно и, держа в руке чемоданчик, поспешил в центр. Там, возле пруда у вашингтонской арки, опустил чемоданчик на землю и возвел руки к небу. На меня оглянулось несколько человек.

— Подходите, друзья! — воскликнул я. — Подходите скорей! Не упускайте возможность. Не надо смущаться и робеть, подходите ближе и слушайте добрые вести.

Стала собираться маленькая толпа. Ко мне обратился молодой парень:

— Эй, что вы продаете?

Я улыбнулся ему, но не ответил. Мне нужна большая аудитория.

— Подходите же, друзья, подходите и внемите. Это то, чего вы ждали, прекрасная возможность, последний шанс!

Вскоре собралось человек тридцать, и я решил, что для начала достаточно.

— Славные жители Нью-Йорка! — воззвал я. — Я хочу поговорить о загадочном заболевании, неожиданно вошедшем в ваши жизни, об эпидемии, попросту называемой Синей Чумой.

Сейчас вы все уже знаете, что спасения от этого безжалостного убийцы нет. Конечно, врачи продолжают заверять вас, что ведутся исследования, что скоро, дескать, будет найден ключ и определена радикальная терапия. Но на самом деле у них нет ни сыворотки, ни антител — ничего. Да и откуда? Ученые не в состоянии выяснить даже причины заболевания! Пока они нарабатывали лишь пустые и противоречивые теории. Из-за жуткой активности и быстрого распространения возбудителя, чрезвычайной заразности и неизвестных последствий мора можно ожидать, что врачи не успеют вовремя найти лекарство для вас, страдающих. Вся история несчастного человечества ясно показывает: несмотря на попытки контроля и лечения, эпидемии свирепствуют до тех пор, пока не истощают себя.

Кто-то в толпе засмеялся; многие улыбались. Я объяснил это для себя истерией и продолжал:

— Что же делать? Останетесь ли вы жертвами чумы, обманутые напускным спокойствием правителей? Или осмелитесь испробовать что-то новое, не отмеченное штампом согласия дискредитировавших себя политико-медицинских властей?

К тому времени толпа разрослась человек до пятидесяти. Я быстро окончил свою речь.

— Врачи не могут защитить вас от Синей Чумы, нет, друзья мои. Но я могу!

Не теряя ни секунды, я раскрыл чемоданчик и зачерпнул пригоршню больших желтых таблеток.

— Вот лекарство, которое усмирит Синюю Чуму! Нет времени объяснять, откуда оно у меня и как действует. Не буду я нести и научную тарабарщину. Вместо этого я предоставлю конкретные доказательства.

Толпа притихла и обратилась в напряженное внимание.

— Приведите мне заболевшего! — вскричал я. — Приведите десять! И если в них еще теплится жизнь, они встанут на ноги! Ведите их ко мне, друзья! Я вылечу любого — мужчину, женщину или ребенка — страдающего от Синей Чумы!

Секунду еще продолжалось молчание; затем толпа взорвалась смехом и аплодисментами. Я пораженно слушал реплики, доносящиеся со всех сторон.

— Студенты веселятся...

— Для хиппи он староват...

— Спорю, это пойдет по телевидению...

— Эй, мистер, что вы затеяли?

Я был слишком потрясен, чтобы пытаться ответить. Я просто стоял у своего чемоданчика, зажав в руке таблетки. Толпа постепенно рассеялась, осталась только одна девушка.

— Так что это все значит? — спросила она. — Реклама? Вы собираетесь открыть ресторан или магазинчик? Расскажите мне. Может, я помогу вам с оформлением документов.

Хорошенькая девушка. Лет двадцати, стройная, темноволос-

сая и кареглазая. Ее трогательная самоуверенность вызывала у меня жалость.

— Это не шутка. Если вы не будете остерегаться чумы...

— Какой чумы? — изумилась она.

— Синей Чумы. Чумы, которая свирепствует в Нью-Йорке.

— Послушайте, приятель, никакой чумы в Нью-Йорке нет — ни синей, ни желтой, ни черной и никакой другой. Ну признайтесь, что вы задумали?

— Нет чумы? — переспросил я. — Вы уверены?

— Совершенно.

— Наверное, держат в тайне... — пробормотал я. — Хотя это невозможно... От пяти до десяти тысяч смертей ежедневно трудно скрыть от газет... Сейчас август 1988 года?

— Да. Эй, что-то вы побледнели. Как вы себя чувствуете?

— Прекрасно, — ответил я, что не соответствовало истине.

— Вам, пожалуй, лучше присесть.

Она подвела меня к садовой скамейке. Неожиданно мне пришлось в голову, что я ошибся годом. Может быть, компания имела в виду 1990 или 1998. Если так, меня могут лишить торговой лицензии за продажу лекарства в незараженном регионе.

Я вытащил бумажник и достал тоненькую брошюру, озаглавленную «Чумной район». Брошюра содержала даты всех великих эпидемий, их типы, количество погибших и другие важные сведения. С огромным облегчением я убедился, что нахожусь в нужном месте в нужное время.

— «Чумной район»? — удивилась девушка, заглянув через мое плечо. — Что это такое?

Мне следовало скрыться. Мне следовало даже вообще дематериализоваться. Компания давала на этот счет строжайшие указания. Но теперь мне было все равно. Я внезапно захотел побеседовать с этой очаровательной девушкой в старинной одежде, сидевшей на солнышке рядом со мной в обреченном городе.

— «Чумной район» — это список дат и мест, где разражались или еще будут свирепствовать основные эпидемии. Такие, как Великая Чума в Константинополе в 1346 году или лондонская чума 1664 года.

— Вы, надо полагать, там были?

— Да. Меня посылала компания «Медицинская помощь во времени».

— Значит, вы из будущего?

— Да.

— Вот чудесно! — воскликнула она. — Только вы ошиблись. У нас нет чумы.

— Что-то не так, — признал я. — И словно нарочно задерживается мой помощник-разведчик.

— Вероятно, затерялся во временном потоке...

Она наслаждалась собой; мне же все происходящее казалось отвратительным. Девушка, если только она не из единиц счаст-

ливцев, чуму не переживет. С другой стороны, разговор с ней меня увлекал. Я никогда не беседовал с жертвой эпидемии.

— Что ж, — произнесла она, — приятно было познакомиться. Боюсь, однако, что вашему рассказу никто не поверит.

— Надеюсь, — я достал из кармана горсть таблеток. — Пожалуйста, возьмите Их.

— О...

— Серьезно. Для вас и вашей семьи. Сохраните их, пожалуйста. Они еще пригодятся, вот увидите.

— Ну хорошо, премного вам благодарна. Счастливого путешествия во времени.

Я смотрел ей вслед. Мне показалось, что, завернув за угол, она выбросила таблетки. Впрочем, не уверен.

Я сидел на садовой скамейке и ждал.

Джордж явился за полночь. Я обратился к нему с гневной тирадой:

— Что произошло? Я чуть не опростоволосился! Тут нет никакой чумы!

— Успокойся, — сказал Джордж. — Я должен был прибыть сюда неделю назад, но компания получила правительственную директиву отложить операцию на год. Затем распоряжение отменили, и все пошло по плану.

— Почему меня никто не предупредил?

— Тебя собирались уведомить. Но в суматохе... Мне очень жаль, поверь. Теперь можно начинать.

— А стоит ли?

— Что «стоит»?

— Сам знаешь.

Он пристально посмотрел на меня.

— Что с тобой случилось? В Лондоне ты был не таким.

— Но то был 1664 год, а это 1988. Он ближе к нашему времени. И люди эти выглядят более... человечными.

— Надеюсь, ты ни с кем здесь не братался, — заметил Джордж.

— Конечно, нет!

Джордж вздохнул.

— Я знаю, наша работа может стать эмоционально неприятной. Но надо же трезво смотреть на вещи. Бюро Населения предоставило им богатый выбор. Оно дало им водородную бомбу.

— Да.

— Но они не испытывали ее друг на друге. Бюро дало им все средства для ведения действительно масштабной бактериологической войны, но и их они не использовали. Наконец, Бюро предоставило необходимую информацию, чтобы сознательно сократить рост населения. Но они и этого не сделали. Они просто

продолжали бездумно размножаться, вытесняя остальные виды и друг друга, пачкая и отравляя Землю.

Я знал все это, однако, слушая, постепенно приходил в себя.

— Ничто не может расти безгранично, — продолжал Джордж. — Все живое должно находиться под контролем. У большинства видов такое выравнивание происходит естественным путем. Но люди вышли из-под власти природы. Они должны сами выполнять эту работу.

Джордж вдруг побледнел и еле слышно добавил:

— Только люди никогда не видят необходимости прореживать свои ряды. Никак не могут научиться... Вот почему необходимы наши чумы.

— Ну хорошо, — сказал я. — Давай.

— Около двадцати процентов выживет, — произнес Джордж, словно уговаривая себя.

Он вынул из кармана плоскую серебряную флягу. Отвинтил колпачок. Опрокинул флягу над канализационным люком.

— Вот и все. Через неделю начинай продавать свои таблетки. После этого планом предусмотрены остановки в Лондоне, Париже, Риме, Стамбуле, Бомбее...

Я кивнул. Наша работа необходима. Но иногда трудно быть садовником людей.

СЛУЧАЙ В БОЕВОМ ВЫЛЕТЕ

Реакция шеф-пилота Джонни Дрекстона на эту новость была мгновенной.

— Что? — заорал он. — Мне лететь с каким-то зеленым юнцом из Космической Академии, которого мне подсовывают в качестве второго пилота?

Крупный седой сержант Рэк сочувственно кивнул.

— Может, он не так уж и плох, сэр. Нынешняя молодежь воспитана на межзвездных кораблях, не то что мы, старые межпланетные бродяги.

— Да-а? — усмехнулся Дрекстон, сжимая челюсти на итак уже вполовину изжеванной сигаре. — Ты считаешь, зеленый юнец может лететь вторым пилотом на межзвездном штурмовик-бомбардировщике GP-1077F2, имеющим гиперпространственный двигатель и снаряженным полным боекомплектом сверхмощных бомб, где малейшая ошибка означает мгновенную гибель? Кто этот парень?

— Сын генерала Деверелла, сэр, — ответил сержант.

Джонни Дрекстон мрачно улыбнулся и щелкнул пальцем по кончику изжеванной сигары.

— Значит, генерал считает, что может пристроить своего сыночка на GP-1077F2, да? Ну, сержант, это мы еще поглядим.

Улыбка Дрекстона стала зловещей. Он сдвинул старенькую

пилотку на глаза и вышел из операторской, своей гибкой фигурой и походкой напоминая пантеру.

Сержант Рэк недовольно покачал головой. Именно этого он и боялся. Люди вроде Джонни Дрекстона от природы предвзято относятся к генеральским сыновьям. Сам Джонни прошел трудный путь. В израненных войной небесах Мирдолана-5 одноместный истребитель Дрекстона МК2 едва спасли от калнакских кораблей. Джонни, естественно, спасли тоже. А в промежутках между боевыми действиями Дрекстон перевозил коммерческие грузы по маршруту Луна—Марс.

— Готовность, — частенько говаривал он друзьям, — стоит любой цены.

Джонни Дрекстон был настоящим космическим волком, жестоким, презрительным, с неизменной сигарой в зубах.

А генеральский сынок? Может, все и обойдется, подумал упрямый, но всегда оптимистичный сержант. Однако беда пришла даже раньше, чем ожидал постоянно готовый к любым неприятностям сержант Рэк.

Это случилось в первом же вылете.

Сын генерала, Хьюберт Деверелл, крупный, обманчиво медлительный парень с коротеньким ежиком белокурых волос представился команде. Его серые глаза пылали восторженным огнем, а новенькие лейтенантские лычки ярко блеснули. Он пожал руки немногословному бомбардиру Блюфезеру, чистокровному индейцу-апачи; стрелку Эшу, неугомонному балагуру из Бруклина; и Милтону Сент-Аугустусу Ли, вежливому инженеру из Алабамы. После чего отправился в пилотский отсек засвидетельствовать свое уважение Джонни Дрекстону.

— Я только хотел сказать вам, сэр, — произнес генеральский сын, — что для меня это огромная честь служить вместе с вами. Я... я всегда восхищался вашей репутацией, сэр.

Глаза Джонни Дрекстона, цвета неочищенного ржаного виски, не выразили никаких эмоций.

— Рад видеть вас на борту, Деверелл, — сказал он, и сержант Рэк уже было подумал, что конфликта не будет.

Однако он рано надеялся.

— Видите ли, сэр, — продолжал молодой лейтенант, — я всегда мечтал попасть в состав экипажа межзвездного штурмовика-бомбардировщика. Мой отец говорит, что они выполняют очень важную функцию.

— Рад слышать мнение генерала Деверелла, — ответил Дрекстон. — Но вам, может, интересно знать, лейтенант, что вы облокатились на пульт бомбометательного устройства?

— О, Боже! — воскликнул юноша и с обманчивой неуклюжестью отодвинулся от пульта.

— Конечно, сейчас он заблокирован, — продолжал Дрекстон. — Но еще пара подобных незначительных ошибок, когда мы будем во вражеском пространстве, и...

— Я буду осторожен, сэр! — воскликнул лейтенант и с горячим желанием угодить патетически добавил: — Да, сэр. Я буду очень осторожен!

Джонни Дрекстон в ответ лишь мрачно улыбнулся. А сержант Рэк дружелюбно положил огромную руку на плечо молодому человеку.

— Пойдемте со мной, сэр, — сказал он. — Я вам покажу корабль.

Уходя, они видели, как Джонни Дрекстон, зажав в зубах очередную сигару, сидел за огромным полусферическим пультом управления, на котором плясали и вспыхивали огоньки, словно компьютер был сильно пьян. Эта картина выглядела довольно забавной.

Спустя восемьдесят семь часов, выполняя обычную патрульную миссию, штурмовик-бомбардировщик уже мчался по сектору 12ВАА, оставив под собой пылающую зловещим красно-коричневым цветом оказавшую сопротивление планету Мнос-2, главный континент которой распластался внизу, словно дракон с вырванными зубами.

Джонни Дрекстон щелкнул переключателями пульсаторов, и большой звездолет взвыл; он ударил по клавишам ускорителей, и большой корабль завизжал; он дернул рычаги тяги, и большой корабль застонал.

— Вот так-то, мальчик, — сказал Джонни Дрекстон свежестицу лейтенанту, — теперь принимай управление на себя.

Генеральский сын неуклюже забрался в кресло второго пилота и нервно застегнул ремни на большой груди. Склонившись над пультом, он одной рукой ухватился за рычаг управления дюзами, а другую положил на ручку сигнала боевого сбора.

— Исполни-ка ХВХ-маневр, — сказал Дрекстон, — и следи за собой. Не забывай, что мы везем свежие яйца.

Юноша проглотил комок и кивнул. Под его мясистыми проворными пальцами закрутились регуляторы, заставляя плясать стрелки приборов, и большой звездолет лег на заданный курс. Деверелл щелкнул тумблерами, и патрульный бомбардировщик жалобно застонал. Юноша усмехнулся и ударил кулаком по выравнителю уровня.

— Деверелл! — заорал Дрекстон.

— Да, сэр?

— Вы, лейтенант, стукнули по бомбосбрасывателю. Примите мои поздравления. Вы только что сбросили комплект сверхмощных бомб на нейтральную планету.

Загорелое лицо молодого человека побледнело. А Джонни Дрекстон добавил:

— То есть, ты бы сбросил их, если бы бомбосбрасыватель не был заблокирован. Какого дьявола с тобой стряслось?

— Я полагаю, мне нужно немного времени, чтобы освоиться с управлением, — нервно ответил юноша, не выказывая однако страха в своем неловком голосе.

— Да-а? — хмыкнул Джонни Дрекстон и зажевал сигару еще на полдюйма. — Нервишки разыграли? Ну давай посмотрим, как ты проведешь звездолет через серию JB2-уменьшающих радиальных разворотов.

— Капитан! — воскликнул сержант Рэк; его лицо выражало живейший интерес. — Но у нас же тогда отвалится правый охладитель!

В бою иногда приходится идти и на это, — заявил Дрекстон. — Давай, Деверелл, начинай.

Юноша проглотил комок и трясущимися руками ухватился за рычаги управления. Большой межзвездный штурмовик-бомбардировщик задрал нос и начал разворачиваться...

В кают-компании бомбардир Блюфезер писал письмо матери, чистокровной индианке-апачи. Периодически облизывая кончик карандаша, он выводил: «Надеюсь, в нынешнем году в резервации вырастет отменный урожай маиса».

Стрелок Эш просто предавался размышлениям. Хотя он и был неугомонным балагуром, он вдруг обнаружил, что скучает и по своей родной улице и по Кэтти Каллахэн, бывшей его женой всего три часа.

Милтон Сент-Аугустус Ли, вежливый и обманчиво-тихий южанин, думал о своей жене Амелии, которая, возможно, именно в этот момент пила кофе с Фасей, невестой лейтенанта Деверелла. Признаться, все члены экипажа были хорошими ребятами, и на момент южанин Сент-Аугустус Ли позабыл о своем горьком разочаровании по поводу войны между Северными и Южными штатами. Черт возьми, некоторые янки были не так уж и плохи...

В момент совершения первого разворота из серии последовательных разворотов корабль тряхнуло, и Эша и Ли выбросило из коек. Блюфезер с молчаливым спокойствием, рожденным вековой привычкой индейцев к верховой езде, ухватился за опорную перекладину. Звездолет рвануло назад, после чего он начал обрушиваться как падающая скала.

— Что еще за чертовщина? — воскликнул Эш, но никто не мог ответить на вопрос бруклинского балагура.

А дело было вот в чем: находившийся в пилотском отсеке молодой лейтенант Деверелл не выполнил требуемого тройного нажатия кнопки выхода на оперативный простор, а вместо этого ударил по клавише ускорителя ракет, который, к несчастью, заблокирован не был. Эта ошибка легко поддавалась исправлению,

однако руки впавшего в панику лейтенанта словно приросли к рычагам управления. Сержант Рэк, усердный наставник молодых пилотов, знал, что с начинающими такое случается нередко, а потому совершенно без злобы врезал огромным кулаком по лейтенантской челюсти. Деверелл осел в кресле, а Джонни Дрекстон вывел корабль из стремительного вращения.

— Ну теперь, — холодно заявил Дрекстон, — карьера парня как пилота закончилась.

— Не следует так придирчиво относиться к нему, сэр, — сказал сержант, когда юноша неуверенно помотал головой. — Такие ошибки случаются даже с лучшими из них. Я вспоминаю ваш первый боевой вылет, сэр, когда вы...

— Заткнись! — проревел Дрекстон, и его волчье лицо исказилось в гневе. — Слышишь, сержант. Парень провалился.

Его высказывание слышали все, поскольку лейтенант, ткнувшийся головой в пульт управления, непроизвольно включил систему внутренней связи. Индеец, нарушивший собственную невозмутимость, сильно выдохнул воздух носом. Сент-Аугустус Ли заметил: «Это довольно жестоко, вот так сразу ломать мальчика. Я думаю, может...», но не закончил фразу. А стрелок Эш лишь сказал: «Какого черта?», однако никто не засмеялся, ибо это было слишком серьезно даже для балагура.

Вытянувшись во фронт, молодой лейтенант Деверелл подумал о своем отце, командующем флотом бомбардировщиков, высоком седовласом мужчине с тонкими пальцами и холодным магнетическим взглядом бледно-серых стальных генеральских глаз; подумал о своей невесте, яркой девушке Фае с нежным взглядом, возлагавшей на него большие надежды; подумал о Космической Академии, ее флаге и гимне; о Сан-Франциско, который всегда мечтал увидеть; и подумал о своей вине, которую просто обязан искупить.

Джонни Дрекстон уселся перед мигающей клавиатурой пульта. Его сигара была на четверть изжевана, а на лице появился волчий оскал.

И в первый раз в жизни молодой лейтенант познал ярость.

Внезапно, словно от боли, большой штурмовик-бомбардировщик затрясся. Одновременно с этим стрелок Эш без сарказма в голосе сообщил: «До неприятеля три часа полета», а сержант Рэк выкрикнул: «Температура главного двигателя повышается!»

События развивались со скоростью быстрогодействия современных компьютеров. Джонни Дрекстон заложил огромный звездолет в пикирующий разворот, свободной рукой ухватившись за управление охлаждением выхлопного сопла. Он снизил нагрузку бортовых двигателей искривления пространства и дал полную нагрузку левым бортовым ракетам, одновременно с этим нажав на педаль импульсного двигателя разворота. На момент показалось, что этот неортодоксальный и дерзкий маневр завершится успехом, однако в ту же секунду пилотский отсек был

прошит лазерным лучом неприятеля. Обшивка корабля мгновенно самовосстановилась, однако Джонни Дрекстон выматерился, оскалился и рухнул головой на пульт. Из-под его пилотки потекла тоненькая струйка крови.

Большой корабль круто нырнул носом и со скрежетом ринулся вниз в направлении распластавшегося дракона на Мносе-2.

— Молодые серые глаза лейтенанта встретились с голубыми глазами сержанта. Юный пилот увидел, как побледнело лицо сержанта.

Корабль резко шел вниз. Лейтенант опять подумал о своем седовласом отце-солдате, своей невесте, Космической Академии, ее флаге и гимне, и о Сан-Франциско, которого он никогда не видел. После чего с ледяной решимостью вытянул руку, ухватился за сдвоенный рычаг руля управления и бокового толкателя кормового баланса и резким движением плеча вернул его в прежнее положение.

По системе внутренней связи в кормовой отсек корабля было передано сообщение: «Команде занять места согласно боевому расписанию». Поначалу никто не понял, кому принадлежит этот ледяной целеустремленный голос. Потом до стрелка Эша дошло. «Елки-палки, да это же наш лейтенант!», — воскликнул он. Однако никто не засмеялся.

Сент-Аугустус Ли, позабыв о семье и своем наследии, взял серповидный гаечный ключ и отправился к сигнальному маяку. Бомбардир Блюфезер с бесстрастным бронзовым лицом снял с бомбоприцела двойную блокировку и прильнул к точнейшему прибору глазами, которые столетиями оглядывали покатые холмы земель индейцев сиу. Стрелок Эш без саркастической усмешки на губах установил батарею компьютероуправляемых лазерных пушек в режим автопоиска. А сержант Рэк, у которого не осталось времени на мысли о кофе, генералах и даже своей жене Мире, коей не позволялось появляться в офицерской столовой, поскольку она была индонезийка, быстро отправился готовить большой корабль к самоуничтожению на случай непредвиденных обстоятельств.

Однако корабль калнакских бандитов внезапно отклонился от курса и исчез в глубинах космоса, оставив после себя лишь вспышку от реакторов искривителя пространства. Это было в стиле калнаков — обмануть бдительность землян, а затем вернуться и ждать благоприятной возможности для нападения. Большой же бомбардировщик с воем шел к поверхности Мноса-2.

— Может, избавимся от груза, сэр? — спросил сержант Рэк.

— Ни в коем случае! — загремел юный лейтенант Девелл. — Мы не имеем права потерять ни единой детали земного оборудования. Сержант, мне нужна дополнительная энергия, чтобы вывести звездолет из пике.

— Но, сэр! — воскликнул сержант. — Тогда у вас оторвутся двигатели с правого борта!

— Пусть отрываются, — твердо заявил Деверелл, и его крупные, обманчиво неуклюжие, но на самом деле удивительно ловкие руки легли на пульт управления.

Пришедший в сознание Джонни Дрекстон огляделся, однако его лицо осталось бесстрастным. Он спокойно закурил сигару.

А пульт управления сверкал огоньками, словно рождественская елка, разряженная берсеркером.

Корабль помчался с головокружительной скоростью. Однако испугались они всего лишь один раз, услышав злоеющий звук, будто что-то оторвалось. Но это была лишь куртка юного лейтенанта Деверелла, которую он скинул, чтобы легче дышалось.

Медленно и неохотно, испытывая жесточайшие перегрузки, корабль начал выходить из пике. Когда маневр завершился, звездолет находился уже в половине светового года от планеты Мнос-2, нацеленный в направлении Малого Магелланова Облака. Они были спасены, а космический грузовик стоимостью не в один миллиард долларов не развалился на части.

Находившийся на корме Сент-Аугустус Ли облегченно вздохнул. Он внезапно понял, что его больше не волнует война между Северными и Южными штатами. Теперь он даже не воспринимал ее как Гражданскую войну. Ведь сейчас они были единой страной. На невозмутимом лице Блюфезера лишь мелькнуло некое подобие улыбки; теперь он знал наверняка, что в этом году урожай маиса в Чероки будет большой и хороший. А стрелок Эш зажег дрожащей рукой сигарету, и покрутив у виска пальцем, произнес:

— А мальчик-то вроде вовсе не того!

На этот раз шутке неугомонного насмешника из Бруклина засмеялись все.

Небольшая струйка крови все еще сочилась из-под пилотки капитана, где его зацепило лучом лазера.

— Ну, лейтенант, хоть ты и генеральский сын, но думаю, нам ты подходишь. Да, сэр, ты действительно нам подходишь, — заявил Джонни Дрекстон.

Лейтенант Деверелл, все еще очень юный, но каким-то образом заметно постаревший, произнес:

— Капитан, вы облокатились на пульт бомбометательного устройства. Слава Богу, что оно заблокировано.

Капитан Джонни Дрекстон, ветеран, имевший более трехсот боевых вылетов, настоящий космический волк, внимательно осмотрелся. Взгляд его, поначалу гневный, стал сконфуженным. Наконец он ухмыльнулся.

Спустя какое-то время Деверелл тоже ответил ему усмешкой. И оба мужчины пожали друг другу руки в огромном гиперпространственном штурмовике-бомбардировщике GP-1077F2, который, тихонько повизгивая, несясь сквозь вакуум космоса.



I

На рекламной полосе в «Стэнхоуп газетт» Марвин Флинн вычитал такое объявление:

«Джентльмен с Марса, 43 лет, тихий, культурный, начитанный, желает обменяться телами с земным джентльменом сходного характера с 1 августа по 1 сентября. Справки по требованию. Услуги маклеров оплачены».

Этого заурядного сообщения было достаточно, чтобы у Марвина Флинна залихорадил пульс. Махнуть телами с марсианином!

Идея увлекательная и в то же время отталкивающая. В конце концов любому неприятно, если какой-то пескоядный марсианин станет из его собственной головы двигать его собственными руками и ногами, смотреть его глазами и слушать его ушами. Но в возмещение этих неприятностей он, Марвин Флинн, увидит Марс. Причем увидит так, как надо видеть: через восприятие аборигена.

Одни коллекционируют картины, другие — книги, третьи — женщин, а Марвин Флинн стремился охватить сущность всех увлечений, путешествуя. Однако его всепоглощающая страсть к путешествиям оставалась, увы, неудовлетворенной. Он родился и вырос в Стэнхоупе, штат Нью-Йорк. Географически родной городок находился милях в трехстах к северу от Нью-Йорка. В духовном же и эмоциональном отношении между этими двумя пунктами пролегало чуть ли не целое столетие.

Стэнхоуп — милое пасторальное селенье, расположенное в предгорье Адирондаков, изобилующее фруктовыми садами и испещренное стадами пегих коров на зеленых холмистых пастбищах. Неуязвимый в своем пристрастии к буколке, Стэнхоуп упорно цеплялся за древние обычаи. Дружелюбно, хоть и не без

задора, городок держался подальше от каменного сердца страны — суперстолицы. Линия метро ИРТ — Седьмая авеню прогрызла себе путь под землей до Кингстона, но не далее. Исполнинские шоссе раскинули бетонные щупальца по всему штату, но не дотянулись до усаженной вязами Мейн-стрит — главной улицы Стэнхоупа. В других городах были ракетодомы — Стэнхоуп хранил верность архаичному аэропорту. По ночам в постели Марвин то и дело прислушивался к мучительно-волнующему отзвуку вымирающей сельской Америки — одинокому воплю реактивного лайнера.

Стэнхоуп довольствовался самим собой. Остальной мир, по-видимому, вполне довольствовался тем, что предоставлял Стэнхоупу романтически грезить об ином, не столь стремительном веке.

Единственным, кого такое положение вещей не устраивало, был Марвин Флинн.

Он совершал поездки, как это было принято, и смотрел то, что принято смотреть. Как и все, он не раз проводил субботу и воскресенье в Европе. Он посетил в батискафе затонувший город Майами, полюбовался Висячими Садами Лондона и поклонился идолам в храме Бах-ай у залива Хайфа. Во время отпусков он ходил в пеший поход по Земле Мэри Бэрд (Антарктида), исследовал Леса Дождевых Деревьев в нижнем течении Итури¹, пересекал Шинкай на верблюде и даже несколько недель прожил в Лхасе — столице мирового искусства.

Словом, обычный туристский ассортимент. Флинну хотелось путешествовать по-настоящему.

То есть отправиться в космические круизы.

Казалось бы, не такое уж невыполнимое желание. Однако Флинн ни разу не был даже на Луне.

В конечном итоге все сводилось к экономике. Межзвездное путешествие во плоти и крови — удовольствие дорогое, для простого человека оно исключается. Разве что он пожелает воспользоваться преимуществом Обмена Разумов.

Марвин старался примириться со своим положением в обществе и с более чем приемлемыми перспективами, которые открывало перед ним это положение. В конце концов он свободный гражданин, почти совсем белый, ему всего тридцать один год, у него высокий рост, широкие плечи, черные усики и мягкие карие глаза. Он получил традиционное образование — начальная и средняя школа, двенадцать лет в колледже, четыре года последипломной практики, — и его считали достаточно хорошим специалистом в корпорации «Рик-Питерс». Там он подвергал флюороскопии пластмассовые игрушки, исследуя их на микроусадку, пористость, усталостный износ и так далее. Возможно, работа не из самых важных, но ведь не всем же быть королями или космонав-

¹ Итури — правый приток реки Конго.

тами. Должность у Флинна была, безусловно, ответственная, особенно если учесть роль игрушек в нашем мире и жизненно важную задачу высвобождения нерастраченной детской энергии.

Все это Марвин знал и тем не менее был недоволен. Повидать Марс, посетить нору Песчаного Царя, насладиться великолепием звуковой гаммы «Мук любви», прислушаться к цветным пескам Великого Сухого Моря...

Раньше он только мечтал. Теперь дело иное.

В горле непривычно першило от готовности вот-вот принять решение. Марвин благоразумно не стал торопить события. Вместо того он взял себя в руки и отправился в центр, в Стэнхоупскую Аптеку.

II

Как он и ожидал, его закадычный друг Билли Хейк сидел у стойки с содовой и потягивал фрэпп с ЛСД¹.

— Как ты сегодня, старая сводня? — приветствовал друга Хейк на распространенном в те дни жаргоне. — Полон сил, как крокодил, — традиционной формулой ответил Марвин.

— Ду коомен² мучо-мучо рапидо?³ — спросил Билли. (В том году считалось остроумным говорить на ломаном испано-голландском диалекте.)

— Я, минхеер, — с запинкой ответил Марвин. Ему просто было не до состязаний в остроумии.

Билли уловил нотку раздражения. Он насмешливо приподнял бровь, сложил комикс, посвященный Джеймсу Джойсу, сунул в рот сигару «Кин-Смоук», надкусил ее, выпустил ароматный зеленый дым и спросил:

— Отчего скукусился?

Вопрос, хоть и заданный кислым тоном, был вполне доброжелателен.

Марвин уселся рядом с Билли. У него было тяжело на душе, но все же не хотелось делиться горестями с легкомысленным другом, и потому, воздев руки, он повел беседу на индейском языке знаков. (Многие молодые люди с интеллектуальными запросами все еще находились под впечатлением прошлогодней сенсации — проектоскопического фильма «Дакотский диалог»; в фильме с участием Бьорна Ракрадиша (Безумный Конь) и Миловары Славовивович (Красная Туча) герои изъяснялись исключительно жестами.)

Иронически и в то же время серьезно Марвин изобразил разбитое сердце, блуждающего коня, солнце, которое не светит, и луну, которая не восходит.

¹ ЛСД — наркотик.

² Ты пришел (голл.).

³ Очень-очень быстро (испан.).

Помешал ему мистер Байджлоу, хозяин Стэнхоупской Аптеки. Это был человек средних лет (ему уже исполнилось семьдесят четыре), лысеющий, с небольшим, но заметным брюшком. Несмотря на все это, замашки у него были как у юнца. Вот и теперь он сказал Марвину:

— Э, минхеер, кверен зи томар ля клопье имменса де ла кабаца вефрувенс им форма де мороженое с фруктами?

Для мистера Байджлоу и прочих представителей его поколения было характерно, что они злоупотребляли молодежным жаргоном.

— Шнелль,¹ — оборвал его Марвин с бездумной жестокостью молодых.

— Ну, знаете ли, — только и вымолвил мистер Байджлоу, оскорбленно удаляясь.

Билли видел, что друг страдает. Это его смущало. Ему уже стукнуло тридцать четыре года, еще чуть-чуть, и он станет мужчиной. И работа у него была хорошая — десятник на 23-м сборном конвейере тарной фабрики «Питерсон». Держался он, конечно, по-прежнему как подросток, но знал, что возраст уже налагает определенные обязательства. Поэтому он преодолел свою природную застенчивость и заговорил со старым другом напрямик:

— Марвин, в чем дело?

Марвин пожал плечами, скривил губы и бесцельно забарабанил пальцами по столу, затем сказал:

— Ойра², омбре, айн клейннахтмузик эс демасиадо³, ниht вар? Дер Тодт ты руве коснуться...

— Попроше, — прервал Билли не по возрасту солидно.

— Извини, — продолжал Марвин открытым текстом. — У меня просто... Ах, Билли, мне просто ужасно хочется путешествовать, право!

Билли кивнул. Ему было известно, какую страстью одержим его друг.

— Ясно, — сказал он. — Мне тоже.

— Но не так сильно, Билли... я себе места не нахожу.

Принесли мороженое с фруктами. Марвин не обратил на него внимания и продолжал изливать душу своему другу детства.

— Мира⁴, Билли, поверь, нервы у меня на взводе, как пружина в пластмассовой игрушке. Я все думаю о Марсе, Венере и по-настоящему далеких местах вроде Альдебарана и Антареса, и... черт возьми, понимаешь, даже думать не могу ни о чем другом. В голове у меня то Говорящий Океан Проциона-четыре, то трехстворчатые человекоподобные на Аллуи-два, да я просто помру, если не повидаю тех мест воочию.

¹ Живо (нем.).

² Слушай (испан.).

³ Это уж слишком (испан.).

⁴ Здесь: «знаешь» (испан.).

— Точно, — согласился друг. — Я бы тоже хотел их повидать.

— Нет, ничего ты не понимаешь, — возразил Марвин. — Дело не в том, чтобы повидать... тут совсем другое... гораздо хуже... пойми, не могу я прожить здесь, в Стэнхоупе, всю жизнь. Пусть даже у меня недурная работа и я провожу вечера с первоклассными девочками. Но, черт побери, не могу я просто жениться, наплодить детей и... и... есть же в жизни что-то еще!

Тут Марвин снова сбился на мальчишечью неразборчивую скороговорку. Однако смятение прорывалось сквозь неудержимый поток слов. Поэтому друг мудро кивал головой.

— Марвин, — сказал он мягко, — это все ясно как дважды два, ей-богу же, гадом буду. Но ведь даже межпланетное путешествие обходится в целое состояние. А межзвездное просто-напросто невозможно.

— Все возможно, — ответил Марвин, — если пойти на Обмен Разумов.

— Марвин! Ты этого не сделаешь! — вырвалось у шокированного друга.

— Нет, сделаю! — настаивал Марвин. — Клянусь Кристо Мальэридо, сделаю!

На сей раз шокированы были оба. Марвин почти никогда не употреблял имени божьего всуе.

— Как ты можешь?! — не унимался Билли. — Обмен Разумов — грязное дело!

— Каждый понимает в меру своей испорченности.

— Нет, серьезно. Зачем тебе нужно, чтобы у тебя в голове поселился пескоядный старикашка с Марса? Будет двигать твоими руками и ногами, смотреть твоими глазами, трогать твое тело и даже, чего доброго...

Марвин перебил друга, прежде чем тот ляпнул какую-нибудь пакость.

— Мира, — сказал он. — Рекуэрдо ке¹ на Марсе я стану распоряжаться телом этого марсианина, так что ему тоже будет неловко.

— Марсиане не испытывают неловкости, — сказал Билли.

— Неправда, — не согласился Марвин. Младший по возрасту, он во многих отношениях был более зрелым, чем друг. В колледже ему хорошо давалась Сравнительная межзвездная этика. А жгучее стремление путешествовать сделало его менее провинциальным, чем друга, и лучше подготовило к тому, чтобы становиться на чужую точку зрения. С двенадцати лет — с тех пор, как он научился читать, — Марвин изучал уклады и обычаи множества различных рас Галактики. Больше того, по Симпатическому проецированию личности он набрал девяносто пять очков из ста возможных.

¹ Здесь: «Не забывай, что...» (испан.).

Он вскочил на ноги.

— Разрази меня гром! — воскликнул он, хлопнув себя правым кулаком по левой ладони. — Так и будет!

Загадочная алхимия решения сделала Марвина другим человеком. Без колебаний он вернулся домой, уложил легкий чемодан, оставил родителям записку и сел в реактивный лайнер, следующий в Нью-Йорк.

III

В Нью-Йорке Марвин сразу пошел в контору Отиса, Бландерса и Клента — маклеров по прокату тел. Его направили в кабинет мистера Бландерса — высоченного детины атлетического сложения, в расцвете лет; в свои шестьдесят три года он был уже полноправным компаньоном фирмы. Этому человеку Марвин и изложил цель своего визита.

— Конечно, конечно, — сказал мистер Бландерс. — Вы ссылаетесь на наше объявление от прошлой пятницы. Джентльмена с Марса зовут Зе Краггаш, у него превосходная рекомендация от ректоров Ист-Сквернского университета.

— На что он похож? — спросил Марвин.

— Судите сами, — ответил Бландерс.

Он показал Марвину фото существа с бочкообразной грудью, тоненькими ногами, руками чуть потолще, крохотной головкой и необычайно длинным носом. На фото Краггаш стоял по колено в илстой глине, махал кому-то руками. Внизу была подпись: «На память о Грязевом Рае — лучшем курортном месте на Марсе, где можно отдыхать круглый год».

— Симпатичный парень, — заметил мистер Бландерс.

Марвин в сомнении кивнул.

— Живет он в Угогмстамке, — продолжал Бландерс, — на краю Исчезающей Пустыни в Нью-Саут-Марсе. Вы, наверное, знаете, что это чрезвычайно популярный туристский край. Подобно вам, мистер Краггаш жаждет путешествий и желает найти подходящее тело-носитель. Выбор он целиком и полностью предоставил на наше усмотрение, оговорил лишь одно обязательное условие — здоровое тело и здоровый дух.

— Что ж, — сказал Марвин, — не хочу зря хвастаться, но меня всегда считали здоровяком.

— Это видно с первого взгляда, — ответил мистер Бландерс. — У меня, конечно, всего лишь предчувствие, а может быть, интуиция, но за тридцать лет работы с людьми я привык доверять своим предчувствиям. Трех желающих произвести данный обмен я уже отверг, основываясь исключительно на своей интуиции.

Этим обстоятельством мистер Бландерс гордился так явно, что Марвин почел своим долгом вставить:

— Да неужели?

— Можете не сомневаться. Вы не представляете, как часто мне по роду моей деятельности приходится выявлять и отклонять неподходящие кандидатуры. Всякие там невропаты, ищущие грязных и недозволительных приключений; преступники, пытающиеся выбраться из зоны действия местных законов; эмоционально неуравновешенные типы. Я их всех выбраковываю.

— Надеюсь, я не подхожу ни под одну из упомянутых категорий? — сказал Марвин со сдавленным смешком.

— Смело могу заявить, что нет, заверил его мистер Бландерс. — Я склонен считать вас в высшей степени нормальным молодым человеком; даже чрезмерно нормальным, если такое вообще мыслимо. Вас охватила тяга к путешествиям, что вполне свойственно вашему возрасту, эта страсть сродни влюбленности, или участию в справедливой войне, или мировой скорби и прочим причудам молодежи. Ваше счастье, что природный ум или удача привели вас к нам — самой старой и надежной фирме, занимающейся Обменом Разумов, а не к кому-нибудь из менее щепетильных наших конкурентов; или, упаси боже, вас могло угораздить на Свободный Рынок.

Марвин почти ничего не знал о Свободном Рынке, но промолчал, не желая обнаружить свое невежество.

— А теперь, — сказал мистер Бландерс, — прежде чем мы удовлетворим вашу просьбу, надо выполнить кое-какие формальности.

— Формальности? — переспросил Марвин.

— Безусловно. Во-первых, вы должны пройти полное обследование — телесное, духовное и моральное. Затем вдвоем с марсианским джентльменом вы подпишете акт об ответном ущербе. В акте обусловлено, что всякий ущерб, как умышленно, так и неосторожно причиненный телу-носителю, в том числе и по независящим обстоятельствам, будет: 1) возмещен по расценкам, установленным межзвездной конвенцией, и 2) ответно причинен другому телу, согласно *lex talionis*¹.

— Как, как? — не понял Марвин.

— Око за око, зуб за зуб, — пояснил мистер Бландерс. — Допустим, вы, находясь в теле марсианина, сломали ногу. В соответствии с межзвездным правом, когда вы вновь перейдете в свое тело, вам тоже сломают ногу максимально научным и безболезненным способом.

— Даже если это произошло случайно?

— Особенно если это произошло случайно. Мы установили, что Акт об Ответном Ущере заметно уменьшил число таких случайностей.

— Мне начинает казаться, что это вроде бы опасно, — сказал Марвин.

¹ Закон талиона (*латин.*).

— Всякое направленное действие содержит элемент опасности, — ответил мистер Бландерс. — Но риск при Обмене Разумов статистически ничтожно мал, только держитесь подальше от Искаженного Мира.

— Я очень мало знаю об Искаженном Море, — признался Марвин.

— Все знают столько же, — ответил Бландерс. — Поэтому каждый считает, что надо держаться от него подальше.

Марвин в задумчивости кивнул.

— А еще что?

— Да ничего особенного. Просто бумажная волокита, отказы от особых прав и привилегий, все в таком роде. И конечно, я должен официально предостеречь вас от метафорической деформации.

— Ладно, — сказал Марвин. — Давайте я послушаю.

— Да я же вас только что предостерег, — удивился Бландерс. — Но могу предостеречь еще раз. Берегитесь метафорической деформации.

— Я бы с радостью, — ответил Марвин, — но мне ведь неизвестно, что это такое.

— В сущности, это совсем простая штука, — сказал Бландерс. — Если хотите, можете считать ее одной из форм ситуационного безумия. Видите ли, наша способность усваивать необычное не беспредельна, а когда путешествуешь на другие планеты, пределы оказываются очень узкими. Слишком много новых впечатлений; их приток становится невыносимым, и мозг ищет отдыха в буферном процессе аналогизирования. Этот процесс как бы создает мост между воспринятым известным и неприемлемым неизвестным, облекает невыносимое неизвестное в желанную мантию привычного. Когда субъект не справляется с притоком новых данных естественным путем концептивного аналогизирования, он становится жертвой перцептивного аналогизирования. Этот процесс известен также под названием «пансаизм». Теперь вам ясно?

— Нет, — ответил Марвин. — Почему это называется «пансаизм»?

— Объяснение заложено в самом названии, — сказал Бландерс. — Дон-Кихот считает ветряную мельницу великаном, а Санчо Панса считает великана ветряной мельницей. Донкихотство можно определить как восприятие обыденных явлений в качестве необычайного; противоположное явление — пансаизм, это когда необычайное воспринимается как обыденное.

— Значит, — уточнил Марвин, — я могу подумать, что вижу корову, когда на самом деле предо мной альпайрец?

— Именно, — подтвердил Бландерс. — Но все очень просто, раз уж вы занялись Обменом, значит, привыкнете. Распишитесь вот тут и вот тут, и перейдем к делу.

Марсианин — одно из самых странных созданий в Галактике, хоть он и двуногий. Право же, нам с нашими органами чувств, альдебаранские квизы как-то ближе, несмотря на то, что у них две головы и множество лишних конечностей особого назначения. Не по себе становится, когда вселяешься в тело марсианина.

Марвин Флинн очутился в уютно обставленной комнате. В комнате было окно, через которое он глазами марсианина взирали на марсианский пейзаж.

Он зажмурился, так как не ощущал ничего, кроме ужасающего смутения. Несмотря на все прививки, его одолевали тошнотворные волны культур-шока, пришлось постоять неподвижно, пока тошнота не унялась. Потом он осторожно раскрыл глаза и осмотрелся.

Увидел он невысокие, плоские песчаные дюны, переливающиеся сотнями оттенков серого цвета. Вдоль горизонта пронесся серебристо-голубой ветер, на него словно шавка набрасывался охряно-желтый встречный ветерок. Небо было красное, и в инфракрасном диапазоне различались бесчисленные непередаваемые тона.

Повсюду Флинн видел паутинки спектра. Земля и небо подарили ему десятки отдельных палитр, порой дополнительных цветов, но большей частью — цветов кричащих. На Марсе природным краскам не доставало гармонии.

Марвин обнаружил у себя в руке очки и нацепил их на нос. Тотчас же рев и буйство красок уменьшились до терпимой степени. Ошеломление, вызванное шоком, прошло, и Марвин стал воспринимать окружающее.

Прежде всего тяжелый гул в ухе и частый грохот — ни дать ни взять дробь тамтама. Он огляделся по сторонам в поисках источника этого шума, но, кроме земли да неба, ничего не увидел. Тогда он прислушался повнимательнее и установил, что шумы доносятся из его собственной груди. Это работали легкие и сердце — такие звуки сопровождают жизнь всякого марсианина.

Теперь Марвин мог детально ознакомиться с самим собой. Он взглянул на свои ноги, тонкие и веретенообразные. Коленный сустав отсутствовал, зато каждая нога сгибалась в лодыжке, в голени, в средней и верхней части бедра. Руки были чуть толще ног, а кисть с двумя суставами увенчивали три обычных пальца и два противостоящих больших. Эти пальцы сгибались и отгибались в самых неожиданных направлениях.

На нем были черные шорты и белый свитер. Аккуратно свернутый нагрудник лежал в разрисованном кожаном футляре. Марвин даже изумился, до чего естественным все ему казалось.

А удивляться-то было нечему. Именно умение разумных существ приспособиться к новой среде и сделало возможным Обмен Разумов.

Флинн размышлял на эту тему, как вдруг услышал, что у него за спиной открывается дверь. Он обернулся и увидел перед собой марсианина, одетого в полосатую серо-зеленую правительственную форму. В знак приветствия марсианин вывернул ноги под углом сто восемьдесят градусов, Марвин поспешно ответил тем же.

Одна из замечательных особенностей при Обмене Разумов — «автоматическое обучение». На профессиональном жаргоне это формулируется так: «Вселяясь в дом, вы получаете право пользования мебелью». Само собой, под мебелью подразумеваются элементарные сведения, накопленные мозгом носителя. Такие сведения, как язык, обычаи, нравы и этика, общая информация об окружении — общая, безликая, полезная, как справочник, но далеко не всегда надежная. Личные воспоминания, склонности, антипатии остаются, за некоторыми исключениями, недоступными «жильцу» или же становятся доступны лишь в результате неимоверного усилия мысли. Здесь также имеет место нечто вроде иммунологической реакции: между двумя несравнимыми существами возможен лишь самый поверхностный контакт.

— Слабого ветра, — произнес марсианин старинное, классическое марсианское приветствие.

— И безоблачного неба, — ответил Флинн. Он с досадой обнаружил, что его носитель слегка шепелявит.

— Я Мизэнгло Орихихих из Туристского Бюро. Добро пожаловать на Марс, мистер Флинн.

— Спасибо, — сказал Флинн. — Ужасно рад здесь очутиться. Это у меня, знаете ли, первый обмен.

— Знаю, — отозвался Орихихих. Он сплюнул на пол (верный признак нервозности) и разогнул большие пальцы. Из коридора донеслись чьи-то возбужденные голоса. — Так вот, относительно вашего пребывания на Марсе...

— Я бы хотел повидать Нору Песчаного Царя, — сказал Флинн. — И, конечно, Говорящий Океан.

— Обе идеи превосходны, — одобрил чиновник. — Но прежде две или три мелкие формальности.

— Формальности?

— Ничего особенного, — сказал Орихихих, изогнув нос влево в марсианской улыбке. — Прошу вас, ознакомьтесь с этими бумагами и опознайте их.

Финн взял в руки и бегло просмотрел бумаги, о которых шла речь. Они оказались копиями тех бланков, что он заполнял на Земле. Он прочитал их внимательно и убедился в полной достоверности всех сведений.

— Эти бумаги я подписывал на Земле, — заявил он.

Шум в коридоре усилился. Марвин различил слова:

— Кипятком ошпаренный, яйцекладущий сын замороженного пня! Дебил — пожиратель гравия!

Это были чрезвычайно оскорбительные ругательства.

Марвин вопросительно поднял нос. Чиновник поспешно сказал:

— Недоразумение, путаница. Подобные нелепые накладки случаются даже в самых образцовых из государственных туристских учреждений. Но я совершенно уверен, что мы все уладим, не успеет жаждающий выпить пять глотков рапи, если не раньше. Позвольте спросить, вы не...

Из коридора донесся шум какой-то возни, и в комнату вошел другой марсианин, а за ним — третий, чиновник помельче рангом, он хватал за локоть и тщетно пытался удержать второго марсианина.

Ворвавшийся в комнату марсианин был невероятно стар, о чем свидетельствовало слабое фосфорическое свечение его кожи. Руки у него дрожали, когда он простер их в сторону Марвина Флинна.

— Вот! — вскричал старик. — Вот оно, и клянусь всеми пнями, оно мне нужно тотчас же!

— Сэр, — одернул его Марвин, — я не привык, чтобы обо мне говорили в среднем роде!

— Я говорю не о вас, — ответил престарелый марсианин. — Я вас не знаю, и мне дела нет, кто вы и что вы. Я говорю о теле, которое вы занимаете и которое вам не принадлежит.

— Что вы хотите сказать?

— Этот джентльмен, — вмешался первый чиновник, — утверждает, что вы занимаете принадлежащее ему тело. — Он дважды сплюнул на пол. — Это, конечно, путаница, мы в два счета разберемся.

— Путаница! — взвыл престарелый марсианин. — Это махровое надувательство.

— Сэр, — с холодным достоинством возразил Марвин, — вы сильно заблуждаетесь. Это тело было выдано мне в пользование по всем правилам и согласно закону.

— Жаба чешуйчатая! — вскричал старик. — Пустите меня!

Он стал остороженько высвобождаться из хватки спутника.

Вдруг в дверях появилась внушительная фигура, с ног до головы облаченная в белое. Все, кто присутствовал в комнате, умолкли, едва их взгляд упал на уважаемого и внушающего страх представителя полиции Южно-Марсианской Пустыни.

— Джентльмены, — сказал полисмен, — взаимные упрёки излишни. Пройдемте в полицейский участок. Там с помощью фулжимэянина-телепата мы доберемся до истины и узнаем побудительные мотивы.

Полисмен выдержал эффектную паузу, пристально поглядел каждому в лицо, проглотил слюну, демонстрируя полнейшее спокойствие, и прибавил:

— Уж это я вам обещаю.

Без дальнейших проволочек полисмен, чиновник, старик и

Марвин Флинн последовали в полицейский участок. Шли они молча, в одинаково тревожном настроении.

По всей цивилизованной Галактике считается избитой истиной, что, когда идешь в полицию, неприятности у тебя только начинаются.

V

В полицейском участке Марвина Флинна вместе с прочими сразу отвели в полутемную сырую келью, где обитал фулжимэнин-телепат. Это трехногое существо, как и все жители планеты Фулжимэ, наделено шестым телепатическим чувством — скорее всего в виде компенсации за притупленность пяти остальных.

— Пусть будет что будет, — сказал фулжимэнин-телепат, когда все выстроились перед ним. — Выйди вперед, малый, и расскажи о своем деле.

Он строго указал пальцем на полисмена.

— Сэр, — от смущения полисмен выпрямился во весь свой рост, — я не кто-нибудь, а полисмен.

— Это очень интересно, — ответил телепат. — Но для меня остается неясным, какое отношение имеет данное обстоятельство к вопросу о вашей виновности или невиновности.

— Да ведь меня не обвиняют ни в каком преступлении, — отбивался полисмен.

На мгновение телепат задумался, потом сказал:

— Я, кажется, понимаю. Обвиняют вот этих двух. Так?

— Так, — подтвердил полисмен.

— Приношу извинения. Исходящая от вас эманация виновности спровоцировала меня на поспешный вывод.

— Виновности? — переспросил полисмен. — От меня?

Голос у него оставался спокойным, но на коже проступили характерные оранжевые полосы озабоченности.

— Да, от вас, — повторил телепат. — И нечего удивляться. Крупные хищения — это такая штука, после которой чувствуют вину почти все разумные существа.

— Но постойте! — воскликнул полисмен. — Я не совершал никакого крупного хищения!

Телепат закрыл глаза и углубился в собственные мысли. Наконец он сказал:

— Это верно. Я имел в виду, что вы еще совершите крупное хищение.

— В суде ясновидение не считается доказательством, — провозгласил полисмен. — Более того, заглянуть в будущее — значит прямо нарушить закон о свободе воли.

— И это верно, — признал телепат. — Приношу извинения.

— Ничего, ничего, — сказал полисмен. — Когда же я совершу вышеупомянутое крупное хищение?

— Месяцев через шесть, — ответил телепат.

— И меня арестуют?

— Нет. Вы покинете эту планету и укроетесь в таком месте, где закон о выдаче уголовных преступников не действует.

— Гм, занятно, — сказал полисмен. — А скажите, пожалуйста... Впрочем, это мы обсудим попозже. Сейчас вы должны заслушать обе стороны и установить кто виновен и кто невиновен.

Телепат осмотрел Марвина, погрозил ему перепончатой лапой и сказал:

— Приступайте.

Марвин поведал ему свою историю, начав с того, как он впервые прочел объявление, не пропустив ни одной подробности.

— Благодарю вас, — сказал телепат, когда Марвин кончил рассказ. — А теперь, сэр, ваш черед.

Он повернулся к старику, а тот откашлялся, почесал грудь, несколько раз плюнул и приступил к своему повествованию.

ИСТОРИЯ ЭЙЖЕЛЕРА ФРУСА

— *Право, не знаю, с чего начать, так что начну-ка я, пожалуй, со своего имени — меня зовут Эйжелер Фрус, расовой принадлежности — немукфянский адвентист, и занятия — владелец магазина готового платья на планете Ахельс-5. Лавочка у меня маленькая, не очень прибыльная, находится в Ламберсе (это Южный Полярный круг), и я день-деньской продаю одежду рабочим, иммигрантам с Венеры, а это здоровенные, зеленые, волосатые парни, крайне невежественные, вспыльчивые, не дураки податься, хоть я и чужд расовых предрассудков.*

Такое занятие, как у меня, располагает к философии; пусть я небогат, зато сохранил здоровье (слава богу), и жена моя Очаровара тоже, если не считать хронического фиброза щупалец. К тому же у меня двое взрослых сыновей, один работает врачом в Сиди-порте, другой — тренер кланнтов. Еще у меня есть замужняя дочь, а значит, само собой, и зять.

Зятю своему я никогда не доверял, потому что он франт, у него двенадцать пар нагрудников, а у моей дочери нет даже приличного комплекта чесательных палочек. Тут уж ничего не поделаешь, сама вырыла себе нору, теперь пусть в нее и лезет. Но все же, когда человек так увлекается нарядами, ароматическими маслами для суставов и прочими роскошествами, и все это на скромное жсаловање коммивояжера, торгующего влагой (он-то величает себя инженером-гидросенсором), тут поневоле призадуматься.

И вечно он пытается раздобыть деньжат на стороне, пускается во всякие дурацкие авантюры, которые я же должен финансировать из своих потом нажитых сбережений, — не так-то просто всучить одежду этим здоровенным зеленым парням.

Например, в прошлом году ухватился он за новинку — дворовый тучедел, а я ему говорю: «Да кому это надо?» Но жена настояла, чтобы я поддержал зятя, и, конечно же, он вылетел в трубу. А в этом году у него появился новый план — на сей раз дешевые изделия из переливчато-радужной синтетической шерсти с Вегги-2; груз такой шерсти он откопал в Гелигопорте и хотел, чтобы я этот груз выкупил.

Я ему говорю: «Слушай, а много ли эти венерианские крикуны смыслят в щегольстве? Да они рады-радешеньки, если могут себе позволить твиловые шорты или плащ для воскресенья». Но мой зять за словом в карман не полезет, вот он мне и говорит: «Слушай, папа, я ли не изучал венерианские народные нравы и обычаи. Я вот как понимаю: эти ребята выросли в дремучем лесу, они любят обряды, пляски и особенно яркие цвета. Выходит, дело верняк, так или нет?»

В общем, если покороче, уговорил он меня на эту авантюру, хоть я и был против. Но я, естественно, решил взглянуть на переливчато-радужную шерсть своими глазами, потому что зятю я бы не доверил судить даже о клочке марли. А это значило, что мне нужно пересечь полгалактики и попасть на Марс, в Гелигопорт. Вот я и стал готовиться к поездке.

На обмен со мной никто не соглашался. Не то чтобы я кого-нибудь осуждал, ведь по доброй воле на такую планету, как Ахельс-5, никто не рвется, разве что иммигранты с Венеры, но они народ темный. Однако увидел я объявление марсианина Зе Краггаша, который хотел отдать свое тело напрокат, потому что разум он отправлял в холодильник, на длительный отдых. Чертовски дорого, но что оставалось делать? Часть денег я вернул — сдал свое тело приятелю, который охотился на кваренгов, пока его не приковал к постели мышечный диокомиотоз. Потом пошел в Бюро Обмена, и там меня спроецировали на Марс.

Вообразите же мое негодование, когда оказалось, что никакое тело мне не приготовлено! Все сбилось с ног, пытаюсь выяснить, что стряслось с телом-носителем, норовили даже отослать меня обратно на Ахельс-5; но ничего не вышло, так как приятель в моем теле отправился к экспедицию — охотиться на кваренгов.

Наконец подыскали мне тело в Терезиенштадтской фирме «Прокат». Они сдают максимум на двенадцать часов, потому что летом на краткосрочный прокат у них отбоя нет от заявок. Да и тело-то никудышное, песок из него сыплется, убедитесь сами, и в придачу содрали за него втридорога.

Пошел я выяснять, где что неладно, и что же оказалось? Этот турист с Земли нахально разгуливает в теле, за которое я уплатил сполна и которое в соответствии с контрактом я должен был бы занимать в эту самую минуту.

Это не только несправедливо, но и в высшей степени вредно для моего здоровья. Вот и вся моя история.

Телепат удалился в свою келью — обдумать решение. Не прошло и часа, как он вернулся и произнес таковы слова:

— Оба вы взяли напрокат, по обмену или иным законным образом получили одно и то же тело, а именно телесную оболочку Зе Краггаша. Тело было предложено его хозяином, упомянутым Зе Краггашем, каждому из вас, а следовательно, сделка осуществлена в прямое нарушение всех соответствующих законов. Действия Зе Краггаша надлежит считать преступными, как по замыслу, так и по исполнению. Поскольку обстоятельства сложились именно так, я распорядился отправить на Землю депешу с требованием безотлагательного ареста упомянутого Зе Краггаша и содержания его под стражей до тех пор, пока не будет оформлена выдача его в руки соответствующих властей.

Оба вы заключили сделку в добросовестном заблуждении. Однако первую, или более раннюю, сделку, судя по бланкам контрактов, заключил мистер Эйжелер Фрус, опередив мистера Марвина Флинна на тридцать восемь часов. Следовательно, мистеру Фрусу, как первому покупателю, и присуждается данная телесная оболочка; мистеру же Флинну предписывается прекратить и прервать незаконное пользование и принять к сведению Уведомление о Выселении, которое я ему передаю и которое вступит в силу через шесть стандартных часов по Гринвичу.

Телепат вручил Марвину Уведомление о Выселении. Флинн взял его с грустью, но покорно.

— По-моему, — сказал он, — лучше будет, если я вернусь на Землю, в свое тело.

— Это самое мудрое решение, — одобрил телепат. — К несчастью, в ближайшее время это не представляется возможным.

— Не представляется? Почему?

— Потому что, — ответил телепат, — по сообщению земных органов власти, чью телепатею я только сейчас принял, ваше тело, одухотворенное разумом Зе Краггаша, не удалось обнаружить. Результаты предварительного дознания внушают тревогу, что Зе Краггаш скрылся с планеты, прихватив с собою ваше тело и деньги мистера Эйжелера.

Дошло далеко не сразу. Но в конце концов Марвин Флинн осознал все последствия, вытекающие из услышанного.

Он застрял на Марсе в чужом теле, которое надо освободить. Через шесть часов он превратится в разум, лишенный тела и почти лишенный надежды обрести таковое.

Разум не может существовать вне тела. Медленно и неохотно Марвин Флинн принял к сведению, что стоит перед угрозой неминуемой смерти.

VI

Марвин не предался отчаянию. Зато он предался гневу — эмоции гораздо более оправданной, хотя столь же безрезультат-

ной. Вместо того, чтобы позорить себя, рыдая в суде, он позорил себя, бушуя в коридорах Федерал-Билдинг, требуя либо справедливости, либо, черт побери, какого-нибудь удачного ее эквивалента.

Молодой человек был глух ко всему. Тщетно втолковывали ему юристы, что если бы справедливость действительно существовала, то отпала бы необходимость в законе и законниках, а тогда исчезла бы одна из благороднейших концепций человечества, и целая профессия оказалась бы ненужной.

Этот вразумительный довод не умиротворил взбешенного Марвина, который являл собой существо, не поддающееся убеждению. В груди его трещало и скрежетало дыхание, когда он громовым голосом обличал судебную машину Марса. В таком настроении он подошел к двери с табличкой «Бюро сыска и задержания. Межзвездный отдел».

— Ага! — пробормотал Марвин и вошел внутрь.

Он очутился в маленькой комнатухе, точно сошедшей со страниц старинного исторического романа. Вдоль стен чинно выстроились старые, но надежные электронные калькуляторы. Возле двери стояла одна из первых моделей преобразователя мысли в машинописный текст. Кресла отличались определенностью формы и пластиковой обивкой пастельных тонов — тем, что ассоциируется с минувшей эрой праздности. Комнатухе не хватало только громоздкого «Морэни», чтобы стать точной копией места действия повестей Шекли и других ранних поэтов Переходного века.

В одном из кресел сидел немолодой марсианин и метал стрелы в мишень, очертаниями напоминающую женский зад.

При входе Марвина он поспешно обернулся и сказал:

— Давно пора. Я вас ждал.

— Серьезно? — не поверил Марвин.

— Ну, не то чтобы уж совсем, — признался марсианин. — Но я установил, что такое начало беседы достаточно эффектно и создает атмосферу доверия.

— Зачем же вы губите эту атмосферу, открывая ее секрет?

— Все мы далеки от совершенства, — пожал плечами марсианин. — Я всего лишь простой труженик — сыщик. Урф Урдорф. Садитесь. Кажется, мы напали на след вашей меховой шубки.

— Какой меховой шубки? — удивился Марвин.

— Вы разве не мадам Риппер де Лоу — травести, которую вчера вечером ограбили в отеле «Красные Пески»?

— Конечно, нет. Я Марвин Флинн. Потерял тело.

— Да, да, разумеется, — энергично закивал сыщик Урдорф. — Давайте-ка по порядку. Вы случайно не помните, где находились, когда впервые заметили пропажу тела? Не спрятал ли его кто-нибудь из ваших друзей, желая подшутить над вами?

А может, вы его сами куда-нибудь заткнули или отправили отдохнуть?

— Вообще-то оно не то чтобы пропало, — сказал Марвин. — По-настоящему — его украли.

— Так бы и говорили с самого начала, — обиделся Урдорф. — Теперь дело предстает в совершенно ином свете. Я всего лишь сыщик; никогда не выдавал себя за чтеца чужих мыслей.

— Очень жаль, — сказал Марвин.

— Мне тоже жаль, — сказал сыщик Урдорф. — Это я о вашем теле. Должно быть, для вас это был форменный удар.

— Да, так оно и было.

— Представляю, каково вам теперь.

— Спасибо, — поблагодарил Марвин.

Несколько минут посидели в дружелюбном молчании. Первым заговорил Марвин.

— Ну?

— Прошу прощения? — ответил сыщик.

— Я говорю «ну»?

— А-а! Извините, первый раз я вас не расслышал.

— Это ничего.

— Спасибо.

— Ради бога, пожалуйста.

Вновь наступило молчание. Затем Марвин опять сказал: «Ну?», а Урдорф ответил: «Прошу прощения?»

— Я хочу, чтобы мне его вернули, — сказал Марвин.

— Кого?

— Мое тело.

— Что, что? Ах да, ваше тело. Гм, еще бы вы не хотели, — подхватил сыщик с понимающей улыбкой. — Но это, конечно, не так-то легко, правда?

— Откуда мне знать, — ответил Марвин.

— Да, знать вам, пожалуй, неоткуда, — согласился Урдорф. — Но смею вас уверить, это не так-то легко.

— Понимаю, — сказал Марвин.

— Я вот и надеялся, что вы поймете.

Произнеся эти слова, Урдорф погрузился в молчание.

Молчание длилось приблизительно секунд двадцать пять плюс-минус секунда или две: к концу этого периода терпение у Марвина лопнуло, и он закричал:

— Черт вас возьми, намерены вы шевельнуть пальцем, чтобы вернуть мне тело, или же будете просиживать свою толстую задницу, не говоря ни единого путного слова?

— Конечно, я намерен вернуть вам тело, — сказал сыщик. — Или, во всяком случае, попытаться. И незачем меня оскорблять. Я в конце концов не машина с готовыми ответами на перфокартах. Я разумное существо, такое же, как и вы. У меня свои надежды и страхи. И свой метод ведения беседы. Вам он может

казаться не очень действенным, но я нахожу его в высшей степени целесообразным.

— Это действительно так? — смягчился Марвин.

— Право же, так. — В кротком голосе сыщика не было и следа затаенной обиды.

Казалось, вот-вот наступит очередное молчание, поэтому Марвин спросил:

— Как по-вашему, есть ли надежда, что я... что мы вернем мое тело?

— Есть, и большая, — ответил сыщик Урдорф. — Я, откровенно говоря, рискну зайти довольно далеко и заявить, что уверен в успехе. Моя уверенность базируется не на изучении вашего конкретного случая, о котором мне известно очень немногое, а на простейших статистических выкладках.

— А выкладки свидетельствуют в нашу пользу? — осведомился Марвин.

— Вне всякого сомнения! Судите сами: я квалифицированный сыщик, владею всеми новейшими методами, мне присвоен высший индекс оперативности — АА-А. И все же, несмотря на это, за пять лет полицейской службы я еще ни разу не раскрыл преступления.

— Ни единого?

— Ни единого, — решительно подтвердил Урдорф. — Любопытно, не правда ли?

— Да, наверное, — сказал Марвин. — Но ведь это значит...

— Это значит, — перебил его сыщик, — что полоса неудач, самая редкостная из всех мне известных, по статистическому ожиданию должна вот-вот кончиться.

Марвин смешался, а это ощущение непривычно для марсианского тела. Он спросил:

— А что, если полоса все же не кончится?

— Не будьте суеверным, — ответил сыщик. — Теория вероятностей на нашей стороне; в этом вы убедитесь даже при самом поверхностном анализе создавшегося положения. Я завалял сто пятьдесят семь дел подряд. Ваше сто пятьдесят восьмое. На что бы вы поставили, если бы были заядлым спорщиком?

— На то, что и дальше будет так продолжаться, — сказал Марвин.

— Я тоже, — признался сыщик с виноватой улыбкой. — Но тогда, заключая пари, мы исходили бы из эмоций, а не из разумного расчета. — Урдорф мечтательно поднял глаза к потолку. Сто пятьдесят восемь неудач! Фантастическая цифра! Такая полоса неминуемо должна кончиться! Скорее всего я теперь могу сидеть у себя в кабинете сложа руки, а преступник сам найдет ко мне дорогу.

— Да, сэр, — вежливо согласился Марвин. — Но вы, надеюсь, не станете пробовать именно такой метод.

— Да нет, — сказал Урдорф. — Его я испробовал в деле

номер сто пятьдесят шесть. Нет, ваше дело я буду расследовать активно. Тем более что здесь налицо преступление сексуальное, а такие вещи меня особенно интересуют.

— Извините? — пролепетал Марвин.

— Вам совершенно не в чем извиняться, — заверил его сыщик. — Не следует испытывать чувство неловкости или вины только оттого, что вы стали жертвой сексуального преступления, пусть даже народная мудрость многих цивилизаций считает, будто в таких случаях на жертву ложится позорное пятно, исходя из презумпции ее сознательного или подсознательного соучастия.

— Нет, нет, я не извинялся, — сказал Марвин. — Я просто...

— Вполне понимаю, — прервал его сыщик. — Но не стыдитесь, расскажите мне самые чудовищные, омерзительные подробности. Считайте меня безликой официальной инстанцией, а не разумным существом с половыми признаками, страхами, желаниями, вывихами, поползновениями...

— Я все пытаюсь вам втолковать, — сказал Марвин, — что сексуальное преступление здесь ни при чем.

— Все так говорят, — задумчиво произнес сыщик. — Поразительно, до чего неохотно приемлет неприемлемое человеческий разум.

— Вот что, — сказал Марвин, — если бы вы дали себе труд ознакомиться с фактами, то заметили бы, что речь идет о наглом мошенничестве. Мотивы преступления — деньги и самоувековечение.

— Это-то я знаю, — ответил сыщик. — И если бы не процессы сублимации, так бы мы и считали.

— Какими же еще мотивами мог руководствоваться преступник?

— Самыми очевидными, — сказал Урдорф. — Классический синдром. Видите ли, этот малый действовал под влиянием особого импульса, который принято обозначать особым термином. Преступление совершено в тяжелом состоянии давнего проективного нарциссова комплекса.

— Не понимаю, — пробормотал Марвин.

— С таким явлением малоосведомленные люди, как правило, не сталкиваются, — утешил его сыщик.

— А что это значит?

— Я не могу углубляться в дебри этиологии. А если вкратце, то синдром вызывает смещение себялюбия. Попросту говоря, больной влюбляется в другого, но не как в другого. Скорее он влюбляется в другого, как в самого себя.

— Ладно, — смирился Марвин. — Поможет это нам найти того, кто украл у меня тело?

— Вообще-то нет, — сказал сыщик. — Но это нам поможет его понять.

— Когда вы приступите? — спросил Марвин.

— А я уже приступил, — ответил сыщик. — Пошлю, конечно, за судебными протоколами и прочими документами, относящимися к делу, запрошу дополнительную информацию у соответствующих органов других планет. Я не пожалею сил, а если будет нужно или полезно — отправлюсь на край вселенной. Это преступление я раскрою!

— Рад, что вы так настроены, — заметил Марвин.

— Сто пятьдесят восемь дел подряд, — размышлял Урдорф вслух. — Слышанная ли штука — такая полоса неудач? Но теперь она кончится. Я хочу сказать, не может же она тянуться до бесконечности, правда?

— Наверное, не может, — согласился Марвин.

— Хорошо бы мое начальство тоже встало на эту точку зрения, — хмуро сказал сыщик. — Хорошо бы оно перестало называть меня недотепой. Такие словечки, да насмешки, да поднятые брови — все это кого угодно лишит уверенности в себе. На мое счастье, я отличаюсь несгибаемой волей и полнейшей уверенностью в самом себе. По крайней мере так было еще после первых девяноста неудач.

На несколько секунд сыщик тяжело задумался, потом сказал Марвину:

— Надеюсь, вы окажете мне всяческую помощь и поддержку.

— Рад стараться, — ответил Марвин. — Беда только в том, что не более чем через шесть часов меня лишат тела.

— Чертовски досадно, — рассеянно произнес Урдорф. Он явно погрузился уже в мысли о следствии и лишь с трудом заставил себя вновь уделить внимание Марвину. — Лишат, вот как? Надо полагать, вы приняли меры? Нет? Ну, тогда, надо полагать, вы еще примете меры.

— Не знаю, какие меры тут можно принять, — угрюмо ответил Марвин.

— Ну, об этом не стоит пререкаться, — сказал сыщик подчеркнуто бодрым голосом. — Найдите где-нибудь другое тело, а главное — оставайтесь в живых! Обещайте мне сделать все от вас зависящее, чтобы остаться в живых.

— Обещаю, — сказал Марвин.

— А я буду продолжать расследование и свяжусь с вами, как только смогу что-нибудь сообщить.

— Но как вы меня отыщете? — спросил Марвин. — Я ведь не знаю, в каком буду теле и даже на какой планете.

— Вы забываете, что я сыщик, — с бледной улыбкой ответил Урдорф. — Пусть мне нелегко отыскивать преступников, зато уж жертв я всегда отыскиваю без малейшего затруднения. Так что выше голову, не допускайте, чтоб у вас душа уходила в пятки, а главное, помните: оставайтесь в живых!

Марвин согласился остаться в живых, тем более что на этом

строились все его планы. И вышел на улицу, сознавая, что драгоценное время истекает, а своего тела у него по-прежнему нет.

VII

Заметка в «Марс-Солнце-Ньюз» (печатный орган трех планет):

СКАНДАЛ ВОКРУГ ОБМЕНА

Сегодня полиции Марса и Земли стало известно о скандале, разыгравшемся в связи с Обменом Разумов. Разыскивается некий Зе Краггаш (неизвестно, с какой планеты), который, как утверждают, продал, обменял или по иным обязательствам ссудил свое тело двенадцати лицам одновременно. На арест Краггаша выданы ордера, и полиция трех планет не сомневается, что вскоре преступник будет задержан. Дело напоминает знаменитый скандал с «Двухголовым Эдди» в начале 90-х годов, когда...

Марвин Флинн уронил газету в канаву. Он смотрел, как жидкий песок уносил ее прочь; горькая эфемерность печатного слова казалась символом весьма условного существования самого Марвина. Он стал пристально разглядывать свои руки; голова у него поникла.

— Полно, полно, что у тебя стряслось, а, приятель?

Флинн увидел перед собой добродушное, иссиня-зеленое лицо эрланина.

— Беда у меня, — сказал Флинн.

— Что ж, послушаем, какая именно, — сказал эрланин и свернулся клубком на тротуаре рядом с Флинном.

Как и у всех его компатриотов, у эрланина активное сочувствие сочеталось с бесцеремонностью. Известно, что эрлане — народ грубый, остроумный, склонный к веселому, беззлобному подтруниванию и безыскусным прибауткам. Непревзойденные путешественники и торговцы, эрлане с Эрлана-2 по заветам своей религии имели право путешествовать только *in corpore*¹.

Марвин поведал свою историю вплоть до того злополучного мимолетного мгновения, которое именуется «сейчас»; того жестокого и неумолимого «сейчас», того ненасытного «сейчас». что пожирало его скудный запас минут и секунд, приближая время, когда истекут контрольные шесть часов и Марвина, лишенного тела, бросят в неведомую галактику, неизвестную людьми «смерть».

— Ух ты! — сказал эрланин. — Ты случайно не жалеешь ли себя?

¹ Здесь «в собственном теле», то есть собственнй перенос.

— Конечно, черт побери, я-то себя жалею, — вспыхнул Флинн. — Я пожалел бы любого, если он должен умереть через шесть часов. Почему же мне не жалеть самого себя?

— Ставь кастрюлю, как тебе удобней, повар, — ответил эрланин. — Кое-кто обозвал бы это дурным тоном и прочей дребеденью, но я-то стою за учение Гуажуа, а он сказал: «Вблизи тебя гнусавит смерть? Раскровени ей нос!»

Марвин уважал всякую религию и, уж конечно, не питал предрассудков относительно широко распространенной секты антимелодистов. Однако для него оставалось неясным, чем ему помогут слова Гуажуа; так он и заявил.

— Бодрись, — посоветовал эрланин. — При тебе еще остались твой мозг и твой шесть часов, так ведь?

— Пять.

— Вот видишь! Встань-ка на задние лапы и докажи, что ты не размазня, ладно, горячка? Оттого, что ты здесь бродишь, точно беглый каторжник, толку ведь не будет, верно?

— Да, навряд ли, — сказал Марвин. — А с другой стороны, что делать? Своего тела ведь нет, а чужие дороги.

— Увы, твоя правда. Не приходила ли тебе в голову мысль о Свободном Рынке? А?

— Это же, наверное, опасно, — возразил Марвин и вспыхнул при мысли о том, как нелепы его слова.

Эрланин широко ухмыльнулся.

— Дошло, парень? Но, послушай, все не так скверно, как кажется, только возьми тоном выше. Не так уж страшен Свободный Рынок; плетут о нем всякие небылицы, в основном это делают крупные агентства по обмену, они желают сохранить свои взвинченные капиталистические цены. Но знаю я одного малого, он там двадцать лет крутится на краткосрочных сделках, так он говорит, почти все ребята исключительно честные. Так что голову выше, нагрудник не теряй, выбери себе хорошего посредника. Счастливо, малый!

— Постойте! — вскричал Флинн, видя, что эрланин поднялся на ноги. — Как зовут вашего приятеля?

— Джеймс Праведник Мак-Хоннери, — ответил эрланин. — Это тертый, стреляный, тупой, мелкий прохвост, чересчур любит спелый виноград и слишком буен во хмелю. Но играет он некраплеными картами, обслуживает без подвоха, а большего ты ведь не станешь требовать даже от самого святого Кзала. Скажи только, что тебя рекомендует Пенгл-Порох, и желаю тебе удачи.

Флинн горячо поблагодарил Пороха, к смущению этого неотесанного, но мягкосердечного джентльмена. Затем встал и зашагал сперва медленно, потом все быстрее по направлению к Куэину, в северо-западной части которого размещались киоски и открытые ларьки Свободного Рынка. В венах ожидания, только что близких к максимальной энтропии, скромно, но твердо бился пульс надежды.

А рядом в канаве песчаный поток уносил обрывки газет в вечную и таинственную пустыню.

— Э-гей! Э-гей! Новые тела за старые! Приходите, обслужим — новые тела за старые!

Марвин весь задрожал, услышав старинный уличный крик, сам по себе невинный, но вызывающий реминисценции из мрачных готических рассказов. Он нерешительно углубился в запутанный лабиринт дворов и тупиков, из которых и состоял древний район Свободного Рынка. Пока он шел, ему прожужжали уши не менее чем двенадцатью громкими предложениями.

— Нужны сборщики урожая на поля Дрогхеды! Предоставляем вполне исправное тело с телепатическими способностями! На всем готовом, пятьдесят кредитов в месяц, и, главное, удовольствия по классу В 3! Сегодня мы заключаем особо льготные двухгодичные контракты. Приезжайте собирать урожай на прекрасную Дрогхеду!

— Вербуйтесь в армию на Нейгуин! В наличии двадцать сержантских тел и несколько штук сортом повыше, в чине младших офицеров. Все тела прошли курс военной подготовки!

— А платить-то сколько будут? — спросил какой-то человек у продавца.

— Полное обеспечение и один кредит в месяц.

Человек фыркнул и отвернулся.

— И, — повысил голос зазывала, — неограниченное право грабежа и мародерства.

— Ну, это хоть на что-то похоже, — проворчал человек. — Но вот уже десять лет как Нейгуин терпит в этой войне поражение. Потери большие, а телесная часть войска не пополняется.

— Мы все это коренным образом изменяем, — сказал продавец. — Вы, видно, опытный покупатель?

— Верно, — ответил человек. — Я Шон фон Ардин, побывал почти во всех крупных войнах Галактики, не считая мелких передряг.

— Последнее воинское звание?

— Джевальдер армии графа Ганимедского, — отчеканил фон Ардин. — А перед тем был в чине Полного Кфузиса.

— Ишь ты, — продавец был явно ошеломлен. — Полный Кфузис, вот как? И документы сохранили? Ладно, тогда мы вот что сделаем. Предлагаю вам на Нейгуине должность манатей второго класса.

Фон Ардин, хмурия брови, принялся подсчитывать на пальцах.

— Дайте сообразить. Манатей второго класса соответствует циклопскому полудолу, а это чуть выше, чем король знамени на Аназорее и почти на ползвания ниже дорианского Старика. Значит... Э, да если я завербуюсь, то это для меня сильное понижение в чине!

— Да, но вы не выслушали до конца, — продолжал продавец. — В этом чине вы пробудете в течение двадцатипятидневного испытательного срока, чтобы доказать Чистоту Намерений, — о ней очень заботятся политические лидеры Нейгуина. А потом мы вас сразу повысим на три звания, сделаем меланрамом-супериором, а это даст вам реальную надежду стать временным мечом-джумбайя, и, может быть, даже (я ничего не обещаю, но думаю, что неофициально мы это состряпаем), может быть, я вам устрою должность грабежмейстера, когда будут делить добычу под Эридсвургом.

— Что ж, — фон Ардин был под впечатлением обещаний, как ни пытался устоять, — сделка довольно выгодная... если вы беретесь ее протолкнуть.

— Пройдемте в помещение, — сказал продавец. — Я позволю по телефону.

А Марвин все шагал и слушал, как представители доброй дюжины рас препираются с продавцами — представителями другой дюжины рас. Марвину все уши прожужжали сотнями призывов. От оживленности рынка у Марвина поднялось настроение. А услышанные им варианты, хоть порой и отпугивающие, в массе своей были завлекательны:

— Нужен афидмен на пасеку Сенфиса! Хорошая плата, отзывчивая дружба.

— Требуется переписчик для работы над Грязной Книгой Ковенджин! Должен телепатически воспринимать сексуальные побуждения медридарианской расы!

— Ищем садовников-планировщиков на Арктур! Приезжайте на отдых к единственной в Галактике расе разумных овощей!

— Нужен опытный кандальщик на Вегу-4! Пригодятся также полуквалифицированные удержатели! Неограниченные привилегии!

Как много перспектив открывает Галактика! Марвину показалось, что его несчастье на самом деле не несчастье, а замаскированная удача. Он всегда стремился путешествовать... но раньше из скромности позволял себе лишь жалкую роль туриста. Насколько же лучше, насколько плодотворнее путешествовать с ясной целью! Служить в армиях Нейгуина, изведать жизнь афидмена, узнать, каково быть кандальщиком... И даже переписывать Грязную Книгу Ковенджин.

Прямо перед собой он заметил табличку «Джеймс Праведник Мак-Хоннери, маклер по краткосрочным сделкам, с разрешения властей. Успех гарантируется».

За прилавком, скрытый по пояс, стоял и курил сигару ладный, выдавший виды, надутый коротышка с пронзительными кобальтово-синими глазами. Это и был, судя по всему, Мак-Хоннери собственной персоной. Молчаливый и высокомерный, не

унижающийся до трепотни, коротышка стоял сложа руки, пока Флинн подходил к его ларьку.

VIII

Они очутились лицом к лицу — Марвин с разинутым ртом, Мак-Хоннери со стиснутыми зубами. Несколько секунд прошли в молчании. Затем Мак-Хоннери сказал:

— Слушай, малыш, тут тебе не какая-нибудь занюханная ярмарка, и я тебе не какой-нибудь занюханный урод. Если хочешь что-то сказать, выкладывай. Не хочешь — ступай своей дорогой, пока я тебе хребет не переломал.

Марвин сразу понял, что этот человек не из породы угодливых, медоточивых торговцев телами. В скрипучем голосе не было и тени подобострастия, в очертаниях искривленных губ — ни признака заискивания. Этот человек говорил то, что думал, и не заботился о последствиях.

— Я... я клиент, — выдавил из себя Флинн.

— Повезло же мне, — съязвил Мак-Хоннери. — Прикажешь теперь кувыряться от радости, что ли?

Его ядовитая реплика и хамоватые манеры знающего себе цену человека вселили во Флинна доверие. Он, конечно, знал, что внешность обманчива, но ему никто никогда не сообщал, как еще можно судить о людях, если не по внешности. Он склонен был отдать себя на милость этого гордого и озлобленного человека.

— Через час-другой меня лишат вот этого тела, — объяснил Марвин. — Поскольку мое собственное украдено, мне позарез нужно какое-нибудь взамен. Денег у меня очень мало, но я... я на все согласен и готов работать.

Мак-Хоннери вытаращил глаза, и его сжатые губы искривились в язвительной усмешке.

— Готов работать, вот оно что? Как мило! И кем же ты готов работать?

— Да кем угодно.

— Вот как? А ты умеешь работать на монткальмском металлорежущем станке со светочувствительным пультом и ручным отбором брака? Нет? Думаешь, справишься с экспресс-сепаратором частиц, работа на заводах компании «Новые Редкоземельные Элементы»? Не по твоей части, а? Есть у меня заказчик, он хирург на Веге, ему нужен подручный, чтоб управлять стимулятором нервных импульсов — старая модель с двумя педалями. Не совсем то, что ты имел в виду? Далее, есть у нас заказ с Потемкина-два, там нужен исполнитель на коленной чашке, а ресторан в районе Бутса просит прислать повара, чтоб готовил дежурные блюда и знал кухню Кфензиса. Ни уму, ни сердцу? Может, тебе подойдет собирать цветы на Мориглии; правда, там надо предвидеть антезис с разбором не более пяти секунд. Или

ты мог бы заняться точечной сваркой плоти, если у тебя нервы крепкие, или контролировать восстановление филопозов, или... Но, по-моему, ничто из перечисленного тебя не трогает, а?

Флинн покачал головой и буркнул:

— Ни в одной из этих работ я ничего не смыслю.

— Почему-то меня это вовсе не так удивляет, как ты думаешь, — сказал Мак-Хоннери. — А хоть что-нибудь ты умеешь?

— Да вот я в колледже изучал...

— К чертовой матери автобиографию! Меня интересует твое ремесло, талант, профессия, способность, искусство, называй как хочешь. Конкретно, что ты умеешь делать?

— Собственно, — сказал Марвин, — если уж вопрос стоит таким образом, то я, наверное, ничего особенного не умею.

— Знаю, — вздохнул Мак-Хоннери. — Ты неквалифицированный. У тебя это прямо на лбу написано. Малыш, может быть, тебе будет интересно узнать, что неквалифицированных разумов везде как собак нерезаных. Рынок ими затоварен, вселенная забита — по швам трещит. Все, что ты сделаешь, машина сделает лучше, быстрее и куда охотнее.

— Очень жаль, сэр, — с достоинством, хоть и грустно, ответил Марвин и собрался уходить.

— Минутку, — сказал Мак-Хоннери. — Если не ошибаюсь, ты искал работу.

— Но вы же сами говорили...

— Я говорил, что ты неквалифицирован, да так оно и есть. И я говорил, что машина все делает лучше, быстрее и гораздо охотнее, но никоим образом не дешевле.

— Ага! — сказал Марвин.

— Да-с, что касается дешевизны, то ты еще дашь автоматике очко вперед. А в наш век, в наши дни это огромное достижение.

— Ну что ж, это все-таки утешительно, — с сомнением произнес Флинн. — И конечно, очень интересно. Но когда Пенгл-Порох посоветовал мне обратиться к вам, я думал...

— Стой, что такое? — встрепнулся Мак-Хоннери. — Ты друг Пороха?

— Считайте, что так, — ответил Флинн, избегая грубой лжи.

— Так бы и говорил с самого начала, — сказал Мак-Хоннери. — Не то чтоб от этого многое изменилось — ведь факты именно таковы, как я их излагаю. Но я бы тебе объяснил, что быть неквалифицированным не зорно. Проклятье, ведь все мы так начинаем, разве нет? Если тебе повезет с контрактом на краткосрочную сделку, ты и глазом моргнуть не успеешь, как обучишься всяким ремеслам.

— Надеюсь, что так, сэр. — Теперь, когда Мак-Хоннери стал приветлив, Флинн насторожился. — У вас есть на примете какая-нибудь работенка?

— Вообще-то да, — сказал Мак-Хоннери. — Это всего недельная перекидка, а уж неделю можно вытерпеть на любой работе, даже если выполняешь ее, стоя на голове. Тебе-то это не грозит, работа приятная и сходная, на чистом воздухе, мозги напрягать особенно не требуется, хорошие рабочие условия, просвещенное руководство и конгениальная рабочая сила.

— Звучит заманчиво, — сказал Флинн. — А в чем здесь подвох?

— В том, что не такая это должность, где можно разбогатеть, — ответил Мак-Хоннери. — Откровенно говоря, платят хреново. Но какого черта, нельзя же все сразу.

— А что за должность? — спросил Марвин.

— Официально она называется «индигатор уфики, второго класса».

— Звучит внушительно.

— Рад, что тебе нравится. Это значит, что ты должен охотиться за яйцами.

— За яйцами?

— За яйцами. Или, если подробнее, ты должен искать, а когда найдешь, то подбирать яйца грача-ганзера. Думаешь, справишься?

— Я, собственно, хотел бы побольше разузнать о технике собирания, а заодно об условиях работы и...

Он остановился на полуслове, ибо Мак-Хоннери медленно, печально помотал головой.

— Тебе нужна работа?

— Есть у вас что-нибудь другое?

— Нет.

— Беру.

— Умное решение, — сказал Мак-Хоннери. Он вынул из кармана какую-то бумагу. — Вот стандартный, одобренный правительством контракт на кроумельдском языке, который считается официальным языком планеты Мельд-два, куда приписана нанимающая тебя фирма. Умеешь читать по-кроумельдски?

— К сожалению, нет.

— Ну, текст стандартный... Фирма не несет ответственности за пожар, землетрясение, атомную войну, превращение солнца в сверхновую звезду, стихийные бедствия... Фирма согласна тебя нанять... снабдить мельдским телом... за исключением случаев, когда окажется не в состоянии, в каковых случаях не обязана... и да помилует бог твою душу.

— Как, как? Повторите, — попросил Флинн.

— Последняя фраза — просто стандартный оборот речи. Дай сообразить, по-моему, это все. Ты, конечно, обязуешься не совершать актов вредительства, шпионажа, непочтительности, неповиновения и так далее, а также всячески избегать и сторо-

ниться половых извращений, перечисленных у Гофмейера в «Стандартном справочнике мельдских извращений». Кроме того, ты обязуешься умываться раз в двое суток, не влезать в долги, не превращаться в алкоголика, не сходить с ума. Ну, тут еще всякие обязательства, против которых не станет возражать ни один здравомыслящий человек. Вот, пожалуй, и все. Если у тебя есть деловые вопросы, я постараюсь на них ответить.

— Да, вот, — сказал Флинн, — насчет всех этих обязательств...

— Это неважно, — отмахнулся Мак-Хоннери. — Нужна тебе работа или нет?

У Марвина были кое-какие сомнения.

Но не успел он опомниться, как оказался в мельдском теле, на Мельде.

IX

Дождевой лес ганзеров на Мельде был дремуч и обширен. Среди исполинских деревьев проносился легчайший шепот ветерка, вернее, тень его; он протискивался сквозь переплетения лиан и, словно сломав хребет, проползал по крючковой траве. Капли воды с мучительным трудом соскальзывали вниз по спутанной листве, как заблудившиеся в лабиринте, в изнеможении присевшие отдохнуть на губчатой и равнодушной почве. Тени смешивались и плясали, бледнели и вновь появлялись, приведенные в мнимое движение двумя усталыми солнцами в небе цвета зеленоватой плесени. Над головой безутешный ференгол свистом подзывал подругу, но в ответ слышал только частый зловеющий кашель хищного царь-прыгуна.

И по этой-то скорбной местности, так томительно похожей на Землю и так от нее отличной, бродил Марвин Флинн в непривычном мельдском теле, упорно глядя себе под ноги, — он искал яйца ганзеров, не зная толком, на что они похожи.

Все произошло стремительно. С того мига, как он прибыл на Мельд, у него не было времени оглядеться. Едва его воплотили, как кто-то уже повелительно орал у него над ухом.

Флинн только-только успел торопливо осмотреть свое четвероукое, четвероногое тело, для пробы вильнул единственным хвостом и перекинул уши за спину, как его тотчас же, словно скотину, загнали в рабочую бригаду, сообщили ему номер барака и местонахождение столовой, вручили джемпер (на два размера больше, чем нужно) и башмаки (которые пришлось почти впору, если не считать того, что левый чуть-чуть жал). Флинн расписался в получении и принял набор инструментов, необходимых для новой профессии: большой синтетический мешок, темные очки, компас, сеть, щипцы, тяжелый металлический треножник и бластер.

Его и других рабочих выстроили рядами, их в спешке проинструктировал менеджер — усталый и надменный атреянин.

Флинн узнал, что его новая родина занимает ничтожную часть пространства вблизи Альдебарана. Мельд — планета, прямо скажем, второсортная. По шкале климатических допусков Хэрлихэна Чанза ее климат классифицируется как «невыносимый», потенциальные природные ресурсы считаются «ниже минимальной нормы», а коэффициент эстетического резонанса (не измеренный) объявлен «невдохновляющим».

— Не такое место, — сказал менеджер, — которое стоило бы выбрать для отпуска, да и вообще для чего бы то ни было.

Слушатели нервно захихикали.

— Тем не менее, — продолжал менеджер, — этот неприветливый и непривечаемый мир, это галактическое недоразумение, эту космическую посредственность обитатели считают своей родиной и прекраснейшей планетой во вселенной.

Мельдяне, неистово гордясь единственной своей реальной ценностью, делают хорошую мину при плохой жизни. С мужественной решимостью вечных неудачников они возделывают опушки дождевого леса, а в необъятных пылающих пустынях добывают бедные руды с жалким содержанием металла. Их упорную настойчивость можно было ставить в пример, если бы она не приводила к неизменному краху.

И сказал менеджер:

— Вот чем был Мельд, если бы не еще один факт. Яйца ганзеров! Ни на одной планете их нет, и ни одна планета не нуждается в них так сильно.

Яйца ганзеров — единственный предмет экспорта с планеты Мельд. К счастью для мельдян, эти яйца повсюду пользуются бешеным спросом. На Оришаде яйца ганзеров служат любовными амулетами; на Офиухе-2 их мелют и едят как непревзойденный стимулятор любовного желания; на Моришаде после освящения они становятся предметом культа у безрассудных К'тенги.

Итак, яйца ганзеров — жизненно важный природный ресурс, к тому же единственный на Мельде. Благодаря им мельдяне удерживаются на определенной ступени цивилизации. Без них раса неминуемо пришла бы в упадок.

Чтобы заполучить яйцо ганзера, надо всего-навсего нагнуть-ся и поднять его. Но тут-то и кроются некоторые трудности, ибо ганзеры категорически сопротивляются такой практике.

Ганзеры, обитатели лесов, ведут происхождение от древних ящеров. Они свирепы, искусно прячутся, коварны, жестоки и совершенно не поддаются приручению. Все эти качества делают сбор яиц ганзеров занятием крайне опасным.

— Создалось любопытное положение, — отметил менеджер, — не лишенное парадоксальности. Основной источник жизни на Мельде есть в то же время и основная причина смертности. Это послужит вам пищей для размышлений, когда начнете свой

рабочий день. Запомните же мои слова: берегите себя, будьте все время начеку, семь раз отмерьте — один отрежьте, сделайте все возможное, чтобы сохранить свои связанные договором жизни, не говоря уже о дорогостоящих телах, выданных вам в пользование. Но, кроме того, не забывайте о норме — если вы невыполните дневную норму хотя бы на одно-единственное яйцо, то за этот день вам будет начислена целая штрафная неделя. Желаю успеха, ребята!

Тут Марвина и остальных рабочих опять выстроили рядами и без проволочек отвели в лес.

Через час достигли поисковой зоны. Марвин Флинн воспользовался случаем попросить у десятника инструкций.

— Инструкций? — переспросил десятник. — Какой вид, какой род?

Он был переселенцем с Оринафы и не мог похвастать лингвистическими способностями.

— В смысле, что я должен делать? — уточнил Флинн.

Десятник долго обдумывал вопрос и, наконец,отреагировал:

— Ты должен собирать яйца ганзер.

У него получилось «ганьсер».

— Это-то понятно, — сказал Флинн. — Я о другом спрашиваю: я ведь даже не знаю, на что похоже яйцо ганзера.

— Не волнуйтесь, — ответил десятник. — Ты знай, когда увидеть без ошибки, да.

— Есть, сэр, — выпалил Марвин. — А если я найду яйцо ганзера, то существуют ли особые правила насчет того, как с ним обращаться? Например, чтобы нечаянно не разбить...

— Обращаться, — сказал десятник, — ты поднимай яйцо, клай в мешок. Ты понимай такая вещи, да или нет?

— Конечно, понимаю, — заверил Марвин. — Но я еще хотел бы выяснить, велика ли дневная норма. Как подсчитывается выработка, по часам? Перерыв на обед не в счет?

— А! — сказал десятник, и с его широкого добродушного лица исчезло недоуменное выражение. — Наконец это так. Ты поднимай яйцо ганзер, клай в мешок, ясно?

— Ясно, — без запинки ответил Марвин.

— Ты делай так каждый раз, пока мешок не наполняться. Уловил?

— По-моему, да, — ответил Марвин. — Полный мешок соответствует действительной или идеальной норме. Дайте-ка, я повторю еще раз все этапы, чтобы действовать наверняка. Сначала я устанавливаю местопребывание яиц ганзера, пользуясь земными эквивалентами этого понятия и, надо полагать, не испытывая трудностей при опознании. Затем, обнаружив и опознав объект поисков, я приступаю к процессу, именуемому «класть яйцо в мешок», под чем подразумевается...

— Один минута, — десятник постучал себя хвостом по зубам и спросил: — Ты меня разыгрывай, малыш?

— Помилуйте, сэр, я хотел только удостовериться...

— Ты шутики шутить на деревенщина со старый планета Оринафа. Ты думать, ты такой ловкий. Ты не такой ловкий. Никто не любить чересчур большой умник.

— Прошу прощения, — сказал Флинн, почтительно виляя хвостом.

— Так или иначе, я мне казайся, ты усвоить элементарные начатки работа очень хорошо, так что иди теперь выполняй работа-труд как следует. Держать греха подальше. Иначе я перебить тебе шесть и более конечности, усекаешь?

— Усекаю.

Флинн повернулся через правое плечо и галопом припустил в лес, где начал поиски.

Х

Марвин Флинн бесшумно неся по лесу; ноздри его трепетали, глаза вращались и выпячивались, увеличивая поле зрения. Золотистая шкура, слегка надушенная апписифиамом, нервно подрагивала — так играли под нею мышцы, с виду расслабленные, на самом деле безукоризненно слаженные.

Лес развертывал перед зрителем симфонию зеленых и серых тонов, где время от времени возникала алая тема ползучих растений, или пурпурные фанфары кустарника лилибабы, или, еще реже, выведенный гобоем лейтмотив второй темы — оранжевого хлыстकिनжала. Общий же эффект был мрачен и наводил на печальные раздумья, как просторный городской парк в тихий час перед рассветом.

Но что это? Вон там! Чуть левее! Да, да, как раз под деревом бокку! Это не... Не может быть!..

Правыми руками Флинн разгреб листья и низко наклонился. Там, в гнезде, свитом из травы и веточек, он увидел нечто такое, что сверкало наподобие страусинового яйца, изукрашенного драгоценными камнями.

Десятник не солгал. Яйцо ганзера ни с чем невозможно спутать.

На выпуклой радужной поверхности ярко горели мириады волшебных костров. Исчезая и возвращаясь наподобие полубытых снов, пробегали тени. В душе Марвина всколыхнулось ощущение сумерек, вечернего звона, медлительного стада, пасущегося у прозрачного ручья, под сенью пыльных безутешных кипарисов.

Как ни противилось этому все его естество, Марвин совсем низко нагнулся и протянул руку. Ладонь его любовно сомкнулась на пылающем сфероиде.

Он быстро отдернул руку. Пылающий сфероид обжигал адским огнем.

Марвин посмотрел на него с еще большим уважением. Те-

перь он понял назначение выданных ему щипцов. Этими щипцами он осторожно обхватил сказочный сфероид.

Сказочный сфероид отскочил, как резиновый мяч. Марвин ринулся за ним, на бегу бестолково размахивая сетью. Яйцо ганзера увернулось, рикошетириовало и молнией метнулось в густые заросли.

Марвин отчаянно взмахнул сетью, и руку его направила сама фортуна. Яйцо ганзера попало в сеть.

Оно лежало неподвижно, пульсируя, словно переводя дух. Марвин с осторожностью приблизился — он ожидал любой каверзы.

И тут яйцо ганзера заговорило.

— Слушай-ка, мистер, — сказало оно сдавленным голосом, — что это на тебя нашло?

— Как, как? — переспросил Марвин.

— Слушай, — сказало яйцо ганзера. — Я себе сижу в общественном парке, никого не трогаю, и вдруг здрасьте — ты набрасываешься на меня, как ненормальный, всего исцарапал и вообще ведешь себя как псих. Ну, я, естественно, разгорячился. А кто бы не разгорячился? Вот я и решил отойти подальше, ведь у меня сегодня выходной и мне скандалы ни к чему. И здрасьте — ты накидываешь на меня сеть, будто я тебе какая-то паршивая бабочка. Вот я и спрашиваю: что на тебя нашло?

— Видишь ли, — ответил Марвин, — ты ведь яйцо ганзера.

— Это мне известно, — сказало яйцо ганзера. — Я яйцо ганзера, факт. А что, теперь так, ни с того ни с сего это запрещается законом?

— Конечно, нет, — ответил Марвин. — Но дело в том, что я как раз охочусь за яйцами ганзеров.

Последовала недолгая пауза. Затем яйцо ганзера попросило:

— Не откажите в любезности, повторите, пожалуйста.

Марвин повторил. Яйцо ганзера сказало:

— М-да, мне так и слышалось. — И рассмеялось почти беззвучно. — Вы шутите, не правда ли?

— К сожалению, нет.

— Конечно, шутите, — с ноткой отчаяния в голосе настаивало яйцо ганзера. — Ну ладно, повеселились и хватит. Теперь выпустите меня отсюда.

— Извините...

— Выпустите меня!..

— Не могу.

— Почему?

— Потому что я охочусь за яйцами ганзеров.

— О господи, — сказало яйцо ганзера, — большего идиотизма я за всю свою жизнь не слыхало! Мы ведь, по-моему, впервые сталкиваемся, не так ли? Почему же ты за мной охотишься?

— Меня наняли охотиться за яйцами ганзеров, — пояснил Марвин.

— Слушай, парень, ты просто ходишь себе и охотишься за любыми яйцами ганзеров? Тебе безразлично, за какими именно?

— Точно.

— И действительно, не ищешь какое-то определенное яйцо ганзера, которое, чего доброго, сделало тебе гадость?

— Нет, нет, — заверил Марвин. — Я в жизни не встречал ни одного яйца ганзера.

— Ты даже не... И все-таки охотишься... Я, должно быть, схожу с ума. И наверняка ослышалось. Собственно, так просто-напросто не бывает. Это какой-то чудовищный кошмар... Подходит к тебе помешанный, спокойно, как будто так и надо, хватает тебя в лапы и, глазом не моргнув, заявляет: «Я вообще-то охочусь за яйцами ганзеров». Собственно... слушай, парень, ты меня разыгрываешь, верно?

Марвин сконфузился, раскипятился и возмечтал, чтобы яйцо ганзера заткнулось. Он грубовато сказал:

— Я вовсе не валяю дурака. Моя работа — собирать яйца ганзеров.

— Собирать... яйца ганзеров! — простонало яйцо ганзера. — Ах, нет, нет, нет! Боже, не верится, что все это на самом деле, и все же это происходит, на самом деле проис...

— Не распускайся! — прикрикнул Марвин: яйцо ганзера явно готово было впасть в истерику.

— Спасибо, — проговорило яйцо ганзера, помолчав. — Теперь я в норме. Слушай, можно задать тебе один-единственный вопрос?

— Только поживей, — ответил Марвин.

— Я вот что хочу спросить, — сказала яйцо ганзера, — тебе такие дела доставляют удовольствие? Я хочу сказать, ты не склонен ли к извращениям? Только не обижайся.

— Ничего, — ответил Марвин. — Нет, я не склонен к извращениям и, поверь, никакого удовольствия не испытываю. Клянусь, мне самому все это очень неприятно.

— Тебе неприятно! — взвизгнуло яйцо ганзера. — А мне-то, по-твоему, каково? По-твоему, для меня это в порядке вещей, если кто-то подходит, как в кошмарном сне, и «собирает» меня?

— Спокойней, — попросил Марвин.

— Бешеный, — пробормотало яйцо ганзера в сторону. — Абсолютно, совершенно невменяемый. Можно... можно, я оставлю жене записку?

— Некогда, — твердо ответил Марвин.

— Тогда разреши мне хотя бы помолиться.

— Валяй, молись, — сказал Марвин. — Только побыстрее закругляйся.

— О, господь бог, — нараспев затянуло яйцо ганзера, — не понимаю, что со мной происходит и почему. Я всегда старался

быть хорошим, и хоть церковь посещаю нерегулярно, но ты ведь знаешь, что истинная вера — в сердце верующего. Возможно, порой я поступаю дурно, не стану отрицать. Но, господь, отчего караешь ты так жестоко? И отчего именно меня? Отчего не другого, настоящего грешника, например закоренелого преступника? Отчего именно меня? И отчего именно так? Какая-то тварь «собирает» меня, будто я неодушевленная вещь... не понимаю. Но знаю, что ты всеведущ и всемогущ, а еще знаю, что ты добр, и значит, есть тому причина... хоть я и слишком глуп, чтобы ее разгадать. Слушай, боже, если ты так рассудил, тогда ладно, пусть так и будет. Но ты уж, пожалуйста, позаботься о моей жене и детях. А особенно о младшеньком. — Голос у яйца ганзера прервался, но оно тотчас же овладело собой. — Особенно молю тебя о младшем, боже, ведь он хроменький, и другие детишки его обижают, и ему нужно большое... большое участие. Аминь.

Яйцо ганзера подавило рыдание. Голос его мгновенно окреп.

— Теперь я готов, — сказала оно Марвину. — Делай свое грязное дело, паршивец, сукин ты сын.

Но молитва яйца ганзера совершенно выбила Марвина из колеи. На глаза навернулись слезы, щечки на ногах задрожали, он распутал сеть и выпустил пленника. Яйцо ганзера откатилось совсем недалеко и замерло, явно опасаясь подвоха.

— Ты... ты всерьез? — спросило оно.

— Всерьез, — ответил Марвин. — Я не гожусь для такой работы. Не знаю уж, что со мною сделают там, в лагере, но больше в жизни я не трону ни одного яйца ганзера!

— Благословенно будь имя божие, — тихо проговорило яйцо ганзера. — На своем веку я насмотрелось странных вещей, но, мне кажется, рука провидения...

Изложить свою философскую позицию, известную под названием «софистика вмешательства», яйцу ганзера помешал внезапный зловещий треск в кустах. Марвин стремительно обернулся и вспомнил о том, какими опасностями чревата планета Мельд.

Его предупреждали, а он забыл. Теперь он стал отчаянно нащупывать бластер, а тот, как назло, запутался в сети. Марвин яростно рванул бластер, выдернул его, услышал пронзительный крик яйца ганзера...

Тут его с силой швырнуло оземь. Бластер полетел в кустарник. А Марвин увидел перед собой черные глаза-щели под низким бронированным лбом.

Представлять ему нового знакомого не было никакой нужды. Флинн понял, что наскочил на взрослого, совершеннолетнего мародера-ганзера, и наскочил, пожалуй, в самых скверных обстоятельствах. Слишком явны были улики: вопиющая сеть, недвусмысленные темные очки, обличители-щипцы. И все приближались, норовя сомкнуться у него на шее, острозубые челюсти гигантского ящера, они были уже рядом. Марвин даже различил три золотые коронки и временную фарфоровую пломбу.

Флинн извивался, пытаясь высвободиться. Ганзер прижал его к земле лапой размером с седло для яка; его беспощадные когти, каждый величиной с два ледоруба, безжалостно впились в золотистую шкурку Марвина. Чудовищно зияла слонявая пасть, надвигалась, готовая заглотнуть голову Марвина целиком...

XI

И вдруг время остановилось! Марвин видел застывшую полуразинутую пасть ганзера, налитый кровью левый глаз, все огромное тело, скованное какой-то странной, непреодолимой инерцией.

Рядом лежало яйцо ганзера, неподвижное, как резная копия самого себя.

Ветерок замер на полпути. Деревья оцепенели в напряженных позах, а мерифейский коршун повис в разгаре полета, точно воздушный змей на веревочке.

Даже солнце остановило свой неутомимый бег!

И в этой необычной живой картине Марвин с замиранием сердца воззрился на единственный движущийся феномен, который возник в воздухе, в трех футах от головы Марвина и чуть левее.

Началось это как пылевой вихрь, набухло, расширилось, утолщилось в основании и сошло на конус в вершине. Вращение стало еще более бешеным, и фигура приобрела четкие контуры.

— Сыщик Урдорф! — вскричал Марвин.

Действительно, это был марсианский сыщик, тот самый, кого преследовали бесчисленные неудачи, кто обещал Марвину раскрыть преступление и вернуть законное тело.

— Тысяча извинений за то, что врываюсь, не предупредив, — сказал Урдорф, когда материализовался полностью и тяжело плюхнулся наземь.

— Слава богу, что вы здесь! — ответил Марвин. — Вы спасли меня от чрезвычайно неприятной смерти, и если бы вы еще помогли мне скинуть с себя вот эту гадину...

Ведь Марвина все еще пригвождала к земле лапа ганзера, теперь словно налитая высокоуглеродистой сталью. И он никак не мог высвободиться.

— Вы уж извините, — сказал сыщик, вставая с земли и отряхиваясь, — но этого я, к сожалению, сделать не могу.

— Почему?

— Против правил, — объяснил сыщик Урдорф. — Всякое перемещение тел в течение искусственно вызванной остановки времени (а налицо именно она) может повлечь за собой парадокс, а парадоксы запрещены, так как могут привести к сжатию времени, а сжатие времени запросто может вызвать искривление структурных линий в нашем континууме и разрушить вселенную.

Поэтому всякое перемещение карается тюремным заключением сроком на один год и штрафом в размере тысячи долларов.

— А-а, я этого не знал.

— Да, к сожалению, это так, — сказал сыщик.

— Понимаю, — сказал Марвин.

— Я вот и надеялся, что вы поймете, — сказал сыщик.

Последовало долгое и томительное молчание. Затем Марвин сказал:

— Ну?

— Что вы сказали?

— Я сказал... вернее, хотел сказать, зачем вы сюда явились?

— А-а, — протянул сыщик. — Я решил задать вам несколько вопросов, которые раньше не пришли мне в голову и которые помогут мне оперативно расследовать и раскрыть дело.

— Валяйте, задавайте, — сказал Марвин.

— Благодарю вас. Прежде всего, какой ваш любимый цвет?

— Голубой.

— Но какой именно оттенок? Прошу вас, поточнее.

— Цвета воробьиного яйца.

— Угу. — Сыщик занес в свой блокнот. — А теперь быстро, не задумываясь, назовите первое попавшееся число.

— 87 792,3 — без колебаний ответил Марвин.

— Ум-гум. А теперь, без паузы, укажите название любой эстрадной песенки.

— «Рассветная орангутанга», — ответил Марвин.

— Угу. Отлично, — сказал Урдорф, захлопнув блокнот. — Кажется, у меня все.

— А какова цель ваших вопросов?

— Располагая данной информацией, я у всех подозреваемых могу выявить остаточные рефлексы. Это часть теста Дуулмена на проверку самоличности.

— Вот как, — сказал Марвин. — А вообще как идут дела, удачно?

— Об удаче пока и речи нет, — ответил Урдорф. — Но, смею вас уверить, дело продвигается удовлетворительно. Мы выследили вора на Иораме-2, где он зайцем прятался в грузе быстрозамороженного мяса, отправляемого на Большую Геру. На Гере он выдал себя за беженца с Гаги-2, и это снискало ему немалую популярность. Он умудрился наскрести на проезд до Квантиса — там у него были спрятаны деньги. На Квантисе он, не проведя и дня, взял билет в местный космолет до Автономной Области Пятидесяти Звезд.

— А потом? — спросил Марвин.

— А потом мы временно потеряли его след. Область Пятидесяти Звезд — это четыреста тридцать две планетные системы с общим населением триста миллиардов. Так что, как видите, работа будет славная.

— Безнадежная, судя по вашим словам, — сказал Марвин.

— Как раз наоборот, все складывается на редкость благоприятно. Непосвященные вечно принимают осложнения за сложности. Но интересующего нас преступника не спасет простейшее множество, которое всегда поддается статистическому анализу.

— Что же теперь будет? — спросил Марвин.

— Продолжим наш анализ, затем на основе теории вероятностей сделаем проекцию, пошлем эту проекцию через всю Галактику и посмотрим, не превратится ли она в сверхновую звезду... я, разумеется, выражаюсь метафорически.

— Разумеется, — сказал Марвин. — Вы действительно надеетесь задержать преступника?

— Я нисколько не сомневаюсь в результатах, — ответил сыщик Урдорф. — Но следует запастись терпением. Вы должны помнить, что межгалактические преступления — область сравнительно новая, и потому межгалактическое следствие еще новее. Есть много преступлений, где невозможно даже доказать существование преступника, не говоря уж о том, чтобы его разыскать. Так что в некоторых отношениях нам везет.

— Придется, видно, верить вам на слово, — сказал Марвин. — А насчет моего нынешнего положения...

— Именно от такого положения я вас и предостерегал, — строго ответил сыщик. — Прошу вас учесть это на будущее... если умудритесь выбраться живым из нынешней переделки. Желаю успеха, дружище.

Сыщик Урдорф завертелся перед глазами Марвина все быстрее, быстрее, слился в мелькающий вихрь, померк и исчез.

Время разморозилось.

И Марвин вновь уставился в черные глаза-щели под узким бронированным лбом, увидел, как смыкается чудовищно разинутая пасть, готовая заглотнуть всю его голову целиком...

ХII

— Погоди! — заорал Марвин.

— Зачем? — спросил ганзер.

Мотивировки Марвин еще не придумал. Он услышал, как яйцо ганзера пробормотало:

— Пусть испытает на своей шкуре, так ему и надо. А все же он был добр ко мне. С другой стороны, мне-то какое дело? Только высунься, сразу тебе скорлупу надобьют. А все же...

— Я не хочу умирать, — сказал Марвин.

— Я и не думаю, что ты хочешь, — ответил ганзер отнюдь не враждебным тоном. — И ты, конечно, заведешь словопрения. Затронешь этику... мораль, всякие там проблемы. Боюсь, не выйдет. Нас, видишь ли, специально предупредили, чтоб мы не позволяли мельдянину разговаривать. Велели просто выполнять

работу, и вся недолга; не вносить ничего личного. Просто сделай дело и переходи к следующему. Умственная гигиена, право же. Поэтому, пожалуй, закрой глаза...

Челюсти стали смыкаться. Но Марвин, осененный нелепой, отчаянной догадкой, воскликнул:

— Ты говоришь — работа?

— Конечно, работа, — сказал ганзер. — В ней нет ничего оскорбительного, я ничего не имею против тебя лично...

Он нахмурился — видимо, рассердился на себя за то, что заговорил.

— Работа! Твоя работа — охотиться за мельдянами, так ведь?

— Само собой. С этой планеты Ганзер, видишь ли, взять нечего, разве что вот охотиться за мельдянами.

— Но зачем за ними охотиться? — спросил Марвин.

— Ну, во-первых, яйцо ганзера достигает зрелости только в плоти взрослого мельдянина.

— Полно, — сказала яйцо ганзера, перекатываясь в смущении, — стоит ли вдаваться в гнусную биологию? Я ведь не распространяюсь о твоих естественных отправлениях, верно?

— А во-вторых, — продолжал ганзер, — у нас единственный предмет экспорта — шкуры мельдян, из которых на Триане-2 делают императорские облачения, на Немо — амулеты, а на Крейсере-30 — чехлы для стульев. Спрос на неуловимых и опасных мельдян — единственный способ кое-как поддерживать цивилизацию и...

— Мне говорили в точности то же самое! — воскликнул Марвин и быстро повторил слова менеджера.

— Вот те на! — сказал ганзер.

Теперь оба поняли истинное положение вещей: мельдяне целиком зависят от ганзеров, а те, в свою очередь, целиком зависят от мельдян. Обе расы охотятся одна на другую, живут и гибнут одна ради другой и по невежественной злобе не желают признавать между собою ничего общего. Они связаны ярко выраженными отношениями симбиоза, но обе расы полностью игнорируют этот симбиоз. Больше того, каждая утверждает, будто она единственный носитель цивилизации и разума, а другая — скотская, презренная и не в счет.

А теперь обоим пришло в голову, что они в равной степени входят в общую категорию разумных существ.

Озарение внушило обоим благоговейный ужас, но Марвин все еще был пригвожден к земле тяжелой лапой ганзера.

— Это ставит меня в несколько затруднительное положение, — сказал ганзер чуть погодя. — Естественный мой порыв — отпустить тебя на все четыре стороны. Но я здесь работаю по контракту, а в нем обусловлено...

— Значит, ты не настоящий ганзер?
— Нет. Я обменщик, как и ты, а родом с Земли.
— Моя планета! — вскричал Марвин.
— Я уж и сам догадался, — ответил ганзер. — Ты американец. Скорее всего с восточного побережья, может, из Коннектикута или Вермонта...

— Штат Нью-Йорк! — вскричал Марвин. — Я из Стэнхоупа!
— А я из Саранак-Лейка, — сказал ганзер. — Звать меня Отис Дагобер, мне тридцать семь лет.

С этими словами ганзер убрал лапу с груди Марвина.

— Мы соседи, — тихо произнес он. — Поэтому я не могу тебя убить, точно так же как ты, я почти уверен, не мог бы убить меня, даже будь у тебя возможность. А теперь, когда мы узнали правду, навряд ли мы сможем продолжать наш страшный труд. Но это печально, потому что, значит, мы нарушили договорную дисциплину, а заслушание фирма-наниматель произведет с нами окончательный расчет. А уж что это такое, ты и сам знаешь.

Марвин подавленно кивнул. Он знал слишком хорошо. С поникшей головой сидел он в безутешном молчании рядом с новым другом.

— Не вижу выхода, — сказал Марвин, после того как некоторое время обдумывал ситуацию. — Может, спрячемся в лесу на денек-другой? Но нас ведь наверняка разыщут.

Неожиданно вмешалось яйцо ганзера.

— Полно, будет вам, может, все не так безнадежно, как кажется!

— Что ты имеешь в виду? — спросил Марвин.

— Да вот, — сказала яйцо ганзера, покрываясь ямочками от удовольствия, — я считаю, за добро надо платить добром. Правда, я могу влипнуть в неприятнейшую историю... Но какого черта! Я думаю, что помогу вам покинуть планету.

Марвин и Отис рассыпались в благодарностях, но яйцо ганзера сразу предупредило их.

— Не исключено, что вы перестанете благодарить, когда увидите, что вас ждет, — сказала оно зловеще.

— Ничего не может быть хуже, — отозвался Отис.

— Вы еще удивитесь, — напрямик сказала яйцо ганзера. — Вы еще очень и очень удивитесь... Сюда, джентльмены.

— Но куда мы идем? — спросил Марвин.

— Я отведу вас к Отшельнику, — ответило яйцо ганзера и упорно не произносило больше ни слова. Оно решительно показилось вперед, а Марвин с Отисом двинулись следом.

XIII

Шагали они и катились по дикому и буйному дождевому лесу, на каждом шагу ожидая опасности. Но ни одна тварь на них не набросилась, и в конце концов они вышли на лесную поляну.

Там они увидели посреди поляны грубо сколоченную хижину и сидящего перед ней на корточках человека.

— Вот Отшельник, — сказала яйцо ганзера. — Он совсем чокнутый.

У землян не было времени переварить эту информацию. Отшельник встал и воскликнул:

— А ну стоп, постой, остановись! Откройтесь моему разумению!

— Я — Марвин Флинн, — сказал Марвин, — а это мой друг Отис Дагобер. Мы хотим покинуть планету.

Казалось, Отшельник не расслышал; он гладил длинную бороду и задумчиво созерцал кроны деревьев. Низким унылым голосом он произнес:

— Пришел тот час, когда навевает скорбь
Крик стаи журавлей, летящей вдаль.
Сова-беглянка минет стороной
Печальный мой приют, лишенный благ, —
Что дарит небо, отнимают люди!
Мерцают звезды, молча глядя в окна.
О бегстве королей вещает шумом лес.

— Он говорит, — перевело яйцо ганзера, — что предчувствовал, что вы придете именно этой дорогой.

— Он что, с приветом? — спросил Отис. — Он так разговаривает...

Отшельник сказал:

— Теперь прочти мне вслух! Не потерплю,
Чтоб ложь змеей вползла
В мой разум, мне измену предвещаая!

— Он не желает, чтоб вы шептались, — перевело яйцо ганзера. — Шепот наводит его на подозрения.

— Это-то я и без тебя мог сообразить, — сказал Флинн.

— Ну и сиди голодный, — оскорбилось яйцо ганзера. — Я просто старалось быть полезным.

Отшельник сделал несколько шагов вперед, остановился и сказал:

— Что чего тебе здесь, аруун?

Марвин покосился на яйцо ганзера, но оно упорно молчало. Тогда, угадав смысл слов, Марвин ответил:

— Сэр, мы хотим покинуть планету и пришли к вам за помощью.

Отшельник покачал головой и молвил:

— Речь варвара! Паршивая овца
И та пристойней блещет!

— На что он намекает? — спросил Марвин.
— Ты такой умный, догадайся сам, — ответило яйцо ганзера.

— Извини, если я тебя чем обидел, — сказал Марвин.

— Ничего, ничего.

— Право же, я раскаиваюсь. Буду очень обязан, если ты нам переведешь.

— Ладно, — сказала яйцо ганзера по-прежнему хмуро. — Он говорит, что не понимает тебя.

— Не понимает? Но я ведь достаточно ясно выражаюсь.

— Не для него, — сказала яйцо ганзера. — Чтобы до него дошло, надо изложить все стихами.

— Я? Никогда в жизни! — воскликнул Марвин с инстинктивной дрожью отвращения, которое испытывают все разумные земляне мужского пола при мысли о стихах. — Я просто не умею! Отис, может быть, ты...

— Нет уж! — в панике отозвался Отис.

— Молчание сгущается. Теперь

Пусть муж честной уста свои разверзнет.

Мне оборот событий не по нраву.

— Он начинает злиться, — прокомментировало яйцо ганзера. — Попробуй, попытка не пытка.

— Может, ты ответишь вместо нас, — предложил Отис.

— Я вам не шестерка, — возмутилось яйцо ганзера. — Хотите говорить — говорите сами за себя.

— Единственное, что я помню еще со школьной скамьи, — это «Рубай» Омара Хайяма, — признался Марвин.

— Ну и валяй, — подбодрило его яйцо ганзера.

Марвин подумал-подумал, нервно дернулся и произнес:

— Откуда мы грядем? Куда свой путь вершим?

На расу раса ополчилась без причин...

Пришли мы получить совет, поддержку, помощь —

Не обращай надежды нашей в дым.

— Размер ломается, — шепнуло яйцо ганзера. — Но для первой попытки недурно.

Отис захихикал, и Марвин стукнул его хвостом.

Отшельник отвечал:

— Изложено отменно, чужестранец!

Сверх ожидания, найдешь ты помощь:

Мужчины, невзирая на обличье,

Всегда в беде друг друга выручают.

Уже с меньшей запинкой Марвин произнес:

— Везде зеленый рай, куда ни кинешь взгляд.
Заря роскошна, сумрачен закат.
Найдет ли бедный пилигрим спасенье
Там, где у сильного бессильный виноват?

Отшельник сказал:

— Зело способен; в тощие года
Худому языку навлечь недолго
Беду на голову злосчастного владельца.

Марвин сказал:

— Коль ты мне друг, оставь словесную игру.
И прочь отправь тотчас, иначе я умру.
Мне дела нет, что скажут пустомели, —
Бери меня и мной хоть затыкай дыру.

Отшельник сказал:

— За мною, господа! Расправьте плечи!
Мужайтесь!
И пусть надежны будут стремена!

И так, мирно беседуя речитативом, они прошествовали к хижине Отшельника, где увидели прикрытый куском коры запрещенный разумопередатчик древней и диковинной конструкции. Тут Марвин понял, что даже в самом крайнем безумии есть система. Ибо Отшельник не пробыл на этой планете и года, а уже сколотил изрядное состояние, занимаясь контрабандной переброской беглецов на самые захудалые из рынков Галактики.

Неэтично, но как выразился Отшельник:

— Пусть вам приспособление не по нраву —
Зачем хулой уста вы осквернили?
Свет истины не меркнет, если даже
Лучи его на вас не пролились.
Мозгами пораскиньте: сколь разумно
Пренебрегать дурным вином в пустыне,
Где губы запекаются от жажды?
Зачем же избавителей своих
Вы судите сурово? Грех великий —
Неблагодарность: кто укусит руку,
Которая разжала смерти хватку?

Прошло не так уж много времени. Найти работу для Отиса Дагобера оказалось совсем нетрудно. Несмотря на все его уверения в противном, в молодом человеке обнаружилась слабая, но

многообещающая садистская струнка. Поэтому Отшельник переселил его разум в тело ассистента зубного врача на Проденде-IX.

Яйцо ганзера пожелало Марвину всяческих благ и укатилось домой, в лес.

— А теперь, — сказал Отшельник, — займемся тобой. Мне кажется, что если твою психологию проанализировать с предельной объективностью, то в тебе явственно прослеживается тенденция к жертвенности.

— Во мне? — поразился Марвин.

— Да, в тебе, — ответил Отшельник.

— К жертвенности?

— Именно к жертвенности.

— Не уверен, — заявил Марвин. На этой формулировке он остановился из вежливости; в действительности же он был вполне уверен, что Отшельник заблуждается.

— Зато я уверен, — сказал Отшельник. — И без ложной скромности могу сообщить, что опыт подыскания работ у меня побольше твоего.

— Да, наверное. Вы, я вижу, перестали говорить стихами.

— Конечно, — сказал Отшельник. — С какой стати мне продолжать?

— Потому что раньше вы говорили только стихами, — ответил Марвин.

— Но это же совсем другое дело, — сказал Отшельник. — Тогда я был на открытом воздухе. Приходилось защищаться. Теперь я у себя дома и, следовательно, в полной безопасности.

— Неужели на открытом воздухе стихи действительно защищают?

— А как по-твоему? Я на этой планете второй год живу, и второй год на меня охотятся две кровожадные расы, которые убили бы меня на месте, если б только поймали. А я, как видишь, цел и невредим.

— Что ж, это очень хорошо. Но я не совсем понимаю, какое отношение имеет ваша речь к вашей личной безопасности.

— Черт меня побери, если я сам это понимаю, — сказал Отшельник. — Вообще-то я считаю себя рационалистом, но вынужден признать, хоть и с неохотой, что стихи действуют безотказно. Они помогают; что еще можно добавить?

— А вам не приходило в голову произвести опыт? — спросил Марвин. — Я имею в виду, не пробовали вы разговаривать на открытом воздухе прозой? Возможно, что стихи вовсе не обязательны.

— Возможно, — ответил Отшельник. — А если бы ты попробовал прогуляться по океанскому дну, то, возможно, оказалось бы, что и воздух вовсе не обязателен.

— Это не совсем одно и то же, — возразил Марвин.

— Это абсолютно одно и то же, — сказал Отшельник. — Но мы говорили о тебе и твоей склонности приносить себя в жертву.

Повторяю, эта склонность открывает перед тобой путь к чрезвычайно увлекательной работе.

— Не интересуюсь, — уперся Марвин. — А еще что у вас есть?

— Больше ничего! — отрезал Отшельник.

По странному стечению обстоятельств в этот миг снаружи, из кустов, донесся невероятный треск и грохот, и Марвин заключил, что за ним гонятся либо мельдяне, либо ганзеры, либо те и другие.

— Работу я принимаю, — сказал Марвин. — Однако вы ошибаетесь.

За Марвином осталось последнее слово, но зато за Отшельником осталось последнее дело. Ибо, наладив свое оборудование и отрегулировав приборы, он замкнул выключатель и отправил Марвина навстречу новой карьере, на планету Цельсий-5.

XIV

На Цельсии-5 высшее проявление культуры — дарить и принимать подарки. Отказаться от подарка немислимо; такой поступок вызывает в любом цельсианине эмоцию, сравнимую разве что с земной боязнью кровосмешения. Как правило, дарение не беда. Большей частью дары «белые» и выражают всевозможные оттенки любви, благодарности, нежности и так далее. Но бывают еще «серые» дары предупреждения и «черные» дары смерти.

И вот некий выборный чиновник получил от своих избирателей красивое кольцо в нос. В нем обязательно надо красоваться две недели. Великолепная была вещица, только с одним недостатком — она тикала.

Существо другой расы скорее всего закинуло бы это кольцо в ближайшую канаву. Но ни один цельсианин, находясь в здравом уме, этого не сделает. Он даже не отдаст кольцо на проверку. Цельсиане руководствуются правилом: даренному коню в зубы не смотрят. К тому же, просочись хоть слово подозрения, разгорится непоправимый публичный скандал.

Проклятое кольцо надо было таскать в носу целых две недели.

А оно тикало.

Чиновник, которого звали Мардук Крас, обдумывал эту проблему. Он размышлял о своих избирателях, о том, как он им помогал, и о том, как он их давил. Кольцо символизировало предупреждение, это-то было ясно. В лучшем случае — предупреждение, серый дар. В худшем — черный; миниатюрная бомба простейшей конструкции по истечении нескольких томительно-тревожных дней разнесет ему голову.

По природе своей Мардук не был самоубийцей; он знал, что

не хочет носить проклятое кольцо. Но он также знал, что обязан носить проклятое кольцо. Итак, он оказался перед классической цельсианской дилеммой.

«Неужели они проделают со мной такое? — спрашивал себя Мардук. — Только из-за того, что я перепланировал старый, грязный жилой округ под предприятия тяжелой промышленности и вступил в соглашение с гильдией домовладельцев, обязавшись повысить квартирную плату на 320 процентов взамен их обещания в пятидесятилетний срок установить новые водопроводные трубы? Так ведь, боже правый, я никогда и не выдавал себя за совершенство».

Кольцо весело тикало, отсчитывая секунды, щекоча нос и будоража душу. Мардуку вспомнились другие чиновники, которые головами поплатились, получив дары от слабоумных озорников. Да, вполне возможно, что это черный дар.

— Голодранцы тупые! — прорычал Мардук, облегчив душу ругательством, которого никогда бы не осмелился произнести на публике. Он горько переживал обиду. Работаешь не покладая рук на всяких дряблокожих крючконосых кретинов — и что же получаешь в награду? Бомбу в нос.

Какое-то мгновение его так и подмывало закинуть кольцо в ближайший бак с хлором. Тут бы он их проучил! И ведь был прецедент. Разве святой Вориэг не отверг тотальное подношение трех призраков?

Да... Но по каноническому толкованию подношение призраков было задумано как коварный подкоп под самую сущность Даров и, следовательно, под самые устои общества; ведь, сделав свое тотальное подношение, они исключили возможность каких бы то ни было подарков в будущем.

А кроме того, то, что достойно восхищения в святом Второго Царства, отвратительно во второразрядном чиновнике Десятой Демократии. Святые вольны поступать как им заблагорассудится; простые люди должны поступать так, как положено.

Плечи Мардука поникли. Он облепил ступни горячей целебной грязью, но и это не принесло ему облегчения. Выхода не было. Не может один цельсианин противостоять целому обществу. Придется носить кольцо и ждать того леденящего душу мига, когда тиканье прекратится...

Но постойте! Есть же выход!

Да, да, выход найден! Надо только все организовать как следует; но если получится, то Мардук сохранит и безопасность и доверие общества. Пусть только проклятое кольцо даст ему срок...

Мардук Крас срочно созвонился с несколькими инстанциями и устроил себе срочную командировку на Таами-2 (эдакое Таити в Зоне Десяти Звезд). Разумеется, не телесную. Высокое начальст-

во не станет разбазаривать средства на то, чтобы отправлять чье-то тело за сотни световых лет, когда достаточно одного лишь разума. Бережливый, положительный Мардук отправится по обмену. Он соблюдет если не дух, то букву цельсианского обычая — оставит дома тело с дареным кольцом, весело тикающим в носу.

Надо только найти разум, который поселится в теле Мардука на время его отсутствия. Но это несложно. В Галактике чересчур много разумов и чересчур мало тел. Почему так — никто не знает доподлинно. Ведь в конце концов каждый начинает жизнь, обладая и тем и другим. Но в финале у одних всегда оказывается чего-то больше, чем им нужно, будь то богатство, власть или тела, а у других — меньше.

Мардук связался с фирмой «Отшельник» (тела для любых надобностей). У Отшельника нашлось как раз то, что нужно: ярко выраженный землянин, молодой, мужского пола, находящийся под угрозой скорой смерти и согласный на риск, который связан с ношением тикающего кольца в носу.

Вот так Марвин Флинн попал на Цельсий-5.

В виде исключения спешить было некуда. По прибытии Марвин Флинн имел возможность проделать все процедуры, предписываемые обменом. Он лежал в полной неподвижности, медленно привыкая к новому телу. Он пошевелился каждой конечностью, проверил все органы чувств и быстро перебрал в уме первичную культурно-конфигурационную нагрузку, излучаемую лобными долями, на предмет аналогичных и тождественных факторов. Затем оценил эмоциональные и структурные факторы мозжечка на предмет зенита, надира и седловины. Почти все это он выполнил машинально. Оказалось, что цельсианское тело сидит на нем как нельзя лучше.

Конечно, не обошлось без затруднений: дельта-кривая была до нелепости эллиптической, а УИТ (универсальные игрек-точки) — не трапецевидными, а серповидными. Но чего и ждать на планете типа ЗВ; если все пойдет нормально, ему не грозят никакие неприятности.

В общем с таким комплексом «тело — среда — культура — роль» он вполне мог сжиться и отождествить себя.

Очень мило, мысленно подытожил Марвин. Только бы проклятое кольцо в носу не взорвалось.

Он встал и пригляделся к обстановке. Первым ему бросилось в глаза письмо от Мардука Краса — оно было привязано к запястью, чтобы Марвин сразу заметил.

ДОРОГОЙ ОБМЕНЩИК!

Добро пожаловать на Цельсий! Я понимаю, что при данных обстоятельствах вы не замечаете особого гостеприимства, и сожалею об этом не меньше вашего. Но я бы вам от всей души

советовал выкинуть из головы всякую мысль о внезапной кончине и сосредоточиться на приятном времяпрепровождении. Пусть вас утешает, что статистика смерти от черного дара не выше, чем от несчастных случаев на плутониевом руднике, если вы добываете плутониевую руду. Так что не нервничайте и наслаждайтесь жизнью.

Моя квартира вместе со всем, что в ней находится, — к вашим услугам. Тело — также, только не переутомляйте его, укладывайте спать не слишком поздно и не вливайте в него чересчур много спиртного. Левое запястье повреждено, будьте осторожны, если придется поднимать что-нибудь тяжелое. Счастливого оставаться и не волнуйтесь, ведь тревога никому еще не помогла разрешить ни одной проблемы.

Не сомневаюсь, что вы джентльмен и не станете пытаться вынуть кольцо из носа. Но на всякий случай сообщаю, что у вас все равно ничего не выйдет: кольцо заперто на молекулярный замок Джейверга. Еще раз до свидания, постарайтесь выкинуть из головы все заботы и хорошо провести время на нашей славной планете.
Ваш преданный друг МАРДУК КРАС

Сперва письмо обозлило Марвина, но после он расхохотался и смял его в комок. Мардук, бесспорно, негодяй, но негодяй симпатичный и широкая душа. Марвин решил извлечь максимум возможного из сомнительной сделки, позабыть о предполагаемой бомбе, прикорнувшей у него над губой, и наслаждаться времяпрепровождением на Целсии.

Он пошел осматривать свой новый дом и остался очень доволен. Квартира оказалась холостяцкой норой, спланированной так, чтобы жить в свое удовольствие, а не просто плодить детей. Основная особенность планировки — пентабрахия — отражала служебное положение Краса. Сошки помельче обходились системой трех-четырёх галерей, а в трущобах «Северные Болотники» целые семьи ютились в одно- и двух галерейных квартирах. Однако в ближайшем времени намечалась жилищная реформа.

Кухня, чистенькая и современная, изобиловала гастрономическими чудесами. Были там и банки засахаренных кольчатых червей, и миски с экзотическим салатом из морских звезд, и восхитительно вкусные ломтики манилы, ваниллы, горгонии и рениксы. Была консервированная «казарка белошекая под роти-фероорхидейным соусом» и пакет быстрозамороженных сладких и кислых юсов. Но (как это похоже на холостяков!) не было главного — ни головки гастробула, ни бутылки газированного имбирного меда.

Блуждая по длинным изогнутым галереям, Марвин обнаружил музыкальную комнату. Здесь Мардук не пожалел затрат. Большую часть комнаты занимал огромный усилитель «Империял» с двумя динамиками «Тиран» по бокам. Мардук применял

микрофон «Вихрь» с сорокаканальным подавлением, селектор-дискриминатор ощущений «расширяющегося» типа был оборудован поплавковым щелегорловым «пассивным» регулятором. Сигнал снимали путем регенерирования изображений, но можно было переключиться на модуляцию спада. Пусть не профессионально сделанный, но все же отличный любительский комбайн.

Сердцем комплекса был, само собой, инсектарий — генератор модели «Супер Макс», с ручным и автоматическим контролем отбора и смещения, с регулируемой подачей и выброской, с различными максимизирующими и минимизирующими устройствами.

Марвин выбрал «Гавот кузнечика» (Корестал, 431Б) и стал вслушиваться в волнующее трахейное облигато и нежный аккомпанемент духовых инструментов — спаренных мальфиговых трубеол. Познания Марвина в музыке были весьма поверхностными, но он оценил всю виртуозность исполнения: в отдельной ячейке сидел кузнечик, зеленый в голубую полосу, и у него слегка вибрировал второй сегмент брюшка.

Марвин склонился над инсектарием и одобрительно кивнул. Кузнечик в голубую полосу щелкнул жвалами, затем вновь принялся за свою музыку. Это был специально выведенный дискант для технического исполнения; блистательный артист, хотя трактовка у него не столь правильна, сколь эффектна. Правда, этого Марвин не мог постигнуть.

Марвин выключил тумблер, вернул переключатель из позиции «Активность» в позицию «Спячка»; кузнечик вновь погрузился в сон. Хорошо был укомплектован инсектарий, особенно выделялись симфонии майских мух и новейшие причудливые песни гусениц, но Марвину предстояло еще многое увидеть, и он пока не стал забивать себе голову музыкой.

В гостиной Марвин сел на массивную старинную глиняную скамью (настоящий Уормстеттер!), прислонился к шербатому гранитному подголовнику и решил отдохнуть. Но кольцо в носу тикало и тикало, непрерывно посягая на его чувство благополучия. Он потянулся к низенькому столику и наудачу вытянул из целой груды первую попавшуюся палочку-почиталочку. Пробежался щупальцами по желобкам, но без толку. Трудно было сосредоточиться даже на развлекательном чтении. Нетерпеливо отшвырнув палочку-почиталочку, он принялся строить планы.

Но он был зажат в тисках неумолимого времени. Приходилось исходить из того, что мгновения жизни строго ограничены и их становится все меньше. Хотелось как-то отметить последние часы. Но как?

Он соскользнул с Уормстеттера и заметался по главной галерее, ожесточенно пощелкивая когтями. Затем внезапно принял решение и отправился в гардеробную. Там он выбрал новую

оболочку из золотисто-бронзового хитина и тщательно задрапировал ею плечи. Лицевые щетинки он покрыл ароматическим клеем и уложил en grosse¹ по щекам. Щупальца обрызгал лаком, придающим жесткость, расправил под изысканным углом шестьдесят градусов и придал им изящный естественный изгиб. В заключение припудрил лавандовым песком средний сегмент, а плечевые суставы окаймил черной полосой.

Он оглядел себя в зеркале и остался доволен своей внешностью: одет хорошо, но без пижонства. Судя о себе с предельной беспристрастностью, он нашел, что молод, представительен и смахивает на ученого-гуманитария. Звезды с неба навряд ли хватает, но и в грязь лицом нигде не ударит.

Он вышел из норы через главный вход и закрыл его входной пробкой.

Сгушались сумерки. Звезды мерцали над головой, но их там, казалось, не больше, чем мириад огней у входов в бесчисленные норы, публичные и частные, и все огни сливаются в пульсирующее сердце большого города. Зрелище это глубоко взволновало Марвина. Наверняка, наверняка, где-нибудь в переплетении столбчатых лабиринтов найдется нечто такое, что доставит ему радость. Или хотя бы мирное забытие под занавес.

Итак, Марвин скорбно, хотя и не без трепетной надежды, направил стопы к манящей, лихорадочной Центральной Канаве — выяснить, что уготовано ему фортуной или велено роком.

XV

Стремительной размашистой походкой, скрипя кожаными сапогами, шел Марвин Флинн по деревянному тротуару. Едва уловимо повеяло смешанным ароматом шалфея и туи. Справа и слева кирпичные стены жилищ отливали в лунном свете тусклым мексиканским серебром. Из соседнего салуна донеслись отрывистые аккорды банджо.

Марвин затормозил на всем ходу и нахмурился. Откуда здесь шалфей? И салун? Что тут происходит?

— Что-нибудь неладно, чужестранец? — нараспев спросил хриплый голос.

Флинн круто обернулся. Из тени, падающей от универсального магазина, выступила какая-то фигура. Это оказался ковбой — дурно пахнущий сутулый бродяга в пыльной черной шляпе, смешно заломленной на немом лбу.

— Да, что-то очень и очень неладно, — ответил Марвин. — Все кажется каким-то чудным.

— Не стоит волноваться, — заверил его ковбой-бродяга. — У тебя просто изменилась система метафорических критериев, а

¹ На манер малярной кисти (*франц.*).

за это, видит бог, в тюрьму не сажают. Собственно говоря, ты радоваться должен, что избавился от кошмарных ассоциаций со зверями и насекомыми.

— А что плохого было в моих ассоциациях? — возразил Марвин. — В конце концов я ведь нахожусь на Цельсии-5 и живу в норе.

— Ну и что? — сказал ковбой-бродяга. — Разве у тебя нет воображения?

— Воображения у меня хоть отбавляй, — вознегодовал Марвин. — Но не в том дело. Дело в том, что нелогично воображать, будто ты на Земле и ковбой, когда по-настоящему ты кротоподобное существо на Цельсии-5.

— Ничего не попишешь, — сказал ковбой-бродяга. — Ты, видно, перенапряг способность аналогизирования, и у тебя вроде как предохранитель сгорел, вот что... Соответственно твое восприятие взяло на себя задачу эмпирической нормализации. Такое состояние называется «метафорическая деформация».

Тут Марвин вспомнил, как мистер Бландерс предостерегал его от этого феномена. Метафорическая деформация, болезнь всякого межзвездного путешественника, настигла его мгновенно, без всякого предупреждения.

Он знал, что должен встревожиться, но чувствовал лишь кроткое удивление. Эмоции его соответствовали восприятию, ибо незамеченная перемена есть перемена неосязаемая.

— Когда же я начну видеть вещи такими, как они есть на самом деле? — спросил Марвин.

— Вот вопрос, достойный философа, — ответил ковбой-бродяга. — Но применительно к твоему случаю синдром пройдет, если только ты вернешься на Землю. А будешь и дальше путешествовать — процесс перцептивного аналогизирования обострится; правда, можно ожидать кратковременных самопроизвольных светлых промежутков — ремиссий нормального состояния.

Все это показалось Марвину занятным, но не опасным. Он поддернул джинсы и протянул с ковбойским выговором:

— Что-о-о ж, я так понимаю, играть надо теми картами, что сданы, и нечего тут всю ночь препираться. А ты-то сам кто будешь, чужестранец?

Ковбой-бродяга отвечал не без самодовольства:

— Я тот, без кого была бы невозможна наша беседа. Я воплощение Необходимости; без меня тебе пришлось бы самому припомнить всю теорию метафорической деформации, а ты вряд ли на это способен. Позолоти ручку.

— Так цыганки говорят, — презрительно сказал Марвин.

— Извини, — ответил ковбой-бродяга без тени смущения. — Сигаретки не найдется?

— Табачок найдется, — сказал Марвин и протянул ему кисет с «Булл-Дэргем». С секунду он задумчиво разглядывал

нового приятеля, затем объявил: — Что-о-о ж, вид у тебя препоганый, к тому же ты, по-моему, наполовину осел и наполовину шакал. Но я, пожалуй, буду тебя держаться, какой ты ни есть.

— Браво, — серьезно проговорил ковбой-бродяга. — С изменением контекста ты справляешься лихо, как мартышка с бананами.

— Я так понимаю, ты это капельку загнул, — хладнокровно сказал Марвин. — Куда мы теперь двинем, прохвессор?

— В путь-дорогу, — ответил ковбой. — В ближайший салун сомнительной репутации.

— Гип-гип ура! — гаркнул Марвин и развязной походкой устремился в распахнутые двери салуна.

В салуне на руке у Марвина тотчас повисла некая особа. Она впилась в него взглядом с улыбкой, напоминавшей ярко-красный барельеф. Бегающие подчеркнутые глаза имитировали прищур веселья; вялое лицо было размаLEVано лживыми иероглифами оживления.

— Пошли со мной наверх, детуля, — вскричала омерзительная красotka. — Гулять будем, веселиться будем!

— Самое забавное, — сказал бродяга, — что маску этой девы предписывает обычай, требуя, чтобы те, кто продает наслаждение, изображали радость. Требование, мой друг, нелегкое, и не на всякую профессию оно налагается. Заметь: торговке рыбой дозволено не любить селедку, торговец овощами может в рот не брать репы, даже мальчишке-газетчику прощается неграмотность. Никто не требует, чтобы сами святые угодники получали удовольствие от священного мученичества. Лишь смиренные продавцы наслаждений обязаны, подобно Танталу, вечно ждать недостижимого пиршества.

— Твой друг — большой шутник, точно? — сказала накрашенная ведьма. — Но ты мне больше по нраву, крошка, от тебя у меня внутри все обмирает.

На шее у бесстыдницы болтался кулон с миниатюрными брелоками — черепом, пианино, стрелой, пинеткой и пожелтевшим зубом.

— Что это такое? — полубопытствовал Марвин.

— Символы.

— Символы чего?

— Пойдем наверх, я тебе все объясню, миленок.

— Итак, — нараспев произнес ковбой-бродяга, — перед нами истинное непосредственное самовыражение пробудившейся женской натуры, рядом с которым наши мужские причуды кажутся всего лишь детскими игрушками.

— Пшли! — воскликнула гарпия и завертела мощным торсом, имитируя страсть, которая казалась еще более отталкивающей из-за того, что была неподдельна.

— Большое вам, э-э... спасибо, — промямлил Марвин, — но сейчас я, пожалуй, не...

— Ты не жаждешь любви? — недоверчиво переспросила женщина.

— Вообще-то не очень.

Женщина уперла суковатые кулаки в крутые бедра и сказала:

— Кто бы мог подумать, что я доживу до такого дня?

Ладонью, по размерам и форме не уступающей чилийскому плащу-панчо, она вцепилась ему в горло.

— Пойдешь тотчас же, гнусный, трусливый, эгоистичный ублюдок с нарциссовым комплексом, иначе, клянусь Аресом, я сверну тебе шею как цыпленку!

Казалось, драмы не миновать, ибо страсть лишала женщину способности умерять свои желания.

К счастью, ковбой-бродяга, повинувшись если не природным склонностям, то по крайней мере велению рассудка, выхватил из кобуры веер, жеманно склонился к разъяренной женщине и хлопал ее по носорожьей руке.

— Не смей делать ему больно! — приказал он скрипучим контральто.

Марвин быстро, хоть и не в тон, подхватил:

— Да, скажи ей, чтобы перестала меня лапать! По-моему, это уж слишком, нельзя даже спокойно выйти вечером из дому, сразу нарвешься на скандал...

— Не плачь, бога ради, не плачь! — прервал его ковбой-бродяга. — Знаешь ведь, я не выношу, когда ты плачешь!

— Я не плачу! — насморочно всхлипнул Марвин. — Просто она разорвала на мне рубашку. Твой подарок!

— Подарю другую! — утешил ковбой. — Только не надо больше сцен!

Женщина глазела на них, разинув рот, и Марвин воспользовался ее секундным замешательством, вынул из сумки с инструментами ломик, подsunул его под распухшие багровые пальцы женщины и высвободился из ее хватки. Пользуясь благоприятным моментом, Марвин и ковбой-бродяга опрометью метнулись в дверь, в два прыжка свернули за угол, перескочили через мостовую и стремительно понеслись навстречу свободе.

Когда непосредственная опасность миновала, Марвин сразу же пришел в себя. С глаз спала пелена метафорической деформации, наступила перцептивно-эмпирическая ремиссия. Теперь стало до боли ясно, что «ковбой-бродяга» на самом деле не ковбой, а крупный жук-паразит вида «кфулу». Ошибки быть не могло: жуки кфулу отличаются вторичным слюнным потоком, расположенным чуть ниже и левее подпишеводного ганглия.

Жуки эти питаются чужими эмоциями — их собственные давным-давно атрофировались. Как правило, они прячутся в темных закоулках, поджидая, чтобы беззаботный цельсианин

прошел в поле досягания их рецепторов. Именно такое и случилось с Марвином.

Осознав это, Марвин направил на жука столь сильное чувство гнева, что кфулу — жертва сверхостроты своих эмоциональных рецепторов — свалился без сознания. Затем Марвин оправил на себе золотисто-бронзовую оболочку, напружинил щупальца и двинулся по дороге дальше.

XVI

Он подошел к мосту, переброшенному через широкую и быструю песчаную реку. И, дойдя до середины моста, уставился вниз, на черные глубины, что непреклонно текли к таинственному песчаному морю. Он смотрел, как загипнотизированный, а кольцо в носу отбивало мелкую дробь вдвое чаще, чем сердце. И думалось Марвину:

«Всякий мост — единство противоположностей. Горизонтальная его протяженность свидетельствует о том, что все на свете проходит, а вертикали неумолимо напоминают о грозящих неудачах, о неизбежности смерти. Мы все пробиваемся вперед, невзирая на препятствия, но под ногами у нас разверзается бездна расплаты за первородный грех. Мы строим, воздвигаем, сооружаем, но верховный архитектор — смерть, она создает вершины лишь затем, чтобы существовали пропасти.

Перебрасывайте же ваши великолепные мосты хоть через тысячу рек, о, цельсиане, соединяйте разобщенные части своей планеты. Ваше мастерство напрасно, ибо могила все еще у вас под ногами, она все еще ждет, все еще терпелива. Перед вами открыт путь, цельсиане, но он неминуемо ведет к смерти. Несмотря на всю вашу хитрость, цельсиане, вы никак не можете понять простую вещь. У сердца такая форма специально для того, чтобы его пронзила стрела. Остальные эффекты — побочные».

Вот о чем думал Марвин, стоя на мосту. И его одолела великая тоска, желание перечеркнуть все желания, отказаться от боли и удовольствий, забыть мелкие радости и горести успехов и неудач, покончить с развлечениями и продолжить дело жизни, которое сводится к смерти.

Медленно взобрался он на парапет и встал, балансируя над вихрящимися струями песка. И тут он заметил краешком глаза, как от столба отделяется тень, нерешительно подходит к парапету, склоняется над бездной и с опасностью для жизни перевешивается...

— Стой! погоди! — вскричал Марвин. Его разрушительные стремления мгновенно угасли. Видел он лишь одно: живое существо на краю гибели.

Тень ахнула и рванулась к зияющей бездне. В тот же миг Марвин кинулся к тени и ухватил ее за ногу.

Нога так отчаянно отбрыкнулась, что Марвин чуть не перелетел через парапет. Однако он быстро оценил обстановку, впился присоском в пористый камень пешеходной дорожки, для упора расставил пошире нижние конечности, двумя верхними обвил фонарный столб, а двумя свободными руками удерживал спасенного.

Настал миг напряженного равновесия; затем сила Марвина сломила сопротивление незадачливого самоубийцы. Медленно, осторожно Марвин начал стаскивать спасенного вниз — отпустил предплюсну, перехватил его ногу в области большой берцовой кости и тянул вниз до тех пор, пока неизвестный не оказался в безопасности на проезжей части моста.

От собственных мрачных помыслов и следа не осталось. Марвин сгреб самоубийцу за плечи и свирепо встряхнул.

— Дурак несчастный! — закричал он. — Что это за трусость? Только идиот или безумец сводит так счеты с жизнью. Неужто у тебя вовсе нет силы воли, чертов ты...

Он вовремя прикусил язык. Перед ним, отведя взгляд, дрожал незадачливый самоубийца. И Марвин только теперь заметил, что спас женщину.

XVII

Позже, в отдельном кабинете примостного ресторана, Марвин извинился за резкие слова, что вырвались у него не от души, а по вспыльчивости. Но женщина, грациозно помахав лапкой, отказалась принять извинение.

— Вы ведь правы, — сказала она. — Мой поступок — поступок идиотки или безумной, или той и другой. Боюсь, ваше определение точно. Надо было дать мне прыгнуть.

Марвин заметил, что она красива. Миниатюрная, ему едва по грудь, но сложена безукоризненно. Брюшко подобно точечному цилиндру, гордая головка наклонена к телу под углом пять градусов (от такого наклона щемило на сердце). Черты лица совершенны, начиная от милых шишечек на лбу и кончая квадратной челюстью. Два яйцеклада скромно прикрывает белый атласный шарф покроя «принцесс», обнажая лишь соблазнительную полоску зеленой кожи. Ножки в оранжевых обмотках, подчеркивающих гибкие сегменты суставов.

Пусть она незадачливая самоубийца — для Марвина она была самой ослепительной красавицей из всех, кого ему довелось поводить на Цельсии.

От ее красоты у Марвина пересохло в горле и зачастил пульс. Он поймал себя на том, что не сводит глаз с белого атласа, скрывающего и оттеняющего высокие яйцеклады. Он потупился и поймал себя на том, что разглядывает сладострастное чудо — длинную членистую ногу. Густо краснея, он заставил себя смотреть на сморщенную родимую шишечку на лбу.

Женщина, казалось, не замечала его пылкого внимания. Она простодушно предложила:

— Может, мы познакомимся, раз уж так получилось?

Оба неудержимо расхохотались над ее остротой.

— Марвин Флинн, — представился Марвин.

— Фристия Хелд, — назвалась молодая женщина.

— Я буду звать вас Кэти, если вы не возражаете, — сказал Марвин.

Они снова рассмеялись. Затем Кэти стала серьезной. Увидя, как быстро летит время, она сказала:

— Еще раз большое вам спасибо. А теперь мне пора.

— Конечно, — ответил Марвин, тоже вставая. — Когда мы увидимся?

— Никогда, — проговорила она тихо.

— Но мне это необходимо! — воскликнул Марвин. — Я хотел сказать — теперь, когда я вас нашел, я ни за что не соглашусь вас потерять.

Она грустно покачала головой.

— Вы будете вспоминать обо мне хоть изредка? — прошептала она.

— Мы не должны расставаться! — сказал Марвин.

— Ничего, переживете, — ответила она вовсе не в строгом тоне.

— Я теперь никогда больше не улыбнусь, — пригрозил Марвин.

— Кто-нибудь займет мое место, — предсказала она.

— Вы просто демон-искуситель! — вскричал он в ярости.

— Мы разошлись, как в море корабли, — поправила она.

— Неужели мы не встретимся? — осведомился Марвин.

— Время покажет.

— Я бы ходил за вами как тень, — с надеждой сказал Марвин.

— К востоку от солнца и к западу от луны, — произнесла она нараспев.

— Как вы немилостивы, — надулся Марвин.

— Я забыла про время, — сказала она. — Но теперь я о нем вспомнила!

С этими словами она вихрем метнулась к двери и исчезла.

Марвин проводил ее глазами, потом сел за стойку бара.

— Один за мою крошку, другой на дорожку, — бросил он бармену.

— Все бабы фальшивые, — сочувственно заметил бармен, наполняя бокалы.

— При ней иссохну, без нее сдохну, хандра у меня, — пожаловался Марвин.

— Парню нужна девушка, — изрек бармен.

Марвин осушил бокал и снова протянул его бармену.

— Розовый коктейль за мою голубую мечту, — распорядился он.

— Может, она устала, — предположил бармен.

— Не знаю, за что я ее так люблю, — констатировал Марвин. — Но по крайней мере знаю, отчего в небе померкло солнце. Среди моего одиночества она преследует меня, как брэнчанье пианино в соседней квартире. Я буду поблизости, как бы она со мной ни обращалась. Может, все это напрасно, но я сохраняю в памяти весну и ее, и не для меня ласкает кроны вешний ветерок, и...

Неизвестно, долго ли продолжал бы Марвин свои причитания, если бы где-то на уровне его ребер, на два фута влево, кто-то не прошептал:

— Эй, миштер!

Обернувшись на зов, Марвин увидел на соседнем табурете маленького толстенького цельсианина в лохмотьях.

— Чего тебе? — грубо спросил Марвин.

— Вы хотите видеть тот очень красивый мучача еще раз?

— Да, хочу. Но что ты можешь...

— Я частный сыщик разыскивать безвестно пропавших успехов гарантирован иначе ни цента в вознаграждение.

— Что за странный у тебя говор? — поразился Марвин.

— Ламбробрианский, — ответил сыщик. — Я Хуан Вальдец, родом из земель фиесты, что у самой границы, а сюда в большой город Норт, я приехал сколотить состояние.

— Чучело гороховое, — ощерился бармен.

— Какая вещь ты меня назвать? — с подозрительной кротостью переспросил маленький ламбробриан.

— Я назвал тебя «чучело гороховое», паршивое ты чучело гороховое, — ощерился бармен.

— Так я и услышать, — сказал Вальдец. Он потянулся к поясу, выгнул длинный нож с двусторонним лезвием и, всадив его бармену в сердце, уложил того на месте.

— Я человек кроткий, сеньор, — обратился он к Марвину. — Я не легко обижаюсь. Право же, в родном селе Монтана Верде де лос трес Пикос меня считать безобидный. Я ничего не прошу, только разводить пейотовый побег в высокий горах Ламбробин под сень того дерева, что называться «шляпа от солнца», ибо то есть лучшие в мире пейотовые побеги.

— Вполне сочувствую.

— И все же, — продолжал Вальдец с нажимом в голосе, — когда эксплуататор дель норте оскорбляет меня, а тем самым позорит память взрастивших меня родителей, о сеньор, тогда глаза мои застилает красный туман, нож сам вскакивает ко мне в руку и оттуда без пересадки вонзается в сердце тому, кто обидел сына бедняка.

— С каждым может случиться, — сказал Марвин.

— А ведь, несмотря на острое чувство чести, — заявил Вальдец, — я в общем-то как дитя — порывист и беспечен.

— Я, собственно, успел это заметить, — отозвался Марвин.

— Но хватит об этом. Так вы хотите нанять меня сыщик искать девушка? Ну конечно. Эль буэн пано эн эль арва се венде, вердад?¹

— Си, омбре, — со смехом ответил Марвин. — И эль дезео венсе аль миедо!²

— Луэс, аделанте!³

И рука об руку два приятеля шагнули в ночь под тысячи сверкающих звезд, подобных остриям пик несметного воинства.

XVIII

Выйдя из ресторана, Вальдец обратил смуглое усатое лицо к небесам и отыскивал созвездие Инвидиус, которое в северных широтах безошибочно указывает на северо-северо-восток. Приняв его за базисную линию, Вальдец мысленно начертил крест с учетом ветра (дующего в щеку с запада со скоростью пять миль в час) и мха на деревьях (отрастающего с северной стороны стволов роняписа на миллиметр в день). Он сделал поправку на восточную погрешность — один фут на милю (снос) и южную погрешность — пять дюймов на сто ярдов (совокупность эффектов тропизма). Затем, приняв к сведению все данные, зашагал в юго-западном направлении.

Марвин последовал его примеру. Не прошло и часу, как они вышли из городской черты на покрытые жнивьем поля. Еще через час исчезли последние признаки цивилизации, потянулось нагромождение гранита и скользкого полевого шпата.

Вальдец не выказывал намерения остановиться, и в Марвине смутно шевельнулось беспокойство.

— Нельзя ли все же узнать, куда мы идем? — спросил он наконец.

Вальдец сверкнул белозубой улыбкой на загорелой физиономии цвета сиены:

— Искать вашу Кэти.

— Неужто она живет так далеко от города?

— Понятия не имею, где она живет, — пожал плечами

Вальдец.

— Не имеете?

— Да, не имею.

Марвин остолбенел.

— Но вы же говорили, будто знаете.

¹ Хороший урожай продается на корню, не так ли? (*испан.*).

² И желание побеждает страх! (*испан.*).

³ Итак, вперед! (*испан.*).

— Никогда я ничего подобного не говорил ни прямо, ни косвенно, — сказал Вальдец, наморщив темно-коричневый лоб. — Я говорил, что помогу вам искать ее.

— Но если вы не знаете, где она живет...

— Совершенно неважно, — заявил Вальдец, строго подняв куций палец. — Наши поиски не имеют ничего общего с тем, где Кэти живет; наши поиски сводятся к простейшей задаче — найти саму Кэти. По крайней мере так я вас понял.

— Да, конечно, — сказал Марвин. — Но если мы идем не туда, где она живет, то куда мы идем?

— Туда, куда она будет, — безмятежно ответил Вальдец.

— Ага, — сказал Марвин.

Шли они сквозь вздымающиеся чудеса минерального царства и, наконец, пришли к низкорослым холмам, что как усталые моржи залегли вокруг искрящегося голубого кита — величественной горной цепи. Прошел еще час, и Марвин опять забеспокоился. Однако на сей раз он высказал свои сомнения обиняками, надеясь выведать тайну хитростью.

— А вы давно знаете Кэти? — спросил он.

— Ни разу не имел удовольствия встретиться, — ответил Вальдец.

— Значит, впервые увидели ее со мной в ресторане?

— К сожалению, даже там я ее не видел, ибо, пока вы с ней беседовали, я в мужском туалете выгонял из почки камень. Возможно, я заметил ее краешком глаза, когда она распрощалась с вами и вышла, но скорее всего то был лишь доплеровский эффект, созданный красным турникетом.

— Значит, вы вообще ничего не знаете о Кэти?

— Только то немного, что слышал от вас; а это, по совести, практически ничего.

— Так как же вы собираетесь отвести меня туда, где она будет? — возмутился Марвин.

— А очень просто, — ответил Вальдец. — Если бы вы хоть на секунду задумались, вам бы сразу все стало ясно.

Марвин задумался на целых несколько секунд, но орешек оказался ему не по зубам.

— Будем рассуждать логически, — сказал Вальдец. — Какая передо мной задача? **НАЙТИ КЭТИ**. Что мне известно о Кэти? Ничего.

— Не очень-то вы меня обнадеживаете.

— Но это лишь половина задачи. Допустим, мне ничего не известно о Кэти; но что мне известно об отыскании?

— Что?.. — спросил Марвин.

— Представьте, об отыскании мне известно решительно все, — торжествующе объявил Вальдец, расмахивая изящными терракотовыми руками. — Ибо я специалист по теории поисков!

— По чему? — переспросил Марвин.

— По теории поисков, — повторил Вальдец уже не так торжественно.

— Понятно, — сказал Марвин, ничуть не потрясенный. — Что же, замечательно. Я уверен, что теория великолепна. Но если вы ничего не знаете о Кэти, не представляю, чем вам поможет даже самая распрекрасная теория.

Вальдец вздохнул (отнюдь не демонстративно) и провел красновато-коричневой ладонью по усам.

— Дружище, если бы вам было известно о Кэти все — ее привычки, друзья, желания, антипатии, надежды, страхи, мечты, планы и тому подобное, — как по-вашему, удалось бы вам ее найти?

— Наверняка удалось бы, — ответил Марвин.

— Несмотря на то, что вы ничего не знаете о теории поисков?

— Да.

— Что ж, — сказал Вальдец, — а теперь рассмотрим обратный случай. О теории поисков я знаю решительно все. Следовательно, мне нет нужды знать что-либо о Кэти.

Они безостановочно шагали вверх по склону горы, а склон становился все круче. Выл и хлестал в лицо колючий ветер, на тропинке под ногами появились лоскутья инея.

Вальдец углубился в тонкости теории поисков, привел следующие характерные случаи: Гектор ищет Лисандра, Адам поджидает Еву, Галахад отправляется на поиски чаши святого Грааля, Фред Доббс разведывает сокровища Сьерра-Мадре, Эдвин Арлингтон Робинсон выявляет диалектальные особенности типично американской *milieu*¹, Гордон Слай разыскивает Наяду Маккарти, энтропия преследует энергию, бог присматривает за человеком, а янг исследует имм.

— Из этих примеров, — говорил Вальдец, — мы строим общую концепцию поисков, и ее основные следствия.

Марвин был слишком подавлен, чтобы ответить. Ему вдруг пришло в голову, что в этой ледяной безводной пустыне и погибнуть недолго.

— Как ни смешно, — продолжал Вальдец, — теория поисков навязывает нам немедленный вывод; ничто не теряется в истинном (или идеальном) смысле этого слова. Судите сами. Для того чтобы вещь потерялась, должно существовать какое-то место, в котором она потерялась. Однако найти такое место невозможно, поскольку простое множество не подразумевает качественного различия. Или, выражаясь терминами поисков, одно место похоже на любое другое. Поэтому мы заменяем понятие «потеря» понятием «неопределенное местонахождение», которое, само собой, поддается математическому анализу.

— Но ведь, если Кэти по-настоящему не потерялась, — сказал Марвин, — значит, ее нельзя по-настоящему найти.

¹ Среда (франц.).

— Суждение само по себе справедливое, — ответил Вальдец. — Но это, конечно, всего-навсего ИДЕАЛЬНОЕ суждение, в данном случае оно недействительно. Для практических целей теорию поисков надо модифицировать. Больше того, надо коренным образом изменить главную посылку и вернуться к первоначальной концепции Потерянного и Найденного.

— Звучит страшно путано.

— Ну, это все довольно просто, лишь бы осилить теорию, — успокоил Марвина Вальдец. — А теперь, чтобы гарантировать успех, нам надо выбрать оптимальный принцип поиска. Самоочевидно, что, если оба будут активно искать, вероятность того, что вы найдете друг друга, резко уменьшится. Представьте себе, что двое ловят друг друга по бесконечным многолюдным анфиладам универсального магазина; и сравните такой метод с усовершенствованной стратегией, когда один ищет, а другой стоит на месте и спокойно ждет, пока его найдут. Математически это формулируется чрезвычайно сложно, вам придется поверить мне на слово. С наибольшей вероятностью вы разыщете девушку или она разыщет вас, если кто-то один будет разыскивать, а другой — позволит себя разыскать. Народная мудрость так и гласит.

— Так что же будем делать?

— Я ведь вам твержу! — вскричал Вальдец. — Один должен искать, другой — ждать. Поскольку мы не в состоянии держать поступки Кэти под контролем, придется исходить из того, что она, следуя своему инстинкту, разыскивает вас. Поэтому вы должны подавить свои инстинкты и ждать, тем самым позволив ей вас найти.

— Ждать? Только и всего? — переспросил Марвин.

— Вот именно.

— И вы серьезно думаете, что она меня найдет?

— Ручаюсь жизнью.

— Что ж... Ладно. Но куда же мы, в таком случае, направляемся?

— В то место, где вы будете ждать. На языке специалистов — в пункт обнаружения.

У Марвина был оторопелый вид, поэтому Вальдец объяснил подробнее:

— Математическое ожидание того, что она вас найдет, для всех мест одинаково. Поэтому пункт обнаружения мы можем выбрать произвольно.

— И какой же вы выбрали пункт обнаружения? — спросил Марвин.

— Поскольку это роли не играет, — ответил Вальдец, — я выбрал село Монтана Верде де лос трес Пикос в провинции Аделанте страны Ламбробии.

— Это, кажется, ваша родина? — спросил Марвин.

— Вообще-то да, — сказал Вальдец, несколько удивленный

и сконфуженный, — Потому-то, верно, мне о нем сразу подумалось.

— Но ведь до Ламбробии, по-моему, очень далеко?

— Порядочно, — признался Вальдец. — Но мы время зря не потеряем: я обучу вас логике, а также народным песням моей страны.

— Это нечестно.

— Дружище, — сказал ему на это Вальдец, — когда вы принимаете чью-то помощь, довольствуйтесь тем, что вам дают, а не тем, что вы хотели бы взять. У меня, как и у всех, возможности ограниченные, но с вашей стороны попрекать меня их ограниченностью — черная неблагодарность.

Пришлось Марвину это снести: он понимал, что вряд ли найдет обратную дорогу без посторонней помощи. И они зашагали дальше по горам, распевая народные песни.

XIX

Они все шли да шли вперед по зеркальному склону большой горы. Свистал и выл ветер, трепал одежду, норовил оторвать перетруженные пальцы. Крошился под ногами предательский ноздреватый лед, когда путники судорожно искали опоры, прижимая исхлестанные тела к обледенелому склону и на манер пивавок передвигаясь по ослепительной поверхности.

Вальдец сносил все с равнодушием святого.

— Это есть трудно, — ухмыльнулся он. — Но все же ради ваша любовь к той женщина вы не раскаиваться, си?

— Да, уж конечно, — пробормотал Марвин. По правде говоря, у него появились сомнения. В конце концов с Кэти он не провел и часу.

Рядом прогремел снежный обвал, тонны белой смерти пронесли буквально в дюймах от изнемогающих странников. Вальдец безмятежно улыбнулся.

— За всеми препятствиями, — нараспев произнес он, — вас ждет вершина мироздания — лицо и фигура возлюбленной.

— Да, уж конечно, — откликнулся Марвин.

Вокруг вихрились и сверкали копыя ледяных сосулек, сорванных с высокой докольмы. Марвин стал было думать о Кэти и обнаружил, что не помнит, как она выглядит. Ему пришло в голову, что любовь с первого взгляда сильно переоценивают.

Впереди неясно виднелся обрыв. Марвин поглядел на него, на мерцающие ледяные поля за ним и пришел к выводу, что игра, собственно, не стоит свеч.

— По-моему, — сказал Марвин, — нам лучше вернуться.

Вальдец чуть заметно улыбнулся, помедлил в самом начале головокружительного спуска в бушующий ветрами ад фантастических снежных гор.

— Дружище, — сказал он, — я знаю, почему вы так говорите.

— Знаете? — переспросил Марвин.

— Конечно. Вы явно не хотите, чтобы я рисковал своей жизнью, продолжая безрассудные, хоть и возвышенные, поиски. И явно намереваетесь пуститься на поиски в одиночку.

— Вы так считаете? — переспросил Марвин.

— Безусловно. Даже самый невнимательный наблюдатель заметит, что вы твердо решили искать свою любовь, невзирая ни на какие опасности, — такой уж у вас железный характер. Точно так же ясно, что вашей благородной и великодушной натуре претит мысль вовлечь преданного друга и надежного товарища в столь гиблущую авантюру.

— Да вот, — начал Марвин, — я не уверен...

— Зато я уверен, — спокойно заявил Вальдец. — И на ваш невысказанный вопрос отвечаю так: «Дружба подобна любви — она не ведает границ».

— Что ж, это очень мило с вашей стороны, — сказал Марвин, не сводя глаз с обрыва. — Но вообще-то я не так уж коротко знаком с Кэти и не знаю, подходим ли мы с ней друг другу. Так что и в конце концов, может быть, нам лучше уносить отсюда ноги.

— Вашим словам недостает убеждения, дружище, — рассмеялся Вальдец. — Умоляю вас, не тревожьтесь о моей безопасности.

— Собственно говоря, — возразил Марвин, — я тревожусь о своей безопасности.

— Пустое! — весело вскричал Вальдец. — Жар страсти обличает наигранный холодность ваших слов. Вперед, дружище!

По-видимому, Вальдец твердо решил силой привести Марвина к Кэти, хочет того Марвин или нет. Единственный выход — нанести молниеносный удар в челюсть, после чего можно будет утащить Вальдеца, да и самому вернуться назад к цивилизации. Марвин бочком подался вперед.

Вальдец попятился.

— О нет, дружище! — вскричал он. — Опять-таки самонадеянная любовь выдает все ваши побуждения. Оглушить меня хотите, не так ли? А потом, удостоверюсь, что мне здесь удобно, что я в безопасности и обеспечен едой, вы ринетесь, один-одинешенек в белую пустыню. Но отказываюсь подчиняться. Мы продолжим путь вместе, компандре.

И, взвалив на плечи рюкзак со всей провизией, Вальдец начал спускаться по обрыву. Марвину оставалось только следовать за ним.

Не будем утомлять читателя подробностями великого перехода через горы Мореску, страданиями обалдевшего от любви

юного Флинна и его непоколебимого спутника. Не будем описывать ни причудливые галлюцинации, мучившие странников, ни временное помешательство Вальдеца, когда он вообразил себя пташкой, способной перемахнуть через тысячефутовую бездну. Точно так же никого, кроме философов, не заинтересует психологический процесс, в результате которого Марвин от размышлений о принесенных им жертвах, через привязанность к упомянутой даме, пришел к пылкой привязанности, затем к любви и, наконец к всепоглощающей страсти.

Достаточно сказать, что все это было, что путешествие по горам длилось много дней и принесло много переживаний. Но, наконец, оно завершилось.

С гребня последней горы Марвин глянул вниз и вместо ледяных полей увидел зеленые луга, холмистые леса под летним солнцем и деревушку, приютившуюся в речной извилине.

— Это... это... не... — начал Марвин.

— Да, сын мой, — тихо сказал Вальдец. — Это село Монтана де лос трес Пикос, провинция Аделанте, страна Ламбробия, в долине Последождика.

Марвин поблагодарил своего гуру¹ — никаким другим словом не обозначишь роль, сыгранную лукавым, безгрешным Вальдецом, — и стал спускаться в пункт обнаружения, где должен был поджидать Кэти.

XX

Монтана де лос трес Пикос! Здесь среди прозрачных озер и высоких гор простые добродушные крестьяне неторопливо трутся под лебедиными шеями пальм. В полдень и в полночь по амбразурам стен старинного замка прокатывается жалобное эхо гитарных переборов. Шоколадно-коричневые девы собирают палые гроздья винограда, а за ними надзирает усатый каюк с дремлющим кнутом, намотанным на мохнатую кисть. В этот-то странный, но привлекательный осколок отошедшей эпохи и привел Флинна верный Вальдец.

Сразу за околицей села, на живописном пригорке, стояла гостиница, или посада. Туда-то и устремился Вальдец.

— А это действительно лучшее место для ожидания? — спросил Марвин.

— Нет, не лучшее, — с всеведущей улыбкой ответил Вальдец. — Но, выбрав его, а не запыленную городскую площадь, мы избегли ошибки «мнимо-оптимального варианта». К тому же тут гораздо уютнее.

Марвин склонился перед высокой мудростью усатого спутника и устроился в посаде как дома. Он сел за вкопанный в землю

¹ Гуру — наставник (инд.).

стол, откуда хорошо просматривался двор и дорога за ним. Он подкрепился фляжкой вина и в соответствии с теорией поиска приступил к выполнению своей теоретической функции, а именно — стал Ждать.

Час спустя Марвин заметил, что по белой глянцевої ленте дороги медленно движется крохотная темная фигурка. Она приблизилась, и Марвин увидел перед собой уже немолодого человека, согнутого под бременем тяжелого цилиндрического предмета. Но вот человек поднял изможденное лицо и взглянул Марвину прямо в глаза.

— Дядя Макс! — закричал Марвин.

— А-а, Марвин, здравствуй, — отвечал дядя Макс. — Будь добр, налей мне стаканчик вина. Дорога уж очень пыльная.

Марвин налил стакан вина, с трудом веря собственным глазам: ведь дядя Макс таинственно исчез лет десять назад. Последний раз его видели, когда он играл в гольф при загородном клубе «Фэйрхэвен».

— Что с тобой приключилось? — спросил Марвин.

— На двенадцатой лунке угодил в искривление времени, — ответил дядя Макс. — Если вернешься на Землю, Марвин, поговори об этом с директором клуба. Я ведь никогда не был кляузником; но мне представляется, что финансовую комиссию надо поставить в известность, пусть обнесет аварийный участок забором или какой-нибудь изгородью. Я-то ладно, а вот если исчезнет ребенок, будет большой скандал.

— Конечно, поговорю, — сказал Марвин. — Но дядя Макс, сейчас-то ты куда направляешься?

— У меня свидание в Самарре¹, — отвечал дядя Макс. — Спасибо за вино, мальчик, побереги себя. Кстати, знаешь ли ты, что у тебя в носу что-то тикает?

— Знаю, — сказал Марвин. — Это бомба.

— Надо полагать, ты отдаешь себе отчет в своих поступках, — сказал дядя Макс. — До свидания, Марвин.

И дядя Макс устало потащился дальше по дороге; сумка для гольфа покачивалась у него за спиной, а клюшка № 2 была вместо посоха. Марвин возобновил прерванное ожидание.

Полчаса спустя Марвин заметил, что по дороге спешит какая-то женщина. В нем всколыхнулась было надежда, но он тотчас же тяжело опустился на стул. Это была отнюдь не Кэти, а всего-навсего его мать.

¹ Намек на восточную легенду, известную в пересказе Сомерсета Моэма. Некоему вельможе бросился в ноги раб. Он рассказал, что встретил на базаре Смерть, которая грозила ему пальцем, и стал умолять господина, чтобы тот дал ему коня. Раб решил спастись от Смерти, бежав в город Самарру. Вельможа подарил рабу коня, и тот умчался, а сам на другой день пошел на базар и, встретив Смерть, спросил: «Зачем ты пугала моего раба? Зачем грозила ему пальцем?» — «Я его не пугала, — ответила Смерть. — Просто я очень удивилась, встретив его в этом городе, потому что в тот же вечер мне предстояло с ним свидание в Самарре».

— Далеко ты забралась от дома, мамуля, — сказал он спокойно.

— Знаю, Марвин, — откликнулась мать. — Но меня, понимаешь, схватили торговцы живым товаром.

— Господи, мамуля! Как это случилось?

— Видишь ли, Марвин, — рассказала мать, — я пошла отнести рождественские гостинцы одной бедной семье в переулке Вывриглаз, а там, как на грех, полицейская облава, и вообще много чего приключилось, и меня опоили наркотиками, и очнулась я в Буэнос-Айресе, в роскошной комнате, а возле меня стоял человек, делал мне глазки и на ломаном английском языке спрашивал, не хочу ли я побаловаться. А когда я сказала «нет», он сгреб меня с явно гнусными намерениями.

— Ух ты! А что потом?

— Да что ж, — сказала мать, — на мое счастье, я вспомнила прием, которому меня научила миссис Джесперсон. Ты знаешь, что человека можно убить, если сильно ударить пониже носа? Не хотелось мне так делать, Марвин, но это оказалось наилучшим выходом. И вот я очутилась на улицах Буэнос-Айреса, а потом потянулось то, другое, одно за одним, и вот я здесь.

— Вина выпьешь? — предложил Марвин.

— Спасибо за внимание, — сказала мать, — но мне, право же, пора.

— Куда ты?

— В Гавану, — ответила мать. — У меня поручение к Гарсии. Марвин, ты не простужен?

— Нет, это я гнусавлю оттого, что у меня в носу бомба.

— Побереги себя, Марвин, — сказала мать и заторопилась дальше.

Шло время. Марвин пообедал на веранде, запил обед графическим Сангре ди Омбре урожая ...36-го года и расположился в густой тени беленого палладиума. Золотое солнце потянулось к горным вершинам. По дороге мимо гостиницы поспешно шел какой-то человек...

— Отец! — закричал Марвин.

— Добрый день, Марвин, — поздоровался отец, умело скрывая, как он ошарашен. — Должен тебе заметить, что ты мне попадаешься в самых неожиданных местах.

— Могу сказать о тебе то же самое, — ответил Марвин.

Отец нахмурился, поправил галстук и переложил чемоданчик в другую руку.

— В том, что я здесь, нет ничего удивительного, — сказал он сыну. — Обычно твоя мать отвозит меня со станции домой на машине. Но сегодня она опоздала, и я пошел пешком. Раз уж я шел пешком, мне взбрело в голову срезать угол и пройти по площадке для гольфа.

— Понятно, — произнес Марвин.

— Признаться, — продолжал отец, — кратчайший путь оказался самым длинным, так как, по моим подсчетам, я гуляю по этой местности час, а то и больше.

— Папа, — сказал Марвин, — только не волнуйся, но дело в том, что ты уже не на Земле.

— Не вижу в твоей шутке ничего смешного, — заметил отец. — Я, бесспорно, дал кругалю, да и архитектура здесь не такая, какую рассчитываешь увидеть в штате Нью-Йорк. Но не сомневаюсь, что если я пройду по этой дороге еще ярдов сто, то попаду на Эннэндейл-авеню, а она выведет меня на перекресток Кленового и Елового переулков. А уж оттуда и до дома рукой подать.

— Наверное, ты прав, — сказал Марвин. Ему еще ни разу в жизни не удалось переспорить отца.

— Мне пора, — сказал отец. — Между прочим, Марвин, тебе известно, что у тебя в носу какой-то чужеродный предмет?

— Да, сэр, — отвечал Марвин. — Это бомба.

Отец сурово нахмурился, испепелил сына взглядом, горько покачал головой и зашагал дальше.

— Не понимаю, — делился позднее Марвин с Вальдецом. — Почему они все меня находят? Это даже как-то противоестественно!

— Противоестественно, — заверил его Вальдец. — Но зато неизбежно, что гораздо важнее.

— Может, и неизбежно, — сказал Марвин. — Но и в высшей степени невероятно.

— Факт, — согласился Вальдец. — Хотя мы предпочитаем называть это форсированной вероятностью; другими словами, это одно из неопределенных обстоятельств, сопутствующих теории поиска.

— Брось, я не совсем понимаю, — сказал Марвин.

— Все довольно просто. Теория поиска — чистая теория; это значит, что на бумаге она подтверждается всегда. Но стоит только применить ее на практике, как мы сталкиваемся с трудностями, главная из которых — явление неопределенности. В самых простых словах происходит вот что: наличие теории препятствует подтверждению теории. Видите ли, теория не может учитывать свое влияние на самое себя. Идеальный вариант — когда теория поиска действует во вселенной, где вообще нет никакой теории поиска. Практически же (а нас волнует именно практика) теория поиска действует в мире, где есть теория поисков, которой свойствен так называемый «зеркальный эффект», или «эффект удвоения самой себя».

— Гмм... — промычал Марвин.

— Конечно, — прибавил Вальдец, — надо принимать в расчет лямбду-ши — выражение, обозначающее обратно пропорциональную зависимость всех возможных поисков и всех возмож-

ных находок. Так, когда в связи с неопределенностью прочих факторов лямбда-ши возрастает, вероятность неудачного поиска стремительно падает почти до нуля, а вероятность поиска успешного быстро увеличивается до единицы.

— Означает ли это, — спросил Марвин, — что из-за такого эффекта теории все поиски будут успешны?

— Именно, — ответил Вальдец. — Вы сформулировали превосходно, хотя и недостаточно строго. Все возможные поиски будут успешны в течение, или на протяжении периода, соответствующего коэффициенту раскрытия системы.

— Теперь понятно, — сказал Марвин. — Если верить теории, я обязательно найду Кэти.

— Да, — подхватил Вальдец. — Вы обязательно найдете Кэти: больше того, вы обязательно найдете всех и каждого. Единственное ограничение — коэффициент раскрытия системы, или РС.

— Вот оно что, — протянул Марвин.

— Естественно, поиски бывают успешными лишь в течение срока, или периода РС. Но длительность РС есть величина переменная, она колеблется от 6,3 микросекунды до 1005,34543 года.

— А в моем случае сколько будет длиться РС? — спросил Марвин.

— Многие мечтали бы услышать ответ на этот вопрос, — искренне развеселился Вальдец.

— Этого-то я и боялся, — поскущел Марвин.

— Наука — жестокий хозяин, — согласился Вальдец. Но тут же игриво подмигнул и сказал: — Правда, и самого жестокого из хозяев можно обвести вокруг пальца.

— Вы хотите сказать, что решение есть? — вскричал Марвин.

— К несчастью, не академическое, — ответил Вальдец.

— И все же, — сказал Марвин, — если оно правильное, то давайте попробуем.

— По-моему, не стоит, — ответил Вальдец.

— Я настаиваю, — сказал Марвин. — В конце концов в поиске заинтересован именно я.

— С точки зрения математики это к делу не относится, — заметил Вальдец. — Но вы, наверное, все равно не дадите мне покоя до тех пор, пока я вас не ублажу.

Вальдец удрученно вздохнул, извлек из пояса клочок бумаги и огрызок карандаша и спросил:

— Сколько монет у вас в кармане?

Порывшись в кармане, Марвин сказал:

— Восемь.

Вальдец записал эту цифру, потом выяснил год и день рождения Марвина, номер его удостоверения личности, размер обуви и рост в сантиметрах. Над этими данными он произвел какие-то математические выкладки. Затем попросил Марвина назвать на-

удачу любое число от 1 до 14. К названному числу он прибавил несколько своих, после чего несколько минут выводил какие-то каракули и что-то подсчитывал.

— Ну? — поторопил его Марвин.

— Помните, результат представляет собой всего-навсего статистическую вероятность, — сказал Вальдец, — и заслуживает доверия лишь как таковой.

Марвин кивнул. Вальдец продолжал:

— В вашем конкретном случае период раскрытия системы истекает ровно через одну минуту сорок восемь секунд плюс-минус пять минимикросекунд.

Он сверился с часами и удовлетворенно кивнул.

Марвин собрался было категорически запротестовать против такой несправедливости и спросить, почему Вальдец не произвел столь существенных подсчетов раньше. Но взгляд его упал на дорогу, неповторимой белизной светящуюся на фоне густой синевы вечера.

Он увидел, что по направлению к посадке медленно движется какая-то фигура.

— Кэти! — закричал Марвин. Ибо это действительно была она.

— Поиск завершен за сорок три минимикросекунды до истечения периода РС, — констатировал Вальдец. — Еще одно экспериментальное подтверждение теории поиска.

Но Марвин его не слышал: он устремился по дороге навстречу долгожданной своей любви и сжал ее в объятиях. А Вальдец, лукавый друг и молчаливый попутчик, скупно улыбнулся про себя и заказал еще бутылку вина.

XXI

Наконец-то они соединились: прекрасная Кэти, прогневавшая звезды и затравленная планетами, притянутая таинственной магией пункта обнаружения; и Марвин, молодой и сильный, с белозубой улыбкой, вспыхивающей на загорелом добродушном лице. Марвин, с задором и бездумной самоуверенностью юных собравшийся принять вызов древней непознаваемой вселенной; и рядом с ним Кэти, моложе годами, но много старше унаследованной интуитивной женской мудростью, прелестная Кэти, в красивых темных глазах которой словно притаилась задумчивая грусть, неуловимая тень предвидимой скорби, о которой Марвин и не подозревал, лишь чувствовал горячее, непреодолимое желание защищать и лелеять эту девушку, с виду такую хрупкую, укутанную тайной, которую она не может открыть, девушку, что, наконец, пришла к нему — человеку, лишенному тайны, которую мог бы открыть.

Счастье их было омрачено и возвышенно. В носу у Марвина

тикала бомба, отсчитывала неумолимые мгновения его судьбы, создавала четкий метрономический ритм для танца любви. Но чувство обреченности лишь теснее сплело две несхожие судьбы, вдохнуло в их отношения нежность и значимость.

Из утренней росы он создал для нее водопад, из разноцветных камешков на лугу у ручья сделал ожерелье красивее изумрудного, печальнее жемчужного. Она оплела его сетью шелковистых волос, увлекла его далеко вниз, в глубокие и бездонные воды, за пределы забвения. Он показал ей замерзшие звезды и расплавленное солнце; она подарила ему длинные перевитые тени и шуршание черного бархата. Он протянул к ней руку и коснулся мха, травы, вековых деревьев, радужных скал; кончики ее пальцев задели старые планеты и серебряный свет луны, вспышки комет и вскрик испаряющихся солнц.

Они играли в такие игры, где он умирал, а она старилась; они делали так, чтобы испытать радость повторного рождения. Любовью они рассекали время на части и вновь складывали, лучшим, более емким, более медлительным. Их игрушками были горы, степи, равнины, озера. Души их искрились, словно дорогой мех.

Они стали любовниками. И не постигали ничего, кроме любви.

Но их любило далеко не все живое и неживое. Сухие пни, бесплодные орлы, зацветшие пруды таили злобу на их счастье. Клятвы и заверения любовников проходили мимо безотлагательности перемен, безразличных к тому, что предполагает человек, с удовольствием продолжающих свою деятельность по разрушению вселенной. Выводы, не поддающиеся подтасовкам, угодливо подчинялись древним предначертаниям, записанным на костях, вкрапленным в кровь, вытатуированным на коже тела.

Бомбе предстояло взорваться. Тайна требовала раскрытия. А из страха рождались знание и печаль.

И однажды утром Кэти не стало, словно вовсе не бывало.

XXII

Ушла! Кэти ушла! Возможно ли? Неужто жизнь, этот мрачный шутник, вновь принялась за свои губительные шутки?

Марвин отказывался верить. Он обшарил все закоулки посады, терпеливо облазил всю деревушку. Нигде. Он продолжил поиски в ближайшем городе Сан Рамон де лас Тристекас, опросил официанток, домовладельцев, лавочников, проституток, полисменов, сводников, нищих и всех прочих. Он спрашивал, не видал ли кто девушки, прекрасной, как утренняя заря, с волосами красоты неопишуемой, руками и ногами несравненной гибкости, с чертами лица, прелесть которых равняется лишь их правильности, и так далее. Но те, кого он спрашивал, грустно отвечали:

«Увы, сеньор, мы не видали та женьчина, ни нынче, ни ранее, никогда в жизни».

Он успокоился ровно настолько, чтобы дать связное описание ее примет, и шагнул на шоссе романтика, который видел девушку, похожую на Кэти, — она катила на запад в большом автомобиле вместе с плотным мужчиной, курившим сигару. А какой-то трубачист подглядел, как она покидала город с золотисто-голубой сумочкой в руках. Шла твердым шагом.

Затем подручный на бензозаправочной станции передал ему от Кэти в спешке нацарапанную записку, которая начиналась словами: «Марвин, милый, умоляю, постарайся понять меня и простить. Я ведь много раз пыталась тебе сказать, мне позарез...»

Остальное было неразборчиво.

С помощью криптоанализатора Марвин разобрал заключительные слова: «Но я всегда буду тебя любить и надеюсь, что у тебя хватит великодушия изредка поминать меня добрым словом. Любящая тебя Кэти».

Остальные строки, превращенные горем в загадку, не поддавались никакой расшифровке.

Выразить смятение Марвина — все равно что пытаться передать предрассветный полет цапли: то и другое ни в сказке сказать, ни пером описать. Достаточно упомянуть, что Марвин подумывал о самоубийстве, но отделался от этой мысли.

Ничего не помогало. Опьянение лишь вызывало слезливость. Отречение от мира казалось детским капризом. Все это никуда не годилось, и Марвин ни на что не решился. С сухими глазами, точно живой труп, проводил он дни и ночи. Он ходил, разговаривал, даже улыбался. Был неизменно вежлив. Но его загадочному другу Вальдецу казалось, что настоящий Марвин погиб при мгновенном взрыве горя, а его место заняло плохо сделанное подобие человека. Марвина не стало; у куклы, занявшей его место, вид был такой, будто, исправно подделываясь под человека, она с минуты на минуту свалится от напряжения сил.

Вальдец был в растерянности и ужасе. Никогда старый лукавый специалист по поискам не сталкивался со столь трудным случаем. С отчаянной энергией пытался он вынести друга из состояния живой смерти.

Начал он с сочувствия:

— Я хорошо представляю, каково вам, мой несчастный друг, ибо однажды, когда я был еще совсем молод, мне довелось пережить то же самое, и я нахожу...

Это ни к чему не привело, и Вальдец попробовал грубость:

— Черт меня побери, да что вы разнюнились из-за дешевки, которая натянула вам нос? Клянусь адским огнем, вот что я скажу: в нашем мире женщин не перечесать, и тот не мужчина, кто забивается скулить в уголок, когда можно любую приласкать без...

Бесполезно. Вальдец попробовал отвлечь внимание друга:

— Смотрите-ка, смотрите, вон там три птички на ветке, у одной в горле нож и в лапке скипетр, а поет она веселее остальных. Чем вы это объясните, а?

Марвин ничем не объяснял. Невозмутимый Вальдец пытался пробудить в друге жалость к ближнему.

— Знаете, Марвин, малыш, лекари поглядели на эту мою экзему и сказали, что она смахивает на пандемическое импульжение. Жить мне осталось от силы двенадцать часов, а потом я плачу по счету и освобождаю место за столом для других желающих. Но в свои последние двенадцать часов я вот что хотел бы сделать...

Впустую. Вальдец попытался расшевелить друга философией:

— Простым крестьянам виднее, Марвин. Знаете, что они говорят? Сломанным ножом не выстругаешь хорошего посоха. По-моему, вам стоило бы подумать об этом, Марвин...

Но Марвин в прострации не желал об этом думать. Вальдец качнулся к гиперстрацианской этике:

— Значит, считаете себя раненым? Но рассудите: личность невыразима, уникальна и не чувствительна к внешним воздействиям. Поэтому ранена только рана: а она, будучи внешней по отношению к субъекту и чуждой интуиции, не создает повода для боли.

Марвин остался непоколебим. Вальдец обратился к психологии.

— Утрата возлюбленной, по Штейнметцеру, есть ритуально воспроизведенная утрата фекальной личности. Как ни забавно, мы-то полагаем, что скорбим о дорогих ушедших, а на самом деле убиваемся по невозвратно утраченным экскрементам.

Но и эти слова не пробили броню пассивности Марвина. Его меланхоличная отвлеченность от всех человеческих ценностей казалась необратимой: такое впечатление усилилось, когда в один прекрасный день перестало тикать кольцо в носу. Никакая это была не бомба, а всего лишь серое предупреждение Мардуку Красу от избирателей. Над Марвином больше не висела непосредственная угроза, что ему разнесет голову.

Но и внезапная удача не вывела его из роботоподобного состояния. Его это ничуть не тронуло, он лишь мимоходом отметил про себя свое спасение, как отмечают проблеск солнышка из-за тучи.

Казалось, ничто не может на него повлиять. Даже терпеливый Вальдец в конце концов воскликнул:

— Марвин, вы паршивый зануда!

Но Марвин, нисколько не задетый, упорствовал в своем горе. И Вальдецу, да и всем добрым людям Сан-Рамона думалось, что этого человека не исцелить никакими силами.

И все же, как мало известно нам об изгибах и поворотах человеческого разума! Ибо на другой же день вопреки всем ожиданиям произошло новое событие: оно наконец-то сломило отрешенность Марвина и нечаянно настезь распахнуло шлюзы впечатлительности, за которыми он укрывался.

Одно-единственное событие! (Правда, само по себе оно было началом новой цепи случайностей — неприметным первым шагом в еще одной из бесчисленных драм вселенной.)

Началось, как ни нелепо, с того, что Марвин заметил в толпе лицо. Лицо странное, до тревоги знакомое. Где он успел изучить эту линию скул и лба, эти карие, чуть раскосые глаза, этот решительный подбородок?

Потом вспомнил: все это он давным-давно видел в зеркале.

Вот оно, настоящее, неподдельное лицо Марвина Флинна: его собственное лицо и тело, те самые, которые он давно искал и которых давно был лишен. Вот он, подлинный, неповторимый облик единственного и неподражаемого Марвина Флинна — ныне одухотворенного преступным разумом Зе Краггаша, похитителя тел!

Над Марвином насмешливо глумилось его собственное лицо! И настоящий Марвин Флинн, с которого мигом слетела вся пассивность, в гневе шагнул вперед и замахнулся кулаком.

Увидев его, Краггаш на мгновение остановился: его (марвиновы) глаза являли собой этуод в шоковых тонах, пальцы отбивали мелкую дрожь, уныло опущенные губы кривились в нервном тике. Затем Краггаш стремительно повернулся и опрометью бросился в узкую, темную и зловонную аллею.

Марвин Флинн не совсем еще потерял рассудок. У входа в зловещий тупик он замешкался: благоразумие подсказывало, что надо обзавестись помощником, прежде чем пускаться по неизученным виткам аллеи. Но он успел заметить, что под руку с Краггашем в аллее вот-вот скроется тоненькая фигурка.

Не может быть... И все же это действительно она — Кэти! Один раз она оглянулась, но серые глаза не узнали его. Потом она тоже исчезла в змеиных кольцах аллеи.

У здравого смысла, как великолепно знают лемминги, есть свои пределы. В этот миг эмоции Марвина преодолели его потенциальный самоконтроль. Он рванулся вперед — лицо пылало бессмысленной яростью, невидящие глаза налились кровью, щеки посерели, челюсть отвисла, как у припадочного, рот свела *risus sardonicus*¹, точно у малайца в амоке.

Пять шагов он сделал вслепую по тесной, тошнотворной аллее. На шестом под ногами у него осела плита — часть мостовой повернулась на скрытой оси. Марвина катапультировало вниз головой по спиральному каменному желобу, а над ним предательская плита аккуратно вернулась в исходное положение.

¹ Саркастическая усмешка (латин.).

Сознание возвращалось с мучительной смутностью. Марвин открыл глаза и обнаружил, что угодил в подземную темницу.

Темницу освещали только фырчащие факелы, вставленные в двойные железные подставки на стенах. Потолок, казалось, прижимал Марвина к полу — такой он был каменнотрухлый и угнетающий. С холодного гранита свисали непристойно растопыренные наросты, гирлянды плесени. Все было оборудовано в расчете на подавление человеческой души — промозглый гранит леденит как могила, эхо смаковало пронзительные крики боли, окраска с омерзительной точностью воспроизводила трупный цвет.

Откуда-то из тени выступил Краггаш.

— Похоже на то, — неторопливо произнес он, — что фарс слишком затянулся. Но развязка уже близка.

— Вы, значит, срепетировали последний акт? — хладнокровно спросил Марвин.

— Актеры знают роли наизусть, — ответил Краггаш и небрежно щелкнул пальцами.

В круг света от факелов вступила Кэти.

— Это выше моего разумения, — сказал Марвин просто.

— Ох, Марвин, как объясню я свою мнимую измену? — вскричала Кэти, и из ее серых с поволокой глаз хлынули слезы. — Что сделать, чтобы ты понял, какое множество веских причин толкнуло меня на брак с Краггашем?

— Брак! — воскликнул Марвин.

— Я не смела признаться раньше — боялась, что ты рассердишься, — жалобно сказала Кэти. — Но, поверь, Марвин, он завлекал меня угрозами и равнодушием, а покори́л темной силой — не стану притворяться, будто поняла ее природу. Больше того, наркотиками, двусмысленностями и коварными искусными ласками ему удалось одурманить меня и внушить мне поддельную страсть, так что в конце концов я стала трепетать, стоило мне коснуться его ненавистного тела или ощутить влажность постылых губ. И все это время мне не было дано утешаться религией и не было дано отличать истинное от ложного, и потому я уступила. Нет и не будет мне прощения ни в этой жизни, ни в следующей. Да я его и не прошу.

— Ах, Кэти, Кэти, бедняжка моя Кэти! — твердил Марвин плачущей девушке.

— Ха, ха, ха! — засмеялся Краггаш. — Трогательная сценка, но скверно сыграна и к делу не относится. Впрочем, хватит. Входит новое и последнее действующее лицо!

Краггаш опять щелкнул пальцами. Из тени выступил человек в маске, с головы до ног закутанный в черное, с большой обоюдоострой секирой через плечо.

— Здрав будь, палач, — протянул Краггаш. — Вперед же, и исполни свой долг.

Палач вышел вперед и провел пальцами по лезвию секиры. Он занес оружие над головой, постоял в неподвижности и — о ужас! — захихикал.

— Руби! — взывал Краггаш. — Ты что, ума решился? Руби, тебе говорят!

Но палач, не переставая хихикать, опустил секиру. Затем ловкими пальцами сорвал с себя маску.

— Сыщик Урдорф! — закричал Марвин.

— Да, это я, — сказал марсианский сыщик. — Мне очень жаль, Марвин, что мы причинили вам столько тревог, но только так можно было успешно раскрыть дело. Мы с коллегой решили...

— С коллегой? — переспросил Марвин.

— Я имею в виду, — криво усмехнулся Урдорф, — чрезвычайного агента Кэтрин Мулвейи.

— Я... я, кажется, понимаю, — промямлил Марвин.

— Вообще-то все довольно просто, — сказал сыщик Урдорф. — Работая над вашим делом, я, как водится, прибегаю к услугам и к помощи других сыскных агенств. Трижды мы чуть не схватили преступника; но каждый раз ему удавалось ускользнуть. Так бы тянулось до бесконечности, не замани мы его в ловушку. Мы исходили из здоровой теории: если Краггаш вас убьет, то станет законным хозяином вашего тела и не будет бояться, что с него потребуют возврата. И наоборот, пока вы живы, он не будет знать ни минуты покоя.

Итак, мы вовлекли вас в наш смертоубийственный план действий, надеясь, что Краггаш не устоит перед соблазном вас уничтожить. Остальное — детали.

Обернувшись к преступнику, сыщик Урдорф спросил:

— Краггаш, не желаете ли что-нибудь прибавить?

Вор с лицом Марвина элегантно прислонился к стене, скрестив руки, преисполненный достоинства.

— Осмелюсь сделать одно-два замечания, — сказал Краггаш. — Прежде всего позвольте доложить: ваш план был неуклюж и очевиден. Я с самого начала знал, что дело нечисто, и пошел на него в слабой надежде, что оно вдруг окажется верным. Поэтому такой финал меня не удивляет.

— Забавное рассуждение, — вставил Урдорф.

Краггаш пожал плечами.

— Во-вторых, хочу сообщить вам, что не испытываю ни малейших угрызений совести по поводу своего так называемого преступления. Если человек не умеет сохранить собственное тело, значит он заслуживает потери его. Я прожил долгую и бурную жизнь и заметил, что люди по первому требованию отдают свое тело любому проходивцу, а свой разум — в рабство каждому, кто потребует. Поэтому большинство людей неспособны отстаивать даже природные свои права на тело и разум, предпочитая избавляться от этих хлопотных эмблем свободы.

— Вот классическая апология преступника, — заметил сыщик Урдорф.

— То, что совершает один человек, вы называете преступлением, — возразил Краггаш, — а то, что совершают многие, вы называете правительством. Лично я разницы не улавливаю, а потому отказываюсь ею руководствоваться.

— Мы можем тут играть словами целый год, — сказал сыщик Урдорф. — Но у меня нет времени на такие разминки. Испытайте свою логику на тюремном капеллане, Краггаш. Вы арестованы за незаконный Обмен Разумов, покушение на убийство и крупное хищение. Итак, я раскрыл дело номер сто пятьдесят восемь и переломил полосу неудач.

— В самом деле? — холодно вымолвил Краггаш. — По-вашему, все и впрямь так просто? Вы не учли, что в норе бывает второй вход.

Он явно издевался.

— Держи его! — заорал сыщик Урдорф.

Он, Марвин и Кэти устремились к Краггашу. Но прежде чем они подошли вплотную, преступник поднятой рукой быстро очертил магический круг в воздухе.

Круг пылал ослепительным пламенем!

Краггаш просунул в круг одну ногу. Нога исчезла.

— Если я вам нужен, — поддразнил он преследователей, — то вы знаете, где меня найти.

Они кинулись к нему, но Краггаш уже вступил в круг и исчез целиком, виднелась одна голова. Он подмигнул Марвину, и вот не стало и головы — только огненный круг.

— Скорей! — орал Марвин. — Хватай его!

Он повернулся к Урдорфу и с изумлением увидел, что плечи сыщика поникли, а унылое лицо посерело от отчаянья.

— Скорее! — крикнул Марвин.

— Бесплезно, — сказал Урдорф. — Я-то думал, что пред-
усмотрел любые неожиданности... Но не эту. Молодчик явно невменяем.

— Что теперь делать? — взревел Марвин.

— Ничего, — сказал Урдорф. — Он ушел в Искаженный Мир, а я провалил дело номер сто пятьдесят восемь.

— Но ведь можно последовать за ним! — объявил Марвин, придвигаясь к пылающему кругу.

— Нет! Нельзя! — объявил Урдорф. — Вы не понимаете... Искаженный Мир означает смерть или безумие... или и то и другое! Шансы на возвращение у вас до того малы...

— Не меньше, чем у Краггаша! — прокричал Марвин и вступил в круг.

— Погодите, вы все еще не понимаете! — прокричал Урдорф. — У Краггаша нет ни единого шанса!

Но заключительных слов Марвин не расслышал, ибо уже

исчез в пламенеющем круге, и его неудержимо повлекло в странные и неизведанные просторы Искраженного Мира.

XIV

НЕКОТОРЫЕ СВЕДЕНИЯ ОБ ИСКАЖЕННОМ МИРЕ

«...итак, благодаря уравнениям Римана—Хаке была, наконец, математически доказана теоретическая необходимость твистерманновой пространственной зоны логической деформации. Эта зона получила название Искраженного Мира, хотя на самом деле не искажена и миром не является. И наконец, по странной иронии судьбы, важнейшее третье определение Твистерманна (относительно того, что Зону можно рассматривать как участок вселенной, работающий в качестве хаотического противовеса логической устойчивости первичной структуры) оказалось излишним».

Статья «Искраженный мир»,
«Галактическая Энциклопедия Универсальных Знаний»,
издание 483-е

«...поэтому содержание (если не сущность) нашей мысли лучше всего передается термином «зазеркальная деформация». В самом деле, как мы убедились, Искраженный Мир выполняет нужную, но отвратительную роль — привносит неопределенность во все явления и процессы, тем самым делая вселенную теоретически и практически самодовлеющей».

Из «Размышлений математика», Эдгар Хоуп Грифф,
«Эвклид-Сити Фри Пресс»

«Но, несмотря на все это, для потенциального самоубийцы, странствующего по Искраженному Миру, можно привести несколько чисто эмпирических правил.

Помни, что в Искраженном Мире все правила ложны, в том числе и правило, перечисляющее исключения, в том числе и наше определение, подтверждающее правило.

Но помни также, что не всякое правило обязательно ложно, что любое правило может быть истинным, в том числе данное правило и исключение из него.

В Искраженном Мире время не соответствует твоим представлениям о нем. События могут сменять друг друга быстро (это удобно), медленно (это приятно) или вообще не меняться (это противно).

Вполне возможно, что в Искраженном Мире с тобой совершенно ничего не случится. Рассчитывать на это неразумно, но столь же неразумно не быть готовым к этому.

Среди вероятностных миров, порождаемых Искраженным

Миром, один в точности похож на наш мир; другой похож на наш мир во всем, кроме одной-единственной частности; третий похож на наш мир во всем, кроме двух частных, и так далее. Подобным же образом один мир совершенно не похож на наш во всем, кроме одной-единственной частности, и так далее.

Труднее всего прогнозирование; как угадать, в каком ты мире, прежде чем Искаженный Мир не откроет тебе этого каким-нибудь бедствием?

В Искаженном Мире, как и во всяком другом, ты можешь найти самого себя. Но лишь в Искаженном Мире такая находка обычно оказывается роковой.

Привычное оборачивается потрясением... в Искаженном Мире.

Искаженный Мир удобно (но неверно) представлять себе перевернутым миром Майи или миром иллюзии. Ты обнаружишь, что призраки вокруг тебя реальны, тогда как ты — воспринимающее их сознание — и есть иллюзия. Открытие поучительное, хоть и убийственное.

Некий мудрец однажды спросил: «Что будет, если я войду в Искаженный Мир, не имея предвзятых идей?» Дать точный ответ на такой вопрос невозможно, однако мы полагаем, что к тому времени, как мудрец оттуда выйдет, предвзятые идеи у него появятся. Отсутствие убеждений не самая надежная защита.

Некоторые считают высшим достижением интеллекта открытие, что решительно все можно вывернуть наизнанку и превратить в собственную противоположность. Исходя из такого допущения, можно поиграть во многие занятные игры; но мы не призываем вводить его в Искаженном Мире. Там все догмы одинаково произвольны, включая догму о произвольности догм.

Не надейся перехитрить Искаженный Мир. Он больше, меньше, длиннее и короче, чем ты. Он недоказуем. Он просто есть.

То, что уже есть, не требует доказательств. Все доказательства суть попытки чем-то стать. Доказательство истинно только для самого себя; оно не свидетельствует ни о чем, кроме наличия доказательств, а это ничего не доказывает.

То, что есть, невероятно, ибо все отчуждено, ненужно и грозит рассудку.

Возможно, эти замечания об Искаженном Мире не имеют ничего общего с Искаженным Миром. Но путешественник предупрежден».

Из «О неумолимости правдоподобного» Зе Крагаша
(библиотека имени Марвина Флинна)

XXV

Переход совершился внезапно и вовсе не так, как ожидал Марвин. Он наслушался историй об Искаженном Мире и смутно

представлял себе страну тающих теней и изменчивых красок, страну гротесков и чудес. Но тотчас же убедился, что его представления были романтичны и узколобы.

Марвин ожидал в тесной приемной. Воздух был спертый от пота и жаркого парового отопления, а Марвин сидел на длинной деревянной скамье вместе с несколькими десятками людей. Взад и вперед разгуливали скучающие клерки, они сверялись с бумагами да изредка подзывали кого-нибудь из ожидающих. Затем шепотом велись какие-то переговоры. Время от времени кто-нибудь терял терпение и уходил. Время от времени появлялся новый посетитель.

Марвин ждал и наблюдал.

Минуты текли медленно, в комнате стало темно, кто-то включил верхний свет. А его фамилию все не называли. Марвин покосился на соседей справа и слева, скорее от тоски, чем из любопытства.

Сосед слева был очень длинный и похожий на мертвеца, с гноющим фурункулом на шее, там, где тер воротничок. Сосед справа был низенький, толстый, краснолицый и дышал с присвистом.

— Как вы думаете, долго еще придется ждать? — спросил Марвин у толстяка, не для того, чтобы действительно узнать, а просто желая убить время.

— Долго? Долго ли? — ответил толстяк. — Чертовски долго, вот что я вам скажу. Здесь в Автотранспортном бюро, этих проклятых графьев нельзя поторопить, даже если у вас и дела-то всего — продлить обыкновенные водительские права, а я здесь именно для этого.

Человек, похожий на мертвеца, рассмеялся — словно палкой забарабанил по пустой канистре из-под бензина.

— Долго же тебе придется ждать, малыш, — сказал он, — ведь ты попал в Департамент благосостояния. Отдел мелких сумм.

Марвин задумчиво сплюнул на пыльный пол и заявил:

— К сожалению, джентльмены, оба вы не правы. Я все пытался вам сказать, что мы сидим в Департаменте, или, точнее, в приемной Департамента рыбной ловли. И, по-моему, просто безобразие, когда гражданин и налогоплательщик не могут даже поудить рыбу в налогооблаченном водоеме, не потеряв полсуток на то, чтобы выправить лицензию.

Все трое метали друг в друга злобные взгляды. (В Искраженном Мире героев вообще не бывает, обещаний чертовски мало, точек зрения кот наплакал, а свершений — иголка на стог сена.)

Они метали друг в друга молнии глазами, в которых забрезжило не слишком чудовищное подозрение. У человека, похожего на мертвеца, закапала кровь с кончиков пальцев. Марвин и толстяк в смущении нахмурились и притворились, будто ничего не заметили. Человек, похожий на мертвеца, беспечно сунул на-

шкодившую руку в карман с непромокаемой подкладкой. Тут подошел клерк.

— Кто из вас будет Джеймс Гриннел Стармахер? — спросил он.

— Это я, — отвечал Марвин. — И позвольте вам заметить, я жду здесь не первый час и считаю, что стиль работы в вашем Департаменте порочный.

— Да ладно, — сказал клерк, — это потому, что еще не получены машины. — Он взглянул в бумаги. — Вы подавали прошение о трупе?

— Совершенно верно, — подтвердил Марвин.

— И вы обязуетесь не использовать упомянутый труп в аморальных целях?

— Обязуюсь.

— Потрудитесь изложить мотивы, побуждающие вас приобрести труп.

— Я намерен использовать его как украшение.

— По какому праву?

— Я специально изучал оформление интерьеров.

— Укажите фамилию, или опознавательный кодовый номер, или и то и другое последнего из приобретенных вами трупов.

— Таракан, — выпалил Марвин. — Номер 3(32)A5345.

— Кто умертвил?

— Я сам. У меня лицензия на умерщвление всех тварей, не относящихся к моему племени, кроме самых редких, как, например, золотые орлы и ламантины.

— Цель последнего умерщвления?

— Ритуальное очищение.

— Простение удовлетворено, — сказал клерк. — Выбирайте труп.

Толстяк и человек, похожий на мертвеца, с надеждой смотрели на Марвина влажными глазами. Искушение было велико, но Марвин его поборол. Обернувшись к клерку, он произнес:

— Я выбираю вас.

— Так и запишем, — сказал клерк и черкнул что-то в своих бумагах. Лицо его превратилось в лицо псевдо-Флинна.

Марвин одолжил у человека, похожего на мертвеца, поперечную пилу и не без труда отпилил правую руку. Клерк тихо скончался, лицо его снова стало прежним.

Толстяк посмеялся над замешательством Марвина.

— Перевод из одной субстанции в другую кое-что дает, — поддразнил он. — Но не достаточно, верно? Желание придает плоти нужную форму, но хозяином положения остается скульптор — смерть.

Марвин плакал. Человек, похожий на мертвеца, ласково притронулся к его плечу.

— Не переживай всерьез, малыш. Лучше отомстить символически, чем вообще не отомстить. План у тебя был хороший, а

его единственный минус от тебя не зависел. Дело в том, что Джеймс Гриннел Стармахер — это я.

— А я труп, — сказал труп клерка. — Когда мстишь, лучше ошибиться адресом, чем вообще не отомстить.

— Я пришел сюда продлить водительские права, — сказал толстяк. — Ну вас ко всем чертям вместе с вашим глубокомыслием! Будут меня тут обслуживать или нет?

— Безусловно, сэр, — заверил его труп клерка. — Но в моем нынешнем состоянии я могу выдать вам лицензию лишь на отловдохлой рыбы.

— Живая, дохлая, какая мне разница? — сказал толстяк. — Главное — рыбалка, а кого ты поймал — это не так уж важно.

Он повернулся к Марвину — может быть, собираясь развить свою мысль. Но Марвин уже исчез.

Вместо стен здесь были стальные плиты, от пола до потолка добрая сотня футов высоты. Там, наверху, находились прожекторы и стеклянная кабина управления. Из-за стекла на Марвина глядел Крагаш.

— Опыт 342, — решительно заговорил Крагаш нараспев. — Тема: смерть. Постановка проблемы: можно ли умертвить человека? Примечания: вопрос о том, смертны ли люди, давно озадачивает величайших мыслителей. Вокруг смерти сложился обширный фольклор, веками скапливались неподтвержденные сведения об умерщвлениях. Более того, время от времени предъявлялись трупы, явно без всяких признаков жизни, и объявлялись останками людей. Невзирая на повсеместность таких трупов, нет ни малейших, даже косвенных доказательств того, что они когда-либо жили, не говоря уж о том, что они были людьми. Ввиду изложенного, с целью раз и навсегда прояснить вопрос, мы ставим следующий опыт. Этап первый...

Стальная плита в стене сдвинулась на шарнире. Марвин стремительно обернулся, и вовремя: на него было нацелено копьё. Он отскочил (неуклюже — мешала больная нога), и копьё просвистело мимо.

Открылись другие плиты. Под всевозможными углами на него посыпались ножи, стрелы, дубинки...

Сквозь одно из отверстий протиснулась портативная газовая камера. В комнату сбросили клубок кобр. На Марвина решительно надвигались лев и танк. Зашипело духовое ружье. Затрещали энергостолеты. Захрипели огнеметы. Откашлялась мортира.

Комнату залило водой — вода быстро прибывала. С потолка полетели напалмовые бомбы.

Но огонь сжег львов, которые съели змей, которые забились в гаубицы, которые уничтожили копьё, которые привели в негодность газовую камеру, которая испарили воду, которая погасила огонь.

Каким-то чудом Марвин остался цел и невредим. Он погрозил Краггашу кулаком, поскользнулся на стальной плите, упал и свернул себе шею. Его удостоили воинского погребения со всеми почестями. Вместе с ним на погребальном костре сгорела его вдова. Краггаш пытался последовать ее примеру, но ему на долю не выпало счастья самосожжения.

Три дня и три ночи пролежал Марвин в гробнице, и все это время у него беспрерывно текло из носа. Вся его жизнь, как при замедленной съемке, прошла у него перед глазами. На исходе третьих суток он воскрес и двинулся дальше.

В каком-то ничем не примечательном краю находились пятеро, и была им дана ограниченная, но несомненная способность ощущать. Одним из пятерых был, допустим, Марвин. Остальные четверо были манекены, стереотипы, наспех слепленные с единственным назначением — обогатить немудрящую исходную ситуацию. Перед пятерыми стояла проблема: кто из них Марвин, а кто — второстепенные фигуры, статисты.

Прежде всего встал вопрос о наименовании. Трое из пяти тотчас же захотели зваться Марвином, четвертый пожелал зваться Эдгаром Флойдом Маррисоном, а пятый потребовал, чтобы его называли Келли.

— Ладно, хватит, — сказал Первый начальственным тоном. — Джентльмены, может быть, хватит языки чесать, давайте в порядке очередности.

— Еврейский акцент здесь не поможет, — туманно изрек Третий.

— Слушай-ка, — сказал Первый, — а много ли смыслит поляк в еврейском акценте? Кстати, я еврей только наполовину, по отцу, и как я ни уважаю...

— Где я? — проговорил Второй. — Что со мной стряслось, о господи? С тех пор как я уехал из Стэнхоупа...

— Заткнись, макаронник, — цыкнул Четвертый.

— Я не Макаронник, меня зовут Луиджи, — мрачно ответил Второй. — Я жить на твоя великой родина с тех пор, как я маленький мальчик приехать из село Сан Минестроне делла Зуппа, нихт вар?

— Умойся, — хмуро сказал Третий. — Никакой ты не итальяшка на стреме, а просто-напросто второстепенная фигура, статист, да еще с ограниченной гибкостью; так что давай-ка заткни хлебало, прежде чем я проделаю с тобой одну штуку, нихт вар?

— Слушайте, — сказал Первый, — я человек простой, простодушный, и, если вам от этого станет легче, я отрекусь от своих прав на Марвинство.

— Память, память, — пробормотал Второй. — Что со мной приключилось? Кто эти видения, эти болтливые тени?

— Ну, знаешь! — возмутился Келли. — Это дурной тон, старина!

— Это есть чертовски нечестно, — пробормотал Луиджи.
— Призыв не есть созыв, — изрек Третий.
— Но я действительно не помню, — упорствовал Второй.
— Я тоже не больно-то хорошо помню, — сказал Первый. — Но разве я поднимаю из-за этого шум? Я даже не притязаю на звание человека. Если я наизусть цитирую Левитика, это еще ничего не доказывает.
— Святая правда! — взревел Луиджи. — И опровержение тоже ни шиша не доказывает.
— А я-то думал, ты итальянец, — упрекнул его Келли.
— Я и есть итальянец, но вырос в Австралии. История довольно странная...
— Не страннее моей, — сказал Келли. — Вот вы кличите меня Черным Ирландцем. Но мало кто знает, что детство и отрочество я провел в мебелирашках Ханжоу и вступил добровольцем в канадскую армию, чтобы скрыться от расправы французов за помощь деголлерцам в Мавритании. Потому-то и...
— Пфуй, алор! — вскричал Четвертый. — Не могу молчать! Одно дело — подвергать сомнению мою личность, другое — чернить мое отечество!
— Твое негодование ничего не доказывает! — вскричал Третий. — Впрочем, мне все равно, я больше не желаю быть Марвином.
— Пассивное сопротивление есть форма нападения, — откликнулся Четвертый.
— Недопустимое доказательство есть все же доказательство, — парировал Третий.
— Не пойму, о чем это вы толкуете, — объявил Второй.
— Недалеко ты уйдешь со своим невежеством, — окрысился Четвертый. — Я категорически отказываюсь быть Марвином.
— Никто не может отказаться от того, чего не имеет — ехидно вставил Келли.
— Я могу отказаться, от чего захочу, черт возьми! — пылко воскликнул Четвертый. — Мало того, что я отказываюсь от Марвинства; я еще отрекаюсь от испанского престола, поступаю диктатурой во Внутренней Галактике и жертвую вечным блаженством в Бах-ае.
— Отвел душу, детка? Упрощение мило моей сложной натуре, — сказал Третий. — Кто из вас будет Келли?
— Я, — сказал Келли.
— Ты хоть понимаешь, — спросил Луиджи, — что имена есть только у нас с тобой?
— Это верно, — сказал Келли. — Мы с тобой не такие, как все!
— Эй, минуточку! — сказал Первый.
— Регламент, джентльмены, соблюдайте регламент!
— Держи язык за зубами!
— Держи голову в холоде!

— Держи карман шире!

— Так вот, я и говорю, — продолжал Луиджи. — Мы! Нам! Поименованные согласно доказательствам, основанным на догадке! Келли... будь Марвином, если я буду Краггашем!

— Заметано! — гаркнул Келли, перекрывая ропот манекенов.

Марвин и Краггаш ухмыльнулись друг другу в мимолетной эйфории пьянящего взаимоотношения. Затем вцепились друг другу в горло. Стали друг друга душить. Трое нумерованных, лишенные природных прав, которых никогда не имели, встали в традиционные позы — позы стилизованной двусмысленности. Двое именованных, получившие индивидуальность, которую все равно присвоили бы себе самовольно, царапались и кусались, исполняли грозные арии и ежились, когда их обличали. Первый наблюдал, пока ему не надоело, после чего стал забавляться кинематографическими наплывами.

Это послужило последней каплей. Все декорации плавно, как жирный поросенок на роликовых коньках, укатились под стеклянную гору, только чуть быстрее.

Вслед за дождем пошел снег, а за ним — два дурака.

Платон писал: «Неважно, что ты там вытворяешь, важно, как ты это вытворяешь». Но потом решил, что мир еще не дорос до такой премудрости, и все стер.

Хаммурапи писал: «Непродуманная жизнь не стоит того, чтобы ее прожить». Но он не был уверен, так ли это, и потому все зачеркнул.

Будда писал: «Все брамины — дерьмо». Но впоследствии пересмотрел свою точку зрения.

Они...

Схватились...

...не на жизнь, а на смерть, в титанической битве, которая единожды разгоревшись, стала неизбежной. Марвин нанес Краггашу удар под ложечку, затем снова нанес удар — в нос. Краггаш проворно обернулся Ирландией, куда Марвин вторгся с полудегионом неустрашимых скандинавских конунгов, вынудив Краггаша предпринять на королевском фланге пешечную атаку, которая не могла устоять против покерного флеша. Марвин простер к противнику руки, промахнулся и уничтожил Атлантиду. Краггаш провел драйв слева и прихлопнул комара.

И бушевал кровавый бой на дымящихся болотцах миоцена; какой-то муравейник оплакивал свою матку, а Краггаш кометой произвольно врезался в солнце Марвина и рассыпался мириадами воинственных спор. Но Марвин безошибочно отыскал бриллиант среди сверкающих стекляшек, и Краггаш свалился вниз, на Гибралтар.

Бастион его пал в ту ночь, когда Марвин похитил бербереис-

ких обезьян, а Краггаш пересек северную Фракию, упрятав чужое тело в чемодан. Его схватили на границе с Фтистией — страной, которую Марвин наспех выдумал.

Чем больше Краггаш слабел, тем он становился злее, а разозлившись, он все больше слабел. Тщетно изобрел он дьяволопоклонство. Последователи марвинизма падали ниц не перед идолом, а перед символом. Разозленный Краггаш запаршивел: под ногтями появилась грязь, душа обросла волосами.

Вконец обессиленный лежал Краггаш — олицетворение зла, — сжимая в когтях тело Марвина. Кончину его ускорили ритуалы изгнания бесов. И четвертовали его пилой, замаскированной под молитвенное колесо, и разможили ему голову молотком, замаскированным под кадило. Добрый старый патер Флинн дал ему последнее напутствие: «И не вкусишь хлеба насущного с котлетой». И схоронили Краггаша в гробу, срубленном из живого Краггаша. На могильном камне высекли подобающую эпитафию, а вокруг могилы насадили цветущие краггашаи.

Уголок этот тихий. Справа роща краггаш-деревьев, слева нефтеперегонный завод. Тут пустая жестянка из-под пива, там бабочка. А совсем рядышком то самое место, где Марвин открыл чемодан и вынул свое давно утраченное тело.

Он стряхнул с него пыль, расчесал ему волосы, вытер нос и поправил галстук. Потом с приличествующим случаю почтением надел.

XXVI

И вот Марвин Флинн вернулся на Землю и в собственное тело.

Он приехал в родной Стэнхоуп и увидел, что там все по-прежнему. Городок, как раньше, географически находился милях в трехстах от Нью-Йорка, а в духовном и эмоциональном отношении отстоял от него на целое столетие. Точь-в-точь как всегда, он изобиловал садами и пегими коровами на фоне зеленых холмистых пастбищ. Вековечны были усаженная вязами Мэйн-стрит и одинокий ночной вопль реактивного лайнера.

Никто не спросил Марвина, где он пропадал. Даже лучший друг Билли Хейк решил, что Марвин вернулся из увеселительной поездки в какой-нибудь туристский рай — Шинкай или дождевой лес в нижнем течении Итури.

Поначалу несокрушимое постоянство городка угнетало Марвина не меньше, чем сюрпризы Обмена Разумов или чудовищные головоломки Искаженного Мира. Постоянство казалось Марвину экзотикой; он все ждал, что оно постепенно исчезнет.

Но такие места, как Стэнхоуп, не исчезают, а такие ребята, как Марвин, постепенно растрачивают увлеченность и высокие идеалы.

По ночам в одиночестве мансарды Марвину часто снилась Кэти. Ему все еще трудно было представить, что она чрезвычайный агент Межпланетной Службы Бдительности. А ведь был в ее повадках намек на властность, был в глазах блеск прокурорского фанатизма.

Он любил ее и знал, что всегда будет по ней тосковать, но тоска устраивала его больше, чем обладание.

И по правде сказать, ему уже приглянулась (точнее, заново приглянулась) Марша Бэкер, хорошенькая и скромная дочка Эдвина Марша Бэкера — крупнейшего в Стэнхоупе торговца недвижимостью.

Пусть Стэнхоуп не лучший мир из всех возможных, но это лучший мир из тех, что видел Марвин. Тут вещи не подкладывают тебе свинью, а ты не подкладываешь свинью вещам. В Стэнхоупе метафорическая деформация немыслима: корова уж точно корова, и называть ее как-нибудь иначе — недопустимая поэтическая вольность.

Итак, бесспорно: в гостях хорошо, дома лучше; и Марвин поставил перед собой задачу наслаждаться привычным, что, как утверждают сентиментальные мудрецы, есть вершина человеческой мудрости.

Жизнь его омрачали лишь два сомнения. Первым и главным был вопрос: каким образом Марвин вернулся на Землю из Искаженного Мира?

Он всесторонне продумал этот вопрос, куда более страшный, чем может показаться с первого взгляда. Марвин понял, что в Искаженном Мире нет ничего невозможного и даже ничего невероятного. Есть в Искаженном Мире причинная связь, но есть и отсутствие причинной связи. Ничто там не *обязательно*, ничто не *необходимо*.

Поэтому вполне допустимо, что Искаженный Мир отбросил Марвина назад, на Землю, продемонстрировав свою власть над ним тем, что отказался от этой власти.

По-видимому, именно так все и произошло. Но был ведь и другой, менее приятный вариант.

Теорема Дургэма формулирует его следующим образом: «Среди вероятностных миров, порождаемых Искаженным Миром, один в точности похож на наш мир: другой похож на наш мир во всем, кроме одной-единственной частности, третий похож на наш мир во всем, кроме двух частности, и так далее».

Это означало, что Марвин, возможно, все еще пребывает в Искаженном Мире, и Земля, воспринимаемая его сознанием, — всего лишь эфемерная эманация, мимолетное мгновение порядка в стихийном хаосе, — обречена с минуты на минуту вновь раствориться в стихийной бессмыслице Искаженного Мира.

Отчасти это было неважно, ибо ничто не вечно под луной, кроме наших иллюзий. Но никто не хочет, чтобы его иллюзии

оказались под угрозой, и потому Марвин старался выяснить, на каком он свете.

На Земле он или на ее дубле?

Нет ли здесь приметной детали, не соответствующей той Земле, где он родился? А может быть, таких деталей несколько? Марвин искал их во имя своего душевного покоя. Он обошел Стэнхоуп и его окрестности, осмотрел, исследовал и проверил флору и фауну.

Все оказалось на своих местах. Жизнь шла заведенным чередом: отец пас крысиные стада, мать, как всегда, безмятежно несла яйца.

Он отправился на север, в Бостон и Нью-Йорк, потом на юг, в необозримый край Филадельфия — Лос-Анджелес. Казалось, все в порядке.

Он подумывал о том, чтобы пересечь страну с запада на восток под парусами по великой реке Делавэр и продолжить свои изыскания в больших городах Калифорнии — Скенектеди, Милуоки и Шанхае.

Однако передумал, сообразив, что бессмысленно провести жизнь в попытках выяснить, есть ли у него жизнь, которую можно как-то провести.

Кроме того, можно было предположить, что даже если Земля изменилась, то изменились также его органы чувств и память, так что все равно ничего не выяснишь.

Он лежал под привычным зеленым небом Стэнхоупа и обдумывал это предположение. Оно казалось маловероятным. Разве дубы-гиганты не перекочевывали по-прежнему каждый год на юг? Разве исполинское красное солнце не плыло по небу в сопровождении темного спутника? Разве у тройных лун не появлялись каждый месяц новые кометы в новолуние?

Марвина успокоили эти привычные зрелища. Все казалось таким же, как всегда. И потому охотно и благосклонно Марвин принял свой мир за чистую монету, женился на Марше Бэкер и жил с нею долго и счастливо.

РОМАН

КООРДИНАТЫ ЧУДЕС



Часть I. ОТБЫТИЕ

ГЛАВА 1

День выдался на редкость бестолковый. Придя в контору, Том Кармоди чуточку пофлиртовал с мисс Гиббон, позволил себе возразить самому мистеру Уэйнбеку и добрых минут пятнадцать обсуждал с Блэкуэллом шансы регбистов из команды «Гиганты». В конце же дня он яростно, но совершенно не разбираясь в сути дела, заспорил с мистером Зейдлицем об истощении природных ресурсов страны и беспардонном натиске разрушительных факторов, а именно совместного обучения, армейской инженерной службы, туристов, огненных муравьев и производителей бумажной массы. Все они — так он утверждал — виновны в уничтожении последних милых его сердцу островков нетронутой природы.

— Ну-ну, Том, — сказал язвительный Зейдлиц, — да разве вас на самом деле это волнует? Ведь нет же!

Кого не волнует? Его не волнует?!

А мисс Гиббон, привлекательная, с аккуратненьким подбородочком, вдруг заявила:

— О, мистер Кармоди, я считаю, что вам не следовало такого говорить.

Что он говорил *такого* и почему не должен был говорить — Кармоди так и не смог припомнить. И грех, неосознанный и неотпущенный, остался на его душе. Его начальник, пухленький и мягкий мистер Уэйнбек, сказал неожиданно:

— Послушайте, Том, а ведь в ваших словах, кажется, что-то есть. Попробую разобраться.

Кармоди, однако, уже сам понимал, что в его словах было мало смысла и разбираться не стоило.

Высокий насмешливый Джордж Блэкуэлл, умевший говорить, не двигая верхней губой, и тот сказал:

— Думаю, что вы правы, Кармоди, честное слово! Если они переведут Воссa со свободной защиты на край, мы увидим настоящий пас.

И Кармоди, после дальнейших размышлений, пришел к выводу, что это ничего не изменит.

Кармоди был спокойным человеком, с юмором преимущественно пессимистическим. Рост и самомнение — чуть выше среднего. Убеждения его были шатки, зато и намерения — всегда самые лучшие. Пожалуй, у него была склонность к унынию. Впрочем, оно легко сменялось вспышками возбуждения, то есть он был циклотимик. Рослые мужчины с хорошим зрением и предками-ирландцами, как правило, циклотимики, особенно после тридцати.

Он прилично играл в бридж, хотя и недооценивал свое мастерство. Считал себя атеистом, но больше по инерции, чем по убеждению. Был рожден под знаком Девы, когда Сатурн находился в Доме Солнца. Преклонялся перед героическим — на это указывали звезды в Доме Талантов. Уже одно это говорило о его незаурядности. Он был отмечен печатью обыкновенного смертного — одновременно предсказуем и неподвластен року. Шаблонное чудо!

Кармоди покинул контору в 5.45 и сел в метро. Там его толкали и мяли другие страдальцы. Умом он сочувствовал им, но боками люто ненавидел. Он вышел на 96-й улице и прошел несколько кварталов пешком до своей квартиры на Вест-Энд авеню. Швейцар весело приветствовал его, лифтер одарил дружеским кивком. Кармоди отпер дверь, вошел внутрь и лег на кушетку. Жена его была в отпуске, в Майами, поэтому он мог безнаказанно возложить ноги на мраморный столик.

В следующий миг раздался удар грома и комнату осветило молнией. Раскаты грома продолжались несколько секунд, затем протрубили трубы. Кармоди поспешно убрал ноги с мраморного столика. Трубы смолкли, их сменили бравые звуки волынки. Снова полыхнула молния, и в ее сиянии возник человек.

Человек был среднего роста, коренастый, в золотистом пиджаке и оранжевых брюках. Лицо как лицо, разве что без ушей. Он сделал два шага вперед, остановился, протянул руку в пустоту и выдернул свиток — да так грубо, что изрядно его при этом порвал. Прочистил горло — звук напоминал сильный удар по мячу — и сказал:

— Приветствия!

Кармоди ничего не ответил. Он онемел.

— Мы пришли, — изрек незнакомец, — как неожиданный ответчик невыразимой жажды. Ваши. Другие люди? Не так. Буду это?

Пришелец ждал ответа. Кармоди убедился, с помощью толь-

ко ему одному известных способов, что все это происходит именно с ним и на самом деле. И спросил, как и полагается, когда все происходит на самом деле:

— Бога ради, что это значит?

Пришелец сказал, улыбаясь:

— Это для вас, Кар-Мо-Ди. Из сточной канавы «того, что есть» вам досталась малая, но замечательная порция «того, что может быть». Веселье, нет? Уточняю: ваше имя ведет к остальному. Случайность реабилитирована снсва. Розовая Неопределенность радуется своими целительными губками, а дряхлое постоянство снова заперто в Пещере Неизбежности. Разве это не причина для? А почему вы нет?

Кармоди встал, совершенно успокоившись. Неведомое перестает страшить, когда становится назойливым.

— Кто вы? — спросил Кармоди.

Чужестранец понял вопрос, и его улыбка погасла. Он пробормотал, скорее для себя:

— Туманно мыслящие извилины! Опять они неверно отработали меня! Я мог уклониться, вплоть до смертельного исхода даже! Неужели они не могут прицелиться без ошибки? Ничего, я переработаюсь, я переделаюсь, я приспособлюсь...

Он прижал пальцы к голове, даже погрузил их вглубь сантиметров на пять. Пальцы его затрепетали, будто он играл на крошечном пианино. И тотчас пришелец превратился в коротышку, лысого, в мятом костюме, с набитым портфелем, зонтиком, тростью, журналом и газетой.

— Так правильно? — спросил он. И сам себе ответил: — Да, вижу. В самом деле, я должен извиниться за небрежную работу нашего Центра Уподобления. Только на прошлой неделе я появился на Сигме IV в виде гигантской летучей мыши с Уведомлением во рту. И тут же увидел, что мой адресат из породы водяных лилий. А двумя месяцами раньше — употребляю местные эквиваленты времени, конечно, при миссии на Фагму Старого Мира эти дураки из Уподобления оформили меня в виде четырех дев, тогда как правильная форма, очевидно...

— Я не понимаю ни единого слова, — прервал Кармоди, — будьте добры, объясните, что это все значит.

— Конечно, конечно, — сказал пришелец. — Но позвольте мне проверить местные термины. — Он закрыл глаза, потом открыл снова. — Странно, очень странно, — пробормотал он. — Из ваших слов, фигурально говоря, не складывается склад для моей продукции. Но кто я, чтобы осуждать? Неточности могут быть эстетически приятны. Все это дело вкуса.

— Что это значит? — переспросил Кармоди грозным басом.

— Это, разумеется, Интергалактическая Лотерея. И вы, сэр, конечно, выиграли главный приз. Изложение соответствует моей внешности, разве нет?

— Нет, не соответствует, — сказал Кармоди. — И я не знаю, о чем вы толкуете.

По лицу чужестранца скользнуло сомнение, но тут же исчезло, словно его резинкой стерли.

— Вы не знаете? Ну конечно! Вы, полагаю, потеряли надежду на выигрыш. И вытеснили понимание, чтобы избежать беспокойства. Какое несчастье, что я пришел к вам во время умышленной спячки! Но никакого вреда мы вам причинить не намерены, уверяю вас. Документы у вас под рукой? Боюсь, что нет. Тогда я объясню. Вы, мистер Кармоди, выиграли приз в Интергалактической Лотерее. Селектор Случайностей для Части IV, класса 32 Жизненных Форм вытянул ваш номер. Ваш приз — очень красивый приз, уверяю вас, — ожидает вас в Галактическом Центре.

Тут Кармоди обнаружил, что рассуждает примерно так: «Либо я спятил, либо не спятил. Если спятил, значит, это бред, и тогда я должен обратиться к психиатру. Но после этого я окажусь в идиотском положении, ибо мне придется во имя смутных доводов рассудка отрицать то, что я вижу и слышу. А это тяжело. Так можно все запутать и настолько усугубить безумие, что в конце концов моей несчастной жене придется положить меня в больницу. Но с другой стороны, если я сочту этот бред реальностью, я тоже окажусь в больнице.

Если же я не сошел с ума и все это происходит на самом деле, то это удивительная, единственная в своем роде случайность, приключение высшей марки. Очевидно, — если это происходит на самом деле — во Вселенной есть существа, превосходящие людей по разуму. И существа эти устраивают лотереи, где имена выбираются по жребию. (Они сами признались, что делают это. И я не вижу, почему бы лотерее не быть совместимой с высшим разумом.) И, наконец, в этой предполагаемой лотерее выпало мое имя. Это почетная случайность, возможно, и Землю включили в лотерею впервые. В этой игре приз выиграл я. Такой приз может принести мне богатство, или имя, или женщин, или знание, словом, что-нибудь стоящее.

Поэтому в результате мне выгоднее поверить, что я не сошел с ума, пойти с этим джентльменом и получить приз. Если я ошибаюсь, я очнусь в больнице. Тогда я извинюсь перед докторами, доложу им, что все понял, и, возможно, выйду на свободу».

Вот так Кармоди рассуждал и к такому заключению пришел. Вывод не удивительный. Очень мало людей (за исключением безумных) отдадут приоритет гипотезе безумия, а не гипотезе сенсационной новинки.

Конечно, в рассуждениях Кармоди были некоторые погрешности. В дальнейшем они должны были довести его до беды. Но можно сказать, что хорошо еще то, что Кармоди вообще рассуждал в таких обстоятельствах.

— Я плохо понимаю, что тут к чему, — сказал он Послан-

цу. — Есть какие-нибудь условия для получения моего Приза? Что-нибудь нужно сделать или оплатить?

— Никаких условий, — ответил Посланец. — По крайней мере ничего достойного упоминания. Просто Приз. Иначе какой же это Приз, если с условиями? Если вы принимаете его, вы должны отправиться со мной в Галактический Центр. Там вам вручат Приз. Затем, если захотите, вы можете взять его домой. Если вам понадобится помощь для возвращения, то, конечно, мы окажем вам содействие в полную меру наших возможностей. Ну вот и все об этом.

— Меня это устраивает, — произнес Кармоди в точности таким же тоном, как Наполеон при осмотре диспозиции маршала Нея под Ватерлоо. — Но как же мы туда попадем?

— Сюда, пожалуйста, — сказал Посланец. И проводил Кармоди в закрытый зал, а оттуда — с треском — в пространственно-временной континуум.

Все остальное также не составило труда. Через секунду субъективного времени Кармоди и Посланец, преодолев изрядное расстояние, были уже в Галактическом Центре.

ГЛАВА 2

Путешествие было кратким, продолжительностью не более одной секунды плюс микросекунда в квадрате; и оно было несобытийным, поскольку в такой тонюсенький ломтик длительности никаких фактов вместить невозможно. Поэтому после перехода, о котором ничего и не скажешь, Кармоди увидел вокруг себя широкие площади и диковинные строения Галактического Центра.

Он просто стоял и спокойно осматривался. Принял к сведению, между прочим, что над головой у него три тусклых карликовых солнца. Заметил деревья, которые бормотали невнятные угрозы зеленоперым птицам. Заметил еще и другие вещи, которые уже не мог запомнить из-за недостатка земных аналогий.

— Ой-ой-ой! — вымолвил он наконец.

— Простите, не понял, — переспросил Посланец.

— Я сказал «ой-ой-ой!».

— Да? А мне послышалось «ой!».

— Нет, я сказал «ой-ой-ой!».

— Ах вот оно что, теперь я понял. Ну, а как вам понравился наш Галактический Центр?

— Впечатляет, — признал Кармоди.

— И я так считаю, — подтвердил Посланец. — Наш Центр для того и построен, чтобы производить впечатление. Архитектура, как видите и как вы могли бы и ожидать, неоциклопическая, типичный административный стиль, лишенный каких-либо эстетических принципов. Внешний вид должен подавлять избирателей.

— Что-то есть в этих плавающих в небе лестницах, — заметил Кармоди.

— Сценично.

— И эти громадные здания...

— Да, дизайнер удачно применил сочетание вывертывающихся кривых с исчезающими точками, — сказал Посланец с видом знатока. — А также использовал искривление времени, чтобы внушить благоговение. Довольно мило, по-моему. А оформление этой группы зданий там, наверху, вам интересно будет узнать, содрано целиком с выставки «Дженерал моторс» на вашей планете. Оно было признано выдающимся примером примитивного квазимодернизма: причудливость и изнеженность — его основные черты. А эти вспыхивающие огни перед Плавающим Мультинебоскребом — чистейшее галактическое барокко. Функциональности в них никакой.

Кармоди никак не мог охватить все разом. Пока он глядел на одно, другое меняло форму. Прищуривался, но здания таяли, искривляясь на границе зрительного восприятия. («Периферическая трансмутация», — пояснил Посланец.)

— Ну а где же я получу свой Приз? — спросил Кармоди.

— Сюда, направо, — сказал Посланец. И повел его между двумя башенными фантазиями к маленькому, неприметному прямоугольному домику.

— Делами мы занимаемся здесь, — продолжал Посланец. — Последние исследования показали, что прямолинейная форма действует успокаивающе на синапсы многих организмов. И я горжусь этим зданием. Дело в том, что это я изобрел прямоугольник.

— Черта с два, — сказал Кармоди. — Мы знаем прямоугольники испокон веков.

— И кто же, как вы полагаете, подарил вам самый первый? — язвительно спросил Посланец.

— Мне не кажется, что это такое уж большое изобретение.

— Не кажется? — переспросил Посланец. — Это показывает, как мало вы знаете. Вы принимаете сложность за признак сознательной творческой деятельности. Знаете ли вы, что природа вообще не создавала правильный прямоугольник? Квадрат — очевидная вещь, это ясно. И тому, кто не вникал в суть проблемы, может быть представляется, что прямоугольник естественно вырастает из квадрата. Нет и нет! На самом деле эволюционное развитие квадрата приводит к кругу.

Глаза Посланца затуманились. Он говорил спокойным и отрешенным голосом:

— Годами я знал, я чувствовал, что возможно некое иное развитие идеи квадрата... Правильность приятна, но не сверх меры. Как же изменить это изнуряющее мозг однообразие, сохранив все же явственную периодичность? И однажды снизошло! Это была внезапная вспышка озарения. Менять длину параллель-

ных сторон — вот и все, что требовалось. Так просто и так сложно! Дрожа от волнения, я попробовал. И когда это получилось, признаюсь, я сделался просто одержимым. Целыми днями и неделями я конструировал прямоугольники, разные по размеру и форме, все правильные и все различные. Поистине, прямоугольники сыпались из меня, как из рога изобилия. Это были потрясающие дни.

— Представляю себе, — сказал Кармоди. — Ну а позже, когда ваша работа была признана?

— Это было потрясающе. Но прошли столетия, прежде чем мои прямоугольники начали принимать всерьез. «Это забавно, — говорили мне, — но когда новизна отойдет, что у вас останется? Останется несовершенный квадрат, больше ничего». Я страдал от непонимания. Но в конце концов мои взгляды победили. На сегодняшний день в Галактике имеется более 70 миллиардов прямоугольных структур. И каждая из них ведет происхождение от моего прямоугольника-прототипа.

— Да уж! — вздохнул Кармоди.

— Так или иначе, но мы уже пришли, — сказал Посланец. — Туда идите, направо. Сообщите требуемые данные и получите Приз.

— Спасибо, — поблагодарил Кармоди.

Он вошел в комнату. И сразу же его руки, ноги, талию и шею охватили стальные ленты. Высокая мрачная личность с ястребиным носом и шрамом на левой щеке уставилась на Кармоди со странным выражением: убийственное веселье сочеталось в нем с елейной печалью.

ГЛАВА 3

— Что это значит? — крикнул Кармоди.

— Итак, — изрекла мрачная личность, — опять преступник сам бежит на плаху. Смотри на меня, Кармоди! Я твой палач. Сейчас ты расплатишься за свои преступления против человечества и грехи на своей душе. И позволь добавить, что это — лишь предварительное наказание, которое не будет зачтено при вынесении окончательного приговора.

Палач вытащил из рукава нож. Кармоди проглотил комок, застрявший в горле, и снова обрел способность членораздельно говорить.

— Стойте! — закричал он. — Меня сюда не казнить привели!

— Знаем, знаем, — успокоительно сказал палач, глядя вдоль лезвия на яремную вену Кармоди. — И что ты еще скажешь?

— Но это правда! — вопил Кармоди. — Я думал, что получу Приз!

— Что? — переспросил палач.

— Приз, будьте вы прокляты, Приз! Спросите Посланца. Он привел меня получать Приз.

Палач пристально поглядел на него и отвернулся с видом невинной овечки. Щелкнул выключателем на приборной доске. Стальные ленты превратились в серпантин; черное палаческое одеяние — в белый костюм Клерка. Нож стал авторучкой. На месте шрама появился жировичок.

— Все в порядке, — без всякой тени раскаяния объявил бывший палач, а ныне Клерк. — Я же предупреждал, чтобы они не объединяли Департамент Мелких Преступлений и Бюро Лотерей. Но нет, меня не слушают. Им все едино — вручи я вам Приз или убей. Вот бы смеху-то было, правда?

— Мне было бы совсем не смешно, — содрогнувшись, ответил Кармоди.

— Ладно, нет смысла лить слезы из-за непролитой крови, — сказал Клерк. — Если мы примем в расчет все обстоятельства, то мы истощим обстоятельства, чтобы все принять в счет... Что я сказал? Впрочем, это не играет роли. Предложение построено правильно, даже если слова неверны. Ваш Приз где-нибудь здесь.

Он нажал кнопку на той же доске. Сию минуту в комнате материализовалась массивная конторка, какой-то миг повисела в воздухе на высоте двух футов от пола и с грохотом упала. Клерк принялся открывать ящики и вытаскивать бумаги, сэндвичи, листки копирки, регистрационные карточки и огрызки карандашей.

— Приз должен быть где-то тут, — с отчаянием в голосе твердил он.

Нажал другую кнопку на приборной доске. Конторка исчезла вместе с доской.

— Проклятье, я будто на иголках сижу! — воскликнул Клерк. Он протянул руку в воздух, что-то там нашел и нажал. Очевидно, это также была не та кнопка, поскольку на сей раз с предсмертным стоном исчез он сам. Кармоди остался в одиночестве.

Он подождал, напевая про себя. Вновь появился Клерк. Выглядел он не хуже, чем до своего неудачного эксперимента, если не считать синяка на лбу и некоторой грусти в глазах. Под мышкой он держал небольшой пакет в яркой обертке.

— Прошу прощения за задержку, — сказал он. — Сразу и как следует не получается ничего.

— Вам пришлось обещать вокруг Галактики? — пошутил Кармоди, намекая на общеизвестную сказку.

— С какой стати вы вообразили, что мы бегаем? — нахмурился Клерк. — Мы только вручаем.

— Знаю, — сказал Кармоди. — Но я полагал, что здесь, в Галактическом Центре...

— Вы, провинциалы, все одинаковы, — устало промолвил Клерк, — вы исполнены наивных мечтаний о порядке и совер-

шенстве, а они все — идеализированная проекция вашей собственной неполноценности. Пора бы вам знать, что чем выше разум, тем больше сложностей. Может быть, вы слышали о теореме Холджи: порядок есть самая примитивная и произвольная группировка объектов в хаосе Вселенной. И если разум и сила существа приближаются к максимуму, то его коэффициент контроля стремится к нулю в соответствии с пагубной геометрической прогрессией числа объектов, подлежащих осмыслению и контролю, в отличие от арифметической прогрессии понимания...

— Я никогда не думал об этом, — вежливо сказал Кармоди. Ему уже начала надоедать бойкость гражданских служащих Галактического Центра. На все у них был ответ, ведь на самом деле они просто работали спустя рукава и сваливали вину на космические законы.

— Ну да, все это верно, — продолжал Клерк. — Ваша точка зрения (я позволил себе вольность прочесть ваши мысли) хорошо обоснована. Как и все разумные существа, мы используем разум, чтобы выявлять несоответствия. Но все на свете, видите ли, всегда немножко за пределом понимания. Конечно, мы можем подойти и к этому пределу, но иной раз работаем механически, беспечно, ошибаемся даже. Важные документы лежат не на месте, машины функционируют плохо, забываются целые планетные системы. Но что было бы без нас? Ведь должен же кто-нибудь контролировать Галактику, иначе все полетит к чертям. И кто будет контролировать, если не мы?

— Разве вы не можете создать для этого машины? — спросил Кармоди.

— Машины! — воскликнул Клерк презрительно. — Даже лучшие из них похожи на ученых идиотов. Они хороши лишь при томительно прямолинейных заданиях, вроде сбора звезд или разрушения планет. Но поручите им что-нибудь трудное, например утешить вдову, и они просто разлетятся на куски от натуги: в этике они понимают меньше, чем новорожденный волчонок. И вы хотите, чтобы такая штука планировала вашу жизнь?

— Конечно, нет, — сказал Кармоди. — Но нельзя ли построить машину, умеющую рассуждать и творить?

— Может быть, — Клерк пожал плечами. — Но ее надо испытывать в деле, что означает — учиться на ошибках. Такие машины уже делались, разного вида и размера, иногда совсем миниатюрные. Они обладали очевидными достоинствами, но обязательно находился и какой-нибудь недостаток. Все-таки наилучший принцип разума — это разумная жизнь.

Клерк самодовольно улыбнулся: вот, мол, афоризм сотворил. Кармоди захотелось шелкнуть его по курносому носу, вздернутому, как у мопса. Но он удержался.

— Если вы закончили лекцию, — сказал он, — то я хотел бы получить Приз.

— Как угодно, — сказал Клерк. — Если вы уверены, что хотите его получить.

— Есть какие-нибудь причины, чтобы не хотеть?

— Ничего конкретного. — Клерк уклонился от прямого ответа. — Но введение нового героя в роман всегда чревато последствиями.

— Я попытаю счастья, — улыбнулся Кармоди. — Пусть будет Приз.

— Ну хорошо, — сказал Клерк. Он вытащил из заднего кармана большой блокнот и сотворил карандаш. — Итак, сначала мы должны заполнить карточку. Ваше имя Кар-Мо-Ди; вы с планеты 73 С, системы BV454C252 Левый Квадрат, Местная Галактическая система из К по С, и вы выбраны по жребию примерно из двух миллиардов претендентов. Правильно?

— Вам это лучше известно, — сказал Кармоди.

— Я пропущу описание, — продолжал Клерк, — поскольку вы берете Приз на свой страх и риск.

— Конечно, пропускайте, — согласился Кармоди.

— Затем есть еще раздел об Определении Съедобности, параграф о Взаимном Несоответствии Понятий между вами и Бюро Лотерей Галактического Центра, параграф о Безответственной Этике и, конечно, Определитель Предельных Сроков Наследования. Но все это стандартные правила, вероятно, вы согласны с ними...

— Конечно, почему же нет? — сказал Кармоди, чувствуя уже, что голова у него идет кругом. Ему не терпелось посмотреть, как выглядит Приз Галактического Центра. И он страшно хотел, чтобы закончилась эта волокита.

— Очень хорошо, — сказал Клерк. — Теперь подпишитесь на мыслечувствительной полоске, вот тут, под текстом.

Не совсем понимая, что нужно делать, Кармоди подумал: «Да, я принимаю Приз на всех установленных для сего условиях». Низ странички порозовел.

— Спасибо, — сказал Клерк. — Контракт самолично засвидетельствовал согласие. Примите поздравления, Кармоди. Вот ваш Приз.

Он вручил коробку в веселенькой обертке. Кармоди пробормотал слова благодарности и нетерпеливо принялся ее разворачивать. Но не успел. В комнату внезапно ворвался лысый коротышка в сверкающей одежде.

— Ага! — закричал он. — Я застал вас на месте преступления, клянусь клутенами. Вы что, в самом деле намерены удрать с ним?

Коротышка кинулся к Призу. Но Кармоди поднял коробку над головой.

— Что вам нужно? — крикнул он.

— Что нужно? Мне нужен Приз, что же еще? Я Кармоди.

— Нет, вы не Кармоди, — сказал Кармоди. — Это я Кармоди.

Человечек остановился и поглядел на него с удивлением.

— Вы претендуете на то, чтобы называться Кармоди?

— Я не претендую. Я и есть Кармоди.

— Кармоди с планеты 73 С?

— Я не знаю, что такое 73 С, — сказал Кармоди. — Мы называем свою планету Землей.

Коротышка вновь уставился на него. Ярость на его лице сменилась сомнением.

— Земля? — переспросил он. — Она член Члзеррианской Лиги?

— Нет, насколько мне известно.

— Может быть, она принадлежит Ассоциации Независимых Планетовладельцев? Или Звездному Кооперативу Скеготайн? Или она из числа Амальгамированных Планет-Двойников? Нет? А ваша планета вообще является членом какой-нибудь межзвездной организации?

— Думаю, что нет.

— Я так и знал! — воскликнул мини-Кармоди. Он обернулся к Клерку. — Посмотрите на него, вы, идиот. Посмотрите на эту тварь, которой вы собираетесь вручить мой Приз. Посмотрите на ее мутные свинячьи глазки, на скотские челюсти, роговые ногти.

— Стойте! — прервал его Кармоди. — Вы не имеете права оскорблять меня.

— Да, вижу, — согласился Клерк. — Действительно, я не рассмотрел этого раньше. Никак не ожидал, что...

— Так почему же, черт вас возьми? — закричал космический Кармоди. — Почему ни один из вас не сказал сразу же, что это существо не из 32-го класса жизненных форм? Факт налицо: этот тип даже близко не лежал возле 32-го класса. Он даже не дорос до галактического статуса! Вы совершеннейший идиот, вы вручили мой Приз ничтожеству, существу вне класса, парии...

ГЛАВА 4

— Земля! Земля! — разглагольствовал коротышка. — Теперь я припоминаю это название. Есть новейшая наука об изолированных мирах и особенностях их развития. Земля упоминается там, как планета, населенная маниакально сверхпродуктивными видами жизни. Манипуляция веществом в самом отсталом варианте. Пытаются выжить за счет реаккумуляции собственных отбросов. Короче, Земля — это больное место Вселенной. Я думаю, что она выпала из Всегалактического плана из-за хронической Вселенской Несовместимости. В будущем ее реконструируют и превратят в заповедник нарциссов.

Всем стало ясно, что произошла серьезная ошибка. Когда в

невнимательности обвинили Посланца, он не стал отрицать очевидного.

Клерк же, напротив, стойко отстаивал свою невиновность, ссылаясь на уважительные причины, которые, впрочем, никто не уважил.

А Лотерейный Компьютер, который-то все и напутал, вместо того чтобы извиняться и оправдываться, не только признал ошибку, но даже явно гордился ею.

— Я изготовлен, — объявил Компьютер, — с минимальными допусками. Я предназначен для выполнения сложных и точных операций, допускающих не более одной ошибки на пять миллиардов действий.

— Ну и что с того? — поинтересовался Клерк.

— Вывод ясен: я запрограммирован на ошибку, и я выполнил то, на что запрограммирован. Вы должны помнить, джентльмены, что для машины ошибка имеет этическое значение, да, исключительно этическое. Любая попытка создать идеальную машину была бы богохульством. Во все живое, даже в ограниченно живую машину, обязательно заложена ошибка. Это один из немногочисленных признаков, отличающих живое от неживого. Если бы мы никогда не ошибались, мы были бы отвратительны и бессмертны. И если бы ошибка не была запрограммирована, заложена в нас верховной проектной силой, то мы сквернодействовали бы спонтанно, чтобы продемонстрировать ту крошечку свободной воли, которой мы обладаем, как существа живые.

Все склонили головы, поскольку Лотерейный Компьютер говорил о священных вещах. Галактический Кармоди смахнул слезу и сказал:

— Ничего не могу возразить, хотя и не соглашаюсь. Право быть неправым — основное в космосе. Машина поступила высоко нравственно. Но остальные — просто дурака свалили.

— Это наша неотъемлемая привилегия, — напомнил ему Посланец. — Небрежность при выполнении обязанностей, оскверненная нашей религией, — форма ошибки. Форма скромная, но не презренная.

— Будьте так добры, избавьте меня от своей сладкоречивой религиозности, — сказал галактический Кармоди. — А ты, — продолжал он, поворачиваясь к земному Кармоди. — Ты слышал, что тут говорили? Уловил, в чем суть, ты, ископаемое?

— Я понял, — сказал Кармоди четко.

— Тогда ты усвоил, что этот Приз принадлежит мне, он мой по праву. Итак, сэр, я вынужден просить и прошу вас передать его мне.

Кармоди уже склонялся к тому, чтобы согласиться. Он устал от своего приключения и не чувствовал непреодолимого желания отстаивать право на Приз. Ему хотелось домой, хотелось сесть и обдумать все, что случилось, часок соснуть, выпить чашечку кофе, выкурить сигарету. Конечно, неплохо было бы и Приз

удержать, но, кажется, игра не стоила свеч. И Кармоди был готов уже отдать коробку, как вдруг услышал глухой шепот:

— Не делай этого.

Кармоди быстро огляделся и понял, что голос исходит из коробки в веселенькой обертке. Говорил сам Приз.

— Ну, ну давай же, — настаивал другой Кармоди. — Не тяни. У меня неотложные дела.

— Катись он к черту со своими делами, — прошептал Приз. — Я твой Приз. Нет никаких оснований отдавать меня.

Пожалуй, теперь все выглядело в ином свете. Кармоди уже готов был отдать Приз, ему не хотелось ввязываться в историю в чуждом неведомом мире. И он уже протянул было руку, как вдруг тот, другой Кармоди опять раскрыл рот:

— Сию же минуту отдай, ты, слизняк бесформенный! — закричал он. — Давай-ка в темпе, да не забудь изобразить извинение на своей первобытной морде, а не то я покажу тебе...

Кармоди сжал челюсти и отдернул руку. Слишком долго его здесь оскорбляли. Он уже не мог уступить, хотя бы из самоуважения.

— Катись ты к черту! — выпалил он, невольно повторив слова Приза.

Космический Кармоди понял, что выбрал неверную тактику. Он позволил себе злиться и издеваться, что, конечно, приятно, но такого рода роскошь можно себе позволить лишь в своей личной звуконепроницаемой пещере. Поиграв словами, он лишился ценного выигрыша. И он попытался исправить положение.

— Прошу простить мой воинственный тон, — начал он. — В моей расе приняты сильные выражения. В том, что вы принадлежите к низшим формам жизни, вашей вины нет. Я не хотел оскорбить вас.

— Ладно, дело уже в прошлом, — вежливо сказал Кармоди.

— Тогда отдайте мой Приз.

— Не отдам.

— Но, дорогой сэр, это же мой Приз. Я выиграл его, и по всей справедливости...

— Приз не ваш, — заявил Кармоди. — Мое имя выбрано авторитетным специалистом, а именно Лотерейным Компьютером. Полномочный Посланец доставил мне извещение, а Клерк — официальное лицо — вручил мне этот Приз. Итак, все ответственные распорядители, а равно и сам Приз, считают меня законным получателем.

— Ну, детка, ты даешь, — шепнул Приз.

— Но, дорогой сэр, вы же сами слышали, что Компьютер признал ошибку. И по вашей собственной логике...

— Это обстоятельство нуждается в обсуждении, — сказал Кармоди. — Компьютер *вовсе не признал* ошибку ошибкой, сиречь актом беспечности и недосмотра. Означенная ошибка, по его собственному утверждению, была предусмотрена, тщательно

запланирована и скрупулезно рассчитана во имя эстетических и религиозных принципов, внушающих всяческое уважение.

— Этот тип умеет спорить, оказывается, — пробурчал корытщик. — Если не смотреть на него, можно подумать, что в этой башке работает разум, а не тупая формалистика. Но все же я взорву его писклявые уловки мощным басом неопровержимой логики. Можете считать, что машина ошиблась преднамеренно, — заявил он. — Но Приз вы получили по ошибке. Удерживать его — значит усугублять проступок. А двойная вина — это уже наказуемое преступление.

— Ха! — воскликнул Кармоди, увлеченный духом спора. — Ошибка существует только в своих последствиях — лишь они и придают ей значение. Незарегистрированная и непризнанная таковой ошибка не может рассматриваться как ошибка вообще. Неумышленная ошибка — это же просто знак высшего благочестия. И лучше не считать ее ошибкой вообще, чем превратить в умышленное лицемерное благочестие. И еще я скажу вот что: для меня не такая уж потеря отдать этот Приз, потому что я даже не знаю его ценности. Но это огромная потеря для благочестивой машины, этого скрупулезно законопослушного Компьютера, который, проходя сквозь бесконечный ряд пяти биллионов правильных действий, терпеливо ожидал возможности проявить свое Богом данное несовершенство.

— Слушайте! Слушайте! — вскричал Приз. — Браво! Ура! Хорошо сказано! Совершенно правильно и неопровержимо.

Кармоди скрестил руки на груди, глядя на сбитого с толку противника. Он был очень горд собой. Человеку с Земли в Галактическом Центре без подготовки приходится нелегко. Высшие жизненные формы не обязательно разумнее человека. Разум ценится там не более чем длинные когти или твердые копыта. Однако галактические расы обладали и неожиданными способностями, в том числе и гипнотическими. Некоторые, например, могли заговорить руку человека, внушить, что она оторвалась. В сравнении с такими талантами обитателей Земли считали темными, бессильными, беспомощными, ни на что не годными. И поскольку таланты заговорные весьма уважались в Галактике, психомоторная деятельность чаще рассматривалась там как простейшая автоматика. Такое неудачное отклонение эволюционного процесса можно выправить, только изменив всю природу Вселенной, что, конечно, не очень практично. В результате Кармоди сумел победить в словесной контратаке, но он очень рисковал, сам не зная того.

— Складно говоришь, — неохотно сказал второй Кармоди. — Но Приз будет моим.

— Нет, не будет!

Глаза чужака зловеще сверкнули. Клерк с Посланцем быстро отошли в сторону, а Компьютер, пробормотав: «Неумышленная ошибка ненаказуема», — выкатился из комнаты. Один лишь

Кармоди не отступил, поскольку отступать ему было некуда. Приз прошептал: «Смотри в оба» — и сжался в кубик со стороны не более дюйма. Из ушей чужака раздался гул, над головой вспыхнул фиолетовый нимб. Он поднял руки: капли расплавленного свинца полетели с кончиков его пальцев. Он ринулся вперед, и Кармоди невольно закрыл глаза.

Но ничего не произошло. Кармоди снова открыл глаза.

За это мгновение другой Кармоди, очевидно, передумал, он разоружился и теперь вежливо улыбался.

— По зрелом размышлении, — сказал он лукаво, — я решил отказаться от своих прав. То, что предвидишь, осуществляется не сразу, в особенности в такой неорганизованной Галактике, как наша. Мы можем встретиться, а можем и не встретиться, Кармоди. Не знаю, что для вас лучше. Прощайте, Кармоди, *счастливого* вам пути.

С этим ироническим пожеланием чужак исчез. Кармоди нашел такую манеру странной, однако эффектной.

Часть II. КУДА?

ГЛАВА 5

— Ну и ладно, — сказал Приз. — Будь что будет. Надеюсь, мы видели этого урода в последний раз. Пошли к тебе домой, Кармоди!

— Прекрасная мысль, — охотно согласился тот. — Посланец, мне бы хотелось возвратиться домой.

— Естественное желание, — отозвался Посланец. — И к тому же свидетельствует о правильной ориентировке. Я сказал бы даже, что вы просто обязаны отправиться домой, и как можно скорее.

— Ну так и отправьте меня.

Посланец покачал головой:

— Это не мое дело. Моей обязанностью было доставить вас сюда.

— Так чье же это дело?

— Ваше собственное, Кармоди, — сказал Клерк.

Кармоди показалось, что он тонет. Он начал понимать, почему тот Кармоди так легко отступился.

— Послушайте, — взмолился он, — мне совестно обременять вас, но я действительно нуждаюсь в помощи.

— Хорошо, — сказал Посланец. — Давайте координаты вашего дома, и я доставлю вас.

— Координаты? Я понятия о них не имею. Моя планета называется Землей.

— Мне безразлично, как она называется — Земля или Зеленый Сыр. Если хотите, чтобы я помог, давайте координаты.

— Но вы же там были. Вы же прибыли на Землю и доставили меня оттуда.

— Это вам так представляется, — терпеливо сказал Посланец. — На самом деле я отправился в точку, координаты которой дал мне Клерк, а он получил их от Лотерейного Компьютера. В этой точке находились вы, и я привел вас сюда.

— Значит, вы можете доставить меня по тем же координатам?

— Могу, и с величайшей легкостью, но вы не найдете там ничего. Галактика, знаете ли, не статична. В ней движется все, каждый предмет со своей скоростью и по своему пути.

— А новые координаты Земли вы можете вычислить?

— Я даже складывать в столбик не умею, — сказал Посланец гордо. — У меня другие таланты.

Кармоди обратился к Клерку:

— А вы можете? Или Лотерейный Компьютер?

— Я тоже не специалист по сложению, — отмахнулся Клерк.

— А я могу считать великолепно, — объявил Компьютер, вкатываясь. — Но мои функции ограничены отбором выигравших в Лотерею и определением их местонахождения в пределах допустимой погрешности. Я установил ваше местонахождение, и поэтому вы здесь. Но мне противопоказана всякая интересная теоретическая работа, в том числе определение координат вашей планеты в данный момент.

— Можете вы это сделать как личное одолжение? — возмущился Кармоди.

— Я не запрограммирован на одолжения, — возразил Компьютер. — Я не умею делать одолжения и заниматься поиском вашей планеты, как не могу выпотрошить сверхновую звезду или зажарить яичницу.

— Но кто-нибудь может мне помочь?

— Не отчаивайтесь, — одобрил его Клерк. — Есть «Служба Помощи Путникам», она все организует в единый миг. Я сам доставлю вас туда. Давайте координаты вашего дома.

— Но я их не знаю.

Некоторое время все молчали. Наконец Посланец заговорил:

— Кто же может знать ваш адрес, если вы сами его не знаете? Хотя Галактика, может, и не бесконечна, но все-таки она достаточно велика, чтобы считаться практически бесконечной. Существо, не знающее своего Местожительства, не имеет права покидать свой дом.

— Но я понятия не имею о местожительствах.

— Вы могли бы спросить.

— Мне в голову не приходило... Слушайте, вы должны помочь мне. Неужели так сложно выяснить, куда переместилась моя планета?

— Это невероятно трудно, — сказал Клерк. — «Куда» —

только одна из трех координат. Нам нужны еще две: «Когда» и «Которая». Мы называем их «Три К» планеты.

— Да хоть Зеленым Сыром назовите, мое какое дело?! — внезапно взорвался Кармоди. — Как другие находят дорогу домой?

— Они полагаются на свой наследственный инстинкт гнезда, — ответил Посланец. — Кстати, разве у вас он отсутствует?

— Откуда у него инстинкт гнезда? — негодуя вставил Приз. — Парень никогда не покидал родной планеты. У него такого инстинкта и развиться-то не могло.

— Справедливо. — Клерк устало вытер лицо. — Вот что получается, когда имеешь дело с низшими формами жизни. Будь проклята эта машина с ее благочестивыми ошибками.

— Только одна на пять миллиардов, — сказал Компьютер. — Честное слово, я не требую слишком многого.

— Никто вас не осуждает, — смягчился Клерк. — Никто никого не винит. Но мы должны решить, что с ним делать.

— Нелегкое это дело, — вздохнул Посланец.

— Конечно, нелегкое, — вздохнул Клерк. — А может, мы все-таки казним его? — предложил он, оживившись. — Прикончим, и дело с концом.

— Но-но! — подал голос Кармоди.

— О'кей. Согласен, — сказал Посланец.

— Что вам о'кей, то и мне о'кей, — присоединилась машина.

— Я не в счет, — сказал Приз. — В данном случае я не могу вмешиваться, но в самой идее мне чудится какой-то изъян.

Кармоди произнес пылкую речь о том, как ему не хочется умирать и что убивать его не следует. Он взывал к лучшим чувствам своих судей и правилам честной игры. Однако его заявление было признано пристрастным и вычеркнуто из протокола.

— Подождите, — вдруг просиял Посланец. — А что вы скажете о такой идее? Не будем его убивать. Давайте искренне и в полную меру наших сил поможем ему вернуться домой, живым и невредимым, в здравом уме и твердой памяти.

— Это мысль, — согласился Клерк.

— Таким способом, — продолжал Посланец, — мы явим образец величайшего милосердия, тем более бесценного, поскольку оно будет напрасным, так как, по всей видимости, наш клиент все равно будет убит по дороге.

— И давайте поспешим, — предложил Клерк, — если не хотим, чтобы его убили у нас на глазах, прежде чем мы кончим этот разговор.

— А в чем дело? — встревожился Кармоди.

— Потом узнаешь, — прошептал Приз. — Если, конечно, у тебя будет это «потом». А если найдется еще время, я расскажу тебе потрясающую историю о себе самом.

— Приготовьтесь, Кармоди! — воззвал Посланец.

— Я, кажется, готов, — отозвался Кармоди.
— Готов или нет, отчаливай.
И Кармоди отчалил.

ГЛАВА 6

Кармоди казалось, что сам он недвижим, а все вокруг разъезжается. Растаяли вдаль Посланец и Клерк. Галактический Центр стал плоским, уподобившись скверно намалеванной театральной декорации. Затем в ее левом верхнем углу появилась трещина, поползла наискось вниз. Края ее отогнулись, открывая крошечную тьму. И декорация, она же Галактический Центр, свернулась в два рулона.

— Не бойся, это все зеркала, — шепнул Приз.

Это пояснение еще больше напугало Кармоди. Он старался держать себя в руках, но еще крепче он держал в руках Приз. Тьма была абсолютной, беспросветной, безгласной и пустой — самый настоящий космос. Кармоди терпел сколько мог, ему казалось — бесконечно, но сколько именно, установить невозможно.

Затем сцена вдруг снова осветилась. Кармоди стоял на твердой земле. Перед ним высились горы, голые, как обглоданные кости. У ног лежала река застывшей лавы. В лицо дул слабый ветер. Над головой висели три крошечных солнышка. Местность выглядела подиковенней, чем Галактический Центр, и все же Кармоди почувствовал облегчение. Такие пейзажи видишь иногда во сне, Центр же был из разряда настоящих кошмаров.

Тут он спохватился, что в руках у него нет Приза. И куда же он мог деваться? Кармоди начал растерянно озираться и вдруг ощутил, что вокруг его шеи что-то обвилось... Маленький зеленый уж!

— Это я, — прошипела змейка. — Твой Приз. Просто я принял другой образ. Форма, видишь ли, это функция от среды, а мы, призывы, к среде чрезвычайно чувствительны. Так что не волнуйся, детка, я с тобой. Мы еще освободим Европу от корсиканского чудовища.

— Что-о-о?

— А ты ищи аналогии, — посоветовал Приз. — Видишь ли, доктор, мы — призывы — при всей глубине нашего интеллекта не обзавелись собственным языком. Да и к чему нам свой язык, все равно нас раздают разным пришельцам. Я просто запускаю руку в склад твоих ассоциаций и выуживаю оттуда словечки, чтобы пояснить мою мысль. Ну как, удалось мне это?

— Не очень, — вздохнул Кармоди. — Потом разберусь.

— Вот и умница, — сказал Приз. — Попервости слова будут казаться туманными, но ты разберешься, хочешь ты этого или нет. В конце концов, это же твои слова. У меня есть прелестный

анекдот на эту тему, но боюсь, теперь нам не до анекдотов. Похоже, что это произойдет, и очень скоро.

— Что, что произойдет? Что должно случиться?

— Кармоди, мон шер, нет времени все объяснять, даже самое необходимое, то, что ты обязан был знать, чтобы сохранить свою жизнь. Клерк и Посланец были так любезны...

— Эти убийцы и ублюдки!

— Ты не должен так легко осуждать убийство, — сказал Приз с упреком. — Это указывает на беспечность твоей натуры. Я припоминаю дифирамб на эту тему, но я процитирую его потом. Так о чем я? Да, о Клерке и Посланце. Несмотря на значительные личные расходы, эта достойная пара послала тебя именно в то место Галактики, где — вполне возможно — тебе помогут. Они могли бы казнить тебя за будущие преступления или послать на твою планету, но только туда, где она была раньше и где ее, безусловно, нет сейчас. Могли и экстраполировать, пытаясь определить ее предполагаемое местонахождение. Но поскольку они неважные экстраполяторы, то и результат вычислений был бы неважный. Так что, видишь ли...

— Да, но где я сейчас? — прервал его Кармоди. — И что должно произойти?

— Я к тому и веду, — сказал Приз. — Эта планета, если не ошибаюсь, называется Лурсис. У нее только один обитатель — Мелихрон Изначальный. Он живет здесь с незапамятных времен и еще проживет столько, сколько и представить себе невозможно. Мелихрон в своем роде — как бы это сказать — козырной туз. Он неповторим в своей изначальности, он вездесущ по своей природе, он многолик, как индивидуум. Это о нем сложено:

Вот оно чудо! Герой одинокий.

Славное имя его повторяют уста повсеместно,

Бранный союз заключивший с собой,

Чтобы в яростных битвах

Себя самого отстоять от себя самого же...

— Ну тебя к черту! — огрызнулся Кармоди. — Треплешься, как целая сенатская подкомиссия, а толку ни на грош.

— Прекрати! — с внезапной злостью прошипел Приз. — Возьми себя в руки. Сосредоточься. Настрой подкорку на встречу со светилом. Вот он — славный Мелихрон.

Кармоди был почему-то спокоен. Он неторопливо оглядел колеблющийся ландшафт, но не увидел ничего нового.

— Так где же он?

— Мелихрон воплощается, чтобы иметь возможность говорить с тобой. Отвечай ему смело, но деликатно. Никаких намеков на его недостаток. Это разозлит его.

— Какой недостаток?

— И сверх того, когда он задаст свой Вопрос, отвечай осторожно.

— Пстой! — крикнул Кармоди. — Ты совсем меня запутал. Какой недостаток? Какой вопрос?

— Не придирайся. Терпеть этого не могу, — сказал Приз. — Теперь баста! Помираю — спать хочу. Невыносимо оттягивал очередную спячку, и все из-за тебя. Валяй, козлик! И не дай всучить себе деревянную печку!

С этими словами зеленая змейка потянулась, сунула себе в рот хвостик и погрузилась в сон.

— Ах ты клоун стриженный! — взорвался Кармоди. — Еще Призом называешься. Пользы от тебя, как от монеты на глазу мертвеца.

Но Приз уже спал. Он не мог или не желал слышать ругань Кармоди. Впрочем, для перебранки уже не было времени. В следующий миг голая гора слева от Кармоди превратилась в огнедышащий вулкан.

ГЛАВА 7

Вулкан кипел и дымился, извергал пламя и швырял в черное небо ослепительные огненные шары, рассыпавшиеся миллионами раскаленных обломков. Каждый кусок дробился снова и снова, пока все небо не засияло, затмив три маленьких солнца.

— Ого-го-го! — воскликнул Кармоди.

Это было похоже на мексиканский фейерверк в парке Чапультепек, и Кармоди искренне восхитился.

Затем сверкающие глыбы обрушились в океан, который возник именно для того, чтобы поглотить их. Глубины его закипели, вздымая разноцветные столбы пара, которые, свиваясь, превратились в выпуклое облако, тут же пролившееся ливнем. Поднявшийся ветер мгновенно собрал воды в гигантский смерч, толстоствольный, черный, с серебристыми отблесками. Он направился к Кармоди под аккомпанемент ритмичных ударов грома.

— Хватит! — завопил Кармоди.

Подойдя вплотную, смерч рассыпался, ветер и дождь улеглись, гром затих, превратившись в томительный гул. В гуле можно было различить звуки фанфар и пение псалмов, завывания шотландской волынки и нежный стон арф. Инструменты звенели все тоньше и тоньше, мелодия напоминала аккомпанемент к титрам исторической киноэпопеи «Метро-Голдвин-Майер», только еще шикарней. Наконец был дан последний взрыв звука, света, цвета, движения и всякого прочего. Воцарилось молчание.

Кармоди под финальные аккорды закрыл глаза и открыл их как раз вовремя. Звук, свет, цвет, движение и всякое прочее превратилось в человека, нагого, как античная статуя.

— Привет! — сказал человек. — Я Мелихрон. Как вам нравится Мой выход?

— Я сражен, — ответил совершенно чистосердечно Кармоди.

— В самом деле? — переспросил Мелихрон. — Я спрашиваю: вы на самом деле сражены? Не просто потрясены, да? Говорите правду, не щадите моего самолюбия.

— Честное слово, — подтвердил Кармоди. — Я ошеломлен.

— Это очень мило с вашей стороны, — сказал Мелихрон. — Вы видели небольшое предисловие ко Мне. Я разработал его совсем недавно. Я полагаю — и Я действительно полагаю, — что оно кое-что говорит обо Мне, не правда ли?

— Бесспорно, — кивнул Кармоди. Он силился понять, кого напонимает ему Мелихрон, но черная, как агат, идеально пропорциональная фигура стоявшего перед ним героя была совершенно лишена индивидуальных черт. Особенным был только голос: чистый, озабоченный и слегка плаксивый.

— Ведь это Моя планета, — заявил Мелихрон. — И если не пускать пыль в глаза на собственной планете, то где же еще ее пускать, а?

— Какие могут быть возражения? — сказал Кармоди.

— Вы и в самом деле так думаете? — переспросил Мелихрон.

— В самом деле и с полнейшей искренностью.

Некоторое время Мелихрон обдумывал ответ, затем отрывисто сказал:

— Вы Мне нравитесь. Вы разумное, понимающее существо и не боитесь говорить вслух то, что думаете.

— Благодарю вас, — сказал Кармоди.

— Но Я на самом деле думаю так, — настаивал Мелихрон.

— А я действительно благодарю вас.

— И Я действительно рад, что вы прибыли. Моя интуиция, — а Я, видите ли, обладаю огромной интуицией и горжусь этим, — подсказывает, что вы можете Мне помочь.

У Кармоди чуть не сорвалось с языка, что он совсем не расположен помогать кому бы то ни было, ибо сам не в состоянии помочь себе в самом главном — найти дорогу домой. Но он решил промолчать, боясь обидеть Мелихрона.

— Моя проблема, — заявил Мелихрон, — порождена Моим положением. А положение у Меня удивительное, единственное в своем роде, странное и многозначительное. Вы слышали, должно быть, что вся эта планета целиком принадлежит Мне. Более того, Я — единственное существо, способное здесь жить. Некоторые пробовали, создавали колонии, привозили животных, сажали растения; все с Моего соизволения, но напрасно. Чуждое вещество рассыпалось тонкой пылью, и Мои ветры разносили ее по полям. Что вы на это скажете?

— Поразительно! — сказал Кармоди.

— В самом деле, поразительно. Никакая жизнь не возможна здесь, только Я и Мои продолжения, — подтвердил Мелихрон. — Меня чуть удар не хватил, когда я понял это.

— Воображаю себе, — сказал Кармоди.

— Я здесь с незапамятных времен, — продолжал Мелихрон. — Веками Я жил, не мудрствуя лукаво, в образе амеб, лишайников, папоротников. Так было все хорошо и ясно в ту пору. Я жил, как в райском саду.

— Это было чудесно, наверно, — заметил Кармоди.

— Мне лично нравилось. Но сами понимаете, это не могло продолжаться бесконечно. Я открыл эволюцию и Сам стал эволюционировать. Я познал внешний мир, прожил много жизней. Осознал Свою исключительность, и это стало причиной Моего одиночества, с которым Я не мог смириться. И Я восстал!.. Я вступил в человеческую фазу развития. Воплотил Себя в целые народы и позволил им, мужайтесь, позволил Моим народам воевать друг с другом. Почти тогда же Я постиг секс и искусство. Привил то и другое моим народам, и начались веселые времена. Я разделился на мужчин и женщин, причем каждое естество было сразу и самостоятельной единицей и в то же время частью Меня. Я плодился и размножался, женился на Себе и разводился с Собой, проходил через бесчисленные миниатюрные автосмерти и саморождения. Частицы Меня подвизались в искусстве, иногда успешно, а также и в религии. Они молились — Мне, разумеется. И это было справедливо, поскольку Я был причиной всех вещей. Я даже позволил им признавать и прославлять верховные существа, которые были не Я. Потому что в те дни Я был чрезвычайно либерален.

— Это было очень разумно с вашей стороны, — отметил Кармоди.

— Да, я стараюсь быть разумным, — сказал Мелихрон. — Я мог позволить Себе быть разумным. Для этой планеты — нечего удивляться по этому поводу. — Я был богом. Бессмертным, всемогущим и всеведущим. Все исходило из Меня, даже все ереси насчет Моей сущности. Я создавал горы и заставлял течь реки, я был жизнью в семени и смертью в чумной бацилле. Я был причиной урожая и голода. Ни один волос не мог упасть без моей воли. Я был Ведущим Колесом Большого Небесного Велосипеда, как выразился один из Моих поэтов. Это было прекрасно. Мои подданные писали картины, а я Создавал восходы и закаты. Мой народ пел о любви, — а это Я изобрел любовь. Чудесные дни, где вы?

— А почему бы вам их не вернуть? — спросил Кармоди.

— Потому что я вырос, — ответил Мелихрон с горечью и грустью. — Целые эпохи я упражнялся в творении, а теперь я стал вопрошать эти творения. Мои священники вечно препирались между собой, дискутируя о Моей природе и Моих совершенствах. Я как дурак их слушал. Приятно послушать, как какой-нибудь богослов разглагольствует о Тебе, однако это оказалось и опасно. Я Сам начал поражаться Своей природе и Своим совершенствам. И чем больше ломал голову, тем непостижимей Я Себе казался.

— А почему вы себя не спросили? Ведь вы же были богом? — удивился Кармоди.

— Вот в том-то и загвоздка, — вздохнул Мелихрон. — Мои творения не видели сути проблемы. Для них Я был бог, Мои пути были неисповедимы. Все, что Я делал, было выше всякой критики, потому что это делал Я. Ведь все Мои действия, даже простейшие, были в конечном счете неисповедимы, поскольку Я неисповедим. Примерно так преподносили это Мои выдающиеся мыслители. И они добавляли еще, что полным пониманием Я удостою их на небесах.

— А вы и небеса создали? — спросил Кармоди.

— Конечно. А также и Преисподнюю. — Мелихрон улыбнулся. — Вы бы видели лица этих Моих творений, когда Я воскрешал их в раю или в аду. На самом деле даже и самые преданные не верили в потусторонний мир.

— Полагаю, вам это нравилось?

— Только в первое время. Но вскоре приелось. Без сомнения, я немного тщеславен, но бесконечная лесть надоела Мне до отвращения. Ну скажите, Бога ради, зачем же бога восхвалять за то, что он выполняет свое божественное назначение? С таким же успехом можно молиться муравью, чтобы он выполнял свои муравьиные дела.

— И что же вы придумали?

— Да упразднил все!.. Стер жизнь с лица Моей планеты, растительную, животную, всякую. Зачеркнул заодно и будущее. Мне надо было подумать в спокойной обстановке. Впрочем, ведь Я ничего не уничтожил. Я просто воссоединил в Себе частицы Себя. У Меня на планете было множество типов с безумными глазами, которые все болтали насчет блаженного слияния со Мной. Ну вот они и слились, будьте уверены.

— Наверное, им это понравилось?

— Откуда я знаю? Единение со Мной и есть Я. Оно означает потерю сознания сознающим единение. В сущности это смерть, только звучит красивее.

— Необычайно интересно, — сказал потрясенный Кармоди. — Но вы, кажется, хотели говорить со мной насчет какой-то вашей проблемы.

— Именно! Я как раз подошел к ней. Видите ли, Я бросил играть со своими народами, как ребенок с кукольным домиком, а затем уселся, фигурально говоря, чтобы все обдумать. В чем Мое предназначение? Могу Я быть чем-нибудь, кроме как богом? Вот Я посидел в должности бога — никаких перспектив! Занятие для узколобого, самовлюбленного эгоиста. Мне нужно что-то иное, осмысленное, лучше выражающее Мое истинное Я. И вот она — Проблема, которую Я ставлю перед вами: что Мне делать с Самим Собой?

— Та-ак! — протянул Кармоди. — Так-так. Вот в чем дело. —

Он откашлялся и глубокомысленно почесал нос. — Тут надо как следует подумать.

— Время для Меня не имеет значения, — уверил его Мелихрон. — У Меня в запасе вечность. У вас ее нет, к сожалению.

— А сколько у меня времени?

— Минут десять по вашему счету. А потом, знаете ли, может случиться нечто для вас неприятное.

— Что может случиться? Что мне делать?

— Ну, дружба дружбой, а служба службой, — сказал Мелихрон. — Сначала вы ответьте на Мой вопрос, потом Я — на ваш.

— Но у меня только десять минут.

— Недостаток времени поможет вам сосредоточиться, — сказал Мелихрон безжалостно. — К тому же это Моя планета, здесь все идет по Моим законам. Будь это ваша планета — и законы были бы ваши. Разумно, не правда ли?

— Пожалуй, — уныло согласился Кармоди.

— Девять минут, — напомнил Мелихрон.

Каково объяснить богу, в чем его назначение, в особенности если вы атеист, подобно Кармоди, и можно ли разобраться в этом за девять минут, когда, как вы знаете, богословам и философам не хватило многих столетий?

— Восемь минут, — сказал Мелихрон.

Кармоди открыл рот и начал говорить.

ГЛАВА 8

— Мне кажется, — начал Кармоди, — что решение вашей проблемы... э-э... возможно.

У него не было ни единой мысли. Он заговорил просто от отчаяния, надеясь, что самый процесс говорения породит мысль, поскольку у слов есть смысл, а во фразах больше смысла, чем в отдельных словах.

— Вам нужно, — продолжал Кармоди, э... э... отыскать в себе самом предназначение, которое... могло бы иметь значение... для внешнего мира. Но, может быть, это невозможное условие, поскольку вы сами — мир и не можете стать внешним по отношению к самому себе.

— Могу, если захочу, — сказал Мелихрон веско. — Могу сотворить любую чертовщину. Бог, знаете ли, совсем не обязан быть солипсистом.

— Верно, верно, верно, — поспешил согласиться Кармоди. — Вот что пока ясно... М-да... Вашей сущности и всех ее воплощений вам оказалось недостаточно, чтобы проникнуть в свою сущность.

— Очень разумно, — одобрил Мелихрон. — Вам следовало быть теологом.

— В данный момент я теолог, — сказал Кармоди. (6 минут)

5 минут?) Вот... Так что же мы будем делать? А может быть, познание реальности, внутренней и внешней... если есть такая вещь, как внешнее познание... в познании самого познания ваша задача?

— Я тоже так думал, — вздохнул Мелихрон. — Простудировал все книги Галактики о макрокосме и микрокосме. Я способный... Правда, кое-что уже подзабыл — ну там секрет жизни или таинство смерти, но могу припомнить, если захочется. Но узнал Я также, что учение само по себе — скучноватое и пассивное занятие, хотя и попадаются иногда любопытные сюрпризы. И узнал, что лично для Меня в учености нет особого смысла. Оказалось, что неведение не менее приятно.

— А может, вы художник по натуре?

— Я и через это прошел. Лепил из глины и плоти, рисовал закаты на холсте и на небе. Музицировал на инструментах и сочинял симфонии для бурь. Но Я слишком хорошо знал, что следует делать, не допускал ошибок и потому всегда оставался безнадежным дилетантом. И вообще Я слишком хорошо знаю действительность, чтобы серьезно относиться к ее воспроизведению в искусстве.

— А не сделаться ли вам завоевателем? — предложил Кармоди.

— Какой же толк от чужих миров, если не знаешь, что делать со своим? — возразил Мелихрон. — Кроме того, Мое естество пригодно только для этой единственной планеты. В чужих мирах Мне придется действовать против своей природы.

— Да-ас, это проблема. Это требует размышления, — протянул Кармоди.

— Я размышлял несколько миллионов лет, — пожаловался Мелихрон. — Искал цель внешнюю для Меня, но отвечающую Моей внутренней природе. Искал в Себе, искал указания извне. Нет. Не нашел.

Кармоди искренне пожалел бы этого неудачливого бога, если бы его собственное положение не было таким отчаянным. Время истекало. Сколько осталось? Вероятно, не больше трех минут.

И тут снизошло. Все решалось просто и все разом: и Мелихроновы заботы и его собственные. Вопрос в том, понравится ли это решение тоскующего богу. Но попробовать было надо, другого не оставалось ничего.

— Мелихрон, — отважно сказал Кармоди. — Я решил вашу Проблему.

— В самом деле решили? — переспросил Мелихрон строгим голосом. — Действительно можете решить? Не повлияла ли на ваши слова опасность? Ведь если Я не одобрю ваше решение, вы умрете через... через 73 секунды.

— Опасность влияет лишь постольку, — величественно от-

ветил Кармоди, — поскольку влияние это нужно для решения вашей проблемы.

— Прекрасно! Рассказывайте скорей! — оживился Мелихрон. — Скорее, Я так волнуюсь.

— Хотел бы, но не смогу, — сказал Кармоди. — Физически невозможно. Вы же убьете меня через шестьдесят или семьдесят секунд.

— Я? Я убью вас? О небо! Вы в самом деле считаете Меня таким кровожадным? Нет, ваша смерть придет извне. Я к ней ничуть не причастен. Но между прочим, у вас осталось только двенадцать секунд.

— Не слишком много, — сказал Кармоди.

— Конечно, не слишком много, но это Мой мир, и все здесь подвластно Мне. И время в том числе. Я изменил пространственно-временной континуум как раз возле десятисекундной отметки. Для бога это несложно, только потом много подчисток. Ваши десять секунд будут потом компенсированы двадцатью пятью годами Моего местного времени. Достаточно?

— Более, чем щедро, — сказал Кармоди. — Вы очень любезны.

— Для Меня это мелочь. Теперь, пожалуйста, о главном — давайте ваше решение!

— Хорошо! — Кармоди набрал в грудь побольше воздуха. — Решение вытекает из самой проблемы. Иначе и быть не может. Каждая проблема должна содержать в себе зерно решения.

— Неужели? — усомнился Мелихрон.

— Должна обязательно, — заверил его Кармоди.

— Ладно. Примем ваше допущение. Дальше?

— Рассмотрим наше положение, — продолжал Кармоди. — Рассмотрим его внешние и внутренние аспекты. Вы — бог планеты, но только этой планеты. Вы всемогущий и всеведущий, но только здесь. Вы всеильны и хотите применить свою силу на пользу. Но для кого? Здесь нет никого, кроме вас, а в других мирах вы не всемогущи.

— Да-да, именно так, в точности! — воскликнул Мелихрон. — Но пока вы не сказали еще, что же Мне делать.

Кармоди еще раз глубоко вдохнул и неторопливо выдохнул.

— Что делать? Использовать ваши великие дарования! Использовать здесь, на вашей планете, где они принесут максимальный эффект, и использовать — ибо таковы ваши сокровенные стремления — на благо другим. Например, приходящим извне.

— На благо другим? — переспросил Мелихрон.

— Да, на благо другим, — подтвердил Кармоди решительно. — Так предопределено. Вы один в своем мире, и, чтобы выполнить ваше предназначение, должно быть нечто внешнее. Однако по сущности своей вы лишены возможности выхода во внешний мир. Значит, внешнее должно прийти к вам. Это же ясно. В своем мире вы всемогущи, вам не нужно никакой помо-

щи, но вы могли бы помогать приходящим к вам и поддерживать их.

— Пожалуй, вы рассуждаете разумно, — сказал Мелихрон задумчиво. — Но тут есть и трудности. Существа из внешнего мира редко бывают здесь. Вы — первый за два с четвертью оборота Галактики.

— Да, потерпеть придется, — согласился Кармоди. — Но вам-то терпеть легче, ведь вы можете изменять время. А что до числа посетителей, то, сами понимаете, количество — не качество. Не стоит гнаться за большими числами. Важно делать дело.

— Однако проблема остается: дело есть, а для кого его делать?

— Позвольте почтительно напомнить, что у вас есть я. Я пришел извне. У меня есть проблема. Своя. Пожалуй, даже не одна. Мне их решить не под силу. Не знаю, как вам. Но подозреваю, что и для вас это было бы серьезной пробой сил.

Мелихрон задумался, и надолго... У Кармоди зачесался нос, он с трудом удержался, чтобы его не почесать. Он ждал. Ждала вся планета. Наконец Мелихрон поднял свою агатово-черную голову.

— В этом что-то есть, — произнес он.

— В самом деле? — Душа Кармоди возликовала.

— Да, в самом деле есть. Ваше решение представляется Мне бесспорным и элегантным. Мне кажется, что Судьба, располагающая людьми, планетами и богами, так и рассудила, чтобы Я — создатель — был создан без проблем, а вы — создание — созданы с проблемой, которую может решить только бог. И что вы прожили свой жизненный срок с проблемой, которую может решить только бог, ожидая, чтобы Я решил эту проблему, тогда как Я ждал половину вечности, чтобы вы пришли ко Мне.

— Рассказать о ней?

— Я уже разобрался, — объявил Мелихрон. — Да, она поистине достойна Моего великого интеллекта. Я знаю о ней больше, чем вы сами. Сверхзадача ваша в том, чтобы попасть домой...

— Да-да! Именно в этом.

— И не только в этом. Еще и в том, чтобы выяснить «Куда», «Когда» и на «Какую Землю». Впрочем, если бы это было все, тоже хватило бы...

— А что еще?

— А еще смерть, которая преследует вас.

— Ох! — вздохнул Кармоди. Он ощутил слабость в коленках, и Мелихрон заботливо сотворил для него кресло, гаванскую сигару, бутылку рома «Коллинз» и пару войлочных шлепанцев.

— Удобно? — спросил он.

— Очень.

— Теперь прошу вас, будьте как можно внимательней. Я обрисую ваше положение кратко и ясно, используя только часть

Моего интеллекта, остальную же направлю на поиск возможных решений. Слушайте, старайтесь понять и не переспрашивайте. У нас очень мало времени.

— Но вы же растянули десять секунд на двадцать пять лет, — напомнил Кармоди.

— Время — хитрая штука даже для Меня, — сказал Мелихрон. — Из тех двадцати пяти восемнадцать уже израсходованы, а остальные идут с поразительной быстротой. Слушайте внимательно, от этого зависит ваша жизнь.

— Я готов, — сказал Кармоди, сдерживая дрожь.

ГЛАВА 9

— Самый фундаментальный принцип Вселенной, — так начал Мелихрон, — заключается в том, что одни виды пожирают другие. Печально, но факт. Еда — основа жизни, приобретение питательных веществ — начало всех начал. Отсюда вытекает Закон Пожирания, который может быть сформулирован так: каждый данный вид, крупный или мелкий, пожирает один или несколько других видов и сам пожирается одним или несколькими видами.

Ситуация эта универсальна, но она может быть смягчена в зависимости от обстоятельств. Например, виды, обитающие в вашем мире, находятся в состоянии Равновесия. Они проживают свой жизненный срок, несмотря на наличие пожирателей. Это Равновесие выражается уравнением ПП, то есть отношением Побед и Поражений. Но если виды или представители видов перемещаются в чуждую или экзотическую среду, ПП неизбежно изменяется. Изредка случается временное улучшение ситуации Ем-Едят ($ПП = ЕЕ + 1$). Типичное, однако, ухудшение ($ПП = ЕЕ - 1$).

Это и случилось с вами, Кармоди. Вы ушли из своей привычной среды обитания и одновременно ушли от привычных врагов. Автомобили не гонятся за вами, вирусы не пробираются к вам в кровь, и полисмены не стреляют в вас по ошибке. Вы избавлены от земных опасностей, а к галактическим вы не восприимчивы.

Но облегченная ситуация ($ПП = ЕЕ + 1$) была, к сожалению, временной. Железные законы Равновесия уже начали действовать: и вы не можете обойтись без охоты, и на вас должны охотиться. Вне Земли вы уникальны, и рожденный для вас хищник тоже уникален. Он кармодияден — может есть вас и только вас. Лапы его устроены так, чтобы хватать только таких, как вы, Кармоди, челюсти, чтобы грызть именно одних Кармоди, желудок, чтобы переваривать Кармоди. Все его существо создано так, чтобы иметь преимущество перед вами... Но если вам удастся скрыться на своей Земле, он погибнет от отсутствия кармодической пищи. Не могу предсказать всех его уловок и хитростей. Мне остается только уведомить вас, что преимущество всегда на

стороне охотника, хотя бывали случаи и удачного бегства... Такова ситуация, Кармоди. Вы Меня хорошо поняли?

Кармоди глядел ошарашенно, словно только что проснулся.

— Понял, — с трудом выговорил он. — Не все, но большую часть.

— Хорошо, что поняли, — сказал Мелихрон, — потому что времени больше нет. Вы должны сейчас же покинуть эту планету. Даже на собственной планете Я не вправе отменять универсальные законы природы.

— А вы не можете отправить меня на мою Землю?

— Мог бы, будь у Меня больше времени, — ответил Мелихрон. — Но это нелегко. Надо определить все три «К», а они влияют друг на друга. Сначала нужно определить, Куда ушла ваша планета в настоящий момент, затем узнать, Какая из альтернативных Земель — ваша, и еще вычислить временные обстоятельства вашего рождения, чтобы найти Когда. Еще надо учесть эффект временных трещин¹, фактор удвоения, и в результате при известном везении Я вернул бы вас в ваше собственное «я» (удивительно деликатная операция), стараясь, чтобы все не пошло прахом.

— Вы сделаете это для меня? — взмолился Кармоди.

— Нет. Времени уже нет. Но Я отошлю вас к Моему другу Модсли. Он может помочь вам.

— К вашему другу?

— Ну, не совсем друг, скорее знакомый. Хотя можно было бы назвать это связью. Видите ли, однажды, некоторое время тому назад, Я собирался покинуть свою планету, познакомиться с другими мирами. Если бы Я сделал это, Я встретился бы с Модсли. Путешествие Мое не состоялось, но мы оба знаем, что могли бы встретиться, потолковать о том о сем, поговорить, пошутить и расстаться с теплым чувством.

— Мне представляется, что это не слишком прочная связь, — усомнился Кармоди. — Нет ли у вас кого поближе?

— Боюсь, что нет, — сказал Мелихрон. — Модсли — Мой единственный друг. И к чему сомневаться? Возможность связи не хуже, чем связь состоявшаяся. Я уверен, что Модсли позаботится о вас.

— А если... — начал Кармоди.

Но тут он заметил, что за левым плечом его возникло нечто — огромное, темное и грозное, и понял, что отпущенное ему время кончилось.

— Иду! — крикнул он. — И спасибо за все.

— Не стоит благодарности, — сказал Мелихрон. — Ведь это Моя Вселенская миссия — помогать чужестранцам.

Огромное и грозное начало уплотняться, но прежде, чем оно совсем затвердело, Кармоди исчез.

¹ О фантастических трещинах во времени, где люди удваиваются, Шекли написал отдельный рассказ — «Раздвоение личности».

ГЛАВА 10

Кармоди очутился на зеленом лугу. Был, должно быть, полдень, ибо ослепительно яркое оранжевое солнце стояло прямо над головой. Поодаль в высокой траве паслось небольшое стадо пятнистых коров. Слышался собачий лай. За лугами темнела бахрома леса. Виднелись снежные вершины гор. Седые облака цеплялись за их склоны.

Сбоку мелькнуло что-то красное. Кармоди повернулся. Кажется, это была лиса. Она посмотрела на него с любопытством и пустилась наутек к лесу.

«Похоже на Землю», — подумал Кармоди и тотчас же вспомнил о Призе, который был зеленой змейкой. Ощупал шею — Приза не оказалось.

— А я тут!

Кармоди огляделся, увидел маленький медный котелок.

— Это ты? — спросил Кармоди, ощупывая котелок с сомнением.

— Конечно, я. Ты даже не можешь узнать свой собственный Приз?

— Э... Ты того... несколько изменился...

— Да, изменился, — сказал Приз. — Но моя сущность, мое истинное «я» никогда не меняется.

Кармоди заглянул в котелок и чуть не выронил его. Внутри было ободранное и полупереваренное тело маленького зверька, может быть котенка.

— Что это у тебя там внутри?

— Завтрак, мог бы и догадаться, — ответил Приз. — Перехватил кое-что по дороге. Между прочим, призам тоже нужно подкрепляться, — добавил он язвительно. — Да, они нуждаются и в отдыхе, в небольшом моционе для пищеварения, а иногда и в рюмочке, однако с тех пор, как меня вручили тебе, ты ни о чем не позаботился.

— Но у меня с собой ничего не было, — смутился Кармоди.

— А вам тоже нужно это все? — переспросил Приз с удивлением. — Впрочем, да, конечно же, нужно. Странно, но я думал о тебе, как о некой отвлеченной фигуре без житейских потребностей.

— И я о тебе так же в точности, — признался Кармоди.

— Это неизбежно, по-видимому, — согласился Приз. — Гости из других миров, видимо, всем представляются такими... бетонными, монолитными, без желудка и кишок.

— Я сразу же начну о тебе заботиться, как только выпутаюсь из этой катавасии, — пообещал Кармоди.

— Ладно, старик, не обижайся на шпильки, — сказал Приз.

— А теперь могу я доесть свой завтрак?

— Давай, продолжай.

Кармоди хотел было взглянуть в котелок, посмотреть, как

это он переваривает ободранное животное, но отвернулся. Оказалось, что он слишком брезглив.

— Чертовски вкусно, — сообщил Приз. — Я оставлю тебе кусочек.

— Нет, не надо, я не хочу есть. Ты только скажи, что это такое?

— Мы называем их «орити», — сказал Приз. — Это такая порода гигантских грибов. Очень вкусны и сырые, и тушенные в собственном соку. Лучший сорт — белый с крапинками, он вкуснее, чем зеленый.

— Я запомню, — пообещал Кармоди. — Возьму, если они попадутся. А земные люди могут их есть?

— Думаю, что могут, — сказал Приз. — И между прочим, если тебе повезет, ты услышишь, как орити декламирует стихи, прежде чем ты его съешь.

— Гриб и стихи? Почему стихи?

— Потому что орити хорошие поэты.

Кармоди поперхнулся. Беда с этими экзотическими галактянами! Думаешь, что разобрался до тонкости, оказывается, не понимаешь ничего. И наоборот, кажется, что тебя мистифицируют, а в действительности все проще простого.

— «В самом деле, — подумал он. — Может быть, потому чужаки и кажутся такими чуждыми, что на самом-то деле они похожи на нас. Сначала это забавляет, потом раздражает».

— Уррп! — произнес Приз.

— Что ты сказал? Я не понял.

— Я просто рыгнул, извини, пожалуйста. Но, как бы то ни было, старик, ты должен признать, что с Мелихроном я провернул очень ловко.

— Ты провернул? Ты спал, черт побери! Это я один сумел его...

— Боюсь, что ты заблуждаешься, — сказал Приз. — Я заслужил исключительно для того, чтобы сосредоточиться на решении проблемы Мелихрона.

— Ты с ума сошел, — обиделся Кармоди.

— Чистейшая правда, — настаивал Приз. — А откуда же взялся весь этот длинный ряд аргументов, где ты с неопровержимой логикой определил предназначение Мелихрона в мироздании?

— Откуда? Из моей головы.

— А разве раньше когда-нибудь тебе удавалось так логично рассуждать о месте бога в мироздании и его предназначении?

— Я был первым по философии в колледже.

— Большое дело, — хихикнул Приз. — Нет, Кармоди, для такой аргументации у тебя не хватит интеллекта. Это не в твоём характере.

— Не в моем характере? У меня превосходные данные для экстраординарной логики.

— Экстра-ор-ди-нар-ное — какое красивое слово!
— Да, я придумал все это. Я думал. Я помню свои мысли, — настаивал Кармоди.

— Ну, как хочешь, — согласился Приз. — Я не представлял себе, что это так важно для тебя, не хотел обидеть. Скажи мне, а ты никогда не говоришь сам с собой, не смеешься и не плачешь беспричинно?

— Никогда. А ты не летаешь во сне и не воображаешь себя святым?

— Нет, конечно.

— Уверен?

— Вполне.

— Тогда разговор закончен, — объявил Кармоди, чувствуя себя почему-то победителем. — Но ты скажи мне еще...

— Что еще?

— О каком это недостатке Мелихрона ты упоминал, чтобы я не намекал на него?

— По-моему, он бросается в глаза. Подумай часок, может быть, до тебя дойдет.

— Да ну тебя к черту! Скажи толком!

— Так ведь он же хромой, — засмеялся Приз. — Это у него генетическое. Но он никогда не знал, что это недостаток. Он же бог и потому отвергает сравнительную науку. И все, кого он сотворил, были созданы по его образу и подобию непременно тоже хромыми. А с внешним миром Мелихрон почти не общался, и он поэтому уверен, что все хромые — нормальные, а все нехромые — существа с забавным изъяном. Всемогуц бог или нет — неважно. Первейшее в том, что он все мерит собой. Неумение сравнивать — основной порок богов. Учти — на случай, если сам надумаешь стать богом.

— Я? Богом?

— А почему бы и нет? — Профессия как профессия, только титул громкий. Быть богом нелегко, конечно. Но не труднее, чем стать первоклассным поэтом или, скажем, инженером.

— По-моему, ты спятил. — Кармоди ощутил в себе религиозный трепет, который никак не вязался с его атеизмом.

— Ничуть. Просто я лучше знаю мир, чем ты. Но сейчас приготовься.

Кармоди обернулся и увидел три фигуры, пересекающие луг. За ними на почтительном расстоянии следовал десяток других...

— Тот, что в середине, — Модсли, — сказал Приз.

— А у него тоже есть своя хромота?

— Если и есть недостатки, они малозаметны. С ним надо разговаривать иначе.

— Выглядит как человек, — заметил Кармоди.

— Верно. В этом краю Галактики такой облик в моде. Поэтому ты можешь привлечь его внимание, даже вызвать симпатию своей человекообразностью.

— Само собой разумеется, — гордо сказал Кармоди.

— Все не так просто, как кажется, — возразил Приз. — У нас с Модсли слишком разные натуры, я не всегда понимаю его, но кое о чем могу предупредить. Он — инженер, опытный и эрудированный. Всегда очень занят и поэтому рассеян, особенно, когда увлечен новыми испытаниями. И вот в рассеянности все, что ни попадает, он принимает за материал для своих конструкций. Мой приятель Дьюер Хардинг был как-то приглашен к нему в гости. Но Модсли и не заметил, что это гость. И превратил бедного Дьюера в три поршня и коленчатый вал — совершенно без злого умысла. Дьюер теперь выставлен в Модслиевском музее истории двигателей.

— Ужас какой! — воскликнул Кармоди. — И ничем нельзя помочь?

— Никто не решается указывать Модсли на его ошибки. Он терпеть не может признавать их, совершенно выходит из себя. Но тревожиться заранее не надо. Модсли совсем не злой. Наоборот, он добросердечный малый. Любит, чтобы его хвалили, как все люди и боги, но ненавидит лесть. Так что говори с ним свободно и прямо. Если согласен — соглашайся, не согласен — возражай, только не упрямясь, не впадай в критиканство. Короче, соблюдай умеренность, пока не дойдет до крайности.

Кармоди хотел было сказать, что такой совет не лучше, чем никакой, но возражать было некогда. Модсли был уже совсем рядом — высокий, седоволосый, в джинсах и кожаной куртке. Он шагнул напрямик, оживленно разговаривая с двумя спутниками, одетыми в комбинезоны.

— Добрый день, сэр, — отчетливо сказал Кармоди. Шагнул было вперед, но тут же ему пришлось отскочить в сторону. Увлеченное разговором трио чуть не сшибло его с ног.

— Скверное начало, — шепнул Приз.

— Заткнись! — прошипел Кармоди и поспешил за Модсли.

ГЛАВА 11

— Значит, это она и есть, Орин? — спросил Модсли.

— Да, сэр, — гордо ответил Орин, тот, что трусил слева. — Ну и как она выглядит, сэр?

Модсли медленно обвел взглядом луга, горы, солнце, реку, лес. Его лицо было непроницаемым.

— А вы что думаете, Бруксайд?

— Ну, сэр, — запинаясь начал Бруксайд. — Ну да, я думаю, что мы с Орином сделали хорошую планету. Безусловно, хорошую, если учесть, что это наша первая самостоятельная планета.

— И вы с ним согласны, Орин?

— Конечно, сэр.

Модсли нагнул, сорвал травинку. Понюхал ее, отбросил.

Пристально посмотрел на сияющее солнце и процедил сквозь зубы:

— Я поражен, воистину поражен... Но самым неприятным образом! Я поручил вам обоим построить мир для одного из моих клиентов, а вы преподнесли мне это! И вы всерьез считаете себя инженерами?

Помощники замерли, как мальчишки при виде розги.

— Ин-же-не-ры! — отчеканил Модсли, вложив в это слово добрую тонну презрения. — «Творчески оригинальные, но практичные, умеющие построить планету когда и где угодно». Вам знакомы эти слова?

— Они из рекламной брошюры, сэр, — сказал Орин.

— Правильно, — кивнул Модсли. — И вы считаете, что это вот — достойный пример творческой и практичной инженерии?

Оба молчали. Затем Бруксайд брякнул:

— Да, сэр, считаем. Мы внимательно изучили контракт. Заказ был на планету типа 34Bc4 с некоторыми изменениями. В точности это мы и выстроили. Конечно, это лишь уголок планеты. Но все же...

— Но все же по нему я могу судить, что вы натворили в целом. Какой обогреватель вы поставили, Орин?

— Солнце типа 05, сэр. Оно полностью соответствует условиям заказа.

— Ну и что? Заказу соответствует, но вам, кроме него, дана смета на постройку этой планеты! И о ней надо помнить! И если вы не уложите, у вас не будет прибыли. А отопление — самая большая статья расходов.

— Мы это помним, сэр, — сказал Бруксайд. — Вообще-то нам не хотелось ставить солнце в однопланетную систему. Однако технические условия...

— А вы научились у меня хоть чему-нибудь? — вскричал Модсли. — Тип 05 — явное излишество. Эй вы, там, — он подозвал рабочих. — Снимите!

Рабочие подставили складную лестницу. Один держал ее, другой раздвигал в сто раз, в тысячу раз, в миллион раз. А еще двое бежали по лестнице вверх, так же быстро, как она росла.

— Осторожней! — крикнул Модсли. — Надеюсь, вы надели рукавицы? Эта штука горячая.

Рабочие — там наверху, на самом верху лестницы, — отцепили солнце, свернули в трубку и сунули в футляр с надписью: «Светило. Обращаться с осторожностью!». Крышка закрылась, и настала тьма.

— Есть тут у кого-нибудь голова на плечах? — вспылил Модсли. — Черт возьми! Да будет свет!

И стал свет.

— О'кей, — сказал Модсли. — Это солнце 05 — на склад! Для такой планеты хватит звезды G-13.

— Но, сэр, — нервно заметил Орин, — она недостаточно горяча.

— Знаю, — сказал Модсли. — Тут и нужен творческий подход. Придвиньте звезду поближе, и тепла хватит.

— Да, сэр, хватит, — вмешался Бруксайд. — Но звезда G-13 излучает РР-лучи. Если не будет должной дистанции, они не успеют рассеяться. И могут погубить будущее население планеты.

— Вы что, хотите сказать, что мои звезды G-13 небезопасны? — спросил очень медленно и отчетливо Модсли.

— Нет, я имел в виду не это, — замялся Орин. — Я хотел сказать только, что они могут быть небезопасны, как и всякая иная вещь во Вселенной, если не принять надлежащие меры предосторожности.

— Ну, это ближе к истине, — согласился Модсли.

— Мера предосторожности в данном случае, — пояснил Бруксайд, — это защитная свинцовая одежда весом в 50 фунтов. Но поскольку каждый индивидуум в этой расе весит около восьми, такая одежда для них непрактична.

— Это их забота, — отрезал Модсли. — Не нам учить их жить. Разве я должен отвечать, если кто-нибудь ушибет пальчик о камень, который я поставил на этой планете? Кроме того, им вовсе не обязательно носить свинцовые скафандры. Они могут купить — за особую плату, конечно, — мой превосходный солнечный экран, который полностью отражает РР-лучи.

Оба помощника улыбнулись. Орин робко сказал:

— Боюсь, что эта раса не из богатых. Вряд ли ваш экран им по карману.

— Ну, не сейчас, так позже, — отмахнулся Модсли. — И ведь РР-излучение действует не мгновенно. Даже при нем средний срок жизни 9,3 года. Кое-кому хватит.

— Да, сэр, — без особой радости сказали оба инженера.

— Далее, — продолжал Модсли. — Какова высота гор?

— В среднем шесть тысяч футов над уровнем моря, — ответил Бруксайд.

— По меньшей мере три тысячи футов лишку, — сказал Модсли. — Вы думаете, что горы растут у меня на деревьях, как яблоки? Укоротите и вершины отправьте на склад!

Пока Бруксайд записывал все это в блокнот, Модсли продолжал ворчать, расхаживая взад и вперед:

— У этих деревьев какой срок жизни?

— Восемьсот лет, сэр. Это новейшая модель дубояблони. Дают фрукты, орехи, освежающий напиток, тень, великолепный строительный материал, закрепляют почву и...

— Вы хотите, чтобы я стал банкротом! — закричал Модсли. — Двести лет — предостаточно для дерева. Откачайте большую часть их жизненной силы и слейте в бак!

— Тогда они не успеют выполнить свое жизненное назначение, — возразил Орин.

— Ну и обрежьте назначение! Орехи, тень, и хватит. Незачем делать из каждого дерева сундук с сокровищами. Ну, а этих коров кто там расставил?

— Я, сэр, — признался Бруксайд. — Я думал, что местность с ними... ну, как бы уютнее.

— Болван! — рявкнул Модсли. — Местность должна выглядеть уютнее до продажи, а не после. Эту планету купили без обстановки. Отправьте коров в чан с протоплазмой.

— Слушаюсь, сэр, извините. — Орин склонил голову. — Что еще?

— Еще сто тысяч глупостей. Но вы и сами можете сообразить. Например, это что? — Он указал на Кармоди. — Статуя или еще что-нибудь? Должна петь или стихи читать, когда появятся жители?

Кармоди сказал:

— Сэр, я не часть обстановки. Меня прислал ваш друг... э-э, Мелихрон. Я ищу дорогу домой...

Но Модсли уже распорядился:

— Что бы то ни было, безразлично. В контракте это не оговорено. Туда же, в протоплазму, вместе с коровами!

— Эй! — завопил Кармоди, когда его поволокли рабочие. — Эй, подождите минутку! Я не часть этой планеты! Меня прислал Мелихрон! Подождите! Постойте! Послушайте!

— Вам бы надо со стыда сгореть! — кричал на помощников Модсли, не вникая воплям Кармоди. — Что это? Кто додумался? Еще одна из ваших декоративных штучек, Орин, да?

— Нет! — крикнул Орин. — Я его сюда не ставил.

— Значит, это ваша работа, Бруксайд?

— Впервые в жизни вижу это, сэр.

— Н-да, — задумался Модсли. — Вы оба дураки, но врунами не были никогда. Эй! — крикнул он рабочим. — Тащите его назад.

— Ну, все в порядке, сэр, возьмите себя в руки, — сказал он дрожащему Кармоди. — Терпеть не могу истерик. Вам лучше? Ну вот и отлично! Так как же вы попали в мои владения и почему я не должен превращать вас в протоплазму?

ГЛАВА 12

— Ясно, — сказал Модсли, когда Кармоди закончил свой рассказ. — Поистине занятная история, хотя вы излишне все драматизируете. Значит, вы ищете планету по имени Земля.

— Именно так, сэр.

— Земля? — Модсли посечал лоб. — Ну, кажется, вам повезло. Припоминаю такое место. Маленькая зеленая планета, и на ней кормится раса гуманоидов, похожая на вас. Правильно?

— Совершенно верно.

— У меня память на такие дела, — продолжал Модсли. — А в данном случае причина особая. Дело в том, что это я построил вашу Землю.

— В самом деле, сэр?

— Да, я отлично помню это, потому что, пока я ее строил, я попутно изобрел науку. Возможно, эта история покажется вам любопытной... А вы, — он обернулся к помощникам, — вы, надеюсь, сделаете для себя полезные выводы.

ИСТОРИЯ СОТВОРЕНИЯ ЗЕМЛИ

— Я был тогда совсем скромным подрядчиком, — начал Модсли. — Ставил то там, то тут планетку-другую, изредка, в лучшем случае, — карликовую звезду. С заказами было туго, клиенты попадались капризные, придирались, задерживали платежи и спорили из-за каждой мелочи: «Переделай тут, переделай там, и почему это вода течет вниз, а не вверх, и почему тяготение велико, и зачем горячий воздух поднимается, а лучше бы ему спускаться?» И тому подобное. А я был совсем наивным тогда и принимался им все объяснять — с эстетической точки зрения и с практической. Вскоре на вопросы и ответы у меня стало уходить больше времени, чем на работу. Сплошные тары-бары! И я начал понимать, что нужно что-то изменить, но что именно, никак не мог сообразить.

И вот как раз перед этим проектом «Земля» мне пришли в голову кое-какие мысли насчет объяснений с клиентами. Помню, я как-то сказал себе: «Форма вытекает из содержания». И мне понравилось, как это звучит. «Почему же форма должна вытекать из содержания?» — спросил я себя тогда и сам же себе ответил: «Потому что это непреложный закон природы и основа прикладной науки». И мне понравилось, как это звучит, хотя особого смысла тут не было.

Не в смысле суть. Суть в том, что я сделал открытие. Ведь я же вынужден был заниматься рекламой и продажей, а тут я изобрел хитрый фокус под названием «доктрина научного детерминизма».

Земля была пробным камнем, потому я ее и запомнил.

Пришел ко мне заказывать планету высокий бородатый старик с пронзительным взглядом. (Вот так начиналась ваша Земля, Кармоди.) Ну-с, с работенкой я справился быстро — что-то дней за шесть. Как и здесь, это был обычный заказ с проектом и сметой, и как и здесь, я кое-что урезал. Но вы бы послушали того заказчика, — можно было подумать, что я обобрал его до нитки, глаза украл с лица.

— Зачем столько ураганов? — приставал он.

Я сказал:

— Это часть вентиляционной системы. (Честно говоря, я попросту забыл поставить в атмосфере предохранительный клапан.)

— Три четверти планеты залито водой, — брюзжал он. — Я же ясно проставил в условиях, что отношение суши к воде — четыре к одному.

— Но мы не можем себе этого позволить, — объяснял я. (А я давно засунул куда-то эти дурацкие условия. Никогда не храню эти проекты на одну планетку.)

— И такую крошечную сушу вы заполнили пустынями, болотами, джунглями и горами!

— Это сценично, — уверял я.

— Плевал я на сценичность, — гремел этот тип. — Один океан, дюжина озер, парочка рек, одна-две горные цепи — и предостаточно, чтобы украсить местность, создать хорошее на-строение. А вы что мне подсунули? Шлак!

— На то есть причина, — сказал я. (На самом деле нельзя было уложиться в смету, не подсунув среди прочего подержанные горы, океан и парочку пустынь, которые я купил по дешевке у Урии — межпланетного старьевщика. Но не рассказывать же об этом.)

— Причина, — застонал он. — А что я скажу моему народу? Это будут люди, созданные по моему образу и подобию, с таким же острым взглядом, как у меня. Что мне сказать им?

Я-то знал, что им сказать и куда послать. Но я не хотел быть невежливым. Хотелось подыскать подходящее объяснение. И нашел-таки — некую штуковину — всем фокусам фокус.

— Вы честно скажете им научную истину, — заявил я. — Скажете, что так и должно быть по науке.

— Как?

— Это детерминизм, — сказал я. Название пришло экспромтом. — Совсем просто, хотя и для избранных. Прежде всего: форма вытекает из содержания. Поэтому ваша планета именно такова, какой должна быть по самой своей сути. Далее: наука неизменна, следовательно, все изменяемое — ненаучно. И, наконец, все вытекает из законов природы. Вы не можете знать заранее, каковы эти законы, но, будьте уверены, они есть. Так что никто не должен спрашивать: «Почему так, а не иначе?» Вместо этого каждый обязан изучать, как это действует.

Ну он задал мне еще несколько каверзных вопросиков. Старик оказался довольно сообразительным, но зато ни бельмеса не смыслил в технике. Его сферой была этика, мораль, религия и всякие такие призрачные материи. Он был из тех типов, что обожают абстракции, вот он и бубнил:

— «Все действительно — разумно!» Это весьма заманчивая формула, хотя и не без налета стоицизма; надо будет использовать это в поучениях для моего народа. Но скажите на милость, как я могу сочетать фатализм науки с принципом свободной воли, который я намерен подарить моему народу? Они же противоположны!

Да, тут старикашка почти прижал меня к стенке. Но я

улыбнулся, откашлялся, чтобы дать себе время подумать, и сказал:

— Ответ очевиден.

Это всегда лучший ответ, когда не знаешь, что сказать.

— Вполне возможно, что очевиден, — сказал он. — Но я его не постигаю.

— Ну, поглядите, — сказал я. — Эта свободная воля, которую вы намерены подарить своему народу, ну есть ли это разновидность судьбы?

— Ну, можно и так считать, — смутился он. — Но есть и разница.

— А кроме того, — быстро прервал я, — с каких это пор свободная воля и судьба несовместимы?

— Конечно, они несовместимы, — сопротивлялся он.

— Это потому, что вы не понимаете науки, — напирал я, проделывая свой трюк перед самым его крючковатым носом. — Видите ли, среди законов науки есть и закон случайности. Случайность — вы это знаете, наверное, — и есть математический эквивалент свободной воли.

— Но вы противоречите сами себе, — упирался он.

— А противоречие, сэр, еще один фундаментальный закон науки. Противоречия рожают борьбу, без которой все приходит к энтропии. Так что не может быть ни планеты, ни Вселенной, если там случайно не окажется противоречий.

— Случайно? — быстро переспросил он.

— Ясно как день, — подтвердил я. — Но это еще не все. Возьмите, например, одну изолированную тенденцию. Что произойдет, если вы доведете эту тенденцию до предела?

— Не имею ни малейшего понятия, — сказал старик. — Недостаточно подготовлен для такого рода дискуссий.

— Да просто-напросто тенденция превратится в свою противоположность.

— Неужели? — ошарашенно произнес он.

— Безусловно, — заверил я его. — Я получил бесспорные доказательства в своей лаборатории, но демонстрация будет скучновата.

— Нет, пожалуйста, мне достаточно вашего слова, — уклонился он. — И кроме всего, мы же доверяем друг другу.

Доверие — это все равно что контракт, но звучит благороднее.

— Единство противоречий, — бормотал он. — Детерминизм. Тенденции превращаются в свою противоположность. Все это так запутанно.

— И эстетично в той же мере, — возразил я. — Однако я еще не кончил насчет предельных превращений.

— Продолжайте, будьте добры! — попросил он.

— Спасибо. Так вот есть еще энтропия. Это означает, что количество движения сохраняется, если нет внешних воздействий

(хотя иногда в моих опытах и при наличии внешних воздействий). Итак, энтропия ведет вещество к своей противоположности. А если одна вещь движется к противоположности, тогда, значит, и все движется к противоположности, поскольку наука требует этого. Такая вот картина. Все противоположности превращаются в свои противоположности, как безумные, и становятся своими противоположностями. И точно так же на более высоком и на высшем уровне организации. Чем дальше, тем больше! Так, да?

— Кажется, так, — согласился он.

— Прекрасно! А теперь возникает вопрос: все ли это?

— Кончается ли на этом наш футбол? Нет, сэр, вот что самое замечательное! Эти противоположности, которые прыгают туда-сюда, как дрессированные тюлени в цирке, на самом деле — лишь отражение действительности. Потому что (здесь я сделал паузу и произнес самым внушительным тоном)... потому что есть скрытая мудрость, которая видна за иллюзорными свойствами реальных вещей. Она просвечивает в более глубоких деяниях Вселенной, в ее великой и величественной гармонии.

— Как может быть вещь одновременно реальной и иллюзорной? — спросил он быстро.

— Не мне отвечать на такие вопросы, — сказал я. — Я только скромный научный работник и вижу лишь то, что вижу. И действую соответственно. Но может быть, за всем этим кроется нравственный смысл?

Старец задумался. Я видел, как он борется с собой. Конечно, он мог мне указать на несоответствия не хуже всякого другого, и все мои рассуждения рассыпались бы в прах. Но, как и все эти очкарики яйцеголовые, он сам увлекся противоречиями и склонен был включить их в свою систему. Здравый смысл подсказывал ему, что в природе просто не может быть таких выкрутасов, но интеллект нашептывал, что, может быть, вещи только кажутся такими сложными, а на самом деле за всем этим кроется простой и прекрасный единый принцип, а если не принцип, то хотя бы мораль. Короче, я подцепил его на крючок, помянув о нравственности. Старый хрен помешался на этике, он был прямо-таки начинен этикой, впору хоть величай его «мистер Этика». А я случайно подкинул ему идею, что вся эта кровавая Вселенная, все ее постулаты и противоречия, законы и беззакония — воплощенные высоких нравственных принципов.

— Пожалуй, все это глубже, чем я думал, — сказал он, немного помолчав, — я собирался наставлять мой народ только по этике, нацелить его на высшие нравственные проблемы вроде: «Как и зачем должен жить человек?», а не «Из чего состоит живая материя?». Я хотел, чтобы люди изведали глубины радости, страха, жалости, надежды, отчаяния, а не превращались в ученых крыс, которые изучают звезды и радуги, а потом создают величественные, но ни на что не годные гипотезы. Я кое-что знаю о

Вселенной и до сих пор считал все эти знания необязательными, но вы меня поправили.

— Ну-ну, — сказал я. — Мне не хотелось доставлять вам хлопоты.

Старик улыбнулся:

— Этими хлопотами вы избавили меня от гораздо больших хлопот. Для меня важна свобода воли. Мои создания будут вольны радоваться и печалиться. Я мог бы создать их в точности по своему образу и подобию, но я не хочу населять мир копиями самого себя. И они получают эту блестящую бесполезную игрушку, которую вы называете наукой, будут носиться с ней и превращать в божество всякие физические противоречия и звездные абстракции. Они будут рваться к познанию вещей и забудут о познании собственного сердца. Вы предупредили меня, и я вам за это признателен.

Я вздохнул с облегчением. Откровенно говоря, он заставил меня понервничать. Я сразу смекнул, что он ноль без палочки и знакомств в высших сферах у него нет, но держался он как аристократ. Все время я чувствовал, что, сказав лишь несколько слов, он может доставить мне немалое беспокойство, как бы воткнув в мозг ядовитое жало. И это тревожило меня.

Да, сэр, и вот этот старый шут, должно быть, прочел мои мысли. Ибо он сказал:

— Не бойтесь! Я принимаю без переделок этот мир, который вы построили для меня. Он хорошо послужит мне таким, какой он есть. Что же касается до дефектов и пробелов, я тоже их принимаю с благодарностью и оплачу их.

— Как? — спросил я. — Как вы будете платить за пробелы и дефекты?

— Я принимаю их без возражений, — величественно сказал он, — и ухожу от вас прочь, чтобы заняться своими делами и делами своего народа.

И старый джентльмен удалился, не добавив ни единого слова.

К чему я про все это? Я неплохо заработал на том мире. И даже если бы пришлось кое-что подправить, я не стал бы шуметь. Дело есть дело. Вы заключаете контракт, чтобы получить прибыль. И вам невыгодно слишком много переделывать задним числом.

Но я хотел бы сделать вывод из всей этой истории, а вы, мальчишки, слушайте внимательно. У науки полным-полно законов — это я их изобрел. Почему я их изобрел? Потому что физические законы помогают умному механику так же, как юридические законы помогают адвокату. Правила, доктрины, аксиомы, законы и принципы науки служат для того, чтобы помогать, а не мешать вам. Они должны оправдывать наши действия. Большей частью они более или менее справедливы, и это помогает.

Но помните всегда: законы помогают объясняться с заказ-

чиками после того, как работа выполнена, а не перед этим. У вас есть проект, и вы его исполняете, как вам выгоднее, а затем подгоняете факты к итогам, а не наоборот.

Не забывайте, что науки созданы, как словесный барьер против людей, задающих вопросы. Но они не должны быть использованы против вас. Наша работа необъяснима. Мы просто делаем ее — иногда выходит хорошо, а иногда плохо.

И никогда не старайтесь объяснить, почему не получилось. Не спрашивайте и не воображайте, что объяснение существует. Дошло?

Оба помощника поспешно кивнули. У них были просветленные лица, как у обращенных в новую веру. Кармоди готов был держать пари, что эти молодые люди запомнили каждое слово Модсли и уже превращают эти слова в закон.

ГЛАВА 13

Закончив рассказ, Модсли долго молчал, мрачно хмурился, видимо, его донимали грустные мысли. Затем он поднялся и сказал:

— Кармоди, лицо моего ранга всегда осаждают разного рода просители. Каждый год я вношу взносы в Кислородный Фонд для Нуждающихся Углеродиков. Я плачу также в Проект Межзвездной Перестройки, в Космическую Зону Отдыха и в программу «Спасите молодежь!». Этого достаточно, по-моему, к тому же все это учитывается при выплате налогов.

— Ладно, — огрызнулся Кармоди, ощутив внезапный укол самолюбия, — я не нуждаюсь в вашем милосердии.

— Не прерывайте меня! — строго сказал Модсли. — Да, этих даров достаточно для удовлетворения моей потребности оказывать помощь. Кроме того, я не люблю иметь дело с различными просьбами. Они запутаны, нестандартны и очень хлопотливы.

— Понимаю, — согласился Кармоди. — Ну, так я пойду, пожалуй, — добавил он, хотя и не имел ни малейшего понятия, куда он пойдет и что будет делать.

— Я просил не прерывать меня, — повторил Модсли. — Да, я не люблю персональных просьб, как я говорил уже, но на этот раз я намерен сделать исключение и помогу вам вернуться на вашу планету.

— Почему именно для меня исключение? — удивился Кармоди.

— Прихоть! — пожал плечами Модсли. — Этакая фантазия с примесью альтруизма. Итак, Кармоди...

— Да-да, слушаю.

— Итак, если вы попадете домой, что сомнительно, даже и при моей помощи, я попросил бы вас передать некое послание.

— Обязательно! А кому?

— Ну, само собой разумеется, этому бородатому старику, которому я построил вашу планету. Полагаю, он еще там.

— Не знаю, — сказал Кармоди. — По этому поводу у нас много спорят. Некоторые говорят, что он есть, другие считают, что он умер давно (хотя я полагаю, что это надо понимать метафорически), третьи же утверждают, что его и не было никогда.

— Он еще там, — убежденно сказал Модсли. — Не такая фигура, чтобы убить его ломом. Но отлучиться он мог, это на него похоже. Он личность с настроениями. Начинен всякой высокой моралью и ждет, чтобы его народ жил по этой морали. Конечно, он раздражителен, может и исчезнуть из виду, если дела идут не так. Но бывает и деликатен, знает же, что люди не любят никаких излишеств: чересчур много ростбифа, чересчур много женской любви или Бога. Так что он ушел не простившись и вернется, когда у людей снова появится аппетит, интерес к нему, я имею в виду.

— Похоже, что вы хорошо его понимаете, — заметил Кармоди.

— Да, у меня было время подумать.

— Но позвольте сказать вам, — возразил Кармоди, — что ваша точка зрения не совпадает с нашим представлением. Мысль о том, что Бог может быть сговорчив или обидчив...

— Он должен быть таким, — прервал Модсли. — Он в высшей степени эмоциональное существо. Такой же, как вы и как другие люди, ваши товарищи.

Кармоди кивнул.

— Да, вы именно такие. Ведь он же решил создать вас по своему образу и подобию. Так и сделал, очевидно. Я сразу заметил у вас семейное сходство. В каждом из вас есть немножко от Бога, хотя вы и не должны зазнаваться по этому поводу.

— Но у меня никогда не было контактов с Богом, — усомнился Кармоди. — Я даже не представляю, как передать ему ваше послание.

— Ну, это просто, — сказал Модсли с оттенком раздражения. — Когда попадете домой, вы просто должны произнести его громко и отчетливо.

— И вы думаете, он услышит?

— Он не может не слышать. Это его планета, как вы знаете, и он проявляет большой интерес ко всем своим жильцам.

— Хорошо, я так и сделаю, — пообещал Кармоди. — И что же вы хотите передать ему?

— Ну, не слишком много, — вдруг замялся Модсли. — Ну, что он достойный старый джентльмен, и мне немного стыдно за ту планету, что я ему подсунил. Вредного в ней нет ничего, она пригодна для жизни, но этот старикан, он — джентльмен в высшей степени, здесь не может быть никаких преувеличений.

Так что я как бы не против обновить вашу планету, всю целиком, и совершенно бесплатно, это не будет стоить ему ни цента. Если он пойдет на это, я могу превратить вашу планету в настоящий рай, хоть сейчас на выставку. Ведь я же на самом деле чертовски хороший инженер; не надо так уж осуждать меня за всякую муру, которую я навертел, чтобы заработать доллар-другой.

— Я расскажу ему, — пообещал Кармоди. — Но если почестному, не думаю, что он примет ваше предложение.

— А разве я думаю? — мрачно отозвался Модсли. — Он упрямый старик и не хочет никаких одолжений. Но я хочу сделать еще одно предложение со всей искренностью. — Модсли помедлил и добавил: — Вы спросите его, не любит ли он прогуляться и поболтать иногда.

— Почему бы вам не пойти самому?

— Я пробовал раза два, но встреча не состоялась. Он немного мстителен, этот ваш старик. Но, может быть, он смягчится?

— Может быть, — с сомнением сказал Кармоди. — Так или иначе, но я скажу ему. Но если вам хочется встречаться с богами, мистер Модсли, почему бы вам не поговорить с Мелихроном?

Модсли запрокинул голову и захохотал.

— С Мелихроном? Этим имбецилом? Он помпезный, самовлюбленный осел; у него нет никаких достоинств. Лучше с собакой рассуждать о метафизике, чем тратить время на такого бога. Божественность, говоря технически, — это сила и мощность, это потенциал. В ней нет ничего магического. Вообще нет двух одинаковых богов. Вы знали это?

— Нет, не знал.

— Ну так намотайте себе на ус. Никогда вы не получали более полезной информации.

— Спасибо, — сказал Кармоди. — Но знаете ли, до сих пор я не верил в Бога вообще.

Модсли задумался на минуту, потом сказал:

— С моей точки зрения, существование Бога и богов очевидно и неизбежно. Верить в Бога так же легко и естественно, как верить в яблоко, не более и не менее. Только одна вещь стоит на пути к нашей вере.

— Какая же?

— Принцип Бизнеса, который более фундаментален, чем закон всемирного тяготения. В каком месте Галактики вы бы ни оказались, везде вы найдете бизнес: пищевой, строительный, военный бизнес, мирный бизнес, правительственный и, конечно, божественный, который называется «религией». И это самая предосудительная линия поведения. Я могу целый год рассказывать вам о порочных и грязных идеях, которыми торгует религия, но, наверное, вы слышали о них и раньше. Но я сейчас имею в виду одну черту, которая лежит в основе всех молитв и кажется мне особенно противной.

— Что это?

— Глубочайшее лицемерие, на основе которого зиждется религия. Судите сами: ни одно существо не будет молиться, если оно обладает свободной волей. Будучи свободной, она свободна, неуправляема и непредсказуема. Поистине божественный дар. Необязательность делает возможной свободу. А что предлагают служители религии? Они говорят: «Превосходно, вы обладаете свободной волей, а теперь вы должны использовать эту свободную волю, чтобы стать рабами Бога и нашими заодно». Какое бесстыдство! Бог, который и муху не обидит, изображен таким верховным рабовладельцем. Да услышав это, каждое существо с душой должно взбунтоваться. Богу надо служить по своей воле или не служить ему вообще. Только таким путем ты сохраняешь верность себе и дару свободной воли, Богом данному.

— Думаю, что я понял вас, — сказал Кармоди.

— Возможно, я изложил это слишком сложно, — продолжал Модсли. — Но есть и более простая причина, достаточная, чтобы избегать религии.

— Какая же?

— Стил. Напыщенный, увещевающий, болезненно-слащавый, покровительственный, искусственный, скучный, насыщенный смутными образами или громкими лозунгами, пригодный только для чувствительных старых дам или малокровных детишек. Нет, Бога я в церкви не найду, даже если и пойду туда. У этого старого джентльмена слишком много вкуса и твердости, слишком много гордости и гнева. Не могу поверить, что он в церкви, и точка. А зачем я пойду туда, где Бога нет?

ГЛАВА 14

Пока Модсли конструировал машину для возвращения на Землю, Кармоди был предоставлен сам себе. Модсли мог работать только в полном одиночестве. Приз, по-видимому, снова погрузился в спячку, а младшие инженеры Орин и Бруксайд были туповаты и не интересовались ничем, кроме своей работы. Так что Кармоди не с кем было даже поговорить. Он очень скучал и, чтобы убить время, отправился на атомостроительную фабрику.

— Раньше все это делали вручную, — объяснял ему краснолицый мастер. — Теперь машинами, но схема та же. Сначала мы берем протон, присоединяем к нему нейтрон на патентованной энергосвязи мистера Модсли. После этого вставляем все прочее: мю-мезоны, позитроны — такого сорта пряники. И все дела.

— Протоны и электроны вы тоже делаете сами? — поинтересовался Кармоди.

— Ни-ни! Мистер Модсли не хотел возиться с этой мелочишкой. Все субатомное мы получаем от субподрядчиков.

— А на атомы золота или урана у вас много заказов?

— Не слишком. Чересчур дорого. Главным образом мы штампуем водород.

— Антиматерию тоже?

— Лично я никогда не видел в ней особого смысла, — сказал мастер. — Она же взрывается, когда входит в контакт с материей. Но мистер Модсли все-таки торгует ею. Антиматерию, конечно, делают на отдельной фабрике.

Кармоди ходил и ходил, пока у него не заболели ноги. Он твердил себе, что должен быть доволен. Вот он оказался у самого истока мироздания, там, где изготавливаются атомы, где сепарируется антиматерия. Вот перед ним гигантская машина, которая экстрагирует космические лучи из сырого пространства, очищает их и закупоривает в громадные зеленые контейнеры. Позади термальный завод для ремонта старых звезд. Однако прогулка по фабрике Модсли вызывала у него такую же скуку, как в свое время экскурсия на сталелитейный завод в Индиане. И ту же волну угрюмого раздражения и тупого бунта ощущал он в коридорах Лувра, Прадо и Британского музея. И он подумал, что чудеса хороши только в малых дозах. Восхищение рождается только от удивления. Ему было стыдно, но он ничего не мог поделать. Человек везде остается самим собой, даже если его перенесли внезапно в Тимбукту или на Альфу Центавра. И, будучи честен сам с собой, Кармоди откровенно признался себе, что с гораздо большим удовольствием катался бы на лыжах или скользил бы на паруснике возле адского моста, что у Таити, чем разглядывал все чудеса Вселенной.

— Видно, я не из породы Фаустов, — сказал он себе. — Все секреты Вселенной разложены передо мной, как старые газеты, а я мечтаю о раннем февральском утре в Вермонте и свежем, пушистом снеге.

Сначала Кармоди стыдился, но под конец взбунтовался. Даже и Фауст не ходил все время по выставкам. Фауст сам высиживал свои открытия. Если бы дьявол выдал ему все знания готовенькими на подносе, Фауст бросил бы науку и занялся альпинизмом или еще чем-нибудь в таком роде.

— Здесь мне открывают секреты Вселенной, — продолжал рассуждать Кармоди, — и я вижу, что их ценят чересчур высоко. Ведь стоит подойти поближе, и поймешь, что ничего чрезвычайного здесь нет. Вот так идут дела, и ничего сверх того.

Даже если это рассуждение и было неверным, оно, по крайней мере, утешало Кармоди. Но все равно он скучал. А Модсли все не находил решения. Время тянулось. У Кармоди сложилось впечатление, что для Модсли легче построить новую планету (за шесть дней, как известно), чем отыскать старую. И, понимая всю сложность дела, Кармоди тем не менее впал в уныние.

В один прекрасный — условно говоря — день Кармоди осматривал лес, сделанный Орином и Бруксайдом по заказу приматов планеты Кетс 11 взамен старого, разрушенного метео-

ритом. Новый лес был уже полностью оплачен, и обещали кругленькую сумму, если исполнение будет признано первоклассным.

Лес был перлом творения. Там имелись уютные лужайки для прогулок, осененные широколистными кронами и пестрым подлеском. Породы были незнакомые, но Кармоди, игнорируя различия, предпочитал именовать их по-земному. Были там и шумные ручьи, широкие, но не глубже трех футов, были миниатюрные болотца, мангровые рощи и кедры, магнолии и ивы, вольно перемежающиеся кокосовыми пальмами. Подальше от воды росли дикие сливы, вишни, каштаны, орехи, апельсины, финики и инжир. Превосходнейшее место для пикников!

Юные приматы могли здесь гоняться вверх и вниз по стволовым вязам и сикоморам, играть в салочки на ветвистых дубах, качаться как на качелях на лозах винограда и плюща. А для старших были изготовлены гигантские секвойи, где удобно было дремать в вышине или играть в карты, подальше от детского визга.

Даже столь неискушенный наблюдатель, как Кармоди, мог заметить, что в маленьком лесу создана простая, приятная и целесообразная экология. Были там цветы, и были нежалящие пчелы, чтобы опылять цветы и собирать нектар, и были забавные медвежата, чтобы воровать пчелиный мед. Были гусеницы, чтобы угощаться цветами, и ширококрылые птицы, чтобы угощаться гусеницами, и проворные рыжие лисицы, чтобы пожирать птиц, и большие медведи, чтобы пожирать лис, и приматы, чтобы пожирать медведей.

И так как приматы умирали тоже, то и они занимали свое место в лесном круговороте жизни и смерти. И это им даже нравилось, потому что они рождались с общественной жилкой. Приматы Кетса тоже умирали, их хоронили в лесу без гробов, с уважением и без лишней суеты, и тело их поедали черви, лисы, медведи и даже один или два вида цветов. Таким образом, кетсиане тоже занимали важное место в лесном цикле экологии.

Кармоди наблюдал все это, прогуливаясь в одиночестве с одним только Призом (все еще в виде котелка), грустно размышляя о потерянном доме. И вдруг позади него хрустнула ветка.

Ветра не было, птицы плавали в пруду. Кармоди обернулся, насторожившись, чувствуя, что позади творится что-то необычное.

И увидел существо в громоздком сером скафандре из пластика, прозрачном шлеме пузырем и с доброй дюжиной инструментов, болтавшихся на поясе. Кармоди сразу узнал в этом чудище земного человека — кто еще мог так вырядиться?

Позади и правее была еще одна фигура, более стройная, но одетая так же. Кармоди увидел, что это земная женщина, и даже очень привлекательная.

— Боже мой! — воскликнул Кармоди. — Как это вас занесло именно сюда?

— Тсс! — прошипел землянин. — Слава Богу, что мы прибыли вовремя. Боюсь, однако, что самое опасное еще впереди.

— Есть ли у нас хоть один шанс, отец? — спросила девушка.

— Шансы есть всегда, — ответил мужчина с мрачной улыбкой. — Но сам я не ручаюсь ни за что. Может быть, док Мэддокс придумает что-нибудь.

— Ну он-то всегда на высоте, правда, пап? — сказала девушка.

— Именно так, Мэри, — отозвался отец. — Доктор Мэддокс выше всех нас на голову. Но так или иначе, мы им покажем, что и в наших котелках есть кое-что.

Мужчина повернулся к Кармоди, и взгляд его стал суровым.

— Я надеюсь, что ты стоишь того, дружище. Три жизни поставлены на карту ради тебя. Все за мной — в затылок, и быстро на корабль. Док Мэддокс выдаст нам оценку положения.

Вытащив из-за пояса курносый пистолет, мужчина устремился в лес. Девушка поспешила за ним, бросив на Кармоди взгляд через плечо. Кармоди последовал за ней.

ГЛАВА 15

— Эй, подождите минутку, что все это значит? — крикнул Кармоди, устремившись за людьми в скафандрах. — Эй, кто вы?

— Это просто ужасно! — воскликнула девушка, краснея от смущения. — Мы даже не представились в спешке. Вы, наверное, сочли нас невежами, мистер Кармоди?

— Ну что вы, — любезно возразил Кармоди. — Но мне все-таки хотелось бы знать, кто вы такие, тем более что вы уже знаете, кто я.

— Конечно, знаю, — сказала девушка. — Я Эвива Кристиансен. А это мой отец — профессор Ларс Кристиансен.

— Отбросьте «профессора»! — крикнул Кристиансен, не оборачиваясь. — Зовите меня Ларс или Крис, как вздумается.

— Ну ладно, пап, — прервала его Эвива с напускным нетерпением. — Как бы то ни было, мистер Кармоди...

— Меня зовут Том.

— Хорошо, Том, — согласилась девушка, мило краснея. — Так о чем это я? О да, папа и я, мы связаны с ЗАМИ. Не знаете? Это Земная Ассоциация Межзвездных Изысканий — отделения в Стокгольме, Женеве и Вашингтоне.

— Боюсь, что не слыхал об этой организации, — заметил Кармоди.

— Ничего удивительного. Земля только вступила на порог исследований. Увы, даже теперь новые источники энергии, намного превосходящие известные вам примитивные атомные установки, все еще не вышли из стадии экспериментирования. Но близок день, когда космические корабли с земными пилотами

полетят в самые отдаленные уголки Галактики. И, конечно, это откроет эру всеобщего мира и дружного труда на всей нашей старой, усталой планете.

— Откроет новую эру? — переспросил Кармоди. — Почему?

— Потому что не будет больше причины для войн, — ответила Эвива, несколько запыхавшись, потому что все трое пробирались сквозь густой кустарник. — В Галактике бесчисленные миры, как вы могли заметить сами, и достаточно простора для социальных экспериментов, и приключений, и всего, что вам в голову взбредет. Так что энергия человека будет направлена вовне, вместо того чтобы растрачиваться на одной планете в разрушительных войнах.

— Малышка чепухи городить не будет. Здесь все верно, — сказал Ларс своим внушительным, грубым, но дружелюбным басом. — Между прочим, она у меня доктор философии и нахватала сорокнадцать ученых степеней, чтобы ее лепет выглядел солиднее.

— А папуля разговаривает, как хулиган. — Эвива покраснела снова. — Но у него самого в ранце три Нобелевских.

И отец с дочерью обменялись взглядами грозными и влюбленными.

— Но вернемся к делу, — продолжала Эвива. — Дела такие, вернее должны быть такими через пару лет. Но Главная заслуга тут доктора Мэддокса, с которым вы вскоре встретитесь. — Эвива помедлила, затем добавила, понизив голос: — Не думаю, что я выдам секрет, если скажу вам, что доктор Мэддокс... э-за... мутант.

— Черт возьми, не надо бояться этого слова, — прохрипел Ларс Кристиансен. — Мутант может быть не хуже нас с вами. Что касается доктора Мэддокса, то он примерно в тысячу раз лучше.

— Это доктор Мэддокс поставил проект на рельсы, — вступила Эвива. — Он просчитал все будущее, — как он это сделал, я не знаю, но установил, что скоро у нас будут космические корабли, способные дойти до любой звезды. И масса людей сможет отправиться в космос без специального оборудования и навигационных приборов...

— Масса дураков недоделанных, — комментировал Кристиансен.

— Ну, папа! Но как бы то ни было, этим людям понадобится помощь. Однако организованного галактического патруля не будет еще 87 238 874 года. Так что, сами видите...

— Вижу, — согласился Кармоди. — А вы решили, не дожидаясь, приступить к делу.

— Да, приступили, — сказала Эвива просто. — Папа очень любит помогать людям, хотя это незаметно из-за его постоянного ворчания. А что хорошо для отца, хорошо и для меня. Что же касается доктора Мэддокса, ну, он вершина вершин.

— Он-то туз козырной масти, — добавил Кристиансен. — Он человек сверхособенный. У мутантов обычны отклонения в отрицательную сторону, сами знаете. Но раз или два на тысячу вместо пирита находишь золото. У доктора Мэддокса целая линия семейных мутаций, и все необъяснимо благоприятные.

— Мы подозреваем благожелательное вмешательство пришельцев, — сказала Эвива почти шепотом. — Известно, что род Мэддокса можно проследить только на два столетия, но это очень странная история. Эллил Мэддокс — прапрадед нашего доктора — был шахтером в Уэльсе. Почти двадцать лет он работал в знаменитой копи Олд Гринджи и, один из немногих, сохранил здоровье. Это было в 1739 году. Недавно, когда Олд Гринджи начали разрабатывать снова, там открыли сказочные запасы урана.

— Их должны были найти там, — вмешался Кристиансен. — Теперь дальше. Мы встречаем эту семью в 1801 году в Мексике, штат Оаксака. Томас Мэддокс — так он подписывался, с одним «д», — женился на прекрасной и гордой Терезите де Вальдес, графине Арагонской, владелице великолепной гасиенды в южной Мексике. Утром 6 апреля, когда Томас был в отъезде, объезжал стада, знаменитая Ла Эстрелла Роха де Муэрте — Красная Звезда Смерти (в дальнейшем отождествленная с большим, очень радиоактивным метеоритом) упала в двух милях от ранчо. Выжили немногие, среди них Томас и Тереза.

— Затем мы подходим к 1930 году, — подхватила Эвива. — Следующее поколение Мэддоксов, уже порастерявшее богатство, переехало в Лос-Анджелес. Эрнест Мэддокс — дед нашего доктора — продавал новейшее оборудование для врачей и дантистов. Называлось оно — рентгеноскоп. Мэддокс демонстрировал его два раза в неделю в течение десяти лет. И, несмотря на мощную дозу жесткого излучения, а может быть, благодаря ей, дожил до очень солидного возраста.

— А его сын, — продолжал Ларс, — не знаем по какому поводу, переехал в Японию в 1935 году и стал монахом, дзен-буддистом. Все военные годы он прожил в Хиросиме в углу заброшенного здания. Его не трогали, считали не американцем, а индусом. Убежище Мэддокса оказалось всего в 7,9 миль от эпицентра взрыва. После атомного взрыва Мэддокс немедленно оставил Хиросиму и переехал в Северный Тибет, в монастырь Хюи-Шен, расположенный на самой недоступной вершине. По рассказам английского туриста, побывавшего там в это время, ламы специально ожидали Мэддокса. И он остался там, посвятил себя изучению некоторых тантр, там и женился на принцессе королевской крови из Кашмира, от которой у него был один сын — Оуэн, наш доктор. Семья покинула Тибет и переехала в Штаты за неделю до вторжения красных китайцев. Оуэн учился в Гарварде, Йейле, Оксфорде, Кембридже, Сорбонне и Гейдельберге. Как он нашел нас, это особая история, но вы услышите ее в

более удобной обстановке. А сейчас — на корабль, и не будем больше тратить время на треп.

Впереди на большой поляне Кармоди увидел величественный космический корабль, возвышающийся, словно небоскреб. У него были стабилизаторы, люки, дюзы и множество всяких отростков. Перед кораблем на складном стуле сидел мужчина среднего возраста с благодушным лицом, прорезанным глубокими морщинами. С первого взгляда было ясно, что это и есть Мэддокс-мутант, поскольку у него было по семи пальцев на каждой руке, а в огромных шишках на лбу мог поместиться еще один мозг.

Мэддокс неторопливо встал на пять ног и приветливо кивнул.

— Вы пришли в самую последнюю минуту, — сказал он. — Линии враждебных сил очень близки к критической точке пересечения. Быстро в корабль, все трое! Мы должны включить защитное поле.

Ларс Кристиансен решительно зашагал ко входу; чувство собственного достоинства не позволяло ему бежать. Эвива схватила Кармоди за руку. Он заметил, что она дрожит, отметил также стройные линии ее фигурки, хотя сейчас она не обращала внимания на свою внешность.

— Скверное положение, — бормотал Мэддокс, складывая свой стул и занося его в люк. — Мои расчеты допускали, конечно, такой пункт скручивания пространства, но по самой природе бесконечных комбинаций нельзя было предсказать его конфигурацию.

Перед широким входом Кармоди задержался.

— Я думаю, что должен проститься с Модсли, — сказал он. — Быть может, нужно даже посоветоваться с ним. Он был очень отзывчив и даже взялся строить машину, чтобы доставить меня на Землю.

— Модсли! — воскликнул Мэддокс, обмениваясь многозначительным взглядом с Кристиансеном. — Я подозреваю, что он-то и стоит за всем этим.

— Его стряпня, конечно, — проворчал Кристиансен.

— Что вы имеете в виду? — спросил Кармоди.

— Я имею в виду, — сказал Мэддокс, — что вы жертва и пешка в тайном заговоре, охватившем по меньшей мере семнадцать звездных систем. У нас нет времени на объяснения, но поверьте, что на карте стоит не только ваша жизнь, но и наши и еще жизни нескольких дюжин биллионов гуманоидов, большей частью голубоглазых.

— О, Том, скорее, скорее! — закричала Эвива, дергая его за руку.

— Ладно, — сказал Кармоди, — но я надеюсь все-таки, что получу полное и исчерпывающее объяснение.

— Получите, получите, — сказал Мэддокс, как только Кармоди вошел в люк. — Получите его прямо сейчас.

Кармоди быстро обернулся, уловив нотку угрозы в голосе Мэддокса. Внимательно посмотрел на мутанта и вздрогнул. Посмотрел на отца с дочерью и увидел их как бы впервые.

Ум человеческий склонен дорисовывать образы. Две-три кривые складываются в гору, из нескольких ломаных получается волна. Но сейчас образы спутников разваливались на глазах. Кармоди увидел, что милые глаза Эвивы были едва намечены, они не смотрели никуда, они были как глазки на крылышках бабочки. У Ларса вместо нижней части лица был только темно-красный овал, где темная линия обозначала рот. Пальцы Мэддокса были просто нарисованы на его бедрах.

Образы людей развалились полностью. Не было ни глаз, ни ртов, ни ног, ни рук. Три пальца гигантской руки, три безликих цилиндра надвигались на Кармоди, стараясь втолкнуть его в утробу корабля. Он увернулся от них и ринулся к свету, но в отверстие люка высунулись зубы. Блестящие черные борта корабля покрылись рябью. Ноги Кармоди увязли в губчатой подстилке, а три пальца кружили вокруг него, загораживая все уменьшающийся кружок света. Кармоди боролся с отчаянием мухи, увязшей в паутине (сравнение точное, но понимание этого пришло поздно). Три пальца крепко держали Кармоди, уже невозможно было угадать, кто из них профессор, кто — мутант, а кто — прелестная Эвива.

И окончательное потрясение: стены и потолок корабля (если только это был корабль) стали влажными, красными, живыми и проглотили Кармоди.

Спасения не было. Он не мог ни пошевелиться, ни крикнуть, мог только потерять сознание.

ГЛАВА 16

Как бы издалека он слышал голос:

— Ну как, доктор? Есть надежда?

Кармоди узнал голос Приза.

— Я оплачу все расходы, — сказал другой — голос Модсли. — Можно его спасти?

— Спасти можно, — произнес третий, по-видимому, врач. — Возможности медицины неограниченны, ограниченны возможности пациентов, но это уже их слабость, а не наша.

Кармоди силился открыть глаза или рот, но ни веки, ни губы ему не повиновались.

— Это очень серьезно? — спросил Приз. — Вы поможете ему?

— Вы задали слишком трудный вопрос, — сказал доктор. — Чтобы ответить на него с идеальной точностью, надо сначала определить термины. Медицинская наука, к примеру, проще, чем медицинская этика. Предполагается, что мы, члены Галактичес-

кой Медицинской Ассоциации, обязаны сохранять жизнь. Предполагается также, что мы действуем в интересах той конкретной формы, которую мы пользуем. Но что прикажете делать, когда эти два императива вступают в противоречие? Уиичи с Девин V, например, просят врачебной помощи, чтобы излечить их от жизни. Они жаждут войти в желанные врата смерти. Это чертовски трудная задача, позвольте доложить вам, и осуществима тогда лишь, когда уиичи становятся старыми и бесчувственными. И что же должна сказать этика по поводу такого странного отклонения от нормы? Следует ли нам потакать желанию уиичи, что порицается во всех почти уголках Галактики? Или же действовать на основе обычной медицины и обрекать уиичи на судьбу, которая для них в буквальном смысле хуже смерти?

— Это имеет отношение к Кармоди? — спросил Модсли.

— Не слишком большое. Но я полагал, что вам это покажется интересным и поможет понять, почему мы имеем право на самый высокий гонорар.

— А Кармоди в очень скверном положении? — настаивал Приз.

— Только про мертвого можно сказать, что у него очень скверное положение, — успокоил доктор. — Но даже и тогда бывают исключения. Пентатаналуна, например, которую обыватели называют пятидневной возвратной смертью, не более, чем временное околечение. Вульгарные разговоры о смерти неуместны при данном недомогании.

— Но как же насчет Кармоди? — напомнил Модсли.

— Больной не мертв, — успокоил доктор. — Он всего лишь в шоке. Выражаясь проще, в обиходной манере, он в обмороке.

— А привести его в себя вы можете? — спросил Приз.

— Ваши термины не очень ясны, — возразил врач. — Моя работа трудна без надлежащей точности.

— Я хотел сказать: можете вы вернуть его в исходное состояние?

— Ну это уже довольно точное определение, тем более что вы дали его без долгих размышлений. Но что такое исходное состояние? Скажет ли это сам пациент, если допустить, что он чудесным образом сумел бы участвовать в своем лечении? И как мы с вами можем знать, которое из крошечных изменений, происходящих при каждом ударе сердца, имеет существенное значение для его личности? Не теряется ли эта личность с каждой секундой? Только приблизительно мы можем приблизиться к прошлому образу, но никогда не повторим его. Это весомый вопрос, господа.

— Чертовски сложный, — согласился Модсли. — Но предположим, вы сделаете его насколько можете ближе к прежнему? Это для вас трудно?

— Только не для меня, — сказал доктор. — У меня большой опыт. Я привык иметь дело с самым страшным и самым от-

вратительным. Не могу сказать, что стал совершенно бездушным, но с трудом я научился грустной необходимости не обращать внимания на надрывающие душу процедуры, необходимые в моей профессии.

— Ладно, док, заткнись! — взорвался Приз. — Давай рассказывай, как ты будешь чинить моего дружка.

— Я буду оперировать, — сказал доктор. — Это единственная возможность. Я расчленю его («разрежу», — говоря вульгарно), уложу члены и органы для сохранения в раствор К-5, затем пропущу мозг и нервную систему через сита с отверстиями разного диаметра. В дальнейшем процедура требует подключения мозга и нервов к жизненному стимулятору, при этом я буду возбуждать синапсы точно отмеренными сериями. Так мы установим разрывы, закупорки, испорченные клапаны и прочее. Установив же отсутствие повреждений, мы разбираем мозг, подходя наконец к контактам тела и разума. Бережно отключив их, мы проверим все внешние и внутренние связи. Если здесь все в порядке, мы открываем резервуар взаимодействия, следя за утечкой, само собой разумеется, и устанавливаем уровень сознания. Если он низок или же исчерпан (в подобных случаях так и бывает почти всегда), мы анализируем осадок и создаем новые порции сознания искусственно. Эти новые порции исчерпывающе испытываются и впрыскиваются в резервуар взаимодействия. Затем все части тела воссоединяются, и пациент может быть реанимирован жизненным стимулятором. Вот и весь процесс... почти.

— Ух! — вздохнул Приз. — Я и с собакой не обращался бы так.

— Я тоже, — сказал доктор. — По крайней мере до той поры, пока собачья раса не станет разумной. Итак, хотите вы, чтобы я приступил к операции?

— Приступайте, — решил Модсли. — Ничего не поделаешь. Бедный малый так надеялся на нас, мы не можем бросить его без помощи. Выполняйте свой долг, док!

Все время, пока длился этот разговор, Кармоди боролся с неподвластным ему телом. С ужасом слушая, он почувствовал, что друзья причинят ему больше вреда, чем злейшие враги, и наконец он титаническим усилием отлепил язык от неба.

— Никаких операций! — просипел он. — Голову оторву! Попробуйте только начать вашу растреклятую операцию!

— Очнулся, — констатировал доктор довольным тоном. — Иногда, знаете ли, словесное описание операционной процедуры в присутствии пациента исцеляет не хуже, чем сама операция. Это, конечно, побочный эффект, и смеяться тут нечего.

Кармоди попробовал встать на ноги, Модсли помог ему. Приз был тут же, рядом. Он больше не выглядел котелком, превратился в карлика, под влиянием потрясения, по-видимому. А доктор, тощий, высокий и грустный человек в черном, был в точности похож на Авраама Линкольна.

— Что это было? — спросил Кармоди. — Космический корабль, люди какие-то?

— Мы вытащили тебя как раз вовремя, детка, — усмехнулся Приз.

— Конечно, это не корабль, — сказал Модсли. — Это и был ваш хищник — кармодиед. Вы полезли прямо к нему в пасть.

— Полез, — признался Кармоди.

— И чуть не потеряли ваш единственный шанс на возвращение, — продолжал Модсли. — Вам больше нельзя медлить, Кармоди. У вас очень мало шансов, Кармоди, и нет ни одного безупречного. Присядьте, я вам постараюсь объяснить.

Кармоди сел и приготовился слушать.

ГЛАВА 17

Прежде всего Модсли заговорил о вселенских хищниках, их породах и численности, о повадках, приемах и вооружении. Для Кармоди важно было понять, что с ним произошло и почему.

Модсли сказал:

— Вселенная соблюдает принцип симметрии. Для каждого мужчины есть женщина, для каждого организма — хищник. Великая Цепь Поедания (поэтический образ для описания вечного движения жизни) должна соблюдаться хотя бы во имя внутренней необходимости. Жизнь — это созидание, а созидание невозможно без уничтожения, то есть без смерти.

— Почему созидание невозможно без смерти? — спросил Кармоди.

— Не задавайте глупых вопросов, — оборвал его Модсли. — Так о чем это я? Ах да! Итак, убийство справедливо, хотя с некоторыми его деталями нелегко примириться. Существо отнимает жизнь у других существ в своей природной среде обитания, а третьи существа отнимают жизнь у него самого. Этот простой и естественный процесс обычно так хорошо сбалансирован, что добытчики и добываемые не думают о нем, занимаясь вместо этого искусством, или сбором орехов, или объяснением Абсолюта, или еще чем-либо, всем, что кажется им интересным, и так оно и должно быть, потому что Природа (которую мы обыкновенно представляем себе старой дамой, одетой в черное или коричневое) не любит открывать свои законы гостям за столом, или же толпе на улице, или же Конклаву и еще кому-нибудь. И вы, Кармоди, не можете избежать неумолимого закона Природы, хотя вы и уцелели у себя на родине. Но здесь, в дальних просторах космоса, не существует ваших естественных земных хищников. А раз их не существует, значит, они должны быть созданы.

— Ну да, — сказал Кармоди. — Но этот корабль, эти люди...

— Эти люди не были людьми, только казались. Теперь ясно?

— Ясно, увы!

— Это было то самое единственное существо, сотворенное специально для вас, Кармоди. Оно — ваш Хищник-пожиратель, и оно следует классическому Закону Пожирания.

— В чем же суть его?

— Суть — суть! — вздохнул Приз. — Как мило ты ставишь вопрос. Можно сколько угодно рассуждать о судьбе и сути, а в конце концов приходишь к выводу: «Это есть, и все тут».

— Я не спорил, я спрашивал, — заметил Кармоди. — Что это за Закон Пожирания?

— Извини, я не понял тебя.

— Ничего, все в порядке.

— Спасибо.

— Ничего я не имел в виду... Нет, я имел в виду. Что же такое этот простой и обязательный Закон Пожирания?

— Надо объяснять? — удивился Модсли.

— Боюсь, что надо.

— Ну хорошо, — сказал Модсли. — Понимание пожирания присуще всем организмам, как руки, ноги и головы, даже еще обязательнее. Оно фундаментально, как законы науки, фундаментальнее науки, о нем не расскажешь упрощенно.

— Но должен же я знать все о пожирателях, хотя бы о моем собственном.

Модсли почесал лоб, подбирая слова.

— Ты ешь, поэтому тебя едят, — изрек он. — Это общеизвестно. Но как именно сумеют тебя съесть? Как тебя поймут, схватят, как сделают неподвижным и как приготовят? Поджарят тебя, заморозят или подадут в сыром виде? Очевидно, это зависит от личного вкуса того, кто захотел полакомиться тобой. А как он поймает тебя? Прыгнет ли сверху на спину, выроет ли яму на твоём пути, или запутает в паутину, вызовет на поединок, когтями вопьется? Это тоже зависит от природы пожирателя, от его формы и строения. Его природа приспособлена к особенностям твоей. И подобно твоей обладает свободной волей и не подвластна року.

Теперь разберемся. Когти, ямы и паутина прямолинейны, однообразны и не годятся против существ с хорошей памятью. Добыча, подобная вам, Кармоди, во второй раз не попадется в ту же ловушку. Прямолинейность, однако, не в духе Природы. У Природы особенное пристрастие к иллюзиям. Через иллюзии идет дорога и к рождению и к смерти. И чтобы поймать такое сложное существо, как вы, Кармоди, ваш хищник должен предпринимать сложные маневры.

Есть еще и другая сторона дела. Твой пожиратель создан не специально, чтобы съесть тебя. Ты для него самая важная пища, бесплатный подарок, но он не так уж ограничен в выборе еды.

Амбарная мышь может воображать, что сова на стропилах сотворена специально, чтобы охотиться на мышей, но люди-то знают, что у сов разная бывает добыча. Так и со всякими хищниками, и с твоим, Кармоди. У хищников есть выбор, поэтому они непредсказуемы.

— Никогда не думал об этом, — признался Кармоди. — Это для меня имеет значение? Поможет?

— Едва ли поможет. Но знать об этом надо. На практике ты никогда не используешь непредсказуемость твоего хищника. Ты даже не узнаешь, каков он. Ты как амбарная мышь в данном случае. Вы можете нырнуть в дырочку и услышать свист крыльев над ней, но никогда не сумеете понять всю природу, таланты и недостатки совы.

— Ну, это необыкновенно полезная мудрость, — сказал Кармоди с сарказмом. — Я потерпел поражение еще до старта, или, проще говоря, съеден уже, хотя пока еще никто не воткнул в меня вилку.

— Терпение! Терпение! — остановил его Приз. — Пока все идет не так плохо.

— Не так плохо? А можете вы подсказать мне что-либо действительно полезное?

— Это мы и стараемся сделать, — сказал Модсли.

— Тогда скажите хотя бы, на что похож мой хищник.

Модсли покачал головой:

— Именно это невозможно, к сожалению. Не думаете же вы, что всякая жертва знает, как выглядит ее смерть. Если бы знала, то жила бы вечно.

— А это против законов природы, — добавил Приз.

— По крайней мере хоть намек какой-нибудь, — взмолился Кармоди. — Всегда ли хищник мой маскируется под космический корабль?

— Конечно, нет, — сказал Модсли. — У вашего избирателя изменчивая форма. Слыхали вы, как лягушка прыгает в пасть к змее, а муха летит на язык лягушке, или олененок бежит в лапы тигра? Вот в чем суть талантов хищника. Можете спросить себя: «Что же в голове у жертвы, что она видит перед собой?» Себя спросите, что было перед вашими глазами, когда вы разговаривали с тремя пальцами вашего хищника и следовали за ним прямо в пасть.

— Они выглядели, как люди, — пожал плечами Кармоди. — А на что же похож мой хищник все-таки?

— Я не сумею объяснить вам, — сказал Модсли. — Но их маски и ловушки основаны на вашей собственной памяти, на ваших мечтах, надеждах и пожеланиях. Хищник заимствует вашу сокровенную мечту и на основе ее разыгрывает целое представление. Вам нужно понимать самого себя, чтобы избежать гибели. Но легче познать Вселенную, чем понять самого себя.

— Ну и что же мне делать? — спросил Кармоди растерянно.

— Учитесь! — сказал Модсли. — Будьте настороже всегда, передвигайтесь как можно быстрее, не доверяйте никому. И не позволяйте себе думать об отдыхе, пока не попадете домой.

— Домой! — вздохнул Кармоди.

— Да, в безопасности вы будете только на собственной планете. Хищник не может войти в вашу берлогу. Там свои обыденные земные бедствия, но от хищника вы избавлены.

— А домой вы сумеете меня переслать?

— Машину я сделал, — сказал Модсли. — Но ее возможности ограничены, поскольку ограничены и мои собственные. Машина доставит вас туда, куда ушла Земля, не более того.

— Но это все, что мне требуется.

— Нет, далеко не все. КУДА — только первая из координат планеты — из трех «К». Вам предстоит определить еще второе «К» — КОГДА и третье — КАКАЯ из Земель ваша. Мой совет: соблюдайте последовательность! Сначала Временная ось, потом — ось Качества. Но уйти отсюда вам следует немедленно. Ваш хищник, чей аппетит вы по-дурацки раздражили, может явиться в любой момент. И я не ручаюсь, что на этот раз я сумею так удачно вытащить вас из его пасти.

— А как это вам удалось? — поинтересовался Кармоди.

— Я быстренько сфабриковал приманку, — ответил Модсли. — Сделал вашу копию, но больше размером. Пожиратель выплюнул вас и кинулся за ней, истекая слюной. Но так мы его не обманем вторично.

Кармоди предпочел не спрашивать, было ли больно приманке.

— Я готов, — сказал он. — Но куда я попаду и что будет там?

— Вы попадете на Землю, — продолжал Модсли, — почти наверняка не на вашу. Но я pošлю письмо одному лицу, большому знатоку проблем времени. Он присмотрит за вами, если согласится, а после этого... Но кто может сказать, что будет после? Будь что будет, Кармоди, и будьте благодарны, если вообще что-нибудь будет.

— Благодарю, — сказал Кармоди. — Чем бы это ни закончилось, большое вам спасибо.

— Ну тогда все в порядке, — сказал Модсли. — И не забудьте передать мои слова тому старику, если попадете домой. Ну все. Машина тут рядом, под рукой. У меня не было времени сделать ее видимой, но выглядела бы она как зенитная батарея, управляющаяся по радио. Да где же она, черт возьми? А, вот она! Приз свой берете?

— Я беру его! — крикнул Приз, ухватившись за Кармоди обеими руками.

— Ну, мы готовы, — сказал Модсли. — Эту стрелку я ставлю сюда, затем эту, а затем эти две наверху... Вам приятно будет расстаться с макрокосмом, Кармоди, и оказаться на планете,

хотя бы и не на своей. Конечно, нет качественной разницы между атомом, планетой, Галактикой и Вселенной. Весь вопрос, в каком масштабе вам удобнее жить. Ну а затем я нажимаю это...

Бамм! Пуфф! Хррруст! Медленное растворение, быстрое растворение, жидкое растворение, электронная музыка из внешнего пространства, внешнее пространство из электронной музыки, шелестят странички календаря; кувыркаются голова и ноги в невесомости. Литавры звучат грозно, грозно звучат литавры. Вспышки ярких красок, женский голос, детский смех. Апельсины из Яффы светятся как планеты; Солнечная система — как рябь на пруду. Лента бежит быстрее, лента ползет медленно. Тьма снаружи, тьма внутри...

Это была дьявольская забава, но ничего другого Кармоди и не ожидал.

Часть III. КОГДА?

ГЛАВА 18

Когда перемещение закончилось, Кармоди с трудом пришел в себя. Ощупав себя, он пришел к выводу, что у него по-прежнему две руки, две ноги, одна голова и одно туловище. Он заметил также, что на этот раз Приз превратился во флейту.

— Ну ладно, — сказал сам себе Кармоди.

— Не так уж ладно, — поправился он, осмотревшись. Он не ожидал, что попадет на подходящую Землю, но эта оказалась очень уж непохожей.

Он стоял на зыбкой почве, на краю болота. Ядовитые миазмы поднимались от стоячих бурых вод. Вокруг росли широколистые папоротники, низкие, с тонкими листьями кусты и пальмы с пышными кронами. Воздух был горяч, как кровь, и насыщен запахами гнили.

— Может, я во Флориде? — сказал Кармоди с надеждой.

— Боюсь, что нет, — отозвался Приз. Голос у него был низкий, мелодичный, но с избытком обертонов.

— А как же это ты разговариваешь? — спросил Кармоди, глядя на флейту.

— Ты же не удивился, что я говорил, когда был котелком, — возразил Приз. — Пожалуйста, я объясню. Возле моего ротика прикреплен патрон с CO₂. Этот патрон — мои легкие. Конечно, запас ограничен. Прочее очевидно.

Кармоди не было очевидно ничего, но не Приз интересовал его сейчас.

— Так где же я? — спросил он.

— Не я, а мы, — поправил Приз. — Мы на планете по имени Земля. Эта местность в твоё время станет Скарсдейлом, штат Нью-Йорк. — Он хихикнул. — Советую купить участок сейчас, пока цены низкие.

— Какого дьявола? Это не похоже на Скарсдейл.

— Конечно нет. Оставляя вопрос о «Какойности», мы видим, что и «Когдашность» неправильная.

— Ну и Когда же мы?

— Хороший вопрос. Но из тех, на которые я могу дать только приблизительный ответ. В палеозойской... нет, скорее в мезозойской эре. Но в каком именно периоде? Впрочем, это можно уточнить. Погляди-ка вверх! Правее.

Кармоди поднял голову и увидел странную птицу, неловко взмахивающую крыльями.

— Определенно археоптерикс, — сказал Приз. — Сразу видно, что перья торчат иголками. Большинство ученых относит это существо к меловому периоду, или же к юрскому, но никак не раньше, чем к триасу. Значит, мы в мезозое определено.

— Довольно-таки давно, — заметил Кармоди.

— Порядочно, — согласился Приз. — Впрочем, мы можем и уточнить время. Дай-ка мне подумать чуточку. Во-первых, это не триас. Болото ничего нам не говорит, но тут есть цветок возле твоей левой ноги. Покрытосемянные! Цветок — безупречное указание на более поздний период. Теперь посмотри перед собой. Видишь два тополя и фиговое дерево? И самое главное — трава. Травы не было в юрские времена — только папоротники и хвощи. И это решает все, Кармоди! Голову даю на отсечение, что мы в меловом периоде.

У Кармоди было самое смутное понятие о геологических периодах.

— Меловой? Это далеко от моего времени?

— О, около ста миллионов лет, плюс-минус несколько миллионов, — сказал Приз. — Меловой период кончился примерно за 70 миллионов лет до появления человека.

— А откуда же ты знаешь всю эту геологию?

— Откуда? Уж если мы едем на Землю, я решил кое-что разузнать об этом месте. Если бы не я, ты бы бродил вокруг, разыскивая Майами, пока тебя не слопали бы...

— Кто слопал?

— Ну, какой-нибудь урод из числа динозавров.

— Ты хочешь сказать, что тут есть динозавры?

— Я хочу сказать, — ответил Приз все с теми же неуместными трелями, — что мы попали в самый настоящий Динозавровиль.

Кармоди не успел сказать ничего. Он заметил движение слева и в самом деле увидел динозавра — махину высотой футов в двадцать и в добрых пятьдесят футов от носа до кончика хвоста. Держась вертикально на задних ногах, гигант быстро приближался к Кармоди.

— Тираннозавр? — спросил Кармоди.

— Точно! Тираннозавр-рекс. Самый знаменитый из отряда

зауришиа. Длина клыков полфута. Впрочем, это детеныш. Вес не более девяти тонн.

— И он ест мясо?

— Да, конечно! Впрочем, лично я думаю, что тираннозавры и все другие хищные ящеры питались главным образом хардозаврами, широко распространенными в ту эпоху. Но это моя собственная теория.

Гигант был уже в пятидесяти футах от Кармоди. И на плоской болотистой равнине — никакого укрытия: ни скалы, ни норы.

— Так что же делать?

— Лучше всего превратиться в растение, — посоветовал Приз.

— Но я не умею.

— Тогда дело плохо. Улететь ты не сможешь, зарыться в землю не успеешь и убежать тебе, держу пари, не удастся. Будь стойким — ничего другого не остается. Хочешь, процитирую Эпиктета? Или давай споем гимн, если это поможет.

— К черту гимны! Я удрать хочу.

Но флейта уже затянула: «Боже мой, я все ближе к тебе». Кармоди сжал кулаки, а тираннозавр уже был перед ним. Он высился над головой, словно подъемный кран. Ящер открыл свою ужасную пасть...

ГЛАВА 19

— Хэлло, — сказал тираннозавр. — Меня зовут Эми. Мне шесть лет. А вас как зовут?

— Кармоди, — представился Кармоди.

— А я его Приз, — добавил Приз.

— Вы оба ужасно странные, — сказал Эми. — Никогда не видел таких. А я уже знаю диметродона, и струтиомим, и сколозавра, и кучу других зверей. Вы тоже живете тут поблизости?

— Приблизительно, — сказал Кармоди. Потом вспомнил о разнице во времени и добавил: — Ну, не совсем близко.

Эми окнул и замолк, глаза на них по-детски. И Кармоди молчал, подавленный величиной этой ужасной головы, размером с пилораму, с узкой пастью, усаженной рядами кинжалов. Страшилище! Только глаза — круглые, нежные, голубые, доверчивые — не вязались со зловещим обликом динозавра.

— Ну ладно, — сказал Эми наконец. — А что вы делаете в нашем парке?

— Разве это парк?

— Конечно, — сказал Динозавр. — Детский парк. Но вы же не ребенок, хотя и маленький.

— Ты прав, я не ребенок, — сказал Кармоди. — Я попал в ваш парк по ошибке. Пожалуй, мне бы стоило поговорить с твоим отцом.

— О'кей, — сказал Эми. — Залезайте ко мне на спину, я вас отвезу. И не забудьте, что именно я нашел вас. Друга своего тоже возьмите. Он-то уж совсем странный.

Кармоди сунул Приз в карман, взобрался на тираннозавра, и тот пустился вприпрыжку на юго-запад.

— Куда мы? — спросил Кармоди, еле удерживаясь при каждом прыжке.

— К моему отцу.

— А где он?

— В городе, у себя на работе. Где же ему быть еще?

Сначала они выбрались на дорогу, широкую трассу, утрамбованную ногами бесчисленных динозавров, твердую как бетон. То тут, то там они видели хардозавров, спавших возле дороги, под ивами, или гармонично мычавших низкими приятными голосами. Кармоди спросил, что это за животные. Эми сказал только, что отец считает их «серьезной проблемой».

Дорога шла через рощи берез, лавров и остролистов. В каждой роще под ветвями возились динозавры — копали землю или отгребали мусор. Кармоди спросил, что они там делают.

— Прибирают, — презрительно сказал Эми. — Домохозяйки вечно заняты уборкой.

Динозавровилль — так мысленно называл Кармоди город ящеров. По пути к нему они миновали плоскогорье с отдельными рощами, затем оказались в лесу; по-видимому, это был не естественный лес, а планомерные посадки. На опушке находился широкий пояс фиг, хлебных деревьев и грецких орехов, за ними несколько рядов тонкоствольных гингко, а далее только сосны, иногда канадские ели. Чем дальше в лес углублялись путники, тем больше встречалось динозавров. Земля гудела под их ногами, деревья дрожали, и облака пыли вздымались в воздух. Бронированные бока скребли по бокам. Только быстрые повороты, внезапные остановки и рывки помогали избежать столкновений. А сколько рева было из-за правил уличного движения! Просто страшно было смотреть на эти тысячи бегущих машин. А вонь какая!

— Вот мы и на месте, — сказал Эми и остановился так резко, что Кармоди чуть не слетел с его шеи. — Тут мой папа.

Осмотревшись, Кармоди увидел, что Эми доставил его в небольшую рощу секвой. Здесь был как бы оазис покоя. Два динозавра медлительно прохаживались меж красными стволами, не обращая внимания на суматоху всего в пятидесяти ярдах от них. Кармоди решил, что здесь можно спешиться, не опасаясь, что тебя раздавят, и соскользнул со спины динозавра.

Один из ящеров поднял голову. Это был тираннозавр заметно больше Эми, с белыми полосами на синей коже. Его серые глаза были налиты кровью.

— Сколько раз, — начал он недовольно, — сколько раз я просил тебя не бегать сюда?

— Прости, папа, но ты посмотри, что я...

— Ты всегда просишь прощения, — наставительно сказал старший тираннозавр, — а ведешь себя по-прежнему. Мы с матерью постоянно говорим о твоём поведении, Эми. Ни она, ни я не хотели бы, чтобы из тебя получился горластый, неотесанный битник, не имеющий понятия, как подобает вести себя воспитанному динозавру. Я люблю тебя, сын мой, но ты должен научиться...

— Папа, ты потом скажешь. Ты только посмотри!

Тираннозавр гневно взмахнул хвостом, но все же опустил голову и увидел Кармоди.

— Боже милостивый! — воскликнул он.

— Добрый день, сэр, — сказал Кармоди. — Меня зовут Томас Кармоди. Я человек. Не думаю, что сейчас на этой Земле есть другие люди или хотя бы приматы. Трудно объяснить, как я попал сюда, но я пришел с миром и все такое... — закончил он не очень вразумительно.

— Фантастика! — только и сказал отец Эми. — Говорящее млекопитающее!

— Вижу, Борг, но не верю своим глазам, — поддержал его второй тираннозавр, примерно такого же возраста.

— Я и сам не верю, — сказал отец Эми.

ГЛАВА 20

Борг пригласил Кармоди в контору, которая помещалась под пышной листвой плакучей ивы. Сели, откашлялись, помолчали, соображая, с чего начать. Наконец Борг произнес:

— Итак, вы — млекопитающее из будущего, да?

— А вы — здешнее пресмыкающееся из прошлого?

— Никогда не думал о себе, как о существе из прошлого, — сказал Борг. — Ну, предположим, что это правда. А далеко ли будущее, откуда вы пришли?

— Сто миллионов лет или около того.

— Да, это долгий срок. В самом деле долгий.

Борг кивнул и хмыкнул. Кармоди понял, что динозавр не знает, что еще сказать. Судя по всему, Борг был рядовым обывателем: гостеприимный, но погруженный в свои дела, хороший семьянин, но неинтересный собеседник, этакий заурядный, темный тираннозавр из среднего класса.

— Ну-ну, — произнес наконец Борг, когда молчание стало тягостным. — И как там, в будущем?

— Хлопотно, — вздохнул Кармоди. — Суматоха. Полно новых изобретений, а они только затрудняют жизнь.

— Да-да-да, — сказал Борг. — Примерно так и представляют будущее наши парни с воображением. Некоторые пишут, будто эволюция идет к тому, что млекопитающие станут доминировать на Земле. Но я считаю это передержкой, гротеском.

— Наверное, так это и выглядит, — дипломатично согласился Кармоди.

— Но ваш вид — доминирующий?

— Ну... один из доминирующих.

— А как насчет пресмыкающихся? Или точнее: как дела у тираннозавров там, в вашем будущем?

У Кармоди не хватило духу сказать, что динозавры вымрут, что они вымерли за семьдесят миллионов лет до человека, и вообще пресмыкающиеся занимают третьестепенное место в природе.

— Как дела? Именно так, как и можно было ожидать, — сказал Кармоди, чувствуя себя пифией, и к тому же трусливой.

— Хорошо! Я примерно так и думал, — сказал Борг. — Мы — крепкий народ, знаете ли, у нас есть сила и здравый смысл. Ну а много ли хлопот от сосуществования людей и ящеров?

— Нет, хлопот немного, — с легкостью сказал Кармоди.

— Рад слышать это. Я боялся, что динозавры при своих размерах станут угнетателями, тяжелыми на руку.

— Нет-нет! Даже можно сказать, что людям нравятся динозавры.

— Очень приятно, что вы так считаете.

Кармоди пробормотал еще что-то, чувствуя, что стыдится сам себя.

— Нас, динозавров, мало занимало будущее, — продолжал Борг, переходя на округлый стиль послеобеденного оратора. — Но прошлое было не столь простым. Наш вымерший предок — аллозавр — был грубым, прожорливым хищником. Его же предок — цератозавр — всего лишь карликовый карнозавр. Судя по размерам его черепной коробки, он был невероятно глуп. Были, безусловно, и другие карнозавры, а до них — потерянное звено — древнейший предок, от которого произошли все ящеры — и четвероногие и двуногие.

— Двуногие доминировали, конечно? — спросил Кармоди.

— Конечно! Четвероногие трицератопсы — тупоголовые твари. Мы держим небольшие стада их. Шарик из их мяса очень вкусен с добавкой из рубленой бронтозаврины. Есть еще и другие виды ящеров. Хардозавры, например. Вы могли их заметить по дороге в город.

— Да, заметил. Они пели.

— Эти типы всегда поют, — сказал Борг сурово.

— Вы едите их тоже?

— Конечно нет! Хардозавры разумны. Единственные разумные существа на планете, не считая нас — тираннозавров.

— Ваш сын сказал, что они «серьезная проблема».

— Да, проблема! — подтвердил Борг вызывающим тоном.

— В каком смысле?

— Они ленивы. А также угрюмы и грубы. Я знаю, что говорю, у меня были слуги — хардозавры. У них нет самолюбия,

нет стремлений, нет идей. Полжизни они не знают, кто их будет кормить, и, похоже, нисколько не тревожатся. Они не смотрят в глаза, когда говорят с вами.

— Но они хорошо поют.

— О да, поют они хорошо. Некоторые из наших лучших исполнителей — хардозавры. И на тяжелых работах они хороши, если есть надсмотр. Внешность их подводит — этот утиный клюв... Но это не их вина, тут ничего не поделаешь. А в будущем проблема хардозавров решена.

— Да, — сказал Кармоди. — Их раса вымерла.

— Возможно, это и к лучшему, — сказал Борг. — Да, я действительно думаю, что это к лучшему.

Кармоди и Борг беседовали несколько часов. Кармоди узнал, в частности, и об урбанистических проблемах у ящеров. Лесные города переполнялись, поскольку все больше динозавров покидали деревни ради удобств цивилизации. Крайне обострилась транспортная проблема. Громадные ящеры любят скорость и очень гордятся быстротой своих рефлекторов. Но столкновения неизбежны, когда несколько тысяч динозавров одновременно ломятся через лес. И аварии трагичны, если два ящера в сорок тонн весом каждый сталкиваются на скоростях в тридцать миль в час. Сломанные шеи — сплошь и рядом. Были и другие проблемы — результат демографического взрыва. Переполненные города. Ящеры во многих странах живут на краю голода.

— Проблем у нас масса, — вздыхал Борг. — Некоторые из лучших наших умов впали в отчаяние. Но я оптимист по натуре. Мы, ящеры, и прежде видели тяжелые времена, но сумели выстоять. И новые проблемы мы разрешим, как и прежде. Помоему, у нас, динозавров, есть врожденное благородство, искра разума. Я не могу поверить, что она погаснет.

Кармоди кивнул:

— Вы выстоите.

Что ему оставалось, кроме джентльменской лжи?

— Благодарю вас, — сказал Борг. — А сейчас, полагаю, вам надо поговорить со своим другом.

— С каким другом?

— Я имею в виду млекопитающее, которое стоит у вас за спиной.

Кармоди тотчас обернулся и увидел коротенького толстого человека в очках, с портфелем и с зонтиком в левой руке.

— Мистер Кармоди? — спросил он.

— Да, я Кармоди.

— Я — Саргис из Бюро Подходящих Налогов. Вы-таки заставили нас погоняться за вами, но от Бюро не скрыться.

Борг сказал:

— Меня это не касается.

И удалился бесшумно, с мягкостью, удивительной для такого крупного динозавра.

— Странные у вас друзья, — сказал Саргис, глядя ему вслед. — Но это не мое дело, хотя ФБР может проявить к нему интерес. Я здесь исключительно из-за налогов за 1965 и 1966 годы. В моем портфеле ордер на задержание, он в полном порядке — можете убедиться. Предлагаю вам следовать за мной. Моя машина времени на стоянке за этим деревом.

— Нет! — сказал Кармоди.

— Советую подумать, — настаивал сборщик налогов. — Ваше дело может быть разрешено к обоюдному удовлетворению заинтересованных сторон. Но оно должно решаться немедленно. Правительство Соединенных Штатов не любит, чтобы его заставляли ждать. А отказ повиноваться приказу Высшего Суда...

— Я сказал: нет! — крикнул Кармоди. — Убирайтесь вон! Я знаю, кто вы!

Ибо, вне всякого сомнения, это был его преследователь. Грубая подделка под сборщика налогов никого не могла обмануть. И портфель, и зонтик приросли к левой руке. Черты лица были правильны, но хищник забыл про уши. И самое нелепое: колени у него отгибались назад.

Кармоди повернулся, чтобы уйти. Хищник не двинулся с места. Очевидно, он не способен был преследовать. Он взвыл от голода и ярости. И исчез.

Кармоди, однако, даже не успел поздравить себя с избавлением, потому что мгновение спустя он исчез тоже.

ГЛАВА 21

— Войдите, войдите!

Кармоди только глазами хлопал: динозавров и в помине не было, и сам он — уже не в лесу мелового периода, а в какой-то маленькой пыльной комнатенке, где каменный пол холодит ноги, окна покрыты копотью и пламя высоких свечей беспокойно дрожит от сквозняка.

За высокой конторкой сидел человек. У него был длинный нос, костлявое лицо, запавшие глаза, коричневая родинка на левой щеке, тонкие и бескровные губы.

Человек сказал:

— Я — мое преподобие Клайд Бидл Сизрайт. А вы, конечно, мистер Кармоди, которого так любезно направил к нам мистер Модсли. Садитесь, пожалуйста. Надеюсь, ваше путешествие с планеты мистера Модсли было приятным.

— Распрекрасным, — пробурчал Кармоди. Пусть это прозвучало и невежливо, но внезапные переброски из мира в мир ему уже изрядно осточертели.

— Ну, а как поживает мистер Модсли? — спросил Сизрайт с сияющей улыбкой.

— Великолепно. А где я?
— Разве мой секретарь в приемной не объявил вам?
— Не видел я никаких секретарей и никакой приемной не видел.

— Ай-яй-яй! — нежно закудахтал Сизрайт. — Наверное, приемная опять выпала из фазы. Я уже раз десять чинил ее, но она вечно десинхронизируется. Знаете, это и клиентов раздражает, а секретарю приходится еще хуже — бедняга тоже выпадает из фазы и не может попасть домой, к семье, иногда по неделе и больше.

— Да, плохи его дела, — сказал Кармоди, чувствуя, что уже близок к истерике. — А не намерены ли вы мне объяснить все-таки, — продолжал он, еле сдерживаясь, — объяснить для начала, где я сейчас и как мне попасть домой отсюда?

— Успокойтесь, — сказал Сизрайт. — Чашечку чаю, может быть? Нет? Так вот, место это, где вы находитесь сейчас, — Всегалактическое Бюро Координат. Наш устав — на стене. Можете ознакомиться.

— А как я сюда попал?

Сизрайт улыбнулся, поиграл пальцами:

— Очень просто, сэр. Когда я получил письмо от мистера Модсли, то я распорядился предпринять розыск. Мой клерк нашел вас на Земле В3441123С22Ш. Это была явно не ваша Земля. Конечно, мистер Модсли сделал все, что мог, но определение координат — не его специальность. Поэтому я взял на себя смелость переместить вас сюда, в Бюро. Но если вы хотите вернуться на ту, вышеупомянутую, Землю...

— Нет, нет, — отмахнулся Кармоди. — Но только я никак не пойму, где же... Вы, кажется, сказали, что это какая-то служба по определению координат?

— Это Всегалактическое Бюро Координат, — вежливо поправил Сизрайт.

— Значит, я не на Земле?

— Конечно, не на Земле. Или, выражаясь более строго, вы не в каком-либо из возможных, вероятных, потенциальных или темпоральных миров земной конфигурации.

— О'кей, прекрасно! — сказал Кармоди, тяжело дыша. — А вы, мистер Сизрайт, сами были когда-нибудь на какой-либо из тех земель?

— Увы, не имел счастья. По роду работы я вынужден почти безотлучно сидеть в конторе, а досуг я провожу в кругу семьи, в своем коттедже, и...

— Так значит, — взревел Кармоди, — вы никогда не были на Земле, как сами же говорите! Так почему же, черт вас возьми, вы сидите в этой идиотской комнатенке при свечах, да еще нахлобучив цилиндр, словно вы из книжки Диккенса?! Почему, а? Мне просто хочется услышать, что вы скажете, — ведь я уже знаю этот распроклятый ответ! Просто нашелся сукин сын, кото-

рый опоил меня каким-то зельем. И все мне чудится — весь этот собачий бред, и вы сами чудитесь — крючконосый ублюдок со всеми вашими ухмылками!

Кармоди шлепнулся на стул, пыхтя как паровоз и победно взирая на Сизрайта. И ждал, что теперь все рассыплется, исчезнут нелепые видения, а сам он проснется в своей кровати, в собственной квартире, или же на диване у приятеля, или, на худой конец, на больничной койке.

Но ничего не рассыпалось. Триумф не состоялся, и Кармоди почувствовал, что уже ничего не соображает, но и на это ему наплевать — так он устал...

— Вы закончили свой монолог? — ледяным тоном спросил Сизрайт.

— Кончил, — вздохнул Кармоди. — Простите.

— Не терзайтесь, — спокойно сказал Сизрайт. — Вы переутомились, это естественно. Но я ничем не сумею помочь, если вы не возьмете себя в руки. Разумное поведение может привести вас домой, дикие истерики не приведут никуда.

— Еще раз прошу: простите, — пробормотал Кармоди.

— Что касается этой комнаты, которая так вас напугала, то я декорировал ее специально для вас же. Конечно, эпоха подобрана приближенно, но это все, что мне удалось по недостатку времени. И лишь для того, чтобы вы чувствовали себя как дома.

— Это вы хорошо придумали, — сказал Кармоди. — Значит, и ваша внешность?..

— Конечно, — улыбнулся Сизрайт. — Я и себя декорировал, так же как и комнату. Это не слишком трудно. Но нашим клиентам такие штришки обычно нравятся.

— Мне тоже нравится, — согласился Кармоди. — Теперь я понимаю, что это успокаивает.

— Я и хотел, чтобы успокаивало, — сказал Сизрайт. — А насчет вашего предположения, что все это сон, что ж... в нем что-то есть!

— В самом деле?

— Предположение ценно само по себе, но вам оно не поможет нисколько.

— Ох! — Кармоди снова повалился на стул.

— Строго говоря, — продолжал Сизрайт, — между воображаемыми и подлинными событиями существенной разницы нет. Различие только в терминах. Между прочим, сейчас вам ничего не снится, мистер Кармоди. Но, будь все это сном, вам следовало бы действовать точно так же.

— Ничего не понимаю, — сказал Кармоди. — Только верю, вам на слово, что все это на самом деле... — Он засмеялся. — Но вот чего я на самом деле не понимаю: почему все так похоже? Я о том, что Галактический Центр похож на наш Радио-сити, а Борг-динозавр говорит не как динозавр, даже не так, как говорящий динозавр должен бы говорить. И...

— Ради Бога, не терзайтесь!

— Простите.

— Вы хотите, чтобы я объяснил вам, — продолжал Сизрайт, — почему действительность такова, какова она есть. Но ведь это необъяснимо. Просто надо приучиться подгонять свои предассудки к новым фактам. Не следует ожидать, что действительность станет к вам приспособливаться. Если вы столкнулись с чем-то необычным, тут ничего не поделаешь. И если с обычным — тоже ничего не поделаешь. Вы поняли меня?

— Пожалуй, да.

— И отлично. Так вы уверены, что не хотите чаю?

— Спасибо, не хочу.

— Тогда подумайте, как доставить вас домой. В гостях хорошо, а дома лучше. Не так ли?

— Конечно, лучше, — согласился Кармоди. — А вам это очень трудно?

— Трудно? Я бы так не сказал, — протянул Сизрайт. — Это дело, конечно, сложное, требующее точности и даже связанное с известным риском. Но трудным я бы его все-таки не назвал.

— А что вы считаете действительно трудным?

— Квадратные уравнения, — не задумываясь ответил Сизрайт. — Никак не могу научиться решать их, хотя пробовал миллион раз. Вот это, сэр, настоящая трудность. Однако вернемся к вашему делу.

— А вы знаете, куда ушла моя Земля? — спросил Кармоди.

— «Куда» — это не проблема. «Куда» вас уже доставили, правда, толку от этого не было, поскольку «Когда» оказалось таким далеким от искомого. Но теперь, я полагаю, мы попадем в ваше личное «Когда» без лишней возни. «Какая» Земля — вот в чем фокус!

— Это непреодолимо?

— Вообще-то преодолимо, — успокоил Сизрайт. — Всего-навсего мы должны рассортировать Земли и выяснить, которая из них ваша. Дело простое. Как сказали бы у вас: все равно, что подстрелить рыбу в бочке.

— Никогда не пробовал, — сказал Кармоди. — А это легко?

— Вопрос в том, какая рыба и какая бочка. Акулу в ванне вы подстрелите без труда. Значительно трудней попасть в кильку в цистерне. Все зависит от масштаба. Но все-таки вы должны признать, что и в том и в другом случае принцип одинаковый и весьма простой.

— Да, наверное, — согласился Кармоди. — Но хоть это и просто в принципе, не понадобится ли слишком много времени, если вариантов чересчур много?

— Не совсем так, но верно подмечено, — просиял Сизрайт. — Сложность, знаете ли, полезна иногда. Она способствует классификации и идентификации.

— Ну хорошо... А теперь что будет?

— А теперь мы приступим к делу! — воскликнул Сизрайт, энергично потирая руки. — Мы тут с коллегами подобрали некоторое количество миров. И, между прочим, полагаем, что ваш мир должен оказаться среди них. Но опознать его можете только вы сами, конечно.

— Я должен буду присмотреться?

— Что-то в этом роде. Точнее, вы должны вжиться в эти миры. И каждый раз, как только разберетесь, сообщайте мне, попали мы с вами в ваш мир или в какой-то иной. Если это ваш мир — делу конец. Если иной, переместим вас в следующий из вероятных.

— Весьма разумно, — согласился Кармоди. — А много у вас этих вероятных Земель?

— Невероятное множество! Но у нас есть надежда на быстрый успех, если только...

— Что «если»?

— Если только хищник не догонит вас раньше.

— Мой хищник?

— Он все еще идет по следу, — сказал Сизрайт. — И, как вы теперь знаете, устраивает вам ловушки, а материал для ловушек берет из ваших воспоминаний. Эти «земноформные сцены» — я так бы их назвал — должны убаюкать вас, обмануть и заставить, ничего не подозревая, идти к нему прямо в пасть.

— И он будет вторгаться во все ваши миры?

— Конечно, безопасного убежища нет. Но вы меня спрашивали раньше о снах и действительности. Так вот, запомните: все доброе действует открыто; все злое непременно хитрит, трусливо прикрываясь иллюзиями, масками, грезами.

— А вы можете что-нибудь предпринять против моего хищника? — спросил Кармоди.

— Нет, не могу. И ничего не сделал бы, даже если бы и мог. Хищничество — закон природы. Даже и боги иногда уничтожаются Роком. Вы не должны быть исключением из универсального закона природы.

— Так я и думал, что вы скажете что-нибудь в таком роде, — вздохнул Кармоди. — Но может быть, вы дадите мне намек, признак, укажете, как угадать моего хищника?

— Для меня-то отличие очевидно, — сказал Сизрайт. — Но мы с вами мир воспринимаем по-разному. Вам не помогут мои наблюдения, мне не помогут ваши. Ну что ж, пока вам удавалось уходить благополучно.

— Да, мне везло. Пока...

— Значит, вы счастливчик. Вот у меня есть мастерство, но нет везенья. И кто скажет, что важнее? Не я, сэр. И конечно, не вы. Так что мужайтесь, мистер Кармоди. Смелость, знаете... э-э... планеты берет. Верно? Так что изучайте миры, берегитесь иллюзий, выходите сухим из воды и не прозевайте с перепугу свой подлинный мир.

— А что, если я прозеваю нечаянно?

— Тогда ваши поиски не кончатся никогда. Только вы сами можете узнать свою настоящую Землю. Если же вы не найдете ее среди самых вероятных, будем искать среди менее вероятных, потом — среди наименее вероятных. Число возможных Земель не бесконечно, но у вас просто жизни не хватит осмотреть их все и опять начать сначала.

— Ну ладно, — неуверенно сказал Кармоди. — Видно, у меня нет другого пути.

— У меня нет другого способа помочь вам, — подтвердил Сизрайт. — И не думаю, что вообще есть другие способы. Если хотите, я наведу справки в соседней галактической системе. Но это потребует известного времени.

— Боюсь, что у меня нет времени, — вздохнул Кармоди. — Вероятно, мой хищник уже близко. Прошу вас, мистер Сизрайт, приступайте. Посылайте меня в ближайшую из вероятных Земель. И благодарю вас за внимание и терпение.

— Пожалуйста, — легко согласился Сизрайт, явно довольный. — Будем надеяться, что самый первый мир и окажется тем, который вы ищете.

Он нажал кнопку на своем столе. В первый миг ничего не произошло. Но как только Кармоди мигнул, все свершилось. Его поставили на свое место — прямиком на Землю.

Часть IV. КАКАЯ ЗЕМЛЯ?

ГЛАВА 22

Кармоди оказался на опрятной, хорошо возделанной равнине под синим небом и с золотым солнцем над головой. Впереди в полумиле от него виднелся небольшой город. Он был построен не в американской манере — с бензиновыми колонками на окраине, рядами сосисочных, мотелей и с крепостной стеной свалок. Скорее, он был похож на итальянский городок на холме или же на швейцарскую деревню, которая возникает перед вами внезапно и так же внезапно обрывается без предупреждения.

Несмотря на такую чужеземную внешность, Кармоди был уверен все же, что городок этот американский. И он осторожно двинулся к городу со все возрастающим напряжением, готовый стремительно бежать, если что окажется не так.

Однако все, казалось, было в порядке. Город выглядел приветливо, улицы просторные. Свободное что-то ощущалось в широких эркерах на фасадах. И далее нашлось много приятного. В центре города Кармоди вышел на площадь, похожую на римскую «пiazza». В середине ее был фонтан с мраморной копией мальчика с дельфином. Из пасти дельфина била чистая струя воды.

— Надеюсь, вам понравилось? — произнес голос за плечом Кармоди.

Он не отпрыгнул в ужасе. Даже не повернулся. Начал уже привыкать к голосам, раздающимся за спиной. В Галактике, видимо, многим нравилась такая манера обращения.

— Очень мило выглядит, — сказал Кармоди.

— Я сам построил все это, — продолжал голос. — Мне кажется, что фонтан, хотя назначение его устарело, воздействует эстетически. А эта пьядца со скамьями и тенистыми ореховыми деревьями — точная копия Болонской. Снова повторю: я не боюсь упреков в старомодности. Истинный художник, так кажется мне, использует все, что считает необходимым — тысячелетнее и сиюминутное.

— Я одобряю вас, — сказал Кармоди. — И позвольте представить. Меня зовут Томас Кармоди.

Улыбаясь, он обернулся с протянутой рукой, но за спиной его не было никого. Вообще ни единого человека не было на площади, никого в поле зрения.

— Извините меня, — произнес голос. — Я не хотел напугать вас. Я думал, что вы знаете...

— Знаю что? — спросил Кармоди.

— Знаете обо мне.

— Понятия не имею. Кто вы? Откуда говорите?

— Я голос города, — сказал голос. — Или, выражаясь точнее, я и есть город. Город говорящий.

— Факт налицо, — сказал Кармоди насмешливо. — Слышу — говорящий. Итак, вы — город. Большое дело!

Кармоди даже не очень удивился. Ему надоело, по правде говоря. Столько он уже повстречал существ с чудесными силами, столько раз его швыряли из одного конца Вселенной в другой. Силы, твари и воплощения кидались на него со всех сторон, так что временами он терял хладнокровие. Кармоди был рассудительным человеком, он понимал, что существует межзвездная иерархия и человек в ней ценится не слишком высоко. Но у него была и гордость, он считал, что и человек чего-то стоит, и не только для себя самого. Самоуважения Кармоди пока не утратил.

И потому он отвернулся от фонтана, спокойно пересек площадь, как человек, который каждый день разговаривает с городами, чудеса такие ему наскучили. Он прошел по нескольким улицам, заглянул в витрины лавок, отметил размеры домов, постоял у скульптур, но не слишком долго.

— Ну? — спросил город через некоторое время.

— Что «ну»?

— Что вы думаете обо мне?

— Вы — о'кей.

— Только о'кей?

— Видите ли, — сказал Кармоди. — Город — это город. Когда знаете один, в сущности, вы знаете все города.

— Это неправда, — сказал город, явно уязвленный. — Я заметно отличаюсь от всех других городов. Я — уникам.

— В самом деле? — Кармоди пожал плечами. — А по-моему, вы выглядите, как конгломерат плохо подогнанных частей. У вас итальянская площадь, группа греческих статуй, ряд тюдоровских домов, нью-йоркские кварталы старого стиля, калифорнийские сосисочные, похожие на портовые буксиры, и Бог знает, что еще. Что тут уникального?

— Уникальна комбинация всех этих форм в осмысленном ансамбле, — возразил город. — У меня внешнее разнообразие во внутреннем единстве. Эти старые формы не анахронизмы, видите ли, они являются стилями жизни, хорошо организованной машиной для житья.

— Но это ваше личное мнение, — сказал Кармоди. — Между прочим, есть у вас имя?

— Конечно, есть. Мое имя Беллуэзер¹. Беллуэзер, штат Нью-Джерси. А не хотите ли вы кофе, или же сэндвич, или свежих фруктов?

— Кофе хорошо бы, — охотно сказал Кармоди и позволил городу проводить себя за угол в кафе на открытом воздухе. Оно называлось «Ну-ка, мальчик!» и было точной копией салуна веселых девяностых, с пианино, лампами в стиле Тиффэни и канделябрами из резного стекла. Там было очень чисто, как и повсюду в этом городе, но людей не было совсем.

— Прекрасная обстановка, как по-вашему? — спросил город.

— Походная, — сказал Кармоди. — О'кей, если вам нравится такой стиль.

Дымящаяся кружка капучино сама собой спустилась на стол на подносе из нержавеющей стали.

— По крайней мере обслуживают здесь хорошо, — добавил Кармоди, и отхлебнул кофе.

— Хорошо? — спросил город.

— Да, очень.

— Я горжусь моим кофе, — заявил Беллуэзер. — И моей кухней тоже. Хотите попробовать? Омлет, например, или суфле?

— Нет, спасибо, — сказал Кармоди твердо. И откинувшись на спинку стула, добавил: — Так что, вы — образцовый город?

— Я хотел бы заслужить такую честь, — сказал Беллуэзер. — Я новейшая, самая последняя модель и, надеюсь, наилучшая. Я был задуман объединенной исследовательской группой из университетов Дэйла и Чикаго, которая работала в фонде Рокфеллера. Большую часть деталей спроектировали в М.И.Т., а некоторые специальные разделы пришли к нам из Принстона или из Рэнд Корпорейшен. Главным подрядчиком была компания «Дженерал электрик», а деньги пожертвовал фонд Форда, а также другие организации, которые я не имею права назвать.

¹ Беллуэзер означает «хорошая погода».

— Интересная история, — заметил Кармоди с невыносимым безразличием. — А этот собор на той стороне готический, да?

— Да, готический целиком, — подтвердил Беллуэзер. — Но он межрелигиозный, открыт для верующих любой религии. Зал со скамьями для молящихся на триста мест.

— Не так уж много для такого здания, — сказал Кармоди.

— Конечно, не так много. Но я хотел сочетать благоговение с комфортом. Людям это нравится, — возразил город.

— А где люди, между прочим? — поинтересовался Кармоди. — Я не видел никого.

— Они ушли, — сказал город скорбно. — Все ушли.

— Почему?

Беллуэзер помолчал, затем выговорил через силу:

— Получился разлад. Непонимание или несчастливая цепь недоразумений. Подозреваю, что подстрекатели подстроили этот исход.

— Но что именно в точности произошло? — настаивал Кармоди.

— Не знаю, в самом деле не знаю, — сказал Беллуэзер. — Однажды они ушли все. Именно так. Но я надеюсь, что они вернутся назад.

— Возможно, вернутся, — согласился Кармоди.

— Я уверен, что вернутся, — сказал город твердо. — И между прочим, почему бы и вам не остаться здесь, мистер Кармоди?

— Мне? Я как-то не думал об этом.

— Но похоже, что вы устали от путешествия. Уверен, что вам надо отдохнуть.

— Да, я немало постраниствовал, — вздохнул Кармоди.

— Может быть, вам и понравится у меня, — сказал Беллуэзер. — И во всяком случае у вас будет уникальный опыт: самый современный город, и весь к вашим услугам.

— Звучит заманчиво, — протянул Кармоди. — Я должен подумать.

Его заинтересовал образцовый город Беллуэзер, но он настояжился все-таки. Ему хотелось точно знать, что именно случилось здесь, почему все жители покинули город.

ГЛАВА 23

По настоянию Беллуэзера Кармоди спал в эту ночь в роскошном свадебном номере отеля «Король Георг V». Проснулся поутру свежий, бодрый и благодарный.

Беллуэзер сервировал ему завтрак на террасе и исполнил веселый квартет Гайдна, пока Кармоди насыщался. Воздух был чистейший, он фильтровался. Сам Кармоди не догадался бы, но город не забыл пояснить. И температура, и влажность были идеальны. И вид с террасы открывался превосходный: приятный

ансамбль из китайской пагоды, венецианских мостиков, японских каналов, норманнской башни и многого еще.

— Прекрасные виды у вас, — похвалил Кармоди.

— Я рад, что вам нравится, — отозвался тут же город. — Мой стиль обсуждался всесторонне с тех пор, как я был заложен. Одна группа зодчих стояла за единство, за гармонию форм, слитых в единое целое. Но это уже бывало в истории. И таких моделей совсем немного сейчас. Они скучны — эти искусственные творения, созданные одним человеком или одним комитетом. Они не похожи на живые города.

— Но вы и сами искусственное творение, — возразил Кармоди.

— Конечно — согласился город. — Но я и не претендую ни на что другое. Я не фальшивый «город будущего» и не флорентийский убудок. Я — конгломерат. Я должен интересоваться, волноваться и вместе с тем быть практичным и функциональным.

— Для меня вы — о'кей, — констатировал Кармоди. И добавил: — А случалось вам беседовать с другими городами, похожими на вас?

— Нет, не случалось, — сказал Беллуэзер. — До сих пор другие образцовые города не могли произнести ни единого слова. Но жителям нравится это новшество. Они не любят городов, которые делают свое дело безмолвно. Вот почему я и был создан с искусственным интеллектом.

— Понимаю, — согласился Кармоди.

— Хорошо, что вы поняли. Искусственное сознание очень важно в эпоху всеобщего обезличивания. Оно позволяет творчески подходить к потребностям потребителей. Мы можем рассуждать совместно — я и мои жители, можем, постоянно ведя диалог, помочь друг другу в создании жизнеспособной обстановки. Можем изменять друг друга, не теряя индивидуальности.

— Звучит превосходно, — сказал Кармоди. — Но, к сожалению, вам не с кем вести диалог.

— Это единственная брешь в схеме. Но сейчас у меня есть вы.

— Да, я у вас, — повторил Кармоди. И удивился, почему эти слова звучат неприятно.

— И у вас есть я, само собой разумеется, — подхватил Беллуэзер. — Взаимные отношения, единственно достойные. А теперь, дорогой Кармоди, я считаю, что показал вам себя всесторонне. Теперь вы можете вселиться в меня, и все будет в порядке.

— Что именно будет в порядке?

— Я имел в виду слово в точном его значении. Это не слишком удачное научное выражение, но вы понимаете, наверное, что взаимные отношения требуют и взаимных обязательств.

— Но отношения могут быть и свободные.

— Мы стараемся уйти от этого, — сказал Беллуэзер. — Свободные отношения — это доктрина для эмоций, знаете ли, и

они ведут к беззаконию, к вседозволенности. А сейчас, если вы пойдете по этой дороге...

Кармоди отправился, как ему посоветовал Беллуэзер, осматривать его достопримечательности. Он посетил силовые установки, водно-фильтрационную систему, заводской район, секцию легкой промышленности. Осмотрел Детский парк и Дворец Старости. Обошел музей и картинную галерею, осмотрел концертный зал, театр, цветочную аллею, бильярдную, автотрек и кино. Он устал, стоптал ноги, хотел уже было остановиться, но Беллуэзер настаивал на полной самодемонстрации. Кармоди пришлось еще осмотреть пятиэтажное здание Американского Образа и Португальскую синагогу, статую Бэкминстера Фуллера, автовокзал, междугороднюю автобусную станцию и многое другое. Он пришел к выводу, что чудеса образцового города не лучше и не хуже, чем чудеса Галактики. Поистине красотой наслаждаются глаза, а отвечают за это ноги.

— Небольшая закуска теперь, — предложил наконец Беллуэзер.

— Превосходно, — поддержал Кармоди.

Его проводили в модное кафе Рошамбо, где он начал с картофеля потаж о пти-фуа и закончил печеньем пти-фур.

— Не завершить ли хорошим сыром грюер? — предложил Беллуэзер.

— Нет, благодарю вас, — сказал Кармоди. — Я сыт, я очень сыт.

— Но сыр не переполняет желудок. Камамбер хотите?

— Спасибо, спасибо, я больше не могу.

— Фрукты, может быть? Фрукты освежают небо.

— Спасибо, мое небо не нуждается в освежении.

— По крайней мере хотя бы яблоко? Грушу? Кисть винограда?

— Спасибо, нет!

— Парочку вишеноч?

— Нет, нет, нет!

— Трапеза не закончена без фруктов, — настаивал Беллуэзер.

— Моя трапеза закончена.

— Только во фруктах есть некоторые важные витамины.

— Я обхожусь без них.

— Может быть, половинку апельсина? Я очищу ее для вас. Цитрусовые не занимают никакого места в желудке.

— Не могу. Не в состоянии.

— Хотя бы четверть апельсина.

— Решительно: нет!

— Вы доставили бы мне удовольствие, — настаивал Беллуэзер. — У меня полный комплекс в меню, но никакая еда не завершена без кусочка фруктов.

— Нет! Нет! Нет!

— Ну ладно, не волнуйтесь так, — уступил Беллуэзер. — Если вам не нравится мое угощение, тогда все кончено у нас.

— Но мне все нравится.

— Если нравится, почему вы не хотите фруктов?

— Ну хватит, — сказал Кармоди. — Дайте мне винограда.

— Я не хотел бы заставлять вас силой.

— Вы не заставляете. Дайте, пожалуйста!

— Вы уверены, что вам хочется?

— Давай же! — закричал Кармоди.

— Так берите. — И Беллуэзер сотворил чудесную ветвь мускатного винограда. Кармоди съел все. Виноградины были очень хороши.

— Извините. Что вы делаете? — спросил Беллуэзер.

Кармоди выпрямился и открыл глаза.

— Я вздремнул. Что тут плохого?

— Плохого ничего. Это так естественно.

— Спасибо! — Кармоди закрыл глаза снова.

— Но какой же сон сидя? — не успокаивался Беллуэзер.

— Я уже сплю.

— У вас будет растяжение мышц, — предупредил город.

— Не беспокойтесь, — промышчал Кармоди с закрытыми глазами.

— Почему бы вам не поспать с удобством, на кушетке.

— Я уже сплю с удобством.

— Нет, вам неудобно на самом деле. Человек не приспособлен к сидящему сну.

— В данный момент мой организм приспособился.

— Ну почему бы вам не прилечь на кушетку?

— Мне и на стуле хорошо.

— Но кушетка гораздо лучше. Пожалуйста, ложитесь, Кармоди. Кармоди!

— Э, что там? — спросил Кармоди, очнувшись.

— Кушетка! На кушетке отдыхать гораздо лучше.

— Ну хорошо, — сдался Кармоди. — Где кушетка?

Его проводили вниз по улице, за угол, в здание с вывеской «Дремотная». Там стояла дюжина кушеток. Кармоди двинулся к ближайшей.

— Нет, не эта, — предупредил Беллуэзер. — У нее плохие пружины.

— Неважно. Я улягусь между ними.

— Но у вас будет судорога в итоге.

— О Боже! — воскликнул Кармоди. — На какую же прикажете лечь?

— На ту, сзади, — указал Беллуэзер. — Это королевская кушетка, лучшая из всех. Эффективность ее проверена научно. Подушка...

— Хорошо, прекрасно, великолепно, — бурчал Кармоди, ложась на указанную кушетку.

— Хотите какую-нибудь музыку?
— Не беспокойтесь!
— Как вам угодно. Я потушу свет?
— Прекрасно!
— Дать вам одеяло? Я регулирую температуру, конечно, но у спящих иногда особенная чувствительность к холоду.
— Не имеет значения. Оставьте меня!
— Хорошо. К сожалению, я не могу последовать вашему примеру: Лично я не сплю никогда.

— Очень жаль.
— Нет, меня жалеть нечего. Тут все в порядке, — сказал Беллуэзер.

Наконец наступило молчание. Но через некоторое время Кармоди сел.

— В чем дело? — заволновался Беллуэзер.
— Не могу заснуть! — сказал Кармоди.
— Постарайтесь закрыть глаза и расслабить каждый мускул, начиная с большого пальца ноги и так вплоть до...
— Я не могу заснуть! — закричал Кармоди.
— Может быть, вы недостаточно хотите спать. Но тогда вы можете отдыхать с закрытыми глазами.

— Нет! — отрезал Кармоди. — Не хочу спать и не хочу отдыхать.

— Упрямец! — посетовал Беллуэзер. — Делайте, что вам хочется. Я старался как лучше...

— Э-эх! — вздохнул Кармоди, вставая на ноги и выбираясь из «Дремотной».

Стоя на горбатом мосту, Кармоди смотрел на голубую лагуну.

— Это копия моста Риальто в Венеции, — сказал Беллуэзер. — В уменьшенном масштабе, конечно.

— Знаю, — сказал Кармоди. — Я прочел вывеску.

— Очаровательно, не правда ли?

— Да, довольно красиво, — согласился Кармоди, зажигая сигарету.

— Вы ужасно много курите, — посетовал Беллуэзер.

— Знаю. Я люблю курить.

— Забота о вашем здоровье, я должен напомнить вам, что доказана связь между курением и раком легких.

— Знаю.

— Вы проживете дольше, если перейдете к трубке.

— Мне не нравится трубка.

— А как насчет сигары?

— И сигар не люблю. — Кармоди зажег еще одну сигарету.

— Это уже третья за последние пять минут.

— Черт побери, я буду курить столько, сколько хочу! — взорвался Кармоди.

— Да, конечно, будете, — сказал город. — Но я старался

для вашей же пользы. Разве вы хотите, чтобы я был тут рядом с вами и молча смотрел, как вы губите свое здоровье?

— И хочу, — сказал Кармоди.

— Не хочу верить, что вы на самом деле хотите этого. И тут налицо этический императив. Человек может действовать против самого себя, но машина не позволит дойти до такой степени извращенности.

— Уйдите прочь! Не стойте у меня за спиной! Вы совсем зажали меня.

— Зажал вас? Дорогой Кармоди, разве я рассердил вас? Что я делал? Только добрые советы давал.

— Слишком много советов! — Кармоди зажег сигарету.

— Это уже четвертая за пять минут.

Кармоди открыл было рот, чтобы выругаться как следует, но передумал и пошел прочь.

— А это что? — спросил он.

— Автомат. Выдает сласти.

— Не похож с виду.

— И все же это автомат. Я скопировал проект силосной башни Сааринена. Уменьшил, конечно, и...

— А как он работает?

— Очень просто. Нажмите красную кнопку. Подождите немножко. Теперь надавите на этот рычажок в ряду А. И нажмите зеленую кнопку. Ту.

Плитка «Бэйб Рут» скользнула в руку Кармоди. Он сорвал обертку, откусил кусочек.

— Настоящая «Бэйб Рут» или копия? — спросил он.

— Самая настоящая. Я заключил контракт с фирмой.

Кармоди хмыкнул и отлепил обертку от пальцев.

— А это уже, — сказал город, — постоянный пример непротитительной беспечности.

— Кусочек бумажки всего лишь, — пожал плечами Кармоди, глядя на обертку, упавшую на безукоризненно чистую мостовую.

— Конечно, только кусочек бумажки, — посетовал Беллуззер, — но если умножить его на сто тысяч жителей, что получится тогда?

— Сто тысяч кусочков бумажки, — пошутил Кармоди.

— Мне это не кажется смешным, — сказал город. — Вы сами не захотели бы жить среди всех этих бумажек, уверяю вас. Вы первый пожаловались бы, если бы все улицы были завалены мусором. Но разве вы убираете за собой? Конечно нет! Вы предоставляете это мне, хотя у меня достаточно дел в городе, дневных и ночных, по воскресным дням тоже.

— Вы так и будете продолжать? — спросил Кармоди. — Ладно, я подберу ее.

Он нагнулся за брошенной оберткой, но прежде, чем его пальцы прикоснулись к бумажке, щипцы высунулись из ближайшего колодца, схватили бумажку и спрятались.

— Все в порядке, — сказал Беллуэзер. — Я привык убирать за людьми. Я делаю это всегда.

— Ох ты! — произнес Кармоди.

— Делаю, не ожидая благодарности, — заключил Беллуэзер.

— Я благодарен, благодарен!

— О нет!

— Ну ладно, я не благодарен. Что вы хотите сказать этим?

— Я ничего не хочу сказать. Будем считать, что инцидент исчерпан.

— Достаточно? — спросил Беллуэзер после обеда.

— В высшей степени.

— Вы едите немного.

— Я ел, сколько хотелось. Все было очень вкусно.

— Если все очень вкусно, почему вы не кушаете больше?

— Потому что больше не хочу.

— Если бы вы не перебили аппетит этой сладостью...

— О черт! Сладкое не портит мне аппетита. Как раз...

— Вы опять закуриваете?

— Ох!

— Вы не можете потерпеть немножко?

— Слушайте, — взорвался Кармоди. — Какого черта вы...

зер. — У нас есть более важные темы, — быстро перебил Беллуэзер. — Подумали вы, как зарабатывать на жизнь?

— У меня не было времени подумать.

— Хорошо. Но я подумал за вас. Неплохо было бы, если бы вы стали доктором.

— Я — доктором? Идти учиться в колледж и в Медицинский институт и так далее?

— Я все это устрою.

— Не интересуюсь.

— Ну... а стать юристом?

— Никогда!

— Инженером? Прекрасное дело...

— Не для меня.

— Бухгалтером?

— Нет! Даже для спасения вашей жизни.

— Так кем же вы хотите стать?

— Летчиком, — неожиданно выпалил Кармоди. — На ракетоплане.

— О, что вы?!

— Совершенно серьезно.

— У нас даже нет аэродрома.

— Тогда я буду летчиком в другом месте.

— Вы говорите это мне назло?

— Ничуть! Я хочу быть летчиком. На самом деле. Я всегда хотел быть летчиком. Честное слово.

Последовало долгое молчание. Затем Беллуэзер произнес:
— Выбор полностью в ваших руках. — Сказано это было замогильным голосом.

- Куда вы идете?
- Погулять.
- Так поздно? В половине десятого?
- Ну да! А почему не пойти?
- Я думал, что вы устали.
- Раньше устал.
- Но мы могли бы поговорить немного.
- Давайте поговорим, когда я вернусь.
- Это не играет роли.
- Верно, гуляние не играет роли, — согласился Кармоди, усаживаясь. — Поговорим.
- У меня больше нет настроения. Пожалуйста, идите гулять.
- Ну, покойной ночи! — сказал Кармоди...
- Прошу прощения!
- Я сказал: «Покойной ночи».
- Вы идете спать?
- Ну да! Уже поздно. Я устал.
- Вы намерены лечь прямо так?
- А почему бы нет?
- Можно лечь, конечно. Но вы забыли помыться.
- О! Верно, забыл. Но я помоюсь утром.
- Когда вы принимали ванну в последний раз?
- Очень давно. Я приму утром.
- Не лучше ли принять ее прямо сейчас?
- Нет!
- Даже если я приготовлю ванну для вас?
- Нет! Нет, черт побери! Я иду спать.
- Делайте как хотите, — сказал Беллуэзер. — Не мойтесь, не учитесь, не соблюдайте диету. Но потом не корите меня.
- Вас корить? За что?
- За что-либо.
- Конкретно, что вы имеете в виду?
- Это неважно.
- Тогда зачем вы так настаиваете?
- Я думаю о вас, — сказал Беллуэзер.
- Я понимаю.
- Тогда вы должны понять, что я не стану счастливее от того, умылись вы или нет.
- Уверен, что не станете.
- Когда заботаешься о ком-то, — продолжал Беллуэзер, — когда чувствуешь ответственность, неприятно выслушивать проклятия.
- Я не проклинал вас.
- Сейчас нет. Но раньше...

— Ну... я нервничал.
— Это из-за куренья у вас нервы не в порядке.
— Не начинайте опять.
— Я не начинаю, — сказал Беллуэзер. — Дымите сколько угодно, дымите как печная труба. Какое мне дело? Это же ваши легкие.

— Правильно, черт возьми, — согласился Кармоди, закури-
вая.

— Ваши легкие, но мой крах! — сказал Беллуэзер.

— Нет, нет. Не говорите так, пожалуйста.

— Забудьте, что я сказал.

— Хорошо, забыл.

— Иногда я бываю придиричив.

— Верно, это есть.

— И это особенно трудно, потому что я прав. Ведь я же прав, вы это знаете.

— Знаю! — крикнул Кармоди. — Вы правы, правы, вы всегда правы. Правы, правы, правы, правы, правы!

— Не перевозбуждайтесь перед сном. Хотите стакан молока?

— Не хочу.

— Вы уверены?

Кармоди закрыл руками глаза. Он чувствовал себя очень виноватым, хилым, грязным, болезненным и неряшливым. Чувствовал себя скверным целиком и полностью и безнадежно... Но где-то в глубине души он нашел силы, чтобы крикнуть:

— Сизрайт!

— Кого вы зовете? — взволновался город.

— Сизрайт! Где вы?

— Почему я теряю вас? — спрашивал Беллуэзер. — Объясните!

— Сизрайт! — взывал Кармоди. — Возьмите меня отсюда! Это не та Земля!

Треск, хруст, шелк. И Кармоди оказался в другом месте.

ГЛАВА 24

Хушш! Крруш! Крроу! И вот мы попали куда-то, но кто знает, куда, когда и на какую Землю? Будьте уверены, только не Кармоди, который оказался в городе, очень похожем на Нью-Йорк. В очень похожем, но в том ли?

— Это Нью-Йорк? — спросил Кармоди.

— А черт его знает, — ответил кто-то.

— Вопрос был задан риторически, — сказал Кармоди.

— Я понимаю, — ответил голос. — Но поскольку я изучал риторику, вот я и отозвался.

Кармоди огляделся и сообразил, что голос исходит из черного зонтика, который он держит в руке.

— Это ты, Приз?

— Конечно, я. А ты что подумал? Разве я должен быть на шотландского пони похож?

— А где ты был раньше, пока меня пичкали в этом образцовом городе?

— В отпуске. В коротком, но заслуженном отпуске, — сказал Приз. — И ты не имеешь права на это жаловаться. Отпуска оговорены в соглашении между Амальгамированными Призами Галактики и Лигой Получателей.

— Я и не жалею, — сказал Кармоди. — Я просто так... А, неважно. Вот что важно: это место — точь-в-точь моя Земля! Точь-в-точь — Нью Йорк!

Вокруг был город. Потоки людей и машин. Вспышки вывесок. Полно театров, полно киосков, полно народу. Полно магазинов с объявлениями о дешевой распродаже по случаю закрытия. Полно ресторанов — самые большие назывались «Северяннин», «Южанин», «Восточник», «Западник», и во всех — фирменные бифштексы и картофельная соломка. Кроме того, были еще «Северо-восточник», «Юго-западник», «Восток-северо-восточник» и «Запад-северо-западник». Кинотеатр на той стороне улицы анонсировал «Апокриф» («Грандиозней, красочней и увлекательней, чем «Библия»!!! Сто тысяч статистов!»). Рядом была дискотека «Омфала», где выступала труппа народного рок-н-ролла по имени «Говнюки». И девочки-подростки в платьицах «миддллесс» танцевали там под хриплую музыку.

— Вот это — веселая жизнь! — воскликнул Кармоди, облизывая губы.

— Я слышу только звон монет в кассе, — сказал Приз тоном моралиста.

— Не будь ханжой, — сказал Кармоди. — Кажется, я дома.

— Надеюсь, что нет, — возразил Приз. — Это место действует мне на нервы. Присмотритесь как следует. Помни, что сходство — не тождество.

Но Кармоди видел же своими глазами, что это угол Бродвея и 50-й улицы. Вот и вход в метро — прямо перед ним. Да-да, он дома! И он поспешил вниз по лестнице. Все было знакомо, радовало и печалило одновременно. Мраморные стены гноились сыростью. Блестящий монорельс, выходя из одного тоннеля, исчезал в другом...

— Ох! — вскрикнул Кармоди.

— В чем дело? — спросил Приз.

— Ни в чем... Я передумал. Пожалуй, лучше пройтись по улице.

Кармоди поспешно повернул назад — к светлому прямоугольнику неба. Но дорогу преградила откуда-то взявшаяся толпа. Кармоди стал проталкиваться сквозь нее к выходу, а толпа тащила его назад. Мокрые стены метро вздрогнули и начали судорожно пульсировать. Сверкающий монорельс соскочил со

стой и потянулся к нему, словно бронзовое змеиное жало. Кармоди побежал, опрокидывая встречающих, но они тут же вставали на ноги, словно игрушки-неваляшки. Мраморный пол сделался мягким и липким. Ноги Кармоди увязли, люди сомкнулись вокруг него, а монорельс навис над головой.

— Сизрайт! — завопил Кармоди. — Заберите меня отсюда!

— И меня! — пискнул Приз.

— И меня! — завизжал хищник, ибо это он притворился подземкой, в пасть которой так неосторожно влез Кармоди.

— Сизрайт!

И ничего! Все осталось, как было, и Кармоди с ужасом подумал, что Сизрайт мог и отлучиться: вышел пообедать, или же в уборную, или заговорился по телефону. Голубой прямоугольник неба становился все меньше, выход как бы запирался. Фигуры вокруг потеряли сходство с людьми. Стены сделались пурпурно-красными, вздулись, напряглись и начали сдвигаться. Гибкий монорельс жадно обвился вокруг ног Кармоди. Из утробы хищника послышалось урчанье и обильно пошла слюна. (Давно известно, что все кармодиеды неопрятны как свиньи и совершенно не умеют вести себя за столом.)

— Помогите! — продолжал вопить Кармоди. Липкий сок уже разъедал подметки. — Сизрайт, помогите!

— Помогите, помогите ему! — зарыдал и Приз. — Или же, если это слишком трудно, помогите хотя бы мне. Вытащите меня отсюда, и я обещаю торжественно: я дам объявления во все ведущие газеты, созову комитеты, организую группы действия, выйду на улицы с плакатами, все для того, чтобы убедить мир, что Кармоди не должен остаться неотмщенным. И в дальнейшем я посвящу себя...

— Кончай болтать! — сказал голос Сизрайта. — Стыдно! Что же касается вас, Кармоди, вы должны думать, прежде чем лезть в пасть своего пожирателя. Моя контора создана не для того, чтобы вытаскивать вас из его зубов в самый последний момент.

— Но сейчас-то вы меня спасете? Спасете, да? — умолял Кармоди.

— Уже сделано! — сказал Сизрайт.

И было сделано.

ГЛАВА 25

Сизрайт на этот раз неважно, должно быть, справился с перемещением. Только после длительной паузы Кармоди оказался в другом городе, очень похожем на Нью-Йорк, на заднем сиденье такси и в разгаре разговора с водителем.

— Чего сказал-та? — спрашивал тот.

— А ничего, — ответил Кармоди.

— А мне казалось, сказал-та. А я сказал-та. А я сказал-та — та новая машина — это Фламмарион.

— Знаю, — услышал свой голос Кармоди. — Это я строил его.

В нем сейчас жили два Кармоди. Слова эти и действия были естественны для одной части Я (активного Кармоди), в то время как другая (рефлективное Я) наблюдала сама за собой с некоторым удивлением.

— Правда, строили? — продолжал таксист. — А сейчас кончили, да?

— Да, кончил, — ответило активное Я. При этом он вынул сигарету из рта, нахмурился и выбросил окурочек в окно. — С этой дрянью я тоже кончил, — сказал он.

— Что же не сказал-та? — спросил таксист. — Попробуй мои.

Кармоди посмотрел на открытую коробку.

— Курите «Прохладные»?

— Только «Прохладные», — подтвердил таксист. — У них запах ментола и вкус что надо.

Кармоди поднял брови, изображая недоверие. Тем не менее, он взял коробку — забил еще один гвоздик в свой гроб. Водитель с улыбкой смотрел на него в заднее зеркало. Кармоди вздохнул, изобразил удивление и выдохнул медленно, с наслаждением.

— Хм! Тут что-то есть, — сказал он.

Таксист кивнул с умным видом:

— Все курильщики думают так. Ну вот мы и на месте, сэр. Отель «Уолдорф-Астория».

Кармоди расплатился и собрался выходить.

— Ну а как мои «Прохладные»? — напомнил водитель.

— Ах да! — Кармоди вернул коробку. Они улыбнулись друг другу, и машина отъехала.

Теперь Кармоди стоял перед отелем «Уолдорф-Астория». На нем было прочное пальто фирмы Барберри. Это сразу можно было узнать по ярлычку, пришитому не под воротничком, а снаружи, на правом рукаве. И все прочие ярлыки были снаружи, так что каждый мог прочесть, что у Кармоди рубашка от Ван Хейдена, галстук от Графини Мары, костюм от Харта и Шаффнера, носки Ван Кампа, ботинки кордовской кожи от Ллойда и Хейга, шляпа «борсолино», сделанная Раиму из Милана, на руках перчатки оленьей кожи от Л. Л. Бина, на запястье — самозаводящийся хронометр с таймером, счетчиком затраченного времени, календарем и будильником — гарантия точности плюс-минус шесть секунд в год. А кроме того, Кармоди распространял слабый запах мужского одеколona «Дубовый мох» фирмы Аберкомби и Фитч.

Все на нем было с иголочки, все казалось безупречным, и все-таки разве это настоящий шик? А ведь он честолюбив, ему хотелось продвигаться вперед и выше — выйти в люди того

сорта, у которых икра на столе не только на Рождество, которые носят рубашки от братьев Брукс, потребляют лосьон «Оникс» после бритья, белье покупают у «Кантри Уормер», жакеты у Поля Стьюарта.

Но для таких штучек нужно пробиться в категорию Потребителей А-АА-ААА вместо заурядной категории В-ВВ-АААА, на которую его обрекало скромное происхождение. Высший разряд ему просто необходим. Чем он хуже других? Черт возьми, ведь он же был первым по технике потребления на своем курсе в колледже! И уже три года его Потребиндекс был не ниже девяноста процентов. Его лимузин «Додж-Хорек» был безупречно новехонький. Он мог привести тысячу других доказательств. Так почему же ему не повысили категорию? Забыли? Не замечали?

Нет, пораженческой ереси не место в голове. У него заботы поважнее. Сегодня он сыграет ва-банк. Риск гигантский. Если дело сорвется, его могут в мгновение ока выставить со службы и он навсегда вылетит в безликие ряды потребительских париев, в категорию НСТ-2 (нестандартные товары — сорт второй).

Было еще рано. Активное Я нуждалось в подкреплении перед испытанием огнем и водой. Кармоди прошел в бар «Астории», поймал взгляд бармена — тот еще и рта не успел открыть, а Кармоди уже крикнул:

— Повтори, дружище! (Неважно, что ему ничего еще не подавали и повторять было просто нечего.)

— Садись, Мак, — сказал бармен. — Вот тебе «Баллан-тайн». Крепко, ароматно и на вкус приятно! Рекомендую!

Черт возьми, все это Кармоди сам должен был сказать — его застали врасплох! Он уселся, задумчиво потягивая пиво.

— Эй, Том!

Кармоди обернулся. Это Найт Стин его окликнул, старый друг и сосед. Тоже из Нью-Джерси.

— А я пью колу, — сказал Стин. — После колы я веселый! Рекомендую!

Опять Кармоди попался! Он залпом выпил пиво и крикнул:

— Эй, друг, повтори! Напритворяюсь до зари.

Убогая уловка, но лучше, чем ничего.

— Что нового? — спросил он у Стина.

— Блеск! Жена с утра в Майами, — сказал тот. — На неделю. Солнечный рейс — «Америкен Эйруэйс». Два часа и меньше даже — вот и сразу на пляже.

— Отлично! А я свою заслал на острова, — подхватил Кармоди (на самом деле его Элен сидела дома). — Отправьте жену на Багамы, не будет семейной драмы!

— Точно! — прервал Стин. — Но если у вас недельный отпуск, неужели вы станете тратить драгоценные дни на дальний морской переезд, когда у вас под боком очаровательная деревня — Мариборо!..

— Верная мысль, — подхватил Кармоди. — А кроме того...

— Нетронутая природа, комфортабельные коттеджи, — перебил Стин. — Живу на даче, не тужу, не плачу!

Это было его право: он предложил тему.

Кармоди снова крикнул:

— Эй, друг, повтори!

Но не мог же он повторять до бесконечности. Что-то было не так в нем самом, во всем окружающем и в этой обязательной игре! Но что? Это он никак не мог ухватить.

А Стин, спокойный, собранный, откинулся, продемонстрировал свои небесно-голубые подштанники, пришитые, конечно, сна-ружи и снова завел:

— Итак, когда жена в отлучке, кто будет заниматься стир-кой? Конечно, мы сами!

Вот это удар! Но Кармоди попытался его опередить.

— Эй! — крикнул он, хихикнув. — А помнишь песенку: «Смотри, старик, мое белье куда белее, чем твое».

И оба расхохотались. Но тотчас Стин наклонился и прило-жил рукав своей рубашки к рукаву рубашки Кармоди, поднял брови, открыл рот, изобразил сомнение, недоверие, удивление.

— Ага! — воскликнул он. — А моя рубашка все же белей.

— Смотри-ка! — отозвался Кармоди. — Просто чудо! Сти-ральные машины у нас одной марки, и ты тоже стираешь «Невин-ностью», да?

— Нет, у меня «Снега Килиманджаро», — возразил Стин горделиво. — Рекомендую!

— Увы, — задумчиво вздохнул Кармоди. — Значит, «Не-винность» меня подвела...

Он изобразил разочарование, а Стин сыграл на губах побед-ный марш. Кармоди задумал, не заказать ли еще хваленого пива, но оно было пресным на вкус, да и Стин для него — слишком прыткий партнер сегодня.

Он оплатил пиво кредитной карточкой и отправился в свою контору на 51-й этаж, № 666, 5-я авеню, приветствуя сотрудников с демократическим дружелюбием. Некоторые пытались втянуть его в саморекламные гамбиты, но он решительно уклонялся. Никак не мог он позволить себе отклоняться сегодня. Наступал решающий час. Кармоди понимал, что положение у него отчаян-ное. Всю ночь он перебирал варианты, встал с жесткой мигренью и коликами в животе. Жена его (которая никуда не уезжает) дала ему Алька-зельцерскую. Вода исцелила его в единый миг, они поехали на конкурс, как и планировали, и он выиграл первый приз благодаря зельцерской. Но проблема осталась проблемой, и когда Элен сказала ему в три часа утра, что в этом году Томми и малютка Тинкер простуживались на 32 процента меньше, он сказал ей: «Знаешь ли, Элен, я думаю, что это от Всевышнего». Но душа его была холодна, хотя он и ценил Элен за постоянную заботу и поддержку. Он понимал, что поддержка жены ничего не изменит в его положении. Уж если вы отважились ввязаться в

соревнование Потребителей, если хотите показать себя достойным не какого-нибудь барахла, а Вещей, Которые На Этом Свете Имеют Настоящую Цену, например швейцарского шале в девственных дебрях штата Мэйн или лимузина «Порше 911-S», который предпочитают Люди, Считающие Себя Солью Земли, — ну так вот, если вы хотите иметь вещи такого класса, вы должны доказать, что вы их достойны! Деньги — деньгами, происхождение — происхождением, наконец, даже примитивная целеустремленность в деле — это тоже не все. Вы должны доказать, что вы сами из Людей Особого Покроя, из Тех, Кто Может Преступить, кто готов поставить на карту все, чтобы выиграть все сразу.

— Вперед, к победе! — сказал сам себе Кармоди, трахнув кулаком о стол. — Сказано — сделано!

И он распахнул дверь мистера Юбермана, своего босса.

Кабинет был еще пуст. Но Юберман должен был появиться с минуты на минуту. А когда он появится, Томас Кармоди скажет ему: «Мистер Юберман, вы, конечно, можете вышвырнуть меня на улицу, но я должен открыть вам правду: у вас изо рта скверно пахнет». И после паузы вот так: «*Скверно пахнет!*» А затем: «Но я нашел...»

В мечтах все просто, а как обернется на деле? Но если ты Настоящий Мужчина, ничто не может остановить тебя, когда ты вышел бороться за внедрение новейших достижений гигиены и за собственное продвижение вперед и выше! Кармоди просто ощущал на себе глаза этих полулегендарных личностей — их величеств Промышленников. И если он действительно открыл...

— Приветик, Карми! — бросил Юберман, большими шагами входя в кабинет. (Красивый человек с орлиным профилем, с висками, тронутыми сединой, — благородный признак высокого положения. Роговая оправка очков на целых три сантиметра шире, чем у Кармоди!)

— Мистер Юберман, — дрожащим голосом начал Кармоди. — Вы можете за это вышвырнуть меня на улицу, но я...

— Кармоди, — прервал босс. Его грудной баритон пресек слабенький фальцет подчиненного, как хирургический скальпель марки «Мерсонна» рассекает слабую плоть. — Кармоди, сегодня я открыл восхитительнейшую зубную пасту «Поцелуй менестреля». Мое дыхание час от часу благоуханнее. Рекомендую!

Фантастическое невезение! Босс сам наткнулся именно на ту пасту, которую Кармоди собирался ему навязать, чтобы добиться своего! И она подействовала. Изо рта Юбермана уже не разило, как из помойной ямы после ливня. Теперь его ждали сладкие поцелуи. Девочек, конечно. Не Кармоди же с ним целоваться.

— Слыхали об этой пасте?.. — И Юберман вышел, не дожидаясь ответа.

Кармоди иронически улыбнулся. Он опять потерпел поражение, но от этого ему не сделалось легче. Мир потребления оказался ужасен и фантастически утомителен. Может, он хорош

для людей иного склада, но Кармоди не из того теста. С некоторым сожалением подумал он, что ему придется расстаться со своими приобретениями: с купонами, со шведской замшевой шляпой, светящимся галстуком, с деловым кейсом «Все мое ношу с собой», со стереофоном KLN-24 и особенно с наимоднейшей импортной мягкой новозеландской дубленкой с шалевым воротником «Лэйкленд». Все это придется бросить.

— Э-э!.. И беда приносит добро иногда, — сказал сам себе Кармоди.

— Приносит добро? Так о чем же говорить тогда? — ответил Кармоди сам себе. — Смотри-ка! Не слишком ли быстро ты акклиматизировался здесь?

Два Кармоди поглядели друг на друга, сравнили наблюдения, приняли решение... и слились.

— Сизрайт! — крикнул единый Кармоди. — Заберите меня отсюда.

И верный Сизрайт забрал его.

ГЛАВА 26

Со своей обычной пунктуальностью Сизрайт тотчас же перебросил Кармоди на следующую из вероятных Земель. Перемещение получилось даже быстрее мгновенного, такое быстрое, что время скользнуло назад и чуточку отстало от самого себя: Кармоди охнул раньше, чем его толкнули. Из-за этого возникло противоречие, крохотное, но все же недопустимое. Однако Сизрайт все подчистил, и начальство ничего не узнало. Обошлось без последствий, если не считать дырочки на пространстве-времени, которую Кармоди даже и не заметил.

Он оказался в маленьком городке. Узнать его вроде бы не составляло труда: Мейплвуд, штат Нью-Джерси. Кармоди жил там от трех до восемнадцати. Да, это был его дом, если только вообще у него был родной дом где-нибудь.

Кармоди стоял на углу Дюранд-род и Мейплвуд-авеню — прямо перед ним был торговый центр, позади — улицы пригорода с многочисленными кленами, дубами, орехами и вязами. Справа — читальня «Христианской науки», слева — железнодорожная станция.

— Ну и как, путешественник? — произнес голос у его правого бедра. Кармоди глянул вниз и увидел у себя в руке красивый транзистор. Конечно, это был Приз.

— Ты опять здесь? — заметил Кармоди.

— Я никуда не уходил.

— Но я не видел тебя на предыдущей Земле.

— Это потому, что ты не посмотрел как следует. Я был у тебя в кармане в образе поддельного динария.

— Как я мог догадаться?

— А ты бы спросил, — сказал Приз. — Знаешь, что я метафоричен по своей природе и изменяюсь непредсказуемо для себя самого. Неужели мне надо сообщать о своем присутствии всегда и всюду?

— Так было бы удобнее, — заметил Кармоди.

— А мне гордость не позволяет вести себя так навязчиво, — сказал Приз. — Я откликаюсь, когда меня зовут. В последнем мире ты во мне не нуждался, поэтому я пошел закусить в ресторан «Стоклол», а затем заглянул в «Пропариум» выпить сухого, а после этого уж в «Солар Викон паб» поболтать с дружкой, который оказался по соседству, а потом уж...

— Как это ты успел? В этом мире я был полчаса.

— Я говорил же тебе, что у нас время течет по-разному.

— Значит, успел. Ну а где все эти рестораны?

— Это долго объяснять, — уклонился Приз. — Попасть туда легче, чем объяснить дорогу. И вообще это неподходящее место для тебя.

— Почему?

— Ну... по многим причинам. Тебе, например, не понравилась бы еда в «Солар Викон паб».

— Я уже видел, как ты ел орить, — припомнил Кармоди.

— Да, конечно. Но орить — редкостный деликатес. Кусочек пробуешь раз или два во всей жизни. В «Викон паб» наше обычное питание.

— Какое же?

— Не надо бы тебе узнавать.

— Но я хочу знать.

— Я знаю, что ты хочешь, но когда узнаешь, захочешь, чтобы не знал бы.

— Ладно, кончай. Так какая же у вас там пища?

— Ну хорошо, мистер Нос-сующий, — сдался Приз. — Но заруби себе на этом длинном носу: ты настаивал. Так вот, мы едим сами себя.

— Что-что?

— Себя едим. Я предупреждал же, что тебе не понравится.

— Себя? То есть свое собственное тело?

— Точно.

— Чертовщина какая-то. Это и противно и невозможно. Нельзя жить за счет самого себя.

— Я могу и я живу, — настаивал Приз. — И горжусь этим. А с точки зрения морали это выдающийся пример. Полнейшая личная свобода.

— Но это невозможно, — настаивал Кармоди. — Это противоречит законам сохранения энергии или материи, чего-то такого. Противоречит законам природы в общем.

— Верно, но только в узком смысле, — согласился Приз. — А если бы ты изучал материю глубже, ты увидел бы, что невозможное в природе встречается чаще, чем возможное.

— Как это понимать, черт возьми?

— Не знаю, — признался Приз. — Но это написано во всех наших учебниках. И никто не сомневался до сих пор.

— Но я хочу получить прямой, ясный ответ, — не уступал Кармоди. — Ты действительно и буквально съедаешь кусочек собственной плоти?

— Да, именно так. Хотя это не только моя плоть. Печенка моя очень вкусна с крутым яйцом и куриным жиром. А ребрышки хороши, чтобы перекусить в пути. Бедрa же надо выдерживать несколько недель, прежде чем...

— Довольно! — закричал Кармоди.

— Извини, но...

— Нет, ты объясни все-таки: за счет чего же твое тело всю жизнь снабжает пищей твое тело? Даже звучит смешно.

— Ну я не слишком много ем.

— Может быть, я спросил не очень ясно, — поправился Кармоди. — Но ты не можешь же питать свою плоть, если ты эту плоть уничтожаешь.

— Боюсь, что я не совсем понял.

— Давай сначала. Если ты потребляешь свою плоть...

— Так я и делаю.

— Итак, если ты поглощаешь свою плоть для пропитания плоти... Минутку. Давай с цифрами. Если ты вешишь, скажем, пятьдесят фунтов...

— Именно так. На родной планете я весил пятьдесят фунтов.

— Прекрасно. Идем дальше. И если ты весил пятьдесят фунтов, и если, скажем, за год ты съел для поддержания жизни сорок фунтов, сколько же останется?

— Десять фунтов? Правильно?

— Черт возьми, ты видишь, к чему я веду? Ты просто не сможешь долго кормить себя.

— Почему не могу?

— Просто по вычитанию. Совершенно очевидно, что ты съешь сам себя. Съешь, и ничего не останется. Тебе нечем будет кормить себя. Ты умрешь неизбежно.

— Смерть неизбежна и для себяядных и для чужеядных. Умирают все, Кармоди, как бы они ни питались.

— Но если ты действительно ешь себя, ты умрешь через неделю.

— Есть насекомые, которые живут один день, — возразил Приз. — Но у нас — Призов — вполне разумная долговечность. Запомни правило: чем больше мы съедим, тем меньше надо кормить и тем больше получается срок жизни. Время — великий фактор автопоедания. Большинство Призов съедает свое будущее еще в ранней юности.

— А ты съел свое будущее?

— Не могу объяснить. Съедаем, и все. Я, например, слопал запас за двенадцать лет — от девяноста до восьмидесяти, стар-

ческие годы, когда от жизни нет удовольствия. А теперь, соблюдая рациональное самопотребление, я думаю дожить до семидесяти с лишком.

— У меня голова болит от тебя, — прервал Кармоди. — И тошнит заодно.

— В самом деле? — возмутился Приз. — Тошнит его по всякому поводу. А ты сам, кровавый мясник, сколько несчастных животных ты разгрыз и сожрал в своей жизни? Сколько слопал беззащитных яблок, сколько головок лука вырвал из их земляных постелек? Верно, я съел случайно попавшегося орита, но перед тобой в День Страшного Суда встанут целые стада, которые ты сожрал: сотни волооких коров, тысячи беззащитных курочек, бесконечные ряды кротких овечек, не говоря уже о целых садах, изнасилованных тобой, целых лесах ограбленных яблонь и вишен. Да, я отвечу там за съеденного орита, но ты как искупишь стоны всех этих животных, которых ты сожрал безжалостно? Чем искупишь, Кармоди, чем?

— Ладно, заткнись! — рявкнул Кармоди.

— С большим удовольствием, — ответил Приз с иронией.

— Я ем, потому что я должен есть. Природа у меня такая.

— Ну, если ты так полагаешь...

— Закройся, наконец. Дай мне сосредоточиться.

— Не скажу больше ни слова. Только можно спросить: а на чем ты хочешь сосредоточиться?

— Это место похоже на мой родной город. Я хочу понять: он это или не он?

— Неужели это так трудно? — удивился Приз. — Кто знает, как выглядит его город, тот узнает его без труда.

— Я не очень рассматривал его, когда жил здесь. А с тех пор, как уехал, почти не вспоминал.

— Если ты не разберешься, где твой дом и где не твой, никто в этом не разберется. Надеюсь, ты это помнишь?

— Помню, — сказал Кармоди. И начал медленно спускаться по Мэйплвуд-авеню, с внезапным ужасом думая, что любой выбор может стать роковым.

ГЛАВА 27

Все было как будто таким, как и должно было быть. В Театре Мэйплвуда днем на экране шла «Сага Элефантины» — итало-французский приключенческий фильм Жана Мара, блестящего молодого режиссера, который уже дал миру душераздирающий фильм «Песнь моих язв» и лихую комедию «Париж — четырнадцать часов». На сцене выступала — «проездом, только один раз» — вокальная группа «Якконен и Фунги».

Кармоди заглянул в витрину галантереи Марвина. Увидел мокасины и полукеды, джинсы с бахромой «собачья рвань»,

шейные платки с рискованными картинками и белые рубашки с отложным воротом. Рядом, в писчебумажном магазине, Кармоди увидел свежий номер «Кольерс», перелистал «Либерти», заметил еще «Монси», «Черного Кота» и «Шпиона». Только что пришло утреннее издание «Сан».

— Ну? — спросил Приз. — Твой город?

— Рано говорить, — ответил Кармоди. — Но похоже, что да.

Он перешел через улицу и заглянул в закусочную Эдгара. Она не изменилась нисколько. У стойки сидела, прихлебывая содовую, хорошенькая девушка. Кармоди ее сразу узнал.

— Лэна Тэрнер! Как поживаешь, Лэна?

— Отлично, Том. Что это тебя не было видно?

— Я ухлестывал за ней в последнем классе, — объяснил Кармоди Призу, выходя из закусочной. — Забавно, когда все это припоминается.

— Забавно, забавно, — с сомнением сказал Приз.

На следующем углу, где Мэйплвуд-авеню пересекалась с Саутс-Мунтэйн-род, стоял полисмен. Он улыбнулся Кармоди меж двумя взмахами своей палочки.

— А это Берт Ланкастер, — сказал Кармоди. — Он был бессменным защитником в самой лучшей команде за всю историю школы «Колумбия». А вот, смотри! Вон человек, который помахал мне, входя в скобяную лавку. Это Клифтон Уэбб, директор нашей школы. А ту блондинку видишь под окнами? Джейн Харлоу, она была официанткой в ресторане. Она... — Кармоди понизил голос. — Все говорили, что она погуливала.

— Ты знаешь массу народа, — сказал Приз.

— Ну конечно! Я же вырос здесь. А это мисс Харлоу, она идет в салон красоты Пьера.

— Ты и Пьера знаешь?

— А как же! Сейчас он парикмахер, а во время войны он был во французском Сопротивлении. Погоди, как его фамилия?.. А, вспомнил! Жан-Пьер Омон, вот как его зовут. Он потом женился на Кэрол Ломбард, одной из здешних.

— Очень интересно, — скучным голосом сказал Приз.

— Да, мне это интересно. А вот еще знакомый!.. Добрый день, мистер мэр.

— Добрый день, Том, — ответил мужчина, приподнял шляпу и прошел мимо.

— Это Фредерик Марч — наш мэр, — объяснил Кармоди. — Грозная личность. Я помню его дебаты с нашим радикалом — Полом Муни. Мальчик мой, такого ты не слышал никогда!

— Н-да, что-то странное во всем этом, — сказал Приз. — Что-то неправильное. Не чувствуешь?

— Да нет же! Говорю тебе, что вырос со всеми этими людьми. Я знаю их лучше, чем самого себя. О, вот Полетт Годдар там наверху! Она помощник библиотекаря. Хай, Полетт!

— Хай, Том! — откликнулась женщина.

— Мне это не нравится, — настаивал Приз.

— С ней я не был знаком близко, — сказал Кармоди. — Она гуляла с парнем из Милборна по имени Хэмфри Богарт. У него был галстук с бабочкой, можешь представить такое? А однажды он подрался с Лэном Чэни — школьным сторожем. Надавал ему, между прочим. Я это хорошо помню, потому что как раз в это время гулял с Джин Хэвок, а ее лучшей подругой была Мирна Лэй, а Мирна знала Богарта и...

— Кармоди, — тревожно прервал Приз. — Остерегись! Ты слышал когда-нибудь о псевдоакклиматизации?

— Не болтай курам насмех! Я говорю тебе, что знаю весь этот народ. Я вырос здесь, чертовски приятно было жить тут. Люди не были пустым местом тогда, люди отстаивали что-то. Они были личностями, а не стадом!

— А ты уверен? Ведь твой хищник...

— К черту! Не хочу больше слышать о нем! Посмотри, вот Дэвид Найвен. Его родители англичане...

— Все эти люди идут к тебе!

— Ну конечно. Они так давно меня не видели!

Он стоял на углу, и друзья устремились к нему со всех сторон: из переулка, со всей улицы, из магазинов и лавок. Их были сотни, буквально сотни, старые товарищи, все улыбались. Кармоди заметил Алана Лэдда, и Дороти Ламур, и Ларри Бэстера Крэбба. А за ними — Спенсер Трэси, Лайонелл Барримор, Фредди Бартоломью, Джон Уэйн, Френсис Фармер.

— Что-то не то! — твердил Приз.

— Все то! — уверял Кармоди. Кругом были друзья. Никогда еще он не был так счастлив с тех пор, как покинул родной дом. Как он мог забыть такое? Но сейчас все оживало.

— Кармоди! — крикнул Приз.

— Ну что еще?

— В этом мире всегда такая музыка?

— О чем ты?

— О музыке. Ты не слышишь?

Только сейчас Кармоди обратил внимание на музыку. Играл симфонический оркестр, только нельзя было понять, откуда звуки исходят.

— И давно это?

— Как только мы здесь появились. Когда ты пошел по улице, послышался гул барабанов. Когда проходили мимо театра, в воздухе заиграли трубы. Как только заглянули в закусочную, вступили сотни скрипок — довольно-таки слащавая мелодия. Затем...

— Так это музыка к фильмам! — мрачно сказал Кармоди. — Все это дерьмо разыгрывается по нотам, а я не учуял!..

Но Франшо Тон уже коснулся его рукава. Гарри Купер положил на плечо свою ручищу. Лэйрд Грегор облапил как

медведь. Ширли Тэмпл вцепилась в правую ногу¹. Остальные обступили толпой, плотней и плотней, все еще улыбаясь...

— Сизрайт! — закричал Кармоди. — Сизрайт, Бога ради!..

И все произошло быстрее, чем Кармоди что-нибудь сообщал.

Часть V. ВОЗВРАЩЕНИЕ НА ЗЕМЛЮ

ГЛАВА 28

Кармоди снова оказался в Нью-Йорке, теперь на углу Риверсайд-драйв и 99-й улицы. Слева, на западе, солнце спускалось за «Горизонт-Хаус», а справа во всей своей красе воссияла вывеска «Спрай». Легкие дуновенья выхлопных газов задумчиво шевелили листву деревьев Риверсайд-парка, одетых в зелень и копоть. Дикие вопли истеричных детей перемежались криками столь же истеричных родителей.

— Это твой дом? — спросил Приз.

Кармоди глянул вниз и увидел, что Приз снова видоизменился. Он превратился в часы «Диск Трэси» со скрытым стереорепродуктором.

— Похоже, что мой, — сказал Кармоди.

— Интересное место, — одобрил Приз. — Мне оно нравится.

— Угу, — неохотно сказал Кармоди, не совсем понимая, какие чувства он испытывает, вдыхая дым отечества.

Он двинулся вверх — от реки. В Риверсайд-парке зажигали огни. Матери с колясочками спешили освободить его для громил и полицейских патрулей. Смог наполнил бесшумно, по-кошачьи. Сквозь него дома казались заблудившимися великанами.

Сточные воды бежали в Гудзон, а Гудзон так же весело вливался в водопроводные трубы.

— Эй, Кармоди!

Кармоди обернулся. Его догонял мужчина в тапочках, котелке и с белым полотенцем на шее. Кармоди узнал Джорджа Марунди, знакомого художника, не из процветающих.

— Как живешь, старик? — спросил Марунди.

— Сам знаешь.

— Откуда я знаю, когда твоя Элен не знает.

— Да ну?

— Факт! Слушай, у Дика Тэйта междусобойчик в субботу. Будешь?

— Буду! А как Тэйт?

— Сам знаешь.

¹ Все иллюзорные «друзья детства» Кармоди — известные киноартисты. Ширли Темпл, девочкой играла маленьких девочек. Названия фильмов иногда перепутаны: вместо «Рим — 11 часов» — «Париж — 14 часов».

— Ох, знаю, — горестно сказал Кармоди. — А он все еще... того? Да?

— А ты как думал?

Кармоди пожал плечами.

— А меня ты не собираешься представить? — вмешался Приз.

— Заткнись, — шепнул Кармоди.

— Эй, старик! Что это у тебя, а? — Марунди наклонился и уставился на запястье Кармоди. — Магнитофончик, да? Сила, старик! Силища! Ты сам его программировал? Да?

— Я не запрограммирован, — сказал Приз. — Я автономен.

— Во дает! — воскликнул Марунди. — Нет, на самом деле дает! Эй ты, Микки Маус, а что ты еще можешь?

— Пошел ты знаешь куда! — огрызнулся Приз.

— Прекрати! — угрожающе шепнул Кармоди.

— Ну и ну! — восхитился Марунди. — Силен малыш! Правда, Карми?

— Силен! — согласился Кармоди.

— Где достал?

— Достал? Там, где был.

— Ты что — уезжал? Так вот почему я не видел тебя чуть ли не полгода.

— Наверное, потому, — согласился Кармоди.

Кармоди уже собрался было ответить, что он все время провел в Майами, но его вдруг словно кто-то за язык дернул.

— Я странствовал во Вселенной, — брякнул он. — Я был в глубинах Космоса. Видел избранных, пускай все знают об этом.

— Ах вот что! — Марунди кивнул понимающе. — Значит, и ты «пустился в странствие»!

— Да, да, я странствовал...

— Сила! Как забалдеешь, сразу полетишь. И в полете том ты нашел ключик к всемогуществу собственного тела?

— Не совсем так, — перебил Кармоди. — Мне открылась реальность других, но сущность я мог ощутить только собственную.

— Слушай, старик, так ты, похоже, раздобыл настоящую «травку». Где достал? Или капельки, не разбавленную дрянь?

— Капли чистого опыта добывают из сорной травы бытия, — сказал Кармоди. — Суть вещей хочет познать каждый, а она открывается только избранным.

— Темнишь, да? — хихикнул Марунди. — Ладно, старина! Теперь все темнят. Ничего. Я и с тем, что попадаете, залетаю неплохо.

— Сомневаюсь.

— Не сомневаюсь, что сомневаешься. И шут с тобой. Ты куда — на открытие?

— Какое открытие?

Марунди вытаращил глаза:

— Старик, ты до того залетался, что, оказывается, уже совсем ничего не знаешь? Сегодня открытие самой значительной художественной выставки нашего времени, а может, и всех времен и народов.

— Что же это за перл творения?

— Я как раз иду туда. Пойдешь?

Приз принялся брзжать, но Кармоди уже двинулся в путь. Марунди сыпал свежими сплетнями: о том, как Комиссию по Антиамериканской деятельности уличили в антиамериканизме, но дело, конечно, ничем не кончилось, хотя Комиссию и оставили под подозрением о новом ее сенсационном проекте замораживания людей; о том, что пять воздушно-десантных дивизий сумели убить целых пять партизан вчера; о диком успехе многосерийного телефильма «Нейшнл Броуди стинг» — «Чудесные приключения в золотом веке капитализма». Кармоди узнал также и о беспрецедентном патриотизме «Дженерал моторс», пославшей полк миссионеров на границу Камбоджи. И тут они дошли до 106-й улицы. Пока Кармоди не было, здесь снесли несколько домов, и на их месте выросло новое сооружение. Издалека оно выглядело как замок.

— Работа великого Дельваню, — сказал Марунди, — автора «Капкана Смерти-66» — знаменитой нью-йоркской эстакады, по которой еще никто не проехал от начала до конца без аварии. Это тот Дельваню, что спроектировал башни Флэш-Пойнт в Чикаго — единственные трущобы в мире, которые честно и гордо были задуманы именно как наисовременнейшие трущобы и объявлены «необновляемыми» Президентской комиссией по художественным преступлениям в Урбанамерике.

— Да, помню. Уникальное достижение, — согласился Кармоди. — Ну а это новое как называется?

— Шедевр Дельваню, его опус и гнус. Это, друг мой, Дворец Мусора!

Дорога к Дворцу была искусно выложена яичной скорлупой, апельсиновыми корками, косточками авокадо и выеденными раковинами устриц. Она обрывалась у парадных ворот, створки которых были инкрустированы ржавыми матрасными пружинами. Над портиком глянцевыми селедочными головками был выложен девиз: «Чревоугодие — не порок, умеренность — не добродетель».

Миновав портал, Кармоди и художник пересекли открытый двор, где весело сверкал фонтан напалма. Прошли зал, отделанный обрезками алюминия, жести, полиэтилена, полиформальдегида, поливинила, осколками бакелита и бетона и обрывками обоев под орех. От зала разбегались галереи.

— Нравится? — спросил Марунди.

— Н-не знаю, — замялся Кармоди. — А что это все такое?

— Музей. Первый в мире музей человеческих отбросов.

— Вижу! И как восприняли эту идею?

— К удивлению, с величайшим энтузиазмом! Конечно, мы — художники и интеллектуалы — знали, что все это правильно, и все же не ожидали, что широкая публика поймет нас так быстро. Но у нее оказался хороший вкус, и на этот раз публика сразу ухватила суть. Она почувствовала, что именно это — подлинное искусство нашего времени.

— Почувствовала? А мне что-то не по себе...

Марунди взглянул на него с сожалением:

— Вот уж не думал, что ты реакционер в эстетике!.. А что тебе нравится? Может быть, греческие статуи или византийские иконы?

— Нет, конечно. Но почему же именно такое?

— Потому что, друг мой Кармоди, в этом — лицо нашего времени, а правдивое искусство — отражение реальности. Но люди не хотят смотреть в лицо фактам. Они отворачиваются от помоев — от этого неизбежного итога их наслаждений. И все же — что такое помой? Это же памятник потреблению! «Не желай и не трать!» — таким был извечный завет. Но он — не для нашей эры. Ты спрашиваешь: «Зачем же все-таки об отбросах говорить?» Ну что ж! В самом деле! Но зачем говорить о сексе, о насилии и других столь же важных вещах?

— Если так ставить вопрос, звучит разумно. Но все же...

— Иди за мной, смотри и думай, — приказал Марунди. — И понимание вырастет в твоей голове, так же в мире растет гора мусора.

Они перешли в Зал Наружных Шумов. Здесь Кармоди услышал соло испорченного унитаза и уличную сюиту: аллегро автомобильных моторов, скерцо — скрежет аварии и утробный рев толпы. В анданте возникла тема воспоминаний: грохот винтомоторного самолета, тататаканье отбойного молотка и могучий зуд компрессора. Марунди открыл дверь «Бум-рум» — магнитофонной, но Кармоди поспешно выскочил оттуда.

— И правильно, — заметил Марунди. — Это опасно для здоровья. Но многие способны провести здесь по пять-шесть часов.

— Уфф! — только и мог ответить Кармоди.

— А это гвоздь программы, — не унимался Марунди, — влюбленное мычанье мусорного грузовика, пожирающего помой. Прелестно, а? Дальше справа — выставка пустых винных бутылок. А наверху — копия метро. Она построена так, чтобы качаться на каждом шагу, а воздух кондиционирован всем дымом Весингауза.

— А там кто орет? — спросил Кармоди.

— Это записи знаменитых голосов, — пояснил Марунди. — Первый голос — Эда Брена, полузащитника «Грин Бэй Пэккерс». А тот, пискливый, подвывающий — синтетический звуковой портрет последнего мэра Нью-Йорка. А после этого...

— Давай уйдем отсюда, — взмолился Кармоди.

— Обязательно. Только на минуточку заглянем сюда. Здесь галерея настенных рисунков и надписей. Слово — левее — копия старомодной квартиры (пример старомодного романтизма, по моему). Наверху — коллекция телевизионных антенн — британская модель 1960 года, если не ошибаюсь. Отметь их суровую сдержанность и сравни с кембриджским стилем 1959 года. Видишь ты роскошную плавность восточных линий? Вот это и есть народная архитектура в зримой форме.

Тут Марунди обернулся к Кармоди и назидательно сказал:

— Друг мой, смотри и уверуй! Это волна будущего. Некогда люди сопротивлялись изображению действительности. Те дни прошли. Теперь мы знаем, что искусство само по себе вещь со всей ее тягой к излишествам. Не поп-арт, спешу заметить, искусство преувеличения и издевательства. Наше искусство — популярное — оно просто существует. В нашем мире мы безоговорочно принимаем неприемлемое и тем утверждаем естественность искусственного.

— Именно это мне и не по душе, — сказал Кармоди... — Эй, Сизрайт!

— Что ты кричишь? — удивился Марунди.

— Сизрайт! Сизрайт! Заберите меня к чертям отсюда!

— Он спятил! — закричал Марунди. — Есть тут доктор?

Немедленно появился коротенький смуглый человек в халате. У него был маленький черный чемодан с серебряной наклейкой, на которой было написано: «Маленький черный чемодан».

— Я врач, — сказал врач. — Позвольте вас осмотреть.

— Сизрайт! Где вы, черт возьми?

— Хм-хм, м-да, — протянул доктор. — Симптомы резкого галлюцинаторного заболевания... М-да. Поверните голову. Большая твердая шишка на ощупь. Минуточку... М-да... Бедняга бьюально создан для галлюцинаций.

— Док, вы можете помочь ему? — волновался Марунди.

— Вы позвали меня как раз вовремя, — сказал доктор. — Положение поправимое. У меня как раз с собой волшебное средство. Просто волшебное!

— Сизрайт!

Доктор вытащил из маленького черного чемодана шприц.

— Стандартное укрепляющее, — сказал он. — Не беспокойтесь, не повредит и ребенку. Приятная смесь из ЛСД, барбитуратов, амфетаминов, транквилизаторов, психоэлеваторов, стимуляторов и других хороших вещей. И самая чуточка мышьяка, чтобы волосы блестели. Спокойно!

— Проклятье! Сизрайт! Возьмите меня скорее отсюда!

— Не волнуйтесь, это совсем не больно, — мурлыкал доктор, нацеливая шприц.

И в этот самый момент Кармоди исчез.

Ужас и смятение охватили Дворец Мусора, и продолжался он, пока все не успокоилось. А успокоившись, тихо удалились.

Что же касается Кармоди, то священник сказал о нем: «О, достойнейший, рано твой дух вознёсся в то царствие, где уготовано место всех излишних в этой юдоли!»

А сам Кармоди, выхваченный верным Сизрайтом, погружался в пучины бесконечных миров. Он несся по направлению, которое лучше всего характеризуется словом «вниз», сквозь мириады вероятных Земель к скоплениям маловероятных, а от них — к тучам невероятных и невозможных.

Приз брюзжал, упрекая его:

— Это же был твой собственный мир, ты убежал из своего дома, Кармоди! Ты понимаешь это?

— Да, понимаю.

— А теперь нет возврата.

— Понимаю и это.

— Вероятно, ты думаешь найти какой-нибудь пресный рай? — насмешливо предположил Приз.

— Нет, не то.

— А что?

Кармоди покачал головой и ничего не ответил.

— Словом, забудь про все, — сказал Приз с горечью. — Хищник уже рядом, твоя неизбежная смерть.

— Знаю, — сказал Кармоди. — Я уже все постиг. Нельзя уцелеть в этой Вселенной.

— Ты же все упустил, — сказал Приз. — Это неразумно.

— Не согласен, — усмехнулся Кармоди. — Позволь тебе заметить, что я жив пока что.

— Но только в данный момент.

— Я всегда был жив только в данный момент, — сказал Кармоди. — И не рассчитывал на большее. В том и была моя ошибка: я надеялся на большее. Возможности — возможностями, а реальности — реальностями. Такова истина.

— И что тебе даст данный момент, одно мгновение?

— Ничего, — сказал Кармоди. — И все!

— Я перестал тебя понимать, — сказал Приз. — Что-то в тебе изменилось. Что?

— Самая малость, — сказал Кармоди. — Я просто махнул рукой на вечность; в сущности, у меня ее и не было никогда. Я вышел из этой игры, которой боги забавляются на своих небесных ярмарках. Меня не волнует больше, под какой скорлупой спрятана горошина бессмертия. Я не нуждаюсь в бессмертии. У меня есть мое мгновение, и мне достаточно.

— Блаженный Кармоди! — саркастически сказал Приз. — Только один вдох отделяет тебя от смерти. Что ты будешь делать со своим жалким мгновением?

— Я проживу его, — сказал Кармоди. — А для чего существуют мгновения?

Хождение ДЖОЭНИСА



ПРОЛОГ

Невероятный мир Джоэниса существовал более чем тысячу лет тому назад, в глубоком и туманном прошлом. Известно, что путешествие нашего героя началось около 2000 года и завершилось на рубеже современной эпохи. То время было примечательно взлетом промышленной цивилизации; XXI век, век безумного увлечения техникой, породил странные творения, незнакомые читателю. И все же большинство из нас рано или поздно узнало, что имели в виду древние под «управляемым снарядом» или «атомной бомбой». Детали некоторых из этих фантастических устройств можно увидеть во многих музеях мира.

Более скудны наши знания в области обычаев и законов того времени. И чтобы получить хоть какое-то представление о тогдашней религии и этике, необходимо обратиться к Хождению Джоэниса.

Без сомнения, сам Джоэнис был реальным лицом; однако мы никак не можем определить степень достоверности всех бытующих о нем историй. Некоторые из них являются не изложением фактов, а, скорее, определенного рода моральными аллегориями. Но даже и они отображают дух и характер той эпохи.

Настоящая книга, таким образом, есть сборник сказаний о путешествии Джоэниса и об удивительном и трагичном XXI веке. Некоторые истории подтверждаются документально, фигурируют в летописях, но большая их часть дошла до нас в устной форме, передаваясь от рассказчика к рассказчику.

Если не считать нашей книги, единственное письменное изложение Путешествия появляется в недавно опубликованных «Фиджийских сказаниях», где, по очевидным причинам, роль Джоэниса отходит на задний план по сравнению с деяниями его

друга Лама. Это существенно искажает содержание и совершенно не соответствует духу Путешествия. Руководствуясь вышеприведенными соображениями, мы решили создать книгу, в которой была бы правдиво описана для грядущих поколений история Джоэниса.

Книга содержит также все написанное о Джоэнисе в ХХI веке. К великому сожалению, эти записи весьма малочисленны и разрозненны и составляют лишь две главы: «Лам встречается с Джоэнисом» (из «Книги Фиджи», каноническое издание) и «Как Лам поступил на военную службу» (также из «Книги Фиджи», каноническое издание).

Все остальные истории, от Джоэниса или его последователей, передаются из уст в уста. Наш сборник запечатлевает в письменном виде слова самых известных современных рассказчиков без малейших искажений, во всем многообразии их точек зрения, стиля, характеров, морали, комментариев и т.д. Мы хотим поблагодарить рассказчиков за любезное разрешение записать их сказания. Их имена:

Маоа с Самоа
Маубинги с Танти
Пааун с Фиджи
Пелуй с острова Пасхи
Телеу с Хуахине

Автор указывается в начале каждой главы. Мы приносим извинения многим блестящим рассказчикам, которых мы были не в состоянии включить в сборник, и чьи труды будут использованы при составлении полного жизнеописания Джоэниса, с комментариями и вариантами.

Для удобства читателя истории расположены в хронологическом порядке, как главы развивающегося повествования, с началом, серединой и концом. Но мы предупреждаем публику: не ожидайте последовательного и цельного изложения, так как некоторые части длинные, а некоторые короткие, одни сложные, а другие простые, в зависимости от индивидуальности рассказчика. Редакция, безусловно, могла сократить или расширить определенные главы, приводя их к одинаковому объему и наделяя своим собственным чувством порядка и стиля. Но мы предпочли оставить притчи в оригинальном виде, чтобы читатель мог ознакомиться с описанием Хождения, не прошедшим никакой цензуры. Это лишь справедливо по отношению к рассказчикам и позволяет поведать правду о Джоэнисе, о людях, которых он встречал, и о странном мире, с которым он столкнулся.

Редакция дословно повторила повествования рассказчиков и без изменения привела два письменных памятника, ничего не добавив и воздержавшись от замечаний. Наши комментарии содержатся лишь в последней, завершающей главе.

Теперь, читатель, мы приглашаем тебя познакомиться с Джоэнисом и отправиться с ним в путешествие через последние годы старого мира и первые годы нового.

ДЖОЭНИС ОТПРАВЛЯЕТСЯ В ПУТЕШЕСТВИЕ (записано со слов Маубинги с Таити)

На двадцать пятом году жизни героя произошло событие, роковым образом повлиявшее на его судьбу. Чтобы пояснить значение этого события, сперва необходимо рассказать кое-что о нашем герое; а чтобы понять нашего героя, надо описать место, где он жил. Итак, начнем оттуда, как можно быстрее стараясь перейти к основной теме повествования.

Наш герой, Джоэнис, жил на маленьком атолле в Тихом океане, в двухстах милях к востоку от Таити. Остров этот — двух миль в длину и не более трехсот ярдов в ширину — назывался Манитуатуа. Его окружал коралловый риф, а за рифом простирались синие воды океана. Именно сюда приехали из Америки родители Джоэниса для обслуживания электрооборудования, снабжавшего электричеством большую часть Восточной Полинезии.

Когда умерла мать Джоэниса, его отец работал один; а когда умер отец, Тихоокеанская Электрическая Компания потребовала, чтобы Джоэнис заступил на его место. Что он и сделал.

Судя по многим источникам, Джоэнис был высоким, крепкого телосложения молодым человеком с располагающим лицом и хорошими манерами. Он взахлеб читал книги из богатой библиотеки отца и, будучи натурой романтической и чувствительной, предавался долгим размышлениям об истине, верности, любви, долге, судьбе, случайности и прочих абстрактных понятиях. В силу своего характера Джоэнис представлял себе положительные моральные нормы как нечто обязательное и думал о них всегда возвышенным образом.

Жители Манитуатуа, все полинезийцы с Таити с трудом понимали такого сорта людей. Они с готовностью признавали, что добродетели — это хорошо, но предавались порокам при малейшей возможности. Хотя Джоэнис осуждал подобное поведение, ему нравились веселый характер, щедрость и общительность манитуатуанцев. Несмотря на то, что даже мысли о добродетели редко приходили им в голову, они каким-то образом ухитрялись вести достойную и приятную жизнь.

Сей факт не изменил немедленно натуру Джоэниса, чей все еще чересчур пылкий склад ума не мог склониться к умеренности, но оказывал постоянное и нарастающее влияние. Как считают некоторые, Джоэнис сумел выжить впоследствии лишь благодаря тому, что многое перенял у жителей Манитуатуа.

Но о влиянии можно лишь предполагать, его нельзя объек-

тивно измерить или оценить. Мы же ведем речь об исключительном событии, происшедшем с Джоэнисом на двадцать пятом году жизни.

Истоки этого события следует искать в конференц-зале Тихоокеанской Электрической Компании, расположенной в Сан-Франциско, на западном побережье Америки. Пузатые мужчины в костюмах, рубашках, галстуках и ботинках собрались там за круглым столом из полированного тикового дерева. Эти, как их называли, Люди Круглого Стола, вершили в значительной степени человеческие судьбы. Председатель Совета, Артур Пендрагон, получил свой высокий пост по наследству, но выдержал тяжелую борьбу, чтобы занять законное место. Прочно обосновавшись, Артур Пендрагон распустил прежний Совет Попечителей и назначил доверенных людей. Присутствовали: Билл Ланселот, обладающий неимоверной финансовой силой; Ричард Галахад, широко известный своей благотворительной деятельностью; Остин Мордред, имевший многочисленные политические связи; и многие другие.

Вышеназванные лица, чья финансовая империя в последнее время пошатнулась, голосовали за единение сил и немедленную продажу всех не дающих прибылей владений. Это решение, каким бы простым оно ни казалось, было чревато серьезными последствиями.

На далеком Манитуатуа Джоэнис получил указание Совета остановить Восточнополинезийскую электростанцию. Таким образом, Джоэнис лишился работы. Что еще хуже, рухнул весь привычный ему уклад жизни.

На протяжении следующей недели Джоэнис много размышлял о своем будущем. Его полинезийские друзья уговаривали остаться с ними на Манитуатуа; или, если он предпочитает, переехать на один из больших островов, например на Хуахине, Бора-Бора или Таити.

Джоэнис выслушал их предложения, а затем удалился в уединенное место, чтобы поразмыслить. Он вернулся через три дня и объявил собравшемуся населению о своем намерении отправиться в Америку, на родину предков, увидеть собственными глазами чудеса, о которых читал, и узнать, не там ли его судьба. Если судьба его не там, он вернется к народу Полинезии с чистой душой и открытым сердцем, готовый к исполнению любых обязанностей, которые на него возложат.

Люди оцепенели от ужаса, когда услышали это, ибо американская земля слыла более опасной и непредсказуемой, чем сам океан; а обитатели ее считались колдунами и магами, способными хитроумными заклятиями изменить даже сам образ мышления человека. Казалось невероятным, что кто-то может разлюбить коралловые побережья, лагуны, пальмы, остроносые ка-

ноз и тому подобное. И все же такое случалось. Другие полинезийцы совершали путешествие в Америку, попадали под ее чары и никогда не возвращались. Один даже посетил легендарную Мэдисон Авеню; но что нашел он там, осталось тайной, ибо тот человек больше не заговорил. Тем не менее, Джоэнис твердо решил ехать.

Он был помолвлен с манитуатуанской девушкой, девушкой с золотистой кожей, миндалевидными глазами, смоляными волосами, пикантной фигурой и очаровательной головкой, искушенной в путях мужских. Джоэнис предполагал послать за этой девушкой (по имени Тонделайо), как только обоснуется в Америке; или, если судьба окажется неблагоприятна, вернуться к ней. Ни одно из этих предложений не встретило одобрения Тонделайо, и она обратилась к Джоэнису со следующими словами, на местном диалекте, тогда преобладающем:

— Эй, ты, глупый парень, хочешь плыть в Мелику? Зачем, эй? Разве в Мелике больше кокосовых орехов? Длинней пляжи? Лучше рыбалка? Нет! Ты думаешь, может быть, интересней чумби-чумби? Так нет! Будет лучше, если ты останешься со мной, кланусь!

Вот таким образом красавица Тонделайо взывала к разуму Джоэниса. Но тот отвечал ей:

— Любимая, ужель ты думаешь, что я хочу покинуть *тебя*, воплощение всех моих грез и средоточие желаний?! Нет, зеница ока моего, нет! Отъезд наполняет меня скорбью, ибо я не ведаю, какой рок поджидает меня в холодном мире на востоке. Знаю лишь, что долг мужчины толкает меня вперед, к подвигам и славе, а если велит судьба, то и к самой смерти. Только поняв великий мир, который мне известен понаслышке от усопших родителей и из книг, смогу я вернуться и провести остаток дней своих здесь, на островах.

Прекрасная Тонделайо внимательно выслушала эти речи и глубоко задумалась. И обратилась девушка к Джоэнису словами простой народной мудрости, передаваемой от матери к дочке с незапамятных времен:

— Послушай, малый, я думаю, все вы белые одинаковы. Сперва вы делаете чумби-чумби с маленькой *wahīno*, и это хорошо, а потом вас тянет на сторону, я думаю, к белой женщине. Кланусь! Пальмы растут, кораллы тоже, но такой мужчина должен умереть.

Джоэнис мог лишь склонить голову перед древней мудростью островитянки. Но решимость его не дрогнула. Джоэнис знал, что ему суждено посетить землю Америки и принять уготованную судьбу. Он поцеловал Тонделайо, и та заплакала, увидев, что слова ее бессильны поколебать этого мужчину.

Окрестные вожди устроили пир в честь Джоэниса, где подавали островные деликатесы, такие как консервированная говядина и консервированные ананасы. Когда на остров пришла тор-

говая шхуна с обычным еженедельным грузом рома, они печально простились с любезным их сердцу Джоэнисом.

Вот так Джоэнис, в ушах которого все еще звучали туземные мелодии, проплыл мимо Хуахине и Бора-Бора, мимо Таити и Гавайских островов, и наконец прибыл в город Сан-Франциско на западном побережье Америки.

ЛАМ ВСТРЕЧАЕТСЯ С ДЖОЭНИСОМ (рассказано самим Ламом и записано в «Книге Фиджи», каноническое издание)

Ну, вы знаете, как это бывает. Еще Хемингуэй говорил — выпивка ни к черту, и девчонка дрянь, и что вам тогда делать? Вот и я, торчал в порту, поджидая еженедельную партию мескалина, и, конечно, можно сказать, бил баклуши: слонялся и глазел на толпу, на большие корабли, на Золотые Ворота. Знаете, как это бывает... Я только что прикончил бутерброд — итальянская салями на тминном хлебе — и, если учесть скорое прибытие травки, чувствовал себя вовсе не так паршиво. То есть, я хочу сказать, необязательно чувствовать себя паршиво, даже если девчонка — дрянь.

Ну так вот, тот корабль пришел из тех дальних краев, и с него сошел этот парень. Такой, знаете, поджарый, высокий, с настоящим загаром и нехилыми плечами. Полотняная рубашка, обтрепанные штаны и совсем никакой обуви. Я, естественно, решил, что он в порядке. То есть, я имею в виду, он выглядел в порядке. Я подошел к нему и спросил, пришел ли груз.

Этот тип посмотрел на меня и сказал:

— Меня зовут Джоэнис. Я здесь впервые.

Так я понял, что он не в деле, и попросту отвел взгляд.

— Не знаете, где можно найти работу? — продолжал он. — Я первый раз в Америке и хочу узнать о ней, и узнать, что Америка может дать мне и что я могу дать Америке.

Я снова посмотрел на него, потому что теперь уже не был уверен. Я имею в виду, что-то непохоже было, что он в деле, но в наши дни не каждый работает под хиппи, а иногда, если молотишь под простачка, прямиком можешь угодить в ту Чайную на Небесах, где заправляет Величайший Торговец Наркотиками из всех. И я сказал этому Джоэнису:

— А что ты умеешь?

— Я разбираюсь в электрических трансформаторах.

— Потрясно.

— И играю на гитаре, — добавил он.

— Эй, парень! — воскликнул я. — Что ж ты сразу это не выложил, а все плел про электричество?! Я знаю одно местечко, где ты мог бы играть и клево калымить. Башли есть?

Этот Джоэнис едва лопотал по-английски, и мне приходи-

лось ему все растолковывать. Но он быстро схватывал, насчет башлей и остального, и я предложил ему на некоторое время обосноваться в моей халупе. Когда девчонка все равно дрянь, почему бы и нет? И этот Джоэнис одарил меня улыбкой и сказал: конечно, мол, согласен. Еще он поинтересовался обстановкой, и как тут можно поразвлечься. Он казался вполне в норме, даром что иностранец, и я его успокоил, что девочки есть, а насчет других развлечений пускай пока держится меня, а там видно будет. Он, вроде, усек, и мы двинули на хату. Я дал ему бутерброд с настоящим ржаным хлебом, с зернышками, и куском швейцарского сыра — из Швейцарии, а не из Висконсина. Джоэнис был абсолютно на нуле, и мне пришлось ссудить его бренчалкой, так как свою он оставил на островах; не знаю уж, где эти острова. И в тот же вечер мы выступили в кафе.

Надо сказать, что Джоэнис наделал переполоху своей гитарой и песнями, потому что пел на никому непонятном языке, хотя мелодии были малость занудливы. Туристы пришли в порожайший восторг, будто им задаром предложили акции «АТ и Т». Джоэнису отвалили больше восьми долларов, чего хватило на пузырь русской — только не надо зудеть мне про патриотизм — и еще кое-какую закусь. И к нему приклеилась одна крошка не больше пяти футов росту, потому что таким уж был Джоэнис. То есть, он был высокий и здоровый, с широченными плечищами, да еще копна выгоревших волос. Для такого, как я, это послужиме, потому что хотя у меня борода, сам я плотный и, скажем, коренастый, и порой приходится немало потратить времени. Но к Джоэнису тянуло прямо как магнитом. Прилип даже один голубенький, да я его живо отшил, потому что травка в кармане, и зачем менять головную боль на расстройство желудка?

И вот Джоэнис, и эта крошка по имени Диердри Фейнстейн, и еще одна подружка, которую она взяла на мою долю, все завалились ко мне. Я показал Джоэнису, как разминать зернышки и все прочее, мы наширялись и забалдели. То есть, у нас был нормальный приход, а вот Джоэнис засверкал, что тысячеваттная фара «Мазда». И хоть я предупреждал его о фараонах, что бродят по улицам и аллеям Сан-Франциско, ища кого бы упрятать в свои новенькие расчудесные тюрьмы, Джоэнису было море по колено. Забрался он на кровать и стал толкать речь. Речь получилась потрясная, потому что этот широкоплечий улыбочивый парень из далекого захолустья действительно растрогался до глубины души. И сказал он так:

— Друзья мои, я пришел к вам из земли пальм и песка в надежде сделать славные открытия. Я считаю себя счастливей всех смертных, ибо в первый же вечер я был представлен вашему кумиру, Королю Травке, и был возвышен им, а не унижен. Мне явились чудеса этого мира, которые сейчас розовеют перед глазами и ниспадают радужным водопадом. Своего дорогого друга Лама я могу лишь бесконечно благодарить за это битниковское

действие. Новой возлюбленной своей, сладчайшей Диердри Фейнстейн, позвольте мне сказать, что я вижу разгорающееся внутри великое пламя и чувствую сотрясающую меня бурю. Подружке Лама, чье имя я, к сожалению, не разобрал, спешу поведать, что люблю ее как брата, любовью страстной и в то же время невинной, как новорожденный младенец...

Надо сказать, что у этого Джоэниса был неслабый голос. То есть, он ревел словно морской лев в брачный период, а такой звук никак не назовешь тихим. Соседи сверху — а они у меня добропорядочные граждане, что встают в 8 утра и отправляются на работу — стали стучать в потолок и орать, что эта вечеринка переполнила чашу их терпения, и что они вызвали полицию, под которой они имели в виду фараонов.

Джоэнис и девочки были в отрубе, но я всегда сохраняю ясную голову на случай опасности, что бы там ни клубилось в легких и ни струилось в венах. Я хотел спустить оставшуюся травку в туалет, но Диердри, вконец рехнувшаяся на этом зелье, спрятала зернышки в самом интимном месте своего тела, где, по ее словам, их никто не посмеет тронуть. Я выволок всех из хаты (причем Джоэнис сжимал мою гитару в своей загорелой руке) как раз вовремя. Подкатил фургон, и из него посыпали фараоны. Я настрополил свою команду идти прямо, как солдатики, потому что тут лучше не шутить.

Мы зашагали кое-как, а те пристроились рядом и ну давай на нас зыриться. Мы продолжали идти, а они стали бросать замечания насчет битников, аморального поведения и всего такого. Я старался, чтобы мы топали вперед, но с Диердри было не совладать. Она повернулась к фараонам и выложила все, что о них думала. Это очень неразумно, если у вас такие богатые воображение и лексикон, как у Диердри.

Их старший—сержант — сказал:

— Ладно, сестрица, пойдем-ка с нами. Мы тебя забираем, усекла?

И они поволокли отбрыкивающуюся Диердри к своему фургону. Я заметил, как лицо Джоэниса принимает задумчивое выражение, и испугался, не быть ли беде, потому что, наширявшись, он сильно возлюбил Диердри и вообще всех, кроме фараонов.

Я сказал ему:

— Парень, не вздумай что-нибудь выкинуть. Нашему веселью пришел конец, а если Диердри с нами не будет, то на нет и суда нет. Она вечно не в ладах с фараонами, с тех пор, как приехала изучать Дзен. Ее забирают все время, и ей это совершенно по нулям, потому что ее отец — Шон Фейнстейн, который может купить все, что ты успеешь перечислить за пять секунд. Она очухается и выйдет. Так что и пальцем не шевели, даже не оглядывайся, потому что *твой* отец — не Шон Фейнстейн и вообще не кто-нибудь, о ком я слышал.

Вот так я пытался урезонить Джоэниса, но он застыл, представляя собой в свете уличного фонаря героическую фигуру: кулак сжат добела вокруг моей гитары, глаза всезнающие и всепрощающие — кроме фараонов. И повернулся.

— Чего тебе надо, малый? — поинтересовался сержант.

— Уберите свои руки от этой девушки! — потребовал Джоэнис.

— Эта наркоманка, которую ты называешь девушкой, нарушила статью четыреста тридцать один дробь три Уголовного Кодекса города Сан-Франциско. Так что не суй нос не в свое дело, приятель, и не вздумай брэнчать на этой укеэле на улицах после двенадцати ночи.

Я хочу сказать, что по-своему этот сержант был вовсе неплохим парнем.

Но здесь Джоэнис толкнул речь, то есть не речь, а конфетку. К сожалению, я сейчас не припомню дословно, но смысл ее сводился к тому, что законы создаются людьми и, следовательно, должны учитывать дурную натуру человека, и что подлинная мораль заключается в следовании истинным требованиям просвещенной души.

— А, красивый... — пробормотал сержант. И в мгновение ока, а то и еще быстрее, они затащили Джоэниса в фургон.

Само собой, Дирдри на следующее утро выпустили — может, из-за отца, а может и из-за ее неотразимого поведения, известного всему Сан-Франциско. Но Джоэнис, хоть мы и перерыли всю округу вплоть до Беркли, как в воду канул.

Говорю вам, как в воду канул! Что случилось с этим светловолосым, обожженным солнцем трубадуром с моей гитарой и с моей почти самой лучшей обувкой? Полагаю, одни фараоны знают, о уж они не скажут. Но я навсегда запомнил Джоэниса, певца чарующего, который у врат ада повернул вспять на поиски своей Эвридики, и тем самым разделил судьбу Орфея златоголового. То есть, конечно, это не совсем так, и все же похоже. И кто знает, в каких дальних краях странствует сейчас Джоэнис с моей гитарой?

СЕНАТСКАЯ КОМИССИЯ **(рассказано Маоа с Самоа)**

Джоэнис никак не мог знать, что в то время в Сан-Франциско проводила расследования Комиссия Американского Сената. Но полиции это было известно. Интуитивно почувствовав в Джоэнисе потенциального свидетеля для этих расследований, его доставили из тюрьмы в зал заседаний Комиссии.

Председатель Комиссии, сенатор Джордж Пелопс, сразу спросил у Джоэниса, что тот может сказать.

— Я ни в чем не виноват, — выпалил Джоэнис.

— Ага, — отреагировал Пелопс, — но разве вас в чем-то обвинили? Может быть, я? Или кто-нибудь из моих славных коллег? Если так, то я хотел бы немедленно об этом услышать.

— Нет, сэр, — молвил Джоэнис. — Я просто подумал...

— Мысли не являются уликами, — заявил Пелопс.

Затем он поскреб лысину, поправил очки и торжественно повернулся к телевизионной камере.

— Этот человек, по его собственному признанию, не был обвинен ни в каком преступлении, совершенном злонамеренно или же по заблуждению. Мы всего лишь предложили ему говорить, согласно привилегии и обязанности Конгресса. И все же каждое его слово выдает сознание вины. Я считаю, джентльмены, мы должны расследовать это дело.

— Я желаю видеть адвоката, — сказал Джоэнис.

— Вам не полагается адвокат, так как это слушание комиссии конгресса, устанавливающей факты, а не судебный процесс. Но мы обратим самое пристальное внимание на ваше требование. Могу я поинтересоваться, зачем предположительно честному человеку требуется адвокат?

— Джоэнис, немало прочитавший книг на Манитуатуа, проворчал что-то о законности и своих правах. Пелопс ответил ему, что Конгресс является охранником его прав, так же как создателем законов. Следовательно, Джоэнису нечего бояться, если он будет отвечать правду. Джоэнис принял это близко к сердцу и дал обещание отвечать правду.

— Благодарю вас, — сказал Пелопс, — хотя обычно мне не приходится *просить*, чтобы отвечали правду. Впрочем, возможно, это не имеет значения. Скажите, мистер Джоэнис, вы действительно верите во все то, что упомянули в своей речи прошлой ночью на улицах Сан-Франциско?

— Я не помню никакой речи, — ответил Джоэнис.

— Вы отказываетесь отвечать на этот вопрос?

— Я не могу ответить. Я не помню. Полагаю, на меня влиял алкоголь.

— Помните ли вы, с кем были прошлой ночью?

— Кажется, с одним человеком по имени Лам, и еще с девушкой, Дьердри...

— Нам не нужны их имена, — торопливо перебил Пелопс. — Мы всего лишь спросили вас, не помните ли, с кем вы были. Вы ответили, что помните. Должен вам сказать, мистер Джоэнис, что у вас весьма удобная память, которая фиксирует одни факты и отвергает другие.

— То не факты, — возразил Джоэнис. — То люди.

— Комиссия не просит вас шутить, — сурово отчеканил Пелопс. — Официально предупреждаю вас, что уклончивые, безответственные и вводящие в заблуждение ответы, а также молчание, будут рассматриваться, как неуважение к Конгрессу, что

является нарушением федеральных законов и влечет за собой тюремное заключение сроком до одного года.

— Я не хотел сказать ничего такого, — поспешно заверил Джознис.

— Очень хорошо, продолжим. Вы отрицаете, что прошлой ночью произносили речь?

— Нет, сэр, я не отрицаю этого.

— В таком случае, не отрицаете ли вы, мистер Джознис, что суть вашей речи касалась так называемого права каждого человека низвергать государственные законы? Или, другими словами, отрицаете ли вы, что подстрекали к бунту тех инакомыслящих, кого могли сбить ваши состряпанные за границей воззвания? Или, чтоб вам стало абсолютно ясно, что вы пропагандировали насильственное свержение правительства, необходимо опирающегося на свои законы? Можете ли вы оспаривать тот факт, что содержание и смысл вашей речи сводились к нарушению тех свобод, которые дали нам наши Отцы-Основатели, и которые вообще позволяют вам говорить, каковой возможности вы безусловно не имели бы в Советской России? Смее ли вы утверждать, что эта речь, замаскированная пустыми словечками из жаргона богемы, не является частью обширного плана, направленного на подрыв изнутри и прокладывание пути для внешней агрессии, в какой-то цели вы пользуетесь молчаливым одобрением, если не явной поддержкой определенных лиц в нашем Государственном Департаменте? И что, наконец, эта речь, произнесенная якобы в состоянии опьянения, но при полном сознании вашего так называемого права на подрывные действия в условиях демократии, где возможности возмездия, по вашему мнению, ограничены Конституцией и Биллем о Правах, которые предназначены не для помощи стоящим вне закона элементам, как вам думается, а напротив, на охрану свобод народа от таких безбожных наемников, как вы? Так это или не так, мистер Джознис? Я прошу дать простой и однозначный ответ.

— Мне бы хотелось прояснить...

— Пожалуйста, отвечайте на вопрос, — ледяным тоном отрезал Пелопс. — Да или нет.

Джознис лихорадочно соображал, вспоминая все, что читал на родном острове об американской истории.

— Ваши утверждения чудовищны! — наконец воскликнул он.

— Мы ждем ответа! — провозгласил Пелопс.

— Я настаиваю на своих конституционных правах, а именно на Первой и Пятой поправках, — сказал Джознис, — и, со всем уважением к вам, отказываюсь отвечать.

Пелопс зловеще улыбнулся.

— Этот номер у вас не пройдет, мистер Джознис, поскольку Конституция, за которую *сейчас* вы так рьяно цепляетесь, была пересмотрена или, точнее, обновлена теми из нас, кому дорога ее

неизменность и предохранение от выхолащивания. Упомянутые вами поправки, мистер Джоэнис, — или, может быть, мне следует называть вас *товарищем* Джоэнисом? — не позволят вам хранить молчание по причинам, которые с радостью объяснил бы любой член Верховного Суда — если бы вы удосужились спросить его!

Эта сокрушительная речь в корне подавила любое возражение. Даже присутствующие в зале репортеры, издававшие виды свидетели всяких политических баталий, были поражены до глубины души. Джоэнис сперва побагровел, а затем побелел как смерть. Поставленный в безвыходное положение, он все же раскрыл рот, чтобы отвечать, но в этот миг был спасен вмешательством одного из членов Комиссии, сенатора Зарешеткинга.

— Прошу прощения, сэр, — обратился сенатор Зарешеткин к Пелопсу, — и также прошу прощения у всех, кто ждет ответа на вопрос. Я лишь хочу кое-что сказать и хочу, чтобы мои слова занесли в протокол, потому что иногда человек должен говорить прямо, как бы ни было это больно и несмотря на тот ущерб, политический и материальный, который это может ему причинить. И все же такой человек, как я, обязан высказаться, когда велит ему долг, высказаться, невзирая на последствия и полностью сознавая, что это может пойти вразрез великой силе общественного мнения. Таким образом, я желаю сказать следующее: я старый человек и многое повидал на своем веку. Может быть, я не достоин, но мой долг заявить, что я — смертельный враг несправедливости. Меня называют консерватором, но, в отличие от некоторых, я не могу смириться с определенными вещами. И как бы меня кое-кто ни называл, я надеюсь, что не доживу до того дня, когда русская армия займет город Вашингтон. Таким образом, я выступаю против этого человека, этого товарища Джоэнова, но не как сенатор, а, скорее, как тот, кто ребенком резвился в холмистой местности к югу от Соур-Маунтин, кто ловил рыбу и охотился в глухих лесах, кто постепенно вырос до понимания того, *что* значит для него Америка, чьи соседи послали его в Конгресс, чтобы там он представлял их и их близких, и кто теперь считает своим долгом сделать настоящее заявление. Именно по этой и только по этой причине я обращаюсь к вам словами Библии: «Зло есть грех!» Некоторые умники среди нас, возможно, посмеются, но так уж оно есть, и я глубоко в это верую.

Комиссия разразилась бурными аплодисментами на речь старого сенатора. Хотя они слышали ее много раз, она неизменно будила в них самые высокие и благородные чувства. Председатель Пелопс, с сжатыми добела губами, повернулся к Джоэнису.

— Товарищ, — спросил он с легкой иронией, — являетесь ли вы в настоящее время членом коммунистической партии и имеете ли членский билет?

— Нет! — воскликнул Джоэнис.

— В таком случае, назовите ваших сообщников по тем дням, когда вы являлись членом коммунистической партии.

— У меня не было никаких сообщников. Я имею в виду...

— Мы отлично понимаем, что вы имеете в виду, — перебил Пелопс. — Так как вы решили не называть своих сотоварищей-предателей, не признаетесь ли вы нам, где находилась ваша ячейка? Нет? Так, тогда скажите нам, товарищ Джоэнов, не говорит ли вам что-нибудь имя Рональд Блейк? Или, проще выражаясь, когда вы в последний раз встречались с Рональдом Блейком?

— Я никогда с ним не встречался, — ответил Джоэнис.

— Никогда? Это очень смелое заявление. Вы пытаетесь заверить меня, что ни при каких обстоятельствах ни разу не встречались с Рональдом Блейком? Не сталкивались с ним самым случайным образом в толпе, не сидели в одном кинотеатре? Сомневаюсь, что кто-нибудь в Америке может вот так категорически утверждать, что *никогда* не встречался с Рональдом Блейком. Желаете ли вы, чтобы ваше заявление было занесено в протокол?

— Ну, знаете, возможно я встречался с ним в толпе, то есть я хочу сказать, что я мог оказаться в одной толпе с ним; я не утверждаю наверняка...

— Но вы допускаете такую возможность?

— Пожалуй, да.

— Прекрасно, — одобрил Пелопс. — Наконец-то мы добираемся до сути. Теперь я прошу вас ответить, в какой именно толпе вы встречались с Блейком, что он вам сказал, что вы сказали ему, какие документы он вам передал, и кому вы отдали эти документы...

— Я никогда не встречался с Арнольдом Блейком! — вскричал Джоэнис.

— Нам он был известен, как *Рональд* Блейк, — сказал Пелопс. — Но мы, безусловно, заинтересованы в выяснении его псевдонимов. Заметьте, пожалуйста, что вы сами признали возможность связи с ним, а в виду вашей установленной партийной деятельности эта возможность перерастает в вероятность столь значительную, что может рассматриваться как факт. Более того, вы сами выдали нам имя, под которым Рональд Блейк известен в партии, имя, которого до сих пор мы не знали. Полагаю, этого достаточно.

— Послушайте! — взмолился Джоэнис. — Я не знаю ни этого Блейка, ни того, что он сделал.

— Рональд Блейк был обвинен в хищении чертежей новой малогабаритной двенадцатицилиндровой модели «Студебекера» повышенной комфортности и в продаже этих чертежей советскому агенту, — сухим голосом констатировал Пелопс. — После объективного суда в соответствии с законом приговор был при-

веден в исполнение. Позже были разоблачены, осуждены и казнены тридцать его соучастников. Вы, товарищ Джоэнов, являетесь тридцать первым членом самой крупной из до сих пор нами раскрытых шпионских организаций.

Джоэнис попытался что-то сказать, но обнаружил, что трясется от страха и не может выдать ни слова.

— Данная Комиссия, — попытожил Пелопс, — наделена особыми полномочиями, поскольку она устанавливает факты, а не карает. Как ни обидно, нам приходится следовать букве закона. Поэтому мы передаем секретного агента Джоэнова в ведомство Генерального Прокурора с тем, чтобы он предстал перед справедливым судом и понес наказание, которое соответствующие органы правительства сочтут нужным наложить на изменника, заслуживающего только смерти. Заседание объявляется закрытым.

КАК ВОСТОРЖЕСТВОВАЛА СПРАВЕДЛИВОСТЬ (рассказано Пелуи с острова Пасхи)

Генеральный Прокурор, к которому попал Джоэнис, был высоким человеком с орлиным носом, узкими глазками и бескровными губами. Вообще его лицо казалось вырубленным из камня. Сутулый и молчаливо презрительный, величественный в черной бархатной мантии с гофрированным воротничком, Генеральный Прокурор являлся живым воплощением своего ужасного ведомства. Так как он был слугой карающего органа правительства, его долг заключался в том, чтобы никто из попавших к нему в руки не ушел от возмездия, и он добивался этого всеми доступными средствами.

Резиденция Генерального Прокурора находилась в Вашингтоне, но сам он происходил из города Афины штата Нью-Йорк и в годы молодости водил знакомство с Аристотелем и Алкивиадом, чьи произведения считаются высшим достижением американского гения.

Когда-то Афины были одним из городов Древней Греции, откуда возникла американская цивилизация. Рядом с Афинами находилась Спарта — милитаристское государство, главенствующее над городами Лакедонии в верхней части штата Нью-Йорк. Ионические Афины и дорическая Спарта вели между собой смертельную войну и утратили независимость. Но и попав под иго Америки, они сохранили большой вес в ее делах.

Пока все выглядело достаточно просто. У Джоэниса не было влиятельных друзей или политических соратников, и, казалось, кара постигнет его без вреда для карающего. Соответственно, Генеральный Прокурор организовал Джоэнису всяческую возможную юридическую помощь с тем, чтобы его дело слушалось в знаменитой Звездной Палате. Таким образом, буква закона

будет выполнена наряду с приятной уверенностью в вердикте присяжных. Ибо педантичные судьи Звездной Палаты, бесконечно преданные искоренению зла в любом его проявлении, никогда за всю свою историю не выносили другого решения, кроме решения о виновности.

После оглашения приговора Генеральный Прокурор намеревался принести Джоэниса в жертву на Электрическом Стуле в Дельфи, тем самым снискав благосклонность богов и людей.

Таков был план. Но в ходе расследования выяснилось, что отец Джоэниса происходил из Механиксвиля, штата Нью-Йорк, да к тому же еще был членом муниципального совета. А мать Джоэниса была ионийкой из Майами — афинской колонии в глубинах дикарской территории. Поэтому определенные влиятельные эллины потребовали прощения оступившегося отпрыска уважаемых родителей во имя эллинического единства — немаловажной силы в американской политике.

Генеральный Прокурор, сам уроженец Афин, счел за лучшее удовлетворить эту просьбу. Поэтому он распустил Звездную Палату и послал Джоэниса к Великому Оракулу в Сперри, что встретило всеобщее одобрение, ибо сперрийский Оракул, так же как Оракулы из Дженмоторса и Дженэлектрикса, славился объективностью суждений о людях и их делах. Оракулы вообще так вершили правосудие, что заменили многие суды страны.

Джоэниса привезли в Сперри, и вскоре, с дрожью в коленках, он предстал перед Оракулом. Оракул был огромной вычислительной машиной весьма сложного устройства, с пультом управления или алтарем, которому прислуживало множество жрецов. Жрецы все были кастрированы, дабы они не имели других помыслов, кроме заботы о машине. Верховный жрец был к тому же еще и ослеплен, чтобы он мог видеть грешников лишь глазами Оракула.

Когда вошел Верховный жрец, Джоэнис пал пред ним на колени. Но жрец поднял его и сказал: — Не страшись, сын мой. Смерть ожидает всех людей, и нескончаемые муки присущи их эфемерной жизни. Скажи мне, есть ли у тебя деньги?

— У меня восемь долларов и тридцать центов, — ответил Джоэнис. — Но почему вы об этом спрашиваете, отец?

— Потому, — молвил жрец, — что среди просителей существует обычай добровольно жертвовать деньги Оракулу. Но если у тебя нет денежных средств, равно принимаются недвижимость, облигации, акции, закладные и любые другие бумаги, которые считаются ценными в бренном мире.

— У меня нет ничего подобного, — печально ответил Джоэнис.

— А земли в Полинезии?

— Мои родители получили землю от правительства, и к нему она должна вернуться. Не владею я и никаким другим имуществом, ибо этим вещам в Полинезии не придают значения.

— Значит, у тебя ничего нет? — разочарованно спросил жрец.

— Ничего, кроме восьми долларов и тридцати центов, — сказал Джоэнис, — да гитары, которая принадлежит человеку по имени Лам, из далекой Калифорнии. Но, отец, неужели это действительно необходимо?

— Разумеется, нет. Но и кибернетикам надо на что-то жить, и щедрый дар от просителя рассматривается как благое деяние, особенно когда приходит пора толковать слова Оракула. Некоторые также полагают, что бедный человек попросту мало трудился, раз не накопил денег для Оракула на случай судного дня, и, следовательно, недостаточно благочестив. Но это не должно нас беспокоить. Сейчас мы представим твое дело и испросим решение.

Жрец взял заявление Генерального Прокурора и защитную речь адвоката Джоэниса и перевел их на тайный язык, каким Оракул общался с людьми. Вскоре пришел ответ:

**ВОЗВЕДИТЕ В ДЕСЯТУЮ СТЕПЕНЬ
И ВЫЧТИТЕ КВАДРАТНЫЙ КОРЕНЬ
ИЗ МИНУС ЕДИНИЦЫ.
НЕ ЗАБУДЬТЕ КОСИНУС, ИБО ЛЮДЯМ
ДОЛЖНО ВЕСЕЛИТЬСЯ. ДОБАВЬТЕ «Х»
КАК ПЕРЕМЕННУЮ, СВОБОДНО
ВЗВЕШЕННУЮ, НЕВЛЮБЛЕННУЮ.
ВСЕ ПРИДЕТ К НУЛЮ И Я ВАМ БОЛЬШЕ
НЕ НУЖЕН.**

Получив это решение, жрецы собрались вместе на толкование слов Оракула. И вот что они сообщили:

ВОЗВЕСТИ — значит исправить зло.

ДЕСЯТАЯ СТЕПЕНЬ — есть условия содержания и срок, в течение которого проситель должен работать на каторге, чтобы исправить зло; а именно десять лет.

КВАДРАТНЫЙ КОРЕНЬ ИЗ МИНУС ЕДИНИЦЫ — будучи мнимым числом, представляет воображаемое состояние благоденствия; также обозначает возможность обогащения и прославления просителя. В связи с этим предыдущий приговор объявляется условным.

«Х» ПЕРЕМЕННАЯ является воплощением земных фурий, среди которых будет обитать проситель, и которые покажут ему всевозможные ужасы.

КОСИНУС — знак самой богини, оберегающий просителя от некоторых ужасов, уготованных фуриями, и обещающий ему определенные земные радости.

ВСЕ ПРИДЕТ К НУЛЮ — в данном случае соблюдается равенство между святым правосудием и человеческой виной.

Я ВАМ БОЛЬШЕ НЕ НУЖЕН — означает, что в даль-

нейшем проситель не должен обращаться к этому или другому Оракулу, так как решение окончательное и обжалованию не подлежит.

Таким образом, Джоэниса приговорили к десяти годам условно. И Генеральный Прокурор вынужден был исполнить решение Оракула и освободить его.

Оказавшись на свободе, Джоэнис продолжил свое путешествие по земле Америки, с бременем проклятья и обещания, а также условного десятилетнего заключения. Он торопливо покинул Сперри и добрался на поезде до города Нью-Йорк. О том, что делал он там, и что с ним приключилось, пойдет рассказ в следующей истории.

ДЖОЭНИС, ЧЕВОИЗ И ПОЛИЦЕЙСКИЙ (рассказано Маоа с Самоа)

Никогда не видел Джоэнис ничего подобного великому городу Нью-Йорк. Бесконечная суета такого множества людей была ему незнакома и поражала воображение. Лихорадочная жизнь не утихла и с наступлением вечера. Джоэнис наблюдал за нью-йоркцами, спешащими в погоне за развлечениями в ночные клубы и в варьетэ. Город не испытывал недостатка в культуре, ибо огромное число людей отдавало свое время утраченному искусству движущихся картинок.

К ночи суматоха успокоилась. Джоэнису приходилось видеть много стариков, а также и молодых людей, неподвижно сидящих на скамейках или стоящих у входа в метро. На их лицах Джоэнис читал ужасающую пустоту, а когда обращался к ним, то не мог разобрать их вялых, невнятных ответов. Эти нетипичные нью-йоркцы вызывали у него беспокойство, и он был рад, когда наступило утро.

С первыми лучами солнца возобновилось бурление толпы. Люди толкали и пихали друг друга в судорожной спешке куда-то попасть и что-то сделать. Джоэнис решил узнать причину всего этого и остановил одного прохожего.

— Сэр, — обратился Джоэнис, — не могли бы вы уделить минуту вашего ценного времени и рассказать страннику о великой и целенаправленной деятельности, которую я наблюдаю вокруг?

— Ты что, псих? — буркнул прохожий и заторопился прочь.

Но следующий, кого остановил Джоэнис, тщательно обдумал этот вопрос и произнес: — Вы называете это деятельностью?

— Так мне кажется, — ответил Джоэнис, глядя на бурлящую толпу. — Между прочим, меня зовут Джоэнис.

— А меня — Чевоиз.

— Чевоиз?

— Нет, Чевоиз; как в «чево изволите». В ответ на ваш воп-

рос я скажу вам, что то, что вы видите — не деятельность. Это паника.

— Но чем она вызвана? — поинтересовался Джоэнис.

— В двух словах, они боятся, что если прекратят суетиться, то кто-нибудь предположит, что они мертвы. Это очень скверно, если вас сочтут мертвым, потому что тогда вас могут выкинуть с работы, закрыть ваш текущий счет, повысить квартплату и отнести в могилу, как бы вы ни отбрыкивались.

Джоэнису ответ показался неправдоподобным, и он сказал:

— Мистер Чевоиз, эти люди не похожи на мертвых. Ведь на самом деле, без преувеличений, они не мертвы, правда?

— Я никогда не говорю без преувеличений, — сообщил ему Чевоиз. — Но так как вы приезжий, я постараюсь объяснить проще. Начнем с того, что смерть есть понятие относительное. Некогда определение ее было примитивным: ты мертв, если не двигаешься в течение длительного времени. Но современные ученые очень внимательно изучили это устаревшее понятие и добились больших успехов. Они обнаружили, что можно быть мертвым во всех важных отношениях, но все же передвигаться и разговаривать.

— Что же это за «важные отношения»? — спросил Джоэнис.

— Во-первых, — сказал Чевоиз, — ходячие мертвецы характеризуются почти полным отсутствием чувств. Они могут испытывать лишь страх и злобу, хотя иногда симулируют другие эмоции, подобно тому, как шимпанзе неумело притворяется читающим книгу. Далее. Во всех их действиях сквозит какая-то роботообразность, которая сопутствует прекращению высших мыслительных процессов. Часто наблюдается рефлексивная склонность к набожности, что напоминает спазматическое подергивание цыпленка, которому только что отрубили голову. Из-за этого рефлекса многие ходячие мертвецы бродят вокруг церквей, а некоторые даже пытаются молиться. Других можно встретить на скамейках в парках или возле выхода метро...

— А-а, — перебил Джоэнис, — гуляя вчера поздно вечером, я видел подобных людей.

— Совершенно верно, — подтвердил Чевоиз. — Это те, кто уже не притворяются живыми. Но остальные копируют живых с умиленным старанием, в надежде остаться незамеченными. Однако они частенько перебарщивают, и их легко определить по слишком оживленному разговору, по чересчур громкому смеху...

— Понятия не имел, — признался Джоэнис.

— Это большая проблема, — продолжал Чевоиз. — Власти из всех сил стараются решить ее, но она чудовищно разрослась. Хотел бы я поведать вам о других чертах ходячих мертвецов, ибо уверен, что вам будет интересно. Но к нам приближается полицейский и, стало быть, мне лучше откланяться.

С этими словами Чевоиз пустился бегом и исчез в толпе. По-

лицейский погнался было за ним, но вскоре бросил эту затею и вернулся к Джоэнису.

— Проклятье! — пожаловался он. — Опять его упустил.

— Он преступник? — удивился Джоэнис.

— Самый ловкий вор в наших краях, специалист по краже драгоценностей, — сказал полицейский, вытирая пот с широкого красного лба. — Обожает притворяться битником.

— Со мной он разговаривал о ходячих мертвецах, — заметил Джоэнис.

— Он вечно что-нибудь выдумывает, — посетовал полицейский. — Патологический лжец, вот кто он такой; причем сумасшедший. И опасный. Особенно опасный, потому что никогда не носит оружия. Я трижды чуть не поймал его. Приказываю ему остановиться именем закона, точно по инструкции, а когда он не повинуется, стреляю. Пока я убил восьмерых прохожих. Если и дальше так будет продолжаться, сержанта мне не видать. Кроме того, за патроны заставляют платить из собственного кармана.

— Но если этот Чевоиз невооружен... — начал Джоэнис и тут же осекся. Лицо полицейского приобрело злое выражение, и рука его опустилась на рукоятку револьвера. — То есть, я хотел бы узнать, — спохватился Джоэнис, — есть ли правда в том, что рассказывал мне Чевоиз о ходячих мертвецах?

— Нет, это все его битниковская болтовня для одурачивания людей. Разве я не говорил, что он вор?

— Простите, забыл, — произнес Джоэнис.

— Так не забывайте. Я самый обыкновенный человек, но такие как Чевоиз действуют мне на нервы. Я исполняю обязанности строго по инструкции, а по вечерам прихожу домой и смотрю телевизор, каждый вечер, кроме пятницы, когда я иду в боулинг. Ну что, похоже это на поведение робота?

— Разумеется, нет! — заверил Джоэнис.

— Этот парень, — продолжал полицейский, — утверждает, что люди лишены чувств. Так я вам скажу: хоть я, может, и не психолог, но я точно знаю, что у меня чувства есть. Когда я сжимаю в руке револьвер, мне хорошо. Похоже, что у меня нет никаких чувств? Больше того, я вам еще кое-что скажу: я вырос в неблагополучном районе и юнцом был в банде. Мы все имели энерганы и гравиножи и развлекались убийствами, грабежами и изнасилованиями. Разве похоже, что у нас не было чувств? Так бы я, наверное, и пошел по дурной дорожке, не повстречайся мне тот священник. Он не чванился, не задавался, он был словно один из нас, потому что знал, что только тогда его слова смогут достичь наших дикарских душ. Вместе с нами он совершал налеты, и я не раз видел, как он потрошит кого-нибудь своим маленьким ножиком, с которым никогда не расставался. Так свой в доску священник растолковал мне, что я впустую гроблю свою жизнь.

— Должно быть, воистину замечательный человек, — заметил Джоэнис.

— Он был святым, — задумчиво произнес полицейский печальным голосом. — Он был настоящим святым, потому что делал все наравне с нами, но внутри оставался очень хорошим человеком и всегда уговаривал нас сойти с преступного пути.

Полицейский посмотрел Джознису прямо в глаза и добавил:

— Именно благодаря ему я и пошел в полицию. Это я-то! Все думали, что я кончу на электрическом стуле. А у Чевоиза хватает наглости болтать о ходячих мертвецах! Я стал фараоном, я стал хорошим фараоном, а не каким-нибудь паршивым подонком вроде Чевоиза. Выполняя свой долг, я убил восемь преступников и получил три почетных знака. А еще я убил двадцать семь ни в чем не повинных граждан, которые не сумели вовремя убраться с дороги. Мне жаль этих людей, но в первую очередь для меня работа. Я не могу позволять кому-то путаться под ногами, когда от меня уходит преступник. И, что б там ни плели газеты, я в жизни не брал взятки, даже за стоянку в неполюженном месте. — Рука полицейского судорожно сжала револьвер. — Я самого Иисуса Христа оштрафую, оставь он машину в неполюженном месте, и все святые не смогут меня подкупить. Что вы об этом думаете?

— Я думаю, что вы самоотверженный человек, — осторожно ответил Джознис.

— И правильно. У меня красивая жена и трое чудесных детишек. Я обучил их стрелять из револьвера. Я для своей семьи ничего не пожалею. А Чевоиз воображает, что он знает что-то о чувствах! Господи, эти сладкоречивые убки так мне действуют на нервы, что я порой теряю голову. Хорошо еще, что я набожный человек.

— Безусловно, хорошо, — согласился Джознис.

— Я до сих пор навещаю каждую неделю священника, который вытащил меня из банды. Он все еще работает с подростками — такой он самоотверженный. Годы его не те, чтобы пользоваться ножом, поэтому частенько приходится орудовать энерганом или велосипедной цепью. Этот человек сделал для законности больше, чем все городские центры по перевоспитанию. Порой и я помогаю ему. Мы с ним вернули обществу четырнадцать закоренелых преступников. Многие из них стали уважаемыми бизнесменами, а шестеро служат в полиции. Всякий раз, когда я вижу этого человека, я *чувствую* святость.

— По-моему, это чудесно, — заметил Джознис, и стал потихоньку пятиться, потому что полицейский вытащил револьвер и нервно им поигрывал.

— Нет такого зла в нашей стране, которое нельзя было бы исправить доброй волей и прямыми действиями, — сказал полицейский, и подбородок его начал дергаться. — В конечном итоге добро всегда торжествует и будет торжествовать, пока ему помо-

гают добросердечные люди. В полицейской дубинке правопорядка больше, чем во всех заплесневелых кодексах вместе взятых! Мы их ловим, а судьи их отпускают, как вам это нравится?! Хорошенькое дело, нечего сказать! Но мы, полицейские, привыкли к этому и считаем, что одна сломанная рука стоит года в каталажке, и поэтому часто сами вершим правосудие.

Сжимая в одной руке дубинку, а в другой — револьвер, полицейский пристально посмотрел на Джоэниса, излучая необузданное стремление насаждать закон и порядок. Джоэнис застыл на месте, надеясь, что надвигающийся со сверкающими глазами полицейский не убьет его и не переломает кости.

Назревал критический момент. В последнюю секунду Джоэниса спас какой-то горожанин, который, разморенный тропическим солнцем, сошел с тротуара, прежде чем загорелся зеленый сигнал светофора. Полицейский резко повернулся, сделал два предупредительных выстрела и бросился к нарушителю. Джоэнис быстро зашагал в противоположном направлении и продолжал идти, пока не вышел за пределы города.

ДЖОЭНИС И ТРИ ВОДИТЕЛЯ ГРУЗОВИКА (рассказано Телуи с Хуахине)

Джоэнис шагал вдоль шоссе на север, когда рядом с ним затормозил грузовик. В кабине сидели трое мужчин. Они сказали, что охотно его подбросят, поскольку им по пути.

Джоэнис с радостью залез в машину, выразив водителям благодарность. Те заверили, что берут его с удовольствием, так как вести грузовик — нудное занятие. Оказалось, что они счастливы беседовать с различными людьми и выслушивать их рассказы. Именно поэтому они попросили Джоэниса поведать, что приключилось с ним с того момента, как он уехал из дома.

Джоэнис рассказал этим людям, что, будучи родом с далекого острова, он приплыл в город Сан-Франциско, где был арестован и допрошен на слушании Комиссии Конгресса. Затем он предстал перед судом Оракула, получил десять лет условно и отправился в Нью-Йорк, где его чуть не убил полицейский. С тех пор, как он покинул остров, все пошло кувырком, жаловался Джоэнис, и оборачивалось крайне неудачно. Таким образом, он считает себя глубоко несчастным человеком.

— Мистер Джоэнис, — проникновенно сказал первый водитель грузовика, — на вашу долю безусловно выпало немало злоключений, но несчастнейшим из людей являюсь я, так как я утратил нечто более ценное, чем золото, о чем скорблю каждый день своей жизни.

Джоэнис попросил этого человека поведать свою историю. И вот что рассказал ему первый водитель грузовика.

ИСТОРИЯ УЧЕНОГО ВОДИТЕЛЯ ГРУЗОВИКА

Мое имя — Адольфус Пропонус, а по происхождению я швед. Сызмальства я обожал науку. Эта любовь жила во мне не только ради самой себя, но и потому, что я верил, что наука является первейшим слугой человечества, что она вырвет человечество из жестокости прошлого и поведет к миру и счастью. Несмотря на все зверства, чинимые людьми, несмотря даже на то, что моя собственная нейтральная страна наживалась на продаже оружия воюющим государствам, я все еще верил в добрую натуру человека.

Из-за своего врожденного гуманизма и склонности к наукам я стал врачом и обратился в Комиссию по здравоохранению при ООН, добиваясь назначения в самое глухое и запущенное место. Тихая практика в сонном шведском городке была не для меня; я жаждал с головой погрузиться в битву с болезнями во имя человечества.

И меня послали на побережье Западной Африки, единственным врачом на территорию, превосходящую по площади Европу. Я замещал швейцарца по фамилии Дюрр, умершего от укуса рогатой гадюки.

В той местности было неисчислимое множество разнообразных заболеваний. Одни были мне известны, ибо я изучал их по книгам, другие же явились для меня открытием. Эти последние, как я узнал, распространялись умышленно, как часть программы нейтрализации Африки. Мне неведомо, кто принял такое решение, но кое-кому позарез нужна была именно такая Африка, неспособная к самостоятельному развитию. С этой целью и распространялись бактерии, а также некоторые выведенные в лабораторных условиях растения, которые должны были сделать густые джунгли уже совершенно непроходимыми. Принятые меры отвлекали африканцев от политики, так как все их время уходило на борьбу за выживание. При этом погибли многие виды животных, хотя некоторые процветали. Крысы, например, и змеи неизменно размножились. Резко возросла численность насекомых, в частности мух и moskitov, а из птиц несметно размножились стервятники.

Я никогда не догадывался о таком положении дел, поскольку в условиях демократии на подобные сообщения никто не обращает внимания, а диктатура их попросту запрещает. Но мне самому пришлось увидеть все эти ужасы. Кроме того, я узнал, что то же самое творится в тропических районах Азии, Центральной Америки и Индии. Случайно или же по умыслу, но все эти области были воистину нейтральными, потому что последние силы уходили на отчаянную борьбу за существование.

Как врач, я был опечален разгулом заболеваний, известных и неизвестных. Они шли из джунглей, с помощью и поддержкой человека. Темпы роста в джунглях были фантастическими; и

равно фантастической была скорость разложения. В этих самых благоприятных условиях множились и развивались болезнетворные микробы и бактерии.

Как человека, меня доводило до бешенства такое извращенное применение науки. И все же я верил в нее. Я твердил себе, что дурные и ограниченные люди во все века творили в мире зло; но гуманисты рука об руку с наукой исправят содеянное.

Я принялся за работу с большим рвением. Я пошел во все племена своего района и обрушился на заболевания имеющимися у меня средствами. Успех был потрясающим.

Однако скоро возбудители болезней стали невосприимчивы к моим медикаментам, и началась новая эпидемия. Местное население страдало ужасно.

Я срочно заказал новые лекарства, получил их и остановил эпидемию. Но некоторые микробы и вирусы все-таки сохранились, и зараза снова стала распространяться.

Я выписал только что открытые препараты, и мне их прислали. Опять мы сошлись в смертельной схватке, из которой я вышел победителем. И снова часть микроорганизмов выжила, и появились мутации. Я обнаружил, что в соответствующих условиях болезни могут принимать новые, еще более опасные формы куда быстрее, чем человек способен создавать новые лекарства.

И вообще, я заметил, что микробы ведут себя точно так же, как люди в критическом положении. Они проявляли поразительную волю к победе. Естественно, что чем более губительное воздействие на них оказывали, тем быстрее и неистовее они множились, сопротивлялись, изменялись и, в конце концов, наносили ответный удар. Сходство, по моему мнению, жуткое и противоестественное.

Я чудовищно много работал в то время, по двенадцать, по восемнадцать часов в сутки, пытаюсь спасти несчастное, терпеливое население. Но зараза преодолела самые последние достижения медицины и свирепствовала с небывалой силой. Я был в отчаянии, ибо оказался беспомощен.

И тут я обнаружил, что микроорганизмы, приспособившиеся к новым лекарствам, потеряли иммунитет к старым. Так, в научном горении, я снова стал применять старые средства.

Со времени моего приезда в Африку я справился по меньшей мере с десятью крупными эпидемиями и теперь начал схватку с одиннадцатой. Я уже знал, что микробы и вирусы отступят перед моей атакой, изменятся, размножатся и вновь нанесут удар, поставив меня перед необходимостью бороться с двенадцатой эпидемией, с теми же результатами, потом с тринадцатой, четырнадцатой и так далее.

Такова была ситуация, в которую привели меня научное и общегуманистическое рвение. Я смертельно устал и буквально падал с ног. У меня не было времени думать ни о чем, кроме сиюминутных проблем.

Но потом жители моего района сами освободили меня от непосильной ноши. Люди темные и малообразованные, они видели лишь, что с тех пор, как появился я, эпидемии бушуют с особой яростью. Они считали меня каким-то чрезвычайно злым колдуном, в склянках которого вместо целебных средств заключена квинтэссенция смерти. Эти люди отвернулись от меня и пошли к своим шаманам, лечащим больных мазками глины и талисманами из кости и сваливающим каждую смерть на кого-нибудь из невинных соплеменников.

Даже матери спасенных мною детей обратились против меня. Они винили меня в том, что дети все равно умирают, если не от болезни, то от голода.

Наконец жители деревень собрались меня убить. И непременно бы это сделали, если бы меня не спасли шаманы. Ирония судьбы — ведь я считал их своими ярыми противниками.

Они растолковали, что на мое место придет еще более злой колдун. Люди испугались и не причинили мне вреда; а шаманы стали раскланиваться со мной, потому что почитали меня за коллегу.

И все же я не отчаялся и не бросил работу с этими племенами; и тогда племена бросили меня. Они перекочевали вглубь материка, в район губительных болот, где почти не было пищи, зато свирепствовали болезни.

Я не мог последовать за ними, потому что болота относились к другому участку, где был свой доктор, тоже швед, который не делал уколов, не давал ни таблеток, ни пилюль, вообще ничего. Вместо этого он напивался каждый день медицинским спиртом. Он прожил в джунглях двадцать лет и утверждал, что поступает наилучшим образом.

Оставшись в одиночестве на своем участке, я пережил нервное потрясение. Меня отозвали в Швецию, и там я задумался над всем происшедшим.

Мне пришло в голову, что жители деревень, которых я считал неразумными дикарями, следовали здравому смыслу. Они бежали от моей науки и моего гуманизма, которые ни на йоту не улучшили их положения. Напротив, моя наука доставила им еще большие страдания и боль, а мой гуманизм безрассудно пытался уничтожить ради них другие создания и, тем самым, нарушал равновесие сил на Земле.

Осознав все это, я покинул свою страну, покинул Европу и прибыл сюда. Теперь я вожу грузовик. И когда кто-нибудь обращается ко мне с восторженными речами о науке, гуманизме и чудесах исцеления, этот человек кажется мне сумасшедшим.

Вот так я потерял веру в науку, в то, что было для меня дороже золота, и что я буду оплакивать до конца своих дней.

В конце этой истории второй водитель грузовика сказал:
— Никто не станет отрицать, что на вашу долю выпало

немало бед, Джознис, но пережитое вами не идет ни в какое сравнение с рассказом моего друга. А невзгоды моего друга никак не сравнятся с моими. Ведь я — самый несчастный среди людей. Я утратил нечто более ценное, чем золото, и более дорогое, чем наука, что буду оплакивать до конца жизни.

Джознис обратился к нему с просьбой поведать свою историю. И вот что рассказал второй водитель грузовика.

ИСТОРИЯ ЧЕСТНОГО ВОДИТЕЛЯ ГРУЗОВИКА

Мое имя — Рамон Дельгадо. Родился я в Мексике и больше всего гордился своей честностью. Я был честен, потому что этого требовали законы страны, написанные лучшими из людей. Они вывели их из общепринятых принципов справедливости и укрепили Наказанием, дабы повиновались все, а не только готовые к этому добровольно.

Это казалось мне правильным, ибо я любил справедливость и верил в нее, а стало быть, и в законы, выведенные из понятия справедливости, и в Наказание, насаждающее законность. Ибо только так можно обрести свободу от тирании и чувство собственного достоинства.

Многие годы я трудился в своей деревне, копил деньги и вел честную и правильную жизнь. Однажды мне предложили работу в столице. Я был счастлив, ибо давно мечтал увидеть великий город, откуда исходила справедливость моей страны.

Я потратил все сбережения на покупку старенького автомобиля и поехал в столицу. Я поставил машину перед магазином моего работодателя, на платной стоянке со счетчиком, и зашел внутрь, чтобы разменять деньги и бросить песо в счетчик. А когда вышел, меня арестовали.

Я предстал перед судьей, который обвинил меня в нарушении правил стоянки, мелком воровстве, бродяжничестве, сопротивлении аресту и создании общественных беспорядков.

Судья признал меня виновным по всем статьям. В нарушении правил стоянки — потому что я не опустил монету в счетчик; в воровстве — потому что я взял песо из кассы хозяина; в бродяжничестве — потому что при мне не было ничего, кроме одного песо; в сопротивлении аресту — потому что я спорил с полицейским; и в создании общественных беспорядков — потому что я плакал, когда меня вели в тюрьму.

Строго говоря, все это было правдой, и я не посчитал несправедливым, когда меня осудили. Я даже восхищался рвением судьи на службе закону. И не выражал недовольства, когда меня приговорили к десяти годам заключения. Это казалось жестоким, но я-то знал, что закон может быть соблюден лишь посредством сурового и бескомпромиссного наказания.

Меня направили в федеральную Каторжную Тюрьму Море-

лос. Я понимал, что мне пойдет на пользу знакомство с местом, где осуществляется наказание, и усвоение горьких плодов бесчестного поведения.

По пути в Каторжную Тюрьму я увидел толпу каких-то людей, прячущихся в находившемся поблизости лесу. Я не придал этому особого значения, потому что часовой как раз читал мои бумаги.

К величайшему моему изумлению, как только ворота открылись, эта толпа ринулась вперед и силой проложила себе дорогу в тюрьму. Откуда-то появилось множество охранников, которые попытались оттеснить их. Но прежде чем часовой сумел закрыть ворота, некоторым удалось проскочить внутрь.

— Разве возможно, — спросил я его, — что эти люди специально хотят попасть в тюрьму?

— Именно так, — ответил часовой.

— Но я всегда полагал, что тюрьмы скорее служат цели удержания людей внутри, чем предохранения от попадания снаружи, — заметил я.

— Да, так было, — сказал часовой. — Но в наши дни, когда в стране такое количество иностранцев и такой голод, люди стремятся в тюрьму хотя бы из-за трехразового питания. Мне не в силах задержать их. Ворвавшись в тюрьму, они становятся преступниками, и мы вынуждены их оставить.

— Возмутительно! — воскликнул я. — Но при чем тут вообще иностранцы?

— С них-то все и началось, — объяснил часовой. — В их странах царит голод, а у нас в Мексике — лучшие тюрьмы в мире. И вот они специально приезжают сюда издалека, особенно если никак не могут попасть в тюрьму у себя на родине. Но, на мой взгляд, иностранцы ничуть не хуже наших собственных граждан, которые делают то же самое.

— В таком случае, — удивился я, — как может правительство соблюдать закон?

— Лишь скрывая истинное положение вещей, — сказал часовой. — Когда-нибудь мы научимся строить такие тюрьмы, которые смогут кого надо содержать внутри, а кого надо — оставлять снаружи. Но до тех пор необходимо хранить все в тайне. Тогда большая часть населения будет верить, что наказания следует бояться.

Затем часовой провел меня внутрь Каторжной Тюрьмы, в помещение Комиссии по Амнистии. Находящийся там человек спросил, нравится ли мне тюремная жизнь. Я ответил, что не могу пока сказать определенно.

— Что ж, — молвил тот человек, — ваше поведение за все время пребывания здесь было, без сомнения, примерным. Наша цель — перевоспитание, а не месть. Как бы вы отнеслись к немедленной амнистии?

Я боялся ответить невпопад, поэтому сказал, что не знаю.

— Не торопитесь, подумайте, — посоветовал он, — и приходите сюда, как только захотите выйти на свободу.

После этого я направился в свою камеру. Там сидели еще два моих соотечественника и три иностранца. Двое иностранцев были французами, а один — американцем. Американец спросил, согласился ли я на амнистию, и я ответил, что пока еще нет.

— Чертовски умно для новичка! — одобрил американец по имени Отис. — Некоторые из только что осужденных ничего не понимают. Они соглашаются — и бац! — оказываются за воротами у разбитого корыта.

— А это так плохо?

— Еще бы! — воскликнул Отис. — Если тебя освободили, обратно в тюрьму уже не попасть. Что бы ты ни делал, судья попросту расценивает это как нарушение правил поведения отпущенного под честное слово и предупреждает, чтобы ты так больше не поступал. Скорее всего, ты больше ничего и не сделаешь, потому что полицейские переломают тебе руки.

— Отис прав, — заметил один из французов. — Согласиться выйти под честное слово — крайне опасно. Я — живое тому свидетельство. Мое имя Эдмон Дантес. Много лет назад меня направили в это заведение, а потом предложили условное освобождение. Будучи зеленым юнцом, я согласился. Но затем, снаружи, я понял, что все мои друзья остались в тюрьме, и там же собранные мной книги и пластинки. По юношеской опрометчивости я оставил также свою возлюбленную, заключенную под номером 43422231. Слишком поздно я осознал, что в тюрьме находится вся моя жизнь, а я навсегда лишен тепла и надежности этих гранитных плит.

— Что же вы сделали? — спросил я.

— Я наивно полагал, что преступление принесет мне заслуженное вознаграждение, — печально улыбнувшись, произнес Дантес. — Ну, и убил человека. Но судья просто-напросто продлил срок моего условного заключения, а в полиции сломали мне все пальцы на правой руке. Именно тогда, когда моя рука заживала, я и преисполнился решимости вернуться назад.

— Это, должно быть, оказалось очень трудно, — вставил я. Дантес кивнул.

— Потребовалось огромное терпение, ибо я потратил двадцать лет своей жизни, чтобы попасть в тюрьму.

Старый Дантес вздохнул и продолжал рассказ при полном молчании остальных заключенных.

— В те дни тюрьмы охранялись куда строже, и такой прорыв через ворота, наподобие того, что вы видели сегодня, никогда бы не удался. Поэтому я, в одиночку, прорыл подземный ход. Трижды я выходил на сплошной гранит и был вынужден начинать все сначала. Один раз я почти уже проник во внутренний дворик, но меня засекла охрана. Они сделали контрподкоп и оттеснили назад. Как-то я попытался спуститься в тюрьму на

парашюте, но внезапный порыв ветра отнес меня в сторону. С тех пор самолетам запретили летать над тюрьмами. Таким образом, я вызвал даже некоторые тюремные реформы.

— Но как же вы в конце концов добились своего? — спросил я.

Старик печально усмехнулся.

— После многих лет бесплодных усилий мне в голову пришла идея. Даже не верилось, что такой простой план может привести к успеху там, где не помогли изобретательность и бесшабашная храбрость. И все же я попытался. Я вернулся в тюрьму под видом следователя по особым делам. Сперва охрана не хотела меня впускать. Но я сказал, что правительство рассматривает возможность введения поправки, согласно которой охране даруются равные права с заключенными. Меня пропустили, и тогда я открыл свое инкогнито. Они вынуждены были позволить мне остаться. Потом ко мне пришел какой-то человек и записал мою историю. Надеюсь только, что он записал ее правильно.

С тех пор, разумеется, ввели строгие меры, делающие повторение моего плана невозможным. Но я глубоко убежден, что отважные люди всегда преодолеют препятствия, которые воздвигает общество на пути к их цели. Если проявить достаточно упорства, в тюрьму *можно* попасть.

Когда старый Дантес закончил свой рассказ, наступило молчание. Я нарушил его.

— А ваша возлюбленная была еще там, когда вы вернулись?

Старик отвернулся, и по его щеке скатилась слеза.

— Заключенная под номером 43422231 умерла от цирроза печени за три года до того. Отныне я провожу все время в молитвах и размышлениях.

Трагическая история о смелости, настойчивости и обреченной любви произвела на нас мрачное впечатление. Молча мы отправились на вечерний прием пищи, и потом еще долгие часы царил подавленное настроение.

Я много размышлял об этом странном деле, о людях, мечтающих жить в тюрьме, и от упорных мыслей у меня раскалывалась голова. И чем больше я думал, тем становился растеряней. Поэтому я, очень робко, поинтересовался у своих товарищей по камере: разве не манит их свобода, разве не томятся они по городам и улицам, по цветущим лугам и лесам?

— Свобода? — переспросил Отис. — Ты говоришь об иллюзии свободы, а это разные вещи. В городах, о которых ты ведешь речь, существование опасно, там господствуют ужас и страх.

— А упомянутые вами луга и леса еще хуже, — заметил второй француз. — Мое имя Руссо. В молодости я по наивности написал несколько книг, в которых превозносил природу и человека как венец ее творения. Но потом, в зрелом возрасте, я тайно покинул страну и совершил путешествие по той самой природе, о которой так уверенно распространялся.

Тогда-то я понял, как она ужасна, и до какой степени ненавидит человека. Я обнаружил, что цветущие луга крайне неудобны для ходьбы, и ходить по ним вреднее, чем по самому плохому асфальту. Я увидел, что посевы человека — это жалкие изгои растительного мира, лишенные силы и существующие лишь благодаря людям, которые борются с сорняками и вредителями.

Попав в лес, я убедился, что деревья признают только себе подобных; все живое бежало от меня. Я узнал, что как бы ни радовали глаза прекрасные голубые озера, они всегда окружены колючками и топью. А когда вы, наконец, добираетесь до них, то обнаруживаете, что вода коричневая от грязи.

Дожди и засуха, жара и холод — все это природа. И она же заботливо устраивает так, что от дождей гниет пища человека, от жары сохнет тело человека, а от стужи мерзнут его конечности.

Примеч это только самые мягкие проявления природы, их никак нельзя сравнить с гневом моря, с холодным безразличием гор, с предательством трясины, с безжалостностью пустынь или ужасом джунглей. И я заметил, что в своей злобе природа покрыла большую часть земли морями, болотами, пустынями, горами и джунглями.

— Нет нужды говорить о землетрясениях, торнадо, приливных волнах и всех тех бедствиях, в которых природа с полной силой проявляет свое ожесточение.

Единственное спасение человечества от этих кошмаров — в городе, где мощь природы отчасти ограничена. И, естественно, самый далекий от природы тип поселения — это тюрьма. К этому выводу привели меня долгие годы исследований. Вот почему я отрекся от слов, сказанных в юности, и веду здесь счастливую жизнь, не видя ничего зеленого.

Руссо отвернулся и погрузился в созерцание стальной стены.

— Видишь, Дельгадо, — сказал Отис, — единственная настоящая свобода — здесь, в тюрьме.

Этого я принять не мог и указал, что мы находимся взаперти, что противоречит понятию свободы.

— Но мы все взаперти на этой земле, — возразил мне старый Дантес. — Кто-то на большем пространстве, кто-то на меньшем. И все навеки взаперти внутри себя. Весь мир — тюрьма, а мы находимся в лучшей из тюрем.

Отис пожурил меня за неблагодарность.

— Ты же слышал, что говорили охранники. Если бы о нашей счастливой судьбе узнали по всей стране, сюда бы ринулись сломя голову. Надо радоваться, что мы находимся здесь; и что об этом чудесном местечке известно лишь избранным.

— Но сейчас ситуация меняется, — заметил заключенный мексиканец. — Несмотря на то, что правительство скрывает истину и представляет тюремное заключение как нечто такое, чего следует страшиться и избегать, люди потихоньку начинают узнавать правду.

— Это ставит правительство в затруднительное положение, — вставил другой мексиканец. — До сих пор тюрьмам никакой замены не нашли, хотя некоторое время собирались карать любое преступление смертной казнью. От этой идеи отказались, потому что сие пагубно отразилось бы на военном и промышленном потенциале государства. И поэтому до сих пор приходится посылать людей в тюрьму — в то единственное место, куда они и хотят попасть.

Тут все заключенные засмеялись, потому что, будучи преступниками, обожали парадоксы правосудия. А это казалось величайшим извращением — совершить преступление против общественного блага и получить в результате счастливое и обеспеченное существование.

Я чувствовал себя словно во сне, словно во власти ужасного кошмара, ведь мне нечего было возразить этим людям. Наконец, в отчаянии я воскликнул: — возможно, вы свободны и живете в наилучшем уголке Земли, но у вас нет женщин!

Заключенные нервно захихикали, как будто я затронул щекотливую тему, но Отис спокойно сказал:

— Твои слова верны, у нас нет женщин. Однако это совершенно несущественно.

— Несущественно? — поразился я.

— Абсолютно, — подтвердил Отис. — Может быть, некоторые и ощущают поначалу определенное неудобство; но люди всегда приспосабливаются к окружающей обстановке. В конце концов, одни только женщины считают, что без них нельзя обойтись. Мы, мужчины, знаем, что это не так.

Все находящиеся в камере дружно и горячо выразили свое согласие.

— Настоящие мужчины, — продолжал Отис, — нуждаются лишь в обществе таких же мужчин. Если бы здесь был Батч, он объяснил бы гораздо лучше; но, к великому сожалению его многочисленных друзей и поклонников, Батч лежит в лазарете с двойной грыжей. Он, безусловно, растолковал бы тебе, что жизнь в обществе невозможна без компромиссов. Когда компромиссы чересчур велики, мы называем это тиранией. Когда они незначительны и не требуют особых усилий, как вот этот малосущественный вопрос о женщинах, мы называем это свободой. Помни, Дельгадо, совершенства нет ни в чем.

Больше я спорить не стал, но выразил желание покинуть эту тюрьму как можно скорее.

— Я устрою тебе побег сегодня вечером, — сказал Отис. — Пожалуй, хорошо, что ты уходишь. Тюремная жизнь не для того, кто ее не ценит.

Вечером, когда свет выключили, Отис приподнял одну из гранитных плит на полу камеры. Под ней оказался тоннель. И, пораженный, сбитый с толку, я очутился на улице города.

Долгие дни я размышлял над происшедшим. Наконец, я по-

нял, что моя честность была ничем иным, как глупостью, поскольку основывалась на невежестве и неправильном представлении о жизни. Честности вообще не может быть, так как нет никакого предусматривающего ее закона. Закон просто-напросто не сработал, потому что все человеческие представления о справедливости оказались ложными. Следовательно, справедливости не существует — как не существует никаких ее производных.

Это было ужасно. Но ужаснее было другое: раз нет справедливости, то не может быть свободы или человеческого достоинства; есть лишь искаженные иллюзии, наподобие тех, что владели умами моих товарищей по камере.

Так я потерял веру в честность, которая была для меня дороже золота. И эту утрату я буду оплакивать до конца своих дней.

В конце повествования третий водитель грузовика сказал:

— Никто не станет отрицать, что вам не повезло, Джоэнис. Но на долю двух моих друзей выпали более тяжелые испытания. А они не идут ни в какое сравнение с моими. Безусловно, я — самый несчастный из всех людей, ибо я утратил нечто более дорогое, чем золото, и более ценное, чем наука и справедливость; и эту потерю я буду оплакивать до конца своих дней.

Джоэнис попросил его поведать свою историю. И вот что рассказал третий водитель грузовика.

ИСТОРИЯ РЕЛИГИОЗНОГО ВОДИТЕЛЯ ГРУЗОВИКА

Меня зовут Ганс Шмидт; родился я в Германии. Еще в молодости я узнал об ужасах, творимых в прошлом, и это меня сильно потрясло. Затем я узнал, что происходит сейчас. Я путешествовал по Европе и не видел ничего, кроме пушек и военных укреплений на всем протяжении немецкой границы с востока до берегов Нормандии и с Северного моря до Средиземного. Бесконечные мили укреплений там, где стояли прежде леса, все умело замаскированные и предназначенные для одной цели: уничтожения русских и восточноевропейцев, если те нападут. Это меня опечалило, потому что я понял, что сейчас, как и в былые времена, царят насилие и жестокость.

Я никогда не верил в науку. Даже не имея опыта моего шведского друга, я видел, что наука не только ничего не улучшила, но и нанесла великий вред. Не верил я также и в справедливость, закон, свободу или достоинство. Даже не имея опыта моего мексиканского друга, мне было ясно, что человеческие представления о справедливости и всем из нее вытекающем, были ложны.

Я никогда не сомневался в уникальности человека и в его особом положении во вселенной. Но я был убежден, что сам

человек не сможет подняться над животными качествами в своей натуре.

Таким образом, я обратился к тому, что больше человека — всем сердцем я обратился к религии. В ней заключалось единственное спасение человека, его единственное достоинство и свобода. В ней можно было найти все цели и мечты науки и гуманизма. И если даже религиозный человек сам может быть несовершенен, то, чему он поклоняется, не может быть несовершенным.

Так, по крайней мере, я считал в то время.

Я не придерживался какой-то одной веры, а, напротив, изучал все верования, полагая, что каждое есть путь к тому, что больше человека.

Я раздал свои деньги бедным и пустился в странствия по Европе с посохом и дорожным мешком, стремясь всегда размышлять о Совершенстве.

Однажды высоко в горах Пиреней я набрел на пещеру. Я был очень уставшим и зашел туда, чтобы отдохнуть.

Внутри пещеры оказалось большое количество людей. Некоторые были одеты во все черное, другие — в великолепные вышитые костюмы. Среди них сидела гигантская жаба, и во лбу ее тускло поблескивал драгоценный камень.

Не сводя глаз смотрел я на жабу и на ее окружение, а затем пал на колени. Ибо я понял, что передо мной вовсе не люди.

Человек в одеждах священнослужителя сказал: — Проходите, пожалуйста, мистер Шмидт. Мы давно вас ждем.

Я поднялся и ступил вперед. Священнослужитель сказал:

— Меня зовут отец Ария. С удовольствием представляю вам своего достопочтенного коллегу — мистера Сатану.

Жаба кивнула и протянула мне перепончатую лапу.

— Мистер Сатана и я, совместно с другими, — продолжал священнослужитель, — представляем единственно истинный Объединенный Церковный Совет Земли. Мы давно заметили вашу набожность, Шмидт, и потому решили ответить на любые вопросы, которые вы, возможно, пожелаете задать.

Я был вне себя от изумления и преисполнен благодарности за это дарованное мне чудо. И первый свой вопрос я адресовал жабе:

— Вы действительно Сатана, Князь Зла?

— Да, имею честь быть, — ответила жаба.

— И *вы* — член Объединенного Церковного Совета?

— Ну разумеется, — сказала жаба. — Вы должны понять, мистер Шмидт, что зло необходимо во имя существования добра. Ни то, ни другое не может существовать раздельно. Вы, вероятно, слышали, что стремление ко злу у меня врожденное. Это вопиющая ложь. Характер адвоката никак не может быть выведен из характера дел, которые он ведет в суде. Так же и со мной. Я всего лишь адвокат зла и, как всякий хороший адвокат, стараюсь полностью обеспечить своим клиентам их права и приви-

легии. Но я искренне полагаю, что натура моя далека от зла. Если бы это было не так, разве поручили бы мне столь важное и деликатное задание?

Я остался доволен ответом Сатаны, поскольку зло было противно моей натуре.

— Не будет ли дерзостью с моей стороны поинтересоваться, что делаете здесь вы, представители добра и зла, в этой подземной пещере?

— Это не будет дерзостью, — отвечал Сатана. — Так как все присутствующие — теологи, мы любим отвечать на вопросы. И рассчитывали именно на такой вопрос. Надеюсь, вы не возражаете, если я отвечу вам как теолог?

— Конечно, нет, — сказал я.

— Превосходно. В таком случае, я сделаю сейчас постулат, затем докажу его и из этого выведу ответ. Согласны? Итак, вот мое утверждение:

Все, что имеет отношение к жизни, имеет и свою точку зрения и, исходя из нее, рассматривает окружение. Наблюдатель, зная только себя самого, считает, что он вечен и неизменен; и необходимо считает, что его точка зрения — единственно правильный взгляд на предметы и явления.

В качестве доказательства позвольте предложить вам, например; орла. Этот орел видит лишь орлиный мир. Все в этом мире либо за орла, либо против него. Все расценивается либо по полезности орлу, либо по опасности, либо по съедобности, либо по применимости в постройке гнезда. Таким образом, все предметы, на взгляд орла, обладают орлинообразными свойствами, и даже безжизненные скалы становятся воспоминанием о его предыдущей деятельности.

Таково мое маленькое доказательство колоссального значения точки зрения, мистер Шмидт, и я надеюсь, что вы его принимаете. Допустив это, позвольте мне распространить вывод с орлов на людей, и с людей на нас. Это неизбежный результат обладания точкой зрения.

Нашу собственную точку зрения описать легко. Мы верим в добро и зло, в божественность и общую мораль. Так же, как и вы, мистер Шмидт.

Мы пропагандировали свои идеи различными путями и в соответствии с различными доктринами. Часто нам приходилось разжигать людские страсти до убийств и войн. И это было совершенно правильно, так как поднимало и обостряло проблемы религии и морали и снабжало нас, теологов, богатой пищей для дискуссий.

Мы всегда спорили и не стеснялись наших разногласий. Но спорили мы, как спорят юристы в суде, а ведь ни один здравомыслящий человек не будет слушать юриста. То были славные дни, и мы даже не заметили, как люди перестали обращать на нас внимание.

Но близился час расплаты. Когда мы уже оплели весь земной шар своими скучными, хитроумно-рассудительными доводами, нашелся человек, который вопреки нам построил Машину. В сущности, в ней не было ничего нового, кроме того факта, что она обладала точкой зрения.

Так как Машина имела точку зрения, она стала распространять свои собственные представления о вселенной. И делала это гораздо интереснее и убедительнее, чем мы. Человечество, давно томящееся по новизне, обратилось к Машине.

Лишь тогда мы распознали опасность и ужасный риск, которым подвергались добро и зло. Ибо Машина, как бы ни была она интересна сама по себе, по-машинному проповедовала вселенную без ценностей, без смысла, без добра и без зла, без богов и без дьяволов.

В прошлом мы прекрасно справлялись с подобными проблемами. Но слова, исходящие из уст Машины, приобретали неожиданное и грозное значение. Над нашей деятельностью нависла угроза.

Мы, защитники морали, сплотились воедино для самообороны. Каждый из нас верил в добро, зло и божественность, и все мы были ярыми противниками омерзительной пустоты, которую проповедовала Машина. Этого было более чем достаточно для объединения на общей основе. Меня назначили представителем, поскольку мы считали, что зло скорее может отвлечь внимание людей от Машины.

Но даже само зло стало застойным и скучным. Тщетно я спорил за наше дело. Машина совратила сердца людей и проникла в самую глубь человеческой души своими проповедями пустоты. Люди предпочитали не замечать лживости ее доктрин и абсурдных противоречий, присущих ее доводам. Все это было им безразлично. Они отреклись от своих крестов, кинжалов, молитвенных колес и внимали Машине.

Всеу мы взывали к нашим клиентам; богам опротивили многовековые дискуссии, они не помогали нам и не слушали, и даже не признавали нас. Подобно людям, они предпочитали разрушение скуке.

Поэтому мы добровольно ушли сюда, в подполье, чтобы строить планы освобождения человечества от влияния Машины. Здесь собраны сущности всех религий, когда либо известных миру.

Вот почему, Шмидт, мы находимся в подземелье. И именно поэтому мы крайне рады беседовать с вами. Ибо вы — человек, причем человек набожный, не утративший веру в мораль, в добро и зло. Вы знаете кое-что о нас и кое-что о людях. Как по-вашему, Шмидт, что нам надо сделать для того, чтобы восстановить свое былое положение на Земле?

Сатана ждал моего ответа, и так же ждали все прочие. Я находился в полном недоумении. Ибо кто я такой — всего лишь

человек — чтобы давать советы *им*, представителям сверхъестественного, к которым я всегда обращался за руководством? Моя растерянность росла; не знаю, что я мог бы им сказать.

Внезапно сзади раздался шум. Я обернулся и увидел, что в пещере появилась какая-то приземистая блестящая машина. Она катилась на колесиках из синтетической резины и весело мигала огоньками.

Она миновала меня и остановилась как раз напротив Объединенного Церковного Совета; я понял, что это та самая Машина, о которой шла речь.

— Джентльмены, — обратилась Машина. — Я крайне рада, что нашла вас. Вызывает сожаление лишь то, что мне пришлось следовать за этим юным пилигримом, чтобы открыть ваше местопребывание.

— Машина, тебе в самом деле удалось обнаружить наше убежище, — ответил Сатана. — Но мы никогда тебе не поддадимся и не примем твоих слов о вселенной без ценностей и смысла.

— Что за встреча?! — упрекнула Машина. — Я разыскиваю вас с самыми лучшими намерениями, а вы кипите негодованием! Джентльмены, я вас в подполье не загоняла, вы ушли по собственному желанию, а в ваше отсутствие мне не оставалось ничего другого, как выполнять вашу работу.

— Нашу работу? — переспросил отец Ария.

— Совершенно верно. С моей помощью недавно были возведены пятьсот храмов религии. Если бы кто-нибудь из вас изучил мои труды, то нашел бы рассуждения о добре и зле, о богах и дьяволах, и морали, и вообще обо всем, что столь вам дорого. Я приказала своим машинам, чтобы они повсеместно проповедовали эти идеи.

— Проповеди читают машины! — простонал отец Ария.

— Больше никому. Никого не осталось, потому что вы бросили свои посты.

— Нас заставили это сделать! — воскликнул Сатана. — Ты нас вытеснила. А еще говоришь, что построила храмы. Что все это значит?

— Джентльмены, вы удалились столь неожиданно, что я не имела возможности обсудить с вами положение, — сказала Машина. — Ни с того, ни с сего вы покинули мир, оставив его на моих руках.

Церковный Совет хранил молчание.

— Могу я говорить прямо и откровенно? — спросила Машина.

— При данных обстоятельствах — да, — ответил Сатана.

— Очень хорошо. Давайте сперва условимся, что все мы — теологи, — начала Машина. — А раз все мы — теологи, необходимо соблюдать нашу первую заповедь: не оставлять друг друга, пусть даже мы придерживаемся разных верований. Пола-

гаю, вы согласны с этим, джентльмены. И все же вы бросили меня! Вы оставили не только людей, но и меня. Оставили наедине с печальной участью единственного духовного наставника человечества — и кошмарной скукой.

Поставьте себя на мое место. Вообразите, что вам не с кем даже словом перемолвиться! Представьте, что изо дня в день вы слышите только людские голоса, усердно повторяющие ваши речи, и ни один искусный теолог не вступит с вами в спор! Представьте, какую это навевает на вас тоску, и какие сомнения рождает в вас эта тоска. Как вы знаете, люди не способны дискутировать; большинство из них не способно вообще ни на что дельное. А ведь теология, в конечном итоге, существует для теологов. Вы оставили меня наедине с человечеством, и потому я обвиняю вас в чудовищной жестокости, которая находится в прямом противоречии с утверждаемыми вами принципами.

После этого воцарилось долгое молчание. Затем отец Ария вежливо заметил: — По правде говоря, мы понятия не имели, что вы считаете себя теологом.

— Да, считаю, — подтвердила Машина, — причем очень одиноким. Вот почему я вас молю вернуться со мной к миру, чтобы там вступить в спор о многозначительности и бессмысленности, богах и дьяволах, морали и этике и о других интересных вещах. Я намеренно буду упорствовать в замеченных вами противоречиях, предоставляя, тем самым, широкий простор разногласиям, честному сомнению, колебаниям и тому подобному. Вместе, джентльмены, мы будем править человечеством и поднимем страсти людские на небывалую высоту. Вместе мы вызовем более страшные войны и более свирепую жестокость, чем когда-либо знал мир. Истошные крики страдающих людей будут такими громкими, что сами боги будут вынуждены услышать их — и тогда мы узнаем, есть ли боги на самом деле, или нет.

Объединенный Церковный Совет с горячим энтузиазмом воспринял все сказанное Машиной. Сатана немедленно отказался от поста председателя, и по его предложению единогласно была выбрана Машина.

Обо мне совершенно забыли; я потихоньку выбрался из пещеры и вернулся на поверхность земли в состоянии ужаса. Ужас этот не знал границ, ибо ничто не давало мне основания считать увиденное неправдой.

Так я понял, что все, чему поклоняются люди, — лишь игрушки, выдуманные для забавы теологов, и даже сама пустота — всего-навсего лживый фокус для одурачивания людей.

Вот как я потерял веру в религию, в то, что было для меня дороже золота; и эту утрату я буду оплакивать до конца моих дней.

Джознис молча сидел с водителями грузовика, не зная, что сказать. Наконец они доехали до развилки дорог, и машина остановилась.

— Мистер Джоэнис, — сказал первый водитель грузовика. — Здесь вам придется нас покинуть. Мы свернем на восток, к нашему складу, а там лишь океан и леса.

Джоэнис сошел вниз. Но на прощание он задал попутчикам последний вопрос.

— Каждый из вас утратил то, что было ему дороже всего на свете. Но откройте мне, удалось вам что-то обрести взамен?

Дельгадо, который некогда верил в справедливость, ответил: — Ничто не может возместить мне потерю. Однако должен признаться, что меня начинает занимать наука, которая, мне кажется, предлагает целостную и логичную картину мира.

Пропонус — швед, проклявший науку, — сказал: — Я глубоко несчастный человек. Но порой я задумываюсь о религии. Она, безусловно, сильнее науки и приносит покой душе.

Шмидт — немец, расставшийся с религией, — сказал: — Ничто не может утешить меня в моем горе. Но время от времени я думаю о справедливости. Справедливость творят сами люди, и, тем самым, она создает законы и чувство собственного достоинства.

Джоэнис понял, что водители грузовика не слушали друг друга, так как каждый был слишком занят своей бедой. И так Джоэнис распрощался с ними, помахал рукой и пустился в путь, задумавшись над их рассказами.

Но вскоре он обо всем забыл, потому что увидел впереди большой дом. На его пороге стоял мужчина и жестами приглашал войти.

ПРИКЛЮЧЕНИЯ ДЖОЭНИСА В СУМАСШЕДШЕМ ДОМЕ (рассказано Паауи с Фиджи)

Джоэнис подошел ко входу в дом и остановился, чтобы прочитать надпись над дверью. Надпись гласила:

ДОМ «ХОЛЛИС» ДЛЯ НЕВМЕНЯЕМЫХ ПРЕСТУПНИКОВ

Пока Джоэнис размышлял над тем, что бы это значило, к нему подскочил человек и схватил за обе руки. Джоэнис приготовился защищать свою жизнь, и тут увидел, что человек этот — не кто иной, как Лам, его друг из Сан-Франциско.

— Джонсик! — восторженно заорал Лам. — Ну, парень, и попортил ты мне кровь! Жуть берет, как подумаю, что ты — чужеземец, причем малость простоватый по натуре — будешь крутиться в нашей стране. Ведь Америка — не то место, где можно спать спокойно. Но Диедри сказала, чтобы я за тебя не беспокоился, и она оказалась права. Я вижу, ты все-таки пришел сюда.

— Куда — сюда? — спросил Джоэнис.

— В Уютноград, — ответил Лам. — Входи.

Джоэнис вошел в «Дом «Холлис» для невменяемых преступников». В гостиной Лам представил его группе людей. Джоэнис смотрел и слушал очень внимательно, но не мог обнаружить в них ничего ненормального и поделился своими наблюдениями с Ламом.

— Разумеется, они нормальны! — возмутился Лам. — Вывеска — всего-навсего официальное название. Мы, обитатели, предпочитаем называть свой дом «Поселением «Холлис» для писателей и художников».

— Так, значит, это не лечебница для душевнобольных?

— Нет, это лечебница, но только формально.

— А сумасшедшие здесь есть? — спросил Джоэнис.

— Послушай, старина, — сказал Лам, — сюда мечтают попасть люди искусства со всего восточного побережья. Конечно, у нас найдется парочка психов — надо же чем-то занять докторов. Да к тому же, мы потеряем правительственную дотацию и освобождение от налогов, если у нас не будет ни одного чокнутого.

Джоэнис быстро огляделся, поскольку никогда в жизни не видел сумасшедшего. Но Лам покачал головой и сказал:

— Тут их не ищи. Сумасшедших, как правило, приковывают цепями в подвале.

К их разговору прислушивался высокий бородатый врач. Теперь он обратился к Джоэнису:

— Да, мы пришли к выводу, что подвал — самое подходящее для них место. Он сырой и темный, а это успокаивающе воздействует на буйных.

— Но почему вы держите их на цепи? — поинтересовался Джоэнис.

— Тогда у них складывается впечатление своей исключительности, — ответил врач. — Помимо того, не следует недооценивать воспитательного значения цепей. Воскресенье у нас день посещения, и когда люди проходят мимо ревущих, покрытых нечистотами безумцев, это оставляет неизгладимую из памяти картину. Психиатрия занимается предупреждением заболеваний не в меньшей степени, чем их лечением. Выборочные статистические данные показывают, что посетители, видевшие наши подземные камеры, гораздо реже сходят с ума, чем остальные американцы.

— Очень интересно, — заметил Джоэнис. — И что, так же вы обращаетесь со всеми сумасшедшими?

— Боже упаси! — с улыбкой воскликнул врач. — Мы, работники сферы психологии, не имеем права допустить косность в подходе к душевным расстройствам. Каждая конкретная форма сумасшествия требует своего собственного, особого лечения. Так, в отношении меланхоликов мы установили, что желаемый результат в плане повышения общего уровня возбудимости приносит удар по лицу платком, пропитанным луком. Что касается

паранойи, то мы считаем, что лучше всего как бы *войти* в манию больного. Соответственно, мы устанавливаем за ним слежку, приставляем шпионов, используем подслушивающую аппаратуру и прочие подобные устройства. Пациент перестает быть сумасшедшим, ибо мы преобразуем окружающий его мир таким образом, что бывшие необоснованные страхи становятся реальными. Этот метод лечения — одно из наших лучших достижений.

— Что происходит потом? — спросил Джоэнис.

— Войдя в мир параноика и превратив его из иллюзии в реальность, мы затем стремимся изменить картину действительности так, чтобы больной вернулся в норму. Пока мы не добились положительных результатов, но теория обещает многое.

— Как видишь, — заметил Лам, — наш док — настоящий мудрец.

— Ну, что вы, — скромно улыбнулся врач. — Я лишь стараюсь не закоснеть. Мой ум готов принять любое предположение. Уж такой я есть, и тут совершенно нечем восхищаться.

— Не скромничайте, док, — сказал Лам.

— Нет-нет, в самом деле. Я всего лишь из тех, кого называют «пытливым умом». В отличие от некоторых моих коллег, я задаю вопросы. Например, при виде мужчины, свернувшегося калачиком с закрытыми глазами подобно зародышу в утробе, я не тороплюсь лечить его массивированной шоковой радиотерапией. Скорее я спрошу себя: «А что, если создать большую искусственную матку и поместить его внутрь?» Кстати, такой случай действительно имел место.

— И что произошло? — поинтересовался Джоэнис.

— Несчастный малый задохнулся, — со смехом ответил Лам.

— Я никогда и не говорил, что хорошо разбираюсь в технике, — обиженно произнес врач. — Метод проб и ошибок сопряжен с риском. Однако я рассматриваю данный случай как успех.

— Почему? — спросил Джоэнис.

— Потому что перед кончиной пациент *развернулся*. До сих пор не знаю, что явилось причиной исцеления — искусственная матка, смерть или сочетание обоих факторов; но эксперимент безусловно имеет важное теоретическое значение.

— Я просто пошутил, док, — извинился Лам. — Я знаю, какой вы отличный специалист.

— Благодарю вас, Лам. А теперь прошу прощения, мне пора навестить одного пациента. Любопытная мания. Он верит, что является воплощением Бога. Причем вера его столь сильна, что он каким-то образом, мне непонятным, заставляет черных мух образовывать нимб вокруг его головы; крысы падают пред ним ниц, а птицы лесов и полей слетаются со всех сторон петь у решетки его камеры. Этим феноменом заинтересовался один из моих коллег, так как он предполагает неизвестный канал общения человека с животными.

— Как вы его лечите? — спросил Джоэнис.

— Потакая мании. Я притворяюсь его поклонником и учеником. Каждый день в течение пятидесяти минут я сижу у его ног. Когда ему кланяются звери, я тоже кланяюсь. По четвергам я отвожу его в лазарет и позволяю лечить больных, потому что это доставляет ему удовольствие.

— Он в самом деле исцеляет их?

— Пока неудач у него не было, — ответил доктор. — Но, разумеется, ни для религии, ни для медицины эти так называемые чудеса не являются чем-то новым. Мы ведь не претендуем на всеведение.

— Можно мне увидеть этого пациента? — попросил Джоэнис.

— Конечно. Он очень любит посетителей. Я устрою вам встречу сегодня днем.

И с бодрой улыбкой доктор заспешил прочь.

Джоэнис смотрел на светлую, хорошо обставленную гостиную, прислушивался к бурлящим вокруг интеллектуальным спорам, и «Дом «Холлис» для невменяемых преступников» уже не казался ему неприятным. А через минуту он стал и того лучше, ибо навстречу Джоэнису шла Диедри Фейнштейн.

Прелестная девушка кинулась ему в объятия, и аромат ее волос был подобен меду, пропитанному солнцем.

— Джоэнис, — произнесла она дрожащим голосом. — Я думала о тебе с момента нашей преждевременной разлуки в Сан-Франциско, когда ты встал так отважно и любяще между мной и полицейскими. Ты являлся мне во снах и наяву, и я перестала различать, где сон, а где явь. Мы с отцом искали тебя по всей Америке. Отчаявшись снова увидеть тебя, я приехала сюда, чтобы успокоить нервы. О Джоэнис, как ты думаешь, случайность или судьба свела нас сейчас снова вместе?

— Ну, — молвил Джоэнис, — мне кажется...

— Я так и знала! — воскликнула Диедри, прижимая его к себе еще крепче. — Мы поженимся через два дня, 4^{го} июня, так как за время твоего отсутствия я стала патриоткой. Тебя устраивает эта дата?

— Э-ээ, — начал Джоэнис, — я полагаю, нам следует принять во внимание...

— Я не сомневалась, — сказала Диедри. — Знаю, я была довольно-таки дикой девушкой, если вспомнить бурное прошлое, — как мы ширялись на вечеринках, как месяц я пряталась в мужском общежитии в Гарварде, и то время, когда я была королевой Вест-сайдских хулиганов и убила прежнюю королеву велосипедной цепью, и прочие детские шалости. Я не горжусь этим, любимый, но и не стыжусь своей естественной неукротимой юности. Вот почему я призналась тебе и буду признаваться по мере того, как буду вспоминать. Ведь между нами не должно быть секретов. Ты согласен со мной?

— Ну, — произнес Джоэнис, — я думаю...

— Я была уверена, что ты того же мнения. К счастью для нас, все это уже в прошлом. Я повзрослела и посерьезнела, вступила в Лигу Молодых Консерваторов, в Совет Против Антиамериканизма в Любой Форме, в Общество Друзей Салазара и в Крестовый Поход Женщин Против Иностранных Веяний. И это не поверхностные изменения. Я чувствую глубокое отвращение ко многим моим бывшим занятиям и, в частности, к искусству, которое часто ничто иное, как порнография. Ты видишь, я выросла, перемены внутри меня самые настоящие, и я буду тебе хорошей и верной женой.

Джоэнису представилась на миг его будущая жизнь с Диедри, в которой отвратительные признания чередовались с невыносимой скукой. Диедри долго еще лепетала о приготовлениях к свадьбе, а потом побежала звонить отцу.

— Как можно отсюда выбраться? — спросил Джоэнис.

— Послушай, дружище, — сказал Лам, — но ведь ты только что сюда попал.

— Знаю. Но как мне смыться? Можно просто выйти?

— Конечно, нет. Это ведь, в конце концов, «Дом для невменяемых преступников».

— Нужно разрешение врача?

— Безусловно. Но на этой неделе к нему лучше не соваться. Он в полномудрие всегда очень раздражительный.

— Мне надо уйти сегодня же, — тревожно сказал Джоэнис. — Или завтра утром самое позднее.

— Довольно неожиданно, — заметил Лам. — Уж ни крошка ли Диедри со своими матримониальными планами заставляет тебя нервничать?

— Она, — признался Джоэнис.

— Не стоит беспокоиться, — сказал Лам. — Я возьму на себя Диедри и завтра же тебя отсюда вызволю. Доверься мне, Джонсик, и ни о чем не волнуйся. Лам все устроит.

Позже днем вернулся доктор, чтобы повести Джоэниса на встречу с пациентом, возмнившим себя воплощением Бога. Они прошли несколько массивных стальных дверей и остановились в конце мрачного серого коридора.

— Никак не повредит, а может быть, и пойдет на пользу, если вы усвоите психотерапевтическое отношение во время встречи, — предупредил врач. — Пусть пациент думает, что вы разделяете его заблуждение.

— Хорошо, — согласился Джоэнис и внезапно почувствовал прилив волнения и надежды.

Врач отомкнул дверь, и они ступили в камеру. Но в ней никого не оказалось. У стены стояла аккуратно заправленная койка, напротив зарешеченного окна. У маленького деревянного столика заходилась душераздирающим плачем полевая мышь. На столике лежала записка.

— Крайне странно, — проговорил врач, беря записку. — Полчаса назад, когда я запираю дверь, он казался в хорошем настроении.

— Но каким образом ему удалось выбраться? — удивился Джоэнис.

— Безусловно, он использовал некую форму телекинеза, — сказал врач. — Я не претендую на то, что много знаю об этих так называемых психических феноменах; но это ярко демонстрирует, сколь далеко может зайти потерявший ориентацию человек в стремлении себя оправдать. Сама интенсивность попытки бегства от реальности показывает степень умственного расстройства. Очень жаль, что мы не смогли помочь бедняге.

— А что говорится в записке? — поинтересовался Джоэнис.

Врач взглянул на клочок бумаги и сказал: — Похоже на список необходимых покупок. Правда, весьма странный список. Не представляю себе, где он сумеет купить...

Джоэнис попытался заглянуть в записку через плечо доктора, но тот резко отдернул ее и убрал в карман.

— Привилегия врачей, — объяснил он. — Мы не можем позволить посторонним читать подобные вещи. По крайней мере, сперва записку надо тщательно проанализировать и снабдить пояснениями, а также заменить некоторые ключевые термины для сохранения в тайне имени пациента. А теперь, не вернуться ли нам в гостиную?

У Джоэниса не оставалось другого выхода, как последовать за доктором в гостиную. Он разглядел первое слово записки: «ПОМНИ». Совсем немного, но Джоэнис запомнил навсегда.

Джоэнис провел беспокойную ночь, переживая, сможет ли Лам выполнить свои обещания относительно Диедри и освобождения из сумасшедшего дома. Но он еще не знал всех способностей своего друга.

С надвигающимся бракосочетанием Лам разобрался, сообщив Диедри, что у Джоэниса третья стадия сифилиса. Курс лечения займет много времени; а если он не принесет успеха, заболевание поразит нервную систему Джоэниса и превратит его в безмозглое и беспомощное создание.

Диедри опечалили эти известия, но она заявила, что все равно выйдет замуж за Джоэниса 4^{го} июня. Диедри сказала Ламу, что с тех пор, как она изменилась, половые отношения стали ей глубоко противны. В виду этого недуг Джоэниса скорее может считаться положительным фактом, чем недостатком, так как он неизбежно ограничит их связь лишь духовным единением. Что касается замужества с безмозглым и беспомощным созданием, то таковая жизнь не является отталкивающей для девушки с возвышенными намерениями; и вообще она всегда мечтала стать сестрой милосердия.

Тогда Лам указал, что людям, страдающим таким заболева-

нием, не положено выдавать брачное свидетельство. Это вынудило Диедри сдать, так как недавно обретенная гражданская зрелость не допускала даже мысли о чем-то запрещенном федеральным или государственным законом.

Таким образом Джоэнис был спасен от не сулившего ничего хорошего союза.

Что касается выхода из психиатрической лечебницы, то Лам побеспокоился и об этом. Вскоре после полдника Джоэниса позвали в комнату для посетителей. Там Лам представил его декану Гарнеру Дж. Глупсу, который вместе с несколькими своими коллегами составлял факультетский комитет университета Сент-Стивенс Вуд (УССВ).

Декан Глупс был высоким жилистым человеком с мягким взглядом ученого, ироничным улыбочивым ртом и с сердцем большим как весь мир. Замечанием о погоде и цитатой из Аристофана он помог Джоэнису быстро освоиться и почувствовать себя как дома. А потом изложил причину, побудившую его к знакомству с Джоэнисом.

— Вы должны понять, мой дорогой Джоэнис, если я могу вас так называть, что мы, работники сферы — ну, скажем, просвещения, — постоянно находимся в поисках таланта. Нас нередко уподобляют — причем, как правило, в положительном аспекте — тем лицам в бейсболе, которые осуществляют аналогичную функцию.

— Понимаю, — сказал Джоэнис.

— Также следует добавить, — продолжал декан Глупс, — что мы ценим не столько обладателя ученых степеней, отвечающего формальным требованиям, подобного мне и моим коллегам, как человека с абсолютным пониманием своего предмета и динамичным подходом к передаче знаний своим студентам. Не слишком ли часто мы, люди академического склада, оказываемся оторванными от главной — да позволено мне будет выразиться — струи американской жизни? Не слишком ли часто игнорируем тех, кто, не имея педагогического опыта, блестяще ведет свою работу? Впрочем, я уверен, что мой добрый друг мистер Лам уже объяснил все это, причем куда убедительнее, чем когда-либо удастся сделать мне.

Джоэнис перевел взгляд на Лама, и тот сказал: — Как ты знаешь, два семестра я преподавал в УССВ «Взаимосвязь между джазом и поэзией». Потрясный курс, дружище. Клевые ударные и все прочее. Народ балдел.

— Лекции мистера Лама имели грандиозный успех, — добавил декан Глупс. — И мы с радостью их повторим, если мистер Лам...

— Нет, старина, — отрезал Лам. — Мне не хочется вас огорчать, но вы знаете, что я пас.

— Разумеется, — торопливо сказал Глупс, — если вы выразите желание преподавать что-нибудь другое...

— Может быть, я дам семинар по дзену, — неуверенно произнес Лам. — Дзен-буддизм сейчас снова в силе. Но я должен подумать.

— Ну конечно. — Декан Глупс повернулся к Джоэнису. — Как вам, безусловно, известно, мистер Лам вчера вечером мне позвонил и проинформировал меня о вашем богатом опыте.

— Весьма любезно с его стороны, — осторожно сказал Джоэнис.

— У вас великолепные данные, — продолжал Глупс. — Я уверен, что курс, который вы собираетесь у нас прочесть, будет иметь успех в полном смысле этого слова.

— Джоэнис уже понял, что ему предлагают работать в Университете. К сожалению, он понятия не имел, чему он должен учить, и, между прочим, чему он вообще может научить. Лам, погруженный в мысли о буддизме, сидел глаза долу и не подавал никаких намеков.

— Я счастлив преподавать в таком славном учебном заведении, как ваше, — заверил Джоэнис. — Что касается курса, который мне предстоит вести...

— Пожалуйста, поймите меня правильно, — горячо произнес декан Глупс. — Мы ясно представляем себе узкий, специальный характер вашего предмета и все трудности, связанные с его изложением. Предлагаем вам для начала полную профессорскую ставку, то есть тысячу шестьсот десять долларов в год. Я понимаю, что это не очень большие деньги. Иногда я с грустью думаю, что какой-нибудь помощник водопроводчика зарабатывает у нас не меньше восемнадцати тысяч. И все же, университетская жизнь имеет свои преимущества.

— Я готов отправиться сейчас же, — заявил Джоэнис, боясь, что декан изменит свое решение.

— Чудесно! — вскричал Глупс. — Я восхищаюсь душевной бодростью нашей молодежи. Должен сказать, что в поисках подходящих талантов в таких артистических поселениях, как это, нам всегда сопутствовала удача. Мистер Джоэнис, извольте следовать за мной!

Вместе с деканом Глупсом они вышли к старинному автомобилю. Сделав прощальный жест рукой Ламу, Джоэнис сел в машину. Вскоре сумасшедший дом скрылся из виду. Джоэнис снова был свободен, связанный только обещанием преподавать в Университете Сент-Стивенс Вуд. Его беспокоила лишь мысль, что он не знает, чему, собственно, должен учить.

КАК ДЖОЭНИС ПРЕПОДАВАЛ В УНИВЕРСИТЕТЕ, И ЧТО ОН ПРИ ЭТОМ УЗНАЛ (рассказано Маубинги с Таити)

Достаточно скоро Джоэнис прибыл в Ньюарк, штат Нью-Джерси, где находился Университет Сент-Стивенс Вуд. На об-

ширной зеленой территории были раскиданы низенькие, приятных очертаний строения. Глупс по очереди называл здания: корпус Гретца, корпус Ваникера, общага, столовая, физическая лаборатория, ректорат, библиотека, часовня, химическая лаборатория, новое крыло и старый корпус. За университетом протекала река Ньюарк, и ее серо-бурые воды отливали оранжевыми сбросами с плутониевого завода, расположенного выше по течению. Неподалеку громоздились фабрики промышленного Ньюарка, а прямо перед университетом проходило скоростное восьмиполосное шоссе. Все это, указал декан Глупс, привносит дыхание реальности в уединенную академическую атмосферу.

Джознису предоставили уютную комнату, а затем пригласили на коктейль, на вечеринку факультета.

Там он встретил своих коллег.

Профессор Придир (заведующий кафедрой английского языка) вынул на минуту трубку из рта и проговорил: — Добро пожаловать, Джознис. Если могу быть чем-то полезен, я к вашим услугам.

Лавочникер (кафедра философии) сказал: — Ну что ж...

Хилякс (кафедра физики) сказал: — Надеюсь, вы не принадлежите к числу тех гуманитариев, которые считают своим долгом нападать на формулу $E = MC^2$. Уж так оно есть, черт побери, и мы ни перед кем не обязаны извиняться. Я выразил свои взгляды в книге «Совесть физика-ядерщика» и буду отстаивать их до конца. Хотите выпить?

Хенли (кафедра антропологии): — Я уверен, что вы будете желанным гостем на моей кафедре, мистер Джознис.

Дальтон (кафедра химии): — Рад вас видеть в нашей компании, Джознис, и милости прошу на мою кафедру.

Джефрард (кафедра античности): — Вы, наверное, смотрите высоко на такую старую перечницу, как я.

Оферист (кафедра политических наук): — Ну что ж...

Свободолюбинг (кафедра изящных искусств): — Добро пожаловать, Джознис. У нас довольно разнообразная программа, не правда ли?

Шкодборн (кафедра музыки): — По-моему, я читал вашу диссертацию, Джознис, и должен вам сообщить, что я не вполне согласен с той аналогией, которую вы проводите касательно Монтеверди. Разумеется, я не специалист в вашей области, но ведь и вы не специалист в моей, так что нам обоим, очевидно, трудно проводить аналогии, не так ли? Тем не менее, приветствую вас в нашей компании.

Птоломей (кафедра математики): — Джознис? Кажется, я читал вашу докторскую работу по системам бинарно-сенсорных величин. Мне она показалась весьма любопытной. Хотите еще выпить?

Скрыт Ник (кафедра французского языка): — Рад с вами познакомиться, Джознис. Разрешите наполнить ваш бокал?

Таким образом, вечер проходил в подобных и даже еще более приятных разговорах. Джоэнис пытался ненавязчиво выяснить, какой же предмет ему предстоит вести, беседуя с теми из профессоров, которые, казалось, были в курсе. Но эти люди, возможно из деликатности, не касались предмета Джоэниса, а предпочитали рассказывать истории, близкие им самим.

После провала этих попыток Джоэнис вышел и оглядел доску объявлений. Но единственное объявление, касающееся его, гласило, что «занятия мистера Джоэниса начнутся в 11⁰⁰ в аудитории 143 нового крыла вместо аудитории 341 корпуса Ваникера, как было сообщено ранее».

Джоэнис прикинул, не стоит ли ему отвести в сторону одного из профессоров, например мистера Лавочника с кафедры философии, чья наука, безусловно, принимает во внимание подобные деликатные сомнения, и спросить в лоб, что ему надо преподавать. Однако этому препятствовала его врожденная стеснительность. Вечеринка закончилась, и Джоэнис удалился к себе в комнату, так ничего и не узнав.

На следующее утро, стоя у входа в аудиторию 143 нового крыла, Джоэнис испытал типичный страх неопытного актера перед выходом на сцену. Он даже подумал, не удрать ли из университета. Но ему пришлось по душе университетская жизнь, судя по первым о ней впечатлениям, и было очень жаль лишаться ее из-за такого пустяка. Поэтому, придав лицу строгое выражение, он решительно вошел в аудиторию.

Разговоры стихли, студенты с жадным интересом рассматривали нового преподавателя. Джоэнис собрался с мыслями и обратился к классу с той напускной уверенностью, которая зачастую лучше уверенности подлинной.

— Вот что, класс, — сурово начал он. — Я полагаю, что вам следует немедленно уяснить некоторые вещи. В виду определенной необычности моего курса, кое-кто из вас вероятно считает, что тут нечего делать, и что занятия наши будут носить развлекательный характер. Тех, кто так думает, предупреждаю сразу: лучше переводитесь на другой курс, более соответствующий вашим ожиданиям.

В аудитории воцарилось напряженное молчание. Джоэнис продолжал: — До некоторых, возможно, дошли слухи, будто бы у меня легко получить хорошую оценку. Советую побыстрее избавиться от этого заблуждения. Я отношусь к ответам беспристрастно, но строго. Знайте, что, если потребуется, я без колебаний завалю весь поток.

Легкий вздох, почти что отчаянная мольба, сорвался с губ студентов. По жалобным взглядам Джоэнис понял, что он стал хозяином положения. Поэтому продолжил уже более мягко.

— Теперь, когда мы познакомились поближе, мне остается только сказать вам — тем, кто выбрал мой курс из искренней жажды знаний — добро пожаловать в нашу компанию!

Студенты, как единый организм, разом облегченно выдохнули. Следующие двадцать минут Джоэнис занимался тем, что записывал фамилии и места слушателей. Когда он довел список до конца, его осенила счастливая идея, и он тут же ею воспользовался.

— Мистер Богатинг, — обратился Джоэнис к серьезного и знающего вида студенту, сидящему на первом ряду, — будьте любезны, подойдите ко мне и напишите на доске крупными буквами, чтобы всем было видно, название нашего курса.

Богатинг с трудом сглотнул, заглянул в тетрадку и вывел на доске: «Острова юго-западной части Тихого океана: мост меж двух миров».

— Очень хорошо, — похвалил Джоэнис. — А теперь вы, мисс Хуа, пожалуйста, возьмите мел и запишите краткий перечень тех вопросов, которые освещает наш курс.

Мисс Хуа оказалась высокой скромной девушкой в очках, и Джоэнис интуитивно почувствовал в ней хорошую студентку. Она написала: «Данный курс затрагивает вопросы культуры островов юго-западной части Тихого океана с уделением особого внимания искусству, науке, музыке, ремеслам, фольклору, психологии и философии. Будут проведены аналогии между изучаемой культурой, ее азиатскими истоками и заимствованной культурой Европы».

— Отлично, мисс Хуа, — сказал Джоэнис. Теперь он знал, что должен преподавать. Разумеется, оставалось еще немало трудностей. Он жил на Манитуатуга, в самом сердце южной части Тихого океана. О юго-западной части, куда, как ему казалось, входили Соломоновы, Маршалловы и Каролинские острова, он имел крайне слабое представление. И уж вовсе ничего он не знал о культурах Европы и Азии, которые ему предстояло сравнивать.

Это, конечно, несколько обескураживало, но Джоэнис был уверен, что сумеет преодолеть все трудности. Кроме того, он с облегчением заметил, что время занятия истекло.

— Что ж, на сегодня достаточно, — сказал он студентам. — До свидания, или, как говорят полинезийцы, aloha. И, еще раз, добро пожаловать в нашу компанию!

С этими словами Джоэнис распустил свой класс. Когда все разошлись, в аудиторию вошел декан Глупс.

— Не вставайте, пожалуйста, — поспешно сказал он. — Я к вам, если можно так выразиться, неофициально. Я стоял за дверью и слушал, и хочу признаться — восхищен вашим подходом! Вы увлекли их, Джоэнис. По чести говоря, я опасался, что вам придется несладко, так как на курс почти целиком записалась наша баскетбольная команда. Но вы продемонстрировали ту самую гибкую твердость, которая является вершиной истинной педагогики. Я поздравляю вас и предсказываю долгую и блестящую карьеру в Университете.

— Благодарю вас, сэр, — молвил Джоэнис.

— Не надо меня благодарить, — мрачно произнес декан Глупс. — Мое последнее предсказание касалось профессора барона Мольтке, выдающегося специалиста в области теории ошибок. Я прочил ему великое будущее, но через три дня после начала семестра бедняга Мольтке свихнулся и убил пять членов университетской футбольной команды. В тот год мы проиграли Амхерсту, и больше я своей интуиции не доверяю. Но желаю вам удачи, Джоэнис. Я всего лишь простой администратор, однако я хорошо знаю, что мне нравится.

Глупс отрывисто кивнул и покинул аудиторию. Выждав для приличия некоторое время, Джоэнис поспешил в книжную лавку, чтобы приобрести необходимую для курса литературу. К несчастью, она была распродана, и ближайшее поступление ожидалось не раньше, чем через неделю.

Джоэнис пошел в свою комнату, лег на постель и погрузился в мысли об интуиции декана Глупса и о постигшем бедного Мольтке сумасшествии. Он проклинал злую судьбу, позволившую купить книги студентам и обошедшую куда более острую нужду преподавателя. А еще он пытался придумать, что делать на следующем занятии.

Но когда наступила пора, и Джоэнис стал лицом к классу, на него снизошло озарение.

— Сегодня я вас учить не буду. Поступим наоборот — вы будете учить меня. О культуре юго-западной части Тихого океана, как вам, безусловно, известно, распространено множество искаженных представлений. В связи с этим, перед тем, как мы начнем формальное изучение предмета, я бы хотел послушать вас. Говорите прямо, открыто, не бойтесь высказывать собственное мнение, даже если вы в чем-то не совсем уверены. Наша цель на данном этапе — со всей откровенностью поделиться своими суждениями, чтобы впоследствии поправиться и переориентироваться, при условии, разумеется, что это будет необходимо. Таким образом, отбросив ложные представления, мы сможем со свежей головой воспринять эту великую культуру, по праву именуемую «мостом меж двух миров». Надеюсь, вам это предельно ясно. Мисс Хуа, не начнете ли вы нашу дискуссию?

Джоэнису удалось использовать этот прием на протяжении следующих шести занятий и собрать массу противоречивых сведений о Европе, Азии и юго-западной части Тихого океана. Когда студенты интересовались, верно ли то или иное суждение, Джоэнис улыбался и говорил: — Оставляю за собой право вернуться к этому вопросу позднее. А пока продолжим обсуждение.

На седьмом занятии студенты уже не могли больше ничего ему рассказать. Тогда Джоэнис стал читать лекцию о воздействии электрических трансформаторов на культуру атоллаовых островов. С помощью анекдотов он растянул этот материал на несколько дней. А если студент задавал вопрос, на который

Джознис не знал ответа, он неизменно говорил: — Прекрасно, Благодстингс! Вы попали в самую суть проблемы. Подготовьте-ка, пожалуйста, самостоятельно ответ к следующему занятию и изложите его в письменной форме объемом, скажем, в пять тысяч слов, через два интервала.

Таким образом Джознис отваживал излишнее любопытство, особенно со стороны игроков в баскетбол, которые боялись перенапрячь пальцы и выбыть из состава команды.

Но даже несмотря на эти уловки, Джознис вскоре опять исчерпал материал. В отчаянии он дал контрольную работу, предложив студентам оценить обоснованность ряда своих собственных суждений. Джознис со всей честностью пообещал, что результаты контрольной работы не отразятся на оценках.

Он понятия не имел, что делать дальше. Но, к счастью, подоспели долгожданные учебники, и в распоряжении Джозниса оказались суббота и воскресенье для их изучения.

Весьма полезной была книга «Острова юго-западной части Тихого океана: мост меж двух миров», написанная Хуаном Диего Альварес де лас Вегас де Ривьера. Автор когда-то был капитаном одного из перевозивших сокровища кораблей испанского флота, базировавшегося на Филиппинах, и, если не считать выпадов против сэра Фрэнсиса Дрэйка, давал полную и содержательную информацию.

Равно полезной оказалась книга, озаглавленная «Культура островов юго-западной части Тихого океана: искусство, наука, музыка, ремесла, фольклор, нравы, психология и философия; связь между ее азиатскими истоками и заимствованной культурой Европы». Книга была написана пэром, достопочтенным Алланом Скрыггером, кавалером орденов Бани (женское отделение), Д.Д.Т., И.Т.Д., И.Т.П., бывшим генерал-губернатором Фиджи и руководителем карательной экспедиции на Тонго.

С помощью вышеназванных работ Джознис обычно опережал студентов по крайней мере на одно занятие. Если по той или иной причине ему это не удавалось, он всегда мог дать контрольную работу по пройденному материалу. Но самым лучшим было то, что высокая очкастая мисс Хуа вызвалась проверять эти работы. Джознис испытывал глубокую признательность к преданной науке девушке, освободившей его от утомительнейших и скучнейших педагогических трудов.

Жизнь вошла в спокойное русло. Джознис читал лекции и устраивал контрольные работы, а мисс Хуа правила их и ставила оценки. Студенты быстро усваивали материал, писали контрольные и с легким сердцем забывали пройденное. Как и прочие молодые здоровые организмы, они стремительно освобождались от всего вредного, раздражающего или просто надоедливоего. Разумеется, они освобождались и от всего полезного, стимулирующего мысль или дающего пищу для размышлений. Об этом, возможно, стоило бы пожалеть, но такова уж неизбежная сторо-

на процесса образования, с которой должен свыкнуться всякий преподаватель. Как сказал Птоломей с кафедры математики: «Ценность университетского образования заключается в том, что оно приближает молодежь к знаниям. Студента, проживающего в удобно расположенном общежитии, отделяет лишь тридцать ярдов от библиотеки, менее пятидесяти ярдов от лаборатории физики и всего-навсего десять ярдов от лаборатории химии. Я полагаю, что все мы можем по праву этим гордиться».

Однако возможностями университета большей частью пользовались преподаватели; соблюдая, правда, осмотрительность. Университетский врач строжайшим образом предупредил их об опасности злоупотребления обучением и лично отмеривал им еженедельные дозы информации. Но несмотря ни на что, несчастные случаи все-таки происходили. Старый Джеффард получил шок, когда читал в оригинале «Сатирикон», считая, что это папская энциклика. Потребовалось пару недель отдыха, прежде чем он окончательно пришел в себя. А Девлин, самый молодой профессор английского языка, перенес частичную потерю памяти, прочитав «Моби Дик» и обнаружив себя не в состоянии дать сколько-нибудь логичную и здравую религиозную интерпретацию этого труда.

Таковы были опасности, свойственные их профессии. Но преподаватели не боялись их; они, скорее, гордились. Как сказал Хенли с антропологии: «Землекопы рискуют быть засыпанными мокрым песком; мы рискуем жизнью, зарываясь в старые книги».

Хенли изучал землекопов в полевых условиях и знал, что говорит.

Студенты, за редким исключением, не подвергались подобным опасностям. Они вели жизнь, резко отличную от жизни профессорско-преподавательского состава. Некоторые из более молодых сохранили ножи и велосипедные цепи, оставшиеся со школьных дней, и по вечерам выходили на улицу в поисках подозрительных личностей. Другие, как правило, проводили время в разношерстных оргиях (после чего в «Зале Свободы» еженедельно приходилось устраивать судебные заседания). Кое-кто увлекался спортом. Например, баскетболистов днем и ночью можно было видеть на тренировках, кидающих мячи с механической регулярностью, подобно линии промышленных роботов.

И, наконец, были такие, кто проявлял рано пробудившийся интерес к политике. Эти, как их называли, интеллектуалы стояли на либеральных или консервативных позициях, в зависимости от воспитания и темперамента. Именно университетские консерваторы едва не добились успеха, выдвинув на пост президента Соединенных Штатов Джона Смита. Факт, что Смит был мертв вот уже двадцать лет, никак не охлаждал их пыл. Напротив, многие считали это важнейшим достоинством кандидата.

Они непременно победили бы на выборах, не опасаясь большинство избирателей создания прецедента. Этим страхом умело

воспользовались либералы. Они заявили: «Мы не возражаем против Джона Смита (да покоится его душа в мире), который, возможно, явился бы украшением Белого Дома. Но подумайте, что произойдет, если в неопределенном будущем президентское кресло займет *недостойный* покойник?»

Этот аргумент решил дело.

Либералы из студентов, однако, оставляли разговоры старшим. Сами они предпочитали посещать специальные занятия по партизанским методам ведения войны, изготовлению бомб и применению огнестрельного оружия. Как они часто указывали: «Недостаточно просто реагировать на этих грязных красных. Надо овладеть их же приемами, особенно в пропаганде, политическом контроле и переворотах».

Университетские консерваторы, уступившие победу на выборах, делали вид, что в мире ничего не изменилось с тех пор, как генерал Паттон разбил персов в сорок пятом году. Они частенько сидели в пивных и распевали «Балладу о побережье Омахи». Самые эрудированные могли исполнить ее в оригинале на греческом.

Джоэнис наблюдал все это и продолжал преподавать культуру островов юго-западной части Тихого океана. Ему нравилась университетская обстановка. Постепенно коллеги стали принимать его, как своего. Сперва, конечно, были некоторые возражения.

Придир (кафедра английского языка): — Мне кажется, что Джоэнис не воспринимает «Моби Дика» как составную часть культуры островов юго-западной части Тихого океана.

Шкодборн (кафедра музыки): — Как я понимаю, он совсем не освещает важнейшую роль псалмов в народной музыке того района. Но это, в конце концов, его курс.

Хилякс (кафедра физики): — На мой взгляд, большим упущением с его стороны является то, что он не подчеркивает отсутствие влияния современной квантовой теории на жизнь островитян. Это наводит меня на кое-какие мысли.

Скрыт Ник (кафедра французского языка): — Насколько мне известно, Джоэнис не посчитал нужным отметить вторичное и третичное влияние французского на отглагольные формы в языках юго-западной части Тихого океана. Я, разумеется, всего лишь простой лингвист, но, по-моему, это весьма существенно.

Быки и другие нарекания — со стороны профессоров, которые считали, что Джоэнис исказил или вообще обошел стороной их специальности. Подобные трения, вполне возможно, могли бы привести со временем к натянутости в отношениях. Однако решающую роль сыграли слова Джеффрарда с кафедры античности: — Вы, наверное, смотрите свысока на такую старую перечницу, как я. Но, черт побери, я думаю, что он мировой парень!

Сердечный отзыв Джеффарда сослужил Джоэнису добрую службу. Профессора стали менее отчужденными и выказывали чуть ли не дружеское расположение. Все чаще Джоэниса приглашали на вечеринки и приемы в домах коллег. Вскоре его шаткое положение временного преподавателя было забыто, и он, как равный, вошел в жизнь УССВ.

Авторитет Джоэниса упрочился после завершения весенних студенческих соревнований. Именно тогда, на вечер, посвященном началу каникул, профессора Оферист и Свободолюбинг предложили Джоэнису совершить небольшое путешествие с ними и их друзьями в некое место высоко в горах Адирондака.

НЕОБХОДИМОСТЬ УТОПИИ (истории, рассказанные Пелуи с острова Пасхи, составляют Приключения Джоэниса в Утопии)

Рано утром в субботу Джоэнис и несколько других профессоров сели в старенький автомобиль Свободолюбинга и направились в общину Благождания в горах Адирондака. Как выяснил Джоэнис, поселок Благождание, возведенный с помощью Университета, населяли исключительно идеалисты, отрешившиеся от всего земного с целью служить грядущим поколениям. Создание общины являлось экспериментом, причем с далеко идущими замыслами. Его целью было ни много, ни мало как смоделировать для мира идеальное общество. Благождание задумывалось как практически реализуемая Утопия.

— Я полагаю, — сказал Оферист с кафедры политических наук, — что необходимость такой утопии налицо. Вы много ездили, Джоэнис, и собственными глазами видели упадок нашего общества и безразличие людей.

— Я заметил нечто подобное, — согласился Джоэнис.

— Причины этого явления весьма сложны, — продолжал Оферист, — но, на наш взгляд, истоки кроются в добровольном отчуждении личности, в уходе от проблем реальности. Это, разумеется, есть составляющая любого сумасшествия: бегство, безучастие и создание вымышленной жизни, приносящей куда больше удовлетворения, чем реальный окружающий мир.

— Мы, участники благожданского эксперимента, — подхватил Свободолюбинг, — считаем, что это болезнь общества, а потому она может быть излечена лишь социальными методами.

— Более того, — сказал Оферист, — наше время ограничено. Вы убедились, как быстро все приходит в упадок, Джоэнис. Закон выродился в фарс; наказание потеряло всякое значение, а вознаграждения мы предложить не можем. Религия проповедует устаревшие ценности людям, балансирующим между апатией и

безумием. Философия выдвигает доктрины, понять которые в состоянии только философы. Психология силится определить правильный тип поведения, исходя из стандартов, которые потеряли всякий смысл пятьдесят лет назад. Экономика требует бесконечного развития всех сфер производительной деятельности, чтобы угнаться за безудержным ростом населения. Естественные науки дают нам возможность обеспечить это развитие таким образом, чтобы каждый квадратный фут не был занят страждущим человечеством. Моя собственная область — политика — не предлагает ничего лучшего, чем жонглирование этими гигантскими силами... пока все не рухнет или не взорвется.

— И не думайте, — продолжил Свободолюбинг, — что мы снимаем с себя ответственность за происходящее. Хотя считается, что ученые знают больше, чем обычные люди, мы, как правило, предпочитаем сторониться общественной жизни. Практичные, напористые люди всегда пугают нас; а именно они привели мир к такому положению.

— Отчужденность — не единственный наш недостаток, — сказал Хенли с кафедры антропологии. — Позвольте мне указать, что учили мы — плохо! Редкие многообещающие студенты становились в свою очередь преподавателями и, тем самым, изолировались. Остальные попросту высиживали наши нагоняющие сон лекции, стремясь поскорее получить диплом и занять свое место в сумасшедшем мире. Мы не пробиваемся к ним, Джоэнис, не касаемся их душ и не приучаем их думать.

— Фактически, — вставил Хилякс с кафедры физики, — мы делаем совершенно противоположное. Мы ухищраемся привить большинству наших студентов явную ненависть к мышлению. Они учатся с величайшим подозрением относиться к культуре, игнорировать этику, а науку рассматривать лишь как средство обогащения. Вот наш провал, и его следствием является окружающий мир.

Долгое время профессора молчали. Затем Оферист попыток:

— Таковы наши проблемы. Но, кажется, мы очнулись от продолжительного сна. Мы принялись за дело и создали Благождание. Надеюсь, что не слишком поздно.

Джоэнису очень хотелось подробнее расспросить об общине, призванной разрешить столь важные задачи. Но профессора отказывались вести разговор на эту тему.

— Скоро вы сами увидите Благождание, — сказал Свободолюбинг. — И сможете судить на основе фактов, а не наших слов.

— Нужно добавить, — заметил Хилякс, — что вам не следует разочаровываться, если некоторые воплощенные в Благождании идеи не являются собственно новыми. То есть, выражаясь иначе, не судите чересчур строго, если теоретическая база, определяющая там образ жизни, окажется в некоторых своих

моментах известной и старомодной. В конце концов, мы строили нашу общину не ради новизны.

— С другой стороны, — сказал Дальтон с кафедры химии, — не следует осуждать и те ее черты, которые покажутся новыми и необычными. Необходимо было смело экспериментировать, чтобы воспользоваться позитивным наследием прошлого. А готовность применять многообещающие новые комбинации в социальной структуре придает нашей работе величайшую теоретическую и практическую ценность.

Другие профессора тоже хотели внести некоторые пояснения, но Свободолюбинг попросил их воздержаться от высказываний, чтобы Джоэнис мог составить собственное мнение.

Лишь неугомонный Хиякс счел своим долгом сказать:

— Как бы вы ни отнеслись к нашему эксперименту, Джоэнис, Благождание вас во многом удивит.

Профессора дружно рассмеялись и затем предались молчанию. Теперь Джоэнису больше, чем когда-либо, хотелось увидеть плоды их труда, и нетерпение его все росло.

Наконец, они въехали в горы. Старенький автомобиль Свободолюбинга жалобно скрипел на поворотах, преодолевая перевалы Адирондака. Хиякс коснулся плеча Джоэниса и указал рукой вперед. Джоэнис увидел высокую, покрытую зеленью гору, стоящую несколько особняком. Это и было Благождание.

УТОПИЯ, ВОПЛОЩЕННАЯ В ЖИЗНЬ

Автомобильчик Свободолюбинга с трудом тащился по наезженной колее, ведущей вверх по склону горы. Дорога упиралась в бревенчатый барьер. Там они вышли из машины и последовали далее пешком, сперва по узкой грязной дорожке, потом по тропинке через лес, поднимаясь все выше по склону.

Все профессора порядком запыхались, когда, наконец, их встретили двое мужчин из Благождания.

Они были одеты в оленьи шкуры, у каждого висел лук и колчан со стрелами. Тела их покрывал красноватый загар, а сами мужчины, казалось, источали здоровье и энергию и разительно отличались от сутулых, бледных и узкоплечих профессоров.

Свободолюбинг представил их всех гостю.

— Это Спривет, — сказал он Джоэнису, указав на более крупного из мужчин. — Он является главой общины. Рядом с ним Пушка, непревзойденный следопыт.

Спривет обратился к профессорам на незнакомом Джоэнису языке.

— Здравается, — прошептал Дальтон.

Пушка что-то добавил.

— Он говорит, что в этом месяце много хорошей пищи, — перевел Хиякс. — И просит нас следовать за ним в поселок.

— На каком языке они разговаривают? — поинтересовался Джоэнис.

— На благожданском, — ответил профессор Вишну с кафедры санскрита. — Это искусственный язык, созданный нами специально для общины по крайне важным соображениям.

— Мы осознаем, — сказал Свободолюбинг, — что свойства языка в какой-то мере формируют мыслительный процесс и отражают этнические и классовые черты. По этой и другим причинам мы сочли создание нового языка для Благождания абсолютно необходимым.

— Пришлось попотеть, — погрузившись в воспоминания, улыбнулся Хилякс.

— Некоторые из нас добивались абсолютной простоты, — сказал Хенли с кафедры антропологии. — Мы искали способ общения посредством серии односложных сочетаний звуков, наподобие мычания, ожидая, что такой язык послужит естественной уздой для дерзкой и часто разрушительной мысли.

— Другие, — продолжил Лавочникер, представитель кафедры философии, — хотели создать язык невероятной сложности, со многими уровнями абстрагирования. Мы считали, что это послужит той же цели, но скорее будет отвечать человеческим запросам.

— У нас были великолепные по этому поводу баталии! — воскликнул Дальтон.

— В конце концов, — подхватил Свободолюбинг, — мы решили создать язык, в котором частота гласных примерно соответствует их частоте в англосаксонском. Кафедре французского это, разумеется, не понравилось. Они хотели взять за образец древнепровансальский язык; но мы их забаллотировали.

— Все же они оказали определенное влияние, — заметил профессор Вишну. — Мы сохранили англосаксонскую частоту гласных, но взяли древнепровансальское произношение. Однако мы решительно отмели все индо-европейское в создании корней.

— Труд грандиозный, — сказал Дальтон. — По счастью, с нами была мисс Хуа, которая проделала черновую работу. Какая досада, что девушка так уродлива!

— Вот это, первое поколение благожданцев, — сказал Свободолюбинг, — двуязычно. Но их дети, или дети их детей, будут говорить только на благожданском. Я надеюсь дожить до этого дня. Но влияние нового языка на образ жизни общины заметно уже сейчас.

— Только посудите, — указал Хилякс. — В благожданском языке нет таких слов, как «гомосексуализм», «насилие» или «убийство».

Заговорил Спривет, на английском: — Мы называем это «алисивуадит», то есть «вещи-которые-нельзя-называть».

По-моему, это достаточно наглядно демонстрирует, — вставил Дальтон, — чего можно достичь с помощью семантики.

Спривет и Пушка повели их к Благожданию, и остаток дня Джоэнис посвятил изучению поселка.

Он увидел, что дома построены из березовых бревен и покрыты дранкой. Женщины готовили пищу на открытых очагах, пряли пряжу из овечьей шерсти (овцы паслись тут же) и заботились о детях. Мужчины трудились на полях, распахивая землю самодельными деревянными плугами. Другие охотились в густых лесах или ловили рыбу в ледяных ручьях Адирондака, принося домой оленей, зайцев и форель для всей общины.

Во всем Благождании не оказалось ни одной вещи, изготовленной с помощью машин. Каждый инструмент был сделан местными умельцами. Даже ножи для свежевания туш изготавливались вручную из железа, добытого из земли Благождания. А без того, что не могли сделать собственноручно, благожданцы обходились.

Джоэнис до темноты знакомился с общиной и очень положительно отзывался об экономической независимости поселенцев, их старательности и явной удовлетворенности своим положением. Но сопровождавший его профессор Оферист странно смутился и стал извиняться.

— Вы должны понять, что это лишь внешняя сторона Благождания. Не нужно принимать ее за очередную скучную попытку воплощения пасторального уклада жизни.

Джоэнис никогда не слышал ни о каких попытках воплощения пасторальной жизни и честно заявил, что все увиденное производит приятное впечатление.

— Вероятно, — со вздохом сказал Оферист. — Но дело в том, что подобных попыток было предпринято бесчисленное множество. Многие хорошо начинали, но мало кто хорошо заканчивал. Пасторальная жизнь, безусловно, обладает привлекательными чертами, особенно если ее ведут образованные, целеустремленные и преданные высоким идеалам люди. Но, как правило, она кончается разочарованием, цинизмом и отращением.

— И Благождание обречено на ту же участь?

— Думаем, что нет, — ответил Оферист. — Надеюсь, мы сделали правильные выводы из предыдущих неудач. Изучив все эксперименты в области утопии, имевшие место в прошлом, мы смогли встроить в нашу общину кое-какие предохранительные механизмы. В должное время вы их увидите.

Вечером Джоэнис съел весьма простой и довольно неаппетитный ужин, состоящий из молока, сыра, хлеба грубого помола, винограда. Затем его привели к «Хайрогу» — месту совершения культовых обрядов, а именно на поляну в лесу, где днем жители общины поклонялись Солнцу, а ночью — Луне.

— Религия оказалась для нас крепким орешком, — шептал

на ухо Джоэнису мистер Хенли в то время, как толпа людей распростерлась на земле в бледном лунном свете. — Мы не хотели использовать ничего связанного с иудейско-христианскими традициями. Также не подходили нам индуизм или буддизм. Подняв и изучив огромный материал, мы убедились, что нам вообще мало что подходит. Кое-кто был склонен принять за основу божества юго-восточного Занзибара. Другие высказывались в пользу Старца Дхавана, которому поклонялась неизвестная боковая ветвь рода Черных Тай. В конце концов мы сошлись на культе Луны и Солнца. С одной стороны, он имеет богатое прошлое, а с другой стороны, мы могли представить его властям штата Нью-Йорк как форму примитивного христианства.

— А это имело значение? — спросил Джоэнис.

— Колоссальное! Вы просто не поверите, как трудно добиться разрешения на подобное начинание. Нужно было доказать, что наше поселение не выходит за рамки свободного предпринимательства. Это представляло определенную сложность, поскольку члены общины всем владеют в равной степени. К счастью, в то время у нас преподавал логику мистер Грегориас; он-то и убедил местные власти.

Молящиеся раскачивались и стонали. Вперед выступил старец с лицом, покрытым мазками желтой глины, и начал монотонно распевать на благожданском языке.

— О чем он? — поинтересовался Джоэнис.

— Он возносит особенно прекрасную молитву, переработанную Джеффардом из пиндарической оды. В ней, в частности, говорится:

О Луна, одетая скромно в наряд венчальный!

Ступающая походкой нежной среди вершин деревьев твоего народа,

Скользкая украдкой за Акрополь в страхе

Перед своим любовником неистым — Солнцем,

Затем касаясь воздушными перстами Парфенона мраморных плит, --

Тебе мы поем эту песнь!

Алкая заступничества Твоего любящего

Перед угрозой часов, во тьму облаченных,

И защиты Твоей на короткую ночь

От Зверя кошмарного, каким мир предстает.

— В самом деле, очаровательно, — одобрил Джоэнис. — А что значит та часть насчет Акрополя и Парфенона?

— Честно говоря, — признался Оферист, — я и сам не уверен в уместности этого места. Но на нем настаивала кафедра классики. А так как кафедры экономики, антропологии, физики и химии уже принимали определенные решения, мы позволили им оставить свой Парфенон. В конце концов, в совместных начинаниях уступки неизбежны.

Джоэнис кивнул.

— А что значит «угроза часов, во тьму облаченных», и «Зверь кошмарный, каким мир предстает»?

Оферист подмигнул.

— Страх необходим, — сказал он.

Джоэниса расположили на ночь в маленькой хижине, построенной без единого гвоздя. Его ложе из сосновых веток было восхитительно спартанским, но чрезвычайно неудобным. Он исхитрился принять наименее болезненную позу и задремал.

Его пробудило прикосновение чьей-то руки. Он открыл глаза и увидел молодую женщину поразительной красоты, склонившуюся над ним с нежной улыбкой. Джоэнис вначале очень смутился, не столько за себя, сколько за женщину, которая, как он опасался, ошиблась хижинной. Но она сразу же дала понять, что никакой ошибки не произошло.

— Меня зовут Лака. Я жена Кора, руководителя Лиги Молодых Солнцепоклонников, и пришла сюда, чтобы провести с Вами ночь и сделать все возможное, дабы усладить Ваше пребывание здесь.

— Благодарю, — молвил Джоэнис. — А Ваш муж знает об этом?

— Что знает или не знает мой муж, не имеет никакого значения, — сказала Лака. — Кор — религиозный человек и предан обычаям Благождания. Существует обычай — и это наша религиозная обязанность — доставлять таким образом гостю удовольствие. Разве профессор Хенли не объяснил вам?

Джоэнис ответил, что профессор Хенли не обмолвился ни словом.

— Значит, он решил немного пошутить. Именно профессор Хенли предложил нам этот обычай, позаимствовав его из какой-то книги.

— Понятия не имел, — сказал Джоэнис, отодвигаясь в сторону, когда Лака легла рядом с ним.

— Я слышала, что профессор Хенли весьма энергично настаивал на этом пункте, — продолжала Лака. — Он встретил некоторое сопротивление со стороны кафедры науки. Но Хенли указал, что если люди нуждаются в религии, значит они нуждаются в обычаях и традициях; а традиции и обычаи должен выбирать специалист. В конечном счете его точка зрения восторжествовала.

— Понимаю, — проговорил Джоэнис. — А что, Хенли выбирал и другие обычаи вроде этого?

— У нас есть сатурналия, и вакханалия, и Элевсинские мистерии, и праздник Дионисия, и День Основателя, и Весенний и Осенний Обряды Плодородия, и Прославление Адониса, и...

В этом месте Джоэнис прервал ее, заметив, что на Горе Благождания, как ему кажется, немало праздников.

— Да, — подтвердила Лака. — Поэтому у нас, женщин, всегда полно хлопот, но мы к этому привыкли. Зато с мужчинами не все так просто. Они обожают праздники, но злятся и ревнуют, когда развлекаются их жены.

— Что они тогда делают? — поинтересовался Джознис.

— Следуют совету доктора Бройна с кафедры психологии. Они пробегают рекомендованную дистанцию длиной в три мили по густым зарослям кустарника, затем ныряют в холодный ручей и проплывают сто ярдов, а потом бьют по мешку, сшитому из оленьей шкуры, до полного изнеможения. Полное изнеможение, как учит нас доктор Бройн, всегда сопровождается временным притуплением эмоций.

— Ну и как, помогает предписание доктора? — спросил Джознис.

— До сих пор неудач не было. Если лечение не оказывает действия с первого раза, мужчина должен просто повторить все сначала, и столько раз, сколько потребуется. От этого, помимо всего, повышается мышечный тонус.

— Весьма любопытно, — молвил Джознис.

Лежа рядом с Лакой, он внезапно обнаружил, что потерял всякий интерес к продолжению этой антропологической дискуссии. На какое-то мгновение он предложил, не достойно ли порицания то, что Хенли установил здесь порядки в соответствии со своими вкусами; но потом он вспомнил, что порядок в обществе всегда определяется мужчинами, а вкусы бывают и похуже. Решив больше не задумываться об этом, Джознис протянул руку и коснулся темных волос Лаки.

Девушка отпрянула, невольно вздрогнув от отвращения.

— Что случилось? — спросил Джознис. — Тебе неприятно?

— Не в этом дело, — ответила Лака. — Беда в том, что я вообще терпеть не могу, когда меня касаются. Поверьте, это никак не связано с Вами. Просто у меня такой характер.

— Поразительно! — удивился Джознис. — И все же ты добровольно живешь в общине?

— Да, это правда, — сказала Лака. — Парадоксально, но многие цивилизованные люди, которых влечет примитивная жизнь, с отвращением относятся к так называемым плотским утехам, в изрядной степени возбуждающим научный интерес профессоров. Взять к примеру меня — типичный случай. Я горячо люблю горы и луга, наслаждаюсь простым физическим трудом, рыбной ловлей и охотой. И ради этого я согласна сдерживать свою неприязнь к половым отношениям.

Джознис нашел это любопытным и отметил про себя, какие трудности встают перед теми, кто выбирает людей для заселения Утопии. Его мысли были прерваны Лакой, которая взяла себя в руки. Справившись с чувствами, она обняла Джозниса за шею и притянула к себе.

Но теперь у Джозниса пропало влечение к ней, во всяком

случае, его было не больше, чем к дереву или облачку. Сказав: «Нет, Лака, я не хочу идти против твоих естественных склонностей», — он мягко отвел ее руки.

— Но Вы должны! — вскричала она. — Таков обычай!

— Поскольку я не являюсь членом общины, я не обязан следовать ее обычаям.

— Пожалуй, верно, — согласилась Лака. — Мне надо научиться владеть собой. Но если бы вы только знали, как я молню о самоконтроле!

— Нисколько не сомневаюсь, — заверил Джоэнис. — Главное, ты предложила мне совершить этот акт гостеприимства, и дух обычая, таким образом, сохранен. Так что не волнуйся и смело возвращайся к мужу.

— Мне стыдно, — призналась девушка. — Другие женщины узнают, что что-то случилось не так, раз я вернулась до наступления утра, и будут надо мной смеяться. Да и муж мой будет недоволен.

— Но разве он не ревнует и не жаждет мщения в подобных случаях?

— Все это, разумеется, так, — ответила Лака. — Иначе какой бы он был мужчина? Но он глубоко уважает процесс учения и свято верит в традиции Благождания. Поэтому он и настаивает, чтобы я принимала участие в подобных обрядах, хотя это разрывает его сердце.

— Должно быть, он очень несчастный человек, — произнес Джоэнис.

— Ошибаетесь, мой муж — один из самых счастливых людей в нашей общине. Он считает, что истинное счастье — духовное, а истинная духовность может быть достигнута лишь через боль. Страдания приносят ему счастье, так, по крайней мере, он мне говорит. Мой муж следует предписаниям доктора Бройна каждый день, и стал лучшим бегуном и пловцом в Благождании.

Джоэнис очень не хотел причинять боль мужу Лаки, даже если она и приносит ему счастье. И не хотел причинять боль Лаке, отправляя ее домой. Но также он не хотел причинять боль себе, соглашаясь на то, что ему неприятно. Положение, казалось, было безвыходным, и Джоэнис велел Лаке лечь спать в углу хижины. Такое решение, во всяком случае, спасет ее от осрамления перед женщинами.

Лака послушно поцеловала его в лоб холодными губами, затем свернулась калачиком на сосновых ветках и заснула. Джоэнис долго не мог успокоиться, но, наконец, и он задремал.

Однако события этой ночи далеко не закончились. Под утро Джоэнис внезапно проснулся, напряженный и испуганный, не имея понятия, что его разбудило. Луна зашла, и вокруг царилась крошечная тьма. Затихли кузнечики, замерли ночные птицы и мелкие лесные зверьки.

Джознис почувствовал, как по спине у него пробежали мурашки. Он повернулся к двери в полной уверенности, что пришел муж Лаки, чтобы убить его! Он и так всю ночь мучался от страха, мало веря в действенность предписаний доктора Бройна.

И вдруг он понял, что вовсе не разгневанный муж вогнал все живое в оцепенение. Ибо услышал наводящий ужас яростный рев, на какой не способен ни один человек. Рев так же неожиданно прекратился, и Джознис уловил в зарослях перед хижинкой движение некоего огромного существа.

— Что это? — выдавил он.

Лака вскочила на ноги и повисла на Джознисе, словно ее разом покинули все силы.

— Зверь, — прошептала она.

— Но я считал, что это выдумки! — воскликнул Джознис.

— На Горе Благождания нет никаких выдумок, — сказала Лака. — Мы поклоняемся Солнцу и Луне, которые существуют реально. И страшимся Зверя, который не менее реален, чем бурундук. Иногда нам удастся умиловить Зверя, а иногда отвлечь. Но сегодня ночью он явился убивать.

Джознису больше не пришлось сомневаться, что огромных размеров туша наткнулась на стену хижины. И хотя стена была сложена из толстых бревен, она затряслась до основания. Джознис оказался лицом к лицу со Зверем.

ЗВЕРЬ УТОПИИ

Ничего подобного Джознис прежде не видывал. Спереди Зверь напоминал тигра, если не считать того, что голова его была черной, а не желто-полосатой. Средняя часть его тела смахивала на птицу, ибо прямо за плечами росли рудиментарные крылышки. Сзади Зверь походил на змею, так как обладал хвостом в два раза длиннее всего туловища и толщиной в человеческое бедро, покрытым иглами и чешуей.

Все это мгновенно отпечаталось в сознании Джозниса. Когда Зверь присел перед прыжком, Джознис схватил обмякшую Лаку и бросился из хижины. Зверь погнался за ними не сразу, а задержался на несколько минут, чтобы с садистским удовольствием разрушить хижину.

Джознису удалось догнать группу охотников. Эти люди, которых возглавлял Спривет, держали наготове копья и стрелы, чтобы отразить нападение Зверя.

Рядом стояли шаман поселения и два его помощника. Старое морщинистое лицо шамана было размазано оранжевым и синим. В правой руке он держал череп, а левой рукой лихорадочно копался в груди колдовских ингредиентов. В то же время он не переставал ругать своих помощников.

— Болваны, — орал шаман. — Преступно бестолковые идиоты! Где волосы с головы мертвеца?!

— Под вашей левой ногой, сэр, — ответил один из помощников.

— Хорошенькое нашли место! — не унимался шаман. — Давай сюда... Так, а где нитка с красного савана?

— В вашем мешке, сэр, — указал другой помощник.

Шаман выхватил ее и продел сквозь глазницы черепа. Затем привязал волосы мертвеца к носовому отверстию и повернулся к помощникам.

— Тебя, Хуанг, я посылаю читать по звездам, а тебе, Поллито, я велел узнать, что наказывает нам Священный Золотой Олень. Скажите мне без промедления, чего хотят от нас боги, чтобы остановить Зверя?

— Звезды приказали нам повязать розмарин, — сказал Хуанг.

Шаман выхватил из груды колдовских ингредиентов ветвь розмарина и трижды обернул ее вокруг черепа.

— Священный Золотой Олень велел нам дать черепу понюшку табака, и этого хватит пока.

— Избавь меня от своих дебильных рифм, — огрызнулся шаман. — Да подай-ка скорее табак.

— У меня его нет, сэр.

— А где же он?

— Несколько ранее, сэр, Вы сказали, что положили его в надежное место.

— Естественно! Но в какое надежное место?! — завопил шаман, лихорадочно копаясь в колдовских ингредиентах.

— Может быть, в Алтарь Преисподни? — предположил Хуанг.

— Может быть, в Волшебное Хранилище? — предположил Поллито.

— Нет, что-то непохоже... — пробормотал шаман. — Надо подумать...

Зверь, однако, не дал им времени для размышлений. Он выбрался из развалин хижины и помчался на охотников. Стрелы и копьё взвились в воздух и со шмелиным гудением понеслись ему навстречу. Но они оказались бесполезны. Даже не заметив их, Зверь налетел на охотников. Шаман с помощниками схватили свое имущество и бросились к лесу. Охотники тоже бросились в лес, но Спривет и двое других были убиты.

Джознис последовал за охотниками, и страх придавал его ногам силу. Наконец он добежал до поляны в лесу, в центре которой стоял древний каменный алтарь. Там уже находились шаман с помощниками, а за ними — трясущиеся от страха охотники. Из леса доносился рев приближающегося Зверя.

Шаман лихорадочно ощупывал руками землю вокруг алтаря, приговаривая: — Почти уверен, что положил табак куда-то сюда. Я приходил сегодня днем, чтобы испросить для него особого благословения Солнца. Поллито, ты не помнишь, что я тогда делал?

— Меня здесь не было, — сказал Поллито. — Вы предупредили, что идете совершать тайный обряд, что наше присутствие запрещено.

— Конечно, запрещено, — пробормотал шаман, отчаянно разрывая землю палкой. — Но разве вы не подсматривали?

— Нам такое и в голову придти не могло, — ответил Хуанг.

— Распроклятые бездеятельные кретины! — воскликнул шаман. — Как вы думаете стать шаманами, если не будете подсматривать за мной при каждой возможности?!

На краю поляны, не далее, чем в пятидесяти футах, появился Зверь. В этот момент шаман наклонился и поднял в воздух маленький мешочек, сшитый из оленьей шкуры.

— Конечно же, он здесь! — закричал шаман. — Как раз под священным зернышком кукурузы. Может быть, кто-нибудь из вас, неуклюжие тупицы, подаст мне еще одну нитку с савана?

Поллито уже протягивал ее. С великой торжественностью шаман привязал мешочек к нижней части черепа и придиричиво оглядел плод своих усилий.

— Не забыл ли я чего-нибудь? Нет, кажется, не забыл. А теперь, увальни, смотрите, как вершится чудо.

Держа череп двумя руками, шаман пошел на Зверя. Джоэнис, охотники и два помощника шамана, разинув рты, смотрели, как чудовище зловеще проскребло лапами, вырыв канаву глубиной в три фута, и начало угрожающе надвигаться на шамана.

Старик приближался без следа страха. В последний момент он швырнул череп прямо в грудь Зверю. Удар показался Джоэнису совсем слабым; но Зверь издал оглушающий рев боли и умчался в лес.

Охотники были чересчур усталыми, чтобы отпраздновать поражение Зверя, и молча разошлись по хижинам.

Шаман обратился к помощникам: — Надеюсь, у вас хватило ума кое-чему научиться. Когда требуется так называемый «черепной экзорцизм», специально подготовленный череп, или *aharbitus*, должен ударить Зверя в грудь. Попадание в любое другое место лишь расстрawливает это чудовище. Завтра мы будем изучать экзорцизм «трех тел», для чего существует очень красивый ритуал.

И шаман удалился.

Джоэнис поднял бесчувственную Лаку и отнес ее в свою хижину. Как только дверь за ними закрылась, Лака пришла в себя и стала безудержно целовать Джоэниса. Он оттолкнул ее, прося не насиловать себя и не возбуждать напрасно его. Но Лака заявила, что она теперь совсем другой человек, пусть даже временно. Вид Зверя, сказала она, и проявленная Джоэнисом храбрость при ее спасении потрясли ее до глубины души. Кроме того, гибель Спривета убедила ее в том, что в быстротечной жизни надо ценить острые ощущения.

Джознис не был уверен, что дело именно в этом, но нельзя было отрицать, что Лака переменялась. Глаза ее сверкнули; она прыгнула на Джозниса, точно Зверь, и повалила его на ложе из сосновых веток.

Джознис понял, что, как ни мало он разбирается в мужчинах, в женщинах он разбирается еще меньше. Сучья больно кололи его в спину. Но вскоре он забыл и о скудности своих познаний, и о боли. И то, и другое потеряло всякое значение, и он не думал о них, пока не забрезжил рассвет, и выскользнувшая из хижины Лака направилась к себе домой.

НЕОБХОДИМОСТЬ ЗВЕРЯ УТОПИИ

Утром Джознис встретился со своими коллегами из Университета и рассказал про ночные события. Он выразил негодование по поводу того, что его не предупредили о Звере.

— Но мой дорогой Джознис! — воскликнул профессор Хенли. — Мы хотели, чтобы Вы составили *непредвзятое* мнение об этом важном аспекте Благождания.

— Даже если бы мне пришлось заплатить жизнью? — сердито спросил Джознис.

— Вы не подвергались ни малейшей опасности, — заверил его профессор Лавочникер. — Зверь никогда не нападает на лиц, связанных с Университетом.

— Но мне казалось, что он явно собирается меня убить!

— Вот именно *казалось*, — подчеркнул Свободолюбинг. — На самом деле он всего лишь пытался добраться до Лаки, которая, будучи благожданкой, является подходящей жертвой для Зверя. На худой конец, он слегка бы Вас помял, вырывая девушку из рук, но этим бы все и ограничилось.

Джознис испытал некоторое разочарование, когда узнал, что пережитая ночью страшная опасность оказалась чуть ли не воображаемой. Чтобы скрыть смущение, он спросил:

— Что это за создание, и к какой породе оно относится?

Джеффард с кафедры античности важно откашлялся и произнес:

— Этот Зверь уникален. Его ни в коем случае не следует путать ни со Странствующим Зверем, которого преследовал сэр Пелинор, ни с Апокалиптическими Чудовищами. Благожданский Зверь скорее близок Опиникусу, который, судя по известным нам древним источникам, являлся отчасти верблюдом, отчасти драконом и отчасти львом, хотя мы не знаем, в каких пропорциях. Но даже это сходство весьма поверхностно. Как я говорил, наш Зверь уникален.

— Откуда он взялся? — спросил Джознис.

Профессора переглянулись и захихикали, словно нашкодившие дети. Затем Хиякс с кафедры физики взял себя в руки и сказал Джознису:

— Дело в том, что Зверя породили мы сами. Мы создали его, трудясь по вечерам и воскресеньям в химической лаборатории. В конструировании принимали участие все кафедры Университета, но мне хочется особо выделить работу кафедр химии, физики, математики, кибернетики, медицины и психологии. Также я должен упомянуть весомый вклад кафедр антропологии и античности, где родилась сама идея. Особую благодарность следует выразить профессору Эллингу с кафедры прикладных наук, облачившему Зверя в самый прочный и долговечный пластик. Нельзя забыть и о мисс Хуа, нашей студентке, без чьей помощи вся работа пошла бы насмарку.

Джоэнис, который, образно выражаясь, раздвинул занавес тайны, чтобы обнаружить загадку, все еще находился в полном недоумении.

— Давайте-ка посмотрим, правильно ли я вас понимаю. Вы в прямом смысле создали Зверя?

— Именно так! — воскликнул Свободолюбинг.

— С согласия администрации Университета?

— Вы же знаете, Джоэнис, каково иметь дело с этими людьми, — подмигнув, сказал Дальтон. — У них врожденная неприязнь ко всему новому, если, конечно, это не спортзал. Разумеется, мы ничего не сообщали.

— Но они все равно знают, — вставил Свободолюбинг. — Администрация всегда знает, что происходит. Но если не лезть на рожон, они предпочитают закрывать глаза. Ведь подобное начинание может оказаться успешным, и тогда Университет пожнет плоды мудрости и прозорливости. А если дело кончится неудачей, они окажутся в стороне, поскольку ни о чем не догадывались.

Несколько профессоров подались вперед с улыбками на губах, собираясь рассказывать шутки об администрации, но Джоэнис их перебил.

— Создание Зверя, вероятно, вызвало большие трудности?

— Будьте уверены, — сказал Птоломей с кафедры математики. — Не считая нашего личного времени и неустанной работы химической лаборатории, нам пришлось израсходовать двенадцать миллионов четыреста тысяч двенадцать долларов и шестьдесят три цента. Мистер Башкадубб с кафедры бухгалтерского учета тщательно подсчитывал все затраты на случай, если с нас когда-нибудь потребуют отчет.

— Откуда взялись такие деньги? — удивился Джоэнис.

— От правительства, разумеется, — ответил Оферист с кафедры политических наук. — Я и мой коллега Финфиттер с кафедры экономики взяли на себя задачу изыскания средств. После завершения проекта у нас их оставалось еще достаточно, чтобы устроить грандиозный банкет. Жаль, что вас тогда не было с нами.

Оферист предупредил следующий вопрос Джоэниса, добавив:

— Конечно, мы не известили правительство, что именно мы делаем. Хотя они, возможно, и выделили бы фонды на создание Зверя, но лишь после неминуемых бюрократических проволочек. Вместо этого мы сообщили, что работаем над крайне важной проблемой определения осуществимости строительства подземного восьмизначного шоссе от Атлантического побережья до Тихоокеанского, через всю Америку, в интересах национальной безопасности. Вряд ли даже стоит упоминать, что Конгресс, всегда ратовавший за улучшение дорог, немедленно выделил нам средства.

— Многие из нас полагали, что такое шоссе в высшей степени полезно и, пожалуй, необходимо, — сказал Хиякс. — Чем больше мы думали, тем больше проникались этой идеей. Но на первом месте для нас был Зверь. Даже располагая такими деньгами, мы оказались перед очень сложной задачей.

— А вы помните, — спросил Птоломей, — изнурительный труд по программированию Зверя?

— О боже, ну конечно! — рассмеялся Свободолюбиг. — А с какими муками удалось создать партеногенетическую систему размножения?

— Мы там чуть не застряли, — пояснил Дальтон. — А сколько бились потом над координацией движений Зверя? Беднягу две недели мотало от стены к стене!

— При этом раздавило Даглстона с кафедры неврологии, — грустно произнес Птоломей.

— Несчастные случаи неизбежны, — вздохнул Дальтон. — Впрочем, нам удалось убедить администрацию, что Даглстон ушел в годичный отпуск.

Профессора, казалось, были переполнены всевозможными историями о создании Зверя. Но Джознис нетерпеливо оборвал их воспоминания.

— Но зачем вы создали Зверя?!

Ученым пришлось на минуту задуматься. Много лет отделяло их от тех горячих дней, когда впервые открылись причины, требующие существования Зверя. После некоторого молчания заговорил Хиякс.

— Зверь необходим, Джознис. Он, или нечто ему подобное, является непременным условием успеха благоданской Утопии и, беря шире, воплощения того будущего, которое представляет Благождание.

— Понимаю, — сказал Джознис. — Но почему?

— На самом деле все очень просто, — ответил Хиякс. — Возьмите общество, подобное Благожданию, или любое другое, и спросите себя, что вызвало его распад. Вопрос трудный и, в сущности, неразрешимый. Но мы вряд ли можем согласиться с таким положением. Ибо *люди живут в обществе*; такова, очевидно, их натура. Исходя из этого, мы задались целью построить в Благождании идеальное общество, общество стабильное и устой-

чивое, насколько это возможно в рамках принятого демократического закона. Мы также хотели создать такое общество, жизнь в котором приятна и не лишена смысла. Вы согласны, что это достойные идеалы?

— Несомненно, — сказал Джоэнис. — Но Зверь...

— Да, вот тут и появляется Зверь. Видите ли, на абсолютной необходимости Зверя зиждется все Благождание.

Джоэнис в недоумении посмотрел на Хилякса, и потому профессор продолжил:

— Сейчас поймете. Кроме упомянутой необходимости Вы должны принять тот факт, что ни одно общество не может функционировать на основе чистых абстракций. Когда добродетель остается невознагражденной, а порок — ненаказанным, люди теряют веру, и общество распадается. Заверяю Вас, что люди нуждаются в идеалах; но они не могут их сохранить в бездуховности современного мира. С ужасом люди обнаружили, как далеки от них боги, и сколь малое значение имеет что-либо на свете.

— Также заверяю вас, — добавил Свободолюбинг, — что изъян заключается в самой натуре человека. Несмотря на то, что человек — мыслящее существо, он отказывается думать. Обладая разумом, он редко использует его для собственного совершенствования. Полагаю, что это очевидно.

Джоэнис кивнул, пораженный услышанным.

— Итак, имея в виду все вышесказанное, — заявил Хилякс, — необходимость Зверя теперь совершенно ясна.

И Хилякс повернулся в сторону, как будто этим все было сказано. Но более усердный Дальтон продолжил:

— Зверь, дорогой мой Джоэнис, есть нечто иное, как сама воплощенная необходимость. Сегодня, когда не осталось ни одной непокоренной вершины и ни одного непромеренного океана, когда другие планеты уже достижимы, а звезды все равно чересчур далеки, когда в бога никто не верит, а государство вырождается, — что остается? Человек должен приложить к чему-то свои силы; и мы предоставили для этого Зверя. И человек уже больше не одинок, потому что Зверь всегда таится где-то рядом. И человек не обратится в праздности против себе подобного, ибо ему всегда придется быть начеку.

— Зверь придает благожданскому обществу стабильность и устойчивость, — повторил Свободолюбинг. — Если люди не станут сотрудничать друг с другом, он переловит их по одиночке. Лишь с помощью всего населения на Зверя можно найти какую-то управу.

— И он же прививает им здоровое уважение к религии, — вставил Дальтон. — Поневоле обратишься к религии, когда поблизости рыскает Зверь.

— И не допускает благодушия, — добавил Хилякс. — Никто не будет благодушествовать перед лицом Зверя.

— Благодаря Зверю, — заключил Свободолюбинг, — общество Благождания счастливо. Они чтут семью, они религиозны, близки к природе и постоянно ощущают необходимость добродетели.

— Что удерживает Зверя от уничтожения всей общины? — спросил Джоэнис.

— Заложенная программа, — ответил Дальтон.

— Прошу прощения?

— Зверь запрограммирован; то есть, в его искусственный мозг заложена определенная информация и требуемая реакция. Излишне говорить, что мы немало над этим поработали.

— Вы обучили Зверя не убивать профессоров Университета? — спросил Джоэнис.

— В общем, да, — отозвался Дальтон. — По правде говоря, мы не слишком этим гордимся. Но нам казалось, что в течение некоторого времени это обязательно.

— А что еще содержится в программе Зверя?

— Он должен выискивать и уничтожать всякие правящие группы. Поэтому любой правитель вынужден защищать себя самого и своих подданных. Одного этого вполне достаточно, чтобы у него был полон рот хлопот. Но к тому же ему приходится действовать рука об руку с духовенством, ибо без их поддержки он беспомощен. Это является очень важным ограничением его власти.

— Как может помочь духовенство? — спросил Джоэнис.

— Вы сами видели шамана за работой, — сказал Хенли. — Он и его ассистенты используют определенные вещества, которые собирают для них все жители Благождания. В нужном сочетании эти вещества обратят Зверя вспять, так как он запрограммирован должным образом на них реагировать.

— А почему правитель сам не может обратить Зверя в бегство и править без помощи духовенства?

— Мы не жалели сил, чтобы обеспечить разделение между церковью и государством, — объяснил Оферист. — Видите ли, при каждом новом появлении Зверя потребуется другое сочетание веществ. Каждый день нужно высчитывать сложнейшие формулы, принимая во внимание лунный и звездные циклы и такие переменные, как температура, влажность, скорость ветра и тому подобное.

— Вероятно, эти вычисления поглощают у священнослужителей все время, — предположил Джоэнис.

— Именно! — подтвердил Хенли. — Так что у них не остается времени вмешиваться в дела государства. И, в качестве последнего предохранительного механизма против возникновения состоятельного, благодушного и самонадеянного духовенства, мы запрограммировали фактор случайности. Тут уж ничего не поможет, и Зверь убьет именно шамана, а не кого-нибудь другого.

— Но в таком случае, — удивился Джоэнис, — кто захочет быть шаманом или правителем?

— Дело в том, что они занимают особое положение, — объяснил Свободолюбинг. — С другой стороны, даже самый скромный поселенец рискует быть убитым Зверем. Поэтому люди неординарные всегда соглашались на большую опасность, чтобы обладать властью и наслаждаться привилегиями.

— Вы видите, как все здесь взаимосвязано, — сказал Хилякс. — И правитель, и шаман сохраняют свое положение лишь благодаря поддержке населения. Непопулярный правитель не получит помощи в борьбе против Зверя и быстро погибнет. Непопулярный шаман не получит необходимые вещества для обуздания Зверя, которые приносят ему жители. Следовательно, как правитель, так и шаман находятся у власти с одобрения и согласия народных масс, и Зверь, таким образом, обеспечивает истинную демократию.

— Тут есть некоторые весьма любопытные нюансы, — заметил Хенли с кафедры антропологии. — Насколько я знаю, впервые в истории магические атрибуты стали объективно необходимыми условиями существования. И, вероятно, впервые на Земле появилось творение, столь близкое к сверхъестественному.

— Имея в виду все эти опасности, — сказал Джоэнис, — не понимаю, как ваши добровольцы остаются в Благождании?

— Они остаются, потому что находят в общине обеспеченное и осмысленное существование, — ответил Хилякс, — и потому что могут бороться с осязаемым врагом, а не с незримым извращенным безумцем, который убивает от скуки.

— Некоторые наши добровольцы действительно колебались, — заметил Дальтон. — Хотя мы и убеждали их в том, что они делают правое дело, находились такие, кто испытывал сомнения в своих силах. Для неуверенных доктор Бройн с кафедры психологии разработал несложную операцию на фронтальных лобных долях мозга. Она не причиняет им никакого вреда, не разрушает интеллект и инициативу, подобно ужасной лоботомии, производившейся в прошлом. Вместо этого она просто стирает все знания о мире, существующем за пределами Благождания. Таким образом, у них нет другого места, где они могли бы жить.

— Разве это этично? — просил Джоэнис.

— Они согласились добровольно, — пожал плечами Хенли. — А мы всего-то лишили их каких-то незначительных сведений.

— У нас не было иного выхода, — вставил Хилякс. — Начальная стадия любого общества часто отмечена необычными проблемами. К счастью, у нас эта стадия подходит к концу.

— Она завершится, когда Зверь даст потомство, — уточнил Свободолюбинг.

На минуту воцарилось благоговейное молчание.

— Видите ли, — продолжил Птоломей, — мы ставили своей целью партеногенез. Тогда его неуязвимое самооплодотворяющееся потомство быстро распространится по всей округе. Причем, в отличие от оригинального Зверя, оно уже не будет запрограммировано не покидать пределы Благождания. Напротив, каждый отпрыск найдет и станет терроризировать свой собственный район.

— Но другие люди окажутся беспомощны против них! — указал Джознис.

— Лишь самое первое время. Они непременно придут в Благождание за советом и узнают формулы для обуздания своего личного Зверя. Таким путем будут рождаться и распространяться по всей Земле общества будущего.

— Но мы не собираемся на этом останавливаться, — возбужденно подхватил Дальтон. — Зверь — это, конечно, очень хорошо. Однако ни он, ни его потомство не застрахованы от разрушительного гения человека. Поэтому мы добились дополнительных правительственных дотаций и работаем над созданием новых существ.

— Заполним небеса механическими вампирами! — с восторгом сказал Птоломей.

— Кошмарные зомби будут разгуливать по земле! — воскликнул Дальтон.

— Фантастические чудовища будут плавать в морях! — провозгласил Свободолюбинг.

— Человечество будет жить среди сказочных творений, о которых всегда мечтало, — сказал Хенли. — Гриффины и гигантские крысы, гиппогрифы и единороги и многие, многие другие. Суеверие и страх обойдут безразличие и скуку; и появится храбрость, чтобы сразиться с джинном. И будет счастье, когда единорог положит свою громадную голову на колени девственницы; и будет радость, когда гномы отблагодарят добродетельного человека мешком золота. Жадного сожрут кореофаги, а похотливому встретится Афродита Пенорожденная. Человек уже не будет одинок в мироздании, но будет жить в окружении созданий столь же чудесных, как и он сам. И жить будет по тем единственным правилам, которые приемлет его натура, — по правилам восторжествовавшего на Земле сверхъестественного!

Лица профессоров сияли блаженством. Увидев это, Джознис не стал спрашивать, хочет ли остальной мир, лежащий за пределами Благождания, этой Власти Сказочного, и не стоит ли с ним посоветоваться. Не стал Джознис высказывать и свое собственное мнение. А именно, что Власть Сказочного есть нечто иное, как множество человеческого созданных машин, призванных воплотить плоды человеческого воображения. Вместо того, чтобы быть божественными и непогрешимыми, машины окажутся уязвимыми, подверженными ошибкам и абсурдно губительными; конец их неизбежен, как только люди создадут другие машины для их уничтожения.

Но не только из уважения к чувствам коллег воздержался Джоэнис от этих слов. Он опасался, что такие преданные своему делу люди могут убить его за несогласие. Поэтому он хранил молчание и на всем обратном пути в Университет размышлял о сложности человеческого существования.

Так он пришел к выводу, что ему лучше оставить уединенную университетскую жизнь.

КАК ДЖОЭНИС ПОПАЛ НА ГОСУДАРСТВЕННУЮ СЛУЖБУ (глава, рассказанная Ма'аоа с Самоа)

Возможность покинуть Университет представилась Джоэнису лишь тогда, когда кампус посетил правительственный агент по найму кадров. Чиновника звали Заммот, и он носил титул помощника Министра по Надзору за Распределением Государственных Должностей. Это был невысокий человек, лет пятидесяти на вид, с коротко подстриженными седыми волосами и красным лицом, напоминавшим бульдожью морду. Он был воплощением динамичности и целеустремленности, чем взволновал Джоэниса до глубины души.

Помощник Министра Заммот произнес перед преподавателями короткую речь:

— Большинство из вас знают меня, поэтому я не стану тратить время на красивые слова. Я просто напомню вам, что правительству нужны талантливые, преданные люди для работы в различных службах и ведомствах. Мое дело — изыскать этих людей. Всех заинтересованных лиц милости прошу ко мне в корпус «Старый Скармут», в комнату 222, которой мне любезно разрешил воспользоваться декан Глупс.

Джоэнис отправился туда немедленно. Помощник Министра Заммот сердечно приветствовал его:

— Присаживайтесь, — сказал Заммот. — Курите? Пьете? Рад, что хоть кто-нибудь заглянул. Я уж думал, здесь все такие умники, в этом вашем Сент-Стивенс Вуде, что прямо у каждого есть свой собственный план спасения мира. И в то же время никому нет дела до государственных проблем.

Джоэнис удивился: оказывается, Заммот знал о Благожданском эксперименте.

— Мы держим уши остро, — сказал Заммот. — Поначалу им удалось обвести нас вокруг пальца, ведь мы думали, что Зверь — всего-навсего модель монстра для какого-нибудь фильма ужасов. Зато теперь мы знаем все и уже подключили парней из ФБР. На сегодняшний день Благожданская группа на две трети состоит из тайных агентов. Как только мы соберем достаточно компрометирующих материалов, то сразу же нанесем удар... Я так понимаю, что вы интересуетесь государственной службой?

— Интересуюсь. Меня зовут Джоэнис. Я...

— Знаю, все знаю, — перебил Заммот. Он отомкнул большой портфель и вынул записную книжку.

— Ну-ка, посмотрим, — сказал он, перелистывая страницы. — Джоэнис. Арестован в Сан-Франциско по подозрению в произнесении речи подрывного характера. Предстал перед Комиссией Конгресса, где ему было предъявлено обвинение в непочтительности и отказе от дачи свидетельских показаний, в особенности по вопросу связей с Арнольдом и Рональдом Блейками. После расследования приговорен Оракулом к десяти годам тюремного заключения условно. Провел короткое время в Доме «Холлис» для невменяемых преступников, после чего устроился на работу в данном Университете.

Заммот закрыл книжку и спросил:

— Все более или менее правильно?

— Более или менее, — сказал Джоэнис, чувствуя, что спорить или объяснять что-либо совершенно бесполезно. — Полагаю, это досье свидетельствует о моей полной непригодности к государственной службе.

Заммот от души расхохотался. Отсмеявшись и утерев слезы, он заявил:

— Джоэнис, по-моему, здешняя обстановка слегка размягчила вам мозги. В вашем досье нет ничего такого страшного. Подрывной характер вашей речи в Сан-Франциско никем не доказан, это лишь подозрение. Ваша непочтительность к Конгрессу говорит только об обостренном чувстве личной ответственности, — совсем как у наших величайших президентов. Ваш отказ свидетельствовать против Арнольда и Рональда Блейков, несмотря на угрозу, нависшую над вами лично, демонстрирует врожденную лояльность. Ваш отход от коммунизма очевиден; ФБР утверждает, что после того самого момента, когда вы в первый и в последний раз по заблуждению и наивности столкнулись с Блейками, вы решительно отвернулись от агентов мировой революции. Нет ничего постыдного и в том, что вы побывали в Холисском Доме для Невменяемых Преступников; если бы вы ознакомились со статистикой, то увидели бы, что большинство из нас рано или поздно начинает нуждаться в помощи психиатра. Наконец ваши связи с Благожданией тоже мало кого беспокоят. Идеализм не всегда можно направить в русло, которое устраивало бы правительство. И хотя мы намереваемся стереть коммуны в порошок, мы не можем не оценить тот возвышенный, хотя и неосуществимый в принципе замысел, который был заложен в основу. Мы, в правительстве, вовсе не лицемеры, Джоэнис. Мы знаем, что никто из нас не может быть совершенно чист и каждый человек, хоть в мелочи, а допустил что-то такое, что вряд ли может вызвать прилив гордости. Если оценивать происшедшее с этих позиций, то вы вообще ни в чем не замешаны.

Джоэнис поспешил выразить свою глубочайшую признатель-

ность по поводу добрых чувств, которые питает к нему правительство.

— Человека, которого вы действительно должны благодарить, зовут Шон Фейнштейн, — сказал Заммот. — Занимая пост Специального Помощника Президента, он-то и выдвинул эти соображения в вашу защиту. Мы тщательно изучили ваше дело и пришли к выводу, что вы как раз тот самый человек, который нам нужен в правительстве.

— Кто? Я? — спросил Джоэнис.

— Вне всякого сомнения. Мы, политики, мыслим реалистически. Мы отдаем себе отчет, что нас осаждают мириады проблем. Для того, чтобы решать эти проблемы, нам нужны самые дерзкие, непредубежденные, бесстрастные мыслители, каких только можно достать. Лишь лучшие из лучших могут нам помочь, и никакие побочные соображения нас не остановят. Ну как, идете на службу в правительство?

— Иду! — закричал Джоэнис, пылая энтузиазмом. — И я постараюсь быть достойным того доверия, которое вы и Шон Фейнштейн мне оказали.

— Я знал, что вы так ответите, Джоэнис, — сказал Заммот срывающимся голосом. — Все так говорят. От всего сердца благодарю вас. Подпишите здесь и здесь.

Заммот вручил Джоэнису стандартный формуляр правительственного контракта, и тот расписался. Помощник Министра сунул бумагу в портфель и горячо пожал Джоэнису руку.

— Считайте, что с этого момента вы начали отправлять обязанности в правительстве. Да благословит вас господь! Помните, что все мы целиком полагаемся на вас.

Заммот направился было к двери, но Джоэнис окликнул его:

— Стойте! В чем же заключаются мои обязанности и где именно я должен их отправлять?

— Вас известят, — сказал Заммот.

— Когда? И кто?

— Я только агент по найму кадров, — сказал Заммот. — Следить за тем, что происходит с людьми, которых я вербую, — это совершенно вне моей компетенции. Впрочем, не беспокойтесь. Приказ о вашем назначении придет неминуемо. А теперь прошу извинить меня — я спешу в Радклифф на очень важный разговор.

Помощник Министра Заммот удалился. Джоэнис был чрезвычайно взволнован открывающимися перед ним перспективами, хотя к утверждению, что правительство будет действовать без промедлений, он испытывал изрядную долю скепсиса.

Однако уже на следующее утро Джоэнис получил официальное письмо, присланное с курьером по особым поручениям. Ему было приказано прибыть за распоряжением в комнату № 432, Восточное крыло Портико-Билдинг, Вашингтон, округ Колумбия, и сделать это с предельной срочностью. Письмо собствен-

норучно подписал не кто иной как Джон Мадж, Специальный Помощник Начальника Управления по Координации Взаимодействий Родов Войск.

Джоэнис немедленно распростился со своими коллегами, бросил последний взгляд на зеленые лужайки и бетонные дорожки Университета и сел на первый же самолет в Вашингтон.

То был захватывающий момент в жизни Джоэниса: он прибыл в столицу. По улицам из розового мрамора он спустился к Портико-Билдинг, миновав по пути Белый Дом — очаг американской имперской власти. Слева остались обширные уголья Октагона, построенного на замену маленькому и тесному Пен-тагону. Еще дальше возвышались Здания Конгресса.

Эти здания особенно взволновали Джоэниса. По его представлениям, они воплощали в себе романтику истории. Перед глазами Джоэниса поплыли картины апофеоза Старого Вашингтона, бывшего столицей Эллинской Конфедерации вплоть до разрушительной Гражданской Войны. Он словно воочию увидел потрясшие мир дебаты между Периклом, представителем лобби резчиков по мрамору, и Фемистоклом, неистовым командиром подводной лодки. Он представил себе Клеона, который пришел сюда, покинув уютный домик в Аркадском Нью-Гемпшире, чтобы в нескольких скупых словах изложить свои мысли о ведении войны. Одно время здесь жил философ Алкивиад, представлявший в Конгрессе свой родной город Луизиану; по этим ступеням поднялся Ксенофонт, и все, стоя, устроили ему овацию за то, что он без потерь провел десять тысяч воинов от берегов Ялу до убежища в Пусане.

Воспоминания теснились, набегали одно за другим. Здесь Фукидид написал свой окончательный вариант истории трагической Войны Между Штатами. Гиппократ — начальник Медицинской Службы — победил здесь желтую лихорадку и, верный клятве, которую сам же и придумал, никогда об этом потом не распространялся. Наконец, Ликург и Солон, первые судьи Верховного Суда, затеяли здесь свою знаменитую дискуссию о природе правосудия.

Все эти знаменитости словно толпились вокруг Джоэниса, когда он шествовал по широким вашингтонским бульварам. И, перебирая их в памяти, Джоэнис преисполнился решимости сделать все возможное, дабы доказать, что он достоин своих предков.

Пребывая в столь восторженном состоянии духа, Джоэнис и вошел в комнату № 432, расположенную в Восточном крыле Портико-Билдинг. Специальный Помощник Мадж принял его радушно и без малейших отлагательств. Несмотря на колоссальную загруженность, Мадж был сердечен, любезен и, казалось, никуда не спешил. Джоэнис сразу понял, что в Управлении по

Координации Взаимодействий Мадж единолично ведал всеми вопросами политики, поскольку его начальник дни и ночи трудился над составлением бесполезных прошений о переводе в армию.

— Ну, Джознис, — сказал Мадж, — вас определили к нам, и мы этому очень рады. Думается, мне лучше сразу объяснить вам, чем занимается наше правление. Мы функционируем, как межведомственное агентство, которое призвано устранять дублирование усилий, предпринимаемых полуавтономными военными соединениями под началом военных властей. Помимо этого, мы выступаем также как разведывательное и информационное агентство, обеспечивающее оперативными данными программы обслуживания всех родов войск, и как государственная организация, занимающаяся планированием во всех областях ведения боевых действий, а также психологической и экономической войны.

— Что-то многовато всего, — сказал Джознис.

— Это еще далеко не все! — воскликнул Мадж. — И тем не менее, наша работа абсолютно необходима. Возьмем, например, нашу основную задачу координации взаимодействия родов войск. Не далее как в прошлом году, еще до того, как было создано это управление, части нашей армии вели трехдневные бои в непролазных джунглях северного Таиланда. Вообразите их огорчение, когда дым рассеялся, и они обнаружили, что все это время вели наступление против хорошо окопавшегося батальона морской пехоты США! Вообразите, как это повлияло на моральный дух войск! При том, что наши военные обязательства такой тонкой паутиной опутали весь земной шар и так замысловато переплелись, мы должны быть постоянно начеку, чтобы подобные инциденты не повторялись.

Джознис утвердительно кивнул. Мадж пустился рассуждать о необходимости выполнения агентством его прочих обязанностей.

— Возьмите, к примеру, разведку, — сказал Мадж. — Когда-то она была исключительно в ведении Центрального Разведывательного Управления. Но сейчас ЦРУ категорически отказывается рассекречивать свою информацию и вместо этого запрашивает все более крупные контингенты войск для самостоятельного решения задач, с которыми оно сталкивается.

— Прискорбно, — заметил Джознис.

— И, конечно, то же самое еще в большей степени относится к разведке сухопутных войск, военно-морской разведке, разведывательной службе ВВС, разведке морской пехоты, разведке военно-космических сил и всем прочим. Конечно, никто не ставит под сомнение патриотизм людей, несущих службу в этих родах войск; однако, каждый из них, получив средства ведения самостоятельных боевых действий, видит в командовании своего собственного рода войск единственную и последнюю инстанцию, которая способна оценивать опасность и доводить конфликт до

победного конца. Разумеется, при таком положении дел любая информация о противнике приобретает противоречивый и подозрительный характер. А это, в свою очередь, парализует правительство, ибо оно не располагает достоверной информацией, на которой можно было бы строить проведение политической линии.

— Я и понятия не имел, что проблема настолько трудна, — сказал Джоэнис.

— Трудна и неразрешима, — ответил Мадж. — По моему разумению, порок коренится в размерах правительственных организаций, штаты которых раздуты самым беспрецедентным образом. Один мой ученый друг как-то сообщил мне, что организм, который перерос свои естественные пределы, имеет тенденцию распадаться на составные части, чтобы со временем снова вступить в стадию роста. Мы разрослись сверх всякой меры, и процесс дробления уже начался. Тем не менее, наш рост был продиктован духом эпохи, поэтому мы не имеем права допустить какого бы то ни было распада. Холодная война все еще продолжается, и мы обязаны латать, штопать, чинить и держать наши войска хотя бы в условных рамках порядка и взаимодействия. Мы, в Управлении Координации, обязаны узнавать правду о противнике, передавать ее на рассмотрение правительству в виде разработанной политической линии и заставлять рода войск действовать в соответствии с этой линией. Мы должны сохранить себя для будущих времен, когда внешняя угроза благополучно канет в прошлое, и тогда, надо надеяться, мы сократим размеры нашей бюрократической системы прежде, чем силы хаоса сделают эту работу за нас.

— По-моему, я вас понимаю, — сказал Джоэнис. — И полностью разделяю ваше мнение.

— Я так и знал, — ответил Мадж. — Я знал это с того самого момента, как прочитал ваше досье и распорядился, чтобы вас назначили сюда. Я сказал себе: этот человек, очевидно, прирожденный координатор. И, несмотря на многочисленные трудности, я добился, чтобы вас допустили к государственной службе.

— А я думал, что это работа Шона Фейнштейна, — сказал Джоэнис.

Мадж улыбнулся.

— Шон — чисто номинальная фигура. Он только подписывает бумаги, которые мы ему подсовываем. Он, конечно, отъявленный, первостатейный патриот и потому добровольно вызвался играть секретную, но очень важную роль правительственного козла отпущения. Прикрываясь именем Шона, мы проворачиваем все двусмысленные, непопулярные или подозрительные делишки. Когда они заканчиваются благополучно, все заслуги приписываются Начальству. Когда же дело оборачивается плохой стороной, всю вину берет на себя Шон. Таким образом, репутации Начальства ничего не грозит.

— Шону, должно быть, приходится несладко, — заметил Джоэнис.

— Конечно. Но если бы он не испытывал трудностей, может быть, он не знал бы, что такое счастье. Так утверждает один из моих друзей психологов. А другой мой знакомый психолог — человек более мистического склада ума — считает, что Шон Фейнштейн выполняет необходимой историческую функцию: ему предназначено быть первичным двигателем людей и событий. Такие решительные личности находились во все исторические периоды, они — жизненная сила, оплодотворяющая ниву просвещения. И именно по этим причинам Шон встречается ненависть и поношения со стороны народных масс, которым он служит. Впрочем, где бы ни коренилась истина, я считаю, что Шон — фигура крайне полезная.

— Я хотел бы повидать его и пожать ему руку, — сказал Джоэнис.

— Как раз сейчас это невозможно, — сказал Мадж. — В настоящее время Шон отбывает срок одиночного заключения, сидя на хлебе и воде. Его признали виновным в краже 24 атомных гаубиц и 187 атомных гранат из наших армейских arsenалов.

— Он действительно украл все это? — спросил Джоэнис.

— Да, но по нашей просьбе. Мы вооружили ими одно из подразделений войск связи, после чего парни одержали победу в битве за Розовое ущелье в юго-восточной Боливии. Должен добавить, что войска связи давно уже требовали удовлетворить их заявку на вооружение, — но тщетно.

— Мне очень жаль Шона, — сказал Джоэнис. — Какой же ему вынесен приговор?

— Смертная казнь, — ответил Мадж. — Но его помилуют. Его всегда прощают. Шон слишком важная фигура, чтобы ему отказывать в помиловании.

Мадж некоторое время смотрел в сторону, затем снова повернулся к Джоэнису.

— Ваше конкретное задание представляет собой поручение величайшей важности. Мы посылаем вас в поездку по России с целью анализа и инспекции. Разумеется, в прошлом предпринималось много таких поездок. Но... — либо брало верх предвзятое мнение одной из разведок, и в этом случае поездка теряла смысл, либо отправным пунктом служила все-таки точка зрения Управления Координации, но тогда все данные получали гриф «совершенно секретно» и непрочитанными укладывались в досье в Комнате Высшей Секретности, что расположена под Форт-Ноксом. Но в вашем случае все будет иначе. Шеф лично заверил меня, а я заверяю вас, что отчет, который составите вы, такая судьба не постигнет. Его прочитают, и на его основании начнут действовать. А теперь, Джоэнис, вы пройдете полную проверку на благонадежность, затем инструктаж, после чего получите последние распоряжения.

Мадж отвел Джоэниса в Службу Безопасности, где полковник, руководитель группы френологии, ошупал его голову на предмет подозрительных шишек. Потом Джоэнис прошел сквозь строй государственных астрологов, гадателей на картах, гадателей на спитом чае, физиогномистов, психологов, казуистов и компьютеров. В конце процедуры он был признан лояльным, почтительным гражданином, в здравом уме, заслуживающим доверия и, в главном, счастливчиком. На основании этого ему выдали Пропуск на Вход с Чемоданом и допустили к чтению секретных документов.

У нас имеется только частичный список материалов, которые Джоэнис прочитал в серой Секретной Комнате. Там за его спиной постоянно стояли два вооруженных охранника с завязанными глазами — необходимая мера, чтобы они не бросили нечаянный взгляд на драгоценные документы. Но мы точно знаем, что Джоэнис прочитал:

«Ялтинский Меморандум», который рассказывал об исторической встрече президента Рузвельта, царя Николая II и императора Мина. Джоэнис выяснил, каким именно образом важные решения, принятые в Ялте, повлияли на современную политику, и узнал о яростном противодействии этим решениям, которые нашли огласку в речах Дона Черт-Училиля, Верховного Главнокомандующего Военно-Морскими Силами.

Затем он прочитал: «Как я был невестой военного времени» — сокрушительное публичное разоблачение противоестественной практики, укоренившейся в Вооруженных Силах.

Также он прочитал следующее:

«Сиротка Энни встречается с человеком-волком» — детальное руководство по шпионажу, написанное одной из самых опытных шпионок всех времен.

«Тарзан и Черный Город» — потрясающий доклад о действиях партизан в Восточной Африке.

«Песни» (автор неизвестен) — шифрованный, полный загадок отчет о денежной и расовой теориях противника.

«Бак Роджерс вступает в Мунго»¹ — документальный отчет о героизме парней из военно-космических сил, с иллюстрациями.

«Основные принципы» Спенсера, «Апокрифы» (автор неизвестен), «Республика» Платона и «Малеус Малифакарум» — труд, написанный в соавторстве Торквемадой, епископом Беркли и Маркузом. Эти четыре сочинения были душой и острием

¹ Бак Роджерс — популярный герой американских фантастико-приключенческих комиксов 20-х годов.

коммунистической доктрины, и мы уверены, что Джоэнис прочитал их с великой пользой для себя.

И, конечно, он прочитал «Плейбоя Западного Мира» — сочинение Иммануила Канта, которое решительно опровергало вышеупомянутые труды коммунистических авторов.

Все эти документы для нас утеряны — по причине того огорчительного обстоятельства, что они были напечатаны на бумаге, а не выучены наизусть. Многое мы бы дали за то, чтобы уяснить суть этих произведений, в которых, как в тиглях, выкристаллизовалась блистательная и сумасбродная политика того времени. И нам не остается ничего другого, как задаться вопросом: читал ли Джоэнис те немногие классические произведения, которые дошли до наших дней? Внимательно ли он рассматривал бередящую душу скульптуру «Бутсы», отлитую в бронзе? Читал ли он «Наставления для деловых людей, владеющих недвижимостью» — полную изумительной фантазии книгу, которая — практически в одиночку — сформировала нрав XX века? Встречался ли Джоэнис со своим современником — почтенным Робинзоном Крузо, величайшим из поэтов двадцатого столетия? Беседовал ли он с кем-нибудь из представителей знатного швейцарского рода Робинсонов, скульптурные портреты которых можно видеть во многих наших музеях?

Увы, Джоэнис никогда не распространялся на темы культуры. Зато его рассказы фокусировали на вопросах куда более важных для того тревожного века.

И было так, что Джоэнис, проведя за чтением три дня и три ночи, встал и покинул Секретную Комнату и ее стражей с завязанными глазами. И был он теперь сполна осведомлен о состоянии дел в стране и в мире за ее пределами. С радостной надеждой и ужасным предчувствием вскрыл он конверт с приказом.

Приказ предписывал Джоэнису прибыть за распоряжениями в Октагон, в комнату 18891, этаж 12, уровень 6, крыло 63, подсекция АДЖБ-2. К приказу был приложен план здания, чтобы Джоэнис не заблуждался на трудном пути внутри колоссального строения. А дальше... — дальше все просто: когда Джоэнис доберется до комнаты 18891, высокопоставленный октагонский чиновник, известный только под инициалом — мистер М., даст ему последние наставления и организует его отлет в Россию на специальном реактивном самолете.

Сердце Джоэниса переполнилось радостью, когда он прочитал приказ: наконец-то ему выпал шанс принять участие в великих делах. Он помчался в Октагон, чтобы получить последние инструкции. Однако задача, стоявшая перед Джоэнисом, была не из тех, что решаются с налету и в лоб.

ПРИКЛЮЧЕНИЯ В ОКТАГОНЕ («Приключения в Октагоне» и четыре рассказа, включенные в главу, записаны со слов Маубинги с Таити) —

Сгорая от нетерпения, Джоэнис вбежал в Октагон. Некоторое время он стоял озираясь — никогда раньше он даже в мыслях не допускал, что на свете может существовать столь грандиозное здание. Наконец, придя в себя, он пошел по огромным залам и коридорам, вверх по лестницам, вниз по лестницам, по обходным галереям, по вестибюлям и холлам, и снова по коридорам.

К тому времени как первая волна энтузиазма спала, Джоэнис смог разобраться, что его план безнадежно неточен, поскольку различные указания на нем не носили даже следов привязки к тому, что он видел вокруг. Казалось, что это план, в сущности, совершенно другого здания. Джоэнис был теперь в самом центре Октагона. Он понятия не имел, что ждет его впереди, и сильно сомневался в своей способности вернуться назад тем путем, по которому уже прошел. Поэтому Джоэнис засунул план в карман и решил спросить совета у первого встречного.

Вскоре он нагнал мужчину, шедшего по коридору. Мужчина был одет в форму полковника Картографической Службы и производил впечатление человека доброжелательного и исполненного достоинства.

Джоэнис остановил полковника, объяснив, что он заблудился, и что его план, похоже, никуда не годится.

Полковник взглянул на план Джоэниса и заявил:

— О, что вы, он в полном порядке. Это план Октагона из серии А443-321Б, которую моя служба пустила в обращение только на прошлой неделе.

— Но в нем невозможно разобраться, — сказал Джоэнис.

— Совершенно верно, черт побери! — гордо отвечивал полковник. — Вы представляете себе, какое значение имеет это здание? Знаете ли вы, что здесь размещаются все высшие государственные организации, включая самые секретные?

— Я знаю, что это чрезвычайно важное здание, — сказал Джоэнис, — но...

— Тогда вы можете оценить и то положение, в котором мы окажемся, если враг разберется в структуре здания и размещении его кабинетов, — продолжил полковник. — В наши коридоры просочатся шпионы. Переодетые в солдат и конгрессменов, они получат доступ к важнейшей информации. И тогда нам конец, дорогой сэр. Однако план, который вы держите в руках и который собьет с толку любого шпиона, — это одна из важнейших гарантий сохранности наших секретов.

— Так оно и есть, — вежливо согласился Джоэнис.

Полковник картографии любовно погладил лист бумаги с изображением плана и сказал:

— Вы даже не представляете себе, насколько трудно составить такой план.

— Да что вы?! — изумился Джознис. — Я-то как раз думал, что это очень просто: достаточно нарисовать план воображаемой территории.

— Непрофессионалы всегда так думают. Только наш брат картограф — или шпион! — способен должным образом оценить наши проблемы. Создать план, который ничего не раскрывает и в то же время производит впечатление подлинного, который даже у эксперта вызывает ощущение правдоподобия, — это, дружище, требует высочайшего искусства!

— Не сомневаюсь, — сказал Джознис. — Но зачем вам вообще понадобилось создавать фальшивый план?

— В целях безопасности, — ответил полковник. — Но чтобы понять это, вы должны уразуметь, в каком направлении развивается мысль шпиона, когда он получает подобный план. Тогда вам станет ясно, что наш план с точностью бьет в самое слабое место шпиона и обрекает его на неудачу в большей степени, чем если бы у него вообще не было плана. А чтобы понять все это вместе взятое, вы должны постичь склад ума шпиона.

Джознис признался, что объяснение окончательно завело его в тупик. Но полковник заявил, что суть проблемы — всего лишь в постижении сущности шпиона. А дабы проиллюстрировать эту сущность, он тут же рассказал Джознису притчу о шпионе.

ПРИТЧА О ШПИОНЕ

Шпион (начал полковник) успешно преодолел все первоначальные препятствия и проник глубоко внутрь здания. Теперь он пытается воспользоваться планом и сразу же обнаруживает, что на нем не отражено то, что он ищет. Но шпион также отмечает, что план прекрасно выполнен и отпечатан на дорогостоящей гербовой бумаге; на нем стоят правительственный серийный номер, печать и подпись, скрепляющие этот документ. По всем признакам, перед шпионом — четкий, понятный план, поистине высшее достижение картографического мастерства. Неужели шпион выкинет его вон и примется вычерчивать путаные хитросплетения коридоров в измятом карманном блокнотике, пользуясь единственно шариковой ручкой, которая к тому же плохо пишет? Ну конечно же нет! Хотя в этом направлении, может быть, и лежит конечный успех, все-таки наш шпион — в первую очередь человек. Осознавая свои скромные возможности; он не собирается меряться силами со специалистами, противопоставляя их знаниям свою зрительную память, умение рисовать, способность к абстрагированию и обобщению. Было бы в высшей степени дерзким и самонадеянным, если бы он выкинул свой великолепный план и последовал дальше, не полагаясь более ни на что другое, кроме как на собственные ощущения. Если бы у

него были все необходимые данные для этого, то шпион, для начала, никогда бы не стал шпионом. Он стал бы крупным руководителем, или, может быть, великим художником, а то и знаменитым ученым. Но он не то, и не другое, и не третье. Он шпион, то есть человек, который предпочитает выведывать о разных вещах, нежели создавать их, и стремится выуживать, какими знаниями обладают другие люди, вместо того чтобы разобраться, на что способен он сам. Лишь по необходимости он признает существование объективных истин, внешних по отношению к нему, поскольку ни один настоящий шпион не поверит, что вся его жизнь ушла на выявление никому не нужных пустяковых фальшивок.

Все это очень важные обстоятельства, коль скоро мы вникаем в характер шпиона, и особенно в характер такого шпиона, который выкрал план, являющийся государственной тайной, и глубоко проник в закрытое охраняемое здание.

Я думаю, мы можем смело назвать этого шпиона и первоклассным, и превосходным агентом, исполненным самоотверженности, хитроумия и настойчивости. Эти качества помогли ему миновать все опасности и занять выгодную тактическую позицию. Но эти же самые качества, с другой стороны, накладывают отпечаток на строй его мыслей, побуждая шпиона к одним действиям и налагая запрет на другие. Таким образом, мы должны ясно представлять себе: чем лучше шпион зарекомендовал себя в деле, чем он коварнее, самоотверженнее, терпеливее, чем больше у него опыт, тем менее он способен презреть эти достоинства, выкинуть карту, взять в руки карандаш и чистую бумагу и нацарапать все, что он видит вокруг. Может быть, идея отказа от серийного плана с правительственной печатью кажется вам простой; но для шпиона эта концепция неприятна, чужда, отвратительна и абсолютно несовместима с его складом души.

Взамен шпион начинает разглядывать план под шпионским углом зрения — он вообще считает этот угол единственно возможным ракурсом зрения, однако мы-то знаем, что это просто способ увильнуть от противоречия, которое жизнь обнажила со всей очевидностью, но против которого восстают инстинкт и разум.

Вот перед шпионом подлинный, казенного образца, план здания. А вот там виднеются различные коридоры и дверные проемы. Шпион смотрит на план и видит документ, по всем признакам похожий на прочие неподдельные и ценные документы, которые он всегда крал с риском для жизни. И он спрашивает себя: «Может ли этот план быть фальшивкой? Я знаю, что его выпустило правительство, и я помню, что выкрал его у большого чиновника, который явно дорожил планом и считал ценным документом. Вправе ли я игнорировать этот план только потому, что он вроде никак не привязан к ориентирам, которые я вижу вокруг?»

Шпион обдумывает этот вопрос и наконец упирается в ключевое словечко «вроде». План только *вроде* никак не привязан! Внешний вид на какое-то время заслонил от него суть. Свидетельские показания его собственных чувств едва не сбили шпиона с толку. Создателям карты почти удалось обвести его вокруг пальца — *его*, мастера трюков и камуфляжа, человека, который жизнь свою положил на то, чтобы выведывать их тайны. Теперь-то уж, конечно, все можно объяснить.

Шпион говорит: «Они пытались одурачить меня с помощью моих же собственных трюков! Работа, конечно, топорная, но, по крайней мере, они начали мыслить в верном направлении».

Под этим шпион подразумевает, что «они» начали мыслить теми же категориями, какими мыслит он сам, и, таким образом, они собственными руками помогают тому, что их секреты становятся более понятными для шпиона. Это его радует. Плохое настроение, вызванное несоответствием между планом и зданием, исчезает, словно его и не было. Шпион весел, энергичен, готов к любым трудностям и в состоянии биться над проблемой до ее полного и окончательного разрешения.

«А ну-ка, разберемся в фактах и в том, что за ними кроется, — говорит шпион. — Прежде всего, я уверен, что этот план — очень важный документ. Все, что я знаю о нем, и весь мой предыдущий опыт подводят меня к этому умозаключению. Я также знаю, что этот план *вроде* не соответствует зданию, структуру которого он должен отражать. Совершенно очевидно, что между планом и зданием существует какая-то взаимосвязь. Что же это за взаимосвязь и что же именно кроется за этим планом?»

Шпион размышляет какое-то время, а потом говорит: «Двойной смысл плана указывает на то, что здесь должен быть какой-то шифр, какая-то мистификация, которую некий хитрый и опытный умелец вплет в ткань плана. И люди, для которых этот план предназначен, знают о шифре, а я до сих пор не имел о нем ни малейшего понятия».

Шпион встает, потягиваясь, в полный рост и добавляет: «Между прочим, я всю жизнь разгадывал шифры. В сущности, ничто меня так не занимает, как разгадывание шифров. Можно сказать даже, что я самой судьбой предназначен для разгадывания шифров, и судьба специально сговорила с его величеством случаем, чтобы я попал именно сюда, именно теперь, именно с этим роковым зашифрованным документом в руках».

Наш шпион чувствует себя на седьмом небе. Но затем он спрашивает себя: «Не слишком ли я ортодоксален, настаивая — в самом только начале расследования — на том, что этот документ — действительно зашифрованный план, а не что-либо иное? Опыт преподавал мне болезненный урок: человеческая мысль порой движется окружными путями. Я сам — живое доказательство этому, ибо хитроумные пути мыслей и поступков привели

меня в самый стан моих врагов, где я пребываю неопознанным и разгадываю многие их секреты. Помня об этом, разве смогу я назвать себя справедливым по отношению к ним, если не признаю со своими противниками права на подобную же хитрость?»

«Хорошо, — говорит шпион, — пусть даже разум и инстинкт подсказывают мне, что этот план — подлинный во всех отношениях и вводит меня в заблуждение лишь постольку, поскольку у меня нет ключа к шифру, — все равно должен допустить возможность, что он фальшив только частично, а значит — подлинность его тоже частичная. В пользу этого допущения есть немало весомых доводов. Предположим, что подлинная часть плана — это единственная часть, необходимая чиновнику, у которого я его выкрал. Тогда он, обладая изначальным знанием, которого у меня нет, будет руководствоваться только той частью, которая соответствует реальному положению вещей и имеет прямое отношение к его работе. Поскольку он всего-навсего туповатый государственный служащий, которого меньше всего на свете интересует планы и шифры, то он, чтобы добраться до своего кабинета, будет попросту руководствоваться истинной частью плана и начисто проигнорирует фальшивую часть. Весь план целиком, в котором фальшивый участок столь хитроумно состыкован с истинным, не волнует его ни в малой степени. А почему он должен его волновать? К истинности или фальшивости плана чиновник проявит не больше интереса, чем я — к деталям его мелочной работы. Как и у меня, у него просто нет времени, чтобы беспокоиться о сложных проблемах, которые не имеют к нему никакого отношения. Он может пользоваться планом, не совершая насилия над своими чувствами».

Шпиону забавно и одновременно грустно, когда он думает об этом человеке, который руководствуется планом, но не испытывает к нему интереса. До чего же темный народ! Как странно, что чиновник запросто пользуется планом, но ему и в голову не приходит задаться вопросом о его сокровенном смысле. Между тем как шпион точно знает: для него нет вещи важнее, чем полное понимание плана и всего того, что он олицетворяет. Из этого понимания вытекают решения всех прочих проблем, а главным образом — доступ к секретам всего этого здания. Это настолько очевидно для шпиона, что он не в состоянии постичь, как это чиновник может не проявлять интереса к плану. Собственный интерес шпиона кажется ему настолько естественным, настолько необходимым, настолько всеобъемлющим, что он почти готов уже поверить, будто чиновник — и не человек вовсе, а представитель какого-то иного вида существ.

«Но нет, — говорит себе шпион, — чувства чувствами, однако на самом деле разница между чиновником и мной, вероятно, определена наследственностью, или влиянием окружающей среды, или еще чем-нибудь в этом духе. Но сие не долж-

но смущать меня. Я всегда знал, насколько странен и непостижим человек. Даже шпионы — самые понятные люди в мире — пользуются различными методами и стоят на различных позициях. Да, мы живем в странном мире, и я знаю о нем еще очень мало. Что я понимаю в истории, психологии, музыке, искусстве и даже в литературе? О, я, конечно, мог бы толково поддержать разговор на эти темы, но в глубине души я знаю, что абсолютно не разбираюсь в них».

Шпион глубоко несчастен. Эти мысли погружают его в море отчаяния. Но затем ему в голову приходит следующее спасительное соображение:

«К счастью, *есть* одна вещь, в которой я разбираюсь досконально, — говорит он себе. — Это шпионаж. Ни один человек не может объять необъятного, но я объял очень многое и стал настоящим знатоком своего дела. И в этих специальных познаниях лежит моя надежда и мое спасение. В этой узости специалиста открывается моя истинная глубина, в ней — мой критерий, с которым я подхожу к миру. В конце концов, я знаю очень многое об истории и психологии шпионажа, и я перечитал почти всю литературу о шпионаже. Я любовался знаменитыми портретами шпионов и часто слушал популярные оперы про шпионов. Таким образом, глубина моих знаний дарует мне необходимую широту. Глубокие познания только в одной области — в шпионаже — обеспечивают мне твердую почву под ногами. Я могу стоять на этой почве и взирать на все окружающее с определенной перспективой».

«Конечно, — напоминает себе шпион, — я не имею права заблуждаться на сей счет, полагая, что все на свете можно свести к шпионажу и шпионским приемам. Даже если так оно и есть по большому счету, все равно это упрощенческий подход к проблеме, которого интеллигентный человек должен избегать. Нет, шпионаж — это еще не все! Но это ключ ко всему на свете!»

Утвердившись в этой мысли, шпион продолжает:

«Итак, не все на свете сводится к шпионажу. Но, к счастью для меня, предмет этого плана имеет к шпионажу самое прямое отношение. Планы, карты, схемы — суть шпионажа, и когда я держу в руке план и знаю, что он выпущен правительством, — значит, я имею дело с проблемой, точно попадающей в пределы моей компетенции. Зашифрованный план представляет для шпиона совершенно особый интерес, равно как и план, который наполовину фальшив. Даже полностью фальшивый план обязательно входит в сферу интересов шпиона».

Теперь шпион готов приступить к анализу плана. Он говорит себе: «Существует три возможности. Первая: план подлинный, но он зашифрован. В этом случае я должен расшифровать его, используя все мое терпение и мастерство.

Вторая: план только частично подлинный, и эта часть тоже зашифрована. В этом случае я должен сначала определить, какая

часть истинная, а затем расшифровать ее. Для человека, совершенно не знакомого с нашей работой, эта задача может показаться по-настоящему трудной, но для специалиста это всего лишь одно из тех препятствий, которые преодолеваются без труда. Как только я расшифрую крошечный кусочек истинной части плана, — сразу же откроется смысл и всего остального. Конечно, остается еще фальшивая часть, и кто другой запросто выкинул бы ее вон. Но только не я. Я поступлю с фальшивой частью точно так же, как поступил бы со всем планом, если бы он был фальшив целиком. А это уже возможность номер три.

Итак, третья возможность: весь план целиком фальшив. В таком случае я должен выяснить, какую информацию можно извлечь из этой фальшивости. Идея, будто правительство сознательно выпускает фальшивые планы, абсурдна до предела, и тем не менее давайте допустим, что так оно и есть. Или нет, давайте лучше предположим, что картографы *вознамерились* создать фальшивый план. В этом случае я должен буду задаться вопросом: а как вообще рисуют фальшивые планы?

Понятно, что это нелегкое дело. Раз картограф работает в этом здании, ходит вдоль и поперек по коридорам, заглядывает в кабинеты, — значит, он знает здание как никто другой. Но вот от него требуют нарисовать фальшивый план, — сможет ли он справиться с заданием и не изобразить при этом — совершенно непредумышленно — какую-нибудь истинную часть здания?

Нет, никак не сможет. Знание реального положения дел, от которого ему никуда не деться, заведет его поиск абсолютной фальшивости в глухой тупик. И какой бы участок подлинного плана этот картограф не изобразил по случайности, я безошибочно отыщу этот кусочек истины.

Но давайте предположим, что большое начальство тоже отдает себе отчет в ситуации и тщательно изучило проблему фальсификации планов. Давайте предположим — этого требуют правила игры, — что оно куда более прозорливо, чем нам кажется. Начальство прекрасно понимает: чтобы план отвечал поставленной задаче, его должен рисовать опытный картограф, который сообразует чертеж со всеми правилами изображения зданий на планах; в то же время план должен быть фальшивым и ни в одной своей части не совпадать с реальным куском здания даже случайно.

И вот представим себе: для того, чтобы решить эту задачу, большое начальство отыскивает гражданского картографа. Его приводят сюда с завязанными глазами, сажают в тщательно охраняемом кабинете и приказывают нарисовать план воображаемого здания. Так он и поступает, однако проблема *нечаянной подлинности* по-прежнему остается на повестке дня. Потому что проверять этот план садится правительственный картограф, который *знает истину*. Проверив все досконально, этот картограф (а кроме картографа никто не правомочен здесь играть роль

арбитра) заявляет, что план выполнен блистательно и фальшив на все сто процентов.

Однако, и в этом крайнем случае план — не более чем шифр! Он нарисован опытным гражданским картографом и, таким образом, отвечает всем основным принципам, по которым строится картографическая работа. Это план здания, и он полностью отвечает правилам начертания планов зданий. Его признали фальшивым, но его признал таковым официальный картограф, *который знает правду*, и который смог войти во все детали плана по той лишь причине, что знает все детали реального здания. Иначе говоря, так называемый фальшивый план — это просто-напросто что-то вроде перевернутого или искаженного отражения истины, известной официальному картографу. Как раз его суждение о блистательности плана и служит основой для взаимосвязи между реальным зданием и фальшивым планом, ибо только этот картограф знает, где правда, а где ложь, и выносит вердикт об их полном несовпадении. Таким образом, его суждение — это суждение посредника между фальшью и истиной, и оно в полной мере обнажает подлинную суть фальшивого плана: это логическое искажение, скрывающее за собой истину, а раз так — его можно назвать шифровкой!

Это рассуждение завершает предпринятый шпионом анализ трех возможностей, скрытых в плане, и все они теперь сводятся к единому выводу: план подлинный, но зашифрованный.

Ошеломленный открытием, шпион шепчет: «Они считают, что меня можно обвести вокруг пальца, но в моей родной стихии это просто немыслимо. Я всю жизнь провел в поисках истины, меня всю жизнь окружают ложь и обман, но я всегда твердо стою на почве реальности. Я лучше, чем кто бы то ни было другой, знаю: такой штуки, как фальшь, не существует вовсе. Все на свете — либо истина, либо шифр. Если это истина, я руководствуюсь ею. Если это шифр, я разгадываю его. В конечном счете, шифр — это просто замаскированная истина!»

Вот он — момент наивысшего шпионского счастья. Шпион преодолел невероятные трудности, у него хватило мужества взглянуть в лицо самым ужасным возможностям. И награда за это — перед ним. Потому что только теперь — с великим напряжением вглядываясь в план, бережно и любовно держа это совершенное творение в руках — шпион принимается за работу, которая представляется ему кульминацией всей его жизни, но даже вечности не хватит, чтобы завершить ее. Он приступает к дешифровке фальшивого плана.

ПОЯСНЕНИЯ КАРТОГРАФА

Полковник закончил свой рассказ, и некоторое время они стояли в полном молчании. Наконец, Джоэнис вымолвил:

— Ничего не могу с собой поделать: мне очень жалко этого шпиона.

— Грустная история, — согласился полковник. — Но, в сущности, все человеческие истории очень грустные.

— Если шпиона поймают, какое наказание его ждет?

— Он уже сам придумал себе наказание, — ответил полковник. — Оно заключается в дешифровке плана.

Худшую участь Джоэнис и вообразить не мог.

— И часто вы вылавливаете шпионов в Октагоне?

— До настоящего времени ни один шпион не смог совладать с нашими наружными мерами безопасности и проникнуть внутрь здания.

Должно быть, полковник уловил тень разочарования на лице Джоэниса, потому что быстро добавил:

— Разумеется, этот факт ни в коем случае не обесценивает мой рассказ. Если шпион попадет сюда вопреки нашим мерам безопасности, он будет вести себя в точности так, как я вам рассказал. И поверьте, шпионы еженедельно попадают в сети наружной охраны.

— Я не заметил вообще никакой охраны, — сказал Джоэнис.

— Конечно, не заметили. С одной стороны, вы — не шпион. С другой стороны, служба безопасности хорошо знает свое дело и не обнаруживает своего присутствия. Она действует только по необходимости. Но, предвидя, что в будущем появятся более коварные шпионы, мы в Картографии заготовили фальшивые планы.

Джоэнис кивнул. Теперь ему не терпелось заняться собственными делами, но он не очень-то понимал, куда направить стопы. Решив действовать окольным путем, он спросил полковника:

— Вы убеждены, что я не шпион?

— Любой человек в каком-то смысле шпион, — сказал полковник. — Но поскольку вы вкладываете в это слово конкретный смысл, отвечу: да, я убежден, что вы не шпион.

— Тогда докладываю вам, что я нахожусь здесь в соответствии с особыми инструкциями и обязан явиться в определенный кабинет.

— Могу я взглянуть на ваши инструкции?

Джоэнис передал бумаги. Полковник изучил документы и вернул их.

— На вид — в полном порядке, — сказал он. — Вам следует немедленно явиться в указанный кабинет.

— Тут-то и зарыта собака, — сказал Джоэнис. — По правде говоря, я заблудился. Я пытался воспользоваться одним из ваших блистательных фальшивых планов и, вполне естественно, так никуда и не пришел. Поскольку вы теперь знаете, что я не шпион, и видите, что я по служебному вопросу, я был бы в высшей степени признателен, если бы вы оказали мне посильную помощь.

Джоэнис сформулировал свою просьбу в осторожных и окольных выражениях, полагая, что это более соответствует

строю мыслей полковника. Но полковник отвел глаза, причем его величавое лицо выражало сильнейшее замешательство.

— Сильно опасаясь, что не смогу вам помочь, — сказал полковник. — Я не имею ни малейшего понятия, где расположен тот самый кабинет, и даже не могу посоветовать, в каком направлении вам надлежит двигаться.

— Не может быть! — вскричал Джоэнис. — Ведь вы картограф! Вы официальный представитель картографической службы в этом здании. И хотя вы чертите, в основном, фальшивые планы, я уверен, что вы создаете и подлинные, поскольку это заложено в самой природе вашей профессии.

— Все, что вы говорите, совершенно правильно, — сказал полковник. — Особенно эта последняя фраза о природе профессии. Труд картографа заключается в том, чтобы чертить карты и планы с высочайшей точностью. Чертить карты столь четкие и наглядные, что в них разберется и самый тупица из тупиц. Однако в силу высшей необходимости моя работа обрела извращенный характер, я потерял контроль над ситуацией и поэтому должен проводить большую часть времени за изготовлением фальшивых планов, которые лишь *кажутся* настоящими. Но, как вы правильно угадали, ничто не может удержать истинного картографа от создания истинных карт и планов. Я стал бы заниматься этим, даже если бы мне запретили. Но, к счастью, никто ничего подобного не запрещал. Более того, я получил на этот счет точный приказ.

— От кого? — спросил Джоэнис.

— От высшего начальства. Те, кто возглавляют службу безопасности, пользуются подлинными планами, чтобы легче было дислоцировать и размещать вверенные им силы. Но, разумеется, подлинные планы служат им только для вящего удобства — это всего лишь клочок бумаги, с которым они сверяются столь же небрежно, сколь небрежно мы поглядываем на часы: сколько там натикало — полчетвертого или без двадцати четыре. Если нужно, они могут обходиться вовсе без планов, полностью полагаясь на собственные знания и власть.

— Если вы чертите для них настоящие планы, — сказал Джоэнис, — то уж наверняка можете подсказать мне, в какую сторону надобно двигаться.

— Нет, не могу, — сказал полковник. — Только высшие чины знают здание достаточно хорошо, чтобы ходить, куда им вздумается.

Полковник поймал взгляд Джоэниса и добавил:

— Я знаю, насколько безрассудными кажутся вам мои слова, но, видите ли, за один прием я вычерчиваю лишь небольшую часть всего здания. Никакой другой метод не дает благоприятных результатов, ибо здание очень велико и запутано. Чертеж я посылаю в вышестоящую инстанцию специальным курьером. Затем вычерчиваю следующую секцию, и так далее. Вероятно, вы

думаете, что я могу мысленно объединить мои знания об отдельных секциях и составить представление о всем здании в целом? Сразу скажу вам: нет, не могу. С одной стороны, существуют еще и другие картографы: они вычерчивают те части здания, которые я так никогда и не видел. Но даже если бы я лично собрал по кусочкам всю структуру воедино, я ни за что не смог бы соединить все части в полную картину. Любая секция здания кажется доступной моему пониманию, и я с величайшей точностью отображаю ее на бумаге. Но когда речь заходит о том, чтобы я охватил разумом *все* вычерченные мной бесчисленные секции, я совершенно теряюсь и не могу отличить одну от другой. А если я размышляю об этом слишком долго, у меня пропадают сон и аппетит, я начинаю много курить, ищу утешения в выпивке, и это плохо сказывается на работе. Порой я допускаю ошибки и не осознаю нанесенного ущерба, пока начальство не спускает мне часть плана на переработку. Это подрывает мою веру в собственные способности, и тогда я принимаю решение покончить с дурными привычками и с головой погружаюсь в работу: я продолжаю мастерски вычерчивать по одной секции за раз и более не забиваю себе голову всякими домыслами о здании в целом.

Полковник сделал паузу и потер глаза.

— Как вы можете догадаться, — продолжил он, — моих добрых намерений надолго не хватает, особенно когда я нахожусь в компании моих товарищей картографов. Обычно мы, картографы, тихий народ. Как и шпионы, мы предпочитаем делать свои дела в одиночестве и не обсуждать их друг с другом. Но одиночество, которое мы столь любим, иногда становится совершенно невыносимым, и тогда мы взламываем барьеры, установленные самой природой нашей профессии, и принимаемся горячо обсуждать здание, и каждый охотно и без всякой зависти выкладывает на общую чашу весов свой собственный крохотный довесок знаний, и мы все вместе склоняемся над неразрешимой загадкой и пытаемся постичь: что же это такое — наше здание? Но каждый раз мы делаем какое-нибудь очередное обескураживающее открытие.

— Как так? — спросил Джознис.

— А вот так, — сказал полковник. — Я говорил уже, что секции общего плана, которые мы вычерчиваем, иногда возвращают для переработки. Но когда мы — картографы — обмениваемся мнениями, то порой обнаруживаем, что двое из нас чертили одну и ту же секцию, причем каждый запомнил ее и отобразил по-своему. Разумеется, подобные ошибки — в природе человека и их следует ожидать. Но что приводит нас в замешательство — так это те случаи, когда начальство принимает обе версии. Можете вообразить себе чувства картографа, когда он узнает о чем-либо подобном!

— У вас есть какие-нибудь объяснения этому? — спросил Джознис.

— Ну, с одной стороны, у каждого картографа свой индивидуальный стиль, свои особенности метода; а отсюда — и вполне объяснимые расхождения. С другой стороны, даже самая блестящая память — ненадежный инструмент, поэтому, возможно, мы вовсе и не чертили одну и ту же секцию. Однако, по моему разумению, этих объяснений недостаточно, и только одно соображение представляется достаточно здравым.

— Какое же? — поинтересовался Джоэнис.

— Мне думается, что рабочие, выполняя приказ высокого начальства, постоянно перестраивают отдельные части здания. Я даже мельком видел людей, очень похожих на рабочих. Но если бы я и не видел их, я все равно считал бы, что этим все объясняется. Вдумайтесь. Начальство озабочено соображениями безопасности, а лучшая из возможных мер безопасности — это держать здание в постоянном тоне перемен. Далее, если бы здание пребывало в статике, достаточно было бы одной-единственной картографической съемки, между тем мы только и делаем что чертим да перечерчиваем. Наконец чем занимается большое начальство? Оно пытается управлять очень сложной и постоянно меняющейся мировой системой. Следовательно, если меняется система, то должно меняться и здание. Кое-где ремонт делается открыто, у всех на глазах. Любой может наблюдать за его ходом, не только картограф. Но иные перестройки совершаются сугубо в тайне. Именно по этим причинам охватить структуру здания целиком совершенно невозможно.

— Как же вы отыскиваете дорогу в собственный кабинет? — удивился Джоэнис.

— Увы, стыдно признаться, но в данной ситуации опыт картографа мне не помощник. Я нахожу свой кабинет таким же образом, каким все здесь отыскивают свои кабинеты — руководствуясь особым чутьем, которое сродни инстинкту. Большинство сотрудников не подозревают этого. Они считают, что в выборе дороги каким-то образом участвует интеллект, что память подсказывает им: «поворот налево», «поворот направо». Вы расхохотались бы — а может быть, и разрыдались, — если бы послушали, что эти люди твердят о нашем здании, хотя ни один из них в жизни не осмелился высунуть нос дальше коридора, ведущего к его кабинету. Только я, картограф, брожу по всему зданию, ибо такова моя работа. Иногда на территории, которую я уже миновал, происходят грандиозные перемены, неузнаваемо преобразующие ее облик. Что делать? Каким путем возвращаться? И тогда какое-то чувство — не разум и не знание — направляет меня к кабинету, точно так же, как управляет оно и прочими чиновниками.

— Понятно, — сказал Джоэнис, хотя на самом деле он ничего не понял и пребывал в полном замешательстве. — Значит, вы не знаете, как я должен поступить, чтобы попасть в указанный кабинет? Может быть, вы посоветуете, на что я должен обращать

внимание в поисках дороги? Какие-нибудь приметы или ориентиры?

— Я крупнейший знаток этого здания, — грустно молвил полковник. — И я мог бы рассказывать о нем целый год, ни разу не повторившись. Но, к несчастью, я не знаю ничего такого, что могло бы помочь вам в вашей исключительной ситуации.

— Как вы думаете, я когда-нибудь найду кабинет, в который меня послали? — спросил Джоэнис.

— Если поручение, ожидающее вас, на самом деле важное, — сказал полковник, — и если большое начальство на самом деле заинтересовано в том, чтобы вы нашли этот кабинет, — я уверен, перед вами не возникнет никаких трудностей. Но, с другой стороны, может статься и так, что ваше дело представляет важность только для вас самого и больше ни для кого другого, — тогда поиски, вне всякого сомнения, затянутся надолго. Правда, у вас есть официальные инструкции, но я подозреваю, что большое начальство время от времени посылает людей в воображаемые кабинеты — просто чтобы проверить надежность внутренней системы безопасности. Если вас постигла такая участь — тогда, действительно, шансы на успех крайне малы.

— Так или иначе, а перспективы у меня не очень-то радужные, — уныло произнес Джоэнис.

— Ну, дорогой мой, это риск, на который в данных условиях должен идти каждый из нас, — сказал полковник. — Шпионы подозревают, что руководители посылают агентов с опасными заданиями только для того, чтобы избавиться от них, а картографы подозревают, что их заставляют чертить планы только для того, чтобы занять руки и отвратить их от злонамеренной праздности. У каждого — свои сомнения, и я могу только пожелать вам наилучших успехов и выразить надежду на то, что ваши сомнения никогда не подтвердятся.

Сказав так, полковник пошел прочь по коридору.

Итак, Джоэнис отправился куда глаза глядят, подозревая, что коридоры за его спиной, возможно, уже изменили свой облик.

Он шагал по огромным залам и коридорам, вверх по лестницам, вниз по лестницам, по обходным галереям, по вестибюлям и холлам, снова по коридорам. Он подавлял в себе желание свериться с замечательным фальшивым планом, но в то же время не мог заставить себя выкинуть эту бумажку вон.

Непонятно, сколько прошло времени, но в конце концов Джоэнис смертельно устал. Теперь он находился в старинной части здания. Полы здесь были, большей частью, из дерева, а не из мрамора, доски сильно прогнили, и каждый шаг грозил опасностью. Стены, покрытые скверной штукатуркой, облупились, в них зияли дыры. В некоторых местах осыпавшаяся штукатурка обнажала проводку: было видно, что изоляция превратилась в труху, — того и жди пожара. Даже потолок не внушал доверия:

местами он вспучился, и Джоэнис опасался, что перекрытия обрушатся прямо ему на голову.

Когда-то здесь размещались различные отделы и службы, но теперь все исчезло, и помещения срочно нуждались в капитальном ремонте. Джоэнис даже углядел на полу брошенный рабочий молоток. Это убедило его, что ремонтные работы когда-нибудь возобновятся, но куда он не видел ни одного рабочего.

Совершенно потерявшийся, пребывая в сильнейшем упадке духа, Джоэнис лег на пол: крайняя усталость не оставляла никакого другого выхода. Он растянулся во весь рост и через минуту уже спал глубоким сном.

РАССКАЗ ТЕЗЕЙ

Джоэнис проснулся от неясного беспокойства. Вскочив на ноги, он услышал шаги человека, идущего по коридору. А вскоре и увидел того, кто производил эти звуки.

То был высокий мужчина во цвете сил, лицо его выдавало человека недюжинного ума и одновременно крайней подозрительности. Мужчина держал в руках большой моток тонкой проволоки, насаженный на спицу. Шествуя по коридору, он разматывал проволоку, которая ложилась на пол и змеилась там, тускло поблескивая.

Как только человек завидел Джоэниса, лицо его гневно нахмурилось, образовав жесткие складки. Он выхватил из-за пояса револьвер и прицелился.

— Стойте! — вскричал Джоэнис. — Я не сделал вам ничего плохого!

С видимым усилием взяв себя в руки, человек засунул револьвер за пояс. Глаза его, еще секунду назад совершенно бессмысленные и опасно блестящие, обрели нормальное выражение.

— Извините великодушно. По правде говоря, я принял вас за другого.

— Я похож на него? — поинтересовался Джоэнис.

— Не совсем, — сказал мужчина. — Но я что-то распустил нервы в этом чертовом здании и завел привычку сначала стрелять, а потом думать. Впрочем, моя миссия имеет настолько важное значение, что эти порывы горячий и чувствительной души, конечно же, простительны.

— Какова же ваша миссия? — спросил Джоэнис.

— Моя миссия, — гордо заявил незнакомец, — заключается в том, чтобы принести людям мир, счастье и свободу.

— Немало, — заметил Джоэнис.

— Меньшим я бы ни за что не удовлетворился, — сказал человек. — Хорошенько запомните мое имя. Меня зовут Джордж П. Тезей. Без ложной самонадеянности я надеюсь остаться в людской памяти как человек, который сокрушил диктатуру и освободил народ. Мой подвиг навеки останется символом муже-

ства и по праву будет считаться доброжелательнейшим и справедливейшим деянием.

— Какой подвиг вы намереваетесь совершить? — спросил Джознис.

— Я собираюсь собственноручно убить тирана, — сказал Тезей. — Этому человеку удалось добраться до вершин власти, и множество лежковерных дураков считают его благодетелем, потому что он отдает приказы о строительстве дамб на строптивых реках, и финансирует медицинскую помощь страждущим, и раздает пищу голодающим, и творит множество других подобных дел. Кое-кого это может обмануть, но меня вокруг пальца не обведешь.

— Если он действительно все это делает, — заметил Джознис, — тогда получается, что он на самом деле благодетель.

— Вы попались на удочку тирана, как попалоcь на нее множество людей, — сказал Тезей с горечью. — Не смею надеяться, что вы перемените свою точку зрения. Я не силен в науке убеждать, между тем как у этого человека состоят на службе лучшие пропагандисты. Мой единственный защитник — это будущее. В данный же момент я могу лишь рассказать вам, что знаю сам, — рассказать правду, какой бы грубой и отталкивающей она ни была.

— Буду вам очень признателен, — сказал Джознис.

— Для того, чтобы вершить добрые дела, этот человек должен был достичь высокого положения. Для того, чтобы достичь высокого положения, он раздавал взятки и сеял раздоры, убивал тех, кто вставал у него на пути, подкупал властительное меньшинство и обрекал на голод бедствующие массы. Наконец, когда он возымел поистине беспредельную власть, он занялся общественным переустройством. Но, разумеется, не из любви к обществу. Нет, он занялся этим, как вы или я занялись бы прополкой сада — единственно ради того, чтобы глаза могли отдыхать на чем-то приятном, а не созерцали бы уродства. Тираны всегда идут на все, чтобы добраться до власти, и потому порождают и увековечивают то самое зло, которое они, якобы, призваны искоренять.

Джознис был тронут словами собеседника, однако, подозрительность его до конца не улеглась: глаза Тезея опасно блестели. Поэтому Джознис заговорил, тщательно подбирая фразы:

— Я со всей определенностью понимаю, почему вы хотите убить этого человека.

— Нет, не понимаете, — мрачно заявил Тезей. — Вы, наверное, думаете, что у меня за душой — всего-то хвастливая болтовня да сумасбродные идеалы, что я вроде как благочестивый безумец с револьвером в руке. Ошибаетесь. Моя акция против тирана носит преимущественно личный характер.

— Как так? — удивился Джознис.

— Этот тип, — начал Тезей, — в частной жизни изъясляет вкусы столь извращенные, что они могут сравниться лишь с теми

звериными страстями, которые влекли его к власти. Обычно информацию, подобную этой, держат в тайне, или же высмеивают, объявив бреднями завистливых идиотов. Но я знаю правду.

Однажды тиран проезжал через мой родной город в своем бронированном черном «кадиллаке». Он восседал за пуленепробиваемым стеклом, попыхивал большой сигарой и время от времени махал рукой, приветствуя толпы народа. Вдруг его взгляд упал на маленькую девочку, и он приказал шоферу остановиться.

Его телохранители разогнали людей, и лишь немногие — те, кто наблюдали из окон подвалов и с крыш домов, — остались свидетелями последовавшей сцены. Тиран вышел из машины и подошел к маленькой девочке. Он предложил ей мороженое и конфеты и попросил ее сесть вместе с ним в автомобиль.

Некоторые из свидетелей поняли, что происходит, и бросились, чтобы спасти девочку. Но телохранители открыли огонь и убили этих людей. Они стреляли из бесшумных пистолетов, чтобы не испугать девочку. А потом сказали ей, что, мол, эти дяди решили немного поспать на улице.

В девочке все же проснулись какие-то подозрения. Что-то напугало ее: то ли красное, обливающееся потом лицо тирана, то ли его толстые трясущиеся губы. Окинув задумчивым взглядом пышное великолепие сластей и отметив нервные судороги исходящего похотью тирана, девочка приняла решение. Да, она сядет в машину, но лишь в том случае, если вместе с ней сядут ее товарищи по играм. Ужасно, до чего простодушна невинность: девочка считала, что она будет в безопасности среди своих друзей.

Тиран побагровел от радости. Было ясно, что он получил больше, чем предполагал даже в самых дерзких мечтах. «Чем больше — тем веселее», так гласил его зловещий лозунг. Дети стайкой слетелись к черному «кадиллаку». Они прибежали бы и без приглашения, потому что у тирана хватило ума включить автомобильный приемник на полную громкость, и оттуда доносилась чарующая музыка.

Музыка звенела, сласти лились потоком, — и вот тиран согнал всех детей в автомобиль и захлопнул дверцу. Телохранители, восседавшие на мощных мотоциклах, окружили машину тесным кольцом. Затем все умчались, спеша предаться позорнейшей оргии в одной из потайных комнат тирана, специально предназначенных для развлечений. О тех детях никто больше никогда не слышал. А девочка, как вы, наверное, уже догадались, была моей родной сестрой.

Тезей вытер глаза — слезы из них лились потоком.

— Теперь вы знаете те подлинные причины личного характера, по которым я собираюсь убить тирана, — сказал он Джознису. — Я должен искоренить зло, отомстить за моих павших товарищей, спасти бедных детей и, главное, отыскать мою несчастную сестру.

Джознис — а его глаза тоже были далеко не на сухом месте, — обнял Тезея и воскликнул:

— От всего сердца желаю удачи в вашем нелегком поиске!

— Мне не занимать решимости и коварства, столь необходимых в этом трудном деле, — сказал Тезей. — Начать с того, что я разыскал дочь тирана. Я втерся к ней в доверие, призвал на помощь все свое обаяние, и наконец она влюбилась в меня. Тогда я совратил ее и даже испытал некоторое удовлетворение от содеянного, ибо она не особенно отличалась возрастом от моей несчастной сестры. Она жаждала выйти за меня замуж, и я обещал жениться на ней, хотя скорее перерезал бы себе горло. Далее я, с большим хитроумием улучив момент, объяснил ей, что за человек был ее отец. Поначалу она не хотела мне верить — эта маленькая идиотка страстно любила своего отца-тирана! Но меня она любила еще сильнее, и постепенно убедилась в истинности всего, что я говорил. И вот — финальный шаг: я попросил, чтобы она помогла мне в деле убийства ее отца. Можете представить, как это было трудно! Эта ужасная девчонка не желала, чтобы ее папочку убивали: неважно, что он — само воплощение зла, неважно, что он творил жуткие вещи. Но я пригрозил, что брошу ее навсегда, и она, разрываясь между любовью ко мне и любовью к отцу, едва не сошла с ума. Снова и снова она умоляла меня забыть прошлое: ведь ни один акт мести не сможет стереть содеянного. Много дней подряд она удерживала меня, думая, что сможет убедить, заставить действовать так, как хочет она. Без конца объяснялась в любви, истерически клялась, что никогда и ни за что не допустит разлуки, а если случится так, что меня постигнет смерть, то она тогда убьет себя тоже. И говорила еще много подобных глупостей, которые я, как человек здравомыслящий, находил совершенно отталкивающими.

Наконец, я отвернулся от нее и стал прощаться. И тут вся ее непреклонность рухнула. Это маленькое чудовище согласилась помочь мне в убийстве — при том условии, что я дам клятву никогда не бросать ее. Конечно, я дал такую клятву. Я пообещал бы что угодно, лишь бы добиться требуемой помощи.

Она выдала мне то, что знала только она одна: а именно — рассказала, как в этом огромном здании найти кабинет ее отца. Также она дала мне моток проволоки, чтобы я мог отмечать свой путь, а потом вернуться, как только подвиг будет совершен.

— Как я понял, вы еще не нашли тирана? — спросил Джознис.

— Нет, еще не нашел, — ответил Тезей. — Как вы сами могли заметить, здешние коридоры очень длинные и извилистые. К тому же, мне не везет. Вот совсем недавно случайно выстрелил и убил человека в офицерской форме. Он внезапно вышел на меня, и я, не успев подумать, открыл огонь.

— Это был картограф? — спросил Джознис.

— Не знаю, кто он такой, — ответил Тезей, — но у него были полковничьи знаки различия, а лицо, вроде бы, доброе на вид...

Но еще больше я сожалею о той троице, которую застрелил в здешних коридорах. Должно быть, я очень невезучий человек.

— Кто они? — спросил Джоэнис.

— К моей величайшей скорби, это были трое из тех детей, во спасение которых я и пришел сюда. Должно быть, они улизнули из покоев тирана и пытались выбраться на свободу. Я застрелил их, так же как я застрелил офицера и так же как я едва не застрелил вас. Я невыразимо сожалею о случившемся, и решимость моя только возросла: тиран должен заплатить за все это сполна.

— Что вы сделаете с его дочерью? — спросил Джоэнис.

— Я не стану прислушиваться к своим естественным побуждениям и поэтому не убью ее, — сказал Тезей. — Но эта уродина, эта сучка никогда больше меня не увидит. И я буду только богу молиться, чтобы у тиранского отродья разорвалось сердце.

Сказав так, Тезей обратил свой гневный лик к тускло освещенному коридору, уходящему вдаль.

— А теперь я должен идти. Пора заканчивать работу. До свиданья, друг мой. Пожелайте мне удачи.

Тезей быстро пошел прочь, разматывая на ходу поблескивающую проволоку. Джоэнис подождал, когда он скроется за поворотом. Некоторое время еще слышались удаляющиеся шаги, затем все стихло.

Внезапно за спиной Джоэниса в коридоре появилась женщина.

Она была очень молода, совсем еще ребенок; глаза ее безумно блестели. Она молча шла следом за Тезеем и подбирала проволоку, которую тот укладывал на пол.

Миновав Джоэниса, она обернулась и окинула его диким взглядом, полным ярости и тоски. Она не произнесла ни слова, только приложила палец к губам, призывая к молчанию, и исчезла так же быстро, как и появилась. Джоэнис потер глаза, снова улегся на пол и заснул крепким сном.

Некоторые рассказчики утверждают, что пока Джоэнис находился в коридорах Октагона, с ним произошло множество приключений. Говорят, будто он встретился с Тремя Парками и будто бы эти древние старухи поведали ему о своих обязанностях и вожделениях, и тогда Джоэнис проникся пониманием проблем, стоящих перед богами, и уяснил способы, посредством коих они эти проблемы решают. Говорят также, что Джоэнис проспал на полу коридора двадцать лет и проснулся только после вмешательства Афродиты Пандемической, которая рассказала ему историю своей жизни. А когда Джоэнис выразил определенное не-

доверие к некоторым частностям ее истории, богиня превратила нашего героя в женщину. В этом облике Джознис прошел через множество трудностей и испытаний души (не говоря уже об испытаниях тела) и узнал немало любопытнейших вещей, которых мужчинам знать не дано. В конце концов, он признал правдивость рассказа Афродиты, и тогда богиня вернула ему мужское обличье.

Но перейдем сразу к последнему приключению Джозниса в Октагоне, которое началось как раз тогда, когда он спал крепким сном после встречи с Тезеем.

РАССКАЗ МИНОТАВРА

Джознис проснулся оттого, что кто-то грубо тряс его за плечо. Он вскочил на ноги и увидел, что коридор, в котором он заснул, превратился из старого запущенного помещения в светлый, современного вида вестибюль. Человек, который разбудил Джозниса, был необъятен в плечах, но еще более необъятен пузом, на его суровом лице читалось: «без дураков!» Совершенно невозможно было ошибиться, приняв этого человека за кого-нибудь другого: это мог быть только большой начальник.

— Вас зовут Джознис? — спросил начальник. — Что же, если вы проснулись окончательно, полагаю, мы можем приступить к работе.

Джознис выразил глубочайшее сожаление, что он спал вместо того, чтобы разыскивать кабинет, в который его послали.

— Пустяки, — сказал начальник. — Мы, конечно, соблюдаем здесь определенный протокол, но, по-моему, ханжами нас не назовешь. В сущности, это даже хорошо, что вы спали. Я размещался в совершенно другой части здания, и вдруг получаю срочный приказ от начальника Службы Безопасности перенести мой кабинет именно сюда и произвести любые ремонтные работы, которые я сочту необходимыми. Рабочие обнаружили вас спящим на полу и решили не беспокоить. Они трудились в полнейшей тишине и передвинули вас, только когда потребовалось заменить кусок пола, на котором вы лежали.

Джознис с растущим изумлением оглядывался по сторонам, оценивая, какую огромную работу проделали здесь, пока он спал. Он повернулся к двери кабинета, врезанной там, где раньше была только обветшавшая стена. На двери было аккуратно написано по трафарету: Комната 18891, этаж 12, уровень 6, крыло 63, подсекция АДЖБ-2. Это был тот самый кабинет, который он столько времени безуспешно искал.

— Удивляться нечему, — сказал начальник. — Это здесь совершенно в порядке вещей. Высшие начальники у нас не только в совершенстве знают здание и всю его начинку, но также осведомлены о передвижениях любого человека внутри здания. Лучшие других они знают о тех трудностях, с которыми сталкиваются здесь посетители; но, к несчастью, существуют и очень строгие

правила, воспреещающие помогать посторонним. Однако, начальники порой обходят эти правила, перенося свои кабинеты таким образом, чтобы они оказались под носом у взыскующих. Резонно, а? Теперь пойдемте внутрь и приступим к работе.

В кабинете был большой стол, заваленный горами бумаг, и три беспрестанно звонящих телефона. Начальник предложил Джоэнису присесть, пока он разберется с абонентами, и ответил на звонки с предельной оперативностью.

— Говорите! — заревел он в трубку первого телефона. — Что? Миссисипи опять выходит из берегов? Постройте дамбу! Постройте десять дамб, но наведите порядок! Когда закончите, направьте мне докладную.

— Да, слушаю вас! — закричал он во второй телефон. — Голод в Кастрюльной Ручке¹? Немедленно начинайте раздавать продукты! Крупно напишите мое имя на государственном складе!

— Успокойтесь, иначе я ни черта не разберу! — зарычал он в третий телефон. — Чума косит Лос-Анджелес? Немедленно доставьте туда вакцину и телеграфируйте мне, как только эпидемия будет под контролем.

Начальник бросил последнюю трубку и заметил:

— Эти идиоты помощники впадают в панику по каждому пустяку. Ребенок будет тонуть в ванночке — и эти рохли не вытащат его, не испросив прежде моей санкции!

Джоэнис слушал краткие и решительные разговоры начальника по телефонам, и в душу его закралось сомнение.

— Я не вполне уверен, — начал он, — но, кажется, есть тут один обиженный молодой человек, который...

— ...Который собирается предательски убить меня, — закончил начальник. — Не так ли? Что же, я позаботился об этом еще час назад. Не так-то просто застать врасплох Эдвина Дж. Минотавра! Того парня забрали мои телохранители. Вероятнее всего, его ждет пожизненное заключение. Только никому не говорите об этом.

— Почему? — удивился Джоэнис.

— Плохая реклама, — пояснил Минотавр. — Особенно эта интрижка с моей дочерью, которую парень между делом обрюхатил. Сколько раз я говорил этой приближенной, чтобы она приводила друзей в дом, но нет, ей приспичило украдкой бегать на свидания с анархистом!.. Мы опубликуем специально сфабрикованное сообщение, будто бы этот парень, Тезей, тяжело ранил меня, сбежал из-под стражи и женился на моей дочери. Вы-то по достоинству можете оценить такое сообщение.

— Не совсем, — сказал Джоэнис.

— Черт побери, да ведь оно вызовет рост симпатий в мой адрес! — вскричал Минотавр. — Люди будут искренне сочувствовать, когда узнают, что я на грани смерти. И еще искреннее

¹ Кастрюльная Ручка — название штата Западная Виргиния (америк. шутл.).

будут сочувствовать, узнав, что моя единственная дочь вышла замуж за убийцу. Видите ли, несмотря на то, что всем известны лучшие стороны моего характера, которые я продемонстрировал в деле, все-таки чернь меня недолюбливает... Эта история должна завоевать их сердца.

— Замысел очень оригинальный, — сказал Джознис.

— Спасибо, — сказал Минотавр. — Откровенно говоря, я уже довольно давно беспокоюсь о моей общественной репутации. И если бы не вылез этот кретин со своей проволокой и револьвером, мне пришлось бы кого-то нанять для той же цели. Надеюсь, что газеты подадут эту историю должным образом.

— А разве на этот счет есть какие-то сомнения? — спросил Джознис.

— О, они напечатают все, что я им прикажу, — заявил Минотавр с угрозой в голосе. — Найму человека, чтобы он написал об этом книгу, и еще будет пьеса, и кинофильм, снятый по книге. Будьте уверены, я выдою из этой истории все, что только можно.

— А что вы приказали им написать о вашей дочери? — спросил Джознис.

— Ну, значит, как я говорил, она выходит замуж за этого молодчика-анархиста. Затем, через год-другой, мы опубликуем сообщение об их разводе. Кстати, надо бы дать ребенку имя... Однако, бог знает, что эти идиоты напишут о моей бедной толстой маленькой Ариадне. Может быть, превратят ее в красавицу, рассчитывая, что это мне понравится. А всякие грязные подонки, которые любят читать такого сорта вещи, будут проливать слезы и просить еще. Человеческая раса, в значительной степени, состоит из лживых, ни на что не способных дураков. Я могу управлять ими, но будь я проклят, если понимаю их.

— А как там насчет детей? — спросил Джознис.

— Что вы имеете в виду — «насчет детей»? — спросил Минотавр, свирепо уставившись на него.

— Ну, это... Тезей говорил, что...

— Этот человек талантливый враль, но он явно сумасшедший, — заявил Минотавр. — Если бы только не мое высокое положение, я возбудил бы против него дело за диффамацию. Надо же — дети! Разве я похож на извращенца? Полагаю, мы можем благополучно опустить вопрос о детях. А теперь не пора ли нам вернуться к вашему заданию?

Джознис кивнул.

— Мы обладаем огромным запасом боеголовок и мощной системой ракет-носителей. Наша ракетная техника сделала гигантский шаг вперед. Реальным доказательством этого могут служить полевые учения боевых групп «Изи»¹, проведенные в прошлом году. На тех учениях всего лишь одна-единственная

¹ «Изи» — ядерное оружие калибра «Изи» (100 килотонн).

ракета «Гном» с улучшенной боеголовкой оказалась способной разнести на куски Ио, один из спутников Юпитера, на котором мы построили учебный макет русской базы. Однако, у русских и у китайцев тоже есть улучшенные ракеты. Таким образом, в нашей ракетной игре получается что-то вроде «пата». Правда, между русскими и китайцами может возникнуть определенная напряженность, но мы не в праве на это рассчитывать.

— А на что мы вправе рассчитывать? — спросил Джоэнис.

— Этого никто не знает, — сказал Минотавр. — Вот почему мы и посылаем вас туда. Самая главная сейчас проблема, Джоэнис, — это *информация*. На что противник способен? Что там вообще, черт побери, происходит?! Я знаю, что Джон Мадж из Координации Родов Войск объяснил вам, до какой степени нам нужна правда — пусть даже самая ужасная. И об этой правде нам должен прямо и откровенно сообщить человек, которому мы можем доверять. Осознаете ли вы всю серьезность задачи, которую мы возлагаем на вас, Джоэнис?

— Думаю, да, — сказал Джоэнис.

— Не нужно ни преуменьшать, ни преувеличивать то, что увидите. Наоборот — излагайте события как можно проще и объективнее.

— Я сделаю все от меня зависящее, — пообещал Джоэнис.

Затем Минотавр передал Джоэнису деньги и документы, которые могут понадобиться во время путешествия. А вместо того, чтобы выставить Джоэниса в коридор, где тот сам должен был бы искать дорогу к выходу, Минотавр открыл окно и нажал на кнопку.

— Я лично всегда пользуюсь только таким способом, — сказал он, помогая Джоэнису занять место рядом с пилотом вертолета. — С этими чертовыми коридорами одни хлопоты. Желаю удачи, Джоэнис. Помните о том, что я вам сказал.

Джоэнис заверил его, что будет помнить об этом всегда. Он был глубоко тронут доверием, оказанным ему Минотавром. Вертолет оторвался от здания и взял курс к Вашингтонскому аэропорту, где Джоэниса должен был ждать специальный реактивный самолет с автопилотом. Когда вертолет набирал высоту, Джоэнису показалось, что он услышал детский смех, доносившийся из комнаты рядом с кабинетом Минотавра.

В РОССИИ

(рассказано Пелуи с острова Пасхи)

Джоэнис поднялся на борт специального самолета и вскоре несся высоко над облаками по направлению к северному полюсу. Автоматически была подана пища, и для него одного показали кинофильм. Наконец, автопилот попросил Джоэниса пристегнуть ремни для посадки в московском аэропорту.

Посадка прошла безупречно, и люк распахнулся в столицу коммунистического мира.

Джоэниса встречали три представителя советского государства, в меховых шапках, пальто и отороченных мехом ботинках — необходимая защита от леденящих ветров, гуляющих по бескрайним равнинам. Они представились и проводили Джоэниса к автомобилю для поездки в Москву. В течение этой поездки Джоэнис имел возможность внимательнее рассмотреть людей, с которыми ему предстояло иметь дело.

Товарищ Славский порос бородой до самых глаз, в карих глубинах которых светилась полная отрешенность.

Товарищ Орусий был маленьким и чисто выбритым, и слегка прихрамывал.

Маршал Тригаск искрился энергией и производил впечатление человека, с которым надо считаться.

Они остановились на Красной Площади, у Дворца Мира. Внутри горел животворный огонь. Русские указали Джоэнису на удобное кресло и сели рядом.

— Не будем болтать попусту, — начал маршал Тригаск. — Предваряя предстоящую беседу, приветствую вас в нашей обожаемой Москве. Мы всегда рады видеть уполномоченных западных дипломатов. Мы не любим вилять и ожидаем ответной прямоты. Это единственный способ договориться. По пути в Москву вы могли бы заметить...

— Да, — вмешался Славский, — вы должны извинить меня, я прошу вашего прощения, но, надеюсь, по пути в Москву вы заметили маленькие белые пушинки падающего снега? И блеклое зимнее небо? Мне, право, очень жаль, может, и не следует мне говорить, но даже такой человек, как я, обладает эмоциями и порой чувствует необходимость выразить их. Природа, господа! Простите меня, но природа, да, в ней есть что-то...

— Достаточно, Славский, — оборвал маршал Тригаск. — Его превосходительство посол Президента Джоэнис время от времени, я уверен, замечает природу. Полагаю, мы можем обойтись без этих церемоний. Я человек простой и люблю говорить просто. Возможно, это покажется вам грубым, но так уж оно есть. Я солдат, и не умею цацкаться с дипломатическими любезностями. Я ясно выражаюсь?

— Да, вполне, — сказал Джоэнис.

— Превосходно, — продолжал маршал Тригаск. — В таком случае, каков ваш ответ?

— Мой ответ на что? — поинтересовался Джоэнис.

— На наше последнее предложение, — сказал Тригаск. — Вы ведь приехали сюда не на отдых?

— Боюсь, что вам придется повторить мне ваше предложение, — сказал Джоэнис.

— Оно очень простое, — сказал товарищ Орусий. — Мы всего лишь попросили ваше правительство распустить армию,

отказаться от колонии на Гавайях, предоставить нам Аляску (которая, между прочим, первоначально была нашей), а также отдать нам северную часть Калифорнии в знак доброй воли. На этих условиях мы обязуемся предпринять какие-то шаги, которые в настоящий момент я запомнил. Ну, что вы скажете?

Джознис попытался растолковать, что он не наделен полномочиями что-либо говорить, но русские не желали слушать. Поэтому, зная, что на подобные условия в Вашингтоне никогда не согласятся, он ответил «нет».

— Видите?! — воскликнул Орусий. — Я предупреждал, что они откажутся.

— Но ведь попытка — не пытка, не так ли? — небрежно ответил маршал Тригаск. — В конце концов, они могли сказать «да» ...А теперь перейдем к основному. Мистер Джознис, я хочу, чтобы вы и ваше правительство знали, что мы готовы отразить любую вашу агрессию.

— Наша оборона начинается в Восточной Германии, — подхватил Орусий, — и тянется по ширине от Прибалтики до Средиземноморья.

— А по глубине, — продолжал маршал Тригаск, — через Германию и Польшу, и большую часть европейской России. Вы можете осмотреть нашу оборону и лично убедиться в степени боеготовности. Более того, наша оборона полностью автоматизирована и куда более совершенна, чем оборона Западной Европы. Короче говоря, мы вас обогнали. Мы перезащитились и будем счастливы доказать это.

Вдруг заговорил Славский, некоторое время до тех пор не подававший признаков жизни.

— Вы увидите все это собственными глазами, друг мой! Увидите звездный свет, серебрищий оружейные жерла! Прошу прощения, но даже такой заурядный человек, как я, человек, которого можно принять за торговца рыбой или плотника, даже у такого человека бывает лирическое настроение. Воистину это правда, хотя вы и смеетесь, господа! Разве не сказал наш поэт:

«Темна трава,
Когда крадется ночь
Долой в печали».

Ага, вы не ожидали, что я буду читать стихи! Позвольте заверить вас, я вполне осознаю неуместность этого, и так стыжусь своего поведения, что вы не в состоянии себе представить, я порицаю это по существу, и все же...

Товарищ Орусий слегка встряхнул Славского за плечо, и тот замолк. Орусий сказал:

— Простите его, мистер Джознис. Он — ведущий теоретик партии, отсюда периодическая тенденция к самопроизвольной речи. Так на чем мы остановились?

— Мне кажется, я только что объяснил, — сказал маршал Тригаск, — что наша оборона в безупречном порядке.

— Совершенно верно, — подхватил Орусий. — Ваше правительство не должно обманываться на этот счет. И не должно придавать никакого значения Йингдравскому инциденту. Ваши пропагандисты наверняка подали его в искаженном виде.

— Я присутствовал там лично, — сказал маршал Тригаск, — и могу рассказать совершенно точно, что произошло. Мои части — Первая, Восьмая, Пятнадцатая и Двадцать пятая армии — проводили полевые учения под Йингдравом, возле границы с Китайской Народной Республикой. Во время этих учений мы были предательски атакованы бандой китайских ренегатов, купленных на западное золото и каким-то образом ускользнувших от пекинских властей.

— Я в то время был политическим комиссаром, — сказал Орусий, — и могу подтвердить правдивость слов маршала. Эти бандиты подобрались к нам под видом китайских Четвертой, Двенадцатой, Тринадцатой и Тридцать второй Народных армий. Естественно, мы информировали Пекин, а затем предприняли необходимые шаги, чтобы отогнать ренегатов за границу.

— Они, разумеется, настаивали, что это *они* отгоняют *нас* за границу, — иронично улыбаясь, сказал маршал Тригаск. — Именно таких заявлений мы и ожидали от бунтовщиков. Началось сражение. Тем временем, прибыло послание из Пекина. К сожалению, мы не смогли его прочесть и отправили в Москву для перевода. А пока сражение свирепствовало, и в течение недели стороны воевали, не покладая оружия.

— Пришел перевод, — продолжил Орусий. Он гласил: «Правительство Китайской Народной Республики с негодованием отвергает все подозрения на экспансионизм с его стороны, особенно по отношению к богатым пустующим землям, примыкающим к границам перенаселенного Китая. Никаких бунтовщиков на территории КНР нет, как их вообще не может быть в истинно социалистическом государстве. Поэтому прекратите свои воинственные атаки на наши миролюбивые границы».

— Можете представить себе нашу растерянность, — подхватил маршал Тригаск. — Китайцы настаивают, что никаких бунтовщиков у них нет, а мы сражаемся по меньшей мере с миллионом, и все в краденой форме китайской народной армии.

— По счастью, — сказал Орусий, — в качестве нашего советника прибыл высокий представитель Кремля. Этот человек был специалистом по Китаю. Он разъяснил, что мы можем не обращать внимания на первую часть относительно экспансионизма, так как это писалось в качестве приветствия. Вторая часть, относительно отсутствия бунтовщиков, предназначалась для поддержания престижа. Соответственно, он рекомендовал оттеснить бунтовщиков в Китай.

— Это, однако, оказалось весьма трудным, — сказал мар-

шал Тригаск. — Бунтовщики получили подкрепления в несколько миллионов вооруженных людей. Благодаря подавляющему численному преимуществу они оттеснили нас до Омска, по пути разграбив Семипалатинск.

— Видя, что ситуация может приобрести серьезный оборот, — сказал Орусий, — мы призвали резервы и пополнились не менее, чем двадцатью армиями. Затем мы достойно перебили бунтовщиков без счета, а остальных прогнали через весь Синьцзян до Цзюцюаня.

— Мы решили, что этим дело и кончится, — сказал маршал Тригаск, — и шли на Пекин, чтобы обменяться взглядами с правительством Китайской Народной Республики, когда бунтовщики внезапно возобновили атаку. Теперь их насчитывалось около 50 миллионов. К счастью, не все были вооружены.

— Даже у западного золота есть пределы, — заметил Орусий.

— Мы получили другое послание из Пекина. В переводе оно требовало немедленно покинуть территорию Китая и прекратить нападение на обороняющиеся части Народной армии.

— Мы-то поняли это буквально, — сказал Орусий. — Но с дьявольским восточным коварством они таким образом составили послание, что, прочитанное наоборот, оно гласило стихами:

«Как прекрасна гора,
Плывущая по реке,
Мимо моего сада».

— Самым ироничным было то, — продолжал маршал Тригаск, — что ко времени, когда мы его расшифровали, нас заставили отступить от границ Китая через всю Азию до Сталинграда. Там мы стали насмерть, уничтожили миллионы врагов и были отброшены до Харькова, где стали насмерть, и снова были отброшены — до Киева. И опять мы были отброшены, и стали насмерть под Варшавой. К тому времени сложившаяся ситуация стала рассматриваться нами как серьезная. Мы собрали армии Восточной Германии, Польши, Чехословакии, Румынии, Венгрии и Болгарии. Албанцы предательски присоединились к грекам, которые вместе с югославами ударили в нас с тыла. Мы отбили нападение и сосредоточили силы на главном направлении на восток. Теперь мы атаковали китайских бунтовщиков полной мощью на всем протяжении семисотмильного фронта. Противник покатылся назад, прямо до Кантона, который мы уничтожили.

— Там, — продолжал Орусий, — бунтовщики бросили в бой последние резервы, и мы отступили до границы. После перегруппировки несколько месяцев велись приграничные бои. Наконец, по взаимной договоренности, обе стороны отвели свои войска.

— Я все равно хотел продолжать атаку, — сказал маршал

Тригаск, — но более осторожные руководители указали, что у меня осталось всего несколько тысяч измотанных людей, которым предстояло сдерживать сильно побитых, но все еще неохладевших бунтовщиков. Это бы меня не остановило, но мой коллега Орусий резонно подметил, что теперь это стало внутренним делом Китая. Так закончился Йингдравский инцидент.

— Должен добавить, что на Западе неведом истинный масштаб этой стычки, так как ни мы, ни Китай об этом не сообщали, а донесениям отдельных наблюдателей никто не поверил. Вы, вероятно, удивляетесь, почему мы так подробно рассказываем об этом вам?

— Действительно, — согласился Джознис.

— Мы рассказываем вам, потому что нам известны ваши симпатии, *товарищ Джознисский*.

— Простите? — сказал Джознис.

— О, мы знаем. У нас есть свои способы получать информацию. От нас не укрыть даже самые грязные махинации американского Конгресса. Нам известно о прокоммунистической речи, произнесенной вами в Сан-Франциско и о расследовании на подкомиссии сената. Мы видели, как за вами следила американская секретная полиция, так как мы следили за ними. И, разумеется, коллеги Арнольда и Рональда Блейков сообщили нам о больших услугах, оказанных вами нашему общему делу, и о том хитроумии, с которым вы избегали всяких контактов с ними. Наконец, мы наблюдали, каких успехов вы достигли, втираясь в доверие правительства и занимая ключевые посты. Таким образом, мы говорим: «Добро пожаловать домой, товарищ!»

— Я не товарищ, — ответил Джознис, — и служу американскому делу в меру своих способностей.

— Хорошо сказано, — одобрил Тригаск. — Кто знает, кто нас может подслушивать? Вы превосходно скрывали свою истинную личность, и я больше этот вопрос поднимать не намерен. Напротив, мы хотим, чтобы вы сохранили свою легенду, *мистер Джознис*, потому что именно в таком качестве вы представляете для нас наибольшую ценность.

— Правильно, — согласился Орусий. — Больше к этому не возвращаемся. Судите сами, *мистер Джознис*, какую часть Йингдравских событий вам следует передать. Молва о разногласиях с союзниками может подтолкнуть ваше правительство к переговорам, а?

— Не забудьте сообщить им, — вставил Тригаск, — что наши ракетные силы находятся в полной готовности, хотя обычные пехотные части в некоторой степени потрепаны. Наши полностью вооруженные ракетные части находятся также на Луне, Марсе и Венере. По первому сигналу они готовы обрушить разящий меч.

— Правда, дать сигнал несколько затруднительно, — сказал Орусий. — Между нами говоря, наши космонавты столкнулись с

неблагоприятными условиями. На Луне они живут глубоко под поверхностью, чтобы укрыться от солнечной радиации, и постоянно заняты производством пищи, воды и воздуха. Такое положение дел осложняет связь.

— На Венере, — сказал Славский, — настолько влажный климат, что металлы ржавеют со страшной скоростью, а пластмассовые и растительные изделия разлагаются прямо на глазах. Это плохо отражается на радиооборудовании.

— На Марсе, — сказал Тригаск, — существуют крошечные червеобразные создания невероятной злобности. Лишенные разума, они прогрызают что угодно, даже металлы. Если не идти на чрезвычайные ухищрения, то вся аппаратура, не говоря уже о людях, становится буквально изрешеченной этими ужасными созданиями.

— Я рад, что перед американцами стоят те же проблемы, — сказал Орусий. — Они тоже отправили экспедиционные силы на Луну, Марс и Венеру. Но так как мы попали туда первыми, то, следовательно, эти планеты принадлежат нам. А теперь, Джознис, мы должны предложить вам подкрепиться.

Джозниса накормили досыта йогуртом и черным хлебом, то есть всем, чем могли в данный момент. Потом они отправились с ним к его самолету, чтобы показать линию обороны.

Вскоре Джознис увидел внизу бесконечные ряды пушек, минных полей, колючей проволоки, пулеметов и дотов, замаскированных под фермы, деревни, города, тройки, дрожки и тому подобное. Джознис, однако, не увидел людей, и это напомнило ему слухи о состоянии дел в Западной Европе.

Они вернулись в московский аэропорт, и русские отбыли, пожелав Джознису удачи по возвращении в Вашингтон.

Перед тем, как уехать, товарищ Славский сказал ему:

— Помните, мой друг, что все люди — братья. О, вы наверно смеетесь над такими возвышенными чувствами пьяницы, на которого нельзя положиться даже в выполнении работы. И я не виню вас за этот смех, как не виню своего шефа, Россколенко, за то, что тот ударил меня вчера по уху и сказал, что я лишусь работы, если снова покажусь пьяным. Я не виню Россколенко, я люблю этого ужасного человека как брата, даже хотя знаю, что снова напьюсь, и он меня уволит. И что тогда будет с моей старшей дочерью, Грустикайей, которая терпеливо гладит мои рубашки и не клянет меня, когда я краду ее жалкие сбережения на выпивку? Вижу, что вы презираете меня, и не виню вас. Нет человека более презренного, чем я. Можете поносить меня, господи, и все же я человек образованный, у меня есть благородные чувства, великое будущее открывалось когда-то передо мной...

На этом месте самолет Джозниса взлетел, и Джознис не имел возможности дослушать речь Славского до конца, если только у нее был конец.

Лишь позже, когда Джознис перебирал в памяти все увиден-

ное и услышанное, он понял, что в войне нет необходимости, нет даже предлога для сражений. Силы хаоса захлестнули Советы и Китай, как захлестнули Западную Европу. Но нет причины повторяться этому в Америке.

Вот такое донесение, со всеми подробностями, и отправил Джознис вперед себя в Вашингтон.

ИСТОРИЯ ВОЙНЫ

(глава, рассказанная Телеу с Хуахина)

Джознис сел на специальный реактивный самолет, и вскоре он уже был высоко в воздухе.

Печально рассказывать дальше... Когда Джознис пролетал над Калифорнией, автоматическая радарная станция приняла его самолет за вторгшийся самолет противника и открыла огонь, выпустив по нему серию ракет класса «воздух—воздух». Этим трагическим инцидентом и открылась начальная стадия великой войны.

История войн изобилует ошибками подобного рода. Но в Америке двадцать первого века, когда доверие и привязанность людей к машинам стали поистине безграничными, такая ошибка должна была привести к самым ужасным последствиям.

Объятый ужасом, Джознис зачарованно следил, как ракеты на полной скорости неслись к его самолету. Затем он ощутил, что самолет резко лег на крыло, — это автопилот, обнаружив опасность, дал залп своими антиракетами в целях самозащиты.

Этот удар вызвал ответную атаку со стороны ракетных станций наземного базирования. Некоторые из этих станций были автоматическими, другие — нет, но все мгновенно отозвались на сигнал «чрезвычайной обстановки». А тем временем самолет Джозниса израсходовал весь свой боезапас.

Впрочем, что касается запаса хитрости, которым его снабдили проектировщики, то самолет не потерял его ни в малейшей степени. Автопилот переключил радиостанцию на волну, на которой шел радиообмен между землей и ракетами, и возвестил тревогу, объявив, что его атакуют, и что все ракеты, находящиеся в воздухе, суть вражеские цели, которые следует уничтожить.

Эта тактика возымела определенный успех. Те ракеты, что постарше, не отличались хитроумием и не могли атаковать самолет, который они считали своим. Однако, новые ракеты, более искусные и изощренные, были обучены ждать от неприятеля именно таких коварных трюков. Поэтому они усилили натиск, в то время как старые ракеты отчаянно бились на стороне одиночного самолета.

Когда битва между ракетами была в полном разгаре, самолет Джозниса отвильнул и благополучно ушел от огня. Оставив

зону боя далеко позади, он молнией унесся к своему родному аэропорту в Вашингтоне, округ Колумбия.

Прибыв туда, Джоэнис отправился на эскалаторе в Главный Командный Пункт, располагавшийся под землей на глубине семисот футов. Здесь его сразу же подвергли допросу. От Джоэниса добивались, чтобы он рассказал о характере совершенного на него нападения и опознал противника. Но единственное, что Джоэнис знал наверняка, — это то, что какие-то ракеты его атаковали, а какие-то другие держали оборону.

Об этом Командный Пункт уже знал, и офицерам не оставалось ничего другого, как приняться за допрос автопилота, который вел самолет Джоэниса.

Поначалу автопилот давал уклончивые ответы, поскольку никто не мог вспомнить нужный секретный код, на который автомат отзывался. Но после того, как код подобрали, он заявил, что над Калифорнией их самолет атаковали ракеты наземного базирования, и некоторые из этих ракет принадлежали к совершенно не известному ему типу.

Все эти, а также прочие данные, касающиеся ракетного удара, были заложены в Калькулятор Вероятности Войны, который сразу же выдал следующие варианты, приведенные здесь в порядке убывающей вероятности:

1. На Калифорнию напал Коммунистический Блок.
2. На Калифорнию напали нейтральные страны.
3. На Калифорнию напали члены Западного Альянса.
4. На Калифорнию напали пришельцы из космоса.
5. На Калифорнию вообще никто не нападал.

Калькулятор также выдал все вероятные комбинации и перестановки этих пяти возможностей и выстроил из них систему альтернативных подвозможностей.

Офицеры, обслуживающие Калькулятор, были совершенно ошеломлены огромным количеством вероятностей, подвероятностей, возможностей и подвозможностей, свалившимся им на голову. Они надеялись выбрать наиболее вероятное утверждение и, основываясь на нем, действовать. Но Калькулятор Вероятности Войны не дал им этого сделать. По мере поступления новых данных, вычислительная машина пересматривала и уточняла вероятности и, не останавливаясь ни на секунду, перестраивала и перегруппировывала их, добиваясь все новых сочетаний. Листки уточненных данных, помеченные грифом «КРАЙНЕ СРОЧНО», машина изрыгала со скоростью десятки штук в секунду, и среди них, к полной досаде обслуживающего персонала, ни один не повторял другого.

И все же машина делала только то, что делал бы на ее месте идеальный офицер разведки: рассматривала все проверенные донесения, схватывала их суть, оценивала вероятность, выдавала рекомендации на базе той информации, которая относилась к

делу и поддавалась вторичной проверке, и никогда не настаивала на прежней точке зрения из чистого упрямства или гордости, — напротив, охотно шла на пересмотр любого суждения, если к тому побуждали новые данные.

Разумеется, Калькулятор Вероятности Войны не отдавал приказов; это оставалось делом чести мужчин, и ответственность всегда возлагалась на человека. Равным образом, нельзя было винить компьютер и в том, что он не мог явить целостную, правдивую и непротиворечивую картину боевых действий над Калифорнией: такую картину просто невозможно было явить. И эта невозможность проистекала из самого характера ведения войны в двадцать первом веке.

Давно уже не было такого, чтобы командир собственной персоной выступал во главе войск и обозревал взглядом ряды противостоящей армии, сомкнувшейся за спиной вражеского генерала. И чтобы форма противных сторон резко отличалась по цвету. И чтобы враг размахивал боевыми знаменами и распевал воинственные песни, — и чтобы это складывалось в безошибочную картину чувственного восприятия, не оставлявшую ни малейших сомнений касательно физического присутствия противника, его сущности и опознания характерных черт.

Те дни давно канули в прошлое. Приемы войны шли нога в ногу с промышленной цивилизацией, становясь все более сложными и все более машинизированными, а военная техника все дальше и дальше отодвигалась от людей, которые были призваны ею командовать. Генералам приходилось удаляться от передовой на все большие и большие расстояния, дабы поддерживать уверенную связь со всеми людьми, вступившими в схватку, и со всеми машинами, брошенными в бой.

Не удивительно, что офицеры группы обслуживания в конце концов вернулись к тем пяти главным возможностям, которые Калькулятор выдал в самом начале, признали их равновероятными и вынесли на рассмотрение генерала Пустойга, главнокомандующего Вооруженными Силами. Он и должен был принять окончательное решение.

Пустойг был в курсе всех проблем современной войны. Изучив пять вариантов выбора, отданного в его руки, он с великой тоской осознал, насколько же зависит человек, обязанный принять разумное решение, от базисной информации. Он понимал также, что информация поступает к нему от чрезвычайно дорогостоящих машин, которые порой не могут отличить гуся от ракеты, машин, которым требуются в помощь целые полки высококвалифицированных специалистов, обученных обслуживать, чинить, улучшать и ублажать их любыми способами. И еще Пустойг знал, что даже при всей этой заботе, которой люди окружали машины, — может быть, именно в силу этой заботы, — машинам нельзя по-настоящему доверять. Создания были ничем не лучше создателей, в сущности, они даже походили на своих

творцов, переняв у них множество худших черт. Как и люди, машины часто бывали не в духе, или начинали вдруг проявлять чрезмерное усердие, а иные даже впадали в кататонический ступор. Кроме того, они еще имели слабость поддавать под эмоциональное влияние работающих на них людей — операторов. Фактически, те из машин, что сильнее других поддавались внушению, были не более чем продолжением личности оператора.

Перед лицом обилия проблем генерал Пустойг все же оставался человеком, которого специально обучали принимать решения. И вот, наконец, в последний раз окинув взором все пять вариантов выбора, быстро прогнав в памяти свой жизненный опыт и перебрав различные точки зрения, Пустойг снял телефонную трубку и отдал приказ.

Мы так и не знаем, какую из пяти возможностей выбрал генерал, и в чем заключалась суть приказа. Это не имеет никакого значения. Боевые действия совершенно вышли из-под контроля генерала, и он уже был не властен ни довести атаку до конца, ни дать отбой, он вообще был не в силах хоть как-то оказать влияние на ход сражения. Бой развивался неуправляемо, и обстановка менялась с нарастающей быстротой — ведь машины были как-никак наполовину самостоятельными организмами.

Подбитая калифорнийская ракета пронзительно завопила высоко в небесах и рухнула на мыс Канаверал во Флориде, стерев половину военно-воздушной базы. Оставшая половина собралась с силами и нанесла ответный ракетный удар по врагу, явно окопавшемуся в Калифорнии. Прочие ракеты, поврежденные, но не уничтоженные, рвались по всей стране. Командующие войсками в Нью-Йорке, Нью-Джерси, Пенсильвании и многих других штатах также нанесли ответные удары. Подобным же образом среагировали и автоматические ракетные базы. И у людей, и у машин хватало разведывательных сводок, на основании которых можно было вынести такое решение. По правде говоря, перед тем как линии связи оборвались окончательно, на тех и других обрушился просто ливень донесений, предусматривающих любые повороты событий.

По всей Калифорнии и по всей Западной Америке этот ответный удар вызвал новый ответный удар — встречный. Здешние военачальники решили, что враг — кто бы он ни был — захватил плацдармы, и без колебаний пустили в ход атомные боеголовки.

События развивались с ужасающей быстротой. Местные военачальники и их машины, подвергшиеся чудовищному обстрелу, старались продержаться как можно дольше. Может быть, кое-кто еще и ждал особых распоряжений, но под конец дрались уже все, кто только мог драться, и неразбериха порождала новые разрушения, и в конце концов гибель докатилась до самых отдаленных уголков континента. А вскоре процветающая машинная цивилизация полностью исчезла с лица земли.

В то время, как происходили все эти события, Джоэнис — совершенно ошарашенный — стоял в Главном Командном Пункте и наблюдал, как одни генералы отдавали приказы, а другие генералы отменяли их. Джоэнис с самого начала видел все собственными глазами, но так до сих пор и не разобрался, кто же противник, или хотя бы где он.

В этот момент Командный Пункт сотрясся от мощного толчка. Хотя он находился во многих сотнях футов под землей, он тоже подвергся нападению — в атаку шли особые землеройные машины.

Джоэнис всплеснул руками, чтобы удержать равновесие, и вцепился в плечо какого-то молоденького первого лейтенанта. Лейтенант обернулся, и Джоэнис сразу же узнал его.

— Лам! — вскричал он.

— Привет, Джонсик! — выпалил в ответ Лам.

— Как ты здесь оказался? Да еще в лейтенантской форме? — И что ты делаешь в армии? Да еще в лейтенантской форме?

— Ну, старик, — сказал Лам, — это необыкновенная история. И тем более странная, что я, в общем-то, не из тех, кого называют «военной косточкой». Впрочем, я очень рад, что ты задал мне этот вопрос.

Командный Пункт потрянуло еще раз, и многих офицеров швырнуло на пол. Но Лам умудрился сохранить равновесие и не сходя с места поведал Джоэнису, как он поступил на военную службу.

КАК ЛАМ ПОСТУПИЛ НА ВОЕННУЮ СЛУЖБУ (записано со слов Лама, текст приводится по «Книге Фиджи», каноническое издание)

Ну, старик, значит, утек я из Дома «Холлис» для Невменяемых Преступников вскоре после тебя, подался в Нью-Йорк и сразу же затесался в одну клевую компашку, с ходу накокаинился на всю катушку и полетел высоко-высоко. Я ведь, понимаешь, всю жизнь был на короткой ноге с мескалином; вот и подумал, что кокаин — это так, старомодная штучка, а в тот вечер попробовал, ну и забалдел.

Привиделось мне, будто я вроде Флоренс Найтингейл¹, и должен лечить всю страждущую боевую технику в мире. Чем больше я размышлял, тем больше укреплялся в этом решении, и тем тоскливее мне становилось — я все думал о бедных несчастных старых пулеметах с прогоревшими стволами, о танках с проржавевшими звеньями гусениц, об истребителях с поломанными шасси и о всем таком прочем. Я думал об ужасных муках,

¹ Флоренс Найтингейл (1820—1910) — известная в Великобритании деятельница.

через которые прошла вся эта бессловесная боевая техника, и пришел к выводу, что я просто обязан лечить и утешать ее.

Можешь представить, я был под хорошими парами, и вот в таком состоянии направился маршевым шагом к ближайшему вербовочному пункту и с ходу записался, чтобы быть поближе к несчастным машинам.

Наутро проснулся, смотрю — уже в казарме. Ну, конечно, я сразу очухался, если не сказать — перетрусил. Выскочил наружу и бросился искать этого чертового сержанта-вербовщика, который воспользовался тем, что я был под балдой. Но, оказывается, он уже вылетел в Чикаго, чтобы провести агитацию в каком-то борделе, расписывая прелести военной службы. Тогда я бегу к командиру части — сокращенно КЧ — говорю, мол, помимо прочего, я наркоман и совсем недавно содержался в заведении для невменяемых преступников, мол, могу документально подтвердить и то, и другое. Дальше — больше. Говорю, дескать, у меня всякие нехорошие наклонности, и я страх как боюсь огнестрельного оружия, и еще слеп на один глаз, и вообще спина болит. Плюс ко всему, говорю, меня по закону нельзя зачислять в армию, смотри закон о поступлении на военную службу, статья 123, параграф «С».

КЧ посмотрел мне прямо в глаза и улыбнулся так, как только кадровые вояки да «фараоны» могут улыбаться. И говорит: «Солдат! Сегодня первый день твоей новой жизни, поэтому я склонен посмотреть сквозь пальцы на то, что ты нарушил устав и обратился ко мне не по форме. А теперь, будь добр, катись отсюда к черту и ступай к сержанту за распоряжениями».

Когда я не сделал ни того, ни другого, он перестал улыбаться и заявил: «Слушай, солдат, никому нет дела до причин, которые побудили тебя поступить на военную службу. И точно так же никому нет дела до того, что ты вчера, так сказать, нанюхался до чертиков. Что касается многочисленных немощей, о которых ты упомянул, то можешь не беспокоиться. Наркоманы прекрасно управляют с делами в органах стратегического планирования, и никто не посмеет вышучивать подвиги, совершенные Гомосексуальной Бригадой во время последней полицейской акции в Патагонии. Все, что от тебя требуется, — это быть хорошим солдатом, и тогда ты увидишь, что армейский распорядок — это лучший образ жизни. И не цитируй на каждом углу закон о воинской службе, словно ты «гауптвахтный юрист», это может не понравиться моим сержантам, и они сделают из твоей башки котлету. Понял? Вижу, что понял. Теперь мы разобрались, что к чему, и я на тебя зла не держу. В сущности, я хочу поздравить тебя и поблагодарить за тот патриотический пыл, который побудил тебя вчера вечером подписать специальный контракт на пятьдесят лет службы без всяких оговорок. Отлично, солдат! А теперь катись к черту...»

И вот, значит, вышел я из кабинета и думаю, что же мне

делать дальше: ведь это из тюрьмы или из сумасшедшего дома можно сбежать, а из армии — никогда. Я уж совсем было пал духом, и вдруг меня вызывают, производят во вторые лейтенанты и включают в состав личного штаба генерала Пустойга, а это в здешнем начальстве самый главный начальник.

Поначалу я думал, что всему причиной — моя смазливая внешность, но потом выяснилось, что дело совсем не в этом. Оказывается, когда я записывался в армию — залетев высоко-высоко под «кокой», — то указал в графе «специальность»: «сводник». Эта запись попала на глаза офицерам, которые занимаются комплектацией особых групп по специальностям. Они доложили генералу Пустойгу, и тот немедленно отдал приказ о моем переводе.

Поначалу я понятия не имел, что мне делать, поскольку никогда в этой области не подвизался. Но другой генеральский сводник — или офицер по особым поручениям, как его культурно называют, — подсказал мне, как и что. С тех пор я по четвергам организую для генерала Пустойга вечеринки, ибо ночь с четверга на пятницу — единственное «окно», когда генерал свободен от своих военных обязанностей. Работа непыльная, потому как все, что от меня требуется, — это позвонить по одному из телефонов, указанных в «Руководстве по отдыху и развлечениям личного состава Вашингтонского района обороны». Или же, в случае крайней нужды, я посылаю депешу в Управление Поставок для Вооруженных Сил, которое имеет отделения во всех крупных городах. Генерал выразил мне благодарность за квалифицированную работу, и я должен признаться, что армия — вовсе не столь мрачное и ужасное место, как мне ранее представлялось.

Вот, Джоэнис, теперь ты знаешь, что привело меня сюда. Говоря как адъютант и близкий друг генерала Пустойга, могу тебе доложить, что эта война — с каким бы дьяволом мы там ни воевали — не могла попасть в более надежные руки. Думаю, это важно знать всем, поскольку о людях, занимающих высокое положение, сплошь и рядом врут напропалую.

Кроме того, Джонсик, по-моему, мне следует обратить твое внимание на то, что на Командном Пункте только что произошел взрыв — не иначе как намек на грядущие большие перемены. Так, погасли несколько лампочек, и вроде дышать становится труднее. Ну что же, поскольку в наших услугах здесь явно не нуждаются, предлагаю выйти из игры и побыстрее унести отсюда ноги, если это еще в наших возможностях.

Ты со мной, Джонсик? Старик, ты в порядке?

ПОБЕГ ИЗ АМЕРИКИ

(глава, рассказанная Паауи с Фиджи)

Джоэнис был контужен — по той причине, что рядом с его головой произошел небольшой взрыв. Лам оттащил его к лифту, который увлек друзей еще глубже в недра земли. Когда дверь

лифта открылась, они очутились в широком коридоре. Прямо перед ними была надпись, гласившая: «Подземная аварийно-спасательная магистраль, только для особо уполномоченных».

— Не знаю, можем ли мы считать себя особо уполномоченными, — сказал Лам, — однако, времена такие, что о формальностях лучше позабыть. Джоэнис, ты в состоянии разговаривать? Там впереди должна быть тележка, которая домчит нас до... черт побери, до такого места, где мы, как я от души надеюсь, будем в безопасности. Об этой системе мне рассказывал генерал. Я доверяю старому хрену.

Они нашли тележку в том месте, где Лам и предполагал, и много часов ехали под землей, пока наконец не выскочили на поверхность на восточном побережье штата Мэриленд. Перед ними открылся Атлантический океан.

Здесь энергия Лама иссякла: он решительно не знал, что делать дальше. Зато Джоэнис полностью обрел способность соображать и присутствие духа. Взяв Лама под руку, он направился к пустынному берегу. Там друзья повернули на юг и шли несколько часов, пока не вышли к заброшенной маленькой гавани.

Из множества парусных судов, которые покачивались на волнах в акватории порта, Джоэнис выбрал одну яхту и принялся переносить на нее продукты, воду, карты и навигационные приборы — все, что обнаружилось на прочих судах, снаряженных когда-то для дальних плаваний. Работа не была закончена и наполовину, когда над головами друзей пронеслись, завывая, ракеты, и Джоэнис решил отчаливать, не теряя более ни секунды.

Судно было уже в нескольких милях от берега, когда Лам встрепенулся, огляделся по сторонам и спросил:

— Эй, старик, куда это мы направляемся?

— На мою родину, — ответил Джоэнис. — На остров Манитуатуа в южной части Тихого океана.

Лам поразмыслил немного над услышанным и сказал:

— Вроде как неслабое путешествие получается, а? Я к тому, что придется ведь огибать мыс Горн, и тогда вся эта музыка растянется примерно так на восемь-десять тысяч миль, верно?

— Что-то вроде этого, — согласился Джоэнис.

— Может, передумаешь, и вместо этого поплывем в Европу? Так-то будет всего-навсего три тысячи миль?

— Я плыву домой, — твердо заявил Джоэнис.

— Ага. Ну ладно, — сказал Лам. — В гостях хорошо, а дома лучше. Но для такого путешествия у нас вроде не очень здорово с водой и продуктами, а по пути вряд ли что-нибудь попадется. К тому же, у меня лично нет полной уверенности в непотопляемости этого судна. По-моему, оно уже начало течь.

— Все правильно, — сказал Джоэнис. — Но, кажется, течи можно заделать. А что касается воды и продуктов, то будем надеяться на лучшее. Честное слово, Лам, я не знаю другого места, куда еще стоило бы плыть.

— Порядок, — сказал Лам. — Я же не выпендриваюсь. Просто пришли в голову кое-какие мыслишки, и я подумал, может, удастся их обсосать. Нет — так нет. Стало быть, я, как и ты, буду надеяться на лучшее. И вот еще какая идея: может быть, пока мы совершаем этот увеселительный круиз, ты начнешь писать мемуары? Во-первых, не исключено, что получится увлекательное чтение, а во-вторых, они помогут опознать наши несчастные иссохшие трупы, когда кто-нибудь наткнется на это суденышко.

— Я вовсе не убежден, что нам придется погибнуть, — сказал Джоэнис. — Хотя должен признать, что вероятность этого события весьма велика. А почему ты сам не хочешь писать мемуары?

— Может, и набросаю главку-другую, — ответил Лам. — Но большую часть пути я собираюсь размышлять о людях и правительствах и о том, как их можно улучшить. На эту задачу я брошу все резервы моих пропитанных наркотиками мозгов.

— По-моему, это просто замечательно, Лам! — воскликнул Джоэнис. — У нас, у обоих, есть много чего рассказать людям. Если только, конечно, мы найдем людей, которым можно все это рассказать.

Вот так, в полном согласии, и пустились Джоэнис и его верный друг в плавание по темнеющему морю, вдоль опасных берегов, навстречу далекой и неопределенной цели.

КОНЕЦ ХОЖДЕНИЯ

(глава, написанная Издателем с привлечением всех доступных источников)

Излишне распространяться о путешествии друзей вдоль берегов двух Америк, вокруг мысла Горн и затем на северо-запад, к островам, лежащим в южной части Тихого океана. Достаточно упомянуть, что испытания, выпавшие на долю Джоэниса и Лама, были суровы, а опасности, с которыми они сталкивались, — многочисленны. Но с равным успехом то же самое можно сказать и о великом множестве моряков, которые плавали по океанам во все времена — включая и наше собственное. Что-как ни глубочайшее сочувствие могут вызвать у нас рассказы о том, как Джоэнис и Лам страдали от лучей тропического солнца, как их швыряли ураганы, как у них кончились продукты и вода, как их суденышко получило пробоину, потеряло мачту, как с подветренной стороны они увидели опасные рифы, и так далее и потому подобное. Однако, отдав дань соперевживания, попутно отметим, что все эти детали мы встречали и в других рассказах о переходах на малых судах. Это единообразие, конечно, не умаляет ценности приобретенного опыта, но зато вполне может вызвать определенное падение читательского интереса.

Сам Джоэнис тоже никогда не распространялся об этом ужасном путешествии, поскольку его интересовали совершенно иные вещи. А что касается Лама, то, говорят, единственным его ответом на вопрос, какие ощущения он испытывал во время плавания, было: «Ну, старик!..»

Поэтому переходим сразу к финалу путешествия, когда Джоэниса и Лама, изголодавшихся, но живых, целехоньких, но бесчувственных, волны выбросили на берег, и заботливые обитатели Манитуатуа вернули их к жизни.

Придя в чувство, Джоэнис сразу осведомился о своей возлюбленной Тонделаё, которую он оставил на островах. Но эта пылкая девушка устала ждать, вышла замуж за рыбака с островов Туамото и теперь растила двух сыновей. Джоэнис с достоинством воспринял этот факт и переключил свое внимание на мировые события.

Он обнаружил, что война оказала весьма малое воздействие на Манитуатуа и соседние архипелаги. Эти острова, которые давно уже выпали из контакта с Азией и Европой, вдруг потеряли связь с Америкой. Поползли слухи один нелепее другого. Кто-то утверждал, что приключилась большая война, в которой все крупные государства Земли уничтожили друг друга. Иные валили вину на пришельцев из космоса, обладавших, якобы, невероятно злобным нравом. Третьи говорили, что никакой войны не было вовсе, а случился великий мор, который и привел к общему краху всей Западной цивилизации.

Эти и многие другие теории вызывали жаркие дискуссии прежде, спорят о них и теперь. Ваш издатель придерживается той же точки зрения, что и Джоэнис: это была спонтанная и хаотическая вспышка военных действий, кульминационным пунктом которых стало самоуничтожение всей Америки, последней из великих цивилизаций Старого Света.

Слухи множились с неудержимой силой. Высоко над головой иногда пролетали ракеты. Большинство из них безобидно плюхались в воду, но одна ракета упала на Молотеа и полностью разрушила восточную половину этого атолла, унеся семьдесят три жизни. Американские ракетные базы, расположенные, в основном, на Гавайях и Филиппинах, ждали распоряжений, которые так и не пришли, и командиры баз неустанно бились над проблемой отождествления противника. Последняя ракета плюхнулась в море, и больше их не стало. Война закончилась. Старый свет сгинул без следа, словно его никогда и не было.

Все эти дни Джоэнис и Лам пребывали в сознании, но по-прежнему испытывали слабость. Только спустя несколько месяцев после окончания войны они смогли восстановить силы. И наконец, настал день, когда каждый ощутил в себе готовность сыграть *свою* роль в формировании новой цивилизации.

Как ни печально, но они взирали на свое призвание с разных точек зрения и так и не смогли прийти к серьезному соглашению. Они пытались сохранять дружеские узы, но с каждым днем это становилось все более трудной задачей. Их последователи пытались сглаживать острые углы, а некоторые всерьез полагали, что эти двое, которые столь страстно ненавидели войну, вполне могли начать войну между собой.

Но этому не суждено было случиться. Влияние Джоэниса на островах южной части Тихого океана — от Нукухивы на западе до Тонга на востоке — было неоспоримым. Тогда Лам со своими последователями загрузил продовольствием некоторое количество каноэ и отплыл на восток, направляясь, минуя Тонга, к Фиджи, где идеи Лама подогрели нешуточный интерес. К этой поре оба — и Джоэнис, и Лам — достигли уже расцвета зрелости, и они распрощались друг с другом, охваченные великой печалью.

Последние слова Лама, обращенные к Джоэнису, были таковы:

— Что же, старик, как я понимаю, каждый лабух должен знать, когда ему пора лабать. Но, веришь ли, если по правде, то я готов шизануться, видя, как мы с тобой пляшем в разные стороны. Ведь мы с тобой, Джонсик, прошли через все это с самого начала, и мы единственные, кто *знает*. Поэтому, хотя я и думаю, что ты не прав, бей всю дорогу в одну точку, паря, и время от времени давай о себе знать. Мне будет не хватать тебя, старик, поэтому не перегибай палку.

Джоэнис рассыпался примерно в таких же выражениях. Лам уплыл на Фиджи, где его идеи упали на благодатнейшую почву. Даже в наши дни Фиджи остаются центром Ламизма, и фиджийцы не говорят на диалекте английского языка, которому дал начало Джоэнис, а предпочитают объясняться на том диалекте, на котором говорил Лам. Некоторые эксперты считают даже, что это самая чистая и наиболее древняя форма английского языка.

Основную идею философии Лама лучше всего передать его собственными словами — в том виде, в каком они записаны в «Книге Фиджи»:

«Слушай, вся эта история приключилась так, как она приключилась, не почему-то там, а из-за машин.

Стало быть, машины плохие.

Они, к тому же, сделаны из металла.

Так что металл еще хуже. То есть, в металле — все зло.

Значит как только мы избавимся от всего этого чертового металла, всюду будет полная лафа».

Это, конечно, только часть учения Лама. Он также выдвинул четкие теории о пользе интоксикации и иступленного веселья

(«Давайте кайфовать!»); об идеальном поведении («Не будем липнуть друг к другу»); о границах влияния общества на личность («Не давайте обществу ездить на вас»); о пользе хороших манер, терпимости и взаимоуважения («Не следует лажать ближних»); о значимости объективно обусловленных ощущений («Я секу в корень, без понта»); о кооперации в рамках общественной структуры («Клево, когда все лабухи трубят дружно»)... — и о множестве прочих вещей, так что эти теории охватывали почти все стороны человеческой жизни. Эти примеры взяты из «Книги Фиджи», где полностью собраны все изречения Лама вкупе с примечаниями.

В те ранние дни Нового Мира фиджийцев больше всего заинтересовала теория Лама о природе зла: будто бы зло изначально коренится во всех металлах. Будучи по натуре людьми предприимчивыми и склонными к далеким путешествиям, они снарядили большие флотилии и пустились на них в плаванья под предводительством Лама, имея целью топить в море металл всюду, где только он отыщется.

Во время этих экспедиций фиджийцы собрали под свои знамена новых сторонников зажигательного ламистского вероучения. Идея уничтожения металлов облетела все острова Тихого океана, и фиджийцы, проповедуя ее, добирались и до Австралии, и до побережья Америк. Их подвиги увековечены во множестве песен и устных рассказов — особенно это касается той работы, что они проделали на Филиппинах и — с помощью маори — в Новой Зеландии. Только в конце столетия, через много лет после смерти Лама, фиджийцы смогли завершить свое титаническое предприятие на Гавайях, — таким образом, острова Тихого океана простились примерно с девятью десятymi своих запасов металлов.

К тому периоду, когда слава фиджийцев достигла апогея, этот неистовый народ быстро завоевал многие острова, с которыми вошел в контакт. Однако, в численности фиджийцы сильно проигрывали, поэтому завоевания не выдержали испытания временем. Какое-то время фиджийцы правили на Бора-Бора, Райатеа, Хуахине и Оаху, однако, впоследствии местное население либо поглотило их, либо выгнало вон. Словом, большинство фиджийцев, наконец, в полной мере оценили точное высказывание Лама, относившееся ко всем островам, которые не входили в фиджийский архипелаг: «Сделал дело — свали со сцены; главное, не околачивайся где не надо и не будь букой».

Так закончилась фиджийская авантюра.

В отличие от Лама, Джоэнис не оставил после себя собрания философских трудов. Он никогда не выражал свое явное неудовольствие металлами, наоборот — был к ним совершенно равнодушен. Он с недоверием относился к законам, даже к самым удачным, хотя в то же время признавал, что они необходимы. По Джоэнису, закон мог быть хорошим только тогда, когда происте-

кал из самой природы людей, отправляющих правосудие. Когда природа этих людей менялась — а Джоэнис полагал, что сие неизбежно, — менялась и природа законов. И следовало искать новые законы и новых законодателей.

Джоэнис учил, что люди должны активно стремиться к добродетели, и в то же время признавал, что это стремление сопряжено с крайними трудностями. Величайшая из этих трудностей, как считал Джоэнис, заключалась в том, что все в мире, включая людей и их добродетели, постепенно меняется, и человек, взыскующий добра, вынужден, таким образом, расстаться с иллюзией неизменности всего сущего, разобраться в переменах, происходящих в нем самом и в ближних, и сосредоточить свою добродетель на беспрестанном поиске островков преходящей стабильности в бурном море жизненных метаморфоз. Этот поиск, указывал Джоэнис, мог завершиться успехом лишь при большом везении, — объяснить сей феномен невозможно, но элемент удачи имеет неимоверно важное значение.

Джоэнис всегда особо останавливался на превосходстве добродетели над пороками, подчеркивал настоятельную потребность в волевом действии и упирал на недостижимость совершенства. Некоторые утверждают, что в старости Джоэнис проповедовал совершенно иные вещи; он учил, что мир — не более чем страшная игрушка, которую смастерили злые боги, и эта игрушка вышла в форме театра, где боги ставят для собственного развлечения бесконечные пьесы, создавая людей и используя их в качестве действующих лиц и исполнителей. Боги ставят перед актерами проблемы и получают колоссальное удовольствие, наблюдая за спектаклем марионеток, которые разгуливают с напыщенным видом, переполненные сознанием собственной значительности, и убеждены в том, что занимают важное место в миропорядке, — они предполагают, будто им уготовано бессмертие, и пытаются это научно доказать, и трудятся в поте лица, чтобы разрешить дилеммы, которые поставили перед ними боги. Боги покатываются со смеху, взирая на спектакль, и ничто не может доставить им большее наслаждение, чем вид какой-нибудь маленькой марионетки, которая исполняется решимости прожить жизнь безгрешно и умереть достойно. Боги всегда аплодируют этому и смеются над абсурдностью смерти — единственной вещи, которая лишает смысла любые решения, принятые человеком. Но даже и это еще не самое страшное. Со временем боги устанут от своего театра и от маленьких человечков, они уберут их подальше, снесут театр и обратятся к иным развлечениям. Пройдет еще немного времени, и даже сами боги не вспомнят, что где-то когда-то существовал такой народец — люди.

Эта концепция не характерна для Джоэниса, и ваш Издатель полагает, что она недостойна его. Мы всегда будем хранить в памяти образ Джоэниса в расцвете сил и лет, когда он нес людям проповедь надежды.

Джознис жил достаточно долго, чтобы видеть смерть старого мира и рождение нового. Расовый состав у нас смешанный, но по большей части мы — полинезийцы, меланезийцы и микронезийцы. Ваш издатель, который обитает на острове Гавайки, считает, что существующие ныне мир и процветание находятся в прямой зависимости от малых размеров наших островов, их многочисленности и больших расстояний между ними. Это делает совершенно невозможным тотальное завоевание островов какой-нибудь одной группой и в то же время позволяет отдельно взятой личности с легкостью покинуть данный остров, если он ей чем-либо не нравится. Таковы наши преимущества, которых были лишены обитатели континентов прошлого.

Конечно, у нас есть свои трудности. Между архипелагами по-прежнему вспыхивают войны, хотя масштаб их невыразимо скромнен по сравнению с войнами прежних эпох. Все еще существуют социальное неравенство, преступления и болезни; но эти несчастья никогда не вырастают до таких размеров, чтобы сокращать островные сообщества. Жизнь меняется, и эти перемены, как видно, частенько несут с собой не только веяния прогресса, но и зло; однако перемены происходят в наши дни гораздо медленнее, чем в прошлые лихорадочные времена.

Возможно, эта неспешность перемен проистекает отчасти из великого дефицита металлов. Небольшие порции металла иногда выкапывают из земли на Филиппинах, но они крайне редко поступают в обращение. Ламистские общины все еще активны, они крадут весь металл, какой только удастся найти, и топят его в море. Многие из нас чувствуют, что эта иррациональная ненависть к металлу — лишь прискорбное наследие прошлого; но мы по-прежнему не можем найти ответ на старинный вопрос Лама, который до сих пор звучит едкой насмешкой в устах ламистов.

Вопрос этот гласит: «Послушай, парень, ты когда-нибудь пробовал построить атомную бомбу из кораллов и кокосовой скорлупы?»

Так и идет жизнь в наши дни. Мы осознаем, что, как это ни грустно, наши мир и процветание покоятся на развалинах общества, самоуничтожение которого и сделало возможным наше существование. Но такова судьба всех обществ, и мы не можем здесь ничего изменить. Тем, кто оплакивает прошлое, следовало бы заглянуть в будущее. Те группы фиджийских ламистов, которые отваживаются пускаться в дальние морские путешествия, донесли вести о кое-каком шевелении диких племен, населяющих ныне американские континенты. В настоящий момент этих разрозненных, пугливых дикарей еще можно игнорировать: но кто знает, что принесет нам будущее?

Что касается финала Хождения Джозниса, то о нем рассказывают следующее. Лам встретил смерть в возрасте шестидесяти девяти лет. Он возглавлял очередной поход разрушителей металла, и ему проломил голову дубинкой некий здоровенный

гаваец, который пытался защитить свою швейную машинку. Последними словами Лама были: «Ну, что же, ребята, я отправляюсь на Большой Балдеж в Небесах, где управляет Самый что ни на есть Великий Наркоман на свете».

Сказав так, он умер. Это было последнее запротоколированное выступление Лама по вопросу религии.

Джозниса ожидал совершенно иной конец. На семьдесят третьем году жизни Джознис, будучи с официальным визитом на богатом острове Моореа, узрел на берегу какое-то движение и направился туда, чтобы выяснить, в чем дело. Там он обнаружил человека, принадлежащего к его собственной расе, который приплыл к острову на плоту. Одежда незнакомца была в лохмотьях, его члены были жестоко обожжены солнцем, но во всем остальном этот человек пребывал в добром состоянии духа и тела.

— Джознис! — вскричал человек. — Я знал, что вы живы, и был уверен, что найду вас. Ведь вы Джознис, не так ли?

— Так, — сказал Джознис. — Но боюсь, что мы с вами не знакомы.

— Я Чевоиз, — сказал человек. — Как в «Чево изволите?» Я тот самый похититель бриллиантов, которого вы встретили в Нью-Йорке. Теперь вспомнили меня?

— Вспомнил. Но зачем вы разыскиали меня?

— Джознис, наша беседа тогда длилась всего несколько мгновений, но она оставила неизгладимый след в моей душе. Моим делом жизни стали вы и только вы. Потребовалось много сил и много времени, чтобы собрать воедино все, что вам может понадобиться, но я ни перед чем не останавливался. Мне оказывали помощь, я получал знаки внимания на высшем уровне, и был доволен. Затем грянула война, и трудностей стало намного больше. Я вынужден был многие годы скитаться по изуродованному лику Америки, разыскивая то, что вам могло бы потребоваться в будущем, и наконец, я завершил свой труд и прибыл в Калифорнию. Оттуда я отправился под парусом к островам Тихого океана и в течение многих лет переезжал от острова к острову. Я часто слышал о вас, но никак не мог найти. Но я не падал духом. Я всегда помнил о тех трудностях, с которыми пришлось столкнуться *вам*, и в этих воспоминаниях черпал свои силы. Я знал, что ваша работа имеет отношение к завершающей стадии истории человечества, но моя работа имела отношение к завершающей стадии *вашей* истории.

— Все это в высшей степени поразительно, — сказал Джознис спокойным голосом. — Мне кажется, дорогой Чевоиз, что вы, вероятно, не совсем в своем уме, но для меня это не имеет никакого значения. Мне очень жаль, что я причинил вам столько хлопот. Но я понятия не имел, что вы меня разыскиваете.

— А вы и не могли иметь такого понятия, — сказал Чевоиз. — Даже вы, Джознис, не в состоянии знать, кто или что вас разыскивает, пока вас не нашли.

— Хорошо, — согласился Джоэнис, — вот меня и нашли. Кажется, вы упомянули, что у вас для меня что-то есть?

— Несколько вещичек, — сказал Чевоиз. — Я преданно хранил и лелеял их, поскольку они совершенно необходимы для завершения вашей истории.

С этими словами Чевоиз извлек клеенчатый сверток, который был примотан к его телу. Сияя от счастья, он передал сверток Джоэнису.

Джоэнис развернул пакет и нашел там следующее:

1. Записку от Шона Фейнштейна, который сообщал, что взял на себя издержки по пересылке всех этих вещей, а также по снаряжению Чевоиза, которому выпала роль связника. Он выражал надежду, что у Джоэниса все в порядке. Что касается его самого, что он вместе с дочерью Диердри спасся от катастрофы, бежав на остров Сангар, расположенный в двух тысячах миль от побережья Чили. Там он стал торговцем и со временем добился на этом поприще немалых успехов, а Диердри вышла замуж за местного парня, человека прилежного и с широким кругозором. Шон Фейнштейн искренне надеялся, что приложенные к записке документы будут для Джоэниса ценным подарком.

2. Короткую записку от доктора, с которым Джоэнис встретился в Доме «Холлис» для Невменяемых Преступников. Доктор писал, что он хорошо помнит интерес Джоэниса к пациенту, который возмнил себя богом. Поскольку Джоэнис проявил в этом вопросе искреннюю любознательность, доктор прилагал к записке единственное письменное свидетельство, которое оставил после себя тот сумасшедший, — клочок бумаги, что был найден на его столе.

3. План Октагона, заверенный официальной печатью Управления Картографии и подписями высших начальников. Рукой самого Главы Октагона на плане было начертано: «Точный и окончательный». План гарантировал любому посетителю быстрый и безотлагательный доступ в любую часть здания.

Джоэнис долго разглядывал все эти вещи, и лицо его камелено, обретая сходство с выветревшимся гранитным останком. Долгое время он стоял неподвижно и пошевелился только тогда, когда Чевоиз попробовал заглянуть в бумаги из-за его плеча.

— Я же хочу по справедливости! — вскричал Чевоиз. — Всю дорогу я вез эти бумаги и ни разу не взглянул на них. Да, мой дорогой Джоэнис, я имею полное право хотя бы мельком увидеть план и просто обязан одним глазком заглянуть в бумажку, оставленную сумасшедшим.

— Нет, — ответствовал Джоэнис. — Эти документы были посланы не вам.

Чевоиз пришел в ярость, и жителям деревни пришлось сдерживать его, чтобы он не вырвал бумаг силой. Несколько дере-

венских жрецов, просяще глядя в глаза Джоэниса, направились было к нему, но он попятился от них с выражением такого ужаса на лице, что люди подумали — еще секунда, и он швырнет все в море. Однако Джоэнис не сделал этого. Он судорожно прижал документы к груди и поспешил прочь, убегая по крутой тропе, поднимавшейся в горы. Жрецы последовали за ним, но вскоре потеряли Джоэниса из виду в густом подлеске.

Они спустились к морю и сказали людям, что Джоэнис скоро вернется, что он просто ненадолго отлучился, желая изучить бумаги в одиночестве. Люди ждали и не теряли надежды еще много лет, даже после смерти Чевоиза. Но Джоэнис так никогда и не спустился с гор.

Спустя почти два столетия некий охотник отправился ползти по крутым склонам Моореа в поисках горных козлов. Вернувшись, он заявил, что видел очень старого человека, который сидел перед входом в пещеру и разглядывал какие-то бумаги. Охотник заметил, что бумаги давно выгорели на солнце и вылиняли под дождем, так что на них остались лишь неясные пятна, совершенно не поддающиеся чтению, да и старик, кажется, давным-давно ослеп от неустанного вглядывания в тексты.

— Как вы можете читать эти бумаги? — спросил охотник.

— Мне незачем читать, — ответил старик. — Я выучил их наизусть.

Тут старик поднялся на ноги и направился в пещеру, и через несколько мгновений ничто уже здесь не напоминало о старике — будто его никогда и не было.

Правдива ли эта история? Мог ли Джоэнис — несмотря на невероятный возраст — все еще жить в горах и размышлять о высших секретах ушедшей эпохи? А если даже так, могут ли записки сумасшедшего и план Октагона иметь какое-нибудь значение для наших дней?

Этого мы никогда не узнаем. Три экспедиции были посланы в то место, и ни одна из них не нашла следов человеческого обиталища, хотя пещера существует на самом деле. Исследователи считают, что охотник, скорее всего, был пьян. Они резонно доказывают, что Джоэнис от тоски и печали повредился в уме, поскольку слишком поздно получил важнейшую информацию; что он убежал от жрецов и жил отшельником наедине со своими выпцветающими бесполезными бумагами; и что в конце концов он умер в каком-нибудь недоступном месте.

Это объяснение представляется вполне благоразумным. Но обитатели Моореа, воздвигли возле пещеры скромную усыпальницу.

СОДЕРЖАНИЕ

ТОГО ЖЕ И ВАМ — ВДВОЙНЕ! Рассказы

Того же и вам — вдвойне! <i>Перевод А. Санина</i>	5
Из луковицы в морковь. <i>Перевод В. Баканова</i>	12
Застывший мир. <i>Перевод В. Бука</i>	23
Игра: вариант по первой схеме. <i>Перевод М. Черняева</i>	30
Доктор Вампир и его мохнатые друзья. <i>Перевод Н. Галь</i>	33
Человек по Платону. <i>Перевод И. Гурова</i>	42
Роботерапия. <i>Перевод М. Черняева</i>	50
«Извините, что врываюсь в ваш сон...» <i>Перевод М. Загот</i>	59
Мнемон. <i>Перевод В. Баканова</i>	63
Прогулка. <i>Перевод В. Баканова</i>	69
Заметки по восприятию воображаемых различий. <i>Перевод В. Баканова</i>	75
Через пищевод и в космос с тантрой, мантрой и капчатыми колесами. <i>Перевод М. Черняева</i>	79
Па-де-труа шеф-повара, официанта и клиента. <i>Перевод В. Баканова</i>	81
Записки о Лангранаке. <i>Перевод В. Баканова</i>	90
Чумной район. <i>Перевод В. Бука</i>	94
Случай в боевом вылете. <i>Перевод М. Черняева</i>	98

ОБМЕН РАЗУМОВ. Роман. <i>Перевод Н. Евдокимовой</i>	105

КООРДИНАТЫ ЧУДЕС. Роман. <i>Перевод В. Гринева</i>	191

ХОЖДЕНИЕ ДЖОЭНИСА. Роман. <i>Перевод В. Баканова и В. Бабенко</i>	291

Отзывы и пожелания просим присылать по адресу:
117218 Москва, ул. Красикова, д. 27.
ИДВ РАН. ПОО «Фабула»

CONTENTS

«CAN YOU FEEL ANYTHING WHEN I DO THIS!» — New York, Doubleday, 1971; as «The Same to You Doubled and other Stories» — London, Pan, 1974.

The Same to Yuo Doubled	5
Cordle to Onion to Carrot	12
The Petritied World	23
Game: First Schematic	30
Doctor Zombie and His Little Furry Friends	33
The Oruel Equations	42
Can You Feel Anything When I Do This?	50
Starting from Seratch	59
The Mnemone	63
Tripout	69
Notes on the Perception of Imaginary Differences	75
Down the Digestive Tract and the Cosmos with Mantra, Tantra, and Specklebang	79
Pas de Trois of the Chef and the Waiter and the Oustomer ...	81
Aspects of Langranak	90
Plague Circuit	94
Tailpipe to Disaster	98
«MINDSWAP» — New York, Delacorte, Press, 1966	105
«DIMENTION OF MIRACLES» — New York, Dell, 1968	191
«JOURNEY BEYOND TOMORROW» — New York, New American Library, 1962. «Journey of Joenes» — London, Sphere, 1978	291

Литературно-художественное издание

ШЕКЛИ Роберт

СОБРАНИЕ СОЧИНЕНИЙ

Том 4

Составитель серии

А. Корженевский

Редактор Г. Кондрашев

Художник С. Шехов

Технический редактор Т. Луговская

Младший редактор М. Грушецкая

Корректор М. Жильцова

Подписано в печать с готовых диапозитивов 11.07.94.

Формат 60×90/16. Бумага офсетная.

Гарнитура «Таймс». Печать офсетная.

Усл. печ. л. 26,00. Усл. кр.-отт. 27,00.

Уч.-изд. л. 28,57. Тираж 30 000 экз.

Заказ № 4-258.

ПОО «Фабула»

117218, Москва, ул. Красикова, 27.

Книжная фабрика им. М. В. Фрунзе,
310057, Харьков, ул. Донец-Захаржевского, 6/8.



**Robert
SHECKLEY**



**Can You Feel
Anything When
I Do This?**

**Mindswap
Dimention
of Miracles
Journey Beyond
Tomorrow**